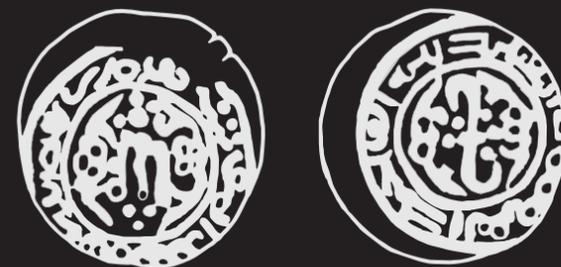

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ УРБАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА

К.М. БАЙПАКОВ

**ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
УРБАНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
КАЗАХСТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

К.М. БАЙПАКОВ

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

*по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции*

Книга III часть 1

**Урбанизация Казахстана
в XIII – первой половине XV в.**

Алматы 2016

УДК
ББК
Б

Издание осуществляется в рамках междисциплинарной
Программы Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
«Народ в потоке истории»

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК*

Ответственный редактор

Б.Е. Кумеков
Академик НАН РК,
доктор исторических наук

Научный редактор

Т.В. Савельева
доктор исторических наук

Рецензенты

Б.А. Байтанаев, член-корр. НАН РК, доктор исторических наук
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Байпаков К.М.

Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в.

/ Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции).
Книга III, часть 1. – Алматы, 2016. - 594 с., ил., цв. вклейка.

ISBN

В книге освещается развитие городов и городской культуры Казахского ханства в XIII – первой половине XV в. Рассматривается важный этап урбанизации позднесредневекового Казахстана, связанный с монголо-тимуридской эпохой. Исследуются вопросы локализации городов, характеристика городищ, топография и планировка, кварталы и жилища, общественные сооружения, ремесла и торговля, религиозные воззрения и духовная жизнь. Основой послужили материалы раскопок Южно-Казахстанской комплексной экспедиции, которая работает на территории Казахстана более 45 лет.

УДК
ББК

ISBN

© Байпаков К.М., 2016
© Институт археологии МОН РК, 2016
© Казахстанское Археологическое Общество, 2016

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА, ПРИАРАЛЬЯ И ЮГО-ЗАПАДНОГО ЖЕТЫСУ В XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.:	
ИСТОРИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ	15
Города Южного Казахстана и Приаралья	15
Города Юго-Западного Жетысу	50
Города Северо-Восточного Жетысу	65
Города Центрального Казахстана	82
Города Западного Казахстана	83
ГЛАВА II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ПАМЯТНИКОВ XIII-XV вв. В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ	
И ПРИАРАЛЬЕ: РАСКОПКИ, СТРАТИГРАФИЯ, ЗАСТРОЙКА	91
Городище Отрартобе и жилая застройка	91
Жилища второй половины XIII – первой половины XIV в	140
Жилища второй половины XIV-XV в.	143
Общественные постройки: бани	147
ГЛАВА III. ЗАСТРОЙКА ГОРОДОВ ЖЕТЫСУ	
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА	157
Юго-Западное Жетысу	157
Северо-Восточное Жетысу	183
Изучение городищ Центрального Казахстана	217
Общественные постройки: хаммам в средневековом Каялыке	222
ГЛАВА IV. РАСКОПКИ ГОРОДИЩ	
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА	239
Городище Сарайчик (Сарайджук)	239
Городище Жайык. Топография и городское жилище	247
Городище Актобе	270
Городище Кзыл-кала	275
Застройка городища Жалпактал	276
Характер и особенности городского жилища	
Западного Казахстана	279
ГЛАВА V. ГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛА	283
Гончарное ремесло	283
Керамический комплекс городов Жетысу	325
Керамика Западного Казахстана	332
Стеклоделие	344
Косторезное ремесло, обработка дерева и камня	345
Украшения из золота	346
Серебряных дел мастера	348

Медницкое и бронзолитейное ремесла	354
Металлургическое ремесло и изготовление изделий из железа ...	363
Кирпичеобжигательное ремесло	370
Производство кыра	379
Печь для выжига извести на городище Жайык	381
ГЛАВА VI. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ	385
Караванные пути и товары.	385
Импортные товары	406
Монетные дворы и денежное обращение на территории Казахстана в XIII-XIV вв.	425
Денежное обращение на территории Казахстана во второй половине XIV - первой половине XV в.	448
ГЛАВА VII. РЕЛИГИИ И КУЛЬТЫ В ГОРОДАХ КАЗАХСТАНА в XIII - первой половине XV в.	453
Ислам	453
Мечети	454
Ханака	468
Мавзолеи знати и выдающихся личностей	470
Жетысу и Центральный Казахстан	482
Мавзолеи Центрального Казахстана	487
Западный Казахстан	495
О появлении и развитии архитектурной формы мавзолеев Казахстана	504
Мавзолеи рядового населения	506
Буддизм	511
Манихейство	522
Христианство	524
Культы	528
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	529
ҚОРЫТЫНДЫ	542
CONCLUSION	555
ЛИТЕРАТУРА	567
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	592

Введение

Развитие средневековой городской культуры Казахстана, достигшей своего расцвета в XI – начале XIII в., было прервано завоевательными походами татаро-монгольских войск.

Когда в 1211 г. монгольские отряды вступили в Жетысу, столицей которого был город Каялык, глава карлуков Арсланхан признал себя подданным Чингисхана. В 1218 г. Жетысу уже полностью находилось под властью монголов, столичный город Баласагун сдался без сопротивления, за что получил название Гобалык (Хороший город) [Бартольд, 1963а, с. 470].

В 1219 г. армия Чингисхана вторглась на территорию Южного Казахстана. Одним из первых был взят город Сайрам. В источниках сохранилось упоминание о применении монголами катапульта при штурме «города Сайлань» [Bretshneider, 1910б, р. 250].

Часть войска во главе с Чагатаем и Угэдэем осадила Отрар. Подробный рассказ Джувейни о шестимесячной обороне Отрара заканчивается повествованием о трагической участи его жителей. Цитадель и укрепления города были разрушены, население вырезано, а ремесленники угнаны в Монголию [Juvaini, 1958, р. 250].

Один за другим были захвачены сырдарьинские города Сыгнак, Узгенд, Барчынлыгкент (Барчкент), Ашнас, Дженд. Сыгнак сопротивлялся семь дней, а после того как монгольский парламентар, предложивший сдать город, был убит, население его было уничтожено. Города Узгенд и Барчкент монголы захватили легко. Упорно сопротивлялся Ашнас. Когда город пал, большинство его жителей было истреблено. Дженд сдался, но подвергся разграблению. Монгольский отряд захватил Янгикент-Джанкент. Источники упоминают еще один сырдарьинский город – Зернук, который был занят войсками Чингисхана и Тулуя без сопротивления, но, несмотря на это, его молодежь монголы забрали в «хашар» [Бартольд, 1963а, с. 481-484; Петрушевский, 1977, с. 123].

Подавляющее большинство исследователей, опираясь на сведения письменных источников, считают, что завоевание монголами было катастрофой, что монгольское нашествие прервало поступательное движение развития городской культуры [Петрушевский, 1977; Тихвинский, 1977].

Завоевания монголов имели катастрофические последствия и для средневековых городов и кочевой степи, доказывают историки

Казахстана [История Казахской ССР, 1979, с. 137-146; История Казахстана, 1997, с. 85-97].

Стратиграфические шурфы и раскопы Отрара пока не выявили следов мощных пожаров и впечатляющие разрушения города не обнаружены.

Это послужило поводом для суждений о том, что «в науке имело место распространенное, имеющее сугубо идеологическую подоплеку, стереотипное представление о том, что с завоеванием и приходом «кочевников-монголов городская культура должна гибнуть и хиреть». «С большой натяжкой представляется, - пишет один из исследователей, - что монгольское завоевание привело к гибели или подорвало основы городской культуры в регионе» [Смагулов, 2011, с. 72]. «И вообще, средневековые авторы преувеличивали «ради красного словца» степень разрушительности тех либо иных событий» [Смагулов, 2011, с. 77].

Это аргументируется тем, что следы повсеместного разрушения не отмечены археологами при раскопках Отрара и Туркестана, Каратабе и Сыгнака, а также Сайрама и Шымкента.

Чингисхан, как известно, разделил свои владения таким образом, что младший сын Тулуй получил Монголию; власть второго сына Чагатая простиралась от границ области уйгуров до Самарканда и Бухары. Третий сын Угэдей получил территорию Западной Монголии – район верхнего течения Иртыша и Тарбагатай; сам Угэдэй жил на Орхоне в Каракоруме. Владения старшего сына Джучи простирались к западу от Иртыша вплоть до тех пределов, «куда доходили копыта татарских коней» – это северная часть Жетысу, степь Дешт-и Кыпчак, южное Поволжье, куда переместился центр владения Джучи, получившего название Золотой Орды. Следует отметить, что на Иртыше вблизи озера Алаколь жил сын Джучи-хана – Орда-Еджен.

Территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: Джучи – степная часть, Чагатая – южная и юго-восточная часть Казахстана, Угэдея – северо-восточная часть Жетысу [История Казахской ССР, 1977, с. 74].

Четких границ между улусами не было и чагатаиды время от времени распространяли свою власть на всю Сырдарью до Приаралья, а джучиды расширяли свой улус до средней Сырдарьи [Бартольд, 1963б, с. 69].

Среди монгольских ханов и аристократии наметились две тенденции в отношении завоеванного оседлого и городского населения. Одни из них стремились к децентрализации государства, выступали против оседлости и готовы были бесконечно грабить горожан. Другие вместе с основной частью местной знати, купечества и духовенства стремились к установлению сильной власти, ограждения горожан и оседлых жителей от произвольных поборов, разорения. Выразителями последней тенденции являлись Мунке-каан и купец-правитель Масудбек. При Мунке-каане были

отменены ненормированные подати и налоги, регламентирован подушный налог, декретирован чекан золотых динаров [Давидович, 1972, с. 33-36]. В 1269 г. на берегах Таласа состоялся курултай, на котором царевичи обязались ограничиться фиксированными налогами с оседлого населения и горожан, избегать грабежей, не трогать пашен [Бартольд, 1963а, с. 69].

Проведенная в 1271-1272 гг. денежная реформа Масудбека обеспечила государство серебряной монетой и создала предпосылки для развития городской жизни и денежной торговли [Давидович, 1972, с. 96-114, 141-151]. Следующая денежная реформа Кебек-хана в 1321 г. способствовала дальнейшему экономическому подъему.

Постепенное возрождение городов сопровождалось укреплением экономического и политического положения местной тюркской феодальной верхушки. Используя недовольство народных масс политикой завоевателей, тюркская знать в улусах Джучи и Чагатая боролась за установление своей власти. В результате господство над районами Средней Сырдарьи захватили ханы Ак-Орды, а Жетысу вошло в состав Могулистана, сформировавшегося на территории Юго-Восточного Казахстана [Пищулина, 1977, с. 33-40].

Правитель Могулистана Тоглук-Тимур-хан пытался распространить свою власть на юг Казахстана и Среднюю Азию, осуществив несколько походов. В своих притязаниях на эти земли он столкнулся с правителем оседло-земледельческой Средней Азии Тимуром, который предпринял несколько опустошительных походов на Жетысу [Пищулина, 1977, с. 87, 96].

В 70-х гг. началась война ханов Ак-Орды с Тимуром. Поводом послужило бегство к Тимуру претендента на ак-ордынский престол Тохтамыш. Вначале Тохтамыш, заручившись поддержкой Тимура в борьбе за власть в Ак-Орде, действовал неудачно, но в 1379 г. он сумел утвердиться в Ак-Орде и Золотой Орде, после чего, собрав силы, в 1387 г. выступил уже против Тимура. В ходе войн, в первую очередь, страдали города и оседлое сельское население, подвергавшееся разорениям и грабежам. В 1387-1388 гг. Тохтамыш послал в Мавераннахр войско, которое, соединившись с отрядом могулистанского эмира Камар ад-Дина, прошло через Сыгнак, осадило Сауран, разорило окрестности Сайрама, Ясы, Ташкента, Самарканда и Бухары. Ответные действия Тимура не заставили ждать, его походы вглубь Дешт-и Кыпчака, в свою очередь, вылились в ограбление населения Ак-Орды.

Вновь борьба за сырдарьинские города разгорелась после смерти Тимура. Весной 1405 г. Отрар захватил шейх Нур ад-Дин и удерживал его четыре года, затем городом овладел Халил-Султан. В 1410 г. монгольские отряды под предводительством Шах-Джахана осаждали Сайрам, Карасаман, Отрар.

В 20-х гг. обострилась борьба за сырдарьинские города между Улугбеком и Бараком, и лишь помощь Шахруха сохранила власть

Улугбека над сырдарьинским регионом. В середине XV в. города Туркестана подчинились Абу-л-Хайр-хану [История Казахстана, 1997, с. 96-152].

Следует отметить, что государственность на территории Казахстана имеет глубокие корни и связана с историей племен и народов, обитавших здесь в древности и средневековье. Одним из важных этапов в политогенезе был период XIII – первой половины XV вв. В это время завершалась этническая и политическая консолидация кочевого, полукочевого и оседло-земледельческого населения Восточного Дешт-и Кыпчака (степной части Казахстана), Жетысу и Туркестана (Южного Казахстана). Завершался процесс сложения казахской народности и государственности на местной этнической основе.

Начальный этап этого сложного периода в истории Казахстана характеризуется распадом монгольских улусов – владений Чингизидов в Дешт-и Кыпчаке и Средней Азии (Мавераннахре). Конечный этап – это Казахское ханство, сформировавшееся в 1465 г.

В 1243 г. начинает формироваться Золотая Орда – новое монгольское государство в степной зоне между Дунаем и Иртышом, верховная власть в котором принадлежала Джучидам. Крушение Золотой Орды, ее разгром Тимуром произошел в 1395 г. Границы нового государства не имели четких линий, но установлено, что владения Бату на Западе проходили по Дунаю, точнее, его левому берегу, а восточные простирались до современного Южного Казахстана. В первой половине XIV в. Аль-Омари относил к Золотой Орде такие города как Дженд, Сыгнак, Сайрам. Среди рек Золотой Орды называли Яик (Урал). Однако в 60-е гг. XIV в. среднее и нижнее течение Сырдарьи принадлежало Ак-Орде. Отпадение от Золотой Орды окраин улусов было закономерным явлением, вызванным внутренними процессами. На центральную власть в Золотой Орде с середины XIV в. претендуют правители Ак-Орды, ханы, ведущие свое происхождение от старшего брата Бату Орда-Еджена [Егоров, 1985, с. 5, 26-74].

Обособление Ак-Орды от Золотой Орды относится ко второй четверти XIV в. при Ерзене и Мубарак-ходже. Значительно укрепилась она при хане Урус-хане, правившем в 60-70-х гг. XIV в., на него пала основная тяжесть борьбы за независимость Ак-Орды в этот период против Тимура.

Одним из крупных государственных объединений, возникших в ходе распада Золотой Орды, была Ногайская Орда. В XIV-XV вв. в нее входила территория Западного Казахстана.

В рамках государств Ак-Орды, ханства Абу-л-Хайр-хана, Ногайской Орды и Могулистана появились более благоприятные, чем в монгольских улусах условия для политического, хозяйственного и социального развития населения, формирования Казахского ханства [История Казахстана, 1997, с. 312-361; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 224-240].

Уже в середине XIII в. наблюдается подъем городской жизни на юге Казахстана, восстанавливаются экономические связи районов, города вовлекаются в орбиту международных торговых и дипломатических связей. В письменных источниках этого времени называются крупные сырдарьинские города: Сайрам, Отрар, Ясы, Сауран, Сыгнак, Сузак, Сюткент, Дженд, Янгикент.

В маршрутнике армянского царя Гетума I, следовавшего в 1254 г. в том числе и на Родину, через Южный Казахстан, названы города Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузак, Сыгнак, Харчук, Асан, Саври, Отрар, Зурнух, в которых не трудно узнать Баркент (Берукет), Сугулкент, Кумкент, Сузак, Сыгнак, Карачук, Ясы, Сури, Отрар, Зернук [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

Археологические исследования свидетельствуют о подъеме жизни в XIII-XIV вв. городищ Сайрам, Караспан, Отрар, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Сюткент, Кауган-ата, Майрам-тобе, Ак-корган, Узгенд, Асанас, Джанкент и Дженд.

По поводу начала и определяющего момента в преодолении последствий монгольского нашествия существуют различные точки зрения. По утверждению В. В. Бартольда, поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа Кебека [Бартольд, 1963в, с. 152-153]. Это мнение разделяет ряд авторов [История народов Узбекистана, 1950, с. 339; Петрушевский, 1960, с. 48-52; Массон, 1957, с. 78-100].

Иного взгляда придерживается Е. А. Давидович, она считает, что значение реформы Кебека (1321 г.) явно преувеличено. Наиболее важной в Средней Азии, на юге Казахстана и в Жетысу была денежная реформа Масудбека, начатая в 1271 г.

Поэтому «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для восстановления городской жизни и денежной торговли в Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия» [Давидович, 1972, с. 96-114, 141-151]. Мнение Е. А. Давидович подтверждается и материалами раскопок.

В подъеме экономики края и городской культуры определенную роль сыграло вхождение юга Казахстана в начале XIV в. в состав Ак-Орды – первого крупного государственного образования на местной этнической основе в послемонгольское время. Правители Ак-Орды, стремясь к восстановлению экономических связей кочевников и оседлого населения, сделали своей столицей город Сыгнак [История Казахстана, 1997, с. 194].

В Юго-Западном Жетысу (Чу-Таласское междуречье) судьбы городов и земледельческой культуры были иными. В Северо-Восточном Жетысу (долина р. Или и Приджунгарье) в середине и во второй половине XIII в. активно функционируют города Алматы, Ики-огуз, Каялык, Илибалык, «столица области», находившаяся на берегу

Алаколя и, скорее всего, отождествляемая с городищем Коктума. Они упоминаются у Гетума I, Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Чань Чуня [Бартольд, 1966а, с. 84-87].

Об активной жизни городов свидетельствуют находки монет, чеканенных в первой половине XIII в. (Каялык) и во второй половине XIII в. (Алматы). Кроме того, слои начала XIII в. обнаружены на городище Талгар, Чингильды, Чилик, Каргалы [Байпаков, Воякин, 2007а; Байпаков, Савельева, Чанг, 2005; Байпаков, 2008, с. 7-27].

Однако уже с середины XIII в. здесь начинается общий упадок оседло-земледельческой жизни. Определяющую роль сыграло то обстоятельство, что территория Жетысу оказалась политически разорванной на три части. Кроме того, сюда переселились большие массы кочевого населения, которое под покровительством верховной власти варварски относилось к горожанам и оседлому сельскому населению. В интересах кочевой знати под пастбища отводились земли, использовавшиеся под посевы, огороды и сады.

Проезжавший через Илийскую долину в 1253 г. Гильом де Рубрук писал: «...прежде там находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти свои стада, так как там были наилучшие пастбища» [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 110]. О многочисленных развалинах в Чуйской долине сообщал в 1259 г. китайский путешественник Чандэ [Бартольд, 1963а, с. 426].

Непосильные налоги, дорожные поборы, различного рода повинности разоряли оседлое население. Не случайно в одном из указов Менгу-каана говорилось: «Насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот – взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась и половине взыскания (в виде повинностей)» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 141].

В Чагатайском улусе, главным образом на территории Северо-Восточного Жетысу, шли бесконечные войны между претендентами на власть хана не только из числа Чагатаидов, но и Джучидов и потомков Угэдэя. Рашид-ад-Дин отмечал, что в 60-х годах XIII в. воины Ариг-Буги до такой степени притесняли народ, что в Илийской долине наступил голод, от которого погибло много народа [Рашид ад-Дин, 1960, с. 164].

Во второй половине XIV в. регион Северо-Восточного Жетысу с его древней городской и оседло-земледельческой культурой превратился в регион преимущественно кочевого и полукочевого скотоводства. Свидетельство очевидца, арабского географа первой половины XIV в., достаточно красноречиво говорит о том, что здесь можно найти только развалины, более или менее сохранившиеся. «Издали виднелось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей

зеленю. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны – кочевники и нисколько не занимаются земледелием» [Бартольд, 1963в, с. 153].

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат позднее отмечал, что на огромных просторах Могулистана не сохранилось ни одного сколько-нибудь значительного города или селения, что все сведения о ранее существовавших здесь городах можно было получить в его время только из книг или преданий, а местоположение того или иного города уже не было никому известно [Бартольд, 1966а, с. 56].

В сочинении Захир ад-дина Бабура говорится: «Что же касается севера [на север от Ферганы], то хотя прежде с этой стороны и существовали города как, например, Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Тараз, однако в наши времена они разрушены монголами и узбеками, так что не осталось там никакой оседлости» [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 11]. Тимуридские историографы, описывая события в Жетысу конца XIV в., не упоминают и бывший столичный центр Чагатаидов – Алмалык. К середине XIV в. и он уже утратил свое значение.

Нет в источниках применительно ко второй половине XIV – XV в. упоминаний о городах Каялыке, Ики-Огузе, Или-Балыке.

Несколько иначе в XIII-XIV вв. обстояло дело в юго-западной части Жетысу, хотя и здесь упадок хозяйства был значительным. В этом районе, некогда бывшем центром развитой оседло-земледельческой культуры, где в домонгольское время существовало около десяти населенных пунктов, в XIII-XIV вв. оставалось лишь несколько небольших поселений. Из городов в Чуйской долине после XIV в. продолжала функционировать только Аспара [Ерзакович, 1968, с. 94-96; 1972, с. 98-106].

Не оказали сопротивления монгольскому войску Тараз и ряд других городов: они находились в своеобразной буферной зоне между монголами и Хорезмом. Жители их были переселены еще до прихода монголов по приказу Хорезмшаха Мухаммеда, о чем пишут источники: «Он [Хорезмшах] завладел Мавераннахром и уничтожил царство ханидов (караханидов), а их было несколько, и каждый охранял свой край. Когда не осталось из них никого, он не смог охранять свои города из-за обширности их области, разрушил своими руками большинство пограничных крепостей и отдал их на разграбление своим войскам. Жители их выселились оттуда и покинули их с шеями, повернутыми и склонившимися к ним. И остались сады, одевшиеся полностью, заставляя плакать глаза и скорбеть сердца из-за разрушенных замков и пустых жилищ и домов. Заблудился проводник этих каналов, и они стали течь, блуждая во все стороны без выбора. Потом в 616 г. (1219-1220 гг.) последовали несчастья, которые не происходили с тех пор, как стоят небо и земля. Это приход татар... Они погубили тех, кто оставался там, присоединив их к тем, которых они погубили помимо

их. И не осталось от тех прекрасных садов и славных замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов» [Волин, 1960, с. 86-87].

И хотя в Таразе в монгольское время, начиная с реформы Масудбека, чеканится монета, но оседлая и городская жизнь в долине Таласа приходит в упадок, как и в долине Чу. Она частично сохраняется лишь в Таразе, Янги-Таласе, Янги-Балыке, Кенджеке, в Баласагуне. Не случайно, в одном из указов Менгу-каана говорилось об упадке земледельческой и городской жизни в регионе [Рашид ад-Дин, 1960, с. 141].

В XIII-XIV вв. источники сообщают о городах Янги-Тараз, Янги-Балык, Кенджек, Тарсакент, Баласагун [Бартольд, 1966а. с. 33, 55; 1966в, с. 104].

Неоднократно упоминается в источниках, описывающих события XIV в., Янги-Тараз, но чаще не как город, а местность, вилайет. Аль-Омари, написавший свой труд в первой половине XIV в., пояснил, что название Янги относилось к четырем городам: «Йанги – это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название.

Один Йанги (Янги), другой Йанги-Балык, третий Кенджек, последний Тараз» [Волин, 1960, с. 91]. Это сообщение арабского географа относится, конечно, и к более раннему периоду – к XIII в., так как название Янги («Новый»), по Мухаммаду Хайдару, появляется при монголах [Бартольд, 1966а, с. 35-36; 1965в, с. 495-496; 1963в, с. 153].

Постепенное затухание жизни в Таразе относится к XIV-XV вв.

При Тимуре и Улугбеке в этой местности были расквартированы тимуридские войска, и с населения собирался тагар (подать на содержание войска), но писавшие об этих событиях Мирхонд и Абд ар-Раззак Самарканди не называют Янги (или Янги-Тараз) городом. Захир ад-дин Бабур пишет о том, что Тараз, как и другие города Юго-Западного Казахстана, разрушен и там «не осталось никакой оседлости». Мухаммад Хайдар, писавший позднее Бабура, повторил его слова: «Йанги, название которого в исторических книгах пишут Тараз», и дополнил их пояснением, показывающим, что уже в XVI в. нельзя было определить точно, где находился Тараз: «Могулы называют Тараз «Йанги». Йанги – известная местность в Могулистане. Много выходцев из этого города – их называют йангилыками – встречается в Мавераннахре. В степях, которые они называют Йанги, встречается много развалин городов; сохранились от них остатки куполов, минаретов, ханака и медресе, но неизвестно, какие из этих развалин был [город] Йанги и как назывались другие города» [Пищулина, 1977, с. 139].

Исчез крупнейший город в долине Чу – Баласагун.

Мухаммад Хайдар пишет, что «теперь неизвестно даже место, к которому относится название Баласагун, не ясно, где развалины его» [Пищулина, 1977, с. 137].

По мнению В. В. Бартольда, Баласагун был известен еще в начале XIV в., но вскоре разрушен окончательно вместе с другими городами в период междоусобных войн [Бартольд, 1966а, с. 55-56; 1965ж, с. 355-357].

Последствия гибели городской и оседло-земледельческой культуры на большей части территории Жетысу и Притяньшанья не были преодолены в отличие от Южного Казахстана, на протяжении почти пяти последующих столетий. Без каких-либо резких природных, климатических изменений этот край превратился в ареал кочевого и полукочевого скотоводства, как будто он вдруг стал зоной сухих степей и полупустынь.

Таким образом, упадок оседлой культуры в Жетысу начинается сразу же вслед за монгольскими завоеваниями, и если крупные города, будучи центрами транзитной торговли и ремесленного производства, в середине XIII-XIV вв. еще выглядят благополучно, то питавшая их земледельческая округа интенсивно разрушается, что и приводит вскоре к гибели самих городов [Байпаков, 1978, с. 8-10]. Безусловно, разрушительную роль в развитии культуры Жетысу, в том числе и урбанизации, сыграли походы сюда Тимура и тимуридов, описанные в источниках [Пищулина, 1977, с. 63-72, 82-87].

В XVIII-XIX вв. русские исследователи Н. П. Рычков, Б. В. Герман, Н. Витзен, Г. Ф. Гене, П. И. Шангин, Г. И. Спасский, А. И. Левшин, Д. Г. Мессершмидт сообщали о многочисленных остатках поселений и городищ, погребальных комплексов, среди которых мавзолеи Джучихана и Алаша-хана, городище Бузук [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 5-42].

А. Х. Маргулан, опираясь на сведения первых исследователей и свои изыскания, открыл науке своеобразный мир городской культуры Сарыарки. Это многочисленные поселения и города: Хан-Ордасы в устье р. Аксу при впадении ее в Кара-Кенгир; средневековые поселения в устье р. Нуры; Караагач, Карасакал, Белен-Ана, Жубан-Ана на р. Сарысу; Баскамыр, Аяккамыр на р. Жезды и многие другие. Он же составил карту размещения средневековых городищ и поселений Сарыарки [Маргулан, 1950; 1973, с. 3-42; 1978, с. 3-37].

Одним из крупных городищ Центрального Казахстана является памятник, известный как «Комплекс Джучи-хана». Здесь, по-видимому, находилась ставка Джучидов – город Орда-Базар.

В Западном Казахстане процессы урбанизации в Золотой Орде начались во время правления Берке, формальным толчком чему послужило введение в государстве новой религии – мусульманства. Золотоордынские города принимают «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, минаретов, медресе, караван-сараев и бань. Собранные в Золотой Орде ремесленники принесли с собой свои архитектурные каноны и строительные приемы, испытанные строительные материалы и технологию их производства.

Расцвета городская культура достигла при хане Узбеке и наследовавшем ему Джанибеке. Время их правления характеризуется ростом территории городов и возникновением значительного числа новых населенных пунктов. Самым крупным из них был Сарай ал-Джедид (Новый), заложенный Узбеком в начале 30-х гг. XIV в. и ставший впоследствии столицей.

Жизнь подавляющего большинства золотоордынских городов была прервана одновременно во время второго похода Тимура на Золотую Орду. Достаточно сказать, что на территории прикаспийских степей разрушению не подверглись лишь два города – Сарай (на Ахтубе) и Сарайчик (на Урале) [Егоров, 1985, с. 75-78].

Одним из знаменитых средневековых арабских путешественников был Ибн Баттута [Крачковский, 1957, с. 416-420].

Время путешествия Ибн Баттуты – XIV в., точнее, его первая половина, а это было время, когда торговый и дипломатический путь из Европы через Поволжье, Хорезм и Бухару стал самым оживленным.

На своем пути Ибн Баттута побывал в городе Сарайчик на реке Урал. Это один из самых западных городов на территории Казахстана [Ибрагимов, 1988, с. 72].

Общую и наиболее полную сводку сведений о Сарайчике, извлеченных из письменных источников, приводят В. Л. Егоров и В. В. Трепавлов [Егоров, 1985, с. 124-125; Трепавлов, 2002а, с. 225-244].

Основание его относится, как отмечалось, ко второй половине XIII в., окончательное разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. [Левшин, 1823, с. 10].

Город длительное время являлся крупным транзитным пунктом на трассе Великого Шелкового пути, позволявшим золотоордынскому и западноевропейскому купечеству торговать со странами Азии. Он был связан, с одной стороны, прямой дорогой с первой столицей Золотой Орды – Сараем, с другой, с центром Хорезма – Ургенчем. В XIII-XIV вв. этот путь служил основной караванной артерией, связывавшей Восток с Западом. Путь от Сарайчика до Ургенча издавна привлекал внимание исследователей и довольно хорошо известен. По всей трассе этой караванной дороги, отрезок которой шел из Сарайчика прямо на восток до р. Сагиз, через которую был устроен брод из обтесанных камней, пролегал по пустынным безводным районам. На расстоянии, примерно соответствующем одному дневному переходу, были построены караван-сарайи [Толстов, 1958, с. 14-15].

ГЛАВА I

ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И ПРИАРАЛЬЯ, ЖЕТЫСУ, ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА в XIII – первой половине XV в.: история, хронология, локализация

История урбанизации на территории Казахстана рассматривается в динамике от периода протоурбанизации, начало которой восходит к эпохе бронзового века, через этапы урбанизации в древних государствах саков, государствах усунь и кангюй; урбанизации в древнетюркских государствах западных тюрок, тюргешей, карлуков, огузов; в государстве караханидов, кимаков и кыпчаков; урбанизации Ак-Орды и Золотой Орды и урбанизации Казахского ханства [Байпаков, 2014а, с. 170-179].

В главе рассматриваются вопросы локализации городов Казахстана XIII–XV вв. в контексте проблемы урбанизации древнего и средневекового Казахстана в XIII-XV вв.

Широкомасштабные археологические исследования древних и средневековых городищ Казахстана позволили получить ответы на многие вопросы проблемы урбанизации, в том числе и определения местонахождений городов на современных картах, их отождествления с конкретными городами, названными в письменных источниках, определения времени их жизни.

В основе решения проблемы – археологические и нумизматические материалы, а также сведения письменных источников: китайских, арабских, персидских, тюркских, европейских.

Города Южного Казахстана и Приаралья

Крупнейшим городом Южного Казахстана в домонгольское время был *Испиджаб-Сайрам*, к округе которого ал-Макдиси причислил города Южного Казахстана, Приаралья, Чу-Таласского междуречья (Юго-Западного Жетысу), Илийской долины (Северо-Восточного Жетысу) [Волин, 1960, с. 80].

В XII – начале XIII в. в результате войн караханидов и каракитаев, караханидов и Хорезма, каракитаев и Хорезма, каракитаев и найманов пострадали города Юго-Западного Жетысу и Южного Казахстана.

Якут аль-Хамави писал об этих событиях: «Не было в Хорасане, ни в Мавераннахре города, который бы не платил харадж, кроме Испиджаба, потому что он был великой пограничной крепостью. Из-

за этого он освобожден от хараджа, чтобы жители его тратили свой харадж на оружие и издержки пребывания в этой стране. И также города, которые поблизости от него, вроде Тараза, Саурана, Саникента и Фараба. [Так было] пока не пали на эти местности удары судьбы и превратности рока, сначала с Хорезмшаха Мухаммеда ибн Текеша ибн Алп-Арслана ибн Сункара ибн Мухаммеда ибн Ануштегина. Он завладел Мавераннахром и уничтожил царство ханидов, а их было несколько, и каждый охранял свой край. Когда не осталось из них никого, он не смог охранять эти города из-за обширности их области, разрушил своими руками большинство пограничных крепостей и отдал их на разграбление своим войскам. Жители их выселились оттуда... И остались эти сады опустевшими полностью.

Потом в 616 (1219-1220 гг.) последовали несчастья, подобных которым не происходило с тех пор как стоит небо и земля. Это приход татар из Китайской земли. Они погубили тех, кто оставался там. И не осталось от тех прекрасных садов и славных замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов» [Волин, 1960, с. 86-87].

Неизвестно, однако, насколько пострадал уже опустошенный Сайрам в результате монгольского нашествия.

Сразу же после этих событий, в 1221 г., Сайрам посетил даосский монах Чань-Чунь, вызванный на аудиенцию Чингисханом, находившимся в завоевательном походе. В записках о его путешествии отмечено: «Мы въехали в город Сайлань. В Сайлань имеется небольшая башня. Правитель Хойхоу вышел встретить нас и провел на место размещения».

Рис. 1. Современный центр Сайрама и средневековая планировка центральной части

На обратном пути Чань-Чунь снова посетил Сайрам, где провел несколько дней [Акишев, 2008, с. 22-28]. О каких-либо разрушениях монахов не сообщает.

В XIV в. об Испиджабе писал Абу-л Феда: «Испиджаб – большой город, на востоке он был одной из пограничных тюркских крепостей, откуда вышло много ученых» [Волин, 1949, с. 191].

Согласно Рашид ад-Дину «Кари-Сайрам – старый и очень большой город. Говорят, что от начала до конца его в длину – день пути, и он имеет сорок ворот, теперь там живут тюрки-мусульмане, и он принадлежит Кайду» [Волин, 1949, с. 190]. При Кайду Сайрам чеканил собственные дирхемы, где указывался год выпуска и тамга Кайду – как свидетельство принадлежности города к его государству [Петров, Акиндинов, 2008, с. 33].

Мусульманские историки характеризуют период правления Кайду, отмечая его справедливость и покровительство исламу. Кайду практически не вел завоевательных походов, ограничившись защитой своих земель от притязаний других монгольских ханов. В своих владениях он устроил порядок, в особенности после смут чагатаидских царевичей [Бартольд, 1963б, с. 70]. После смерти Кайду в 1301 г. на протяжении почти 10 лет, до восшествия на престол в 1310 г. Эсенбуки, монгольские улусы Жетысу и Мавераннахра страдали от междоусобных войн [Бартольд, 1963б, с. 72-73].

В последнее время (2013-2014 гг.) удалось собрать в округе Сайрама коллекцию монет эпохи Великой монгольской империи и государства Чагатаидов.

В результате изучения найденных монет можно утверждать, что в середине XIII века на рынках Сайрама и округи господствовала продукция монетного двора Отрара.

Было установлено, что продукция монетного двора Отрара с медной основой (фельсы и медные посеребренные дирхемы) обеспечивала потребность местных рынков Испиджаба на протяжении почти 100 лет (находок монет Отрара 650-х/1250-х – 740-х/1340-х гг. зафиксировано 64,2%).

Эти исследования свидетельствуют о том, что поступление отрарской монеты в историческую область Испиджаб с середины XIII в. и до 740-х/1340-х гг. было регулярным.

Поток монет из южных регионов (Чач, Самарканд, Бухара) активизируется в XIV веке. Причем, в регион начинают поступать не только серебряные, но и медные деньги. Медные посеребренные дирхемы Отрара, тем не менее, продолжают превалировать на рынках Испиджаба до 750-х/1350-х гг. При этом не исключено, что начинает функционировать и местный монетный двор (дирхемов с медной основой). Следует учесть, что монетные дворы Отрара и Сайрама функционировали в 750-е/1350-е годы и выпускали преимущественно крупные серебряные монеты – динары. Известны и отрарские медные посеребренные дирхемы этого времени, однако, они встречаются крайне редко.

После 761/1359-1360 года наступают смутные времена. Кроме боевых действий, в это десятилетие вспыхнула эпидемия чумы. Все это не могло не сказаться на монетном обращении и товарно-денежных отношениях в распадающемся государстве Чагатаидов [Петров, Байтанаев, 2015, с. 157-169].

Во второй половине XIV в. Сайрам входит в состав государства эмира Тимура и упоминается в описаниях походов Тохтамыша против Урусхана – владельца Ак-Орды. Два похода, организованные при непосредственной поддержке Тимура, предоставившего для этих целей свое войско, оказались неудачными. В обоих сражениях Тохтамыш был разбит. В последнем сражении ему чудом удалось спастись от преследователей. Согласно «Анониму Искандера», раненого Тохтамыша найдет Едиге барлас, в то время даруга-правитель Сайрама, который организует доставку раненых и выживших с поля боя в Сайрам [История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 266-267].

Захватив в 1379 году при помощи Тимура Акордынский престол и Золотую Орду, объединив вновь обе части Улуса Джучи, Тохтамыш из союзника Тимура стал его врагом. «Зафар наме» Шараф ад-дина Йазди свидетельствует, что Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, с огромным войском вторгается в Мавераннахр и осаждает Сауран. В то же время моголы осаждают Сайрам, Ташкент и двигаются к Андижану, но терпят поражение [История Казахстана в персидских источниках, 2006, с. 299-301, 353]. Тохтамыш, преследуемый армией Тимура, бежит в Поволжье.

При Тимуре и его преемниках Сайрам имел важное стратегическое значение. В Сайраме, сообщает Ибн Арабшах, постоянно находился наместник. Одним из них был Абд-ал-мелик ибн ат-Такрити, добровольно ушедший из Сирии с Тимуром [Волин, 1949, с. 193].

Смерть Тимура в 1405 году открыла начало борьбы между царевичами и эмирами за наследство. Эта междоусобица продлилась до 1409 года, когда после победы Шахруха правителем в Мавераннахре назначается его сын Улугбек. Но смуты в Мавераннахре продолжают и позже – до 1411 г., они влекут за собой вторжение в приграничные районы государства войск хана Моголистана Мухаммеда. Поход возглавляет Шах-Джехан, брат хана. Сайрам, в те годы находившийся под управлением наместника Абд ал-Халика, подвергается осадам [Волин, 1949, с. 194; Бартольд, 1963а, с. 93].

Улугбек по-особому относился к Сайраму, дарованному ему еще в малолетнем возрасте Тимуром в числе приграничных городов вместе с Ташкентом и Аспарой. В 1404 г. Улугбек организует поход в Моголистан, поставив своей целью защиту восточных пределов империи Тимура.

Этот поход для Улугбека был удачным.

Набеги на Сайрам и Туркестан, сообщает «Тарих-и-Рашиди», стали осуществляться после смерти Вайс хана в 1428 г. [Дулати, 1996, с. 106-107].

При хане Исан-Буге, начиная с 1451 г., после его утверждения в Аксу и возвращения части эмиров и племен в его подданство, племена Моголистана безнаказанно опустошали Туркестан, Сайрам, Ташкент [Дулати, 1996, с. 107].

Исследуя письменные источники, В. В. Бартольд сделал вывод, что во время правления хана Исан-Буга Сайрам был пограничным пунктом на северо-востоке владений Улугбека [Бартольд, 1963а, с. 115].

Роль Сайрама как крупного экономического, торгово-ремесленного центра подтверждают находки кладов. Один из них, серебряный, найден еще в XIX в. в обрыве р. Сайрамсу, сейчас он хранится в Эрмитаже. В составе клада находились одиннадцать серебряных браслетов, набор сережек, поясные накладки, амулетница, цепочки. Содержимое клада, точнее вещи, собранные в нем, в том числе и серебряные монеты, были датированы X–XI вв. [Спицын, 1906, с. 249-258]. Клад до сих пор не изучен, и датировка его указана только по монетам, определение которых выполнено не специалистами. Поэтому уже было высказано мнение о том, что клад по аналогичным вещам может быть датирован XII–XIII вв. [Байпаков, Настич, 1981, с. 32].

При раскопах Сайрама в 2014 г. был обнаружен в тандыре, в слое XIV–XV вв., клад монет и вещей из серебра, который состоял из 2670 монет, одного слитка-бруска и пряжки. При расширении раскопа на уровне вскрытого с кладом монет тандыра в профиле восточной стенки раскопа в другом разрушенном тандыре был найден еще один клад. Он был спрятан в кувшин и закопан под тандыром. Все монеты клада – серебряные, относятся к концу XIV – первой четверти XV в.

Рис. 2. Клад серебряных монет (по Б.А. Байтанаеву)

Кроме тимуридских выпусков тенге и мири, в комплексе присутствуют монеты семи династий, но в единичных экземплярах. Клад относится к периоду правления султана Шахруха и сокрыт не ранее 821/1418 года.

Самой ранней монетой клада является теньга Шахруха, чеканенная в Самарканде в 821/1418 г. В то же время анализ датировки всех монет и обстоятельств их сокрытия позволяет допустить и несколько более позднюю дату превращения этих накоплений в клад. Это мог быть 1424 год, богатый историческими событиями региона. В кладе полностью отсутствуют пореформенные монеты, чеканенные по новому стандарту в 5,2 г, что дает право сузить хронологические рамки закладки ценностей в интервале времени между 1418 и 1425 годами.

Несомненно, клад принадлежал человеку, занимавшему определенное положение в обществе того времени. На это указывает состав клада и место расположения жилища, которое находилось традиционно в центральном районе Сайрама у пересечения двух магистральных улиц [Байтанаев, Брагин, Петров, 2014, с. 11-12].

Клад состоял из золотых вещей: браслета, серег, брошек, бубенчиков, обработанных камней и жемчуга, золотого лома. Монеты клада состоят из четырех серебрянных и двух золотых кружков. Золотые монеты были смяты, среди них одна оказалась фрагментом монеты более раннего периода и, очевидно, бытовала долгое время в качестве драгоценного металла.

Серебряные монеты чеканились от имени Амира Тимура и Махмуд хана Шахруха (надчекан) в Кирмане и Самарканде, Хваризме.

Золотая монета – динар с именем халифа ал-Насира, видимо, динар Великой Монгольской империи первой половины XIII в.

Причины и время возникновения клада четко определяются по монетам и подтверждаются письменными источниками.

В обоих кладах имеются монеты с датами чеканов. В кладе с золотыми изделиями находилось четыре серебряные монеты, среди которых одна монета – подделка, другая – подражание. Кроме того, имеются две золотые, среди которых одна представлена фрагментом. Комплекс монет золотого клада имеет дату по нижней шкале 1421 г. В то же время анализ датировки всех монет обоих кладов позволил уточнить нижнюю дату закладки ценностей 1424 годом.

Денежная система тимуридов была одним из главных символов их власти. Помимо политической функции, она была основой социально-экономического развития государства. Показательной является реформа Улугбека 1428 года, которая, кроме введения нового типа монет, сопровождалась изъятием старых, обменом старых на новые, при этом старые монеты после изъятия перчеканивались и использовались с надчеканом вторично [Давидович, 1983а, с. 165-178].

В обоих кладах полностью отсутствуют монеты послереформенного периода, что дает уверенность сузить хронологические рамки проведения реформы 1424 и 1428 годами.

Сочинение «Матла ас-са дайн» Абд ар-Разака Самарканди дает полную информацию по наиболее вероятному времени года закладки ценностей. Абд ар-Разак пишет, что 8 ноября 1424 г. Улугбек располагается на зимовку в Шахрухии, откуда был издан приказ, по которому войску надлежало собраться в точно установленное время и место сбора. В соответствии с приказом эмиры правого крыла зимуют в Андижане. Эмиры левого крыла – зимуют в Карасамане, в одном дневном переходе западнее Сайрама. 16 февраля 1425 г. армия Улугбека выступила в поход [Байтанаев, 2013, с. 91-95, 98-102]. Сведения Абд ар-Разака позволяют сузить хронологические рамки и уверенно датировать закладку кладов, произошедшую в промежутке между ноябрем 1424 и февралем 1425 года.

При последних тимуридах Сайрам переходил из рук в руки. Город подчинялся то верховному правителю Самарканда султану Ахмед мирзе, то его родному брату Омар-шейху – владельцу Ферганы отцу Бабур [Бабур Захириддин, 1948, с. 36]. Омар-шейх, который, как писал Бабур, «по склонности к захвату владений часто сменял мир на битву и дружбу на вражду» [Бабур Захириддин, 1948, с. 20]. Не случайно, Ташкент и Шахрухия становятся яблоком раздора между Омар-шейхом и его старшим братом султаном Ахмед мирзой, который в 1484-1485 гг. выступает в поход из Самарканда и направляется со своим войском в Ташкент. Узнав об этом, Омар-шейх обращается к правителю Моголистана Жунусхану с просьбой поддержать его в сражении с султаном Ахмед мирзой за Ташкент, обещая в дар Сайрам. Жунусхан охотно принимает предложение и направляет своего старшего сына султана Махмудхана с 30-тысячным войском в Ташкент. Сам Жунусхан провел зиму в Сайраме. Со стороны Ферганы выдвигается Омар-шейх с 15-тысячным войском. К ним присоединяется Жунусхан со своими воинами.

«Эти три войска приближались друг к другу и жаждали большого сражения», – так писал о тех давних событиях Мухаммед Хайдар Дулати [1996, с. 139]. Однако сражения не произошло. Узнав о предстоящей битве, из Самарканда спешно прибывает известный ишан того времени Ходжа Насреддин Убайдаллах. Ему удается примирить стороны и принять решение, по которому Ташкент никому не достается и переходит во владение Жунусхана [Дулати, 1996, с. 139-140]. Так Сайрам вместе с Ташкентом вошел в состав Моголистана.

К концу XV в. государство эмира Тимура распалось на мелкие уделы, представляющие собой самостоятельные политические владения. Отсутствие сильной центральной власти в конечном итоге привело к полному крушению этой некогда могучей державы, не выдержавшей в начале XVI в. натиска узбеков-шейбанидов.

Весной 1513 г. владелец Сайрама Каттабек обращается к казахскому хану Касыму с просьбой отправить к нему доверенное лицо вместе с главами Сайрама и передает «ключи от города» [Дулати, 1996, с. 323-325]. Очевидно, обращение Каттабека к Касым хану не было его

сугубо личной инициативой и было поддержано местным населением, главами городов округа Сайрам, которые обратились к казахскому хану Касыму. Население Сайрама и городов его округа к тому времени устало от междоусобных войн, нуждалось в надежном правителе. Так Сайрамский вилайет входит в состав Казахского ханства.

Локализация Сайрама-Испиджаба не вызывает сомнения. Городище его находится под застройкой современного селения Сайрам, сохранившего название средневекового города [Байпаков, 2013, с. 24-27].

Историческая справка о Сайраме XIII – первой половины XV в., находки кладов как случайных, так и найденных при раскопках городища Сайрам, свидетельствуют о том, что местоположение города Сайрам не менялось и в XIII-XV вв.

Селение Чимкент в форме *Чими-Кент* впервые упомянуто в «Зафар-наме», написанном Шараф ад-Дином Али Йезди как «селение рядом с Сайрамом» [Бартольд, 1965а, с. 564]. Это сообщение связано с походом Тимура. «В это время Бехрам Джалар без разрешения и одобрения Тимура и Кейхосрова снова с войском Джете ушел из Ташкента к Сайраму. Так как обозы Тимура и Кейхосрова были у Бехрама, то они со своими людьми поскакали вслед (за ним) в ту сторону. Когда они прибыли в Сайрам, то нашли свои обозы в селении Чимкент. В 1370-1371 гг. Тимур выступил против Джете. После этого Тимур сам выступил в поход и прошел через Сайрам и Янги» [Волин, 1949, с. 193-194].

Рис. 3. Сайрам, фото из «Туркестанского альбома» 1871 г.

Раскопки на городище Чимкент носили ограниченный характер и затронули слои XVI–XVIII вв. Были выявлены дома, отапливаемые тандырами с дымоходами. Керамика, собранная на городище, относится к XIII–XIX вв. [Байпаков, Итенов, Подушкин, 1994, с. 52–53]. В 2003–2004 гг. раскопки на городище были продолжены. В стратиграфическом раскопе были выявлены слои со II в. до н. э до XIX в. н. э. Но, пока ни в одном из раскопов не выделен слой XIII–XV вв. [Байтанаев, 2012, с. 70–130].

Начиная с 2013 г., собиралась и была накоплена интересная информация о монетах Великой Монгольской империи и Чагатаидов, найденных в округе города Шымкент. Была составлена таблица, насчитывавшая 183 монеты, чеканенные в Отраре, Сайраме, Бухаре, Самарканде, Таразе, Алмалыке.

Основную массу монет составляли медные фельсы и медные посеребренные дирхемы. Монеты раннего периода в находках представлены 2 экземплярами. Массовым монетное обращение становится в 650-е/1252–1261 гг. Интенсивность обращения монет с медной основой близка к стабильной: в 680-х/1281–690-х/1300 гг. – 30 экз. (20,6%). Снижение числа зафиксировано в период с начала 700-х/1300-х до 740-х/1340-х гг. Снижение явно видно в 750-е/1350–761/1359–1360 гг. (12,4%). Уменьшение количества находок монет может быть связано с несколькими причинами, но всегда оно обусловлено снижением потребности рынка в такой монете.

В середине XIII в. на рынках Сайрама и округа господствовала продукция монетного двора Отрара. Поступление Отрарской монеты в область Испиджаб середины XIII в. до 740-х/1340-х гг. было регулярным. В то же время, в течение XIII в. не фиксируется поступление монеты из восточных регионов (с территории современного Кыргызстана и Синьцзяна). Поток монет с южных регионов (Чач, Самарканд, Бухара) активизируется уже в XIV в. Причем, в регион начинают поступать не только серебряные, но и медные деньги. Тем не менее, медные посеребренные дирхемы Отрара продолжают превалировать на рынках до 750-х/1350-х гг. И лишь в период до 761/1359–1360 гг., когда активность выпуска продукции монетного двора Отрара резко снижается, в область Испиджаб начинает поступать продукция других монетных дворов (в частности, Мавераннахра). При этом не исключено, что начинает функционировать и местный монетный двор.

Безусловно, город Шымкент отождествляется с одноименным городищем, включающим в себя слои II в. до н. э. – XIX в. н. э. [Байпаков, 2013, с. 27].

Еще в IX–XII вв. на средней Арыси находился округ *Кенджиде* с центром в городе Арсубаникете (Субаникете, Усбаникете). Этот город отождествлялся с городищем Караспан [Волин, 1960, с. 78]. В XIII–XV вв. Кенджиде называется в письменных источниках как «округ Кенджиде, в котором чеканилась монета» [Давидович, 1972, с. 54, табл. 4; с. 57, табл. 6; с. 58, табл. 7; с. 59, табл. 8, 9].

Монеты Кенджиде появились в результате реформы Масуд-бека, которая заложила единые основы монетного дела. Выпуск медных посеребренных дирхемов с принудительным курсом был прекращен. Таким образом, после реформы Масуда серебряные дирхемы стали основой денежного обращения во всем Чагатайском государстве. Реформа декретировала вес серебряных монет, размер и наиболее существенные признаки внешнего оформления. Чекан серебряных монет был свободным, правительство было заинтересовано в увеличении размеров серебряного чекана (в этом смысле и интересы фиска совпадали), поэтому охотно шло на открытие новых монетных дворов, что отвечало и интересам торговли. Первые монетные дворы, не считая Алмалыка, начали выпускать монеты в 670/1271-1272 и 671/1272-1273 гг., но наиболее обильный и регулярный чекан всех монетных дворов приходится на два последних десятилетия XIII в. Серебряные монеты, как правило, свободно обращались по всему государству вне зависимости от места выпуска. Чекан Кенджиде очень похож на чекан Тараза. Он был менее обилен, чем чекан Тараза, но все же по количеству выпускаемой продукции занимал после Тараза одно из первых мест. Монеты Кенджиде, по имеющимся сейчас данным, дают такое же большое число сочетаний основных компонентов, слагающих облик монет, как и монеты Тараза.

Благодаря разнообразию сочетаний и пестрому облику, монеты Тараза и Кенджиде, в целом, оказывались одинаковыми и монетная продукция Тараза – Кенджиде образует единую группу, в которой каждая монета Кенджиде находит полную аналогию среди монет Тараза [Давидович, 1972, с. 81-83].

Это сходство позволяет предположить, что округ Кенджиде, где чеканилась монета в XIII в., имел в качестве главного города не Арсубаникет, а город Кенджак. Об этом городе сообщает автор конца XIII – XIV в. ал-Омари. Он пишет: «Янги – это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах. Каждый город имеет свое название. Один – Янги, другой – Янги-Балык, третий – Кенджак, последний – Тараз» [Волин, 1960, с. 90-91].

В среднем течении Арыси имеется городище *Караспан*, которое вероятнее всего и соответствует городу Усбаникету. Датируется оно первыми веками – XVIII в. н. э. Именно здесь, скорее всего, находился город, названный в письменных источниках XIV–XVIII вв. Карасаман. Именно в Карасамане (Кара-Саман) Тимур в 1392 г. принимал послов Тохтамышша. В начале XV в. город упоминается в связи с войной Улугбека и монголов. Один из отрядов последних под началом Шах Джехана осадил Сайрам и дошел до Карасамана, места в окрестностях «Отрара» [Бартольд, 1963б, с. 93]. Этот город, скорее всего, и соответствует городищу Караспан. Об этом писали Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич [1958, с. 107-108], а также К. М. Байпаков [1977, с. 201-202].

Таким образом, имеется интерес в локализации главного города округа Кенджиде, где функционировал монетный двор XIII-XIV вв.

Как уже выше отмечалось, в конце XII – начале XIII в. усилившееся государство хорезмшахов начало борьбу с каракитаями. На страницах исторических сочинений, описывающих походы хорезмшахов за Сырдарью, *город Отрар* находится в центре событий.

Так, у Джувейни в «Истории завоевателя мира» в разделе, посвященном походу хорезмшаха Мухаммеда на каракитаев, сообщается, что, переправившись через Сырдарью, он встретил в долине Иламиш войско кара-китайского Таянку и разбил его. На обратном пути отряды Мухаммеда взяли Отрар. Наместником Отрара стал Тадж ад-дин Бильге-хан, двоюродный брат Османа, владельца Самарканда [Бартольд, 1963а, с. 429].

В конце 1219 г. произошло первое столкновение войск Хорезма и монголов, которые преследовали меркитов, бежавших в страну кыпчаков, пограничную с Хорезмом. Узнав об этом, хорезмшах Муххаммед снарядил 60-тысячное войско, которое сам и возглавил и двинулся из Самарканда в Дженд, оттуда на север. В Тургайской степи он настиг монгольский отряд, которым командовал Джочи и вступил с ним в сражение. В ходе трехдневного сражения никто не достиг победы.

Отрар подчинился Хорезму недолго. В 1218 г. здесь произошло событие, известное в истории под названием «Отрарская катастрофа» [Буниятов, 1999, с. 140]. Ее описывают Ибн ал-Асир и Рашид ад-дин. Первый из них сообщает: «Чингисхан отправил партию купцов и тюрок с большим запасом серебра, бобров и других вещей в города Мавераннахр, Самарканд и Бухару, поручив им купить для него материал на одежду. Пришли они в один из тюркских городов, называемый Отраром, составляющий крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник» [СМИЗО, 1884, с. 5].

Для таких действий было основание. По сообщению Нисави, купцы обвинялись в шпионаже и запугивании жителей города «грядущим бедствием». В караване кроме купцов находились воины-кочевники, присоединившиеся к посольству по приказу Чингисхана. «Когда к нему прибыл этот отряд, то он (наместник) послал в Хорезм – уведомить об их прибытии и сообщить ему об их имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он (наместник) убил посла, отослал то, что при них было» [Буниятов, 1999, с. 141-142].

Имеются и другие версии, согласно которым караван был разграблен людьми наместника Отрара – инальчика Кайр-хана [Петрушевский, 1970, 106-107], польстившегося на богатство.

Чингисхан использовал этот случай как повод для задуманного вторжения во владения Мухаммеда. Осенью 1219 г. его войска стали под стенами Отрара [Бартольд, 1963а, с. 474].

Джувейни приводит достаточно подробный рассказ об осаде Отрара, в котором содержатся интересные сведения, в том числе и о топографии городища.

«...Они (монголы) разбили свои палатки вокруг города. Султан дал Кайр-хану 50 тысяч человек из его пограничных войск и послал Карача Хаджиба к нему на помощь еще с 10 тысячами. Цитадель, внешние укрепления и городская стена были хорошо укреплены, и было собрано большое количество оружия для войска. Кайр-хан с его отрядом сделал все приготовления к битве внутри города, расположил пехоту и кавалерию на воротах, а сам поднялся на стену; когда он посмотрел вперед, он прикусил кончик пальца от удивления перед открывшимся внезапно видом: насколько он мог охватить взглядом равнину, она вся стала бурлящим морем бесчисленных толп и великолепных войск, тогда как воздух был полон криков шума (создаваемого) ржанием закованных в броню лошадей и ревом покрытых кольчугами мулов».

Армия расположилась несколькими кругами вокруг крепости. И когда войска собрались, Чингисхан отправил каждого из полководцев в определенном направлении. Своего старшего сына (Джучи) он послал в Дженд и Барчынлыгкент с несколькими туменами храбрых и деятельных воинов; некоторое число своих военачальников послал в Ходжент и Фенакет. Он сам направился в Бухару, оставив Угедея и Чагатая во главе войска, которому была поручена осада Отрара.

Так как конные войска (монголов) должны были быть использованы в других направлениях, гарнизон мог выдержать продолжительную борьбу и сопротивляться в течение пяти месяцев. Наконец, когда положение населения Отрара стало безвыходным, Карача спросил Кайр-(хана) о (возможности) покориться и сдать город монголам. Но Кайр знал, что он был причиной этих трудностей и не мог ожидать, что монголы пощадят его жизнь, и он не знал никакой лазейки, через которую он мог бы спастись. Поэтому он продолжал борьбу изо всех сил.

Карача с большей частью своей армии отправился через ворота Суфи. Татарское войско вошло ночью через эти же самые ворота и взяло Карача в плен. Все виновные и невинные (жители) Отрара, как покрытые чадрой, так и кулахом или тюрбаном, были изгнаны из города как стадо баранов, а монголы разграбили все вещи и имущество (их), какое только они могли найти.

Что касается Кайра, то он вместе с 20 тысячами храбрых мужчин и подобных львам воинов нашел убежище в цитадели... И каждый из них до последнего вздоха продолжал сражаться; и по этой причине многие из монгольского войска были убиты. И так борьба продолжалась еще весь месяц – до тех пор, пока остался в живых только Кайр и еще двое, он все продолжал сражаться и не поворачивал назад, чтобы спастись бегством. Монгольские войска вошли в цитадель и загнали его под крышу, но он с двумя своими товарищами все еще не сдавался. И так как воинам было приказано взять его в плен живым, то, повинувшись этому приказу, они не могли убить его. Между тем его товарищи приняли мученическую смерть, а у него самого не осталось оружия. Тогда девушки стали передавать

ему кирпичи из стен дворца. И после того как он прибег ко многим хитростям, произвел много нападений и уложил многих воинов, он все-таки попал в ловушку, был связан и закован в тяжелые цепи. Цитадель и стены были сравнены с землей, и монголы удалились. А тех из простолюдинов и ремесленников, которые избежали меча, они увели с собой для того, чтобы применить их в качестве хашара или воспользоваться их искусством в ремесле. И когда Чингисхан пришел из Бухары в Самарканд, их пригнали туда тоже.

Что касается Кайра, то они в Кок-Сарае (Самарканд) заставили его испытать чашу уничижения и облачиться в одеяние вечности» [Juvaini, 1958, с. 82-86].

О судьбе Отрара в первые десятилетия после монгольского нашествия известно мало. Но уже к середине XIII в., несмотря на сильные разрушения 1219-1220 гг., город был восстановлен и, более того, значительно выросла его роль в экономической и политической жизни оазиса. Это выразилось, прежде всего, в превращении Отрара в крупный центр по чеканке монет, что связано с переходом от преобладавшей при Угедее системы натуральных податей к денежной [Бартольд, 1963в, с. 149]. Известна золотая монета, чеканенная в Отраре от имени Менгу-хана из клада, найденного в 1898 г. в местности Янгиер Чимкентского уезда [Лунин, 1969, с. 178]. В самом Отраре найдено несколько кладов с монетами XIII в., в том числе и Отрарский денежно-вещевой клад XIII в. [Байпаков, Настич, 1981, с. 20-62].

Восстанавливаются проходившие через Отрар караванные пути на Запад и Восток. Уже в 1255 г., возвращаясь из Каракорума в Малую Армению, в Отраре побывал армянский царь Гетум I. Он писал: «...Поехали в Хундакойр и Сыгнах т. е. к горам Харчук... Оттуда отправились в Сыгнах и Савран, который очень велик (откуда происходят сельджуки)... затем в Харчук и Асон, в Саври и Отрар, Зурнук и Дизак. Оттуда на тридцатый день они достигли Самарканда» [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

В названных Гетумом I городах легко узнаются города, название которых или развалины стен в большинстве своем сохранились до сих пор – это Отрар, Сауран, Карачук, Ясы, Сури.

Во второй половине XIII в. Отрар был завоеван Алгуем. Рашид-ад-дин так описывает это событие: «Когда Арик-Буга назначил Алгу, сына Байдара, сына Чагатая во главе Чагатайского улуса и отправил от себя (туда) и когда он (Алгу) прибыл в область Туркестан, к нему собралось около 150 000 всадников. Затем Алгу послал войско... в Самарканд, Бухару и область Мавераннахра... ибо Мавераннахр был временно захвачен джучидами Золотой Орды... Когда они (войска Алгу) прибыли в те пределы, то предали смерти всех зависимых людей и нукеров Беркая... Дела Алгу вновь пришли в порядок, и он вновь собрал рассеявшееся войско. Один раз он дал сражение войску Беркая, разбил его и разграбил Отрар» [СМИЗО, 1941, с. 73]. Однако

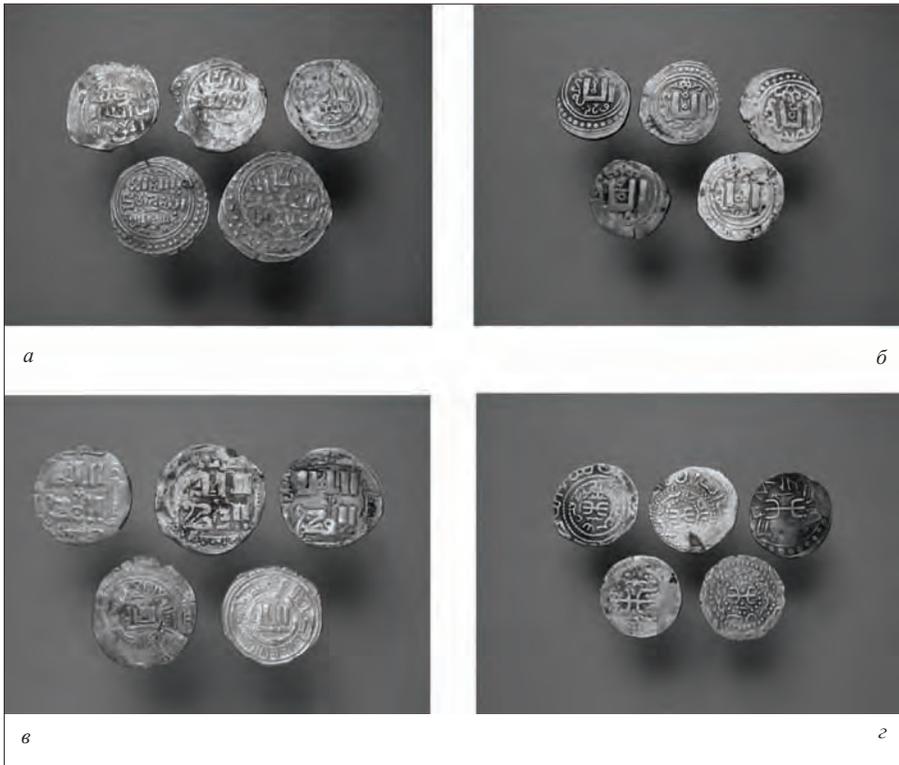

Рис. 4. Монеты из Отрарского клада:

а - Монеты Дженда. Вторая половина XIII в.; б - Чекан Урду Ал-Азама. Вторая половина XIII в.; в - Монеты Алмалыка. Вторая половина XIII в.; г - Монеты Крыма. Вторая половина XIII в.

город не потерял своего экономического значения, что подтверждается обнаружением в ряде кладов многочисленных монет чекана Отрара.

В Дукентском кладе таких монет оказалось 19 (1285/1286 г.) [Жуков, 1959, с. 176], в кладе у с. Мамаевка джагатаидских монет 3800 медных и 1860 серебряных [Боронин, 1896, с. 17-18].

Денежная реформа Кебека, проведенная в 1321-1322 гг., была следствием усиления централизации государства джагатаидов, что проявилось в указании имени главы государства на монетах. Отрар при Кебеке, а позднее, при Тармаширине, продолжает играть важную роль в экономике Казахстана и Средней Азии и становится главным городом северных округов. В Таласском кладе монет отрарский чекан составил 34% [Массон, 1957, с. 81].

Являясь крупным экономическим центром, Отрар на протяжении XIII и XIV вв. оставался городом, за право владения которым шла постоянная борьба между джучидами и джагатаидами. Он несколько раз за этот период переходил из рук в руки. В первые десятилетия XIV в. им владели джучиды.

«Аноним Искандера» сообщает о хане Ерзене, сыне Сасыбуки, что «он был царем крайне умным, праведным, превосходным,

богобоязненным. Большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, устроил он» [СМИЗО, 1941, с. 129].

В 1376 г. Тимур пожаловал отнятые у владетеля Ак-Орды Урус-хана Отрар, Сауран и Сыгнак Тохтамышу [Бартольд, 1968а, с. 564].

В борьбе с сыновьями Урус-хана, сначала с Кутлук-Бугой, а затем с Тохта-Кией Тохтамыш был дважды разбит и вновь бежал к Тимуру. Тогда Тимур решает выступить против Урус-хана сам. Низам ад-дин Шами говорит: «Отправив послов (они требовали выдачи Тохтамыша), он (Тимур) занялся приведением в порядок и собиранием войск, выступил и остановился в Отраре, а с той стороны войско Урус-хана, дойдя до Сыгнака, остановилось» [СМИЗО, 1941, с. 106-156].

Из-за сильных холодов и снега войска простояли друг против друга почти три месяца. Решающего сражения не произошло, но в мелких стычках успех был на стороне Тимура. Урус-хан отступил и вскоре умер. Тохтамыш разбил сына и наследника Урус-хана Тимур-Мелика и по желанию Тимура в 1377/1378 гг. был провозглашен ханом в Сыгнаке [Бартольд, 1968а, с. 565].

Впоследствии Отрар встречается в источниках при описании войн Тохтамыша и Тимура. У Шереф-ад-дина Йезди о набеге Тохтамыша в 1388/1389 гг. на Мавераннахр сказано, что эмиры Тимура выступили против Тохтамыша: «Они перешли через Сейхун и на равнине Чуклюкской, лежащей в 5 фарсах от Отрара к востоку, осенью этого года сошлись войска» [СМИЗО, 1941, с. 154-155].

Отрар, как явствует из письменных источников, всегда был одной из опорных военных баз Тимура на северных рубежах его государства, тем более город контролировал важную стратегическую переправу через Сырдарью.

Готовясь к походу на Восток, Тимур сконцентрировал свои главные войска именно в Отраре. В середине января 1405 г. он прибыл в Отрар, принял послов Тохтамыша и обещал поддержку. «Но начертание пера судьбы было другое» [СМИЗО, 1941, с. 189]. В феврале 1405 г. Тимур скончался в Отраре [Бартольд, 1963б, с. 71; Зимин, 1914, с. 37-52, дополнения 53-55].

В последующие годы Отрар упоминается в источниках в связи с междоусобными войнами Шахруха и Халил-султана. Здесь весной 1405 г. против Шахруха поднял мятеж Шейх Нур ад-дин [Бартольд, 1963б, с. 80].

Под его властью Отрар находился, вероятно, четыре года. Весной 1409 г. Шейх Нур ад-дин присоединился к Шахруху, причем без войска, так как потерял его в сражении с Худайдадом на пути из Отрара в Бухару [Бартольд, 1963б]. Отрар перешел в руки Халиль-султана. Здесь же был заключен мирный договор между Шахрухом и Халиль-султаном, согласно которому Шейх Нур ад-дин остался наместником города. Весной 1410 г. он поднял мятеж против Улугбека и нанес ему поражение при Кызыл-Рабате. В этом же году Шейх Нур ад-дин был разбит и бежал в Моголистан [Бартольд, 1963б, с. 90-92].

Неудачей закончились и попытки могольского хана Мухамеда захватить северные области владений Улугбека. Хотя могольский отряд под началом брата хана Шах-Джехана осадил Сайрам и дошел до Карасамана, все же он был разбит Шах-Меликом и отступил. Вскоре при осаде Саурана был убит пришедший с моголами Шейх Нур ад-дин. В 1411 г. Улугбек стал полновластным правителем области, простиравшейся от Амударьи до Сыгнака на северо-западе, до Аспары на северо-востоке [Бартольд, 1963б, с. 95].

Отрар в первой половине XV в. по-прежнему выступает как крупный экономический и военный центр региона, расположенного к северу от Мавераннахра. Не случайно именно здесь, как это было и при Тимуре, в Отраре и области в 1425 г. зимовало левое крыло войска Улугбека перед походом в Моголистан [Бартольд, 1963б, с. 105].

Овладеть городом стремились и кочевые узбеки. Уже в 1426 г. ставленник Улугбека Барак высказывает притязания на сырдарьинские земли, мотивируя свое выступление правами джучидов на данную территорию. Поход Улугбека на Барака окончился поражением его войск: узбеки вторглись в глубь Мавераннахра, и лишь благодаря помощи Шахруха города на Сырдарье остались под контролем тимуридов [Ахмедов, 1965, с. 40].

К середине XV в. сырдарьинские города подчинил себе Абу-л-Хайр-хан. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуда бен Усмана Кухистани говорится: «Когда хаким города [Сыгнака] увидел многочисленность и величественность войск хакана [Абу-л-Хайр-хана], то, выйдя к нему с повинованием и послушанием, вручил город..., и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгент также подчинились деснице власти» [МИКХ, 1969, с. 159].

Среди завоеванных узбеками городов нет Отрара, Саурана и Яссы. Видимо, в это время они подчинились тимуридам.

Уже в 30-40-е годы XV в. Абу-л-Хайр-хану пришлось вести упорную борьбу с султанами-чингизидами, среди которых наиболее настойчиво сопротивлялись Джанибек и Буреке-султан.

Борьба между казахскими и узбекскими ханами еще более усилилась с распадом государства кочевых узбеков в 1468-1469 гг. Одной из ее причин было стремление враждующих сторон захватить и подчинить сырдарьинские города.

Судя по источникам, и в тот период Отрар наряду с другими городами Туркестана был крупным экономическим и политическим центром.

О немаловажном значении Отрара говорит такой эпизод из «Таварих-и Гузида»: «В это время, когда [Султан Махмуд-хан] отдал Отрар [Мухаммад Шайбани-хану]... Кул-Мухаммад-гархан был в Сабране. Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались: «Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет», — послали человека, привели Махмуд-султана [брата Шайбани-

хана] и отдали ему Сабран». Как видно из этого сообщения, Отрар занимал ключевое положение в Туркестане. Взятие города в данном случае делало Мухаммад Шайбани-хана владельцем и других сырдарьинских городов.

Развалины городища Отрартобе сохранили имя средневекового города, который с IX в. назывался Отрар-Фараб [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 26-43].

Как известно из сведений письменных источников IX-XII вв., в Отрарском оазисе располагались крупные города *Кедер* и *Весидж*, отождествленные с городищами Куйрыктобе и Оксыз [Байпаков, 2013, с. 33].

Однако в событиях, связанных с завоеваниями монголов, эти города не названы, и это, видимо, вызвано тем, что изменились названия этих городов, либо они пришли в упадок к началу событий, связанных с завоеванием Отрара.

Городище Куйрыктобе действительно в XIII в. запустело, у него интенсивно обживался только рабад, где была сосредоточена ремесленная жизнь.

В Оксызе же продолжалась активная жизнь и в XIII в. Есть предположения, что город Весидж изменил имя и скорее всего в XIII в. назывался иначе – Зернук. О взятии крепости Зернука сообщает Джувейни. Посланный монголами для переговоров Данишмед-хаджиб договорился с жителями Зернука о добровольной сдаче в обмен на сохранение жизни и имущество горожан. Монголы, после того как Зернук был сдан, разрушили лишь городские

Рис. 5. Городище Оксус-Оксыз – город Зернук. Аэрофото

укрепления и забрали молодежь в толпу для участия в будущих осадных работах. Город получил от монголов прозвище «Кутлугбалык» – «счастливый город».

В Зернуке монголы нашли проводников для перехода через пустыню на юг к бухарскому городу Нур. Дорога, по которой они прошли, получила название «ханской» [Бартольд, 1963а, с. 175].

Через Отрари Зернук, названный им «Зурнук», в 1256 г. проследовал в Самарканд Гетум I. И уже в 1405 г. в районе Зернука переправилось через Сырдарью войско Тимура к месту своей дислокации в Отрар.

Следует предположить, что город Зернук соответствует городу Весиджу X–XII вв. и локализуется на месте городища Оксыз. Раскопки, проведенные здесь, открыли в цитадели дворцовый комплекс, существовавший в XI–XIII вв. К XIII–XIV вв. относится обживание рабада городища [Байпаков, 2013]. Дополнительным аргументом о тождестве Оксыз-Зернук может служить список городов, приведенный ал-Макдиси в X в., в котором отсутствует Весидж, но есть город Зерах, возможно так назван Зернук [Байпаков, 1977а, с. 86].

В Отрарском оазисе источники помещают селение *Чилик*. Именно до него, согласно Шереф ад-дину Йезди, дошло войско Тимура во время его последнего похода в Китай в 1405 г. [Бартольд, 1964г, с. 77].

В топонимике Отрарского оазиса сохранилось название Чилик – это река и современное селение. Рядом с ним на р. Чилик находится городище Бузук, верхние слои которого датируются XIII–XV вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 165-170].

Не исключено, что это же городище отождествляется с городом Бурух, названном в числе городов Южного Казахстана в списке ал-Макдиси [Волин, 1949, с. 80-81].

В XI–XII вв. будущий *Туркестан* назывался *Ясы*. Значение города как идеологического центра определялось культом святого Ахмеда Ясеви, который обратил тюрков в ислам, и особенно усилилось благодаря мавзолею над гробницей, сооруженному Тимуром. Святой слыл покровителем страны тюрков, чем, вероятно, и можно объяснить новое название города, которое утвердилось в XVI в. В начале XVI в. историк Рузбихан назвал город Ясы «столицей Туркестана» [Пищулина, 1969, с. 19, 21].

Ясы-Туркестан являлся столицей огромной территории, которая называлась Туркестан и под этим именем была известна уже в VII в. н. э. Уже при сасанидах страна тюрков начиналась севернее Окса (Амударья). Она была определена как граница между тюрками и персами [Бартольд, 1963а, с. 518-520].

Название Ясы не упоминается в источниках, описывающих завоевания Чингисхана. Предполагается, что город сдался монголам без сопротивления.

После раздела монгольского государства на уделы, Ясы вместе с территорией Южного и Юго-Восточного Казахстана вошли в улус Чагатая.

После смерти Чагатая при великом хане Мунке (1251-1259 гг.) царевичи из рода Чагатая и Угэдэя были репрессированы и земли монгольской империи с середины XIII в. были поделены между потомками Тулуя и Джучи. В это время Южный Казахстан попал под влияние джучидов.

В 60-е гг. XIII в. началась борьба за власть между Хубилаем и Ариг-Бугой. Ариг-Буга назначил во главе Чагатайского улуса Алгуя (внука Чагатая), направив его туда с войском. Рашид-ад-дин сообщает, что Алгуй направил своих воинов «...в Самарканд, Бухару и области Мавераннахра, чтобы они охраняли границы той стороны и выполняли указы Алгуя. Когда они прибыли в те пределы, то предали смерти всех зависимых людей... и нукеров Беркая... Один раз он дал сражение войску Беркая, разбил его и разграбил Отрар, а через год умер» [СМИЗО, 1941, с. 73].

Алгуй, отвоевав у джучидов Золотой Орды земли Чагатайского улуса, был по существу независимым правителем [Бартольд, 1964а, с. 539-544]. После смерти Алгуя (663/1265-1266 гг.) [История Казахской ССР, 1979, с. 125] обстановка в улусе вновь обострилась.

В результате междоусобной войны власть в улусе перешла к Кайду. Весной 1269 г. на берегу Таласа состоялся курултай, на котором было провозглашено образование Чагатайского государства, независимого от владений великого хана, под владичеством Кайду (1269-1301 гг.). В него вошли южно-казахстанские земли и сырдарьинские города.

В начале XIV в. после смерти Кайду власть в государстве перешла к Туве (Дуве) – правнуку Чагатая. Но борьба между джучидами и чагатаидами за право владения сырдарьинскими городами продолжалась.

С начала XIV в. на них стали претендовать правители Ак-Орды — государства, обособившегося от Золотой Орды и занимавшего восточную часть улуса Джучи. Пользуясь сложностью внутреннего положения Чагатайского государства, акординские ханы захватили низовья и среднее течение Сырдарьи с городами Отрар, Ясы, Сауран, Янгикент [История Казахской ССР, 1979, с. 125].

Столицей Ак-Орды был и город Сыгнак, а временами – Сауран [СМИЗО, 1941, с. 129-130]. Ханская ставка переносится в долину Сырдарьи, и Южный Казахстан становится политическим центром этого государства.

Ханы Ак-Орды покровительствовали городам и содействовали развитию торговли, предпринимали шаги к восстановлению хозяйственной и культурной жизни в оседло-земледельческих оазисах среднего течения Сырдарьи [СМИЗО, 1941, с. 129].

В 70-е гг. XIV в. на присырдарьинские города и земли в союзе с ханом Тохтамышем претендует Тимур. Тимур послал Тохтамышу с войсками к южным границам Ак-Орды и пожаловал ему весь район средней и нижней Сырдарьи. Столицей его стал Сыгнак [Бартольд, 1968а, с. 564].

Но Тохтамыш был разбит и бежал к Тимуру. Тимур был вынужден выступить против Урус-хана лично и подошел к Сыгнаку. Шараф-ад-дин Али Йезди так описывает это событие: «Собрав весь улус Чагатайский, он... двинулся на Урус-хана... Когда, после перехода (войска) Сейхун, степь Отрарская сделалась ставкою победоносных войск (Тимура), то с этой стороны Урусхан собрав весь улус Джучи остановился, дойдя до Сыгнака...» [СМИЗО, 1941, с. 148]. Простояв около трех месяцев, войска так и не вступили в бой. Урус-хан отступил.

В руках Тимура оказались все города на Сырдарье [Пищулина, 1977, с. 92].

В 1377 г. Тохтамыш с помощью войска Тимура захватил Сыгнак, а на следующий год разбил сына Урус-хана Тимур-Мелика и стал считать себя полновластным владыкой Ак-Орды [СМИЗО, 1941, с. 150].

Первое время Тохтамыш подчинялся Тимуру и выполнял его распоряжения, но вскоре между ними началась война.

В конце 1388 г. Тохтамыш вторгся во владения Тимура. В источниках говорится, что «не будучи в силах овладеть Сабраном, Тохтамыш-хан ограбил Ясы и расположился в тех равнинах» [СМИЗО, 1941, с. 157]. Собрав войско, Тимур весной 1389 г. переправился через Сырдарью и двинулся навстречу противнику. Тохтамыш бежал в степь. В январе 1391 г. Тимур начал поход на Дешт-и-Кыпчак. Двигаясь через Ясы, Карачук, Сауран, р. Сарысу, Улутау он достиг Тохтамышы и в июне 1391 г. разбил его войско. Еще одно поражение Тохтамыш потерпел в 1395 г.

В державу Тимура в конце 90-х годов XIV в. вошли земли Мавераннахра, Хорезма, прикаспийские области, территория Афганистана, часть Индии, Ирака, Закавказья.

Рис. 6. Городище Туркестан. Аэрофото

Тимур стремился объединить завоеванные народы не только границами единого государства, но и общим мировоззрением.

В конце XIV в. в Ясы было начато строительство мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Официальная история Тимура «Книга побед» («Зафарнаме») Шарафа-ад-дина Али Йезди сообщает подробности этого события. Осенью 1397 г. Тимур женился на Таукель-ханым, дочери могулистанского правителя Хызр-Ходжа-хана. Ожидая невесту, Тимур выехал ей навстречу и по дороге заехал в Ясы поклониться могиле Ахмеда Ясави. Исполнив установленный обряд зиарата (поклонения), Тимур наградил царскими милостями, подарками и приношениями «жительствующим при мазаре» и других сообразно их достоинству. Затем он отдал приказ о перестройке того «благословенного мазара» [Массон, 1929, с. 40-42; Туякбаева, Проскурин, 1985, с. 64]. В распоряжении были указаны общий план, основные размеры и помещения новой постройки, ее отделка [Массон, 1929, с. 41-43].

С постройкой грандиозного комплекса мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в конце XIV в. значение Ясы меняется, город становится местом пребывания тимуридских наместников.

В 1404 г. Тимур передал своим внукам в уделы завоеванные территории. Ясы, Сайрам, Йанги (Тараз), Ашпара и вилайет Джете (Могулистан) достались Улугбеку [Бартольд, 1964г, с. 70].

После смерти Тимура (февраль 1405 г.) в государстве начались междоусобные войны. Улугбеку приходилось подавлять мятежи наместников сырдарьинских городов, защищать свои владения от нападений извне [Бартольд, 1964г, с. 90-92]. Северные владения Улугбека пытался захватить могульский хан Мухаммед. Хотя могулы дошли до окрестностей Отрара, осадили Сайрам и Сауран, их войска были разбиты. В 1411 г. Улугбек стал полновластным правителем земель от Амударьи до Сыгнака на северо-западе и Аспары на северо-востоке [Пищулина, 1977, с. 95].

В 1419 г. Улугбек поддержал внука Урус-хана Барака в борьбе за власть в Ак-Орде и помог ему к 1425 г. захватить власть в ханстве [СМИЗО, 1941, с. 196-197]. Но уже в 1426 г. Барак потребовал земли около Сыгнака, принадлежащие Улугбеку, мотивируя свои притязания правами джучидов на сырдарьинские земли [СМИЗО, 1941, с. 197]. Улугбек был разбит под Сыгнаком, а войско Барака занялось грабежом «в разных краях владений Мавераннахра и Туркестана» [СМИЗО, 1941, с. 197-198]. Только своевременная помощь правителя тимуридского государства Шахруха позволила тимуридам сохранить контроль над частью городов на Сырдарье (в их числе и Ясы) [Ахмедов, 1965, с. 40]. Барак стал независимым от Улугбека и сохранил за собой Сыгнак и другие сырдарьинские города.

В 1428 г. Барак был убит. Междоусобицы привели к тому, что в первой четверти XV в. Ак-Орда распалась на Ногайскую Орду и Узбекский Улус (государство Абу-л-Хайра-хана) [МИКХ, 1969, с. 144].

Абу-л-Хайр-хан начал борьбу с тимуридами за присырдарьинские города и Хорезм, совершая набеги на Мавераннахр. В 1446 г. он проник на Нижнюю Сырдарью, захватил ряд городов в долине реки и предгорьях Каратау: Ак-Курган, Аркук, Узгенд, Сузак, Сыгнак [МИКХ, 1969, с. 159]. Среди завоеванных им городов источники не называют Отрар, Сауран, Ясы. По-видимому, они еще оставались под властью тимуридов [Бартольд, 1964б, с. 489; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 40; Пищулина, 1977, с. 121].

Город Ясы стоит на городище Ески-Туркестан и локализация его не вызывает сомнения [Байпаков, 2013, с. 34].

В списке сырдарьинских городов, названных Гетумом I, есть город *Харчук* [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224]. Харчук – это Карачук, о котором еще в XI в. писал Махмуд Кашгарский: «Карачук – название Фараба» [МИТТ, 1939, с. 312].

Есть мнение, что город Карачук – тюркская калька согдийского названия города Шавгар – «Черная гора» – «Черногорск» [Шуховцов, 1978, с. 151-152] и одноименного округа [Волин, 1949, с. 78-80].

Шавгар, названный в сочинениях ал-Идриси и ал-Макдиси, Карачук Махмуда Кашгарского и Харчук Гетума I отождествляется с городищами Торткольтобе I и Торткольтобе II на р. Карачик в 8 км севернее г. Туркестана. Первое датируется I-XII вв., второе – XIII-XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 172-176].

Рядом с Ясы находился еще один город, который назывался *Карнак* [МИТТ, 1939, с. 183-184]. Этот город отождествляется с городищем Ишкан-Карнак, которое сохранило имя города, возникшего еще в

Рис. 7. Городище Ишкан – город Карнак. Аэрофото

домонгольское время [Байпаков, 2013, с. 79], Карнак существовал и в XIV–XV вв. В этом городе отливали той-казан для мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави [Массон, 1930, с. 22].

Первое упоминание в послемонгольское время о *городе Сауране* принадлежит также армянскому царю Гетуму I. Он называет после Сгнаха «город Савран, который очень велик» [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

Город Сауран упоминается, как выше отмечалось, в маршрутнике Гетума I и в «Зафар-наме» – «Книге побед» Низам-ад-Дина Шами, написанной в 1401-1404 гг. Там есть такие слова: «Когда Токтамыш-оглан прибыл, эмиры в качестве посредников представили его Тимуру. Его величество проявил в оказании ему почета и уважения такие усилия, какие только было возможно, и выполнил то, что следовало для соблюдения вежливости со стороны такого величества по отношению к такому царевичу. Рядом с ним он въехал в город Самарканд, дал царские пиры с соответствующими подарками и пожаловал ему (Токтамышу) и его спутникам столько золота и (драгоценных) украшений, скота и материй, лошадей и мулов, палаток и шатров, барабанов, зонтов

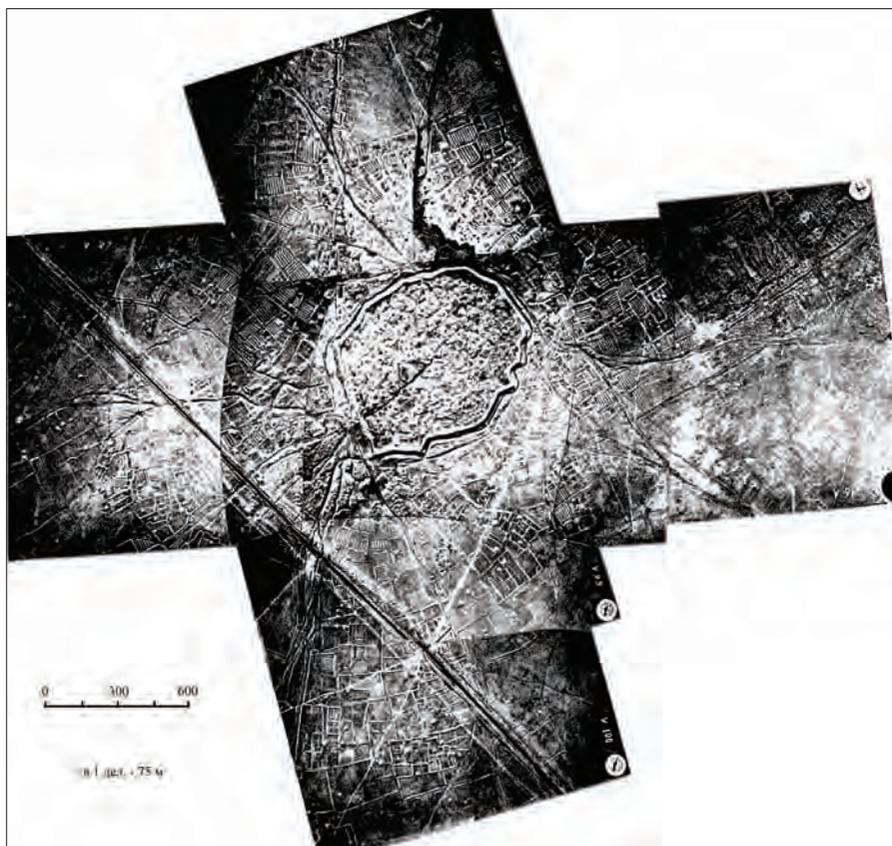

Рис. 8. Сауран. Аэрофото

Рис. 9. Городище Сауран. Ворота. До реконструкции

и знамен, дружины и войска, что ум не может этого определить и сосчитать. Он (Тимур) пожаловал ему область Отрара и Саурана и послал его в те места».

После ряда поражений, Токтамыш утвердился в Сауране и улусе Джучи, при поддержке Тимура занял «трон Саурана» и «улус Джучи подчинился ему» [СМИЗО, 1941, с. 106].

«Домонгольский» Сауран, как удалось установить, находился восточнее «грандиозных развалин» послемонгольского Саурана и ему соответствует городище Каратобе [Байпаков, 1998, с. 65–70]. Исследования на этом памятнике выявили слои от первых веков н. э. до XIII в. Это был один из крупных городских центров Южного Казахстана. В раскопках здесь были найдены медные посеребренные дирхемы Отрара. По мнению Е. А. Смагулова, проанализировавшего нумизматический материал, «домонгольский» Сауран прекратил свое существование в 1260–1265 гг. во время военных действий чагатаида Алгуя [Смагулов, 2011, с. 297]. Это мнение достаточно аргументировано [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 149]. Причина передислокации города пока не выявлена. Но это может быть и погром города чагатаидов Алгуем во время его войн с джучидами. После этого Сауран был отстроен в 5 км западнее. Он отождествляется с городищем Сауран [Байпаков, Смагулов, 2005].

Во главе с Джучи был взят штурмом *город Сыгнак*, который находился на расстоянии 24 фарсахов от Отрара. Когда к нему в 1219 г. подошли монголы, то на переговоры с жителями осажденного города был отправлен мусульманский купец Хасан-ходжа, много лет находившийся на службе у Чингисхана. Защитники Сыгнака убили

переговорщика, после чего начался штурм города, который длился семь дней. Когда город пал, то монголы перебили все население города, а правителем Сыгнака и его округи стал сын убитого Хасана-ходжи [Бартольд, 1963а, с. 481-482].

Разрушенный монголами Сыгнак был восстановлен, и его посетил армянский царь Гетум I, возвращавшийся из Каракорума домой. Он называет город Сгнах [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

Рузбихан в своем сочинении «Записки бухарского гостя» отмечает, что в начале XVI в. город Сыгнак утратил свою мощь и славу. Раньше же город был известен своей обширностью и следы прошлого величия сохранились до сих пор [Пищулина, 1969, с. 14-15].

«Этот город, – пишет Рузбихан, – был очень цветущим, был окружен большими постройками и обработанными полями, богат разнообразными продуктами и являлся торговым пунктом для казахского народа» [Пищулина, 1969, с. 15].

Следует особо подчеркнуть, что издревле вокруг города находились многочисленные зимовки и поселения кочевников.

В XII в. он стал столицей государства кыпчаков. Сыгнак был известен уже в X в. [Бартольд, 1963а, с. 36], а в конце XIV в. он был столицей государства Ак-Орды, затем город был захвачен Тимуром, вытеснившим оттуда хана Тохтамыша. В начале XV в. первые двадцать лет город принадлежал Улугбеку [Бартольд, 1964г, с. 116]. В 1446 г. городом овладели шейбаниды во главе с Абу-л-Хайром, а в середине XVI в. он вошел в число городов Казахского ханства [Пищулина, 1969, с. 14].

Сыгнак бесспорно отождествляется с одним из наиболее крупных городищ Южного Казахстана, именуемым местным населением Сунак-Ата или Саганак. Сходство звучания этих названий с именем города Сыгнак очевидно [Лерх, 1870, с. 11–12; Бартольд 1963а, с. 236].

Археологическое обследование Сыгнака в 1928 г. провел А. Ю. Якубовский, привлечший для понимания истории города письменные источники. Он изучал оросительную систему окрестностей Сыгнака, его водоснабжение на основе вакуфных документов. Он выявил и изучил древние каналы-арыки Бузгил, Узак, Мын-Булак, Чулак, Арсланды, Кызыл-Тал, Кельте-Чалгия. Он также описал остатки мавзолеев на некрополе Сыгнака, культовые постройки вблизи городища [Якубовский, 1929, с. 123–159]. Сейчас исследования и раскопки на городище Сыгнак проводит С. Ж. Жолдасбаев [Жолдасбаев, 2010].

Сыгнак находился в центре торговых дорог. В северо-западном направлении через него вниз по Сырдарье шел путь в Приаралье и далее через Кызылкумы в Хорезм.

Из Сыгнака на север через перевалы в горах Каратау шла караванная дорога в Сузак и далее в Центральный Казахстан.

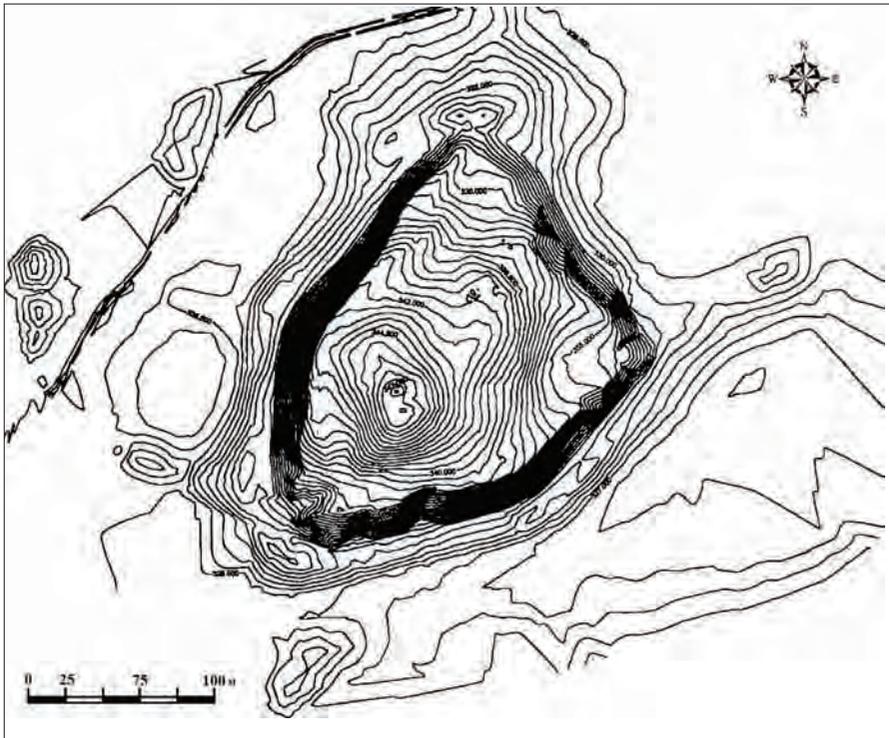

Рис. 10. Городище Кумкент – город Кайкант

Гетум I, проезжавший именно здесь, называл города Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузак, Хундахойр [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

На склонах Каратау было городище Кумкент [Маргулан, 1950, с. 54]. А. Х. Маргулан высказал предположение, что Кумкент соответствует Кумкенту, упоминаемому и в более поздних источниках, в частности, в ногайском эпосе. Кумкала – песчаная крепость – принадлежала отцу Едыге и была центром его наследственных владений [Трепавлов, 2002, с. 235-236].

О тождестве Кайканта-Кумкента пишут Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич [Агеева, Пацевич, 1958, с. 112-113], А. Х. Маргулан [1950, с. 54-55].

Можно предложить и локализацию города Уросохан. Он отождествляется с городищем Карасуан, которое находится в 10-12 км западнее с. Чулак-корган и существовало, судя по керамике, до XIII–XIV вв. [Байпаков, 1977а, с. 92].

Город *Сузах* Гетума I – это позднесредневековый Сузак, хорошо известный по письменным источникам [Пищулина, 1969, с. 26]. Он отождествляется с городищем Созак, сохранившим название средневекового города [Ерзакович, 1960, с. 83; Маргулан, 1950, с. 51]. Город Хандахор отождествляется с городищем Актобе, расположенном

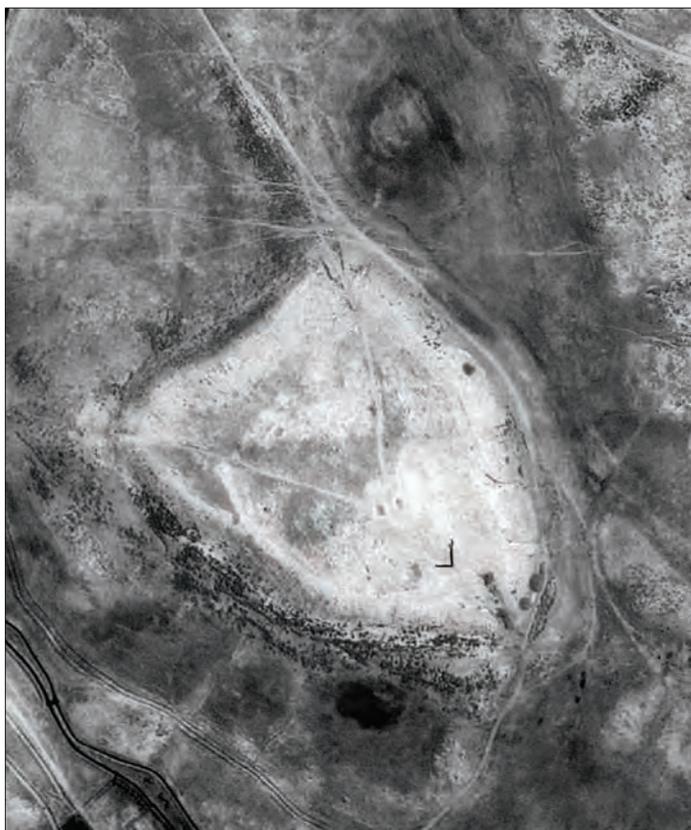

Рис. 11. Городище Кумкент. Аэрофото

на перевале, через который проходила дорога из Центрального Казахстана в Южный Казахстан [Ерзакович, 1960, с. 83].

После взятия и разгрома Сыгнака отряды Джоши, как сообщает Джувейни, двигаясь вниз по Сырдарье, захватили города *Узгент*, *Барчкент* (*Барчынлыгкент*) и *Ашнас* (*Аснас*).

Все города брали штурмом, но особенно упорное сопротивление оказал Ашнас [Бартольд, 1963а, с. 182]. Городища, которые можно сопоставить с городами, находились на левобережье Сырдарьи, следовательно, монголы в каком-то месте переправились через реку.

Первым, кто посетил эти города Приаралья, стал Плано Карпини, который в 1245-1247 гг. совершил по заданию папы Иннокентия IV поездку в столицу монголов Коракорум, где встретился и провел переговоры с Великим кааном Мунке.

Он выехал из французского города Лиона вместе с двумя монахами-францисканцами Венедиктом и Стефаном. Они проехали через Киев, переправились через Днепр, Дон, Волгу, Яик (Жайык) – Урал. Далее прошел земли команов, хангитов, бессерменов-хорезмийцев, увидел много разрушений, совершенных монголами. Затем посольство добралось до низовьев р. Сырдарьи.

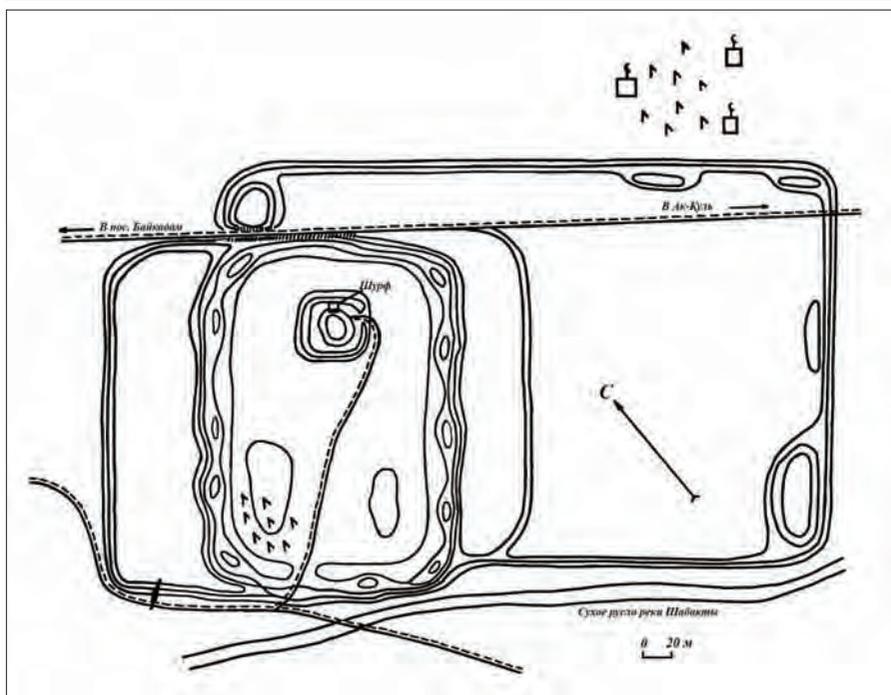

Рис. 12. Городище Саудакеит – город Сухул-хан

Рис. 13. Городище Саудакеит. Аэрофото

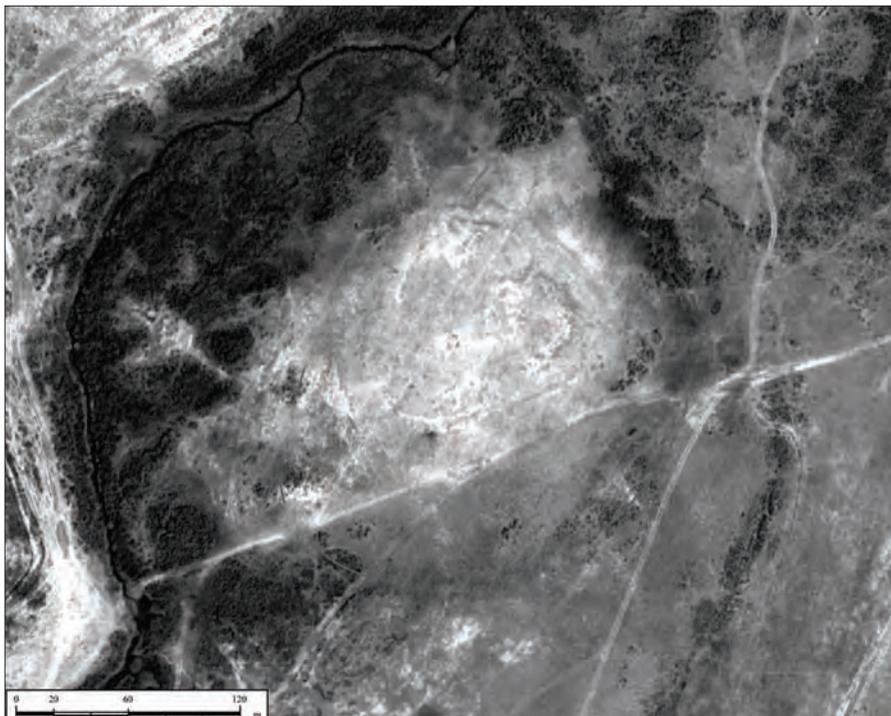

Рис. 14. Городище Карасуан – город Уросо-хан. Аэрофото

Он пишет: «В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно, на ней стоит некий город, именуемый Янкинт. Другой по имени Бархим, третий именуемый Орнас и очень много иных, имена которых нам неизвестны». Эти названия позволяют узнать, в силу своего созвучия, названия города Янгикент, Барчин и Аснас» [Путешествия в Восточные страны ..., 1993, с. 64].

Город *Узгент* сохранил свое имя в названии городища Кыр-Узгент [МИКХ, 1969, с. 112, 113, 260-261]. Это городище датируется XIII–XVIII вв., и это понятно, поскольку Узгент известен в источниках XVI–XVIII вв. Локализация города не вызывает сомнений [Байпаков, 1977б, с. 207].

Не вызывает вопросов и локализация *города Аинаса (Аснас)*. Он сохранил свое имя: так называется городище и питающий его округу магистральный канал, выведенный из Сырдарьи. Город известен с XII в. и назван в числе городов Джендского владения кыпчаков [Бартольд, 1965б, с. 227]. Городище обследовалось отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Был снят план памятника, собран подъемный материал, заложены шурфы. Керамика позволяет датировать жизнь городища в диапазоне VII-XV вв.

Город *Барчкент*, По мнению В. В. Бартольда, в XII в. город входил в число городов кыпчаков [1963а, с. 443]. Есть также мнение, что Барчкент

отождествляется с городищем Кызкала, либо с одним из памятников на протоке Сырдарьи – Баршин [Каллаур, 1900а, с. 14, 16].

Барчкенд, Асанас и Узгент не исчезли после монгольских погромов. Барчкенд упоминается в сочинении Джемалия Карши «ал-Мулхакат биссурах», написанном в начале XIV в., характеризующем историю Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана в монгольский период. В нем сообщается о стране Барчкенд: «Страна пахарей и туркмен, на ее земле скапливаются снега, земля холмистая и песчаная, рассадник москитов и муравьев. В пустыне, отдаленной от гор, живут рыжеватые, усатые (люди).

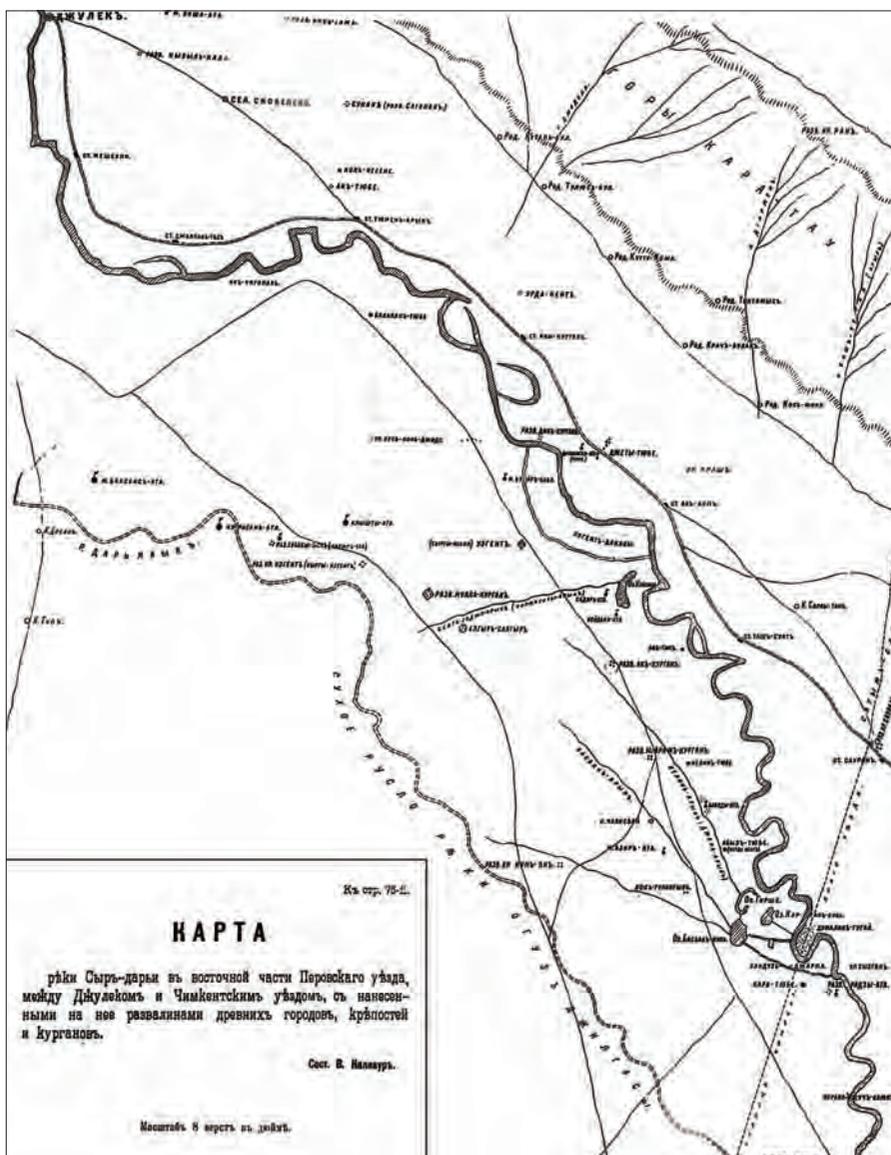

Рис. 15. Городища на левом берегу Сырдарьи

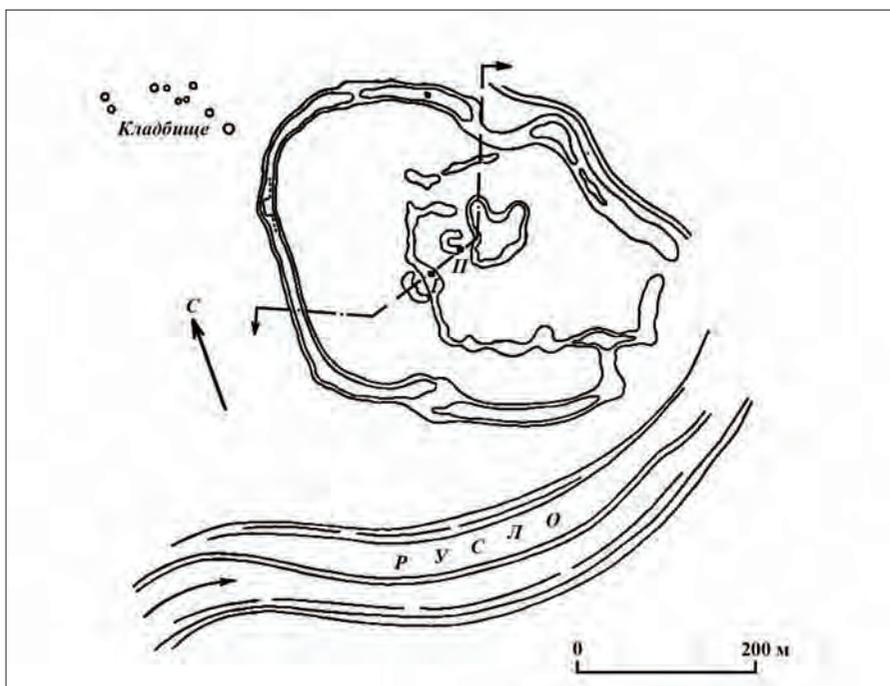

Рис. 16. Городище Асанас – город Асанас

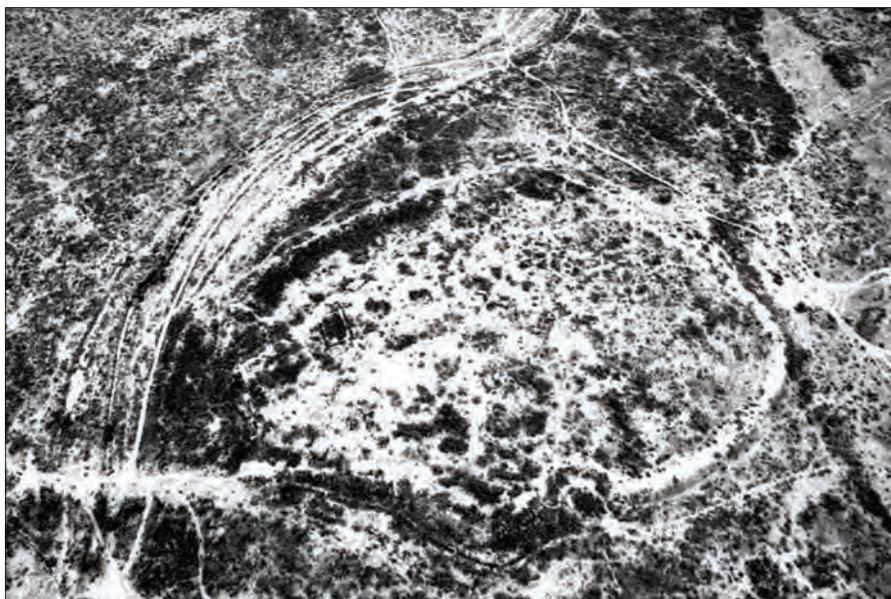

Рис. 17. Городище Асанас. Аэрофото

Я прибыл в Барчкенд на учебу к ал-аллама, садру садров, шайх ал-исламу Хусам ал-милла ва-д-дин Абу-л-Махамид Хамиду ибн Асиму ал-Асими ал-Барчинлиги, подобного которому нет и никто не видел и никогда не увидит, даже если проживет вечность» [История Казахстана в персидских источниках, 2005, т. 1, с. 155–156].

Рис. 18. Городище Асанас. Башня

После разгрома Узгента, Асанаса, Барчкента монголами был отправлен для переговоров в город Дженд Чин-Тимур. Еще раньше Дженд был покинут войском султана, начальник которого Кутлуг-хан бежал в Хорезм. Чин-Тимур в Дженде был дурно принят жителями и получил возможность вернуться только потому, что напомнил жителям о судьбе Сыгнака.

После этого монголы подступили к Дженду.

Жители заперли ворота, но не оказали никакого сопротивления; монголы приставили лестницы, взобрались на стены, заняли город, заставили жителей выйти и оставаться в поле девять дней, пока продолжалось разграбление города, были убиты только те, которые оскорбили Чин-Тимура. Начальником города был назначен бухарец Али-ходжа. Сам Джоши остался в Дженде, откуда в следующем году пошел на Хорезм. Небольшой отряд был послан на Янгикент и, по видимому, занял город [Бартольд, 1963а, с. 482–483].

Город Дженд стал широко известным в предмонгольское время. Так, в сочинении Мухаммеда ибн Наджиб Бекрана (XII–XIII вв.) «Джахан наме» Аральское море названо Джендским озером или морем [Бартольд, 1963а, с. 235–237, 482].

Рассуждая о локализации Дженда, В. В. Бартольд подчеркивал, что он располагался рядом с Джанкентом на расстоянии 20 дней пути от Фараба, 10 дней от Хорезма, двух дней от Аральского моря, одного фарсаха от реки и локализовал его на месте городища Джанкала в урочище Тумар-уткуль, в 30 км от Кызылорды [1963е, с. 560].

В. А. Каллаур считал развалинами Дженда городища Кыз-кала или Гышкала, расположенные в 25–30 верстах от Перовска [Каллаур,

1900а, с. 16; 1900б, с. 78–89] (Кзыл-Орды). В. В. Бартольд по вопросу локализации Дженда разделял мнение В. А. Каллаура [1965б, с. 229].

По мнению С. П. Толстова, все крупные города в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи сохранили свои названия в почти не измененном, во всяком случае, легко узнаваемом виде: Янгикент – Джанкент-кала, Сауран – Сауран, Сыгнак – Сунак-курган, Ашнас – Асанас. Маловероятно, считает он, чтобы имя такого значительного центра средневековья как Дженд, полностью было забыто. И единственным памятником Нижней Сырдарьи до сих пор носящим созвучное с Джендом имя, является городище Джанкала [Толстов, 1962, с. 288].

Вслед за опубликованными результатами исследований Дженда ученые, занимающиеся разработкой вопросов, связанных с историей этого города, вслед за С. П. Толстовым отождествляют Дженд с городищем Джанкала [Агаджанов, 1969, с. 76; Байпаков, 1986, с. 28, 126; 1998, с. 73; 2005а, с. 269–270; Bregel, 2003, р. 22–39].

Исходя из данных исторических источников, можно заключить, что Дженд – город, достигший своего расцвета в X–XII вв., захваченный монголами, но не уничтоженный Джоши, который устроил там свою ставку. В послемонгольское время город переживает упадок, о чем свидетельствуют сведения Джамала ал-Карши, датированные 1273 годом: прежде очень богатый город стал, по его словам, «ничтожным». Однако в Дженде в ту пору оставался оживленным базар, и купцы продолжали туда ездить с расчетом на прибыль [Бартольд, 1965д, с. 48–49; 1965б, с. 227–230].

Рис. 19. Жанкент. Облицовочные плиты мечети

Судя по нумизматическому материалу, город даже в первые десятилетия XVI в. продолжает чеканку монет [Бурнашева, 1993, с. 85].

К сожалению, описания городища Джанкала, приведенные в работах С. П. Толстова отрывочны, а датировки основаны на подъемном материале. Так С. П. Толстов пишет: «Керамика городища относится к нескольким историческим периодам. Большую группу составляют изделия типологически близкие формам, бытовавшим в Хорезме в XIII–XIV вв. Наконец, найденные на городище обломки люстровых сосудов XVI–XVII вв., селадоновых и фарфоровых чаш (типа кобальт) XVI–XVII вв. свидетельствуют об отсутствии материала, который может быть датирован временем ранее XIII–XIV вв.

Возникает резонный вопрос, а может ли средневековый Дженд быть локализован на месте городища Джанкала [Толстов, 1962, с. 290–291].

В 2009 г. здесь были проведены археологические исследования.

Изученный керамический комплекс городища дает относительную дату в пределах середины XIV – вплоть до XVI–XVII вв.

Особый интерес представляют монетные сборы на городище Джанкала.

Еще В. В. Бартольд выражал свое удивление тем фактом, что монет чекана Дженда «до сих пор найдено не было» [Бартольд, 1965б, с. 230]. В работе, посвященной монетному чекану Дженда, Б. Д. Кочнев, собрав все имеющиеся по данному вопросу материалы, пришел к выводу о том, что существование денежного двора в Дженде до и после

Рис. 20. Городище Джанкала. Монеты. XIV в.

монгольского завоевания можно считать твердо установленным. Так, монгольский период жизни Дженда представлен материалами из клада XIII в., изученного В. Н. Настичем, а также клада XVI в., изученного Р. З. Бурнашевой (оба клада происходят из Отрара). Домонгольский фельс с четкой надписью «Дженд» обнаружен в коллекции Государственного Эрмитажа. Такой же фельс обнаружен в кладе монет IX–XII веков с городища Койчелитепа. Один из фельсов с двусторонней розеткой и именем правителя Джанкента Али (XI в.) был представлен коллекционером Д. А. Артамоновым. Большое количество анэпиграфных фельсов с двусторонними розетками могут быть отнесены к чекану Дженда XI–XII вв. Итак, из анализа, сделанного Б. Д. Кочневым, можно заключить, что чекан Дженда домонгольского и постмонгольского времени имел место [1995, с. 67–73].

Однако, в значительном по объему нумизматическом материале, собранном на городище Джанкала в 2000 г. (108 медных и 15 серебряных монет), по определению нумизмата А. Пачкалова монет чекана Дженда не было.

Судя по всему, в монетном обращении этого памятника преобладали монеты Хорезма XIV в.

Все медные монеты, которые возможно определить, относятся ко времени правления Узбека и Джанибека (1330–1350 гг.). Среди них чеканы: Хорезма; анонимные: 737 г. х. (1336–1337 гг.) (тип с солнцем в клешнях рака); Джанибека или Бердибека: по типу 350-е гг. (моноэпиграфная, известны монеты с датами 751, 756, 757, 759 гпх., 21); Янгикент(?): анонимные: по типу 738(?) г. х. (моноэпиграфная?, нет уверенности в определении – очень плохой сохранности); Сарай: анонимные: по типу 726 г. х.(?) (тип с изображением сокола?, нет уверенности в определении – очень плохая сохранность; по типу 1330-е гг. (тип со львом и солнцем); Сарай ал-Джедид: анонимные: по типу 1340-е гг. (тип с двуглавым орлом); по типу 1340-е гг.(?) (тип с двуглавым орлом?); по типу 1350-е гг. (тип с цветочным орнаментом), неясный тип пула Сарая ал-Джедид.

В итоге следует отметить, что пока на городище Джанкала домонгольские монеты не обнаружены.

В комплексе преобладают монеты чекана «Сарай и Сарай ал-Джедид/ Новый Сарай». Скорее всего, это местные монеты, чеканившиеся от имени столиц: в последнее время получает распространение мнение, что на местах чеканились монеты с обозначением Сарая ал-Джедид во многих регионах Улуса Джучи. Медных монет из Хорезма здесь было мало (определение монет проведено нумизматом А. Пачкаловым).

На основании совокупности результатов анализа нумизматического материала, керамического комплекса, археологической архитектуры, стратиграфии городища с определенной долей уверенности можно заявить о спорности отождествления

городища Джанкала со средневековым городом Дженд. Его надо искать в другом месте и, видимо, домонгольский Дженд соответствует другому городищу. Можно, однако, предположить, что лишь в XIII–XIV вв. послемонгольский Дженд переместился на новое место и ему может соответствовать городище Джанкала.

Город, который был взят монголами после Дженда, был Джанкент-Янгикент, который был занят монголами без сопротивления. В послемонгольское время город, как и Сауран, был передислоцирован к юго-западу и сейчас он находится под застройкой современного села Оркендау.

Завершая обзор локализации городов XIII–XV вв. в Южном Казахстане, следует назвать еще один город – это *Сюткент*, расположенный на левом берегу Сырдарьи, в ее среднем течении.

Сюткент впервые упоминается в X в. [Волин, 1960, с. 79]. По сообщению Ибн Хаукаля, «Сюткент лежит к западу от р. Шаша (Сырдарья), в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из разных племен огузов и карлуков, которые уже приняли ислам и они (жители города) храбры и воюют с тюрками и недоступны для них» [МИТТ, 1939, с. 184]. Затем город исчезает со страниц письменных источников и появляется лишь в начале XV в. как город, через который проходила армия Тимура [Бартольд, 1965б, с. 146].

Крупные средневековые городища находятся в урочище Каракуль в 2 км северо-западнее современного села Сюткент. Это городища Сюткент I и Сюткент II. Первое датируется I–XV вв. Второе имеет топографию, в которой прослеживаются цитадель, шахристан и рабад. Второе городище имеет площадь размером 200x280 м и окружено оборонительной стеной. Керамика, собранная на городище, датируется XV–XVIII вв. [Агеева, Пацевич, 1958, с. 119-121]. Эти городища, видимо, поочередны во времени и отождествляются с городом Сюткент.

Города Юго-Западного Жетысу

В Юго-Западном Жетысу в Таласской долине крупнейшим городом был *Тараз*. Сводку письменных известий о городе привел В. В. Бартольд, начиная ее с 568 года.

В отчете о посольстве грека Земарха в 568 г. и описании поездки Сюань Цзяна около 630 г. упоминается Талас (кит. Далосе/Далосы) уже как крупный торговый город. Ислам впервые был привнесен сюда благодаря походу Саманида Исмаила б. Ахмеда в марте-апреле 893 г.: эмир и дихканы вынуждены были покориться, главная церковь была превращена в мечеть. При Саманидах Тараз был важным торговым центром на границе ислама с тюрками. Монеты в Таразе впервые начали

чеканить при тюргешах. Чеканились монеты в Таразе и при караханидах. В монгольское время наряду с Таразом появляется название Янги как особого города при Тимуре. Янги называется отдельно от Тараза или в составной форме Янги-Тараз. В Мавераннахре были люди родом из Янги, которых называли «янгилиг» [Бартольд, 1965в, с. 495–496].

Известно, что Тараз как и многие другие города Южного Казахстана и Жетысу пришел в упадок и был разорен в ходе войн каракитаев, найманов и хорезмшаха Мухаммеда. Жители этих городов были переселены по приказу хорезмшаха в западные и южные районы Мавераннахра, города разрушали, чтобы не отдавать их монголам [Волин, 1949, с. 86-87].

Сразу же после похода монголов на запад, в Таразе в ноябре 1221 г. побывал Чань-Чунь, ехавший на встречу с Чингисханом. Сюда он попал после того, как посетил и увидел «город весь построенный из красных камней, а западнее были большие могильные насыпи, которые расположением напоминали созвездие Большой Медведицы. Проехав через каменный мост и пропутешествовав 5 дней вдоль юго-западных, гор мы въехали в город Сайлань» [Акишев, 2008, с. 22].

В 1253 г. о Таразе как о городе, где жили немцы, захваченные в плен монголами, сообщает Гильом де Рубрук, но сам он в Таразе не был [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 110-116].

В «Тарих-и-джехангуша», написанном Джувеини в 1260 г., сообщается, что монгольский амир Аргун, правитель Хорасана, в 1248 г. едет в Монголию и в Таразе получает известие о смерти хана Гуюка. В 1251 г. тот же эмир едет в Монголию на курултай и в Таразе получает известие о восшествии на престол Менгу-каана [Волин, 1949, с. 189].

В 1271 г., согласно Джемаля Карши, хан Кайду, сын Кушбая, сына великого каана Угедея, сына Чингисхана вошел на трон Тараза [Волин, 1949, с. 189].

Известно также, что в сочинении Рашид ад-дина «Джами ат-Таварих» в продолжении есть упоминание о Таразе, который занял чагатаид Эсен-бука [Волин, 1949, с. 190].

В «Тарих-и-Вассафи» сообщается о том, что: «В 1307 г. царевичи из родов Чагатая напали на Шаха, сына Кайду. Они сожгли Золотую Орду, которую называли Сыр-Орда, развеяли по ветру земли Тараза, Янги, Кенджека и Чигиля, а жителей подвергли пыткам и то, что смогли – забрали, остальное предали огню» [Волин, 1949, с. 192].

Интересные и важные сведения о Таразе и городах Илийской долины приводит ал-Омари: «Дорога из Самарканда в Ханбалык, как говорят, от Самарканда до Янги 20 дней (пути). Янги – это четыре города. Между каждым из них и другим один фарсах, каждый город

имеет свое название. Один Янги, другой Янги-балык, третий Кенджек, последний Талас. От города Янги до Алмалыка 20 дней. От Алмалыка до Караходжо и до Камчу – начала страны Китая – 40 дней. И от Камчу до Ханбалыка 40 дней.

Область Туркестан: Шахркенд, Дженд, Яркенд, Отрар, Сайрам, Джикиль, Хаскен, Барсакен, Огуз-дабан, Янги, Кенджек, Тараз, называемый Талас, Янгикент, Сикуль, Бешбалык, Джулюль, Карши, Хотан, Кашгар, Бадахшан, Дераван, Дере, Баласагун» [Волин, 1949, с. 192].

В сочинении Кемал-ад-дина Абд-ар-Раззака ибн Исхака Самарканди, который состоял при дворе сына Тимура Шахруха, в событиях, описывающих походы Улугбека в страну Джете, упоминается местность Янги.

В сочинении Мирхонда в описании войн Улугбека и монголов встречается название Янги-Тараз [Волин, 1949, с. 195].

Одним из сложных является вопрос о проблеме локализации послемонгольского Тараза и городов, о которых пишет ал-Омари.

Сразу же следует отметить, что археологические раскопки на городище Тараз не выявили сплошного слоя XIII–XVI вв. Лишь в южной части шахристана отмечены выгребные ямы с керамикой XIII–XIV вв.

Мощность слоя составляет 44-55 см. Керамика представлена фрагментами поливных чаш, покрытых светло-голубой, светло-зеленой, желтой глазурью. Здесь же найдены обломки посуды типа «кобальт» XIV-XV вв., бронзовые монеты из слоя сильно окисленные, определение их не сделано [Пацевич, 1956а, с. 74-76].

К XIII в. относится случайно обнаруженное погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Кости лежали в керамическом сундуке с крышкой. Захоронение сопровождалось набором посуды: две кашинные тонкостенные тарелки с рельефным орнаментом и голубой поливой, пиала, блюдце и кувшин грушевидной формы с поясной рельефной арабской надписью почерком насх: «здоровья и счастья, величие и долголетие». Все эти изделия сделаны из кашина и покрыты бирюзовой поливой. В комплексе посуды имелась также глиняная чаша, покрытая белой поливой [Сенигова, 1972, с. 195, 197, табл. 13]. Там же были найдены два бронзовых зеркала диаметром 6,5 и 8 см с рельефной орнаментикой.

Отсутствие монет XIII-XIV вв. на городище также является свидетельством того, что Тараз, скорее всего, переместился в другое место.

Сложным является вопрос о локализации городов послемонгольского времени *Янги* или *Янги-Таласа* и *Янги-Балыка*. Есть мнение, что это названия одного и того же города, который

Рис. 21. Мавзолей Манаса. Фото 1951 г.

соответствовал городищу Садыр-Курган [Ерзакович, 1972, с. 103]. Оно основывается на том, что это лишь одно крупное городище в горной части долины Садыр-Курган, которое датируется временем XIII-XV вв. [Бернштам, 1963, с. 120-124; Горячева, Перегудова, 1995, с. 48, 107].

Сейчас получены новые данные, подтверждающие существование в XIII-XV вв. городища Актобе Таласское, расположенного на окраине современного города Таласа. Городище, как показали археологические исследования, является наиболее крупным в долине, в том числе и среди памятников, существовавших в XIII-XIV вв. Раскопки городища и шурфы, проведенные на цитадели городища, сборы подъемного материала установили, что в XIII – начале XV в. обживалась вся территория центральных развалин [Кожемяко, 1963, с. 145-171]. Думается, что Янги-Таласу – Новому Таласу должно соответствовать наиболее крупное городище, каким и является Актобе Таласское. Кроме того, именно вблизи этого городища расположен известный архитектурный памятник XIII в., так называемый Гумбез Манаса [Бернштам, 1946], продолжающий традицию строительства монументальных усыпальниц вблизи столичных центров, как это было раньше в Таразе. Поэтому Актобе Таласское более чем другие городища соответствует Янги-Таласу. Город Янги-Балык может быть отождествлен с продолжающим существовать в послемонгольское время Садыр-Курганом [Бернштам, 1963, с. 123].

В равнинной части Таласской долины находился город Кенджак, названный впервые в XI в. Махмудом Кашгарским [Волин, 1949, с. 91].

После монгольского нашествия, видимо, именно этот город продолжал существовать под названием Кенджак.

В средней и нижней части Таласской долины есть крупное городище Шарвашлык, которое обследовал Л. И. Ремпель. Он на основе полученного материала пришел к выводу, что городище существовало и в XIII-XVI вв. [1956, с. 71-72]. Его можно, по нашему мнению, отождествить с Кенджаком. Но, есть также мнение, которое высказывалось выше, о том, что Кенджак, возможно, был главным городом округа Кенжде, расположенной в среднем течении Арыси, город отождествляется с городищем Караспан.

Наиболее ранними упоминаниями о городах Таласской долины и Южного Казахстана являются сообщения царя Малой Армении Гетума I. Он пишет о посещении Тараза на своем обратном пути из Каракорума домой: «...После Алаулеха и Иланбалеха, затем переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыли в Далас и явились к брату Мангухана Хулагу, получившему в удел страны Востока.

Потом повернув с запада на север, поехали в Хутухчин, Пергант, Сухулхан, Уросохан, Кайканти, Хузах, т. е. Камоц, в Хундахойр и Сгнах, т. е. к горам Харчух (откуда происходят сельджуки), которые берут начало в Таврских горах, доходят до Парчина и здесь кончаются...» [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 224].

Судя по направлению движения, Гетум I из Тараза поехал на северо-восток и далее перевалив горы Каратау двигался по их северным склонам, а затем через перевал в районе Сузака он спустился в долину Сырдарьи в город Сыгнак [Маргулан, 1950, с. 55].

Город Паркет, упомянутый Гетумом I, известен с X в., скорее всего это город Барукет, названный географом X в. Макдиси в списке городов Испиджаба. Он отождествляется с городищем Тамды, расположенном на южной окраине города Каратау на левом берегу р. Тамды [Байпаков, 1977а, с. 91-92]. Есть мнение, что город Хутухчин находился на месте городища Майтобе [Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2013, с.174].

На северных склонах Каратау находился город Сухулхан. Он отождествляется с городищем Саудагент в с. Байкадам [Байпаков, 1977а, с. 92; Агеева, Пацевич, 1958, с. 209].

Интересные данные о городах Юго-Западного Жетысу приводит Гильом де Рубрук – посол французского короля Людовика IX к каану Мунке. Он ехал из Крыма на Дон, к Волге, к р. Урал и далее в степи Центрального Казахстана и Жетысу. Маршрут его движения не маркируется сохранившимися географическими названиями. Гильом де Рубрук двигался, скорее всего, как и Плано Карпини через Хорезм в

Юго-Восточное Приаралье, а далее на север в Центральный Казахстан. Он писал: «Накануне дня всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как Татары уже значительно спустились к югу, и направились через какие-то горы прямо на юг, в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых кулан, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника всех Святых мы въехали в некий сарацинский город по имени *Кинчат*. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что из всех городов, им подчиненных, послов Бату и Мангу-хана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области, так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который был очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино. На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются с обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангу-каана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас возле гор, на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их, с позволения Бату, к востоку на расстояние месяца пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути от этого города» [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 109-110].

Об этом участке маршрута Гильома де Рубрука высказываются разные мнения. В книге «Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука», изданной в Москве в 1957 г. в комментариях к главам утверждается, что Гильом Рубрук, обогнув с севера Аральское море, дошел до низовьев реки Талас и, двигаясь

по течению, достиг низовьев Таласа, терявшегося в песках и затем добрался до города Кинчата [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 211, прим. 146].

О маршруте Гильома Рубрука писал также А. Х. Маргулан. По его мнению, путь Гильома Рубрука проходил через Центральный Казахстан. По Сарысу он спустился к югу к северным предгорьям Каратау, где была земледельческая и городская культура, а городом, в котором побывал путешественник, – Кумкент, который был назван им Кинчат или Кункент [1950, с. 42-55].

Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич полагали, что Гильом де Рубрук двигался по берегам Таласа и именно там он нашел город Кинчат, который соответствует городу Кенджеку, названному Махмудом Кашгарским в XI в. Они предложили отождествить этот город с городищем Шарвашлык, который существовал с первых веков н. э. до XII–XIV вв. [1958, с. 203].

Л. Б. Ерзакович считал, что Гильом Рубрук ехал по районам Казахстана и через низовья реки Сарысу спустился в долину р. Чу [1969, с. 81].

Если обобщить и проанализировать всю палитру мнений о маршруте Гильома Рубрука, с учетом новых археологических материалов, то можно предположить следующее. Гильом де Рубрук переправился через Жайык-Урал не в низовье в районе Сарайчука, а выше по течению в районе брода Меловые горки, вблизи современного города Уральска, где уже формировался город, который находился на месте средневекового городища Жайык. Далее путь его миссии проходил по степной зоне севернее Аральского моря и выходил в низовья р. Чу. Двигаясь вверх по реке на юго-восток в коридоре между Бетпакдалой и Мойнкумами, он достиг среднего течения реки, где уже в VII–VIII вв. существовала городская культура, достигшая расцвета в XI–XII вв. Она представлена городищами Аяк-Актобе, Бала-Актобе, Орта-Актобе, Койшимак, Шари, Тынкудук, Улкентобе, Тастобе и группой Тортколей. Датируются они в хронологическом диапазоне VIII–XIV вв. [Свод памятников истории и культуры..., 2002, с. 231-248]. Здесь в предгорьях гор Хан и Жамбул на правом берегу р. Чу в районе с. Майнкум (Толе би) находится земледельческий оазис.

На одном из этих городищ оазиса, а их было 20, на Шари был найден материал XIII–XIV вв. Городище представляют собой два подпрямоугольных в плане плоских бугра. Южный имеет размеры 320х340х280х320 м и высоту 2,0–2,5 м, северный размером 320х180 м и высоту 1,5 м. Мощность культурного слоя, определенная закладкой шурфов, составляет 2,5 м. Особый интерес представляет хронология городищ: их верхние слои относятся к XIII–XIV вв., значит, они могли быть остатками города Кинчата, который посетил и описал

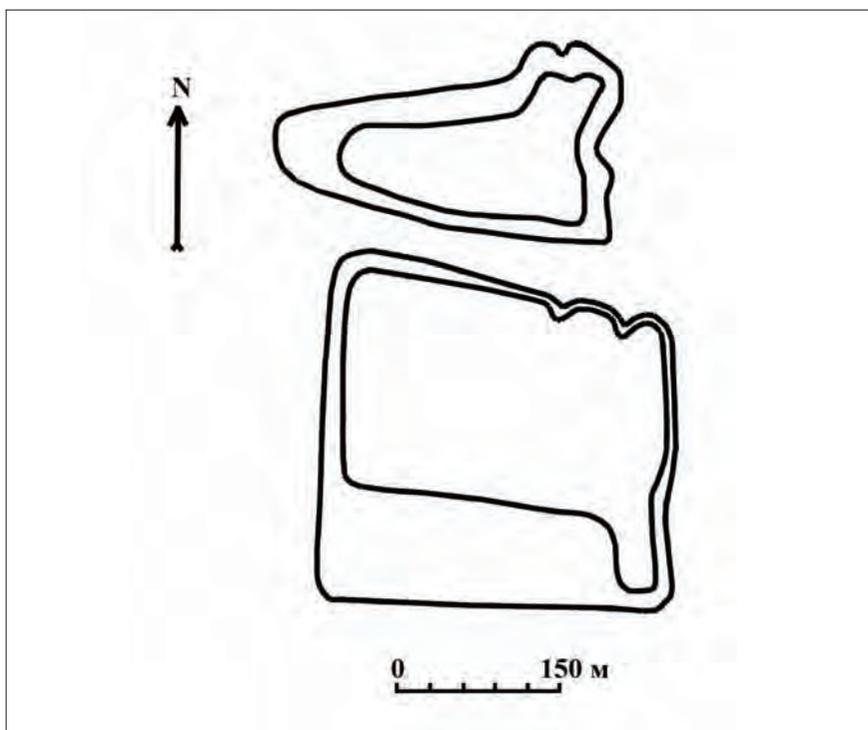

Рис. 22. Городище Шари – город Кинчат

Гильом де Рубрук. Далее он пишет о небольшом поселке южнее. Его можно отождествить с городищем Корганши, расположенным северо-восточнее с. Толе би на правом берегу р. Шу. Это прямоугольное в плане городище размером 140х120 м с башнями по углам и периметру. Городище датируется X–XII вв. [Елеуов, 2002, с. 316, №800; Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 280–281, №3948]. Однако новые исследования выявили здесь комплекс керамики XIII–XIV вв. На городище в 30-е годы XIX в. была построена Кокандская крепость, отсюда и название памятника – «крепость». Она, как и надлежало, контролировала караванные дороги. Важно и то, что она находится на пересечении магистральных дорог, одна из которых идет вдоль р. Шу, вторая направляется на север к юго-западному берегу оз. Балхаш и далее в Центральный Казахстан, третья тянется на восток к Чу-Илийским горам и вдоль их южных склонов идет в долину р. Или. По ней Гильом де Рубрук продолжил свой путь.

Крупнейшим средневековым городом Чуйской долины был *Баласагун*. Монголы заняли его без боя, за что назвали Гобалык – «хороший город» [Бартольд, 1965ж, с. 355–357], но имя Баласагун сохранилось и широко употреблялось, судя по сведениям письменных источников, в XIII в.

Большинство исследователей отождествляют Баласагун с известным средневековым городищем Бурана [Горячева, 1983, с. 54-56; Байпаков, 2013, с. 52-56].

Однако есть мнение о локализации Баласагуна на месте городища Актобе, расположенного в районе впадения р. Аксу в р. Чу [Шалекенов, 2009, с. 40–68].

Поэтому имеет смысл повторить не только широко известные, но и новые доказательства в пользу тождества города Баласагуна и городища Бурана.

Особо убедительно в пользу именно такого отождествления свидетельствует сообщение среднеазиатского ученого XVI в. Махмуда ибн Вали (1634-1641) «Море тайн относительно доблестей благородных»: «Баласагун — из городов Туркестанзамина, известного [под названием] Моголистан. До монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых, Мустоуфи говорит: [Баласагун] – страна обширная и приятная; из шестого-седьмого климатов. Климат его очень холодный. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной [гяза]. [Баласагун] имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе.

Народ Баласагуна сунниты и из общества ханифитов. В том городе науки фикх и хадис были распространены больше, чем другие знания.

После нашествия монголов до тех пор, пока обычаи монголов не повредили ему, был он благоустроенным и цветущим. И с тех времен до сегодняшнего дня он находится в опустошенном и заброшенном состоянии. Некий путешественник кашгарец во время составления сей книги в Балхе рассказывал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, что бы осудить и наказать калмыков. Спустя два месяца, следуя по направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка на четыре-пять зира выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе и приметы их были видны с расстояния четырех фарсангов. Недалеко от той местности мы настигли калмыков [и между нами] приключилось сражение. Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где [раньше] мы увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно [лишь] то, что здесь [в прошлом] был город под названием Баласагун. Во времена правления некоторых потомков Чингисхана остался под песком, а в настоящее время в некоторых его местах из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей домашней утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а паласы и [прочие] пожитки исчезли. В некоторых же комнатах покоятся и люди. Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто [даже его имя]» [Махмуд ибн Вали, 1977, с. 24].

Свидетельства письменных источников дополняют данные нумизматики. Для караханидского времени известно свыше 30 монетных дворов в государстве илекханов, но почти нет монет с указанием монетного двора Баласагуна. Найдена серебряная монета в Таразе [Кочнев, 1978, с. 123-124]. Она чеканена в 1013-1014 гг. от имени Кутбал-Даула. Зато собрано много монет, выпущенных в Орду и Куз-Орду [Федоров, 1975, с. 88].

Находки золотых монет и многочисленных кладов, в том числе чекана XII–XIII вв., зарегистрированные на Буране в гораздо большем количестве, чем на любом другом городище Чуйской долины, свидетельствуют о крупной экономической роли этого города. Последнее обстоятельство отмечал еще В. В. Бартольд при посещении Бураны в 1894 г. Кстати, в кладе золотых монет, найденном в 1966 г., оказались монеты чекана хорезмшаха Мухаммеда и более раннего времени. Как полагает Б. Д. Кочнев, они были зарыты при нашествии монголов [Кочнев, 1970, с. 98-100].

В связи с этим интересно сообщение Мухаммеда Хайдара о развалинах Монара-Бурана, его постройках и надписи на кайраке: «В стране Чу, – отмечено в «Тарих-и Рашиди», – в одном месте есть следы большого города; его минареты, гумбезы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени этого города никто не знает, то монголы его называют Монара. Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком «насх» вырезана надпись: «Это – могила славнейшего имама, непреложного, совершеннейшего шейха, обнимавшего в себе как созерцательные, так и опытные науки, знатока как ветвей, так и основ законовещения, имама Мухаммеда факиха Баласагунского; да не перестанет цвести на его могиле древо общения его с Богом, и да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных. Скончался он в 711 г. Написал это кузнец Омар-ходжа» [Вельяминов-Зернов. 1860, с. 162-163; Бартольд, 1966а, с. 55].

При раскопках так называемого четвертого мавзолея Бураны в 1979 г. был найден средневековый надгробник с эпитафией арабским письмом. В. Н. Настич датирует его XIII – началом XIV в. Текст кайрака содержит сведения об умершем шейхе – сыне факиха-законоведа Мухаммеда ал-Умар ал-Баласагуни. В. Н. Настич отмечает заметную близость содержания этой надписи тексту надгробной плиты, описанной в «Тарих-и Рашиди». Речь идет, безусловно, о разных кайраках, посвященных соответственно разным лицам. Однако, упоминание в обеих эпитафиях нисбы «ал-Баласагуни» еще раз подтверждает предположение о тождестве Бураны с Баласагуном [Горячева, 1963, с. 64].

В. Н. Настич сделал следующее заключение: «Наконец вновь публикуемая эпитафия из «Тарих-и Рашиди» свидетельствует о том, что город Баласагун еще существовал в первой четверти XIV в. и в

нем процветала традиционная мусульманская грамотность, служение богословским наукам, ремесла (в частности, кузнечное и камнерезное) и, очевидно, суфизм» [Настич, 1989, с. 167-168, 174].

Важным аргументом стала недавняя находка серебряной монеты на городище Бурана. Монета оказалась достаточно чистой и с практически неповрежденными надписями, что позволило сразу прочесть название монетного двора – Баласагун [Петров, Камышев, Акиндинов, 2012, с. 168].

Топоним Баласагун, как отмечалось ранее, не встречался не только на высокопробной серебряной, но и вообще на какой-либо монете XIII в. Монетные легенды на монете не сообщают иных имен, кроме имени багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха. Это имя регулярно фиксируется на продукции ряда монетных дворов Великой Монгольской империи и Чагатаидского государства на протяжении XIII века.

Отсутствие года в легенде найденного дирхема потребовало провести поиск подобных монет. Удалось обнаружить еще несколько монет, сохранивших название монетного двора Баласагун, и три серебряных динара с совершенно другим оформлением, с названием монетного двора Орда. Затем нумизмат В. А. Калинин обнаружил в одной из частных коллекций дирхем, чеканенный в Баласагуне. Появились новые находки:

Баласагун, год не указан, это анонимный дирхем, серебро; Баласагун, год не указан, анонимный дирхем, серебро, находка сделана на городище Бурана.

И еще находка монеты, найденная на городище Бурана, битая в Орду. Год не указан. И еще анонимные серебряные динары, найденные на городище Бурана, чеканенные в Орду. Анонимный серебряный динар, с городища Кара-Джигач (в пригороде Бишкека).

Таким образом, выявлены и обнаружены две группы монет: первая группа – четыре экземпляра монет Баласагуна 630/1232-1233 гг.; вторая группа – два серебряных анонимных динара 630/1223-1224 гг. и один динар без года, битые на монетном дворе Орда. Обе группы монет объединяют следующие признаки: они биты из высокопробного серебра. Кроме титула багдадского халифа (в легендах монет из обеих групп) и его имени (в легендах первой группы монет) никаких иных имен или титулов не указано.

Содержание монетных легенд не противоречит датировке монет Баласагуна и Орду XIII в.

По внешним признакам установлено, что обе группы монет были выпущены в период монгольского господства. Время чеканки первой группы монет может быть установлено в пределах между 630-631/1232-1234 и примерно 651/1253 гг. Ранняя хронологическая граница указанного временного диапазона обусловлена началом

регулярного выпуска серебряных дирхемов на нескольких монетных дворах. Обнаруженный чекан Орды еще более раздвигает временные рамки – с 620/1223-1224 по 651/1253 гг. Позднюю границу определяет год вступления Мунке-хана на престол, ознаменовавший начало расправы с чагатаидами и угедеидами, захватом их территорий, что и подорвало экономику. Надо полагать, что после 651 г. х. монетный двор Баласагуна должен был бы закрыться, как должны были бы прекратить свою работу и другие монетные дворы Чуйской и Таласской долин, если они существовали и функционировали как монетные дворы Баласагун и Орда. Но следует оговориться, монетные дворы на территории Чуйской и Таласской долин, видимо, прекратили свою работу не навсегда. В последней трети XIII в., судя по известному нумизматическому материалу, монетное производство Чуйской долины вновь оживает [Петров, Камышев, Акиндинов, 2012, с. 169-177].

Об экономическом состоянии Баласагуна вскоре после монгольского завоевания можно судить по запискам 1220-1224 гг. даосского монаха Чань-Чуны. Он сообщает, что: «двигаясь вдоль северных отрогов Тянь-Шаня, прошел через бывшие владения империи каракиданей и... свидетельствует о существовании земледелия в окрестностях каракиданьской столицы, на окружающих полях население обрабатывало землю, выращивало виноград и шелковичных червей. Летом использовались оросительные каналы, по которым отводили воду из рек на поля» [Супруненко, 2004, с. 221-226]. Здесь, безусловно, под столицей подразумевается Баласагун.

Монетный двор Баласагуна функционировал еще до монгольского завоевания. Чекан Баласагуна известен для династии Караханидов, однако, за редчайшим исключением дирхемы этого города были помечены названием Куз-Орду. Так, с названием монетного двора Баласагун чекан обнаружен только для одного года – 404/1013-1014 гг. С 1003-1004 гг. и не позднее 460/1067-1068 гг. Б. Д. Кочнев фиксировал регулярную чеканку на монетном дворе с названием исключительно Куз-Орду [1989, с. 144-158].

Обнаруженные серебряные монеты Баласагуна первой половины XIII в. на городище Бурана еще раз свидетельствуют в пользу локализации средневекового города Баласагун именно на этом археологическом памятнике.

Монетный двор Орда, как и Баласагун, был, скорее всего, также монетным двором Чуйской долины. Сделать такое заключение позволяют следующие аргументы. Все известные монеты монетного двора Орда найдены на территории Жетысу на городищах Бурана и Кара-Джигач, а также в Таласской долине, в районе городища Шельджи. До настоящего времени нет находок монет этого типа, сделанные где-либо за пределами Жетысу. Следует также отметить важнейшую особенность серебряного обращения на территории Великой Монгольской империи

Рис. 23. Городище Аспара

во второй четверти XIII в. – она носила ярко выраженный региональный характер. Можно также предположить, что монетный двор Орда находился также в городе Баласагуне, вторым названием которого был Куз-Орду [Петров, Камышев, Акиндинов, 2012, с. 174].

Еще одним известным средневековым городом Чуйской долины была *Аспара*. Город возник еще в VII-VIII вв. и существовал до IX – начала XIII в. [Кожемяко, 1959, с. 84-88]. В XIV в. Аспара (Ашпара) стала крепостью, построенной Тимуром для защиты своих владений от Могулистана (страны Джете). Об этом событии написал Арабшах ближе к середине XV в. Он сообщал: «Рассказ об устройстве им (Тимуром) стороны моголов и Хатая и о том, что им сделано в этих местах. Когда он прибыл в Самарканд, то послал своего внука Мухаммед Султана сына Джехангира вместе с Эмиром Сейф ад-Дином в крайний пункт, до которого доходили его слова и действовали его указы, а это то, что за рекой Сейхуном, на восток по направлению к владениям моголов в Джете и Китаю в месяце пути от страны Мавераннахра. Они заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Ашпара. Они построили в ней непреступную крепость, готовую к грабежу и опустошению [Волин, 1949, с. 192-193].

Этот же эпизод описал и Шараф ад-дин Йезди.

В 800 г. х./1397-1398 гг. Тимур назначил мирзу Мухаммед-Султана для устройства границы с моголами и приказал, чтобы он возвел в Ашпаре крепость и хорошо заботился об укреплении благоустройства и земледелии. Он назначил состоять при нем Бердибека сына Сарбуги, эмира Хаджи Сейф-ад-дина Худада Хусейни, эмира Шемсе-ад-дина Аббаса и других эмиров с 40000 всадников. Спеша выполнить

приказание, он выступил, перешел через перевал Кулан, стал лагерем в Ашпаре и в тех краях занялся устройством принадлежностей благоустройства и земледелия [Волин, 1949, с. 194].

Аспара играла стратегическое значение в войнах Улугбека и моголов. В походе войск Улугбека в Монголию в 1425 г. опорой ему была крепость Аспара.

«Улугбек прибыл в Ашпару и простоял там 10 дней, чтобы привести в порядок войско. Оттуда он выступил в Аксу. Там стало известно, что Джеханшах находится в Улуг-Кебине. Улугбек устроил совет, на котором некоторые эмиры считали нужным выступить к Алтун-кулю (Балхашу) против садр-ислама и мелик-ислама, а другая часть эмиров считала нужным сначала выступить против Шир Мухаммед-оглана. Было принято последнее мнение и Улугбек, послав отряд против Джеханшаха, переправился через реку Чу и пошел через Эркесу...». Мирза Улугбек прибыл в Чу, а это одна из известных местностей Джете [Волин, 1949, с. 196].

Последнее известие об Аспаре относится к началу XVI в.: «Зимой года девятьсот девятнадцатого (1513/1514 гг.) Касым-хан ушел в сторону Аспары ради овладения собственными странами» [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 161-162]. Однако из приведенного отрывка не ясно, имеется ли в виду город Аспара или местность под тем же названием. В середине XVI в. Мухаммед-Хайдар говорит только о развалинах городов в Чуйской долине. Таким образом, верхняя граница жизни Аспары относится к концу XV в., что, впрочем, не исключает возможности и более позднего обживания городища оседлым населением.

Определенный интерес для истории Аспары представляет надпись, найденная при раскопках Аспары, выполненная черной краской на обеих сторонах лопатки коровы [Муратов, Ерзакович, 1967, с. 71-79]. В ней названы пятнадцать лиц, среди которых четыре бека, один ходжа и более пяти известных по прозвищам, выражается печаль по поводу их смерти. Сделано это по случаю одновременной гибели многих лиц, занимавших высокое положение в Аспаре или

Рис. 24. Лопатка коровы с надписью. Городище Аспара

в округе, что устанавливается благодаря прозвищу одного из них – Хасан Кучкарский. Местность Кучкар, или Кочкар, упоминается в источниках и известна как название верхнего течения реки Чу [Бартольд, 1965г, с. 597]. Можно предположить, что надписи на лопатке имели ритуальное значение и, по-видимому, оглашались при исполнении поминального обряда.

Интересно, что надписи сделаны на тюркском языке. Судя по письменным источникам, в государствах, основанных монголами на территории Средней Азии и Казахстана, широкое распространение получил уйгурский алфавит [Бартольд, 1963а, с. 452-453, 457]. Известны находки документов XIII-XIV вв., написанных на монгольском языке уйгурским алфавитом [Греков, Якубовский, 1950, с. 175]. Очевидно, находка тюркской надписи свидетельствует об определенных этнических процессах, связанных с ассимиляцией и растворением в предгорьях Тянь-Шаня пришлых монголоязычных племен в тюркской среде.

Следует отметить, что письменные источники, характеризуют ситуацию междуречья Чу-Таласа в юго-западном Жетысу как наполненную междоусобными войнами, походами Тимура, тимуридов, которые явились причиной упадка городской жизни в регионе. В Чуйской долине лишь на семи городищах отмечены слои XIII–XVI вв.: это Тортколь, Ташуткуль, городище Кысмычи, Кара-Джигач, Александровское, Беловодское, Аспара [Бернштам, 1950б, с. 98, 140-141].

Рашид ад-дин упоминает лишь два больших селения – Тарсакент и Каргалык-Карайгалык [1960, с. 16].

В условиях столь скупой информации особенно значимыми становятся новые документальные свидетельства, какими, в частности, являются обнаруженные нумизматические артефакты.

За последнее десятилетие активного поиска и изучения монетных находок времени монгольского владычества на территории современного Кыргызстана П. Н. Петровым и А. М. Камышевым была собрана богатая и достоверная информация о нумизматических находках.

К настоящему моменту на территории Чуйской долины А. М. Камышевым и П. Н. Петровым выявлено не менее 7 археологических памятников, на которых обнаружены находки сотен монет, а также несколько денежных кладов времен Великой Монгольской империи и Чагатаидского государства.

Можно однозначно говорить о том, что количество находок монет XIII в. на территории Жетысу существенно превышает таковое с территории Южного Казахстана. Если к тому же учесть, что здесь в XIII и в XIV веках находились сезонные ставки ханов, гумбез «Манаса» – мавзолей царевны Канizeк-хатун, родной сестры ханов Дженкши и Йесун Тимура; в 1966 г. в селении Сару в Иссык-Кульской области был найден камень, установленный в 1336 году Дженкши-ханом на могиле своей жены Алма-хатун, умершей в возрасте 20 лет, и

то, что могила хана Кайду находится в высоких горах где-то в районе между реками Чу и Или, становится понятно, что в XIII-XIV вв. территория Жетысу периодами входила в состав коренных ханских владений. Сюда стекались товарные потоки (возможно, сезонные) из Термеза, Самарканда, Отрара, Ходженда, Бадахшана, Хотана, Кашгара, Алмалыка [Петров, Камышев, Акиндинов, 2011, с. 8-12].

Начиная с XIII в., количество городских центров в этом регионе неуклонно уменьшалось, чему способствовали междоусобные войны, грабительские набеги в XIV веке.

После Йесун-Тимур-хана (правил с 737/1336–1337 по 740/1339-1340 гг.) кочевая сезонная ставка ханов покинула Чуйский регион, стала сокращаться городская жизнь. Военные походы эмира Тимура и тимуридов в Жетысу подорвали остатки экономики региона, а угасание торговли с Китаем и, как следствие, не востребованность торгового пути через Синьцзян предопределили судьбу уже немногих городов Чуйской долины, которые еще продолжали существовать к началу XV в.

Можно попытаться найти два упомянутых у Рашид-ад-дина города *Тарсакент* и *Каргалык*. В свое время П. Н. Кожемяко отождествил Тарсакент с городищем Кара-Джигач [1959, с. 162]. С этим мнением согласилась В. Д. Горячева, которая в качестве аргумента в пользу локализации Тарсакента приводит находки несторианских кайраков на городище Кара-Джигач [2012, с. 127-128].

Каргалык-Карайалык, по мнению нумизматов, город, где находился монетный двор Куз-Орду, возможно отождествляется с городищем на окраине села Новая Покровка [Петров, Камышев, Акиндинов, 2012, с. 174].

Города Северо-Восточного Жетысу

Среди первых западных дипломатов-миссионеров, оставивших свои впечатления о городах Казахстана этого периода (XIII-XV вв.) и их местонахождении на территории Казахстана, был Плано Карпини. Он был отправлен в 1254 г. в столицу Монгольской империи к великому каану Мунке. Из Лиона он доехал до Каракорума, переправился через реки Днепр, Дон, Яик (Жайык), Амударью и Сырдарью, видел города Янгикент, Барчкент, Асанас. Затем он пересек земли Южного Казахстана, добрался до земли Жетысу, где жили каракитаи, там он побывал лишь в одном городе, который назвал *Омыл*. Он пишет: «Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать перед нами старейшин города, а также двух своих сыновей» [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 64]. В своих записках он пишет об озере, на котором есть гора, а в ней отверстие, оттуда зимой дует сильный ветер, а летом ветер ослабевал – это озеро Алаколь [Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 63-64]. Спустя 600 лет об этом же алакольском ветре писал известный географ А. Д. Голубев: «Ветер, выходящий из пещеры,

раздувал преграды и вырывался с новой силой, которую несколько раз пытались засыпать камнями» [Голубев, 1867, с. 359].

Город Омыл (Эмиль) находится на реке Эмиль на территории Китайской Народной Республики. Известны монеты, чеканенные в этом городе, они находились в составе серебряного клада вещей и монет, найденных в Отраре. Датируются монеты 1271-1272 гг.

Состав монетной части клада уникален. В нем представлены новые, малоизвестные монетные дворы городов Эмиля и Дженда, а также и продукция известных городов, но других типов и чеканки. Это Алмалык, Пулад, Крым, Орду ал-Азам. Ряд монет неустановленного происхождения без дат и мест чеканки, не были известны по публикациям. Сложение клада определяется по позднейшей датированной монете (Алмалык, 662 г. х./январь 1264 г.). Учитывая абсолютное преобладание в нем дирхемов предыдущего 661/1262-1263 гг. выпуска, датирование может быть близко к реальной дате его сокрытия.

С другой стороны, отсутствие в комплексе пореформенных монет, чеканка которых как в Алмалыке, так и в самом Отраре началась уже в 670/1271-1272 гг., указывает на позднюю границу его датировки. Таким образом, сложение клада относится ко второй половине 60-х гг. XIII в., что соответствует концу второго этапа денежного обращения в Средней Азии при монголах.

Гильом Рубрук был послан в Монголию французским королем Людовиком IX [Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 63-64], который задумал привлечь монголов на свою сторону в борьбе с сарацинами (мусульманами) после его поражения от них в битве при Мансуре во время неудачного шестого крестового похода [Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 110]. Свое знаменитое путешествие к монголам он совершил в 1254-1255 гг.

В 1254 г. Рубрук возвратился в Европу. Через год после возвращения в Акру он закончил описание своего путешествия.

Гильом де Рубрук отправился в долгую поездку морем из Анконы через Константинополь в Крым, затем он проехал в южнорусские степи, оттуда в лагерь Сартака, прошел до Волги в ставку хана Бату, а уже оттуда отправился в Каракорум к каану Мунке.

Переправившись через Волгу, Жайык, Г. Рубруки прошел через Хорезм и достиг Кызыл-Кумов в низовье Сырдарьи, затем, следуя на север, добрался до районов Центрального Казахстана, оттуда через Сарысу в низовья р. Чу, достиг Или и переправился через нее. В Илийской долине он прошел через разрушенный замок и нашел здесь город *Эквиус*.

В свое время В. В. Бартольд, совершивший в 1893-1894 гг. научную поездку по маршруту Ташкент – Чимкент – Пишпек – Кегень –

Джаркент – Верный, отождествил ряд средневековых городов Илийской долины с конкретными археологическими памятниками. Ученый полагал, что *Иланбалык* соответствует городу, имевшему название – Ики-огуз-Эквиус, известному по сообщению Махмуда Кашгарского (XII в.) и Гильома Рубрука (XIII в.). Он предложил отождествить его с городищем Чингильды, которое находилось на правом берегу Или на участке дороги Верный – Джаркент, в 35 км восточнее переправы через р. Или [Бартольд, 1966а, с. 85].

Интересно, что городище Чингильды первым описал Ч. Ч. Валиханов в связи с находками там водопроводных труб [Валиханов, 1958, с. 281].

А. Н. Бернштам согласился с тождеством Иланбалыка и Ики-огуза-Эквиуса и поместил его также на месте городища Чингильды [Бернштам, 1948а, с. 89, рис. 1, карта-вклейка].

А. Х. Маргулан возразил против тождества Иланбалыка и Эквиуса и был склонен помещать Иланбалык в урочище Капчагай на правом берегу р. Или [Маргулан, 1950, с. 59.].

К. М. Байпаков поставил под сомнение тождество Эквиуса и городища Чингильды, поскольку последнее является остатками небольшого городища, скорее всего караван-сарая, а кроме того здесь нет материалов XIII–XIV вв. [Байпаков, 1986, с. 36].

Широкие археологические исследования, которые были проведены на территории Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу), позволили открыть здесь несколько десятков новых городищ и убедительно доказать, что город Ики-огуз Махмуда Кашгарского и Эквиус Гильома де Рубрука следует отождествить с городищем Дунгене, расположенном в 20 км западнее г. Талдыкоргана на территории городища Дунгене, в селе Балпык би (бывшее Кировское).

Наиболее ранние сведения об Ики-огузе-Эквиусе, относящиеся ко второй половине VII в. и позже, содержат китайские источники. Город Ики-огуз в китайских текстах называется *Шуанхэ*, это калька тюркского слова «Двуречье»: шуан – два, хэ – река.

Шуанхэ-Ики-огуз, по мнению ряда китайских исследователей, отождествляется с городищем Дальтэ, находящемся в 27 км юго-восточнее г. Боротала [Кенжеахметулы, 2008, с. 160-161].

После посещения Эквиуса, как отмечает Гильом де Рубрук: «следующий день он проехал в долину, слева было некое море или озеро, тянувшееся на 25 дней пути, а справа высокие горы. В долине было много городков, которые были разрушены татарами. Дальше он прибыл в большой город по имени *Кайлак*, в котором был базар, и его посещали многие купцы, в нем они отдыхали 12 дней» [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 110]. В городе за время своего

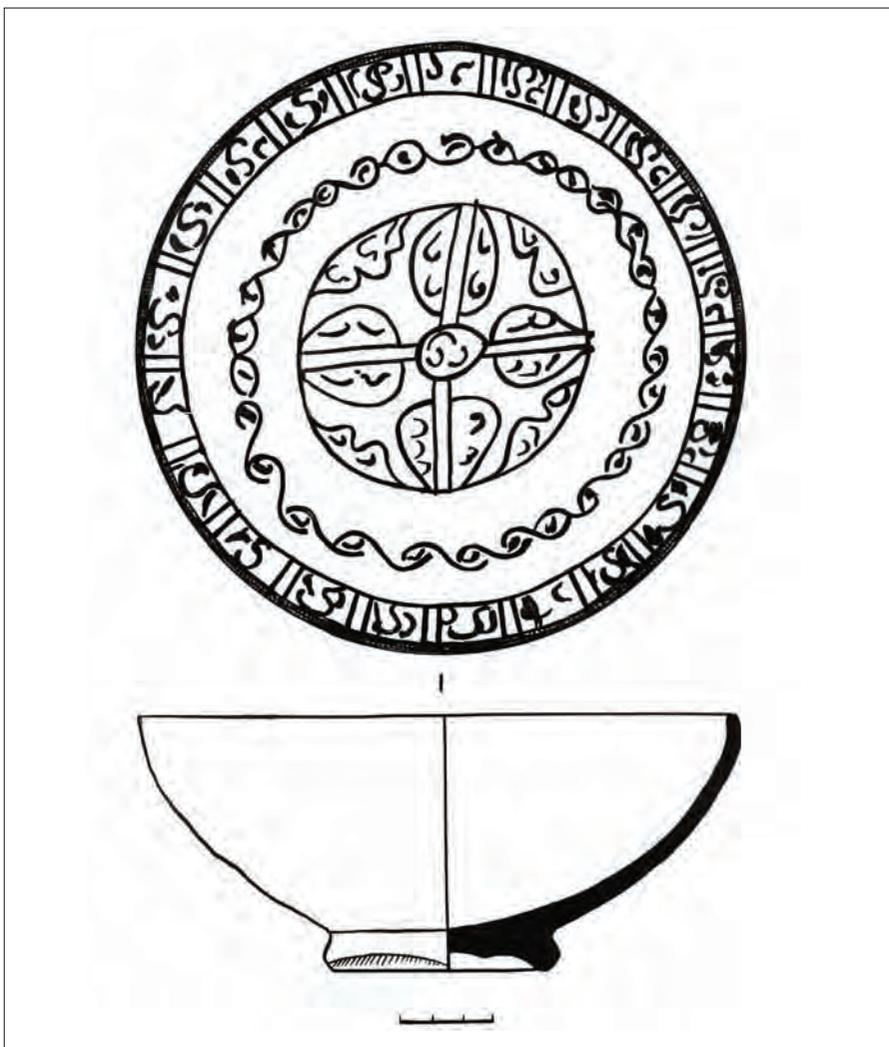

Рис. 25. Поливная чаша. Городище Антоновка

пребывания он посетил храмы, а их было три. Вот как он описывает посещение храма: «В первом я увидел некоего человека, имевшего на руке крестик, отсюда я поверил что он – христианин. Поэтому я спросил у него: «Почему Вы не имеете здесь крестов и изображения Иисуса Христа?» Он ответил: «У нас это не в обычае» [Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 111]. На следующий день Гильом Рубрук поменял жилье и поселился рядом с другой кумирней и с детальной точностью отметил в своих записках: «Идолопоклонники ставят свои храмы в направлении с востока на запад и в северной стороне устраивают комнату, выступающую наподобие клироса (сogum), а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса. Там они

Рис. 26. Монеты Каялыка

помещают сундук, длинный и широкий как стол. И за этим сундуком к югу ставят они главный идол...» [Путешествие в Восточные страны..., 1993, с. 112-113].

Каялык, как один из крупных политических центров, выпускал монету. История открытия продукции этого двора началась еще в 1930 г. Тогда общество по изучению Семиречья передало в дар Государственному Эрмитажу клад серебряных монет с запиской следующего содержания: «Кокандские серебряные монеты найдены вблизи с. Н. Антониевского, Лепсинского уезда в 1912 г. при проведении оросительного канала» [Байпаков, Воякин, 2007, с. 88]. Клад осмотрел

П. Н. Петров в 2004 г. [Байпаков, Настич, 1981, с. 42, № 12; с. 37, рис. 12, 1-3; Давидович, 1972].

По его мнению, тезаврация клада из села Н. Антониевское произошла в первой половине XIII в. в период существования Монгольской империи. Известно, что первые серебряные монеты в империи начали чеканить в правление каана Угедея (Алмалык – с 628 г. х.).

Основная масса дирхемов имеет хорошую сохранность, но присутствуют монеты и со следами незначительного износа поверхности в результате обращения. Различие сторон монеты на лицевую и оборотную носит условный характер, поскольку легенда на каждой из них представляет собой единое смысловое значение. Поэтому за лицевую сторону принята та, на которой начинается легенда.

Хронологические рамки, определенные ранее 630-660-ми гг.х., предположительно, могут быть сужены до 630-640-х гг.х. В пользу этого свидетельствует еще один косвенный факт. С приходом к власти Мунке-каана в 640-х гг.х. на серебряных монетах ряда дворов Алмалыка, Эмиля, Пулада, Каракорума, Булгара ставилась его тамга. На этих экземплярах тамги нет. Поэтому, вероятность их чеканки именно до начала царствования Мунке возрастает.

Эти монеты не прекратили хождения и после реформы Масуд-бека.

Таким образом, практически все известные находки серебряных дирхемов такого типа локализируются в районе городища села Антоновское. Находка же медной монеты такого же облика свидетельствует об их чеканке именно на территории этого городища, поскольку в XIII в. медная монета практически не выходила за пределы местного рынка (города и его округи). Единственным крупным городом в период монгольского владычества в Жетысу, который мог чеканить свою монету, был Каялык – хорошо известный многим путешественникам и летописцам. И весь собранный нумизматический материал свидетельствует в пользу работы в Каялыке монетного двора, выпускавшего серебряную и медную монету, видимо, в 630-640-х гг.х. [Петров, 2007, с. 88-90].

Далее Г. Рубрук пишет: «Мы выехали из вышеупомянутого города [Кайлака] в праздник святого Андрея и там поблизости в трех лье нашли поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко: «Радуйся Царица», так как давно не видели церкви. Отправившись отсюда, через три дня мы добрались до столицы этой области. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река. В этой долине почти беспрестанно дует столь сильный ветер, что люди проезжают с великим опасением, как бы ветер не унес их в море» [Путешествие в Восточные страны..., 1993 с. 117]. И здесь повторяется легенда о ветре, отмеченная Плато Карпини.

Армянский царь Гетум I в 1254 году прибыл в столицу монгольской империи Каракорум и был принят Менгу-кааном. Он получил из его рук «Указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его; он пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от податей]». Первого ноября 1254 г. Гетум I отправился в обратный путь: «Он прибыл в Гумсгур, [оттуда] он поехал в Пералех, [затем] в Пешпалек... Оттуда они поехали через Арлек, Куллуку, Енках, Тчанпалех, Хутапа и Анкипелех.

Затем вступили в Туркестан: оттуда в Екопрук, Динкапелех и Пулат, пройдя через Сут-Гол и Молочное море, прибыли в Алаулех (Алмалык) и Иланбалех (Иланбалык), затем переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыл в Далас (Тараз)...» [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 222-224]. В этом списке есть города точно локализованные – это *Алмалык* и *Тараз*, которые соответствуют городам Алаулеху-Алмалыку и Даласу-Таразу. Благодаря этому можно определить и местоположение города *Иланбалеха* – (Или-бали) из китайских источников и *Иланбалыка* из мусульманских. Однако городище, которые можно было бы уверенно отождествить с этим городом, археологи долго не могли найти. История поиска его затянулась, но различные предложения о локализации этого города высказывались.

Сейчас появились новые материалы и можно утверждать, что это городище Учарал. Во-первых, на этом городище была собрана богатая коллекция монет, что уже само по себе свидетельствует о значимости городища. Удалось зафиксировать три монетных клада и 123 единичные монетные находки. Все три клада состоят, в основном, из дирхемов периода монгольского владычества и относятся к XIII-XVI вв.

К монетам первой группы относятся дирхемы Караханидов XI-XII вв. в количестве 7 экз. (5,7% от всех зафиксированных единичных находок). Старшей монетой является дирхем Богра-карахакана, битый в Тункете в 444/ 1052-1053 гг. Монет китайской династии Северная Сун было зафиксировано две – старшая датируется началом XI в. (1032 г.). К этой же группе относятся монеты начала XIII в. – один серебряный джитал и обломок крупного медного посеребренного дирхема либо Караханидов, либо Хорезмшахов Ануштегинидов (1 экз.). Итого в первой группе 11 монет, что составляет почти 9% от количества зафиксированных находок в 123 экз.

К монетам второй группы следует отнести 93 экз., то есть почти 76% от всех нумизматических находок. Наибольшая активность товарно-денежных отношений в розничной торговле в этом населенном пункте (по собранной информации) наблюдается именно в период с ~ 630/1232 по 666/1268 гг. В составе монет Монгольской империи есть и обломок золотого динара (возможно, сам динар чеканился еще до монгольского завоевания), и 12 серебряных дирхемов, но основную массу составляют медные посеребренные дирхемы Алмалыка и медные фельсы, битые в правление Мунке-каана вскоре после его смерти.

Рис. 27. Монеты с городища Учарал - город Иланбалык

Нельзя не обратить внимания на то, что подавляющее большинство имперских монет, найденных на городище Учарал, бито на монетном дворе Алмалыка. То есть, город в XIII в. входил в сферу экономического влияния города Алмалыка – столичного центра Чагатайского улуса, располагавшегося не более чем в двух днях пути (ныне на территории КНР). Даже небольшое количество находок серебряных монет первой половины XIII в. указывает на непрерывность поступления дирхемов на рынки изучаемого города – с 630-х/1233 по 662/1264 гг. Медные посеребренные дирхемы позволяют проследить эту хронологическую цепочку до 666/1268 г.

Кроме алмалыкских монет, в комплексе присутствует продукция и соседнего монетного двора Кайалыка, и монетных дворов Синьцзяна – Пулада и Имила (Эмиля), а также не установленного пока монетного двора.

Третья группа монет не столь представительная в количественном плане – всего 16 монет (13%). Однако состав монетной массы качественно иной. Из 93 монет во второй группе на серебряные дирхемы приходится в количественном отношении 12 экземпляров (13%), а первенство принадлежало медным фельсам (16 экз. = 17%) и медным посеребренным дирхемам (68 экз. = 70%). В третьей группе серебряных монет 11 экз. из 16 шт., то есть 69%. Младшие из монет – фельсы Алмалыка с уйгурской легендой в поле и годом 742/1341-1342 гг.

И клады, и единичные находки с этого памятника указывают на активнейшие товарно-денежные отношения в XIII – первой половине XIV в. на территории города.

Благодаря нумизматическим находкам, можно утверждать, что в начале XI в. этот населенный пункт уже существовал. Важным аргументом в пользу тождества Иланбалык-Учарал является находка кайрака – надгробного камня с несторианским крестом и надписью, которая пока нерасшифрована. Это интересно, поскольку несторианские кайраки найдены и на соседнем Алмалыке.

Алмалык в мусульманских источниках, согласно В. В. Бартольд, упоминается незадолго до монгольского владычества. Он был столицей кочевого владетеля Озара (Бузара), который прошел путь от разбойника и конокрада до владетеля Алмалыка и ряда соседних городов. Позднее он добровольно подчинился Чингисхану: его династия, по крайней мере, в течение двух поколений продолжала владеть Кульджинским краем. Местоположение Алмалыка определено благодаря маршруту Гетума I и сведениям китайских источников, которые помещают город на расстоянии одного дня пути к западу от перевала Талки.

В качестве главного города чагатайских владений Алмалык был одним из центров деятельности средневековых европейских миссионеров, распространявших католичество в монгольских владениях. В 30-х годах XIV в. при хане Дженкши католики имели в Алмалыке епископа и церковь. Конец деятельности католиков положило

кровавое гонение против христиан, возбужденное в 1339 или 1340 году Али-Султаном [Бартольд, 1966а, с. 79].

В. В. Бартольд посетил развалины Алмалыка, где сохранился мавзолей Туклук Тимура, который умер в 1362-1363 гг. и который был первым из владельцев восточной части чагатаидского улуса, принявшим ислам. В. В. Бартольд охарактеризовал мавзолей Алмалыка и отметил, что он повторяет стиль аналогичных сооружений Средней Азии. Рядом находился еще один меньший по размерам мавзолей, принадлежавший, по мнению местных жителей, сыну Туклук-Тимура Шир-ильхану [Бартольд, 1966а, с. 80-81].

Рис. 28. Мавзолеи Алмалыка. Справа мавзолей Туклук-Тимура

В 1902 г. Алмалык осмотрел востоковед Н. Н. Пантусов – выпускник Санкт-Петербургского университета, занимавший высокие должности в администрации г. Верного. В Кульдже ему были показаны находки из Алмалыка: два кайрака с нанесенными на них крестами и надписями [Пантусов, 2011, с. 165-167].

В аспекте этого доказательства стоит привести сведения из записок о путешествии Чань-Чуня.

Чань-Чунь принадлежал к северной даосской школе – к ордену «Золотого лотоса». Все они занимались в духовном мире поисками «философского камня» и приобретения бессмертия. Чингисхан, занятый завоеваниями земель на западе, пишет письмо мудрецу. В письме он просил его о встрече и о возможности вечной жизни. Путешествие Чань-Чуня на встречу с Чингисханом продлилось три года – с 1221 до 1224 гг. [Акишев, 2008, с. 12-34].

Сохранились описания ряда городов о посещении Алмалыка. Стоит привести выдержки из этого источника: «Мы достигли его на 27 день девятого месяца (14 октября). Правитель области Пусумань Далухачи (даругачи) вышел из города вместе с монголами навстречу учителю. Расположились во фруктовом саду в западной части города. Местные люди называют плоды алима (алма), а поскольку это место знаменито своими фруктами (яблоками), город и получил вышеупомянутое название. У них есть вид ткани, называемой далума (толма, даба, хлопковая ткань). Люди говорят, что она соткана из шерсти овца. Мы получили семь кусков такой ткани для зимней одежды. Ее волокна напоминают пух (покрывающий почки) наших ив. Они очень чисты, прекрасны и мягки; используются для изготовления ниток, веревок, тканей и для набивки. Возделывая поля, люди применяют искусственное орошение, выводя каналы. При доставке воды они пользуются кувшинами, которые носят на головах» [Акишев, 2008, с. 21].

Находка Отрарского клада, благодаря которой число известных серебряных монет алмалыкской чеканки до реформы 670/1271-1272 гг. возросло в несколько раз, подтверждает вывод Е. А. Давидович о регулярности работы этого монетного двора в предреформенный период [Байпаков, Настич, 1981, с. 48]. В кладе представлены дирхемы, чеканенные штемпелями 637-640, 643, 645, 648, 647 и 649, 653-655, 665, 660-662, 666 гг. Можно полагать, что все алмалыкские дирхемы изъяты одновременно и непосредственно из обращения не ранее 1264 и едва ли позднее 1265-г.

Город *Пулад-Болат* упоминается в ряде источников XIII в.

Гильом де Рубрук еще до своего приезда в Илийскую долину сообщает о городе Болате. «Я спросил также о городе Талас, в котором были Немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей, и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Я не мог узнать ничего об этих немцах, вплоть до приезда ко двору Мангу-каана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас после гор, на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их, с позволения Бату, к востоку на расстоянии месяца пути от Таласа, в некий город по имени Болат, где они копают золото, делают оружие» [Деом, Сала, 2010, с. 240, рис. 1].

Сообщение средневековых авторов о городе Имиле (Эмиле) более многочисленны и подробны. Этот город, игравший важную роль в политической жизни Монгольской империи XIII в., располагался на р. Эмиль к востоку от Алаколя, недалеко от современного Чугучака [Путешествие в Восточные станы..., 1993, с. 73].

В последние годы возрос интерес к этнокультурным процессам, происходившим в государстве Чагатай. На территории Улуса Чагатай в исторический период XIII-XIV вв. возникли несколько городов, которые являлись экономическими структурами и административными

Рис. 29. Городище Дальте – город Болат. Аэрофото

центрами. Одним из таких городов, через который осуществлялась связь центра с восточными и западными провинциями, и был Болат. Некоторые китайские исследователи считают, что Болату соответствует городище Чиндил в 5 км западнее г. Боротала. Однако, археолог Н. Кенжеахметулы не согласен с этим предположением, по его мнению, размеры городища не соответствуют большому городу, каковым был Болат. Он отождествляет Болат с городищем Дальте.

Городище занимает обширную территорию и делится на две части: западная часть размером 700x450 м, восточная – 385x280 м. В плане городище имеет форму четырехугольника.

На городище Дальте обнаружено более 1700 бронзовых монет, 111 серебряных и 36 золотых монет. Сейчас все они хранятся в музее г. Боратала.

Высокий уровень торговых отношений Болата, согласно сообщениям китайского посла Лю Юй, происходил, видимо, в период правления хана Чагатая. Он пишет: «Пройдя на запад, мы нашли некий город по имени Иэмань (Эмиль). После этого мы направились на юго-запад, въехали город Боло (Болат). В городе и других городах чеканится монета из золота, серебра, бронзы. Монета без отверстия и имеет надписи».

Этимология названия города Болат или Пулад имеет несколько толкований. Фэн Чжэнджунь предложил считать Пулад искаженным названием иранского термина «полад» – «сталь». Но наиболее убедительную этимологию предложил Линь Мэйцунь. Он производит Болат от тюркского этнонима Булак – племя карлуков. Современное название Боротала по-монгольски означает «серебристо-серая степь»,

китайское название Бо-лэ-та-лэ или Бо-эр-та-ла, в сокращенном виде как Бо-лэ [Кенжеахметулы, 2008, с.162-164].

Караванные пути из Юго-Западного Жетысу в Северо-Восточное проходили через горный перевал Кастек – горы Цзедань.

Они располагались, по китайским источникам, в 40 ли севернее р. Суй-е (Шу): «Здесь каган 10 родов производит утверждение владетелей и старейшин» [Зуев, 1960, с. 94].

По арабским источникам известно, что здесь у кагана были «запретный луг» и «запретная гора», к которым никто не смел приближаться; стада, пасшиеся на лугу, и дичь, и горы должны были служить провиантом при военных походах» [Бартольд, 1963б, с. 34]. Тюрки называли эти горы Урунг-Ардж. Гардизи пишет, что «тюрки почитают эту гору, клянутся ею и считают ее местопребыванием всемогущего божества» [Волин, 1960, с. 183]. Перевал через эти горы назывался Урунг-Ардж. Слово это означает «длинный перевал». «Урун» значит «узун», что по-тюркски означает «длинный» [Койчубаев, 1974, с. 229]. Внизу спуска на северной стороне гор на речке Каракастек обнаружено несколько городищ, одно из которых названо археологами Каракастек и датируется X–XIII вв. Это был караван-сарай, на базе которого сформировался торговый город *Урун-Ардж* [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 24].

Урун-Ардж соединяет район с городом Навакетом. В «Худуд ал-Алам» сказано так: «Урунг-Ардж, раньше это был город, а теперь он разрушен и (служит) убежищем для воров» [Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 42].

Наиболее ранние известия о городах Северо-Восточного Семиречья содержатся в анонимном географическом сочинении «Худуд-ал-Алем», где названы «два селения *Тон и Тальхиза*, расположенные среди гор на границе между владениями джикилей и карлуков, вблизи оз. Иссык-Куль» [Худуд-ал-Алем, 1930; Бартольд, 1966а, с. 75]. Тальхиз отождествляется с городищем Талгар, расположенном в 25 км к востоку от Алматы [Маргулан, 1950, с. 60].

Городище Талгар находится на южной окраине города Талгара, на правом берегу одноименной горной реки. Центральная часть его окружена стенами с башнями по углам и периметру, занимает площадь 9 гектаров. Южный пригород – рабад примыкает к подошве горной гряды. Общая площадь города в 980 г. по данным письменных источников достигала 28 гектаров. Четыре въезда соединялись улицами, пересекающимися в центре города. Раскопки вскрыли массив жилой застройки внутри крепостных стен у восточного въезда, в центральной части городища и в южном рабаде. Изучена застройка и планировка: выявлена уличная сеть – магистральные и внутриквартальные улицы, выделены кварталы, изучено жилище, собран богатый материал, свидетельствующий о высоком развитии ремесленных производств: гончарного, стеклоделия, железодельного и чугунолитейного, медницкого и строительного дела.

Удивительно, однако, что на городище не найдено ни одной монеты XIII в.

В китайских источниках первой половины XIII в. упомянут город *Чжи-му-эрр* [Bretschneider, 1910]. В. В. Бартольд [1966а, с. 70], а вслед за ним А. Н. Бернштам [1948б, с. 17] Чжи-му-эрр отождествляли с городищем у села Чилик.

В описании поездки Чань-Чуня есть заметки о том, что после переправы на лодке через реку «подъехали к большой горе, на северной части которой был небольшой городок. И если считать, что река – это Или, то небольшой городок – это Тальхир».

В сочинении государственного деятеля первой половины XVI в., писателя и поэта Захириддина Мухаммеда Бабура есть такие сведения: «Фергана – область в пятом климате, находится на границе возделанных земель; на востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге горы Бадахшанской границы, на севере, хотя раньше были города. подобные Алмалыку, *Алмату* и *Янги*, название которого пишут в книге Таразкент, но они разрушены монголами, и там совсем не осталось населенных мест» [Бабур-наме, 1958, с. 9]. Здесь, бесспорно, назван средневековый город, расположенный на месте будущего Алматы и носивший имя Алматы.

О городе «Алмату» пишет современник Бабура Мухаммед Хайдар Дулати, автор сочинения «Тарих-и Рашиди», в связи с военными действиями Тимура против Камар ад-дина [Дулати Мухаммед Хайдар, 1996, с. 62, прим. с. 617].

Вновь «Алмату» упоминается в событиях 1504–1509 гг., «когда в Могулистане» [все царевичи] были заняты борьбой и распрями друг с другом».

Одно из сражений произошло между Мансурханом и братьями Султан Халилом султаном и Султан Саидом ханом в Алмату – «известном месте Могулистана» [Дулати Мухаммед Хайдар, 1996, с. 62, прим. с. 225].

Небезынтересно привести еще более раннее упоминание об области Алмалык в «исламизированной» версии об Огуз-хане, которую приводит Рашид ад-Дин (1274-1318) в труде «Джами ат-таварих». В событиях, которые происходили, скорее всего, в X–XII вв., историк пишет о том, что Огуз-хан в одном из своих походов достиг Алатага и в области Алмалык в местности Ак-Кайя посетил группу воинов-ветеранов. Видимо, название Алмалык можно привязать географически к предгорьям Заилийского Алатау и району Алматы [Агаджанов, 1969, с.126, прим. 2].

Таким образом, совокупность выше приведенных сведений средневековых письменных источников свидетельствует о городе «Алмату», локализуемом в районе современного города Алматы.

Следует отметить, в конце VIII – XI в. начинается бурное развитие городской культуры, когда наблюдается массовый переход к оседлости номадов, втягивание района в орбиту международных торговых

связей, в том числе и по Великому Шелковому пути. Его ответвление через Илийскую долину стало наиболее интенсивно функционировать в X – начале XIV в. К этому времени на территории «большой Алматы» находилось несколько поселений и городков. Сейчас все они уничтожены современной застройкой, но сведения о них сохранились в отчетах и публикациях.

Городище Алматы I находилось южнее нынешнего г. Алматы, на территории жилого массива «Горный гигант». Оно представляло собой возвышенную площадку (140x150 м), ориентированную углами по сторонам света. К северо-западной стене примыкала еще одна прямоугольная площадка (85x40 м), окруженная оплывшим валом. Городище было защищено четырехугольным валом из набивной глины. По его углам располагались круглые башни. Высота вала равнялась 2-2,5 м, тогда как бугры башен возвышались на 3 м. Въезд в городище прослеживается в середине южной стены. Расположено городище между оврагами, что усиливало его обороноспособность.

На одном из возвышений внутри городища был заложен шурф. При этом выяснилось, что толщина культурных напластований здесь составляет 1,8-2,2 м.

Городище двухслойное и датируется по общему облику топографии и керамическому материалу IX-XIII вв. [История Алматы, 2006, с. 174].

Городище Алматы II полностью уничтожено в 70-е годы XX в. Оно располагалось на территории Высшего пограничного училища, на берегу р. Малая Алматинка.

Восновское городище находилось в г. Алматы на территории Главного ботанического сада. В 1969 г. здесь при строительных работах был найден клад керамики.

Неукрепленное поселение Ремизовка находилось на южной окраине Алматы выше ул. аль-Фараби у поворота в Ремизовское ущелье. На поверхности собраны обломки глиняных котлов, кувшинов, хумов, которые можно отнести к XI–XII вв.

Городище Теренкара расположено на северной окраине г. Алматы на территории бывшего поселка «Заря Востока». Торткуль расположен на правом берегу р. Теренкара. Представляет собой трапециевидный в плане четырехугольник стен (валов) с башнями по периметру.

Наибольший интерес из всех сохранившихся и обследованных памятников представляло городище Алматы II. С этим же городищем связаны находки монет, обнаруженные в ходе небольших раскопок и зачисток во время строительства новых корпусов Пограничного училища. Здесь были найдены остатки средневековой кузницы: расчищен кузнечный горн, а рядом собраны железные крицы (заготовки железа), готовые изделия и среди них – железные топоры, кетмень, наконечник пахотного орудия, боковина железного котла. Здесь же был обнаружен глиняный тигель для разлива расплавленного металла и два кувшина для воды [Савельева, 1989, с. 44-49]. Самой важной находкой

оказались монеты – серебряные дирхемы XIII в., которые подтвердили факт существования средневекового города с названием Алматы [Nastich, 1998, p. 13-15; Настич, 1999; 2000].

Впервые в научный оборот ввел эти монеты востоковед, нумизмат В. Н. Настич. В его статьях нет никаких разночтений ни в отношении города, выпустившего эти монеты, он назывался Алматы, ни тем более в чтении годов чеканки (684 и 685 г. х.), написанных по системе, характерной для нумизматики монгольских государств второй половины XIII в.

Рис. 30. Монета Алматы

Некоторые исследователи не поняли особенности палеографии надписей и правила размещения слов в выпускных легендах на памятниках, объясняя это плохой сохранностью монет. Видимо, этим авторам оказались в новинку особенности палеографии надписей и правила размещения слов в выпускных легендах на памятниках нумизматики того времени. Сохранность же надписей вполне позволяет однозначно читать выпускные данные уже на нескольких экземплярах монет разных типов [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 134].

С момента опубликования В. Н. Настичем первого сообщения фонд зафиксированных дирхемов алматинских выпусков пополнился. В настоящее время известны три года выпуска дирхемов: 684/1285–1286, 685/1286 и 686/1287 гг. Новые экземпляры серебряных дирхемов опубликовал А. Исин [Исин, 2004]. Еще две монеты опубликованы П. Н. Петровым и А. Н. Камышевым [Петров, Камышев, 2005, с. 163–164]. Обе монеты мелкого номинала, одна из которых быта штемпелем полновесного крупного дирхема, а вторая – специальным маленьким штемпелем, на котором не указаны выпускные сведения.

В 2009 и 2010 годах на территории Кыргызстана было обнаружено два мелких анэпиграфных дирхема, принадлежность которых к продукции монетного двора Алматы определяет «трехногая» разноплечная тамга. Одна монета найдена на городище Бурана.

Нет уверенности в том, что выявлены все типы и даты чеканки серебряных дирхемов Алматы XIII в. Например, обнаруженный в

одной из частных коллекций г. Алматы дирхем нового типа (картуш – квадрат вписан в круг) несет на себе разноплечную трехногую тамгу, но выпускных данных на монете не сохранилось. Наличие такой тамги не позволяет исключать возможность, что и этот тип был чеканен в Алматы, но, видимо, не в указанные ранее (684-686 гг. х.) годы.

Особо следует отметить наличие различных тамг на серебряных дирхемах. Кроме известной тамги Кайду-хана на монетах обязательно присутствует еще одна тамга – разноплечная трехногая. Эта тамга относится П. Н. Петровым к группе тамг дома Угедея. Она являлась неотъемлемым атрибутом чеканной продукции монетного двора Эмиля конца 630–640/1230-1240-х гг. (города, принадлежавшего потомку из рода Угедея). Находки алматинских дирхемов указывают на локальность и непродолжительность работы этого монетного двора в XIII в., что может быть связано с отсутствием необходимой динамики экономического развития этой территории в тот период. Поскольку чеканка серебряной монеты была свободной (т. е. из серебра заказчика), то именно потребность рынка в монете определяла объем эмиссий монетного двора и продолжительность его функционирования.

Важную информацию о жизни города в XIV в. дает клад чагатаидских монет, найденный в 1967 г. на территории жилого массива «Горный Гигант» и хранящийся ныне в фондах Центрального Государственного музея в г. Алматы. Это самый крупный из найденных на территории Казахстана клад серебряных чагатаидских монет, число которых составляет 1386 экземпляров. Время его сокрытия определяется по дате самой ранней монеты: дирхем Отрара 730/1329-1230 гг.

В составе клада конца первой трети XIV в. необычайно много дирхемов конца XIII – начала XIV в. Во-вторых, обращает на себя внимание полное отсутствие в составе комплекса монет Алматы. В-третьих, метрология и состояние поверхности монет конца XIII – начала XIV в. таковы, что можно говорить об изъятии их из обращения не в 720–730/1320–1330 гг., а начиная с первого десятилетия XIV в. [Базылхан, 2004, с. 355-356].

Все эти особенности указывают на существование города на протяжении первых 30 лет XIV века. По сути, этот клад является первым документальным свидетельством того, что город дожил до 1330 г.

Анализ показывает, что основная масса монет поступала в Алматы из Термеза, Бухары, Самарканда. Поток монет шел через Ходженд. Дирхемы Кашгара, Пулада и Алмалыка являются случайными включениями в состав изучаемого комплекса. Но крайне малое количество серебряной продукции Отрара, Тараза и Кендже – монетных производств, которые выпускали в конце XIII в. почти до половины всех серебряных монет в государстве, говорит о том, что сокровище начало скапливаться уже после прекращения их работы, то есть, после 707/1307–1308 гг. [Петров, 2012, с. 23-29].

Города Центрального Казахстана

Исследованиями А. Х. Маргулана доказано, что Центральный Казахстан был крупным регионом развития городской культуры. Обнаружены остатки более шестидесяти городищ типа «тортколь», расположенных на реках Нура, Шерубай-Нура и Сарысу, в долине Кенгира и в предгорьях Улытау, в долине р. Ишим [Маргулан, 1978, с. 3-37].

Некоторые из этих городищ можно сопоставить с городами письменных источников. Одно из них – Домбаул датируется XIV-XV вв. А. Х. Маргулан, опираясь на позднесредневековые письменные источники, сопоставил его с городом *Орда-базар*. Наряду с Сыгнаком это был крупный город Дешт-и-Кыпчака [Маргулан, 1978, с. 18].

Городище Аксай (Ески Орда), расположенное на р. Кенгир, отождествляется с дворцом *Сарайлы*, о котором сообщает Хафиз Таныш [МИКХ, 1969, с. 276–277; Маргулан, 1978, с. 31]. Ж. Е. Смаилов называет это городище Шоткара. Раскопки на городище выявили комплекс построек XIII–XIV вв. [Смаилов, 1997, с. 60.]

Интересную гипотезу предложил А. Х. Маргулан о тождестве городища Милыкудук в Джезказгане, которое датируется VIII–XIV вв., с Дез-и Руин – *Медным замком*, называемым Фирдоуси как место гибели. Затем о Медном замке сообщает Махмуд Кашгарский в XI в. и позднее Рашид ад-дин, который называет его Или Вадич [Маргулан, 1973, с. 9].

Представление населения об этих исторических местах сохранилось еще в XVIII в. П. И. Рычков собирал сведения о знаменитых медных рудниках и записал: «Из Улутау вышли три реки:

Рис. 31. Графическая реконструкция городища Бозок (по К.А.Акишеву)

Каракенгир, Жездыкенгир и Жилан-кенгир. По реке Жезды весьма много руды и старинных пустых городов, где бывали рудокопные заводы и поныне это не только того признаки, но и горные плавильни еще видны» [Рычков, 1762, с. 242]. Археологические исследования выявили следы поселений рудокопов и многочисленные выработки из меди и плавильные горны [Маргулан, 1973, с. 10-29].

Города Западного Казахстана

Средневековый город *Сарайчук (Сарайджук)* отождествляется с городищем Сарайчик, которое располагается на правом берегу реки Урал (Яик, Жайык) в урочище, ограниченном с востока р. Урал, с запада – его протокой р. Сарачинкой. Городище находится на окраине села Сарайчик, которое сохранило название древнего города, как и городище. обстоятельный исторический обзор источников и литературы по истории Сарайчика составил В. В. Трепавлов [Трепавлов, 2002а, с. 225-231].

До золотоордынских времен о Сарайчике нет упоминаний. Однако по отдельным признакам можно предполагать, что какое-то поселение в этом месте существовало еще в домонгольское время [Толстов, 1953, с. 304].

Средневековая история региона затронута в хронике «Джаханнаме» османского автора XVII в. Хаджи Халифа. Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город С.ва.дж (или С.ваи.х), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там [DeWeese, 1994, р. 197, 198]. Д. Девиз полагает, что Сарайчик являлся домонгольским культурным центром

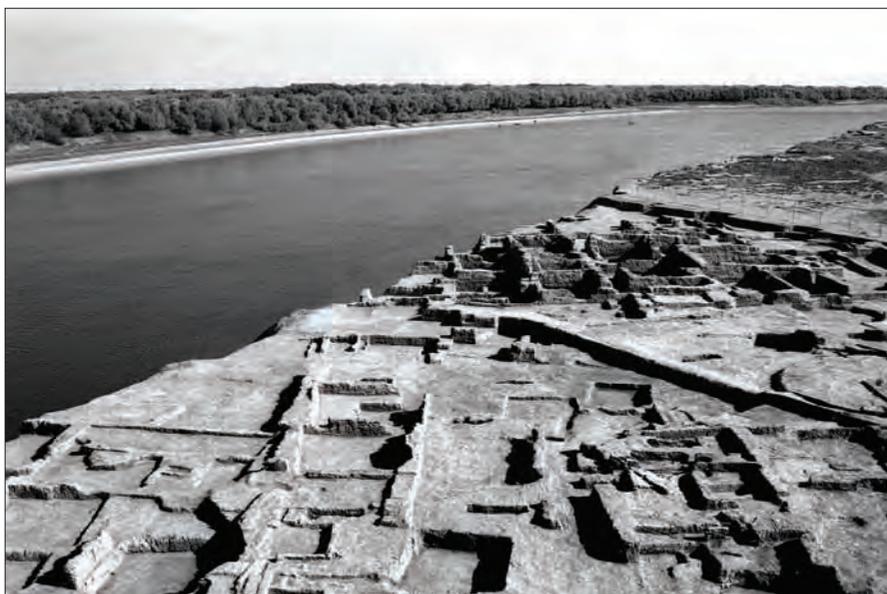

Рис. 32. Сарайчик. Раскоп на берегу Урала

Дешт-и-Кыпчака [DeWeese, 1994, p. 199]. Исследователи, изучавшие историю кыпчаков, считают, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта, тогда как центром левого был Сыгнак на Сырдарье [История Казахстана, 1993, с. 76; Кумек, 1994, с. 34].

В историографии преобладает мнение о формировании Сарайчика в золотоордынскую эпоху, а его основание относят ко второй половине XIII в. и приписывают то Бату, то его братьям Берке или Шибану, то сыну Шибана

Бахадур [Ахмедов, 1965, с. 35; 1985; Егоров, 1985, с. 124; Сафаргалиев, 1938, с. 51–52; Утемиш-хаджи, 1992, с. 154; Юматов, 1961, с. 249].

Г. А. Федоров-Давыдов считает, что Сарайчик, как и многие другие города Золотой Орды, был основан на пустом месте [Федоров-Давыдов, 1973, с. 163].

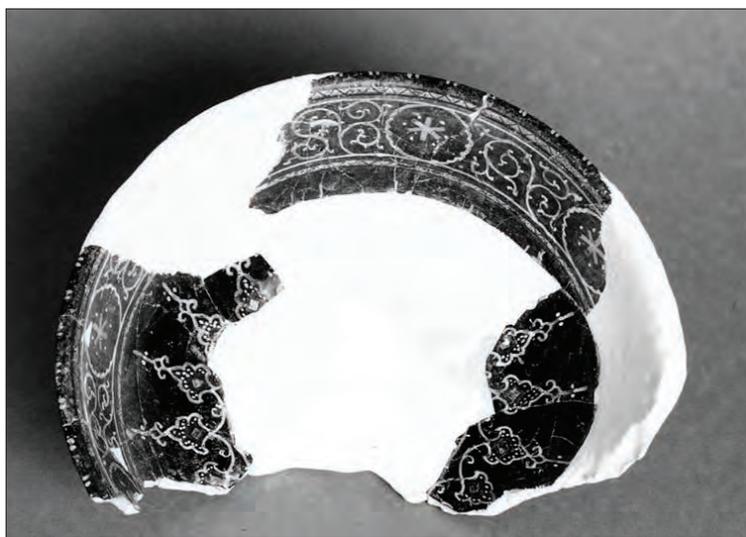

Рис. 33. Сарайчик. Керамическая чаша

Восточные источники впервые упоминают о Сарайчуке в начале правления Берке (вторая половина 50-х годов XIII в.). По Абу-л-Гази, Хан Берке принял там ислам; а по Утемиш-хаджи, Берке проезжал через него по пути из Ургенча на свою коронацию в волжский Сарай ал-Махруса [Федоров-Давыдов, 1973, с. 167]. В 1333 г. город посетил арабский путешественник Ибн Баттута, описавший большой понтонный мост через реку и келью почитаемого дервиша [Утемиш-хаджи, 1992, с. 97]. В последней трети XIV в. Сарайчук переходил от Шейбанидов к потомкам сыновей Джучи Орду-Эджена и Тукай-Тимура и вновь к Шейбанидам [Ахмедов, 1965, с. 34; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 196; Федоров-Давыдов, 1973, с. 135, 154]. Арабский хронист XV в. Ибн Арабшах приводит его в перечне городов, разрушенных Тимуром во время одного из нашествий на улус Джучи [Трепавлов, 2002, с. 227]. Однако Шараф ад-Дин Йезди передает, что Тимур, опасаясь засад на переправах, форсировал Яик в верховьях [Шараф ад-Дин Али Йезди, 1972, с. 447], не затронув, таким образом, Сарайчук. В. Л. Егоров считал, что город не разрушался Тимуром [Егоров, 1985, с. 124].

После ухода войск Тимура Сарайчук оказался в центре Мангытского юрта Эдыге (Едигея) – ядра будущей Ногайской Орды. Там чеканились монеты хана Дервиша [Сафаргалиев, 1960, с. 192].

Один из его сыновей и преемников Едыге Гази вступил во владение Сарайчуком. Он отдал кыпчаку Айиас-беку пост даруги Сарайчука в награду за помощь в уничтожении кокординского хана Барака [Трепавлов, 2002, с. 228]. Однако, несмотря на подчиненность мангытам, Сарайчик продолжал формально считаться достоянием Джучидов левого крыла, и казахские ханы стремились к обладанию городом. В нем находились ставки Джанибека, Бурундука и Касыма. Сын Касыма и внук Джанибека хан Хак-Назар в 1550-х годах называл Сарайчук своим юртом.

Некоторые исследователи считают, что Сарайчук XV-XVI вв. был полуразрушенным или вовсе лежавшим в руинах [Сафаргалиев, 1960, с. 231; Федоров-Давыдов, 1973, с. 167]. Тем не менее, город сохранял роль крупного торгового центра в Прикаспийском регионе, что диктовалось его удобным географическим расположением в узле караванных путей.

В Сарайчуке находились некрополи золотордынских и казахских ханств. Известно об устройстве там ханских усыпальниц с золотоордынских времен. Там были погребены ханы Тохта и Джанибек, Узбек [Трепавлов, 2002, с. 228]. В начале XVI в. в городе были построены мавзолеи казахских ханов Джанибека, Барака и Касыма [История Казахстана, 1993, с. 164].

Скопление гробниц под названием Trestago или Treatargo между устьем Волги и Мангышлаком, с пояснением «Залив мертвых» или

«Залив памятников», с изображением крепостной стены и двух башен, мечети и знамени с полумесяцем и джучидской тамги, фиксируется на карте братьев Ф. и Д. Пицигани 1367 г. и в каталонском атласе 1375 г. Кроме того, братья Пицигани нанесли на карту условное обозначение мавзолея, приблизительно в районе Ахтубы, с подписью «Торкал, то есть усыпальница императоров, которые умерли в окрестностях реки Сара» [Егоров, 1985]. На карте Фра Мауро 1459 г. правый берег реки *Laicho* (Яик) украшен изображением мавзолея, сопровождаемым словами «*Sepulchura Imperial* (имперская усыпальница)» [Багров, 1912, рис. 16; Варваровский, Евстигнеев, 1998, с. 175; Чекалин, 1889]. Этим подчеркивалась сакральная роль Сарайчука для рода Джучидов как местоположение их фамильных гробниц [Бартольд, 1966б, с. 395; 1968б, с. 143].

Археологические исследования свидетельствуют о Сарайчуке как о крупном городском центре с застройкой домами, общественными постройками, дворцовым сооружением. Здесь собрана богатая коллекция керамики, изделий из металла, монет XIII–XV вв. [Тасмагамбетов, Самашев, 2001].

Вблизи Уральска на правом берегу р. Урал было обнаружено и исследовано городище *Жайык* – остатки крупного города XIV в. Существование города на этом месте обосновывается и стратегическими условиями. В районе Меловых гор, что расположены в 3 км к северо-востоку от городища, на р. Урал находились два переката, которые служили традиционным местом переправы через реку вброд – Нижнемеловой и Верхнемеловой. Столь важная переправа на полноводной реке обычно отмечается наличием вблизи крупного поселения или города.

Свидетельства существования города приблизительно на месте обнаруженного городища Жайык сохранились в картографических материалах XIV–XV вв. Как известно, наиболее подробной картой Золотой Орды является карта 1367 г., составленная итальянскими купцами братьями Франциско и Доменико Пицигани. На ней восточнее Лайети (город на побережье Каспия, между реками Волгой и Уралом) только надписью без изображения направления русла, отмечена река Жайык (Яик). На ней на некотором отдалении от морского берега изображен безымянный город. Выше его имеется изображение второго безымянного города. Судя по башням и развевающемуся над ними флагом это был крупный экономический и административный центр [Егоров, 1985]. Первый безымянный город на р. Яик довольно надежно может быть идентифицирован с городищем Сарайчик. Второй же безымянный город к северу от Сарайчика на правом берегу Яика вполне может быть сопоставлен с городищем Жайык.

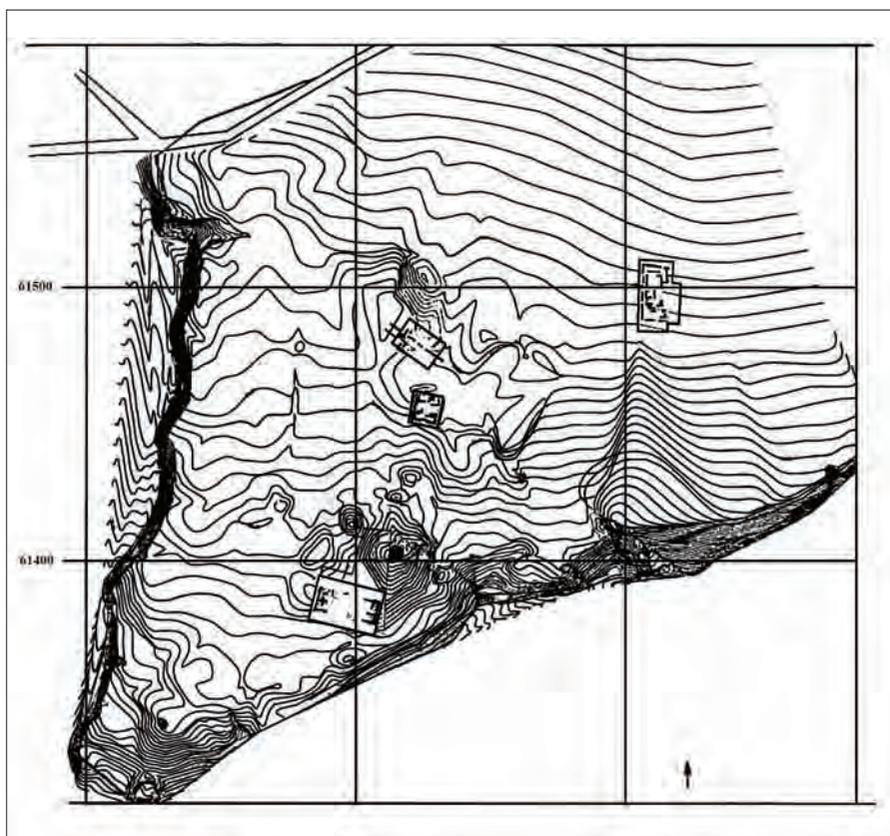

Рис. 34. Городище Жайык. План

Можно предположить, что его название отражено на карте капитана Антония Дженкинсона, составленной в 1562 г. почти через 200 лет после карты братьев Пицигани. Исследовавший эту карту Б. А. Рыбаков доказал, что в основу ее положена более ранняя карта 1497 г., «первая русская карта всей московской державы» [Рыбаков, 1974, с. 24-25]. На ней выше Сарайчика, но более мелким значком отмечен на правом берегу р. Яик город под названием Шакафни – Shakafni. Б. А. Рыбаков считал, что это дважды нанесенный, при соединении двух листов карты, г. Сарайчик, «один правильно помещен у устья Яика, другой значительно выше». Теперь при сопоставлении «карты Дженкинсона» с картой братьев Пицигани и в свете открытия и исследования городища Жайык можно высказать мнение, что здесь показаны два разных города с разными названиями.

Пока нет оснований распространить датировку городища Жайык на XV в., но можно предположить, что картографические материалы, отразившиеся в «чертеже 1497 г.», которыми располагал А. Дженкинсон, представляли еще более раннюю ситуацию, а именно XIV в. И вполне вероятно, что Шакафни соответствует городищу Жайык.

Рис. 35. Городище Жайык. Облицовочная плитка с росписью золотом

Против этого отождествления может стать созвучие названия на «карте Дженкинсона» (Shakafni) названию ногайского города «Шакашин», что располагался, по сведениям П. С. Палласа, на р. Урал (Яик) несколько ниже современного г. Илек, при впадении р. Киндалы в р. Яик [Паллас, 1809, с. 406]. Данные П. С. Палласа получены в середине XVIII в., но, вероятно, относятся к началу XVII в. Если признать, что все эти сведения относятся к одному городу, стоявшему на одном месте, то тогда следует, что он просуществовал неизменно на одном и том же месте в течение не менее трех веков. В связи с открытием городища Жайык логичнее предположить, что ногайский Шакашин ниже Илека, возможно, исторический наследник Shakafni, бывшего на месте городища Жайык. Вероятно, что этот Шакашин, точнее его городище, отмечено под №5 и под названием «Оренбургское» на карте, составленной Г. А. Федоровым-Давыдовым [Археология СССР, 1981, с. 66].

История города, существовавшего на месте городища Жайык, отражает историю северных окраин Золотой орды. Конец XIII – первая половина XIV в. в истории этого государства характеризуются как годы наибольшей стабильности и расцвета городской культуры. Возрождаются некоторые важнейшие торгово-экономические центры, пострадавшие в период завоевания, появляются новые города. Этот кратковременный период интенсивного роста приходится в основном на время правления ханов Узбека и Джаныбека (1312-1357 гг.). В это время, точнее, при хане Узбеке (1313-1339 гг.) ислам официально становится в Золотой Орде государственной религией. Вероятно, что именно с этого времени в разных концах Золотоордынской империи впервые в массовом порядке появляются исламские мемориально-культовые постройки среднеазиатского типа.

Совершенно иная ситуация сложилась в первой половине XIV в.

В это время кыпчакское население степей, составлявшее большую часть жителей Золотой Орды, интенсивно обзаводится жильем и земельными наделами в бурно растущих городах. Не случайно найденные на городище монеты отчеканены в 1336–1337 гг. от имени Узбек-хана. Это время характеризуется ростом территорий «старых»

городов и возникновением большого числа новых крупных поселений [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 119-124].

Городище Актобе находится в настоящее время на окраине г. Атырау. Первая информация об этом городище принадлежит М. С. Мерщиеву [Мерщиев, 1969, с. 153-161]. Л. Л. Галкин, возглавлявший работы на Актобе, отождествил городище с *городом Лаэти*, обозначенном на карте братьев Пицигани.

Раскопки дали представление о быте и занятиях горожан, об их культуре и духовной жизни. Четкая планировка кварталов с жилыми комплексами, построенными из сырцового кирпича, и производственными печами, расположенными на окраине, позволяли выявить планировку этого поселения.

Датируется городище XIII-XV вв. [Галкин, Касенов, Астафьев, 2013].

Широкомасштабные раскопки были проведены на городище Кызыл-кала на Манкыстау. Городище находится у подножья одной из самых известных на Манкыстау горы Шеркала. Оно стоит на краю обширной долины, подпитываемой водой родника Акмыш.

Центральная часть городища размером 110x115 м обнесена стеной, облицованной каменной кладкой. Высота стены сейчас достигает 5 м, толщина основания – 3 м. По углам и периметру стены находились башни Ворот, фланкированные двумя башнями, находятся в северо-восточной стене [Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 301].

Рис. 36. Городище Кызылкала. Крепостная стена. Фрагмент

По периметру изнутри прослеживается жилая застройка. Вокруг по площади в 50 га видны остатки сплошной усадебной застройки.

Масштабы городища Кзылкала (50 га) и мощность культурных отложений (более 2 м) указывает на долговременное существование города на одном месте и его важной роли в экономике и культуре Манкыстау.

По мнению исследователей, город формировался у стен крепости, возможно, сооруженной Хорезмом в период его подъема и расширения политических и торговых связей. Есть мнение, что Кзылкала отождествляется с городом *Манкашлак*.

Сведения о крепости Манкашлак содержатся в труде Якута и связаны с хорезмшахом Атсызом (1127-1156 гг.). «Манкашлаг – неприступная крепость в конце пределов Хорезма, она (находится) между Хорезмом, Саксином и страной руссов, около моря, в которое впадает Джейхун, а это море Табаристана». Якут приводит строки, восхваляющие Атсыза: «Ты послал на страх Манкашлаку молнию. Из острых мечей, поражены ужасом его жители» [Ахинжанов, 1989; МИТТ, т. 1, 1939, с. 204; Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007 с. 317].

В XII в. название города Манкашлак распространяется на всю географическую область. Мухаммад ибн Наджиб Бекран, повторяя Истахри, пишет о манкышлаках – тюркском племени, пришедшем в пределы Сиякух из-за вражды с огузами.

Городище Кзыл-кала – самое крупное поселение на территории Манкыстау.

Многочисленные фрагменты керамической посуды собраны на поверхности поселения и из раскопок, датируется керамика XII – началом XIII в.

Среди опубликованных материалов присутствует керамика, характерная для XIII–XIV вв. Это поливные чаши с окрашенными поливами и росписью желтым и зеленым поверх красного, коричневого, зеленоватого ангоба. Роспись иногда невысоким рельефом наносилась на внутреннюю и на внешнюю сторону. Аналогичная керамика найдена на городищах Южного Казахстана и Золотой Орды в слоях XIII–XIV вв. [Ерзакович, 1970, с. 60-69, рис. 1].

ГЛАВА II

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ XIII-XV вв. В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ И ПРИАРАЛЬЕ: раскопки, стратиграфия, застройка

Городище Отрартобе и жилая застройка

В центральной части городища Отрар в 1978 г. начались раскопки территории застройки на площади 1500 кв. м (раскоп III). Последовательно была изучена застройка XII-XVIII вв., которая сопоставлялась с общими раскопками в центральной части городища. Это были горизонты I и III [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981], а затем раскоп был углублен до отметок – 4,8-5,6 м от нулевого репера. Были выделены горизонты IV-V, которые характеризуют материальную культуру города Отрара во временном срезе конца XII – начала XIII в. и первой половины XV в. [Этот раздел опубликован в монографии Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987, с. 25-100].

Стратиграфия и датировка

В ходе археологических исследований на городище были выявлены напластования культурных слоев мощностью 15-18 м. Материалы из верхних слоев позволяют выделить пять горизонтов в юго-западной части центрального бугра. Внутри горизонтов, как правило, выделяется несколько строительных периодов.

Горизонт IV характеризуется наслоениями мощностью до 1,3 м и тремя уровнями полов. Синхронность помещений прослеживается по уровням полов, из которых третий и частично второй имеют следы пожара.

Для строительных конструкций характерна регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40-45 x 20-22 x 10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20-22 x 10-11 x 3,5 см. Стены тщательно несколько раз оштукатурены слоями обмазки. В жилых комнатах устраивались вдоль стен разновысокие суфы обязательно с вмазанным тандыром и керамическим очагом-алтарем на полу в центре помещения. Важную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарные уголки, тамбурные входы, коридоры. Для санитарных помещений характерны керамические ванночки, снабженные системой слива через трубу (кубур) в колодец.

Рис. 37. План центральных развалин и рабада городища Отрар:
1 – раскопы на шахрстане, 2 – раскопы на рабаде

Поливная керамика представлена пиалами, чашами и блюдами, украшенными гравировкой или росписью, подражающей гравировке по поверхности, локальным расположением орнамента, наличием разноцветных пятен на светлом фоне. На значительной части керамики отдельные элементы орнамента имеют темный фон и выделены гравировкой или росписью. Этот прием имитировал технику «резерва» (орнамент на фоне, с которого удален ангоб),

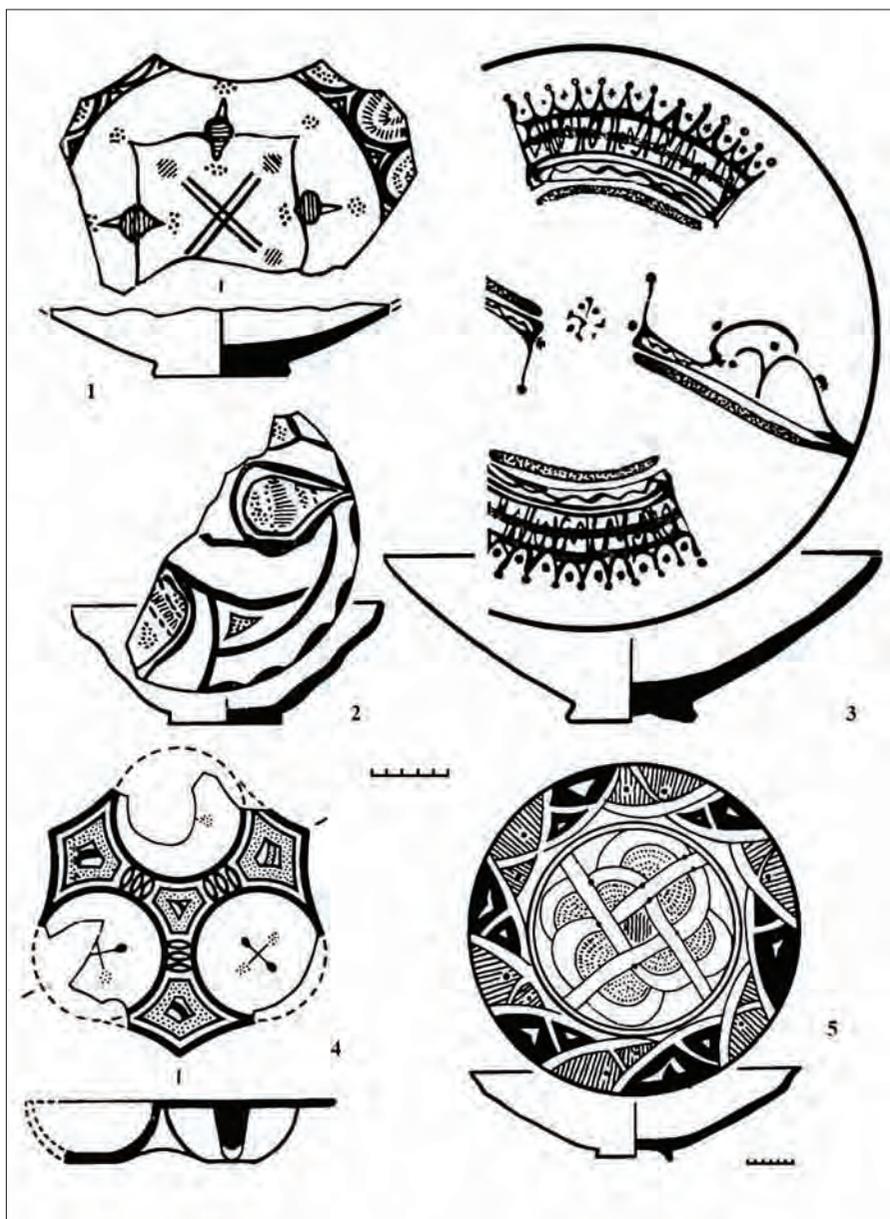

Рис. 38. Поливная керамика V горизонта

распространенную в XI-XII вв. Перечисленные особенности комплекса характерны для керамики XII – начала XIII в. этого городища [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 102-104].

Очень сходна с отрарской поливная керамика Средней Азии (Фергана), датированная по монетам узгенского чекана последней четвертью XII в. [Брыкина, 1974, с. 79, рис. 45-52; Брусенко 1976, с. 107-111, рис. 37].

Среди твердо определимых монет из культурного слоя есть саманидский фельс, две китайские монеты X-XI вв. и две монеты (бронзовая и серебряная) бухархудатского типа, находившиеся в обращении с IX по XII в. [Давидович, 1968, с. 247]. Преобладающие в количественном отношении монеты «караханидского» облика близки ферганскому чекану второй четверти XI в. [Давидович, 1983б, с. 15-17]. Эти монеты встречаются среди одиночных находок и в кладках.

Однако оба клада представлены монетами, которые не только не дают точной даты слоя, но и сами требуют датировки. Существует предположение, что монеты «ферганского типа» находились в обращении до середины XII в. Представляется, что отрарские материалы позволяют уточнить, по крайней мере, верхнюю дату монет. Пятый (V) горизонт датируется по самым поздним монетам – дирхемам Хасана б. 'Абд аль-Халика (Кутлуг Билга-хан) – правителя Отрара начала XIII в. [Кочнев 1983, с. 97-103].

Две монеты найдены в завале верхнего пола, а одна — в горелом слое в алтаре на уровне пола 2 помещения 14. По всей вероятности, пожар произошел во время разгрома Отрара монголами в начале 1220 г. Следовательно, монеты «караханидского облика» ферганского типа использовались как средство городского товарного обращения до монгольского нашествия, скорее всего, и после него, вплоть до выпуска медных фельсов чагатаидского чекана в третьей четверти XIII в. [Настич, 1980, с. 163]. Начальная дата обращения литых монет «караханидского облика» — вторая половина XI в. подтверждается и стратиграфией находок.

Горизонт IV представлен слоем мощностью 2,3 м. Полы находятся на отметках от -4,75 до -2,8 м.

Исследованиями охвачена значительная часть раскопа III. Разница между уровнями суф и полов раннего горизонта (V) и уровнем пола позднего горизонта (IV) минимальная, поскольку старые стены (а иногда и суфы) почти всюду срубались до основания. Это обстоятельство диктовалось, прежде всего, иными градостроительными принципами: вместо узкого переулка (около 1 м) по срубленным стенам прокладывалась довольно широкая улица, обе стороны которой застраивались домами с выходами на нее. Улица, таким образом, стала связующим звеном заново сложившегося квартала города, хотя спиральное направление основных стен и улицы сохранялось, но весь массив застройки, окружающей улицу, оказался передвинутым севернее.

Синхронность построек горизонта IV четко фиксируется по следам двух пожаров, которые отмечаются по всей площади не только раскопа III в юго-западной части центрального бугра, но и раскопа V на северной окраине городища.

Первый пожар был сильным: стены кое-где прокалены почти на всю толщину. После пожара следовал период запустения, судя по натечно-надувным прослойкам в 2-3 см, очень непродолжительный.

Жизнь возобновилась на всем участке. О пожаре говорит прокаленная обмазка пола или стен, так как почти всюду восстановительным работам предшествовала разборка завалов. Однако есть участки, где завал оказался забутованным и послужил платформой для нового строительного периода. Выяснилось, что на таких участках произведена полная перепланировка старой постройки (например, в доме 1 квартала «И»).

Стены выложены заново зеленовато-серым кирпичом, иногда вперемежку с коричневатым. Формат зеленовато-серого кирпича очень неустойчив: 38-40 x 20-21 x 8 см, 23 x 20 x 12-13 см, 22-25 x 22-25 x 12-13 см, 17-18 x 17-18 x 15-17 см, коричневатого 40-42 x 20-21 x 11-12 или 26 x 14 x 14 см.

Второй пожар был не менее сильным, судя по образовавшемуся мощному завалу толщиной до 0,8 м. Однако после продолжительного перерыва вновь обживается лишь несколько домов. В некоторых жизнь возобновляется не в полном объеме: закрываются проходы, отдельные помещения используются для содержания скота.

Для строительных конструкций характерны кладка «на ребро» — вертикальная или с наклоном (наряду с регулярной кладкой), использование нестандартного зеленовато-серого кирпича-сырца. Для отмоксти полов, ташнау, бортов суф применялся и жженный квадратный кирпич размером 25-27 x 25-27 x 5-7 см.

В жилых помещениях домов присутствуют угловые суфы. Но чаще суфа занимает все пространство помещения, кроме участка перед тандыром. Площадки ташнау заглублены до уровня поддувала тандыра и если одной стороной открыты в проход, тогда суфа приобретает «П»-образные очертания. Полностью исчезают из обихода санитарные ванночки туалетов, характерные для V горизонта. Ташнау приобретают вид колодца, устье которого перекрыто кирпичом с отверстием для стока.

Керамический комплекс горизонта IV представлен поливной посудой. Для открытых форм пиалы, чаши, блюда характерны высокое полусферическое тулово с легкой выпуклостью у дна и поддон переходного типа от дисковидного к кольцевому. Росписи ангобами придавали рельефность орнаменту. Преобладает желтополивная посуда с полихромными росписями по светлому ангобу. Для росписей характерно сочетание темно-коричневого и красноватого, часто с добавлением зеленого. Желтой поливой покрывали и красноангобированные сосуды со светлой росписью. Использовались также бесцветные глазури с полихромными росписями по светлому или кремовому ангобу. В росписях встречаются сочетания коричнево-лилового, бирюзы, ультрамарина, черного, коричневого, зеленого.

Под прозрачной поливой попадает кашинный черепок, покрытый полихромными росписями, но эта категория находок чрезвычайно редка. Применялись бирюзовые глазури в росписи по светлому и

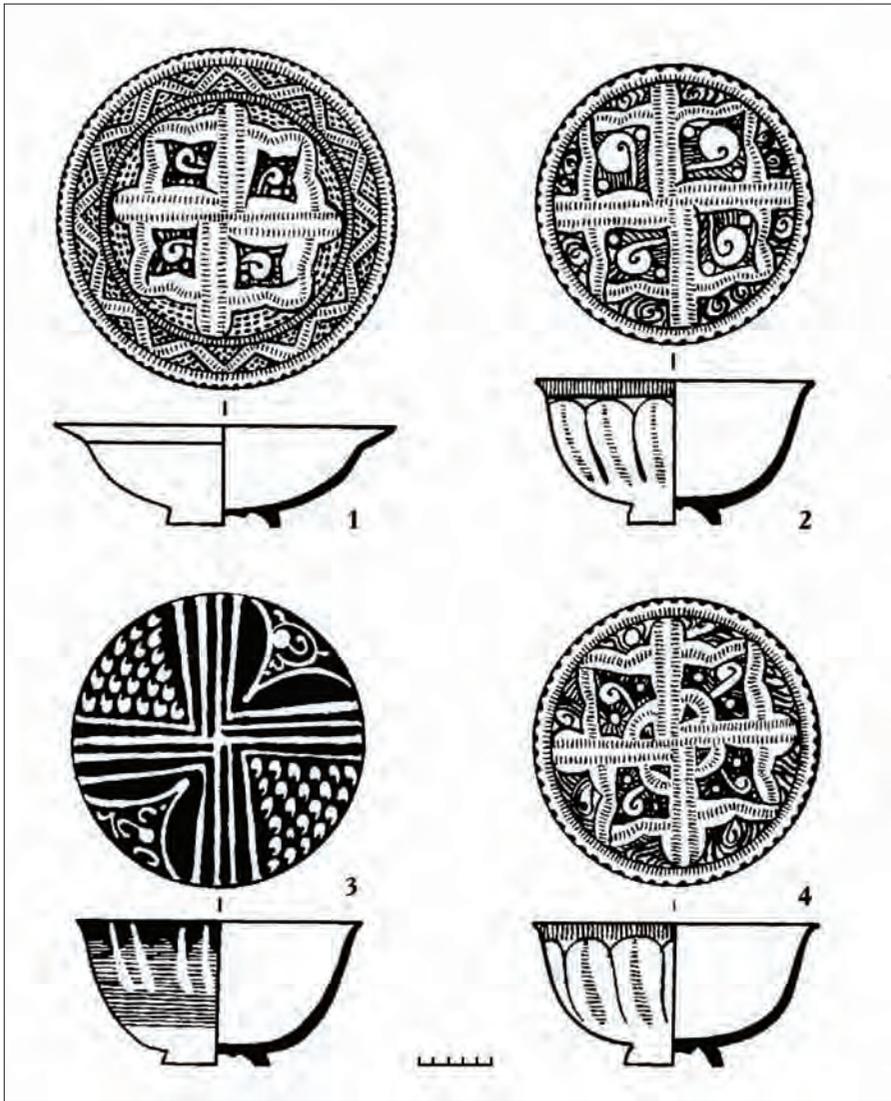

Рис. 39. Керамика горизонта IV

красноватому ангобу. Однако красноангобированные сосуды как под желтой, так и под бирюзовой поливой не характерны для слоя.

Выделяется группа керамики, покрытая изнутри зеленой глазурью, а снаружи — желтой, украшенная полихромной росписью или гравировкой.

Закрытые формы сосудов (кувшины, горшки, чираги, туваки) также покрывались глазурями — бесцветными и окрашенными в бирюзовый, желтый и зеленый цвета. Желтая и зеленая глазури использовались также на разных поверхностях одного сосуда.

Преобладает геометрический орнамент. Поверхность открытых форм разбивали крестообразно или радиально на секторы и в каждый

помещали геометрические фигуры. Иногда вводили также элементы растительного орнамента, редко – эпитафического.

В целом, керамический комплекс IV горизонта хорошо известен по материалам городищ монголо-тимуридского времени, расположенным на Средней Сырдарье и склонах Каратау [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972], а это XIII-XIV вв.

Однако монеты слоя дают более узкую дату, в частности, клад из 25 серебряных монет Тимура и Халил-Султана, чеканенных в основном в Самарканде не позднее первого десятилетия XV в. Судя по стратиграфии участка, клад был спрятан незадолго до первого пожара. К слою «пожара 1» можно отнести единичные медные монеты Тимура, найденные на полу, и монеты чекана Бухары 823 г.х./1420 г., обнаруженные в мусорных прослойках, образовавшихся в период между двумя пожарами.

Значительно больше монетных находок в слое, относящемся ко времени второго пожара. Они зафиксированы на полах помещений, в слое завала и ямах. Подавляющее число их относится к бухарскому чекану типа 832 г.х./1428-1429 гг., в том числе с надчеканом. На полу помещения 53 в доме I квартала «Ж» найдена монета 828 г.х./1424-1425 гг., а также серебряная монета Шахруха (20-30-е гг. XV в.).

Складывается впечатление, что события, повлекшие первый пожар, произошли в период правления Халил-Султана (807/1405-812/1409) или вскоре после его смерти. Второй пожар имел место во второй четверти XV в. или позднее, но в пределах второй половины столетия. В целом IV горизонт можно датировать последней третью XIV – второй половиной XV в. Находки нескольких монет чагатаидского и джучидского чекана не дают основания удревить дату слоя. Монгольские монеты встречены в кладке стен, в мусорной прослойке над уровнем раннего пола, в ямах позднего пола вместе с тимуридскими монетами. Некоторые явно вторичного использования – с пробитыми отверстиями. Не трудно заметить, что хронологический разрыв V и IV горизонтов составляет более полувека.

Отсутствие на раскопе III регулярной застройки монгольского времени не означает, что юго-западная часть центральной части городища была полностью заброшена. Судя по находкам, какая-то часть населения продолжала обитать здесь. Например, в нижних слоях бадраба в доме 5 квартала «И» найдена керамика, которая на рабаде встречается вместе с раннемонгольскими монетами, а именно красноангобированные чаши с бирюзовой поливой по черной и светлой росписи, мраморовидной поливой, иногда с гравировкой, чаши с темно-зеленой глазурью и гравировкой. Однако строительных конструкций монгольского времени на раскопе III нет.

Уличная сеть изменилась незначительно: улица квартала «З» продолжена в северном направлении через заброшенные постройки, а переулочек-тупик в квартале «И» застроен двумя помещениями,

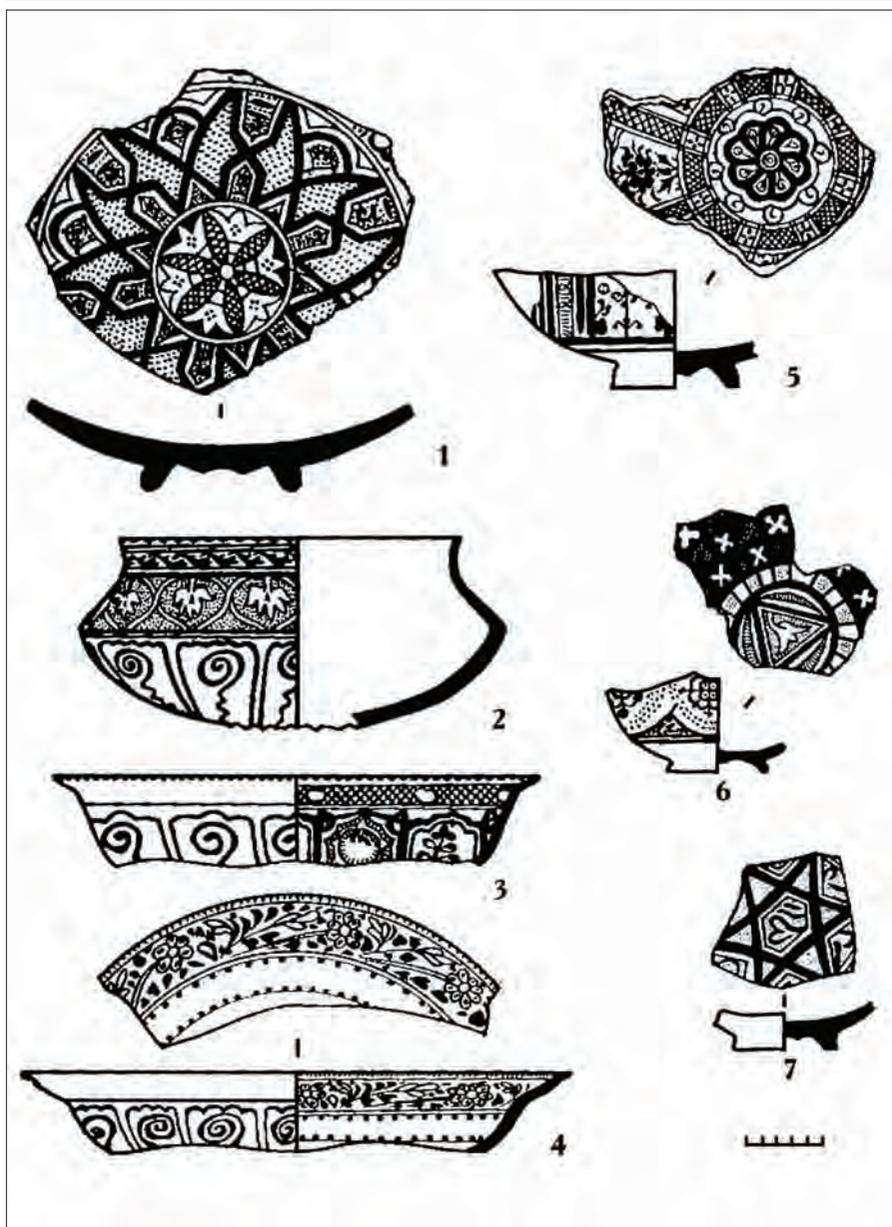

Рис. 40. Керамика горизонта IV

органично вписавшимися в план многосекционного дома 9. Там, где жизнь продолжалась без перерывов, сохранились прежние границы домовладений (в квартале «И» дома 1, 3, 4). Большинство же домов отстроено заново, при этом старые стены, как правило, включаются в новую застройку. Полы располагаются на уровне от -1,9 до -1,4 м.

Судя по уровням полов, в этом горизонте существовало два периода строительства. Второй характеризовался незначительной перепланировкой помещений, в частности, сменой местоположения

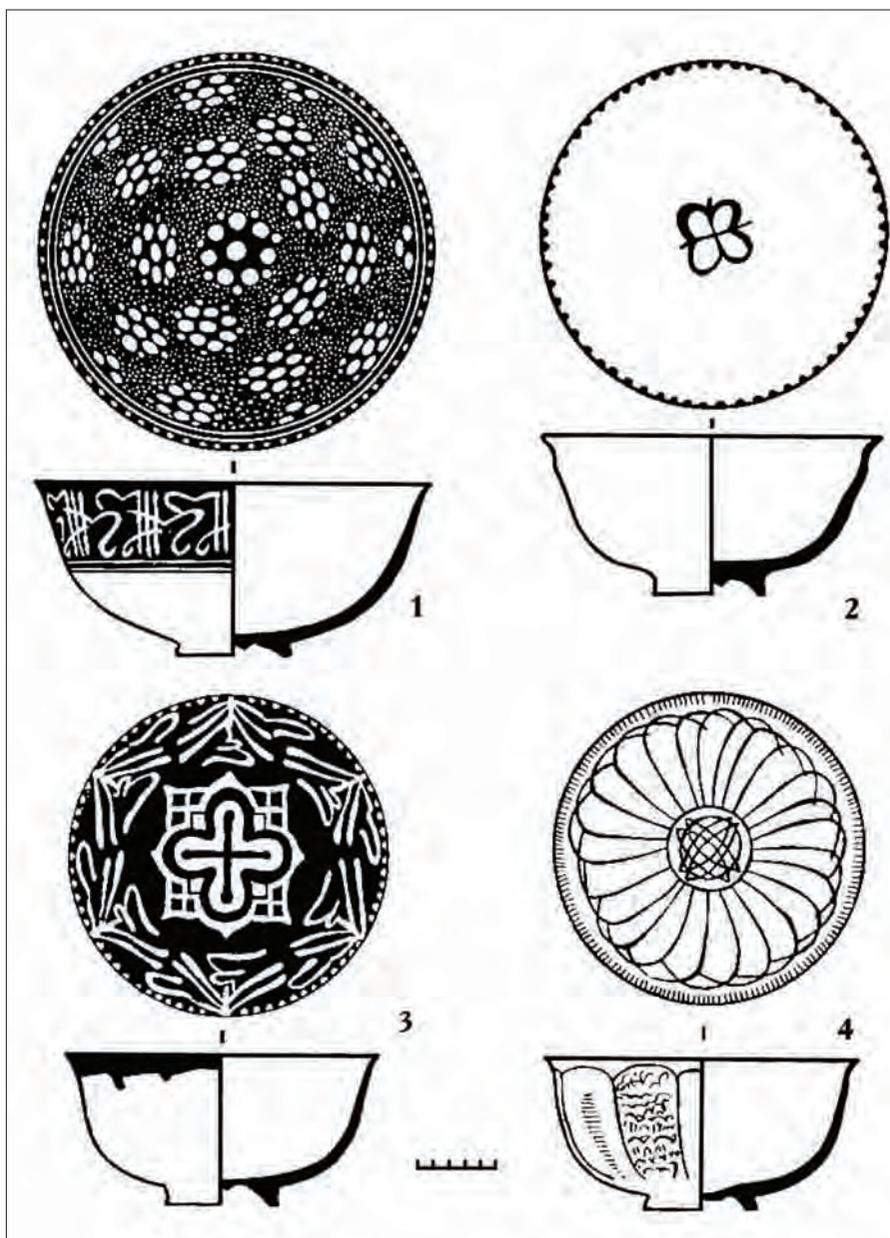

Рис. 41. Керамика горизонта IV

тандыров в жилых комнатах, дымоходов, появлением ремонтных стен. Во второй же период некоторые дома забрасываются полностью или частично.

Жилая застройка характеризуется универсальным типом дома, есть жилое помещение с суфой на всю площадь, кроме небольшого участка перед тандыром с непременно дымоходом, и площадка ташнау перед топкой. Заметно увеличились площади домов в целом и площади жилых помещений.

Важные изменения наблюдаются в керамическом производстве. Выходит из употребления желтая полива, но широко используется прозрачная глазурь, значительно реже окрашенная в голубой и зеленый цвета. В росписях преобладает синий цвет и лилово-коричневый. Такая же цветовая гамма встречается в сочетании, иногда с применением приема гравировки. В росписях также используется в различных сочетаниях черный, бирюзовый, зеленый цвета. Интенсивно-синим цветом заполняется свободная от орнамента поверхность. Мотивы орнаментов преимущественно растительные, весьма реалистично передающие грозди винограда, гранат, цветочные бутоны. Чаши и блюда в большинстве формуется на тонком кольцевом поддоне. Поливная керамика III горизонта характерна для большинства среднеазиатских памятников конца XV в. [Пугаченкова, 1949а, с. 400-417; 1950, с. 91-120; Лунина, 1969, с. 38-93; Сухарев, 1948, с. 47-64; Вархотова, 1969, с. 86-88]. Монеты горизонта III представлены тимуридским чеканом с шейбанидскими надчеканами либо собственно шейбанидскими монетами Бухары, Самарканда, возможно, и самого Отрара. В обращении находилась и тимуридская медь. Важное значение для датировки горизонта имеют два клада монет. Один, насчитывающий 237 медных монет, найден в квартале «З» (дом 4, помещение 45). Стратиграфия клада позволяет отнести его к первому строительному периоду. По предварительному определению Р. З. Бурнашевой, в клада отложились монеты тимуридского чекана Балха, Бухары, Карши, Самарканда, Термеза, Шахрухии, Хутталяна второй четверти XV в. (читаются даты 832 г.х./1428-1429 гг. и 852/1448-1449 гг.), а также монеты (91 экз.) с одним или двумя надчеканами Хисара, Самарканда, Бухары, Андигана, Термеза, Шахрухии. Все они были изъяты из обращения не позднее последнего десятилетия XV в. [Бурнашева, 1980, с. 144-148]. Таким образом, горизонт III начал функционировать в тимуридский период. Жизнь продолжалась здесь и в XVI столетии.

На уровне II горизонта уличная сеть сохраняется, появляется лишь переулков между кварталами «Ж» и «И». Переулок в квартале «И» северного направления становится почти вдвое шире за счет территории, занятой ранее помещениями дома 8. Полностью изменены границы домовладений и планы отдельных построек, но межквартальная линия глухих стен продолжает неукоснительно соблюдаться. Применительно к застройке горизонта II выявлено два строительных периода, различающихся уровнями полов (от -0,8 до +0,1 м).

Для строительных конструкций характерна комбинированная кладка кирпича: три ряда сырца, уложенного плашмя, чередуются с одним рядом кирпича, поставленного на ребро с наклоном. Размеры кирпича-сырца 35 x 20-21 x 8-9 см, 30-32 x 20-21 x 8-9 см. Широко использовался дерновый кирпич несколько меньшего размера (29-30 x 19-20 x 9-10 см), причем ряды дернового кирпича

чередовались с рядами сырцово-красной кладки. Кирпич-сырец серого цвета, дерновый – коричневатого. Обмазка обычно двухслойная, с обильной примесью соломы.

Жилые дома в целом не отличаются от таковых III горизонта. Однако в центре жилых помещений на специальной глинобитной подставке, пристроенной вплотную к суфе с противоположной от тандыра стороны, устанавливается открытый очаг квадратный в плане, с невысоким бортиком. В структуре многокомнатных домов выделяется помещение с полом, вымощенным жженым кирпичом, с одной стороны суфой, на которой устраивается один-два открытых очага восьмеркообразных в плане. Такие помещения, по-видимому, не имели сплошной крыши, над суфой устраивался навес. Для слива воды в полу устраивались сливные устройства – ташнау.

Керамический комплекс II горизонта сохраняет преемственность с более ранним, но растительные мотивы утрачивают реальные черты, композиция орнамента усложняется за счет геометризации построек. В росписях появляются тамгообразные значки – граффити.

Нумизматический материал горизонта чрезвычайно пестр. В большом количестве представлены тимуридские, шейбанидские монеты. Присутствие их в слое, датированном XVII в., лишь подтверждает, что в денежном обращении многих среднеазиатских и южно-казахстанских городов позднего средневековья находилась ранняя медь. Однако наряду с тимуридо-шейбанидским чеканом в слое есть монеты, чеканенные в Сауране в конце XVI в., и монеты Туркестана и Ташкента с изображением хищника. Аналогичная медь, а также монеты с изображением птицы и рыбы хорошо известны по кладкам и одиночным находкам из раскопов I-V в слое II горизонта. Клады джанидского серебра и русские медные монеты царя Алексея Михайловича, чеканенные в 1655-1663 гг. позволяют датировать II горизонт XVI – второй половиной XVII в.

Постройки I горизонта сохранились чрезвычайно плохо, их существование подтверждается ямами и отдельными участками полов на отметках +0,2 – -0,4 м.

Особенности застройки шахристана XIII – первой половины XV в. Планировка города XIII – первой половины XV в. изучена по материалам раскопок IV горизонта по первому и второму строительным периодам.

Горизонт IV. Площадь раскопа составила около 1400 кв. м. Плотная застройка разрежена двумя улицами меридионального направления. На улицы открыты проходами жилые дома кварталов «Ж», «И».

Дом 1 квартала «И» в плане представлял собой неправильный четырехугольник площадью 50 кв. м.

Передняя часть, открытая на внутриквартальную улицу, меньшая по площади (4,2 x 2,8 м), занята помещением 2, остальная площадь — помещениями 1 и 2А. В жилом помещении 1 в 0,5 м от западной

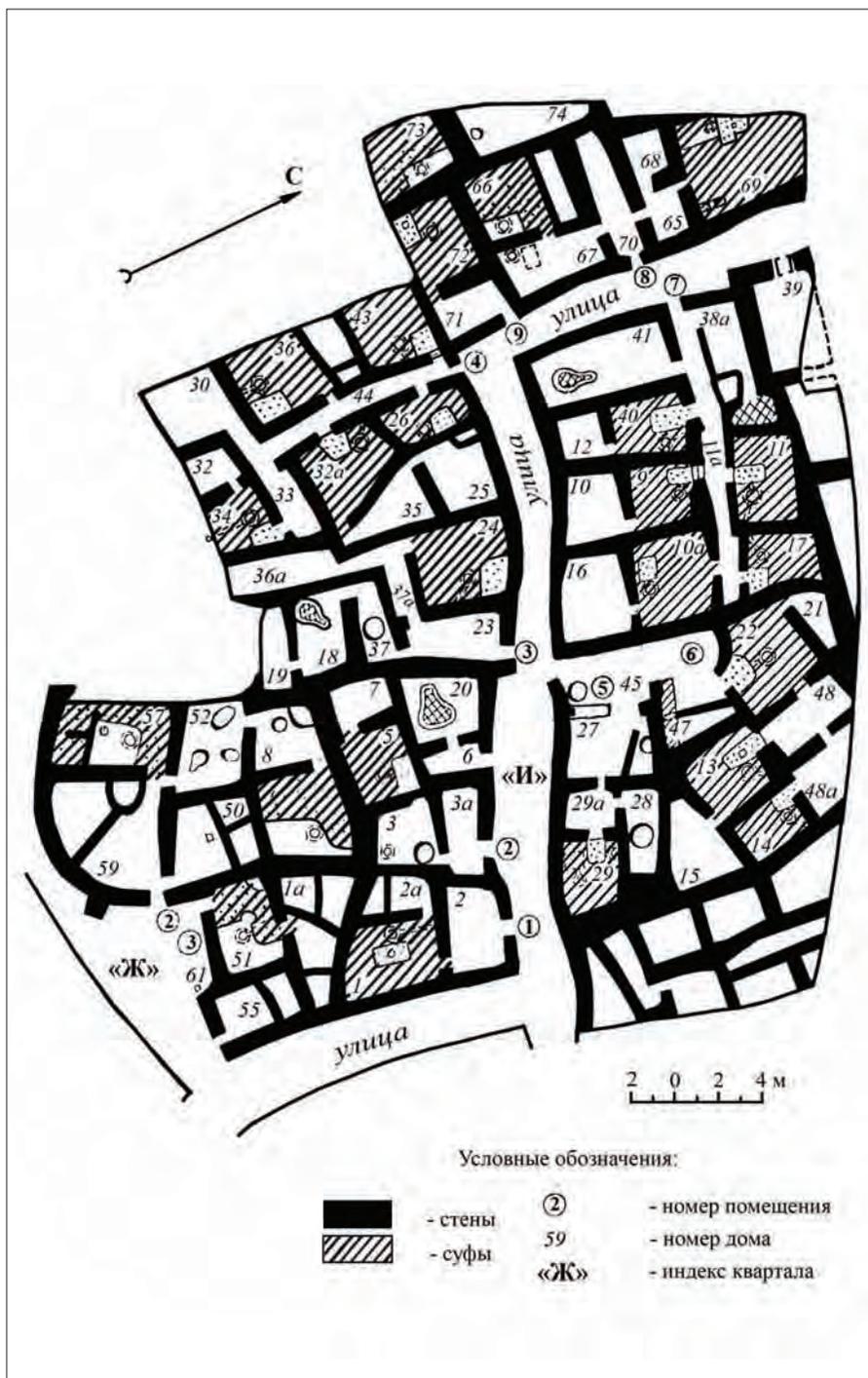

Рис. 42. Городище Отрартобе. IV горизонт. Первый период

стены находится тандыр, опущенный в суфу. Диаметр устья тандыра – 0,36 м, дна – 0,57 м, высотой 0,45 м. Полностью сохранился венчик с плоской площадкой шириной 0,13 м. Топочное отверстие (0,17 x 0,17 м) выходит на площадку ташнау размером 1,5 x 1,1 м. Пол ташнау глинобитный, в центре находится квадратный жженный кирпич с отверстием, закрывающий ташнау. Ташнау занимает центральную часть помещения, остальная площадь занята суфой. Дымоход тандыра направлен не как обычно в ближайший угол помещения или к ближней стене, а к северной стене, до которой 2,15 м. Причем уровень пола во всех трех помещениях одинаков.

В северо-западном углу помещения 1 находится проход в небольшое *помещение 2А* (3,25 x 2 м), южная часть которого занимал заком, отделенный тонкой перегородкой от остального помещения. Весь дом, особенно его жилая часть, пострадал от пожара. Рядом со входом были обнаружены кости человека, в том числе два черепа, один из них со следами рубящей раны. После пожара вся площадь дома была плотно забутована строительным мусором, пахсой. Появляются стены нового дома: второй строительный период заметно отличается от первоначального. Вместо трех помещений появляются два с четко разграниченными функциями: жилае и кухонное. Проход шириной 0,7 м в средней части фасада вел с улицы в *помещение 2* размером 4,2 x 4 м. В юго-западном углу последнего с помощью «Г»-образной стенки образован заком, а рядом с ним в глинобитной тумбе размером 0,75 x 0,7 м, и высотой 0,5 м устроен открытый подковообразный в плане очаг. Очаг поставлен на угол тумбы, его стенки выложены битым жженым кирпичом: ровные края кирпичей обращены наружу и образуют гладкую поверхность.

Северо-западный и юго-восточный углы помещения заняты невысокими глинобитными тумбами – «столиками». Рядом с одним из них на полу найден раздавленный кухонный горшок. В помещении обнаружен нижний диск (постав) каменной ручной мельницы, которую при необходимости, видимо, устанавливали на «столике».

В другом помещении дома всю западную половину, начиная от прохода, занимает суфа, сохранилась на высоту 0,2 м. На полу обнаружен прокаленный участок пола. По-видимому, помещение с суфой обогревалось переносным очагом.

Дом 2 примыкает с западной стороны к стене дома 1. Площадь его около 100 кв. м. Шесть помещений в два ряда вытянуты вдоль улицы, образуя план по форме близкий к прямоугольнику. Здесь также прослеживаются два строительных периода, каждый перекрывается слоем пожара. Со стороны улицы имелись два дверных проема. Один из них приводил в гончарную мастерскую, другой – в жилую часть дома.

Жилую секцию предваряет *прихожая 3А* размером 4,55 x 1,75 м, откуда проход в юго-восточном углу приводил в *помещение 3* (3,2 x 3,2 м). Первоначальные его функции неясны. Возможно, к

раннему полу имеет отношение яма глубиной чуть больше метра, расположенная сразу за проходом. Однако в помещении два уровня: со вторым связан тандыр, находившийся в юго-восточном углу, сохранность его плохая. Следующее *помещение 5* (3,55 x 2,9 м) – основная жилая ячейка дома. В него ведет проход шириной 0,7 м, устроенный в углу у северной стены прихожей. В проходе сохранились остатки деревянного порога и глинобитный пандус в сторону площадки ташнау, вытянутой вдоль северной стены. На площадке размером 1,75 x 1 м нет следов мощения кирпичом и ташнау. Тандыр расположен слева от прохода, на расстоянии 1,4 м от восточной стены, куда подведен дымоход.

Проход в юго-западном углу помещения приводил в последнее *помещение 7* (2,85 x 2 м).

Северо-западный участок дома занимает керамическая мастерская из двух помещений. Одно из них *помещение 6* (2,85 x 1,2 м), предваряющее собственно мастерскую, другое *помещение 20* (3,5 x 3,3 м) с печью плохой сохранности, видимо, разрушенной при перестройках после пожара. Остались очаговая камера и часть топки. Внутренние стенки печи сильно оплыли. Топка заполнена золой, угольями, ошлакованными кусками стенок. Длина ее 2,2 м, наибольшая ширина топочной камеры 1,9 м. Печь явно гончарная, но никаких находок, характеризующих ремесло – инструментария, заготовок, сырья – не обнаружено.

После пожара дом полностью сохранил занимаемый участок, внутренняя планировка не изменилась, но была приспособлена под жилье. В доме появляются две жилые секции. *Помещение 3* во второй жилой секции выполняло, видимо, функцию не только передней, но и амбара, поскольку у южной стены, в углах, дальних от прохода, появляются закрома. Новый строительный период отмечен более высоким уровнем полов по всей площади дома. Новые полы скрывают остатки уничтоженной гончарной печи, *помещение 6* становится жилым, его площадь увеличивается за счет *помещения 20*, где находилась печь (3,15 x 2,5 м). Слева от прохода ставится тандыр с дымоходом, подведенным к юго-восточному углу. Перед тандыром располагается очаговая площадка с глинобитным полом, открытым восточной стороной в проход.

Новый пожар уничтожил постройку. Каких-либо признаков восстановления дома не обнаружено.

Дом 3 включает одну жилую секцию и гончарную мастерскую. Связь со всеми помещениями дома осуществлялась через *прихожую 23* (4,65 x 2,2 м) с двумя проходами в южной части: в *коридор 37А* и жилую секцию с *помещениями 24* и *36А*.

Помещения 19 и *37* — узкие, прямоугольные в плане, без каких-либо деталей интерьера (размеры 4,2 x 1,35 м; 4,2 x 1,5 м). Они находятся по обе стороны мастерской.

Помещение 18 – мастерская размером 3,9 x 2,35 м, где в юго-западном углу находится печь, сохранившаяся на уровне топки. Она

невелика: ее общая длина 2 м, топочная камера круглая, диаметром 1,5 м; топка находится с северо-восточной стороны, ширина устья 0,3 м, длина 0,5 м. Стенки топки ошлакованы. Никакого гончарного инструментария здесь не найдено, но по форме это типичная двухъярусная печь для обжига керамики. В яме, находящейся в центре помещения 37, обнаружены фрагменты керамики, в том числе бракованной.

Жилая половина дома включает коридор и два помещения по обе его стороны: южное 36А (5,25 x 1,85 м) совершенно пустое, и *северное* 24 (4,7 x 3,9 м). Уровень пола в помещениях и коридоре совпадает, а очаговая площадка в северо-восточном углу помещения 24 заглублена на 0,3 м. Тандыр устроен у южного борта ямы, а дымоход подведен наискосок к восточной стене.

После пожара дом восстанавливался без расширения общей площади. Изменилась лишь внутренняя планировка: на участке с мастерской появилась жилая секция из трех *помещений* – 18, 19 и 37. Прихожая 37 повторила план старого помещения, а жилое помещение (где была печь) расширилось за счет помещения 19. Угловой вход в жилое помещение открывается на площадку ташнау, к восточному борту которой поставлен тандыр. Хорошо сохранился дымоход, канал его подведен к ближайшему северо-восточному углу.

После нового пожара дом сохранил жизнеспособность. Ремонту сопутствовала небольшая перестройка. В жилом помещении 24 старый тандыр был заброшен, а новый поставлен у южной стены слева от прохода. В другом жилом помещении (18) новый тандыр поставлен рядом со старым, ближе к северной стене, проложен новый канал дымохода (также рядом со старым). Вместо углового прохода в помещение был прорублен новый в метре от западной стены. На суфе у южной стены устроен открытый очаг в виде лунки диаметром 0,25 м.

Дом 4 – многосекционная постройка в юго-западной части квартала «И». После двух пожаров площадь и планировка дома менялись. Оставались неизменными лишь два пересекающихся коридора. От дверного проема со стороны улицы берет начало *коридор 44*, который длинной осью рассекает постройку прямоугольного плана на две части с двумя жилыми секциями каждая. Длина коридора 10,2 м, ширина – 1,1 м. Дальний конец его приводит в еще одну жилую секцию, которая отделена от остальной части дома перпендикулярным коридором 33 длиной 6,5 м и шириной 1,35 м.

Сразу у входа в дом по обе стороны коридора находятся две однокомнатные жилые секции.

Помещение 43 размером 3,70 x 3,6 м есть тандыр, устроенный слева от прохода, в котором сохранился деревянный порог. Дымоход подведен к ближайшей от тандыра восточной стене. Очаговая площадка глинобитная, без признаков ташнау, открыта в проход.

Помещение 26 прямоугольное размером 4,1 x 2,1 м расположено по другую сторону коридора. У восточной стены напротив входа

устроен тандыр, перед ним квадратная очаговая яма, примыкающая одной стороной к стене. Никаких признаков ташнау не обнаружено. Неясно также, был ли у тандыра дымоход. Очаг плохой сохранности.

Справа по коридору расположена односекционная ячейка — помещение 36. Общий размер его 5,7 x 3,7 м, однако собственно жилая часть невелика — 3,8 x 3,8 м, хозяйственная часть отделена перегородкой, по-видимому, не доходившей до потолка. Подобная планировка, где хозяйственная и жилая части не выделены в самостоятельные помещения, встречалась неоднократно. Тандыр и квадратная очаговая яма в юго-восточном углу помещения прекрасно сохранились. Борты ямы облицованы жженым кирпичом. Дымоход напрямую направлен к ближней южной стене, его длина 0,5 м.

Четвертая жилая секция расположена на противоположной стороне коридора и включает помещения 25 (3,8 x 3 м), 35 (5 x 2 x 1 м) и 32А (4,5 x 3,7 м). Последнее помещение жилое, судя по тандыру слева от входа, с дымоходом, направленным в северо-западный угол. Два других помещения ничем не примечательны, лишь в северо-западном углу помещения 25 размещен небольшой закром. Оба помещения явно хозяйственные.

Еще одна жилая секция находится в южной части дома. Она включает коридор 33 и три помещения: 30 (3,4 x 3,4 м), 32 (2,4 x 1,1 м) и 34 (2,9 x 2,8 м). Последние два соединены проходом. Помещение 34 — жилое, справа от входа находился тандыр. Дымоход длиной 1,75 м подведен к противоположной входу южной стене.

С западной стороны коридор открывается дверным проемом в помещение 30 размером 3,75 x 3,35 м. Предположительно здесь находится еще одна жилая секция, поскольку помещение изолировано от остальной части застройки и имеет самостоятельный вход. Однако никаких признаков отопления здесь не обнаружено.

После пожара слева по коридору появляются две жилые секции с самостоятельными выходами в коридор. Одна из них — помещение 34 — была и раньше, в первоначальной схеме плана, под другую было перестроено помещение 32. Последнее увеличилось в размерах до 4,25 x 3 м. Вход в него со стороны коридора 33 (ширина проема 0,6 м) расположен на углу помещения. Сразу за проходом устроена традиционная очаговая площадка (1,2 x 1,1 м) с ташнау, а на борт суфы справа от прохода выведено устье топки тандыра. Дымоход подведен не к ближайшим стенам, как обычно, а к дальней от выхода южной стенке, ближе к юго-западному углу. Длина дымохода 3,3 м, ширина хорошо сохранившегося дымоходного канала, выложенного обломками жженого кирпича, 15-17 см, глубина — 12-13 см.

В помещении 34 тандыр остался на прежнем месте — справа от входа, но изменилось направление дымохода: он протянут до ближнего северо-западного угла. Очаговая площадка перед тандыром вымощена жженым кирпичом, под вымосткой устроено ташнау.

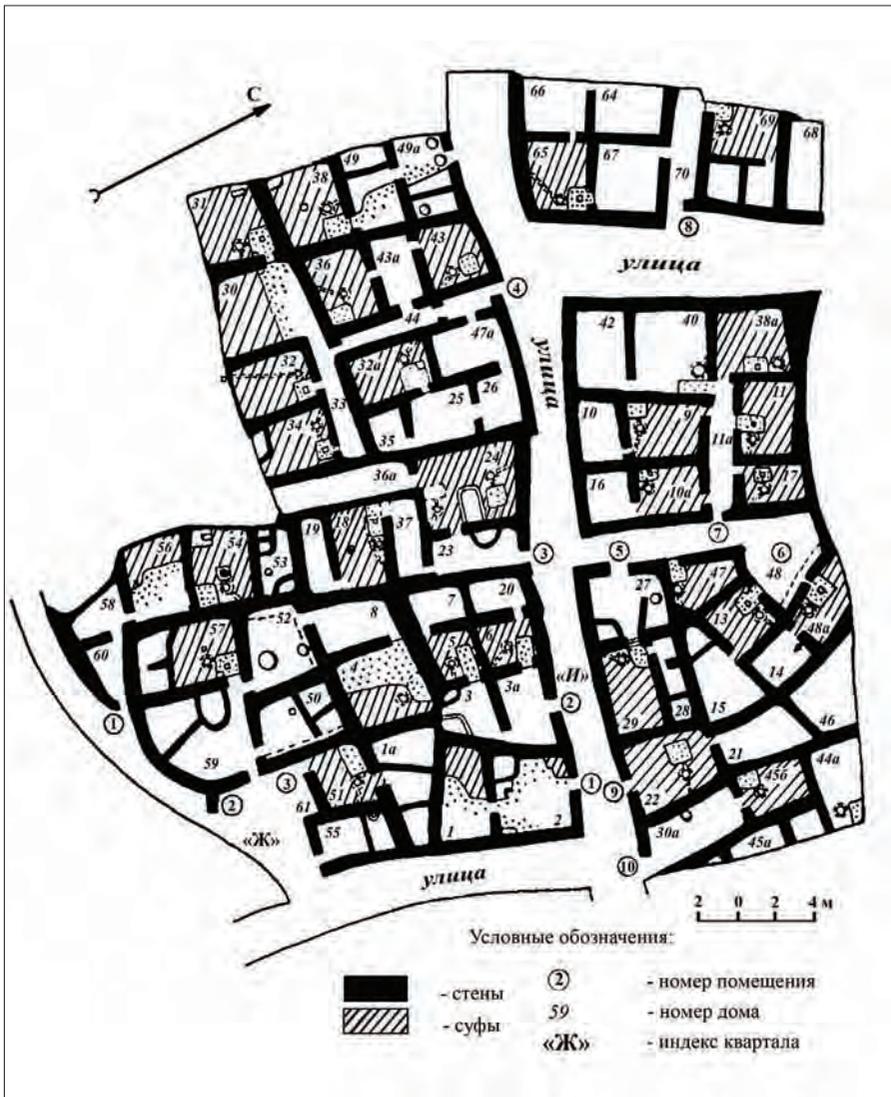

Рис. 43. Городище Отрартобе. IV горизонт. Второй период

Справа по коридору 33 появляется еще одна жилая секция, которая размещается в помещениях 30 и 31 – на новом участке юго-западной окраины дома. Оба помещения проходные. В помещении 30 размером 5,05 x 4,5 м. западный простенок занят суфой высотой 0,5 м, шириной у западной стены 2,35 м, у восточной – 3,4 м.

Угловой проход шириной 0,7 м соединял помещения 30 и 31 размером 4,35 x 3,8 м. Дверной проем открывался на очаговую площадку, вымощенную жженым кирпичом, с ташнау в центре. Тандыр расположен справа от входа в суфе высотой 0,45 м. Дымоход подведен к восточной стене. Передняя стена помещения примечательна не только колодцем дымохода. Напротив тандыра в стене устроен

камин в основании с подковообразным очагом и нишами по обеим сторонам. Сохранилось два ряда ниш, нижний ряд устроен чуть выше уровня суфы. Высота ниш 0,22-0,25 м, ширина около 0,2 м, глубина 0,16-0,18 м.

В северо-западном углу помещения устроен погреб глубиной 0,5 м, устье которого длиной 0,8 м и шириной 0,3 м обложено сырцовыми кирпичами.

После второго пожара жизнь в секции возобновляется. *Помещение 31* дважды ремонтировалось, при этом уровень суфы повысился на 10-15 см, а планировка осталась прежней. Восстанавливаются и жилые секции с *помещениями 36 и 43*. Но если раньше они имели самостоятельный выход в коридор 44, то после пожара в северной части *помещения 36* появляется *прихожая 43А*, откуда можно попасть в оба помещения. В свою очередь, *помещение 43А* проходом связано с коридором. Меняется положение тандыров. В *помещении 36* тандыр и очаговая яма сдвинуты в юго-восточный угол, а в *помещении 43* расположены рядом с восточной стеной. К тандырам подведены новые каналы дымоходов.

С левой стороны коридора вместо двух жилых секций осталась одна. Планировка ее приобрела стала иной: пять помещений поставлены в два ряда и соединены системой проходов. От входа со стороны коридора последовательно расположены помещения 47А (4 x 2,6 м), 26 (3 x 2,3 м), 25 (3,35 x 2,7 м) и 35 (2 x 1,85 м). Ничего примечательного в их интерьере не обнаружено. В глубине секции находится жилое помещение 32А размером 4,25 x 2,8 м. Дверной проем выходит на площадку перед очагом, размер ее 1,5 x 1,4 м. Пол глинобитный, ташнау отсутствует. Прямо напротив входа на суфе высотой 0,45 м находится тандыр с каналом дымохода, подведенным к северо-западному углу. Справа от тандыра, в углу очаговой площадки устроена глинобитная тумба. Поверхность ее ниже уровня суфы на 0,15 м.

После второго пожара во всех помещениях отмечены следы ремонта, новые уровни полов. *Помещения 38, 49 и 49А* составляют еще одну секцию дома с самостоятельным выходом на улицу. Этот участок не докопан до уровня первоначального пола. При сравнении планов дома двух строительных периодов нетрудно заметить, что первоначальная застройка здесь не могла быть связана планиграфически с кварталом «И». Лишь после первого пожара появляется цепочка трех проходных помещений с выходом в переулок-тупик, образовавшийся на месте заброшенного участка с домом 9.

В глубине секции находится жилое *помещение 38* площадью 15 кв. м (4,25 x 3,6 м). Интерьер его традиционен: большую часть помещения занимает суфа высотой около 0,5 м и лишь перед входом в северо-восточном углу имеется небольшая квадратная в плане площадка без ташнау. Устье топки тандыра находится в западной стенке суфы, а дымоход проложен в суфе к ближней северной стенке. Пол площадки размером 1,2 x 1,15 м тщательно обмазан глиной. Центр

помещения отмечен ямкой диаметром около 0,2 м с остатками дерева. Здесь явно находился опорный столб перекрытия. В юго-западном углу устроен погребок размером 0,9 x 0,4 м, глубиной около 0,5 м. Дверной проем шириной 0,6 м с деревянным порогом находится в северо-восточном углу.

Следующее *помещение 49* размером 4,75 x 2,6 м характеризуется перегородкой, поставленной на всю длину западной стены. Образованный таким образом заком указывает на хозяйственное назначение помещения. Пол сделан в двух уровнях с разницей в 0,25 м. Низкий участок занимает восточную часть, примыкающую ко входу в жилое помещение, высокий – западную.

Пожар на участке с тремя *помещениями 38, 49 и 49А* был очень сильным. Особенно пострадали хозяйственные постройки. Огонь прокалил докрасна стену между помещениями 49 и 49А и общую западную стену. Пожар в помещении 38 был менее интенсивным. После пожара помещения были заброшены и использовались какое-то время для содержания скота, судя по обильным отложениям гумуса на полах. С правой стороны переулка, открывающегося на внутриквартальную улицу с северной стороны, находятся два дома 5 и 6.

Дом 5 образован помещениями 27, 28, 29, 29А, 45, образующими в плане прямоугольник площадью 70 кв. м. Узкой стороной и входом дом обращен в переулок, длинная южная сторона, выходящая на улицу, представляет собой глухую стену.

В плане дома просматриваются две части. Первую, меньшую по площади, образуют айван (45) размером 4,3 x 1,3 м, полностью открытый в переулок, и прихожая (27) размером 4,2 x 3,15 м на всю ширину передней части дома. В помещении 27 у северной стены находится бадраб глубиной 3,5 м и диаметром 0,8 м, отгороженный стенкой толщиной в один кирпич (40 x 20 x 8 см). С внешней стороны перегородки найдены следы открытого очага в виде лунки диаметром 0,3 м.

Вторую часть дома образуют жилое помещение 29 и хозяйственные 28, 29А. *Помещение 28* – узкое и длинное, размером 4,35 x 1,65 м, в нем находится яма-зернохранилище диаметром 1,2 м и глубиной около 2 м.

Вход в помещение шириной 0,55 м располагается в юго-западном углу, со стороны *помещения 29А* (2,5 x 2 м), служившее передней, откуда попадали в зернохранилище (28) и в жилую комнату.

Жилое помещение 29 невелико по площади – 10 кв. м. Вход шириной 0,8 м находится почти в центре передней стены. Практически все помещение занято суфой высотой 0,45 м. В суфу вмазан тандыр, который располагается слева от входа. Топочное отверстие находится в углу площадки размером 1,1 x 0,95 м, расположенной у входа. Уровень пола площадки ниже уровня суфы на 0,45 м. В тандыре имеется дымоходное отверстие, которое соединяется с дымоходным каналом,

проложенным в суфе и выведенным в стену ближе к северо-западному углу. Помещение неоднократно ремонтировалось, при этом уровень суфы повышен у восточной стены. Дважды обновлялся тандыр.

Дом 5 был уничтожен пожаром, а затем восстановлен. Территория домовладения осталась прежней, но планировка претерпела некоторые изменения. На месте айвана 45 и передней 27 появилось одно помещение площадью 14 кв. м, которое, однако, сохранило функции подсобно-хозяйственного назначения. Площадь жилого помещения 29 была увеличена за счет прихожей 29А и увеличилась до 13 кв. м. Проход в помещение сдвинут к северо-западному углу, а новый тандыр поставлен справа от прохода. Дымоход печки проложен в суфе и ведет к ближайшему углу. Зернохранилище 28 разделено стенкой на две части: переднюю хозяйственного назначения и комнату с закромом. Полы несколько раз тщательно обмазаны. Для упора в пол перед перегородкой вмазан жженный кирпич.

Дом 6 расположен в глубине переулка к северу от дома 5. Эта большая постройка общей площадью 120 кв. м из восьми помещений 13, 14, 15, 21, 22, 47, 48, 48А, входящих в состав трех жилых секций. В плане заметны шесть помещений, поставленных в два ряда. Они и образуют две секции; третья секция включает два помещения. Проходом в переулок открывается секция с помещениями 21, 22, 47. Последнее размером 5 x 3 м, видимо, айван с частично открытой передней стенкой. В восточной части, прикрытой передней стеной, поставлена перегородка, образующая подобие закрома. В кладке южной стены использованы остатки какой-то более ранней стены шириной 0,8 м.

За айваном находится *помещение 22* размером 4,5 x 3,6 м, жилое, судя по остаткам тандыра, расположенного почти в центре, топочное отверстие выведено на площадку размером 1,5 x 1 м перед проходом. Сохранность тандыра плохая, диаметр основания 0,6 м. Признаков дымохода не обнаружено.

Третье помещение секции 21 вскрыто частично.

Попасть в следующую секцию можно только через жилое помещение 22, что необычно, поскольку принцип изолированности секций в многоквартирных домах выдерживался, как правило, неукоснительно. Не исключено, что остатки тандыра в помещении 22 отражают какую-то более раннюю планиграфическую ситуацию, которую не удалось проследить. Вторая секция дома включает также три помещения 13, 15, 48, расположенные цепочкой.

Жилое *помещение 13* размером 3,8 x 3,4 м расположено в передней части секции. Проход шириной 0,7 м сдвинут к северо-западному углу. Сразу за входом находится вымощенный жженным кирпичом участок пола размером 1,4 x 0,9 м. В центре вымостки положен кирпич со сквозным круглым отверстием, закрывающий санитарное устройство — ташнау.

Большую часть помещения занимает суфа высотой 0,5 м. Тандыр диаметром 0,7 м по дну и 0,5 м по устью впущен в суфу слева от

входа. Дымоход, подведенный к ближайшему северо-восточному углу, закрыт сырцовыми кирпичами, образующими «сводчатое» перекрытие канала. Рядом с тандыром к стене приставлена полочка на всю длину восточного пространства. Ширина полочки 0,25 м, высота – 0,15 м. У южного борта суфы найден каменный постав (нижний диск) ручной мельницы диаметром 0,5 м и толщиной 4 см.

В глубине секции расположено *помещение 15*, трапециевидное в плане, площадью 10 кв. м. Никаких примечательных деталей в его интерьере не отмечено, как и в передней комнате 48, предваряющей вход в жилое помещение секции.

Через *помещение 48* (4,3 x 2 м) попадали в третью жилую секцию, расположенную в глубине дома. Она состоит из передней 48А, большей частью оставшейся за пределами раскопа и не докопанной до уровня первоначального пола, и жилого *помещения 14* размером 3,35 x 2,4 м. Все помещение занимает суфа, кроме небольшого участка пола в северо-западном углу перед дверным проемом шириной 0,55 м. Тандыр снабжен дымоходом, подведенным к стене ближе к северо-восточному углу.

Очень сильно пострадали от пожара *помещения 14 и 15*, в остальных помещениях пожар оставил следы лишь на отдельных участках.

После пожара дом 6 сохраняет занимаемую территорию, но план его существенно меняется. Первая жилая секция с проходным жилым *помещением 22* перестраивается. В результате возведения передней стены и прохода в юго-западном углу, айван 47 превращается в жилое помещение. Напротив прохода в суфе был установлен тандыр, перед ним оставлен небольшой участок пола. Таким образом, изолированная жилая комната получает самостоятельный выход в переулок. Две другие секции с восточной и южной сторон открываются проходами в *помещение 48* площадью 15 кв. м, напоминающее двор, которое появилось на месте помещений 21, 22 и 48. Вторая жилая секция сохраняет свои очертания. Появляется заком в западном углу *помещения 15*, который подчеркивает его хозяйственные функции.

Третья жилая секция выглядит совершенно иначе: жилая и передняя комнаты меняются местами. Жилое *помещение 48А* выглядит традиционно: за проходом шириной 0,7 м в середине передней стены открывается небольшой квадратный в плане участок пола с ташнау, пол которого вымощен жженым кирпичом, а справа от прохода в суфе устраивается тандыр. Он расположен почти вплотную к южному простенку, отчего горизонтальный участок дымохода составляет 0,2 м. *Помещение 14* подверглось полной перепланировке в результате устройства нового глинобитного пола, скрывшего тандыр. Правда, слева от прохода под уровень пола заглублен небольшой открытый очаг грушевидной формы.

Дом 6 сильно пострадал от нового пожара. В результате оказалось заброшенным жилое *помещение 47*: сначала был заложен, а затем закрыт ремонтной стеной проход в жилое помещение 48А. Также был заложен и проход в помещение 15.

Дом 7 площадью около 200 кв. м имеет в плане форму прямоугольника, вытянутого с востока на запад вдоль внутриквартальной улицы. Вход в дом находится с западной стороны дома, выходящего на улицу северного направления. От входа начинается коридор шириной чуть больше метра, делящий постройку на две неравные части. В южной части дома расположены три двухкомнатные секции, в северной – две однокомнатные. Кроме того, в доме располагалась гончарная мастерская.

Двухкомнатная секция в глубине дома состоит из *помещений 10А и 16*. Последнее размером 4 х 3,3 м ничем не примечательно. Помещение 10А – жилое, размером 4,75 х 3,2 м. Тандыр в суфе плохой сохранности, расположен ближе к южной стене. Основание тандыра диаметром 0,6 м. Проходом в середине северной стены секция соединялась с коридором.

Напротив располагалась однокомнатная секция, состоящая из *помещения 17* размером 3,5 х 3,15 м. Сразу за входом в помещение находилась площадка, пол которой был вымощен кирпичом. Площадка занимала восточный угол помещения. Тандыр, расположенный с западной стороны, сохранился значительно лучше, чем в двухкомнатной секции. Диаметр его в основании 0,6 м, в устье – 0,5 м. В суфе обнаружены остатки дымохода, направленного в ближайший от тандыра угол.

Двухкомнатная секция включает *помещение 10* размером 3,75 х 2,6 м, предположительно, хозяйственное. Другое *помещение 9* – жилое, размером 3 х 2,9 м. В дверном проеме шириной 0,65 м расчищен глинобитный порог со ступенькой внутрь помещения. Уровень пола в коридоре выше, чем в помещении на 0,3 м, поэтому в проходе сделана ступенька, укрепленная кирпичом. У входа в помещение располагается площадка размером 1,4 х 0,9 м с плотным глиняным полом. Вся остальная площадь занята суфой высотой 0,45 м. Поверхность суфы местами покрыта жженым кирпичом, им же выложен восточный борт суфы, где находится тандыр. Диаметр основания венчика тандыра 0,31 м, ширина ровной площадки венчика 9 см. Диаметр у дна тандыра – 0,58 м. Дым из тандыра посредством дымоходного канала, проложенного в суфе, отводился через вертикальный колодец в ближайшей северной стене. Рядом с тандыром был устроен камин, что потребовало утолщить стену до 1 м (обычная толщина стен 0,6-0,7 м). Камин выглядит как ниша высотой 0,77 м и шириной 0,3 м, стенки изнутри камина сложены из жженого кирпича, верхняя часть сводчатой формы. В основании камина устроен «П»-образный очаг, сложенный из кирпича-сырца. В верхней части камина, сохранились остатки отверстия дымохода, который, по-видимому, имел общий с дымоходом тандыра колодец, проложенный в стене.

Справа от камина в стене, сохранившейся на высоту 0,8 м, сделаны две разновысокие ниши: одна из них на уровне суфы

высотой 0,23 м, шириной 0,35 м, глубина ниши – 0,25 м. Другая ниша размером (0,35 x 0,34 x 0,25 м) располагалась на высоте 0,4 м от уровня поверхности суфы.

Однокомнатная секция включает *помещение 11* размером 4,35 x 3,2 м. Со стороны коридора в помещение ведет проход шириной 0,7 м с дополнительной ступенькой, по которой спускались на более низкий уровень пола в помещении. Участок пола выглядит как прямоугольная площадка размером 1,5 x 0,8 м, вымощенная жженым кирпичом, с ташнау в центре. Все остальное пространство в помещении занято суфой. Тандыр находится справа от прохода в суфе, топочное отверстие размером 0,2 x 0,15 м – на уровне пола. Дымоход тандыра подведен к юго-восточному углу. Канал дымохода сохранился полностью: длина его около 1 м, ширина и высота - 0,2 м. Примерно такие же размеры имеет вертикальный дымоходный колодец в стене.

Еще одна двухкомнатная секция включает помещения 12 и 40 размерами 2,35 x 2,25 м и 3,5 x 3 м соответственно. Дальнее от прохода *помещение 12*, видимо, было подсобным, второе явно жилое: в суфе слева от прохода имеется тандыр. Интерьер помещения обычный: у выхода перед тандыром располагалась площадка размером 1,5 x 1,25 м, остальная площадь занята суфой. Дымоход от тандыра каналом подведен напрямую к передней стенке помещения.

И, наконец, в последней секции дома, выходящей фасадом на улицу, два помещения – 41 и 38А расположены по обе стороны коридора. Первое размером 5,75 x 3 м, второе - 4,85 x 3,25 м. В южной части *помещения 41* найдены остатки печи, скорее всего гончарной, грушевидной формы с круглой топочной камерой диаметром 1,5 м и вытянутым устьем с южной стороны. Печь почти полностью снесена в ходе перестройки помещения, сохранились лишь участки стенок с сильным прокалом и шлаковыми потеками. В другом помещении 38А у восточной стены, дальней от прохода, в юго-западном углу находилась еще одна печь: в плане трапециевидная с закругленными углами, длиной 2,5 м и шириной в средней части 1,15 м.

Топочное отверстие выходит на западную сторону. Печь была заполнена рыхлой массой желтоватого цвета. Анализ показал, что это зола для приготовления фритта – компонента глазури, полученная путем пережога растений.

Постройка пострадала от пожара, особенно ее южная половина, где расположены жилые секции с парными помещениями. После пожара дом был восстановлен, но с существенными перестройками. Прежде всего, общая площадь его сократилась с 200 до 160 кв. м, фасад был перенесен в сторону переулка, заканчивающегося тупиком. План дома со сквозным коридором и секциями по обеим его сторонам сохраняется, но на месте гончарной мастерской и жилой секции с помещениями 12 и 40 появляются две изолированные жилые секции с выходом в коридор. Перестройка коснулась каждого помещения. В *помещении 17* на уровне нового пола, который почти совпадает с

уровнем старой суфы, но перекрывает заглубленный участок у топки тандыра, появляется тандыр, сдвинутый к западной стене.

Секция, расположенная по другую сторону коридора, сохраняет два помещения, но меньшей площади, а новый тандыр с очаговой площадкой сдвигается в юго-западный угол *помещения 10А*.

В *помещении 11* уровень суфы поднят на 0,15 м, на эту же высоту нарастили стенки старого тандыра, в глинобитной вставке в юго-восточном углу устроен новый канал вертикального отрезка дымохода.

Помещение 9 сильно пострадало от пожара, особенно участок у северной стены с тандыром и камином. Поэтому оно перестраивалось полностью: возведены новые стены, увеличена площадь помещения, заново сделаны тандыр и очаговая площадка в дальнем от прохода юго-западном углу. Дымоход проложен вдоль южной стены и подведен к юго-восточному углу. В подсобном помещении этой же секции на уровне нового пола хорошо сохранились две деревянные стойки плоского перекрытия у северной стены, слегка утопленные в стену. Расстояние между ними 1,5 м.

Возникает новая жилая секция с *помещением 38А* размерами 3,75 x 3,6 м. Проход со стороны коридора сдвинут к юго-восточному углу. Тандыр с прямоугольной очаговой площадкой и ташнау находится справа от прохода, у восточной стены, ближе к северо-восточному углу, куда подведен и дымоход.

Выделяется секция с *помещениями 40 и 42А*. Первое — жилое, размером 4,9 x 4 м, второе — хозяйственное, размером 4,6 x 2,9 м. Тандыр в помещении 40 находится у прохода с правой стороны, а дымоход очага подведен к ближней северной стене. Перед топкой оставлен небольшой участок пола, совпадающего по уровню с полом в коридоре.

Спустя небольшой промежуток времени квартал вновь был уничтожен пожаром. Сильно пострадал и дом 7, лишь небольшая территория в нем заново обживается. После забутовки дверного проема со стороны переулка, брошенными оказываются секции с *помещениями 10А, 16, 17*.

Коридор на уровне этих секций перегораживается глухой стеной. Закрывается проход в брошенную секцию с *помещениями 40 и 42*. Жизнь возобновляется в *помещениях 9, 11 и 38А*. *Помещение 9* существенно перестраивают: очаговую площадку с глинобитным полом выносят к проходу, тандыр устраивают в суфе справа от прохода, канал дымохода протягивают через все помещение к вертикальному колодцу в юго-восточном углу, а проход в смежное помещение 10 закладывают кирпичом.

Продолжает функционировать *помещение 11*. В доме появляется новый выход на улицу, на этот раз в помещении 38А. Чтобы помещение не было проходным, южную часть его отгораживают капитальной стеной и делают в ней дверной проем в образовавшийся коридор

длиной 4,3 м. Планировка дома после второго пожара напоминает первоначальную схему с выходом через коридор на западную сторону и улицу северного направления.

Дом 8 находится на западной стороне улицы северного направления, напротив дома 7. Он тоже прямоугольный со сквозным коридором и жилыми секциями по сторонам, площадь 140 кв. м.

С правой стороны коридора находится жилая секция с помещениями 65, 68, 69. Передняя часть секции занята помещениями 65, 68 площадью примерно 5 кв. м каждое, видимо, хозяйственного назначения. Большую часть секции занимает жилое помещение 69 площадью около 30 кв. м. Слева от входа находится тандыр, впущенный в суфу, перед тандыром площадка, вымощенная жженым кирпичом. В центре ее находится ташнау. Тандыр хорошей сохранности, диаметр венчика 0,32 м, дна – 0,55 м, высота необычная – около 1 м. Под высокий тандыр устроена и высокая суфа, правда лишь на участке с тандыром, в юго-западном углу помещения. Возвышение выглядит как тумба размером 2,15 x 1,35 м, у узкого края которой и размещен тандыр. В юго-восточном углу расчищен погреб размером 1,35 x 0,45 м, глубиной 0,5 м. Погреб разделен на две части поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Стенки и дно его вымощены таким же кирпичом.

Слева от коридора располагается еще одна секция. Она включает переднюю 67 размером 4,8 x 2,4 м и жилую комнату 66 размером 5 x 3,75 м. Обе проходные. В жилом помещении тандыр установлен в глинобитной тумбе размером 2 x 1 м. Северный сектор помещения отгорожен стенкой в один кирпич, здесь явно находилась хозяйственная зона. Секция подвергалась перепланировке. В бывшей передней 67 в дальнем от прохода углу был поставлен тандыр, заглубленный до уровня пола, перед ним устроена очаговая площадка.

После пожара дом восстанавливался, сохранился как связующее звено в его схеме коридор (70), но расположение и интерьер отдельных комнат изменились полностью. По правую сторону от коридора находится помещение 69, площадь которого уменьшилась до 20,5 кв. м. Вход в него перемещен в самый конец коридора. Ближе к дверному проему в юго-западном углу помещения расположена жилая часть с тандыром и очаговой площадкой, открытой в проход. В глубине помещения находится хозяйственная часть с двумя небольшими отсеками, имеющими общую переднюю стенку. Все хозяйственные перегородки явно не достигали потолка и были значительно тоньше, чем стены помещения. Вторая жилая секция значительно больше по площади и включает четыре помещения — 64, 65, 66, 67 размерами 3,8 x 2,95 м; 4 x 3,45 м; 3,75 x 3,05 м; 4 x 3,4 м соответственно. В жилом помещении 65 интерьер традиционный: вход в помещение через площадку с ташнау и тандыр в суфе прямо напротив входа. Примечательно, что дымоход протянут к дальней южной стене, ближе к

юго-западному углу и выведен наружу. Длина дымохода, проложенного в суфе, около 3 м.

После второго пожара дом, по-видимому, был заброшен.

Дом 9 состоит из передней 71 (3,5 x 2,05 м) и жилой комнаты 72, расположенных в ряд. Вход шириной 0,7 м располагался на углу фасадной стены со стороны улицы. В жилом *помещении* 72 размером 4,1 x 3,2 м в юго-западном углу находится тандыр и перед ним площадка ташнау. На полу найдены жженные кирпичи. Один из них, лежавший у западной стены, имел сквозное отверстие – перекрывал сливной колодец ташнау. Тандыр с прилегающим участком суфы сохранился плохо.

На западной стороне домов 7 и 8 за глухой стеной находятся два помещения — 73 и 74. Оба раскопаны частично, так как большей частью остались за пределами раскопа. Помещение 73 - жилое, судя по имеющемуся здесь тандыру в угловой суфе. У южной стены *помещения* 74 в ямке обнаружен клад серебряных монет (25 шт.) раннетимуридского чекана. Монеты лежали в матерчатом мешочке, часть монет слиплась. От мешочка остались фрагменты ткани. По форме ямы можно предположить, что здесь стоял горшок, под который и был зарыт клад.

После пожара участок квартала «И», занятый домом 9 и помещением 73, был заброшен.

В северо-восточном углу раскопа была прослежена горизонтальная стратиграфия, фиксирующая разновременное заселение смежных участков города. Дома 5 и 6 первого строительного периода IV горизонта были вплотную пристроены к заброшенному участку XI-XII вв. с западной стороны. Со стороны улицы южный участок был огорожен стеной, образующей единую «красную» линию фасадов на правой стороне улицы.

Заброшенный участок выглядит как блок из семи помещений (1-6А), занимающих площадь около 70 кв. м и известных по плану участка на уровне V горизонта. Поздние помещения фиксировались только по гребням стен, пространство между которыми было заполнено ритмично повторяющимися прослойками надувного лесса в 7-8 см и плотной желтой глины в 1-2 см.

Во второй строительный период заброшенный участок застраивается *домами* 9 и 10. Планы домов представляют собой анфиладу из двух проходных помещений, однако жилые комнаты расположены по-разному: в доме 9 в передней части, а в доме 10 – в глубине постройки. По-разному размещены и тандыры. В доме 9 очаг с площадкой ташнау замкнутых очертаний находится почти в центре помещения, а в доме 10 в углу помещения, слева от прохода. В последнем доме никаких признаков дымохода не обнаружено. В жилом помещении дома 9 хорошо сохранился канал дымохода, подведенный к свободной стене.

В доме 9 жилое помещение 22 размером 4,5 x 3,5 м, подсобное 21 – 4,5 x 2,8 м, в доме 10 жилое помещение 45Б – 3,85 x 2,7 м, переднее 30А – 5,2 x 2,9 м.

У западной стены помещения 30А находилась яма глубиной 1,2 м с обмазанными глиной стенками. Пшеница, которой она была заполнена, сгорела при пожаре. Пожар явно поздний, уничтоживший постройки второго строительного периода на территории квартала «И».

С северной стороны квартала «И», по другую сторону глухой квартальной стены расположена анфилада из трех помещений. Помещение 39 выходом обращено в сторону внутриквартальной улицы на западном участке застройки. Предполагаемый размер его 4,9 x 3 м. Ширина прохода со стороны улицы около 1 м. Проход оказался заложеным, и сделано это было до пожаров: на кирпичах закладки обнаружены следы огня, а на полу помещения — мощная прослойка золы, углей.

К югу от квартала «И» находится массив застройки квартала «Ж». Он расположен по обе стороны внутриквартальной улицы и раскопан частично. Выявлена планировка застройки на правой стороне улицы протяженностью около 20 м.

На пересечении внутриквартальной и магистральной улиц находится дом 3: он включает айван 61, жилое помещение 51, амбар 1А и помещение 55, изолированное от дома глухой стеной, с самостоятельным выходом на улицу. Айван полностью открыт на улицу, его размеры 4,75 x 1,4 м. У восточной стены айвана на уровне пола сохранилась опора из жженого кирпича квадратной формы для столбовой конструкции. В западной стене устроена ниша.

Вход в жилое помещение находится в юго-западном углу передней стенки. Справа от входа, на расстоянии 1,75 м располагается «Г»-образная суфа, которая занимает всю юго-восточную часть помещения. Ширина суфы у южной стенки 2,05 м, у восточной – 0,95 м, высота 0,45 м. Угол суфы оформлен в виде полукруглого глинобитного выступа, который скрывал каменную плиту размером 0,55 x 0,6 м, толщиной 0,16 м, бывшую базой опорного столба перекрытия. Северо-западный угол занят глинобитной тумбой высотой 0,75 м, где могла находиться каменная зернотерка.

Чуть в стороне от опорного столба в суфу вмазан тандыр диаметром верха 0,42 и 0,51 м по дну. Тандыр хорошо сохранился, и можно с уверенностью сказать, что дымоход у него отсутствовал.

В канун пожара помещение ремонтировали, причем уровень пола поднят до уровня суфы, но перед тандыром оставлена очаговая площадка размером 1,7 x 1,2 м. Именно этот уровень перекрыт слоем пожара с горелым деревом и камышом.

Прямо напротив тандыра находится проход в амбар 1А. В плане это неправильный четырехугольник с зауженной восточной частью и более широкой западной. Оба участка отгорожены тонкими перегородками, образующими закрома.

Передняя стенка *помещения 55* (4,1 x 2,2 м) находится на одной линии с айваном, но проход в помещение самостоятельный, в юго-восточном углу. На расстоянии 1,25 м от северной стены поставлена перегородка толщиной в один кирпич, за которой на полу стоит глинобитный ящик размером 0,45 x 0,3 м. Назначение помещения остается неясным, не исключено, что это лавка. Дом пострадал от пожара, судя по прокаленной штукатурке и обмазке пола в жилом помещении и амбаре. Аналогичная картина наблюдается и на других участках раскопа: пожар фиксируется главным образом по прокаленной и закопченной штукатурке. Затем жизнь в доме возобновилась: поднят уровень пола, заново оштукатурены стены. Функции помещений не изменились, но интерьер жилой комнаты подвергся существенным переделкам. Пол был поднят до уровня старой суфы, за исключением северо-западного угла, где была устроена площадка ташнау. Ближе к юго-восточному углу в суфе был размещен тандыр с диаметром венчика 0,42 м и дна – 0,53 м, высотой 0,49 м, канал дымохода подведен к вертикальному колодцу в восточной стене.

Новый пожар практически уничтожил постройку. После этого жизнь здесь не возобновлялась. На полах остался 10-сантиметровый слой обуглившихся деревянных перекрытий, камыша с кусками глиняной обмазки, обрушившиеся стены из сырцовых кирпичей.

В северо-восточном углу помещения под завалом на суфе лежали два бронзовых зеркала. Судя по отпечаткам, они были завернуты в ткань и обращены лицевой стороной друг к другу.

Дом 2 находился западнее дома 3 и состоял из двух жилых секций и подсобных помещений, вытянутых двухрядной цепочкой, в плане образующих прямоугольник. В сторону улицы дом обращен узкой глухой стороной, а вход расположен у скругленного с улицы юго-восточного угла. По-видимому, вход в дом предварял айван, северная сторона которого была образована стеной дома 3, а южная – стенкой, выступающей за линию фасада на 1,2 м.

В двух жилых секциях дома по три помещения, два из которых подсобного назначения, третье – жилое. Со стороны улицы проход шириной около 1 м приводит в хозяйственное помещение 59, значительное по площади (около 20 кв. м). Юго-восточный сектор его отделен перегородкой. На плотном полу отложения гумуса перемежаются с глиняной обмазкой. Скорее всего, здесь держали скот, хранили сено.

С западной стороны *помещение 59* соединяется угловым проходом с помещением 50 размером 3,8 x 3,5 м. У северной стены находятся два отсека закровов с общей передней стенкой, перед которой устроено ташнау. Помещение 50, видимо, использовалось как зернохранилище.

В северо-западном углу помещения 59 имеется еще два прохода. Один из них, обращенный к западу, приводит в жилое *помещение 57* размером 5,5 x 3,2 м. Хозяйственная часть здесь отделена перегородкой,

поставленной в 2,3 м от южной стенки. К перегородке приставлена поперечная стеночка, образующая два закуртка у южной стены. Большая часть помещения жилая. Суфа размером 2,15 x 2,15, высотой 0,46 м занимает угловое положение между восточной стеной и перегородкой. К углу ее поставлен тандыр без дымохода с диаметром устья 0,45 и дна 0,56 м. Рядом с перегородкой на суфе, ближе к ее борту, находится открытый очаг в виде лунки диаметром 0,22 м. Пол в помещении 57 тщательно обмазан несколькими слоями глины.

Помещение 52 соединяется угловым проходом с помещением 8 размером 3,25 x 2,75 м. Здесь также имеется яма, круглая, диаметром 0,5 м. По-видимому, под уровень пола сюда, когда-то был вкопан хум. В северо-западном углу находилась квадратная яма глубиной 0,35 м, идентичная погребам в жилых домах Отрара. Стенки ее выложены кирпичом-сырцом.

Жилое *помещение 4* размером 4,35 x 4,2 м находится с восточной стороны помещения 8 и соединяется с ним угловым проходом шириной 0,8 м. Юго-восточный угол его занят суфой высотой около 0,5 м, размером 2,8 x 1,75 м. На углу суфы был сооружен тандыр, диаметр донной части 0,35 м. Больше ничего от тандыра не сохранилось. Пол глинобитный, сохранились фрагменты пола и суфы, а также частично стены, вымощенные фрагментами жженого кирпича.

Последние три помещения 4, 8, 52 образуют вторую жилую секцию.

После пожара дом 2 был восстановлен практически на той же территории с сохранением функций отдельных помещений. В некоторых незначительно передвинуты стены, и тем самым изменена первоначальная площадь помещений, переменялся интерьер жилых комнат.

В помещении 4 расширена суфа за счет новой облицовки бортов жженым кирпичом (старая — сырцовая). Пол поднят на 15-20 см. После второго пожара угловая суфа была скрыта под новым уровнем пола. Новый тандыр устанавливается рядом со старым, ближе к восточной стене. Поддувало тандыра выведено на площадку ташнау размером 1,5 x 1 м. Тандыр встроен в суфу высотой 0,5 м. Размер помещения 4 после пожара 4,2 x 4,1 м.

В *помещении 8* применительно к новому уровню пола не отмечено каких-либо новых деталей.

В помещении 52 к новому уровню пола имеют отношение две ямы. Одна из них, которая у северной стенки, предназначалась явно для хранения зерна: кое-где зерно прилипло к стенкам, обмазанным глиной. Устье ямы выложено двумя рядами сырцовых кирпичей.

Жилое *помещение 57* размером 5,75 x 3,4 м в первой (со стороны улицы) жилой секции сохранило хозяйственную часть: за перегородкой, явно не доходившей до потолка (ее толщина около 0,3 м), расположены два закуртка, сообщавшихся проходом. В жилой части пол поднимается до уровня старой суфы; в проход, расположенный в северо-восточном

углу, открывается площадка размером 1,7 x 1,3 м с ташнау в центре, устье которого закрыто жженым кирпичом с отверстием. Пол площадки тщательно вымошен жженым кирпичом. Тандыр находится в суфе слева от входа, очаг без дымохода. Рядом с очагом устроен глинобитный столик размером 0,5 x 0,3 м, высотой 0,35 м — он занимает угол между стеной и бортом суфы. Поверхность его выложена битым жженым кирпичом. Суфа тщательно обмазана глиной.

В центре помещения сохранилась яма от опорной колонны прогонной балки перекрытия. Основание колонны было квадратным со стороной 20 см.

Уровни полов в *помещениях 57 и 59* не совпадают: в последнем выше. Эту разницу скрывает высокий деревянный порог в проходе и глинобитный пандус к порогу со стороны выхода из помещения *помещения 57*.

В хозяйственных *помещениях 59 и 50* на новом уровне пола сохраняются перегородки закровов. В помещении 50 заметна ремонтная стена, приставленная с восточной стороны.

Второй пожар был сильнее первого. Особенно сильно пострадало *помещение 57*: на суфе лежали балки перекрытий, сгоревшая солома. Здесь же найдены гвозди, железная пряжка и крица. Обитаемая площадь дома сократилась: была заброшена секция с *помещениями 48, 52*. В последнем помещении вдоль северной и западной стен поставлен «футляр» новой кладки, закрывшей проход в секцию через *помещение 52*. Другая секция какое-то время еще была жилой, судя по новым обмазкам полов.

Дом 1 в квартале «Ж» удалось исследовать только по уровню, соответствующему времени «после второго пожара». Как выглядел дом первоначально, неизвестно. Можно лишь утверждать, что накануне второго пожара план его был примерно таким же, поскольку почти на всех стенах под штукатуркой сохранился ранний слой обмазки, пострадавший при пожаре.

Дом «Г»-образный в плане, состоит из пяти помещений — 53, 54, 56, 58, 60 размером соответственно 3,3 x 1,85 м; 4,3 x 3,2 м; 4,3 x 3,3 м; 3,5 x 1,8 м; 3,5 x 2 м. Назначение трех помещений в глубине дома определяется четко: амбар (53), жилая комната (54) и дворик (56). В амбаре три ларя: два в юго-западном углу (0,7 x 0,6 м; 0,7 x 0,6 м) и один в северо-восточном размером 1,2 x 0,6 м, южная стенка его закруглена. Перегородки сложены из сырцового кирпича и имеют толщину 20-25 см. Проход шириной 0,65 м находится в углу у восточной стены. В полу у южной стены помещения 53, ближе к проходу, зачищена ямка диаметром и глубиной 0,3 м, видимо, от стоявшего здесь сосуда большой емкости.

Порог в проходе деревянный, сохранился плохо. Пол в помещении 53 заглублен относительно уровня суфы в жилом помещении на 0,25 м, поэтому в проходе помимо порога есть глинобитная ступенька.

Интерьер жилого помещения 54 традиционен: большую часть его занимает суфа, сохранившаяся высота около 0,4 м, участок пола размером 1,3 x 1,3 м находится перед проходом. Пол глинобитный, плотный, обмазанный в несколько слоев. Ташнау отсутствует. Устье тандыра диаметром 0,45 м обрамлено венчиком с прямой площадкой шириной 9 см, толщиной 2 см. Тандыр высотой 0,4 м по дну вымощен камнем, битой керамикой. Устье топки прямоугольной формы выведено на южный борт суфы, дымоход подведен к ближайшей восточной стене под небольшим углом.

С западной стороны тандыра на суфе находится открытый очаг, края которого обрамлены глинобитным валиком высотой 5 см. Очаг квадратный, со стороной 0,55 м.

В юго-западном углу помещения устроен погреб. Глубина его около 40 см, впускное отверстие размером 60 x 20 см. Устье находится на специальной площадке размером 1,15 x 1 м, заглубленной на 8-10 см относительно уровня суфы. Углубление сделано, возможно, для упора деревянной крышки.

Южной стороной площадка ташнау открыта в проход, который устроен в углу помещения у восточной стены. Ширина его 0,6 м. В дверном проеме имеются глинобитная ступенька и деревянный порог. Пол в помещении ниже, чем в соседнем на 0,2 м.

В помещении 56 западный простенок занят невысокой (0,3 м) суфой шириной 1,5 м. Суфа имеет своеобразный отросток – «скамейку», которая тянется вдоль южной стены (длина 0,8 м, ширина 1 м). В северной стене устроена ниша, которая сохранилась лишь на высоту стены – 0,4 м. У южной стены на суфе зафиксирован остаток деревянного столба перекрытия. Дверной проем приводит в помещение 58, которое, в свою очередь, соединяется дверным проемом с помещением 60.

Выход на улицу находится в помещении 60. Возможно, в переднем помещении были перекрытия облегченного типа.

Находки горизонта IV. В материалах слоя помимо керамики присутствуют изделия из металла, стекла, кости, орудия труда, предметы вооружения, инструменты.

Многие из них найдены под завалом позднего пожара в заброшенных домах. Среди находок обломки железных котлов, подковы, скобы, проушное тесло. Распространены хозяйственные ножи и ножи специального назначения: столовые, садовые. Длина лезвий хозяйственных ножей 8,5-17 см, длина черешка до 4,6 см. На некоторых экземплярах сохранились остатки деревянных ручек. Встречаются железные крюки, гвозди, а также железные накладки с медными заклепками, которыми, возможно, обшивались и деревянные изделия (двери, сундуки). Найдены орудия земледелия: наконечники пахотных орудий, лопаты, кетмени.

В слое позднего пожара найдены деформированные железные черешковые наконечники стрел и куски кольчуги. Можно полагать, что большинство наконечников было плоскими в поперечнике или в виде сплющенного ромба. Лишь два из них сохранили в поперечнике

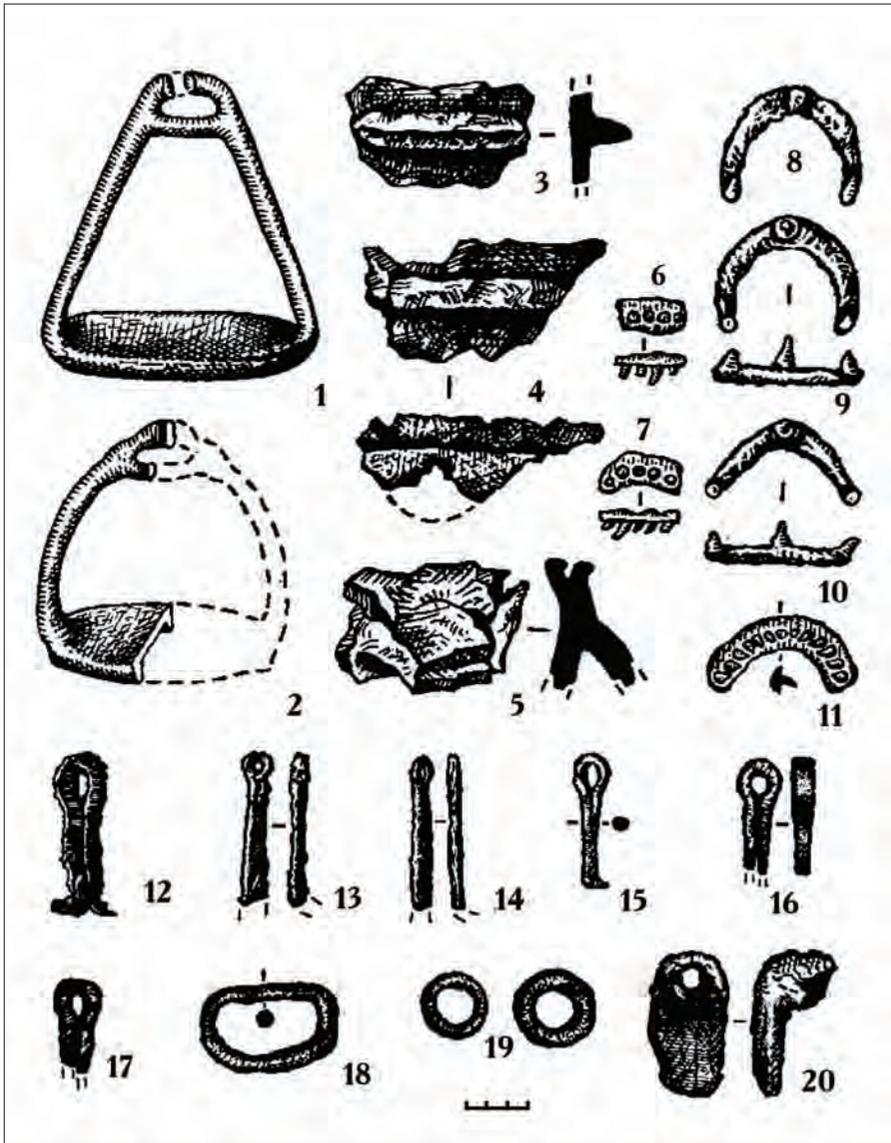

Рис. 44. Изделия из железа; 1, 2, 6, 7, 11, 18, 19 – горизонта III, 3-5, 8-10, 12-17, 20 – горизонта IV

форму ромба или квадрата, характерную для бронебойных стрел. Одна кольчуга выполнена из железных колец диаметром 1,2 см, вторая кольчуга (бармица) сплетена из мелких медных колец.

Среди поделок из меди имеются зеркала, кольцо со щитком, на котором выгравирована дата — 787 г.х. (1385/1386 гг.), круглые весовые гирьки. Возможно, гирьками являлась также группа круглых свинцовых предметов диаметром 1,2 см, с конусовидной втулкой в центре, полый или сплюсненной. Аналогичные изделия в большом количестве

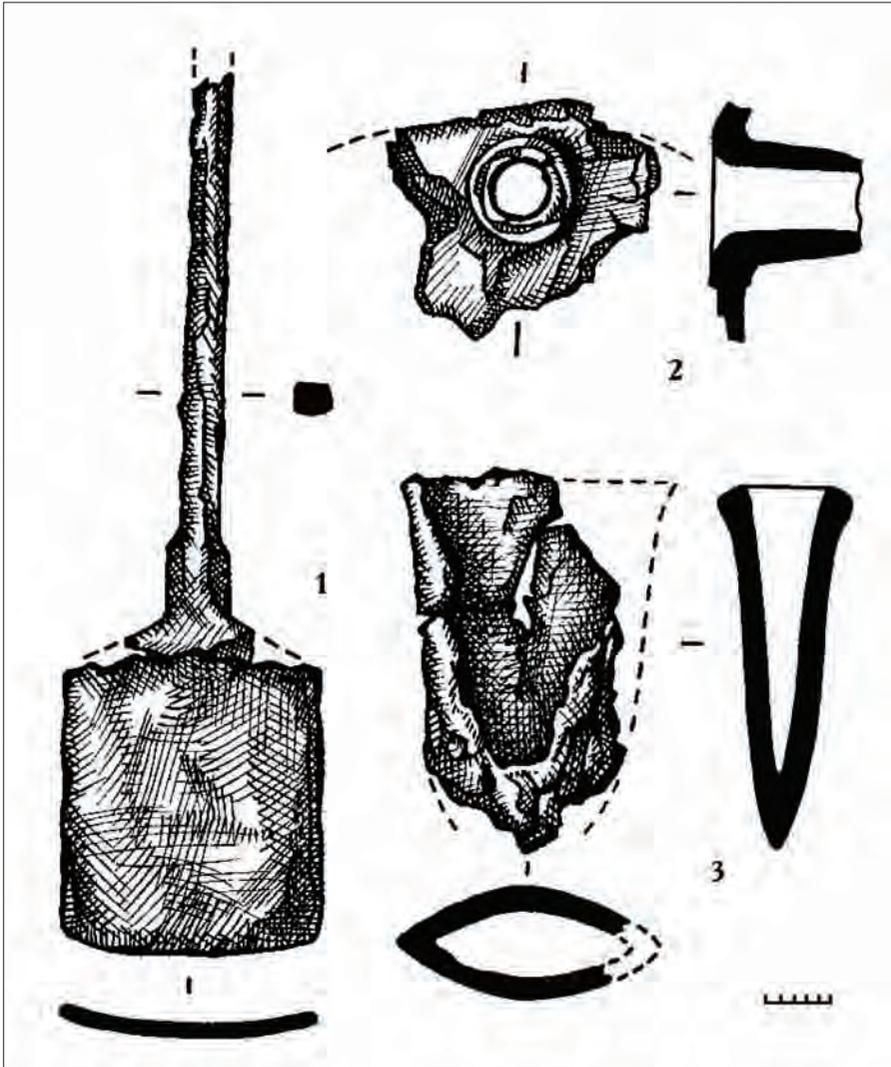

Рис. 45. Горизонт IV. Орудия земледельческого труда

найлены в средневековых городах Поволжья [Культура Биляра, 1985, с. 109-113; табл. 12; Федоров-Давыдов, Вайнберг, Мухамадиев, 1970, с. 163. табл. 11-13, Федоров-Давыдов, 1966, с. 25]. В Отраре подобные находки известны только по горизонту IV и найдены не в жилых домах, а на улицах или в помещениях, напоминающих торговые лавки.

Разнообразны изделия из камня-песчаника: сферические весовые гирьки, напрясла, оселки. Встречаются изделия из стекла: цилиндрическая горловина графина (высота 16 см) и кружка из желтоватого стекла, нижняя половина которой орнаментирована стеклянными нитями (высота кружки 11 см, диаметр венчика – 10,5 см, дна – 9,2 см). Медные крышки найдены во фрагментах. Распространены

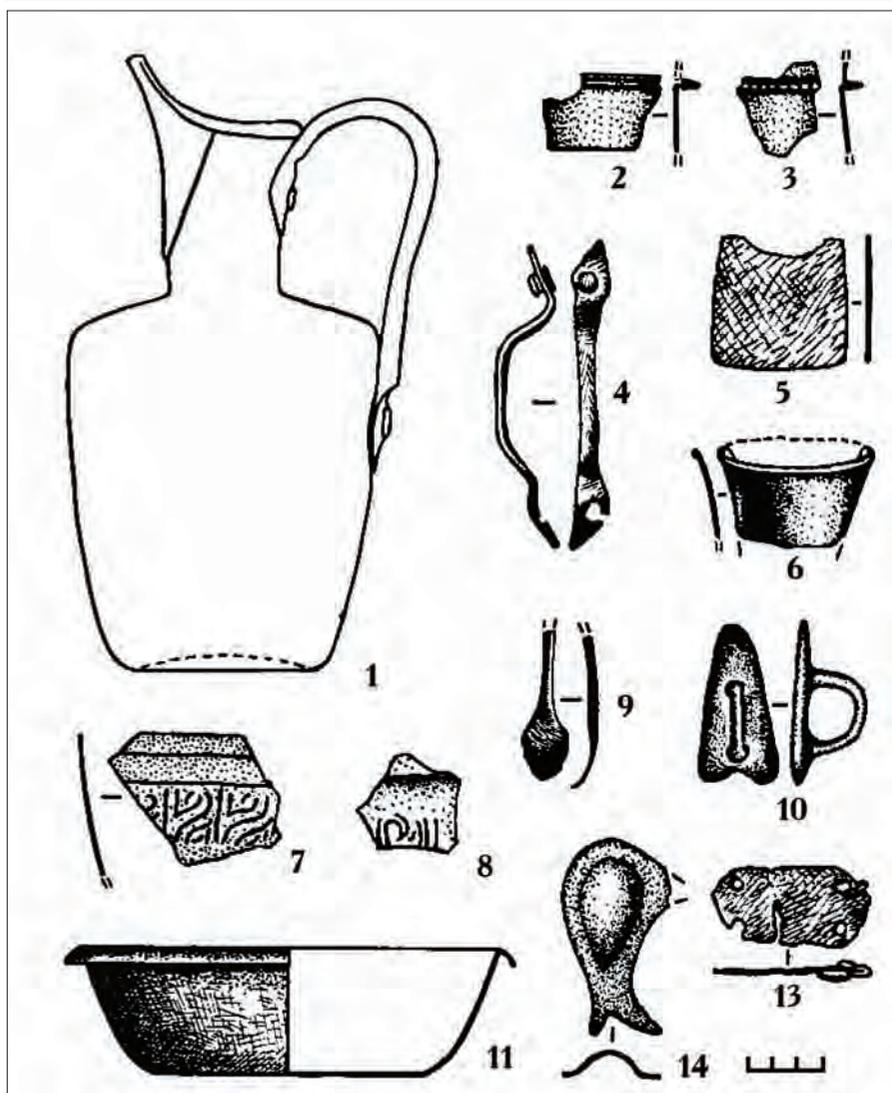

Рис. 46. Горизонт IV. Изделия из меди

предметы из кости: санитарные принадлежности детских люлек (шумек), проколки, накладки на лук, застёжки от пут, костяные кольца с выступами для натягивания лука. Последние известны в материалах Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1966, с. 25].

В мусорных ямах нередко встречаются фигурки животных. Это фрагменты, покрытые поливой: прозрачной, зеленой, желтой или красным ангобом. Особенно выразительны две фигурки коней. На одной черной росписью и наклепом изображены грива и уздечный убор с налобным фаларом, на другой морда и грива животного оттенены загустевшей зеленой глазурью.

Уникальной находкой является фрагмент люстровой керамики.

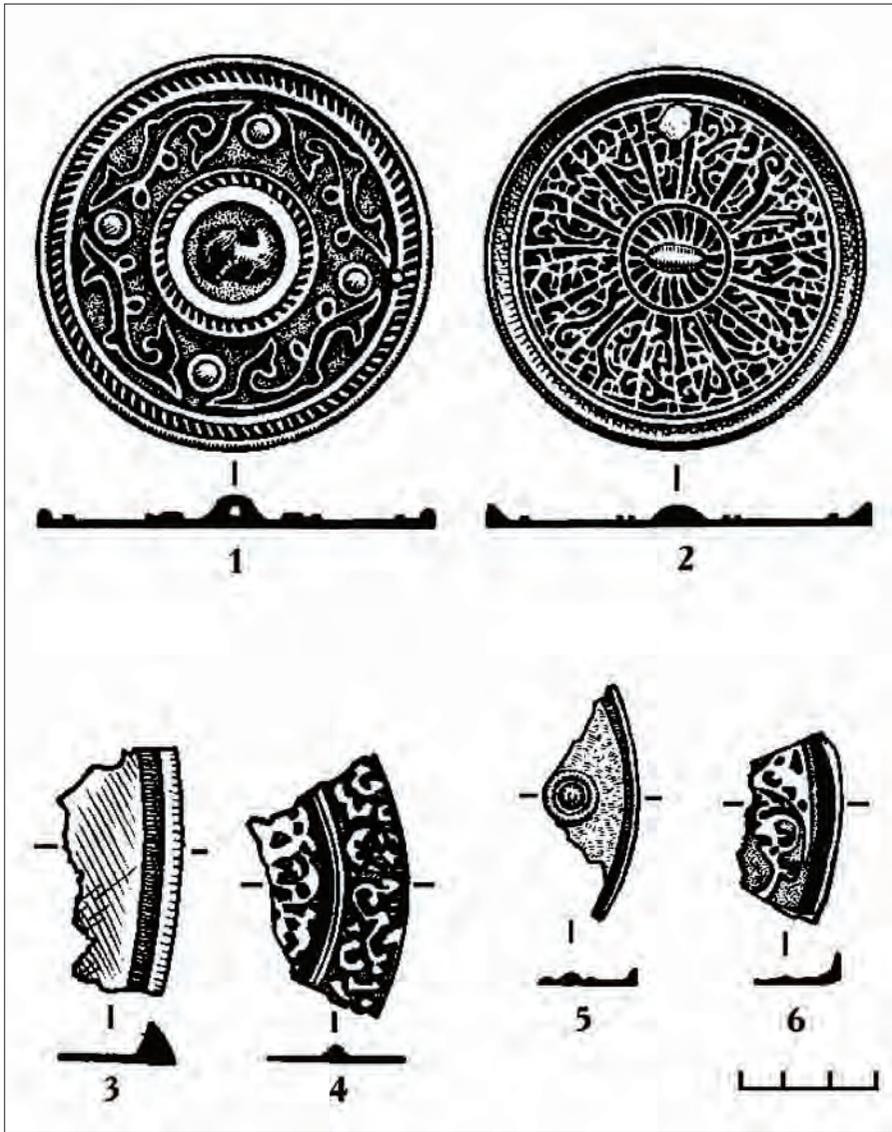

Рис. 47. Зеркала: 4, 6 — горизонта III, 1, 2, 3, 5 — горизонта IV

Застройка пригородной территории

Пригородная территория исследовалась локальными участками, где подъемный материал явно свидетельствовал о ремесленной специализации или указывал на существование здесь монументальной постройки.

Раскоп IV расположен на южном берегу оттарского водохранилища примерно в 0,5 км южнее центрального бугра городища. Он захватил холм округлых очертаний, высотой около 3 м и диаметром более 20 м, с остатками кирпичеобжигательной печи и массива застройки. Помещения, вплотную прилегающие к печи, имели, судя по отдельным деталям интерьеров, были производственными и были связаны с печью

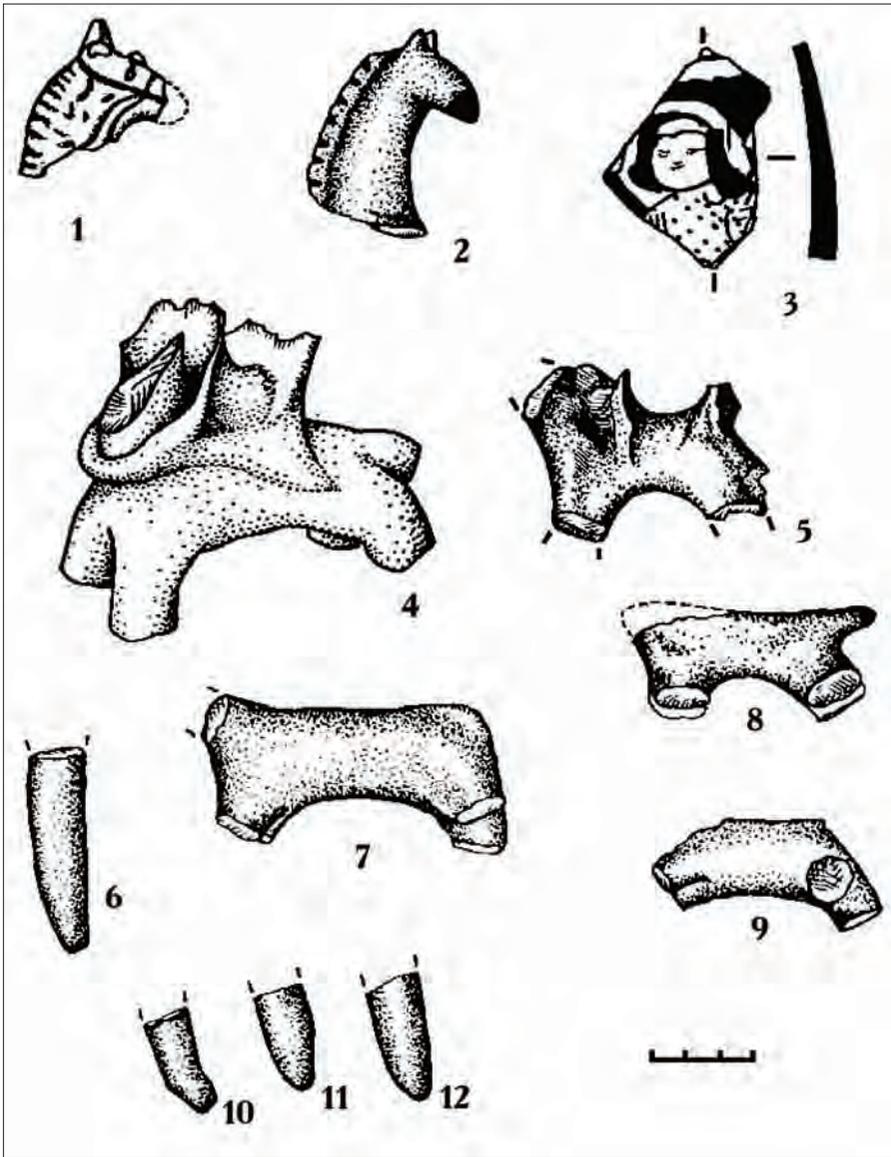

Рис. 48. Изделия из глины: 1-9 — горизонта III, 1-6, 10-12 — горизонта IV

единой системой проходов. Жилые помещения образовали застройку вокруг мастерской и были обращены проходами на улицу [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 93-99].

Почти повсюду удается проследить два периода строительства. Они выделяются уровнями полов, ремонтными стенами, перестройками.

Помещения 10 и 11, расположенные по другую сторону печи, также вытянуты с севера на юг, оба помещения одинакового размера 5,65 x 4 м, к югу расширяются до 4,5 м. Южная часть застройки сохранилась плохо, отсюда неясность с расположением прохода со стороны улицы.

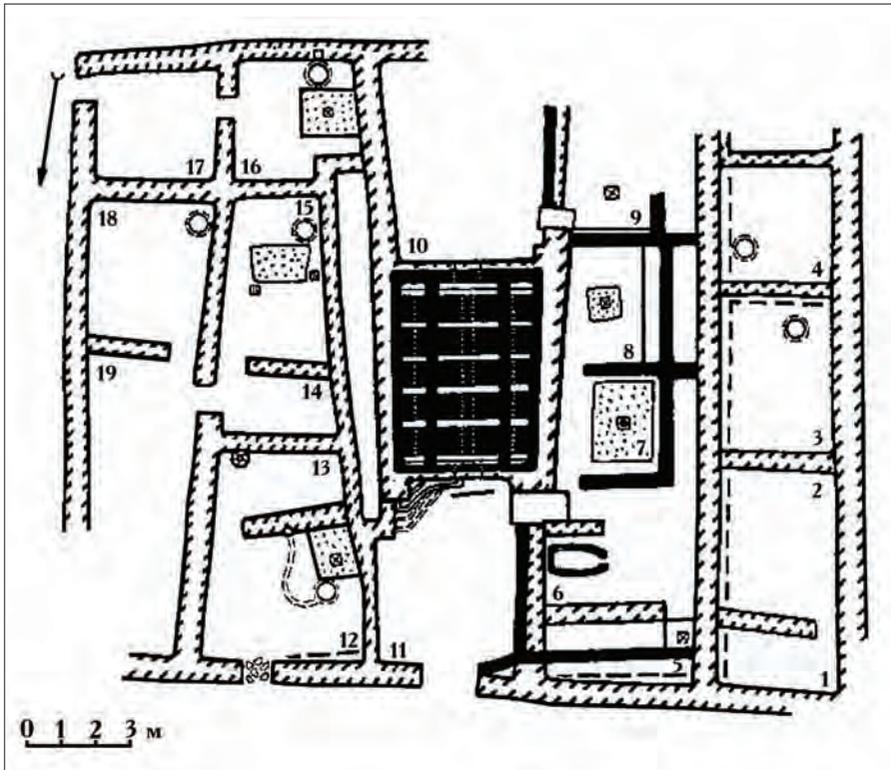

Рис. 49. План раскопа IV на рабаде (пунктиром обозначены стены второго строительного периода, жирной линией - конструкция из жженого кирпича)

Оба помещения имеют пандусы у входа в производственную часть застройки с западной стороны печи.

Выход из помещения 11 занимает промежуточное положение в цепочке проходных помещений верхнего яруса застройки. Эти помещения образованы двумя рядами капитальных стен, поставленных на расстоянии около 4 м друг от друга в меридиональном направлении, и поперечными перегородками толщиной в один кирпич, сложенными из квадратного жженого кирпича и, скорее всего, не доходившими до потолка.

Справа от прохода расположено *помещение 6* с очагом размером 1,75 x 0,95 м подковообразной формы, сложенным из жженого кирпича. У дальней стены помещения перегородкой отделен узкий отсек, предназначенный, видимо, для хранения продуктов. У входа в отсек (помещение 5) на уровне пола располагается площадка с ташнау.

Слева от прохода расположены два примерно равных по площади проходных *помещения 7 и 8*. Дверные проемы располагаются в углах. Интерьер помещений такой же, как и в жилых помещениях с ташнау.

Пандус по другую сторону топки печи приводит на верхний ярус застройки, охарактеризовать который практически невозможно ввиду плохой сохранности, но присутствие ташнау, фрагмент перегородки

позволяют отнести функциональное назначение помещений к производственным.

Застройка с западной стороны печи завершается анфиладой из четырех помещений, два из которых жилые, судя по присутствию тандыров. Один из тандыров зафиксирован на уровне каменной выкладки пола, другой — в помещении 3. Последний сохранился лучше, на высоту 0,35 м, его диаметр по основанию 0,75 м. В заполнении очага обнаружены фрагменты железного котла.

Восточная часть застройки сохранилась значительно лучше. Здесь выделены три жилые секции. Одна из них двухкомнатная, обращена проходом на восточную сторону. Два помещения секции — 16 и 17 одинаковые по площади примерно по 12 кв. м. В *помещении 16* в суфу вмазан тандыр. Топка выведена через край суфы высотой 0,6 м на площадку ташнау. С южной стороны в стенке тандыра имеется дымоходное круглое отверстие, соединенное с дымоходным каналом размером 0,15 x 0,2 м, проложенным в суфе, дым выводится через вертикальный колодец в стене.

Еще один жилой дом расположен к северу и состоит из двух параллельных секций. В каждой есть помещение площадью около 13 кв. м с тандыром. В одной из секций имеется два *помещения* — 14 и 15. Первое — прихожая, второе — жилое, отапливаемое тандыром, впущенным в суфу в дальнем от входа углу. Устье топки тандыра выведено к углу небольшой прямоугольной в плане площадки ташнау. На поперечной оси помещения сохранились отпечатки двух квадратных в основании (со стороной 0,25 м) деревянных опор перекрытия.

Вторая секция дома сохранилась плохо и характеристика ее затруднительна.

Еще один жилой дом имеет выход на северный фасад. Проход шириной 0,85 м сдвинут к северо-восточному углу помещения, пол в проходе вымощен камнями. За проходом открывается жилое *помещение 12* площадью 16 кв. м. В юго-западном углу помещения располагается площадка ташнау, вымощенная жженым кирпичом. У северо-восточного угла площадки в суфу вмазан тандыр, снабженный горизонтальным дымоходом. Ширина и глубина дымоходного канала, проложенного в суфе, 10 x 10 см. Канал изнутри обложен фрагментами жженого кирпича.

В кладовой находился хум, врытый в пол до горловины.

Основная масса находок, в том числе керамики, происходит из жилых помещений и связана с последним периодом жизни комплекса. Изделия из железа представлены конским снаряжением — фрагмент удила с неподвижным кольцом на конце; инструментами — малые клещи с шарнирным соединением общей длиной 12 см, длиной губ 3 см, концы ручек заканчиваются шариками диаметром около 1 см; шарнирные ножницы с округлыми кольцами; различной формы скобы, заклепки; два четырехгранных черешковых наконечника стрел с широкими треугольными лопастями.

В припольном слое и на полу верхнего строительного горизонта найдены монеты (11 экз.). Так, клад обнаружен под камнями на полу у входа в помещение 12 со стороны улицы. Три медных дирхема представлены чагатаидским чеканом Отрара третьей четверти XIII в. Аналогичные монеты обнаружены в помещении 13 и в завале печи в помещении 6, на этой монете сохранилась дата 662 г.х./1263-1264 гг.

Два чагатаидских дирхема, чеканенные в Алмалыке и Бухаре в 70-х гг. и последней четверти XIII в., были найдены в помещении 3. Две монеты относятся к первой половине XIV в. – это фельсы чагатаидов, один из которых чеканен в Отраре. В целом монеты дают узкую дату в пределах второй половины XIII – первой половины XIV в. Также следует датировать время постройки и функционирования производственно-жилого комплекса кирпиче-обжигательной мастерской.

Почти вся поливная посуда представлена открытыми формами. Это чаши и пиалы с высоким полусферическим туловом, для которого характерна мягкая выпуклость у дна, поддон переходного типа от плоского к кольцевому с выступом в центре.

Около половины всех находок относится к группе красноангобированной керамики (ангоб различных оттенков красновато-коричневого спектра) с однотонной рельефной росписью светлой краской под зеленой глазурью или двухцветной росписью (с добавлением зеленого) под желтой глазурью. Мотивы орнамента геометрические, часто в сочетании с различными вариантами «вихревой розетки» в центре внутренней плоскости. На внешнюю поверхность, как правило, нанесен пояс арок.

Вторую группу составляет зелено- и желтополивная посуда с подгрунтовкой из светлого ангоба без росписей. Есть единичные фрагменты с гравированным орнаментом. Встречается вариант, где сочетаются зеленая и желтая поливы на внутренней и внешней поверхностях. Как правило, такая посуда без орнамента или украшена по верхней поверхности пояском арок под желтой поливой.

Выделяется также группа керамики с синей или черной росписью под голубой поливой. Есть вариант с кашинной основой и полихромной росписью черного, зеленого, синего цвета под светлой поливой.

Светлополивная посуда открытых форм со спрямленной у дна стенкой представляет четвертую группу и характеризуется росписью тонкими линиями, имитирующими гравировку. На поверхности сосудов открытых форм разбросаны зеленоватые пятна расплывчатых очертаний.

В неполивной керамике преобладают кувшины и кумганы, в том числе с росписью красновато-коричневым ангобом на плечиках. Узкогорлые кувшины имеют характерный подтреугольный выступ под венчиком. В одном из ташнау обнаружен высокий кувшинообразный сосуд типа амфоры с двумя мелкими пластинчатыми ручками под венчиком. Сосуд явно привозной, с нехарактерной для керамики Отрара глиняной основой интенсивно-красного цвета в изломе.

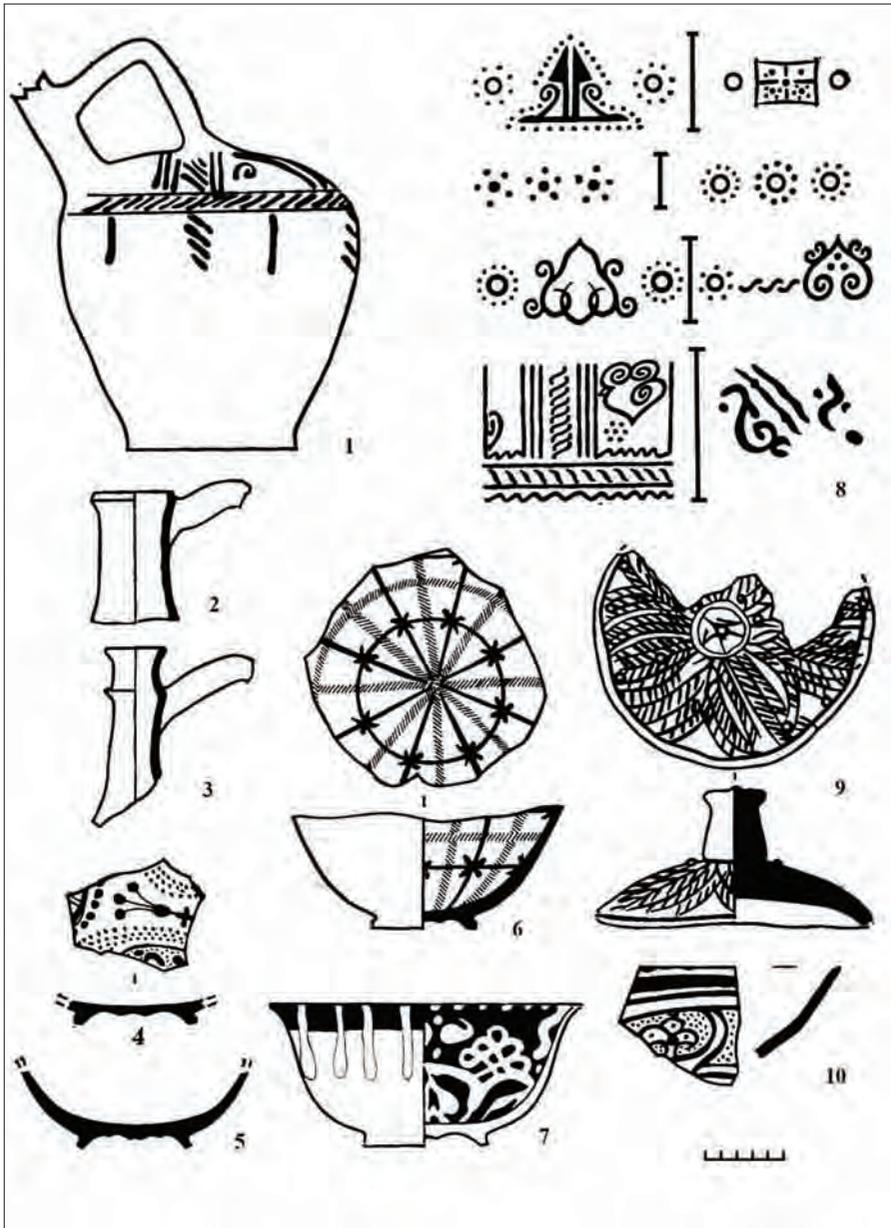

Рис. 50. Раскол IV. Рабад. Керамика из ям

Столовые горшки имеют слабовыраженный венчик; у кухонных горшков у внешнего края венчика имеется наклепной валик с насечками, ручки дугообразные, также с насечками. Кухонные крышки украшены орнаментом. Тагоры — тазики большого диаметра со спрямленной стенкой тулова обычно покрыты красноватым ангобом с лощением.

Все отмеченные группы керамики характерны для комплексов раннемонгольского времени, происходящих из городищ Средней

Сырдарьи и склонов Каратау [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 106-110; Байпаков, 1983, с. 17-38]. В это же время четвертая группа явно продолжает традиции позднекараханидской керамики, а именно мотивы орнамента с «вихревой розеткой» и красноангобированное лощение.

Таким образом, планировочная схема жилых построек у кирпичеобжигательной мастерской проста: цепочка из двух помещений или четырехчастная схема, вписанная в подпрямоугольный план. Однако внутренний облик жилищ различен, главным образом за счет установки тандыров — с дымоходом или без него. К тому же различно и устройство дымоходов — в зависимости от того, как поставлен тандыр — вплотную к стене или на некотором расстоянии от нее.

Жилая застройка в квартале керамистов. Еще один участок застройки периода послемонгольского нашествия расположен в восточной части пригорода Отрара, в 350 м от юго-восточного угла центральных развалин городища (раскоп 1) [Байпаков, 1983, с. 17-38]. Здесь выявлен квартал гончаров второй половины XIII – первой половины XIV в.

Поскольку процессы, связанные с производством керамики, как установлено, протекали в жилых домах, последние будут охарактеризованы ниже. Обращает внимание однотипность застройки двух участков, как в плане, так и в отдельных деталях интерьера. Наблюдается лишь некоторая усложненность деталями жилищ-мастерских гончаров. Но это обстоятельство вполне объяснимо спецификой построек.

Усадьбы Отрара в округе. Пригородная часть города в XIII-XV вв. была застроена отдельными усадьбами. Усадьбы располагались группами, по несколько, встречались и одиночные большие усадьбы. Большие группы усадеб были зафиксированы в 2-3 км юго-восточнее городища Отрар, в районе современного поселка Баялдер и примерно в радиусе 3-х км от него. Сейчас почти все они разрушены во время нивелировки земель под посевы в конце 60-х начале 70-х годов.

Одна из таких усадеб была исследована. Здесь находилось более двадцати беспорядочно разбросанных тобе. Расстояние между ними 20-60 м. С южной и восточной сторон проходит канал, вода в который поступает из р. Арысь. Канал этот был сооружен в 30-е годы на старом русле. Вероятно, канал служил и жителям усадеб XIII-XV вв.

Усадьба Дандыбай-тобе до раскопок представляла оплывший квадрат размером 20 х 20 м, возвышающийся над уровнем современной поверхности примерно на 0,6 м. После снятия верхнего слоя обнаружилось четырехугольное сооружение размером 19 х 19 м. Планировка его центрическая, при которой все помещения располагаются вокруг центрального помещения или крытого двора. Толщина общей внешней стены 1,1 м, сохранившаяся высота – один-два или три ряда квадратного жженого кирпича (35 х 35 х 5 см). Внутренние стены помещений сохранились на высоту в два-три ряда

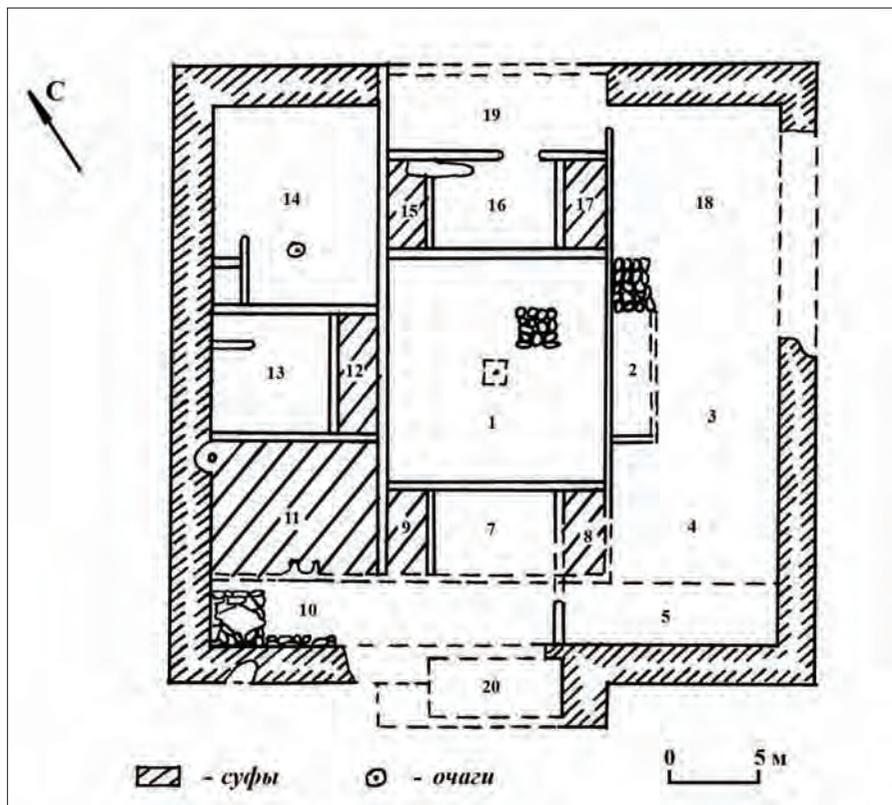

Рис. 51. Городище Отрартобе. Баялдер. Усадьба, жилая часть

кирпича, толщиной в один кирпич (35 см). Пол во всех помещениях глиняный, утрамбованный, хорошей сохранности.

Крытый двор или *помещение 1* четырехугольное, размером 6,1 x 6,1 м. Оно является центральным. Вход в него расположен в юго-восточном углу и имеет две ступеньки из жженого кирпича. На расстоянии 1 м от входа сделан квадратный «стол» (1 x 1 м) из жженого кирпича высотой в два ряда. При зачистке около него найден чираг. Возможно, стол служил подставкой для светильников. В центре помещения обнаружены остатки базы колонны, сложенной из обломков жженого кирпича, в виде тумбы с отверстием посередине для установки деревянной колонны.

К центральному помещению с южной и северной сторон примыкают соответственно *помещения 2 и 12*, их размеры 3,4 x 1,1 м. Дверные проемы не прослеживаются. Сохранившаяся высота стен 8-12 см – два-три ряда кирпичей.

С западной и восточной сторон к центральному помещению примыкают *помещения 7 и 16*, их размеры 3,45 x 2,45 м. Западная и южная стены помещения 7 разрушены. В северо-западном углу обнаружен подковообразный очаг, который служил для обогрева

комнаты. Вход в помещение, вероятно, был из *помещения 8*. Вход в комнату 8 вел из айвана 20. В центре *помещения 16* обнаружены следы открытого очага, который использовался для отопления.

С восточной стороны к центральному помещению по углам примыкают *комнаты 15, 17*, с западной стороны – *6 и 9*. Их размеры 2,65 x 1,1 м. Во время зачистки в северо-восточном углу помещения 9 найдена одна монета, относящаяся к XIII в. К центральному помещению с северной стороны примыкают два угловых *помещения – 11 и 14*. В северо-западном углу помещения 11 размером 4,7 x 3,5 м у западной стены обнаружен очаг для приготовления пищи. Размер его 0,9 x 0,6 м. Во время зачистки здесь найдены обломки поливной керамической посуды и кости домашних животных. В северо-восточном углу у стены обнаружено круглое углубление, выложенное кирпичом в два ряда (10 см). По-видимому, там стоял хум. Вход прослеживается в юго-западном углу у смежной с помещением 10 стены.

Помещение 14 размером 4,7 x 5,5 м в центре имеет ташнау. Дверной проем не прослеживается, можно предположить, что он был со стороны айвана 19. В северо-западном и юго-западном углах находились закрома, сложенные из жженого кирпича. Во время зачистки помещений найдены обломки поливной и неполивной посуды.

Между помещениями 11, 12 и 14 расположено *помещение 13*, размером 3,4 x 3,4 м. В северо-восточном углу его прослежены разрушенные закрома. Это помещение сообщалось с «кухней» и служило подсобной комнатой.

С южной стороны к центральному помещению по углам примыкают два больших *помещения – 4 и 18*. Размеры их соответственно совпадают с размерами помещений 11, 14. В помещении 4 западная и восточная стены разрушены. Помещение 18 тоже разрушено. Между помещениями 4 и 18 расположена комната, размеры которой совпадают с размерами помещения 13.

Восточное *помещение 19* (6,2 x 2,1 м) служило айваном. Главный вход в центральное помещение находился с этой стороны. Наружная стена охватывает все постройки, с обеих сторон толщина стены уменьшается и составляет один ряд кирпича (35 x 35 x 5 см).

В северо-западном углу *помещения 10* (4,7 x 1,75 м) расположен очаг размером 1,3 x 1,3 м с местом для котла диаметром 0,5 м и прямоугольной топкой размером 15 x 20 см. Дымоход проследить не удалось из-за отсутствия наружной стены. По-видимому, он шел в стене. Рядом с очагом, у западной стены расположены полки в виде выступов длиной 2,2 м, шириной 0,5 м, высотой 0,4 м. Очевидно на них ставили кухонную утварь. В помещении найдены обломки керамики и кости домашних животных. Оно сообщалось с помещениями 8 и 11.

Помещение 5 длинное и узкое (6,5 x 1,75 м), расположено в юго-западном углу дома. Внутри строительных конструкций не прослеживается, смежная с помещением 4 стена разрушена. По всей вероятности, это помещение являлось подсобным.

Постройка имела два главных входа. Один вел к центральному помещению с восточной стороны со стороны айвана. Этот вход был главным. Второй вход в усадьбу с западной стороны был, вероятно, хозяйственным – вел на кухню (10, 11).

Кроме основного раскопа были заложены еще три шурфа. Нижний слой одного из них дал материал XII в. В результате шурфовки третьего тепе была собрана керамика, идентичная материалам основного раскопа.

Керамический материал из других усадеб XIII-XV вв.

Поливная керамика представлена в основном фрагментами чаш – кесе (диаметр венчика 18-20 см) с двуцветной росписью на кольцевом поддоне, есть фрагменты венчика с плавно выгнутым наружу краем. Посуда украшена разноцветной росписью — зеленой, желтой, коричневой, голубой, реже черной.

Неполивная посуда преимущественно изготовлена на гончарном круге из хорошо вымешанного плотного почти без примесей теста. Обжиг серого и красноватого цвета. Найденные изделия представлены разнообразными формами: чаши с диаметром венчика 15 см, узкогорлые кувшины с диаметром венчика 3-6 см, широкогорлые – 8-10 см. Тагора больших размеров – диаметр венчика достигает 55 см. Края венчика отогнуты наружу под прямым углом или слегка скошены наружу, ширина площадки венчика 2-3 см, стенки от венчика ко дну постепенно утолщаются и переходят в массивное толстое дно. Внутри, а иногда снаружи, тагора покрыты коричнево-красноватым ангобом.

Среди неполивных изделий обнаружен фрагмент украшенного резным орнаментом достархана.

Обнаружено два напрясла: каменное и керамическое. Они были найдены в нижних слоях. Усадьба датируется XIII-XV вв. [Байпаков, 2013, с. 163-172].

Городище Кумкент под названием Каикант упоминает Киракос Гандзакечи в XIII в. в описании путешествия армянского царя Гетума I к Менгу-хану.

Большой пласт сведений о Кумкенте связан с ногайской традицией. Как пишет В.В. Трепавлов: «в дастанах упоминаются города – места, где действуют персонажи эпоса: Сарай, Маджар, Сарайшык, Кумлы-кала и Сарлы-кала. Кумлы-кала сопоставима с Кумкентом, который якобы принадлежал эпическому отцу Эдиге Кутлу-Кая и, видимо, считался сердцевиной его наследственных владений. Нурадин б. Идегей говорит отцу в татарском варианте эпоса: «Посылает тебе привет... город Кум-Кент и вся страна, что тебе навсегда верна». Сам Кутлу-Кая обвинял в разорении города хана Токтамышша. По родословной князей Юсуповых, Кутлу-Кая «взял взятые Кумкент и учинился в Кумкенте государем». Очевидно, имеется в виду городище Кумкент, расположенное в окрестностях районного центра Чулаккурган» [Трепавлов, 2002, с. 595-596].

Сведения о городище появляются в конце XIX – начале XX века. Так, в работе И.А.Кастанье приводятся сведения из статьи В.Колосовского: «...некогда Кум-Кент занимал обширную площадь земли, обнесенную городской стеной. Одна из улиц вела к центру, где над всем царила цитадель; со стен последней открывался широкий кругозор: с одной стороны чернела далекая р. Чу, с другой – причудливо рисовались высокие горы, а с боков бесконечная равнина сливалась с горизонтом. Две груды крупного жженого красного кирпича квадратной формы указывают на места воротных башен; здесь же на частично осыпавшемся откосе видна часть фундамента из очень крупного, тщательно уложенного булыжника. Вся поверхность «калы» усеяна черепками цветной посуды, битых корчаг, изразцов и сплавившихся шлаков...» [Кастанье, 2007, с. 275].

Рекогносцировочные работы на памятнике, как отмечалось, были проведены в 1940-50-е гг. Центрально-Казахстанской и Южно-Казахстанской археологическими экспедициями [Маргулан, 1948, с. 111-112; Агеева, Пацевич, 1958, с. 112-113]. В ходе работ был снят топографический план городища.

Для выявления стратиграфии и культурного слоя XIV-XV вв., расположенного в центре цитадели Кумкента был заложен планиграфический раскоп общей площадью 150 кв. м.

В 2015 г. в северо-западной части предполагаемой цитадели для выявления построек верхнего строительного периода и планировки помещений был заложен раскоп площадью 150 кв. м. На неровной поверхности раскопа видны фрагменты лепной и станковой керамики, обломки обожженного кирпича красного цвета.

Верхний рыхлый слой снимался на глубину 30 см.

В ходе работ было выявлено 9 помещений верхнего строительного горизонта. На цитадели Кумкента был заложен раскоп площадью 150 кв.м.

Помещение 1 прямоугольное в плане размером 3,9x3,15 м. Большую часть помещения занимает суфа «П»-образной формы с тремя впущенными в нее тандырами. Тандыр, расположенный у северной стены диаметром 0,6 м, имеет дымоход, выведенный в северо-западный угол помещения. Дымоходный канал, проложенный в суфе, сверху закрыт кирпичами. Второй тандыр расположен юго-западнее первого на расстоянии 0,65 м. Размеры его примерно такие же: диаметр 0,6 м, сохранившаяся высота – 0,6 м. Топка разрушена. Третий тандыр расположен на расстоянии 0,4 м от второго. На его местонахождение указывает прокаленное пятно – остатки дна. В центре помещения находится вымощенная кирпичом площадка ташнау размером 0,8x0,9 м. В заполнении ташнау при расчистке найдены фрагменты керамики. Глазурованная керамика датируется XV в.

Помещение 2 размером 1,7x2,6 м примыкает к помещению 1 с юга. В заполнении помещения 2 был обнаружен целый сосуд

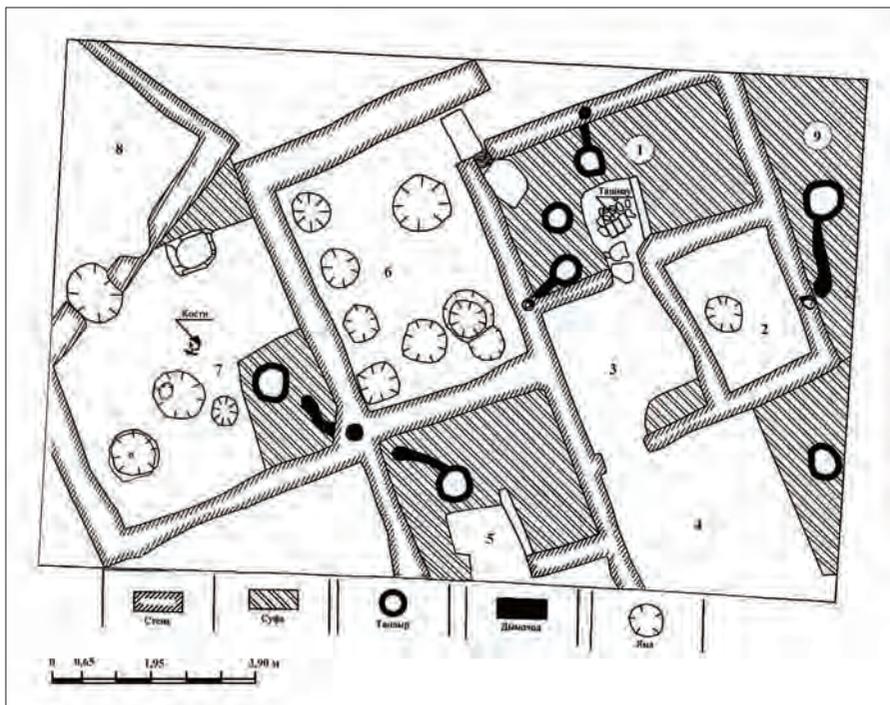

Рис. 52. Городище Кумкент. План раскопа

цилиндрической формы высотой 14,5 см и кувшин с узкой горловиной и коленчатой ручкой.

Помещение 3 небольшого размера – 2,1х2,8 м расположено западнее помещения 2. К южной стене примыкает небольшая сырцовая тumba размером 1,4х 0,5 м, высотой 0,4 м.

Помещение 4 расположено южнее помещений 2 и 3. Восточная и южная границы его уходят за границы раскопа. Вскрытая часть помещения имеет размеры 3,9х4,6 м. В помещении расчищена суфа с тандыром у восточной стены. Тандыр диаметром 0,55 м, высотой 0,6 м. В заполнении помещения найдены фрагменты керамики.

Помещение 5 размером 3х3,3 м расположено западнее помещения 4. Как и предыдущее помещение попало в границы раскопа не полностью. Расчищена суфа с тандыром, в котором был дымоход.

Помещение 6 размером 3,3х4,8 м примыкает с запада к помещению 1 и с севера к помещению 5. Это был дворик. Помещение имело хозяйственное назначение, в нем обнаружено 8 хозяйственных ям. Вход во двор устроен в северо-восточном углу и был позднее заложен сырцовым кирпичом.

Помещение 7 размером 4,7х3,4-5,4 м, в его юго-восточном углу расположена площадка ташнау (2,1х1,5 м), куда выходит топка тандыра. С юго-востока от тандыра (диаметром 0,6 м, высотой около 0,5 м) расположен дымоходный канал длиной 1,4 м и шириной 0,2 м.

Сохранился вертикальный колодец диаметром 0,3 м, выведенный в угол стен. При расчистке завалов помещения был найден целый двуручный кувшин с двумя коленчатыми ручками и маленькая чашечка, фрагменты поливной керамики XV в.

Помещение 8 размером 2,7х4,5-5,3 м с севера примыкает к помещению 7. Большая часть помещения осталась за границами раскопа.

По центру помещения была выявлена сырцовая стена, относящаяся ко второму строительному периоду. Длина стены 1,8 м, большая часть ее уходит под западную границу раскопа.

Помещение 9 размером 5,7х5,3-2,3 м обнаружено вдоль восточной границы раскопа, в северо-восточном углу. Большая часть помещения осталась за границами раскопа. В помещении были расчищены остатки тандыра с каном. Диаметр сохранившейся части тандыра около 0,7 м, высота – 0,3 м. Кан плохой сохранности, «Г»-образной формы.

Керамика – в основном обломки глазурованных чаш, покрытых голубой поливой, и росписью черным – это растительные мотивы. Анализ керамики позволяет отнести ее к XV в., что в свою очередь позволяет датировать самый верхний строительный горизонт Кумкента XV в.

Городище Кескен Куюккала 2 обследовано в 2015 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией. Оно расположено в 1 км к западу от известного городища Кескен Куюккала на берегу пересохшего канала [Байпаков, 2013, с. 163-172]. Городище имеет размеры: 300 х 50 м. В ходе обследования памятника был собран на поверхности подъемный материал; проведен визуальный осмотр местности; снят топографический план.

Поселение, судя по выходам керамики и остаткам стен, было плотно застроено отдельными домами, группировавшимися в кварталы. На территории поселения отмечены остатки гончарных и стекольных печей. Собраны фрагменты керамики, стекла, кости животных, шлаки, обломки бронзовых изделий.

На поверхности городища найдены две медные джучидские монеты XIV в. Среди поливной керамики обломки хорезмийских чаш XIII-XIV вв. Подъемные материалы позволяют датировать памятник XIII-XIV вв.

Городище Асанас расположено на берегу сухого русла Асанас-Узак. Его застройка, судя по всхолмленной поверхности, была достаточно плотной. Когда жители оставили это городище, здесь возникло кладбище, которое действовало длительное время.

В 1968 г. археологическое изучение городища осуществил отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, изучавший остатки средневековых поселений в районе древних южных сырдарьинских русел – Инкардарьи и Жанадарьи. Отряд провел на Асанасе первые раскопочные работы, заложив там два стратиграфических шурфа.

Один из шурфов был заложен на полосе всхолмлений, отделяющей восточную часть городища от остальной его территории, в 75-80 м к юго-западу от цитадели, где, судя по микрорельефу, культурные слои городища остались непо потревоженными. В шурфе размером 3 x 3 м и доведенном до глубины 1,9 м, выявлены остатки строительных конструкций двух строительных горизонтов. В первом из них, верхнем, была расчищена часть помещения, пол которого находился на глубине 20 см от поверхности. Керамика, собранная при его расчистке, датирует это помещение предмонгольским временем. В ней представлены поливной светильник с листовидной пятой на ручке, украшенной рельефным растительным узором, имеющий наиболее близкие аналогии среди светильников Хорезма XII – начала XIII в. [Вактурская, 1959, с. 319, рис. 28, 3, 4, 6, 7], сероглиняные сосуды, подобные тем, изготавливали хорезмийские гончары в XII-XIV вв., сосуды с мелкой фигурной росписью, аналогичные найденным в Южном Казахстане. Кроме керамики в помещении верхнего строительного горизонта нашли бронзовый колокольчик и рог со следами срезов.

Под полом помещения верхнего строительного горизонта открылась пахсовая кладка мощной стены, которая предположительно, окружала восточную часть городища. Шурф не достиг ее основания, и начальная дата возведения стены, как и ее толщина в основании, остались неустановленными.

Второй шурф площадью 3 x 3 м был заложен восточнее полосы всхолмлений, в 20-25 м к юго-западу от цитадели. Прорезав полы, шурф достиг материка на глубине 3,4 м. Открытые в шурфе остатки построек относятся к пяти строительным горизонтам.

Первый строительный горизонт представлен участком пола с глиняной обмазкой, его глубина 20 см от дневной поверхности. Керамики немного, и она мало выразительна: несколько обломков стенок сосудов с росписью потеками и сероглиняных сосудов XII-XIV вв.

Ко второму строительному горизонту относилось помещение, представленное в шурфе участком пола с несколькими глиняными обмазками и участком стены с глиняной штукатуркой, сохранившейся на высоту около 60 см и перекрытой сверху полом верхнего строительного горизонта. Во втором горизонте обнаружены суфа и очаг. Суфа помещалась в восточной части шурфа и частью уходила за его границы. Она была угловая, с облицовкой из сырцовых кирпичей размером 25 x 25 x 5 см. Ее внутреннее заполнение состояло из глиняной засыпки, содержавшей керамику и кости животных. При расчистке суфы была найдена яйцевидная полосчатая бусина из непрозрачной стекляннной пасты.

Очаг помещался у края суфы, в 1,5 м от ее юго-восточного края шурфа. Он оказался основательно разрушенным ямой верхнего строительного горизонта. Судя по остаткам, очаг был круглым и относился к типу тандыров, широко распространенных на нижней Сырдарье в XII-XIV вв. На полу около очага находилось большое зольное пятно, рядом лежал бок лепного горшка с выгнутой шейкой,

опоясанной налепным валиком с вдавлениями. Аналогии горшку имеются в посуде нижнесырдарьинских поселений XII-XIV вв., как городских, так и сельских.

В полу помещения второго строительного горизонта находилось три ямы.

В керамике, оказавшейся в заполнении одной из ям, представлены фрагменты лепных горшков двух типов: 1) с манжетовидным венчиком, сближающим их с изделиями более ранней асарской культуры; 2) горшки с шейкой, опоясанной налепным валиком с пальцевидными вдавлениями, какие часто встречаются на поселениях нижней Сырдарьи XII-XIV вв. В яме №4 были найдены обломки выпуклой крышки с прочерченным орнаментом, и фрагменты переносных круглых керамических очагов с прочерченным узором на внутренней поверхности, которые широко использовались населением низовий Сырдарьи в XII-XIV вв.

На дне ямы 4, выстланной камышом, лежал высокий (1,45 м) железный светильник.

В заполнении помещения второго строительного горизонта были найдены фрагменты поливных зеленых чаш с перегибом по бортику, появляющимся на сосудах с конца XI – XII в., и сосудов с коричневой поливой «северокарагауского типа», датируемых по материалам других поселений нижней Сырдарьи XII-XIV вв.

К третьему строительному горизонту относятся две стены из сырцовых кирпичей, проявившиеся на северо-западном и юго-западном срезах шурфа, и соответствующие им десять полов.

На нижнем полу третьего строительного горизонта найден обломок лепного сосуда с манжетовидным венчиком, орнаментированным прочерченным горизонтально елочным узором. Подобный узор Л. М. Левина отметила на позднеасарской керамике конца VII – начала IX в. [Левина, 1971, с. 54, рис. 15].

Археологические материалы, собранные при шурфовке городища Асанас, позволяют определить стратиграфию и время жизни городища, проследить изменения, происходившие в его топографии, и наметить основные этапы в истории его развития.

Судя по керамике, городище Асанас было обитаемым со времени «болотных городищ» до XV в. Причиной его оставления, надо полагать, были изменения в водном режиме присырдарьинского района. По мнению С. П. Толстова, к XV в. сформировалось современное русло Сырдарьи, а ее древние южные русла – Инкардарья и Жанадарья – стали сухими. Это и заставило жителей Асанаса, базировавшихся на водах Инкардарьи, его оставить.

Материалы раскопок, имеющие ближайшие аналогии в материалах поселений низовьев Сырдарьи, указывают на местный характер культуры городища Асанас и, следовательно, подтверждают вывод С. П. Толстова о том, что в городе, стоявшем здесь, жили не согдийцы, как полагали до работ Хорезмской экспедиции на нижней Сырдарье, а местные огузы [Вактурская, 1979, с. 127-133].

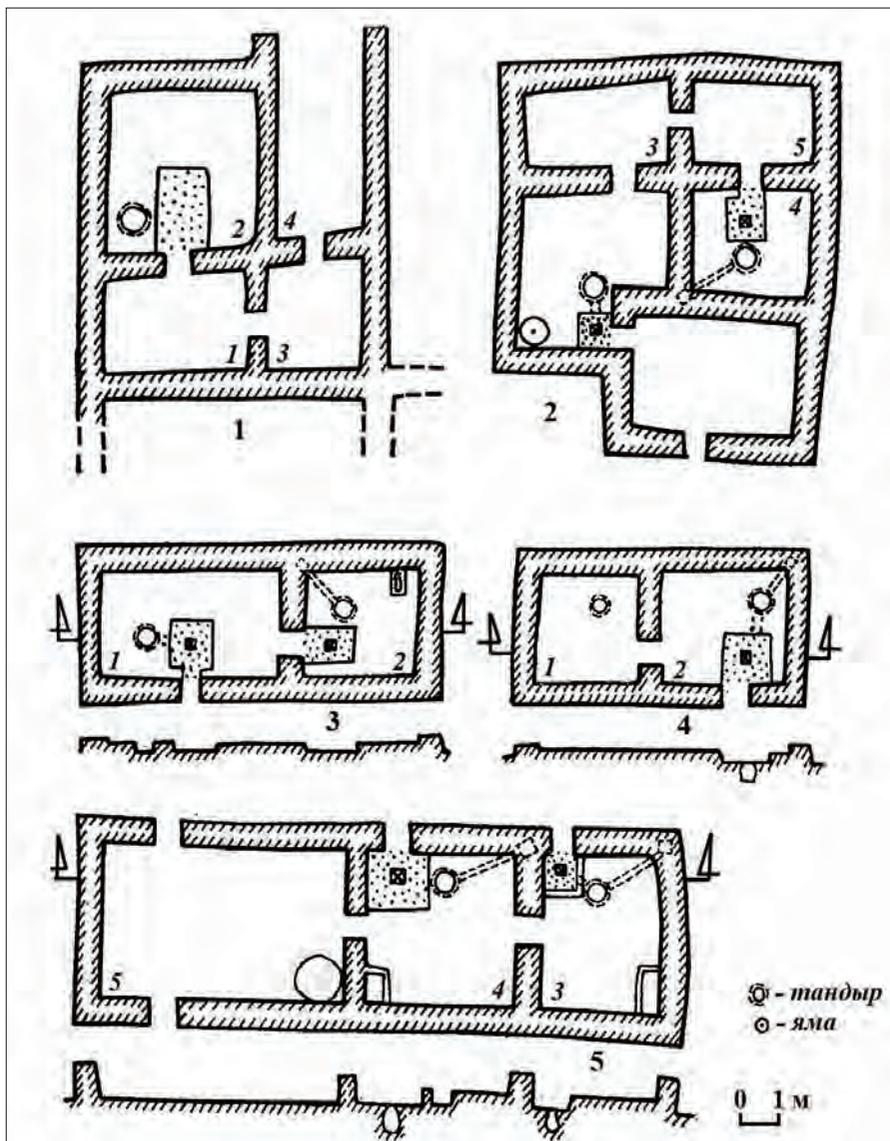

Рис. 53. Типы планировки жилищ второй половины XIII - первой половины XV в.

Городское жилище XIII – первой половины XV в.

Значительный по объему и информативности материал накоплен по такому важному разделу городской культуры, как жилище. Следует подчеркнуть, что методика раскопок широкими горизонтальными площадями, когда вскрывается несколько кварталов городской застройки по уровню одного слоя, дает обширную информацию о массовом домостроительстве. Применяемая методика позволяет более обоснованно подойти к решению вопросов, как связанных с конструкцией и типологией зданий, так и лежащих в плоскости этнокультурной и социально-экономической среды общества,

общественных отношений и других факторов, влияющих на формирование жилища [Ерзакович, 1983, с. 81-93].

Отрарские материалы по жилищу со всей очевидностью свидетельствуют об эволюционных процессах, когда можно выделить несколько этапов, характеризующихся особенностью композиционно-планировочных схем и внутренним обликом жилища. Л. Б. Ерзакович выделил для последнего этапа урбанизации два периода развития жилища.

Жилища второй половины XIII – первой половины XIV в. [Байпаков, 1994, с. 20-33].

1. Известны дома с одним или двумя помещениями, которые komponуются по продольной или поперечной оси. Площадь домов невелика: 20-30 кв. м.

2. Квадратные в плане постройки с четырьмя примерно равными по площади помещениями. К ним может добавляться пятое помещение в виде большой передней.

Внутренний облик жилищ различен, чаще за счет устройства очагов:

1. Однокамерное жилище прямоугольного плана. Отапливается тандыром, впущенным под уровень пола в дальнем от прохода углу помещения. Устье топки тандыра выходит на небольшую четырехугольную очаговую яму.

2. Дом из двух помещений: переднее помещение ничем не примечательно, жилое с тандыром, поставленным вплотную к боковой стене у дальнего от прохода угла помещения. К тандыру подведен внутрискристенный дымоход. Устье топки устроено напротив дымохода и выведено на площадку с водосливом — ташнау.

3. Жилище из двух помещений: одно из них, меньшее по площади, видимо, кладовая, в другом в дальнем от прохода углу — тандыр и перед ним заглубленная относительно уровня суфы площадка, вымощенная жженым кирпичом, в центре ее — ташнау. Тандыр снабжен горизонтальным дымоходом в суфе и подведенным к вертикальному колодцу в стене-перегородке между двумя помещениями. Также отапливалась постройка квадратного плана с четырьмя помещениями.

Первые два типа отопления более характерны для раннемонгольского времени, третий тип, также известный во второй половине XIII в., становится ведущим в первой половине XIV в. Одновременно прослеживается перемещение тандыров и площадок с ташнау из дальнего угла помещения к проходу, благодаря ему участок с ташнау становится полом, а остальная часть помещения приобретает вид суфы высотой до 0,5 м. Преимущественное расположение прохода — в углу помещения.

Особенностью отопительной системы жилищ XIII-XIV вв. и более поздних: канал дымохода от тандыра чаще всего подводился к ближайшему углу или к стене помещения и, следовательно, непосредственно дымоходом и очагом обогревался лишь небольшой участок суфы или пола.

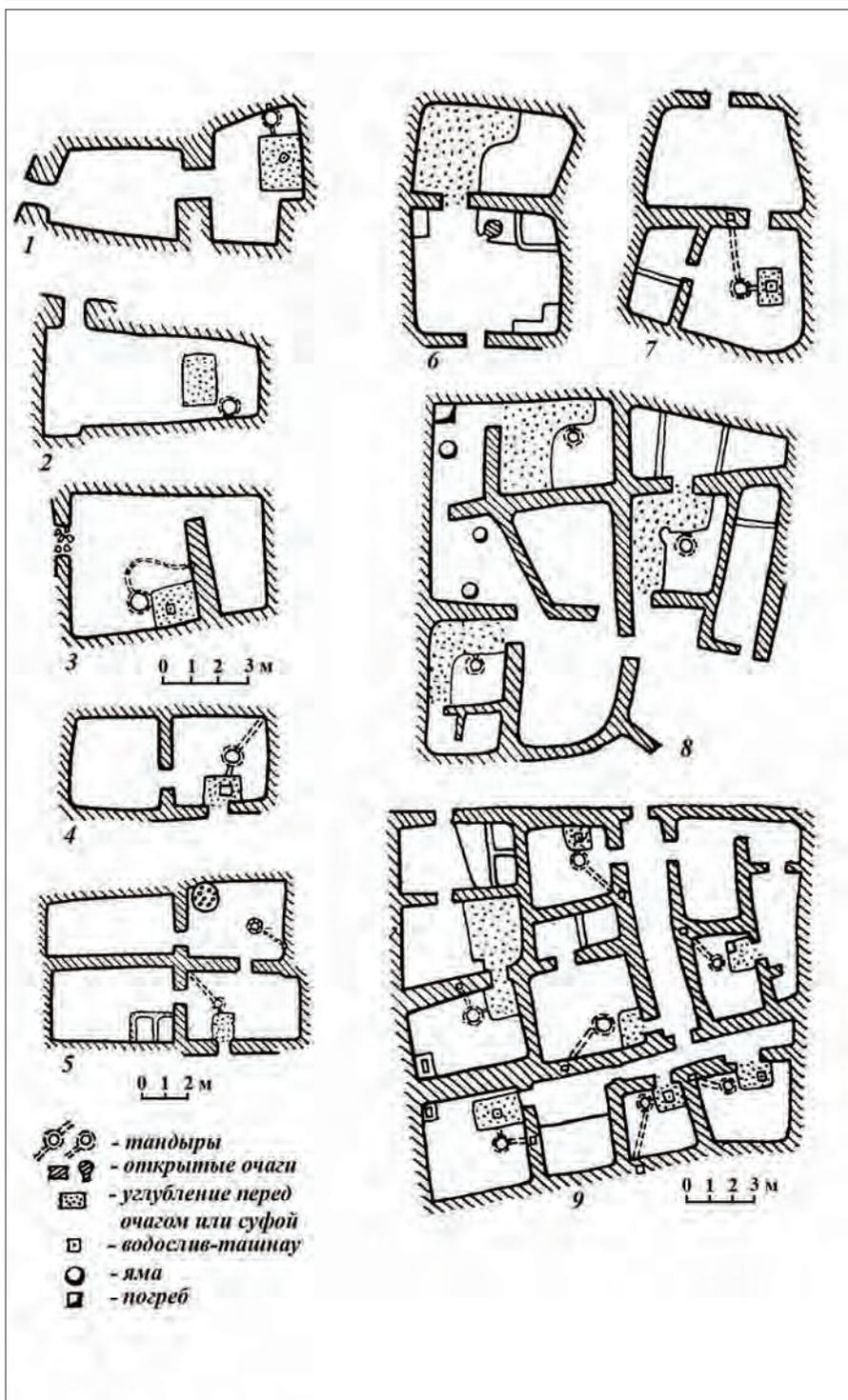

Рис. 54. Планы домов: 1 - 3 – второй половины XIII в.; 4, 5 – первой половины XIV в.; 7, 8 – второй половины XIV в.; 6, 9 – первой половины XV в.

Среди ранних отрарских очагов встречаются тандыры, в том числе и с дымоходами, у которых отсутствует устье топки.

Жилища второй половины XIV-XV в.

1. Продолжали строиться дома из двух-трех помещений, поставленных в один ряд или двухрядная цепочка помещений; последняя характерна для домов с двумя жилыми секциями.

2. Многосекционные дома. Основой композиции был центральный коридор или два коридора на пересекающихся осях.

3. Известен квадратный дом, где девять помещений расположены в три ряда. Отдельные жилые секции объединены угловым айваном. Особенность двух жилых последних типов – увеличение числа помещений до 10-12, не связанное с их функциональным разнообразием: под одной крышей объединялись отдельные секции, где есть жилое помещение и изредка хозяйственное.

Для домов характерна устойчивая схема жилых помещений: тандыр с дымоходом, встроенным в общую суфу, через дымоходный канал, проложенный в суфе, дым выводился в вертикальный колодец в стене и затем на крышу. Устье топки тандыра выведено на площадку с ташнау, устроенную у прохода в помещение.

Известны и другие типы очагов, которые встречаются значительно реже, имеются в виду, прежде всего, тандыры без дымоходов. Анлогичные дома известны в сельских поселениях XIV в. в левобережном Хорезме, правда, устройство очагов там иное [Неразик, 1976, с. 127, рис. 76; с. 132-133].

Еще один тип отрарского очага пока уникальный. Он встречен в доме, где два помещения. В одном из них суфа в простенке справа от входа, в другом сооружена глинобитная вымостка с открытым подковообразным в плане очагом.

Дома XIV-XV вв. небольшие, площадью 40-60 кв. м; площадь многосекционных построек увеличивается до 200 кв. м, жилые помещения – от 8-9 до 15 кв. м.

К. М. Байпаков считает, что сложившиеся типы жилищ XIII-XIV вв. продолжали существовать и позднее – до XVIII в. Причем традиции жилищ позднесредневековых городов восходят к домостроительству каунчиноидных культур, на которые наслаиваются инновации [Байпаков, 1980, с. 16-20].

Для жилищ XIII – первой половины XV в. характерно несколько типов.

К первому типу относятся одно-, двух- или трехкомнатные дома с двориком-айваном или без него. Все помещения расположены на одной оси. Такие дома характерны для центрального округа Отрара. Раскопаны в квартале гончаров в мастерской второй половины XIII - XIV в., где открыты кирпичеобжигательные печи. Типичным примером анфиладной планировки дома является жилище гончара и мастерской, расположенной в пригороде Отрара, которое состоит из двух жилых помещений с тандырами и частично закрытого дворика.

Аналогичный по планировке жилой дом раскопан в гончарной мастерской второй половины XIV – начала XV в. на центральном бугре Отрара. Дом погиб при пожаре, рухнувшая кровля придавила и законсервировала лежавшую на суфе чиевую циновку, поверх нее лежали кошма и ватные одеяла, от которых сохранились достаточно крупные фрагменты. На полах найдены железные детали от деревянных сундуков, изделия из кости, дерева, керамики, бронзовое зеркало с прилипшим к нему и поэтому законсервировавшимся кусочком рукописной книги.

Ко второму типу относятся жилища, состоящие из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Это крестообразная или четырехчастная схема, когда дом имеет подквадратный план. Кладовые, как правило, расположены слева или справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром. Вариантов этой схемы несколько: дома, у которых жилое помещение с тандыром находится во втором помещении, считая от улицы; дома с одним жилым помещением; дома с двумя жилыми комнатами; с одним тандыром в жилом помещении; с двумя тандырами в жилой комнате. В доме может быть больше четырех помещений — пять и шесть. Чаще других встречается вариант, когда в доме, состоящем из 4-х помещений, жилое имеется одно, расположенное в глубине дома.

К третьему типу относятся дома, состоящие из двух или более секций. Каждая секция насчитывает два-три помещения, одно из них обязательно жилое. Такой дом был раскопан в верхнем строительном горизонте квартала гончаров. В нем две секции, каждая из двух помещений, и двор.

Для домов указанного хронологического этапа характерно сохранение и развитие двух типов жилища, известных в IX – начале XIII вв., анфиладного и крестовидного. Возникает еще один тип дома — многосекционный. Новые элементы появляются в интерьере дома: суфа шириной 1-1,2 м, идущая вдоль двух либо трех стен дома, как это было в IX-XII вв., заменяется суфой, занимающей всю площадь помещения, кроме площадки перед тандыром. Вместо прежнего санитарно-гигиенического устройства в виде глиняного корытца со сливом, соединенного с вкопанной вертикально трубой, теперь появляется вымощенная кирпичом площадка, в центре которой находится закрытый кирпичом с дырочкой перевернутый хум без донца, служивший облицовкой сливного устройства. Исчезают стеновые очаги – каминны, у тандыров появляются дымоходные круглые отверстия и проложенный в суфе дымоходный канал, соединенный с вертикальным дымовым колодцем в стене дома.

Очаг-сандак или открытый очаг с бортиками, находившийся ранее в центре жилого помещения, «поднимается» на суфу, занимая место на тумбе рядом с тандыром.

Иногда в центральном помещении ближе к углу находился щелевидный погреб. В стенах устраивались ниши для хранения утвари.

Суффы застилались сплетенными из камыша или чия циновками, поверх которых расстилались кошма и ватные одеяла. Отпечатки и тлен циновок, а также куски кошм и ватных одеял обнаружены при раскопках сгоревших домов. Кладовые в домах предназначались для хранения запасов зерна, жидких и сыпучих продуктов. В них устраивались глиняные закрома.

Фундаменты стен отсутствуют. В ряде случаев удается проследить камышитовые прокладки для изоляции стен от почвенных солей. Для этой же цели применялся кирпич из навоза. Удалось определить характер перекрытия. Большие помещения, подквадратные в плане, перекрывались так: на центральную прогонную балку клались жерди, опирающиеся на края стен. Сверху на них укладывался слой камыша, затем обмазывавшийся толстым слоем глины. Прогонная балка опиралась на столб, базой которому служили бревно, плаха, каменная плита либо жернов. Небольшие пролеты прямоугольных в плане помещений перекрывались кровлей, жерди которой опирались только на стены.

Происходит стандартизация размеров тандыров: в их устройстве обязательно есть устье для топки и дымоход. Ранее считалось, что широкое появление таких тандыров в Южном Казахстане относится к XI-XII вв. [Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69]. Однако, теперь установлено, что они возникли во второй половине XIII – XIV в. [Байпаков, 1986, с. 27-28].

Между дымоходами южно-казахстанских тандыров и классическими канами есть существенная разница. Каналы первых всегда делаются максимально короткими — до ближайшей стены или угла. Длина их в подавляющем большинстве не превышает 1-2 м. Первоочередная задача таких дымоходов — вывести наружу дым, тогда как классические каны представляют собой дымоходные каналы, проложенные по периметру помещения под суфами, большой длины. Их задача: как можно дольше задержать теплый дым и обогреть суфу.

Поиски ближайших аналогий канами Южного Казахстана приводят в Жетысу. Здесь при раскопках жилищ XI-XII вв. были выявлены тандыры с дымоходами, выведенными в толщу стены [Бернштам, 1950б, с. 98, 140-141; Кожемяко, 1967, с. 40; Байпаков, 1986, с. 145-146].

Видимо, тандыр с коротким дымоходом был занесен на Сырдарью населением семиреченских городов, которое переселилось на юг Казахстана и в Среднюю Азию в период междоусобных войн чингизидов под давлением появившихся здесь кочевых монгольских племен [Пищулина, 1977, с. 37-38, 40-41, 132].

О том, что именно Южный Казахстан (Туркестан) мог стать местом, куда в первую очередь перемещалось оседло-земледельческое и городское население Жетысу, свидетельствуют общность развития всего семиреченско-южно-казахстанского региона, их традиционная политическая консолидация, тесные экономические связи.

Монгольское нашествие задержало, но не прервало процесса этнической и политической консолидации племен Дашт-и-Кыпчака и районов Южного Казахстана. Здесь в XIV — первой половине XV в. формируется первое государственное объединение на местной этнической основе – Акорда. Приход сюда вместе с монголами новых племен, словно вносил свежую струю в культуру степи и города. Именно в это время в южно-казахстанских городах происходит окончательное сложение описанных типов жилища.

Аналоги городскому позднесредневековому жилищу Южного Казахстана можно найти в соседних регионах. Е. Е. Неразик отмечает близость группы сельских жилищ XII-XIV вв. в Западном и Северо-Западном Хорезме с жилищем сырдарьинского региона. Обнаруживается сходство в планировке, элементах интерьера [Неразик, 1982, с. 172]. В Ургенче открыты дома XV-XVI вв., обнаруживающие сходство с позднесредневековыми домами Отрара [Федоров-Давыдов, 1958, с. 505-528].

Тип позднесредневекового жилища, как удалось установить, почти без изменений сохранился вплоть до современности в городах и селах Южного Казахстана как раз в том регионе, где существовала средневековая городская культура. Достаточно характерен список населенных пунктов, где были зафиксированы такие жилища – Туркестан, Карнак, Икан, Сузак, Шымкент, Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт. Только два последних названия не упоминались в средние века, это относительно новые селения, но основание их связано с переселившимися сюда жителями Туркестана и Отрара [Наливкин, 1886, с. 22; Юдахин, 1927, с. 404; Жилина, 1982, с. 143-144].

Исследователь этого жилища А. Н. Жилина указывает на близость его отрарским XVI-XVIII вв., отмечает древние черты в планировке, характере перекрытия, системе отопления и объясняет, что жилище могло так сохраняться здесь в силу изолированности региона, нарушения культурно-экономических связей со Средней Азией. Она определяет жилище как узбекское [Жилина, 1982, с. 137-163].

Такая этническая атрибуция жилища не учитывает весь многовековой путь развития городского жилища, известный теперь по археологическим данным. Для средневекового города Южного Казахстана характерна этническая пестрота, наличие в нем древнего автохтонного пласта населения, трансформирующегося под влиянием вливающих в состав горожан различных тюркоязычных племен. Это находит отражение и в традиционной линии развития жилища, архетип которого известен уже в первой половине I тысячелетия н. э. В XIII-XIV и XVI-XVII вв. окончательно сформировался тот самый тип жилища, который доживает до XIX – начала XX в. Так же, как и городская культура Южного Казахстана этого времени, оно связывается с сартами [Байпаков, 1980, с. 18; 1985, с. 13, 22, 28, 33].

Вопрос об определении термина «сарт» достаточно сложный. У Махмуда Кашгарского он употреблялся в значении «купец». Известно

также, что сартом был для монголов джабгу карлуков Арслан-хан. В ряде других источников слова «сарт» и «мусульманин» употреблялись как синонимы, в позднее время сартами назывались горожане-земледельцы в противоположность кочевникам, а для кочевого казаха каждый оседлый житель был сартом независимо от того, на каком он говорил языке: тюркском или иранском. В официальном языке сарт, по-видимому, означал, как полагал В. В. Бартольд, тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой язык [Бартольд, 1964в, с. 528]. Отмечалось, что у сартов Сырдарьинской области наблюдалось преобладание тюрко-монгольских черт [Россия, 1913, с. 393].

Неправомочно также ставить знак этнического равенства между сартами и узбеками. На этот счет достаточно конкретное высказывание у В. В. Радлова, который писал, что «сартаминазывается и сейчас говорящее по-тюркски городское население Средней Азии в противоположность крестьянам-узбекам» [Бартольд, 1964в, с. 528]. В связи с этим следует отметить, что разница между традиционным жилищем узбеков Средней Азии и Южного Казахстана достаточно ощутима. Отмечены также черты влияния южно-казахстанского домостроительства в жилище Средней Азии, в частности, в системе отопления очагами типа «йеручак», принесенного сюда из Туркестана [Писарчик, 1982, с. 81]. Поэтому будет правильнее считать сохранившееся почти до наших дней традиционное жилище Южного Казахстана сугубо местным явлением. Видимо, сарты Южного Казахстана — это потомки той части кангюев, кангаров, канглы, которые жили в городах и под влиянием городского быта мусульманства забыли названия своих родовых подразделений и получили собирательное имя «сарты», известное в источниках уже с XII-XIII вв. [Бартольд, 1964в, с. 311].

Культуру сартов Южного Казахстана можно считать своеобразным осколком средневековой культуры Казахстана.

Общественные постройки: бани

Бани-хаммам в средневековых городах Казахстана XIII-XV вв. занимали важное место после мечети, они были одними из самых посещаемых мест. Бани с крестовидной планировкой и подпольной системой отопления, заглубленные в землю и перекрытые несколькими куполами, появились в Южном Казахстане в XI-XII вв. Две такие бани были исследованы в южной и северной части городища Отрартобе. Рядом с баней в южном пригороде была построена и существовала баня XIII-XV вв. [Байпаков, 2012а, с. 39-42].

В микрорельефе южной части пригорода отчетливо выделялись многочисленные бугры. В направлении одного из них шло ответвление подземного тоннеля с проложенными в нем водопроводными трубами. Забор водопровода находился напротив южного склона бугра, ложе которого прослеживается в топографии городища [Грошев, 1976, с. 37]. Здесь же располагались две ямы, из которых местные жители брали жженный кирпич. В связи с этим возникло предположение о наличии на данном месте монументального сооружения.

Раскоп IV, заложенный в 200 м западнее южного въезда, площадью 1000 кв. м, ориентированный по линии север-юг, подтвердил предположение.

Верхние слои сооружения на глубину до 1,5 м были нарушены мусульманскими захоронениями. Северо-восточная ориентировка, вытянутое положение погребенных, отсутствие вещей, сложенные из сырцового кирпича склепы-сагана, размер кирпича позволяют считать, что раскапываемый участок рабада начал использоваться под кладбище уже в XVI в.

Ближе к юго-восточному углу раскопа на глубине 0,7 м расчищены топочные камеры двух гончарных печей. В их заполнении собрано небольшое количество керамики. Среди поливной керамики преобладают чаши, покрытые желтой, светло-коричневой, темно-коричневой и зеленой глазурями. Неполивная керамика представлена узкогорлыми кувшинами, тагорами и горшками. Обнаружено также несколько фрагментов архитектурного декора: изразцы, покрытые голубой глазурью, резная терракота с голубой поливой. Найдено несколько медных монет плохой сохранности.

На глубине 1,5 м от дневной поверхности вскрыты остатки бани, состоявшей из нескольких помещений, топки, серии резервуаров для воды и системы подпольного отопления. К сожалению, баня почти вся разобрана. Ее начали разрушать, видимо, уже в XVI в., выбирая жженный кирпич, который широко использовался в жилых и хозяйственных постройках XVI-XVIII вв.

От бани сохранилась лишь система отопления, основания стен, фрагменты вымосток полов. Однако общая планировка ее (выявляется достаточно четко по уровню нижнего (второго) строительного горизонта).

Это монументальное сооружение, крестообразное в плане. Общий размер его по наружному обводу составляет 17 м с северо-востока на юго-запад и 15,5 м с северо-запада на юго-восток. Вход находился в юго-восточной стене со стороны водохранилища. На расстоянии 5 м от него в восточном направлении шла дорожка из прямоугольных жженных кирпичей размером 22 x 11 x 4 см. Уложены они таким образом, что образуют рисунок в виде плетения.

Справа от входа находился комплекс самой бани, слева – двор и 10 помещений (характеристика бани дается по плану второго строительного горизонта).

Помещение 1 площадью 13,1 кв. м служило раздевалкой: здесь оставляли нательную одежду и получали набедренную повязку — люнги. В Средней Азии такие помещения называли люнги-хана [Воронина, 1951, с. 119].

Центральный восьмигранный зал бани, как и везде в восточных банях, служил паровой и массажной. Обычно в центре его, в нишах у стен и беньюарах, устраивали суфы для массажа. В отрарской бане наличие суф можно лишь предполагать. Площадь зала около 22 кв. м.

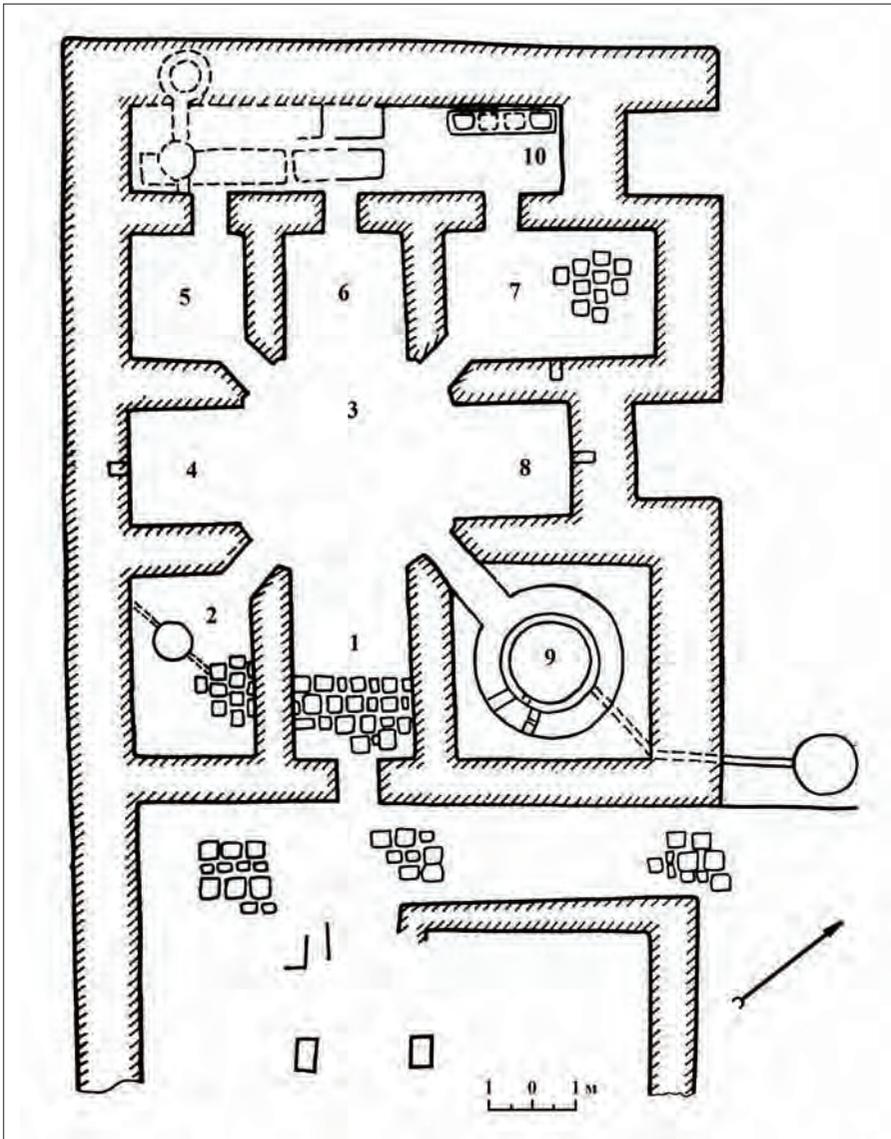

Рис. 55. План бани по уровню второй половины XIV—XV в.
(с элементами реконструкции)

Помещения 4 и 8, площадью по 7,2 кв. м каждое, служили беньюарами.

Из центрального зала открываются входы в помещения для мытья 5, 6 и 7. Температура в моечных была различной. Более жаркие назывались иссык-хана (горячие), менее жаркие — сау-хана (холодные). Градация температур в помещениях является особенностью восточных бань. Ибн Сина писал о банях: «Первая комната охлаждает и увлажняет, вторая согревает и увлажняет, третья согревает и высушивает» [Абу Али Ибн Сина, 1954, с. 196, 193]. Число, и размещение помещений для мытья варьируется: бывают одно

горячее и два прохладных помещения, или наоборот. Случается, что горячая комната находится в центре, а холодные по краям, или же две горячих рядом, а холодная с краю, но, как правило, моечных комнат три [Воронина, 1951, с. 320]. В отарской бане горячих помещений было два — 5 и 6 (площадь каждого 7,2 кв. м). Они располагались рядом: одно в западном углу, другое – в центре, тогда как прохладное находилось в восточном углу.

В пользу такого утверждения свидетельствует их расположение относительно топки — наиболее «горячего места» в системе отопления бани. Помещения 5 и 6 находились над той частью отопительной системы, куда жар поступал сразу же из топки, а затем уже под полы других помещений.

В моечном помещении 7 площадью 15 кв. м участок пола в северном углу выложен глазурованными кирпичами размером 26 x 26 x 5 и 26 x 14 x 5 см. На голубом фоне вымостки по диагонали сделан свастикообразный белый узор. Площадь вымостки 1,2 кв. м.

Помещения для мытья посредством проемов сообщались с помещением 10, где находились котел для горячей воды, две цистерны для холодной воды и четыре небольших резервуара. Помещение имело площадь около 20 кв. м.

Топка была вынесена за пределы помещения и находилась сразу же за стеной у восточного угла. Она представляет собой коническую яму глубиной 1,17 м, диаметром сверху 0,8 м, внизу – 1,3 м. Устье размером 0,7 x 0,7 м расположено на уровне основания. Сверху топка, видимо, закрывалась глиняной крышкой.

От топки идет жаропровод. Вначале он обогревал железный котел, от которого сохранились куски боковин и гнездо диаметром 0,85 м, сложенное из жженных кирпичей. Котел был вмазан в основание цистерны, которая не сохранилась. Рядом с цистерной для горячей воды находились две цистерны для холодной воды. Они расположены по центру помещения и представляют собой разделенный стеной резервуар размером 2,7 x 2 м по внешнему обводу.

Стены цистерны и перегородка сложены из жженого кирпича (28 x 28 x 5 см), поставленного на ребро. Кладка скреплена и обмазана водонепроницаемым раствором – кыром. Толщина стены в четыре кирпича, сохранившаяся высота - 0,3 м. Если предположить, что высота стен цистерны была 0,9 м (при бóльшей высоте было бы неудобно набирать воду из цистерны), то общий объем холодной воды в бане составлял более 6 кубометров.

Четыре резервуара для воды находились у стены в северном углу. Собственно, это был один резервуар, разделенный на отсеки длиной 0,5 м, шириной 0,4 м и высотой до 0,3 м каждый. Стенки резервуара сложены из жженого кирпича размером 28 x 28 x 5 см и обмазаны со всех сторон кыром. Определить назначение резервуаров позволяет их явное сходство с резервуарами афрасиабской бани IX в. и нисийской бани XII в. [Шишкина, 1973, с. 133; Пугаченкова, 1949б, с. 243-244].

Аналогичные резервуары отмечены и в средневековых банях Херсонеса [Якобсон, 1946, с. 264, 296]. Г. А. Пугаченкова предполагает, что подобные резервуары содержали щелок и ароматические настои. Это вполне вероятно, если учесть, что Ибн Сина, описывая воздействие бани на организм, называет несколько употребляемых при купании растворов. Некоторые из них получали путем кипячения растений, золы, серы. Применяли также железистые, соляные, кварцевые и купоросные растворы, отвары из шпорника, ягод, лавра.

Помещение 9 площадью 20 кв. м, видимо, служило для санитарных процедур. Здесь же мыли ноги, перед тем как одеться. В центре его круглая площадка, которая делилась на две или более кабинок. Диаметр площадки 1,8 м. Основания ее и основания стенок обмазаны кыром. Вокруг на расстоянии 0,5 м идет суфа шириной 0,25-1 м и высотой 0,4 м. Таким образом, между суфой и кабинками имелся узкий проход, в котором устроен резервуар. Он наполнялся водой через отверстие в стене и освобождался от воды при помощи желоба, направленного в сточную яму за пределами помещения. Пол в помещении был выложен жжеными кирпичами (25 x 25 x 5 см, 32 x 15 x 5 см, 40 x 40 x 5 см), скрепленными кыром.

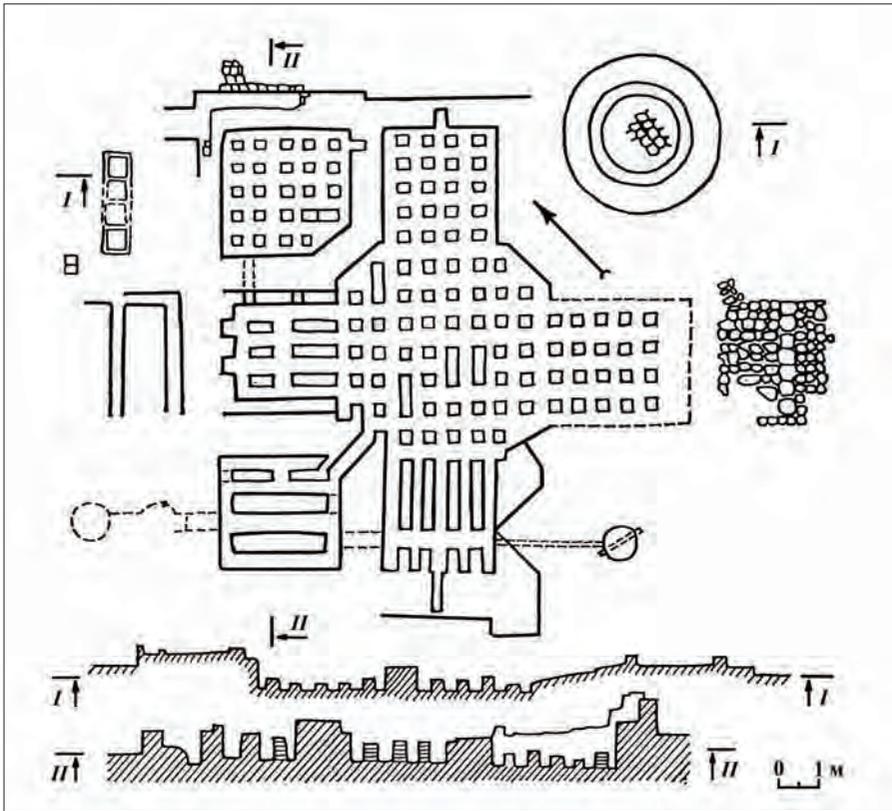

Рис. 56. План отопительной системы бани

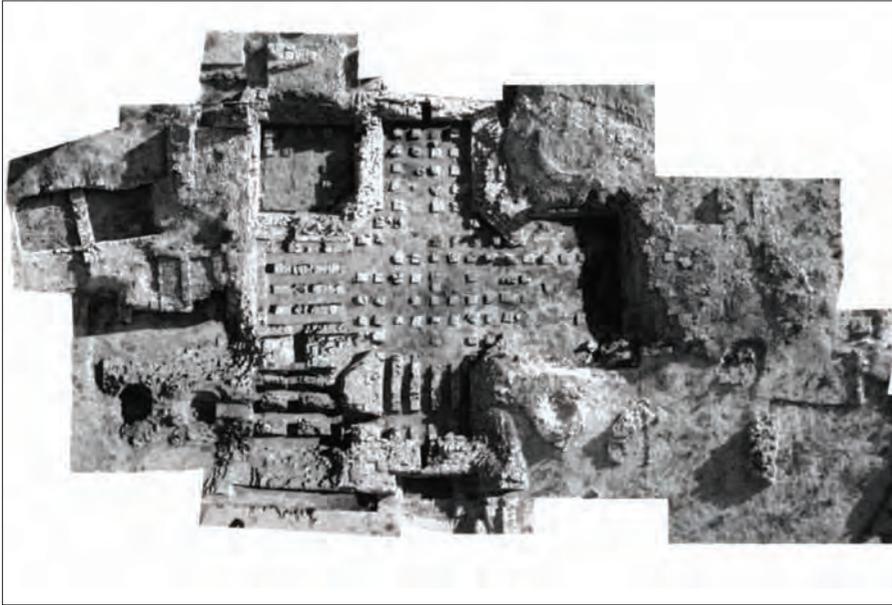

Рис. 57. Баня Отрара. Подпольная система обогрева

В восточных банях, как правило, предусматривалось место для совершения намаза. Иногда для этой цели использовалась одна из лоджий центрального зала, ориентированная на юго-запад. В ней обычно устраивался михраб [Воронина, 1951, с. 120]. В отрарской бане роль молитвенного зала выполняло, скорее всего, помещение 2, сообщавшееся с центральным залом площадью 10,8 кв. м. Пол его выложен голубыми изразцами различного формата на кыре. Изразцовая вымостка сохранилась лишь в северной части комнаты. В центре находился круг диаметром 0,8 м, заглубленный на 5-6 см. Края его выложены голубыми изразцами. К отверстию в середине круга подведена керамическая труба диаметром 10 см, которая сообщалась с подпольной системой отопления. Следовательно, комната для намаза обогревалась сухим горячим воздухом.

Система отопления, водоснабжения и канализации в отрарской бане такова: вода в баню поступала по водопроводу из гончарных труб, проложенному в подземном туннеле. Остатки нескольких водопроводных линий зафиксированы в самом туннеле, и в месте водозабора на дне водохранилища. Водопровод действовал в X-XV вв. В цистерны вода, видимо, подавалась ответвлениями от водопровода. Нагревалась вода с помощью котла, вмazanного в днище цистерны. Котел, заполненный водой, являлся основным «греющим элементом». Вода не растекалась в комнаты по системе труб, ее подавали через специальные проемы в стене, которая отделяет моечные от помещений с цистернами.

Сточная вода по желобкам стекала в каналы в стенах и далее в поглощающие колодцы. Один из таких желобов был открыт в стене

помещения 9. Он обложен жженым кирпичом и соединен с желобом, по которому стекала вода в поглощающий колодец диаметром 1 м.

Под полом бани была проложена система жаропроводящих каналов. От топки один канал проходил под полом и через отверстие диаметром 20 см подводил жар к системе жаропроводов помещения 5. Здесь жар системой каналов направлялся по трем магистральным направлениям, которые разделялись под прямым углом в центре подполья. Одно шло к помещениям 4 и 2, другое – к помещениям 6 и 7.

Первый канал имеет ширину 0,5 м, второй – 0,4 м. Каналы, прямоугольные в сечении, формировались из жженого кирпича. Магистральные каналы имели двускатное перекрытие из двух положенных с наклоном кирпичей. Сохранился отрезок такого канала длиной 0,5 м.

Жаропровод соединял помещение 5 с центральным залом. Сюда же поступал основной жар из подполья помещения 4, причем система направляющих барьеров устроена так, что жар отсюда направлялся в центр по шести каналам. В подполье помещения 4 стояли 8 барьеров, по два в четыре порядка. Кирпичные барьеры, расположенные у внешнего края, имели длину 0,5 и 1,7 м.

Из подполья помещения 4 жар поступал в помещение 2 по дымогарным трубам, одна из которых подходила к центру помещения. В подполье помещения 6 жар поступал из канала, идущего из подполья помещения 5. Шесть барьеров, поставленных по три в два порядка, создавали систему из семи каналов. Короткие барьеры имели длину 0,5 м, длинные — 1,3 м.

Помещение 7 обогревалось жаром, который шел по магистральному каналу через подполье помещения 6. Жар здесь свободно циркулировал между столбиками. Всего столбиков 24, каждый из них образован стопкой кирпичей, в основе которой находился один кирпич.

Температура в бане регулировалась путем открытия или закрытия вертикальных дымоходов, проделанных в толще наружных стен. В отарской бане обнаружено три дымохода в серединах северо-западной и юго-восточной стен.

Архитектурный облик отарской бани может быть восстановлен лишь при сопоставлении плана и остатков ее конструкций с другими средневековыми восточными банями.

Снаружи, скорее всего, находилась группа из 9 куполов, среди которых возвышался купол центрального зала. Видимо, они перекрывали все помещения, кроме одного, где находились резервуары для воды. Причем центральные помещения и серединный зал перекрывались, по всей вероятности, кольцевыми куполами, а угловые – куполами типа «балхи».

Полы были выложены из плит жженого кирпича размером 40 x 40 x 10 см. В центральном зале они, видимо были глазурованными. Судя по остаткам вымосток, кирпичами с голубой и бело-голубой глазурами были покрыты полы в помещениях 2 и 7.

Вдоль стен помещений устраивались суфы, аналогичные суфе в помещении 9.

В существовании бани отчетливо выделяются два строительных периода. Вначале она имела размер 13,5 x 16,5 м, а все помещения, кроме центрального, были одинаковыми по площади – по 7,2 кв. м.

Второй период характеризуется некоторыми перестройками. Внешняя юго-восточная стена бани была отодвинута на 2 м, а юго-западная – на 1,5 м. Соответственно увеличились площади помещений 1, 2, 7 и 9 – до 13; 10,8; 15 и 20 кв. м. Пол в помещении 2 выкладывают глазурованным кирпичом поверх обычной кирпичной вымостки из квадратных плит размером 40 x 40 x 10 см.

Подполье помещения 7 было изолировано от отопительной системы, магистральный жаропроводящий канал, по которому шло тепло, наглухо заложен жжеными кирпичами. Соответственно, видимо, изменилось и назначение комнат для мытья. Если первоначально помещения 5 и 6 служили горячими моечными, а 7 – «холодной», то теперь помещение 5 осталось горячей моечной, а 6 стало «холодной». Расширенная комната 7, вероятно, стала местом отдыха. Пол ее выкладывают полихромными поливными плитами, образующими геометрический узор.

Керамический материал бани сильно перемешан и не может быть подразделен на хронологические комплексы, связанные с двумя строительными горизонтами. Неполивная керамика представлена обломками хумов, тагора, кувшинов, кружек. Керамика станковой работы отличается стандартными типами посуды и орнаментации.

Поливная керамика представлена чашами типа кесе, блюдами, чирагами. Есть посуда, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба и росписями красного и черного цветов. Для большой группы керамики характерны красная, желтая и зеленая поливы. Керамика с желтой поливой поверх светлого ангоба расписана зеленым и коричневым, темно-коричневым и коричневым. Мотивы орнамента геометрические, построения его меридиональные и лучевые от центра чаши.

Распространена керамика, покрытая темно-зеленой поливой и подглазурной росписью. Снаружи до середины тулова чаши расписаны коричневыми аркадами. Встречена посуда, у которой одна сторона покрыта зеленой, а другая – желтой поливой.

Большая группа керамики покрыта прозрачной поливой поверх темно-красного и коричневого ангоба. Орнамент растительный, геометрический или сочетающий те и другие элементы. Такая керамика характерна для XIII-XIV вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 104-110].

Другая группа характеризуется голубой или синей поливой, росписью черной краской. Росписи растительного или геометрического плана. Такая керамика была распространена в Отраре в XIV-XV вв.

Привлекает внимание блюдо, покрытое с обеих сторон темно-синей поливой и подглазурной росписью. Оно имеет пологие стенки

и отогнутую под прямым углом закраину, кольцевой поддон. Диаметр блюда 27 см. На внутренней стороне имеется орнамент, выполненный темно-фиолетовой краской. В центре изображена восьмилепестковая розетка, от которой отходят восемь радиальных линий. Каждый из восьми секторов заполнен мелкими растительными побегами и крупными цветами, обрамленными заштрихованными треугольниками и полосами. Вся композиция замкнута в круг, образованный двойной линией. Затем идут две полосы, на одной из которых сделана надпись, а другая, крайняя, содержит орнамент из стилизованных арабских букв в резерве.

Надпись выполнена почерком талик ранней разновидности. Отмечено влияние почерка сульс, широко распространенного во второй половине XIV – начале XV в. – время, к которому по ряду почерковых признаков можно отнести изготовление блюда. Текст переводится так:

[По желанию] твоему да исполнятся все твои дела

Да будет бог хранителем твоего престола

Вечер наступил. Ты мой возлюбленный в мире.

Ввиду того, что утрачено более половины блюда, трудно сказать, какой из бейтов (двустихий) был первым. По стилю стихи представляют собой фольклорную благожелательную надпись (I бейт) и любовную лирику (II бейт), возможно, в суфийском плане, отождествляющем возлюбленного с богом. Язык очень живой, разговорный, но утрированно

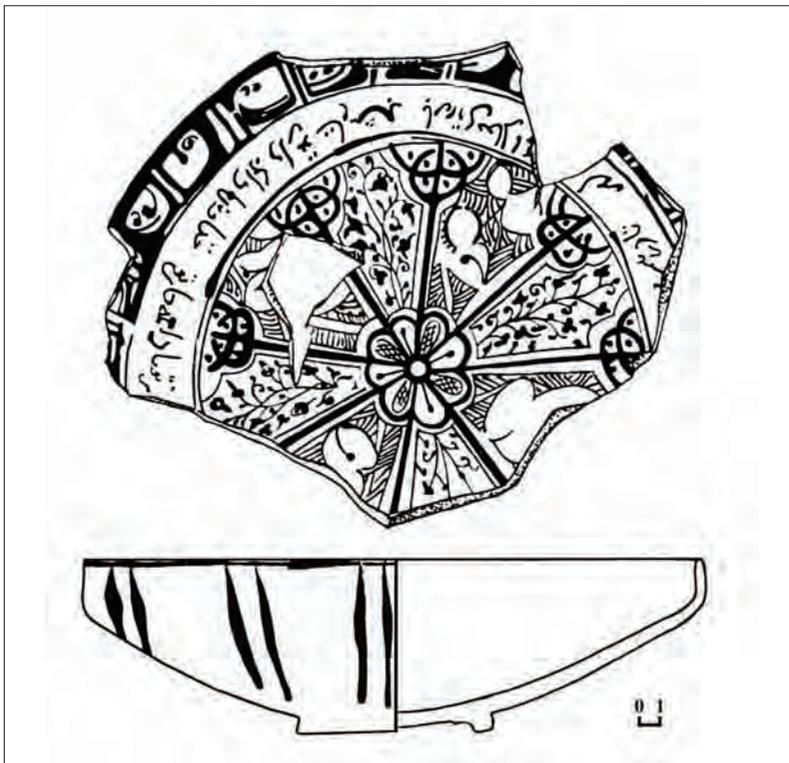

Рис. 58. Блюдо с надписью

архаизированный, что характерно для фольклора. Обращает на себя внимание малое количество арабских заимствований, что, возможно, говорит о более древнем происхождении стихов (чтение, перевод и датировка надписи принадлежат В. Шуховцову).

При раскопках бани найдены 22 медные монеты, все плохой сохранности. Две монеты определить не удалось, остальные распределяются так: к XIII-XIV вв. относятся 13 монет, две из них, возможно, принадлежат чекану Сыгнака XIV в., остальные чеканены в Отраре во второй половине XIII – XIV в., в Бухаре, Алмалыке в XIII-XIV вв. Чекан двух монет может быть отнесен к XIV-XV вв., чекан четырех – к XVI-XVIII-вв. Одна монета, предположительно, датирована XII в.

Таким образом, керамический и нумизматический материал позволяет отнести время постройки и функционирования бани ко второй половине XIII – XV вв. Видимо, в начале XV в. баня была разрушена, на ее месте появляются постройки и гончарные печи. В XVI-XVIII вв. этот участок горизонта был занят кладбищем.

ГЛАВА III

ЗАСТРОЙКА ГОРОДОВ ЖЕТЫСУ И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Юго-Западное Жетысу

Застройка городищ. В Таласской долине в городах, в которых активно жили в XIII-XV вв., широкие раскопки проводились на городище Тараз. Однако на городище древнего Тараза участки со слоями XIII-XV вв. не обнаружены и, скорее всего, они находились за его пределами на территории, которая сейчас застроена современным городом. Об этом свидетельствуют находки керамики из случайно обнаруженного погребения. В склепе, сооруженном из жженого кирпича, была захоронена женщина по обряду трупосожжения. Обожженные кости лежали в сундучке со съемной крышкой размером 24x24x32 см. Он стоял на столике. Захоронение сопровождалось двумя тарелками с рельефным орнаментом на внутренней поверхности, пиалой с вертикальными стенками, кувшином. Кувшин украшен пояском с рельефной арабской надписью почерком насх, которая читается как «здравие и счастье, величие и долголетие». Столик с сундучком и керамика выполнена из кашина и покрыта слоем бирюзовой поливы с серебристым налетом. В захоронении также находилась керамическая чаша, покрытая белой поливой с росписью коричневым. Керамика датируется XIII-XIV вв. [Сенигова, 1972, с. 188-204; Ерзакович, 1972, с. 101, рис. 1]. Это положение подтверждают клады монет и отдельные монеты, составляющие богатый нумизматический комплекс [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 85-86, 111-132, 150-152, 220-227], памятники архитектуры [Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011, с. 511]. К сожалению, не опубликованы материалы раскопок Садыр-Кургана и других городов верховьев Таласа (территория верхнего течения Таласа – Кыргызская Республика).

Городище Аспара. Первая характеристика городища была дана Семиреченской археологической экспедицией, возглавляемой А. Н. Бернштамом еще в 1938-1941 гг. Расположено городище к западу от с. Чалдывар, на берегах заболоченного русла р. Аспара.

Центральные развалины с мощными укреплениями, стоящие на правом берегу реки, делятся валами на три части и различаются уровнем культурных наслоений. Наиболее возвышенная часть,

укрепленная высокими стенами, в плане представляет неправильный четырехугольник. Западной стороной она примыкает к обрыву старого русла и имеет размеры сторон: северной – 186 м, восточной – 170 м, южной – 100 м, западной – 150 м.

В северо-западном углу расположено подпрямоугольное возвышение, ограниченное валами, высота которых меньше внешних валов. Оно является крупной постройкой позднего времени. Убедительными доказательствами поздней перестройки этой части поселения, которая и могла уничтожить бугор цитадели, являются рвы (с внутренней стороны вдоль южного и западного валов) и рядям (вдоль северного и восточного валов). Догадку о перестройке или возобновлении здесь укрепления подтверждает также ров, проходящий с внешней стороны восточного вала. Следы перестройки явственно видны только здесь. Возможно, что в тимуридское время была восстановлена только эта часть развалин средневекового поселения [Бернштам, 1950б, с. 24]. Въезд в нее был только через южную стену.

К наиболее возвышенной части центральных развалин с востока примыкает вторая, на много бо́льшая по площади. С севера ее стена частично охватывает первую часть, а на юге соединяется с южной пристройкой. Размеры стен: северной – 245 м, восточной – 300 м, южной – 196 м.

С внешней стороны по всему периметру стен идут рвы: глубиной до 2 м, шириной по верху 10 м, по дну – 3 м.

В эту часть поселения вели три въезда: один в юго-восточном углу по пандусу, идущему вдоль южной стены (через ров сохранилась дамба); второй, хорошо защищенный въезд, был у северо-западного угла (пандус этого въезда виден, а дамба через ров размыта); третий и, по всей вероятности, основной, находился в восточной стене. Он был хорошо укреплен далеко выступающим предвратным сооружением (пандус и дамба через внешний ров хорошо просматриваются).

Южная пристройка размерами 74 x 160 м, видимо, была сделана позднее. Это подтверждается и расположением, и небольшим культурным слоем. Она значительно врезается в пойму рукава речки, проходившей до постройки у самой стены шахристана. Стены ее ниже. Въезд различается по пандусу и проему в стене у юго-западного угла. От этих ворот шла дамба на западный берег речки, связывавшая западную часть поселения с шахристаном.

Вокруг центральной части рассредоточены остатки построек, раскинувшиеся по обоим берегам русла Аспары. Границы их распространения строго определяются остатками стен в виде оплывших валов, которые во многих местах разрушены, но, в общем, прослеживаются достаточно хорошо на всем протяжении и смыкаются полностью, образуя неправильный многогранник, состоящий из небольших отрезков в среднем 40-80 м длиной. Общая длина внешних стен поселения равнялась более 3000 м. В некоторых частях вала

хорошо видны бугры башен. Высота вала доходит до 1,2 м, ширина в основании – 10-12 м.

Почти вся территория, окруженная валом, занята современными постройками и огородами, выровнена отдельными террасами для удобства орошения. Территория была ранее застроена. Признаками являются, во-первых, останцы холмов – развалины построек, сохранившиеся во многих местах, и, во-вторых, встречающиеся всюду фрагменты керамики и другие находки.

Наиболее возвышенная часть центральных развалин, возможно, возникла в тимуридское время, поэтому здесь ранние культурные слои перекрыты более поздними. Находка части боковины чаши с голубой поливой и темно-коричневой росписью и другие фрагменты керамики подтверждают предположение обжитости этой части поселения в тимуридское время в XIV-XV вв.

Перестроен был и южный сектор шахристана. Об этом свидетельствует находящийся здесь въезд в основную часть и наличие общего рва с восточной стороны. В собранном на поверхности подъемном материале имеются фрагменты сосудов с красным ангобом и лощением. Отдельные из них относятся к VIII-IX вв., а находка частей поливных сосудов с росписью дает возможность предполагать существование жизни здесь в X-XII вв. В восточной части шахристана найдены фрагменты сосудов, сделанных на гончарном круге и от руки, относящихся к VIII-IX вв. Эта часть, по-видимому, не претерпела перестройки в тимуридское время.

За пределами шахристана подъемный материал был собран отдельно к востоку и к западу от речки.

Весь подъемный материал, найденный к западу от речки, свидетельствует о том, что эта часть поселения обживалась в VIII – начале XIII вв.

Современные развалины стоят на р. Ашпара, сохранившей свое древнее название.

Среди первых исследователей городища был В. В. Бартольд, проехавший через Южный Казахстан и Семиречье в 1893-1894 гг. Он отметил, что городище Аспара-Ашпара сохранило свое название и соответствует городу Чуйской долины Аспара (Асбара). Он также привел и китайское название Осуболай [Бартольд, 1966а]. Он же проанализировал письменные источники, где сообщается о постройке здесь крепости Тимуром [Бартольд, 1964г, с. 70-71]

Археолог П. Н. Кожемяко вслед за А. Н. Бернштамом отмечает, что Аспара – одно из нескольких городищ Чуйской долины, которое продолжало существовать в монголо-тимуридское время [Бернштам, 1950б, с. 148; Кожемяко, 1959, с. 84-88].

Исследование памятника было проведено в 1964 г. археологическим отрядом, возглавляемым Л. Б. Ерзаковичем [Ерзакович, 1968, с. 85-96].

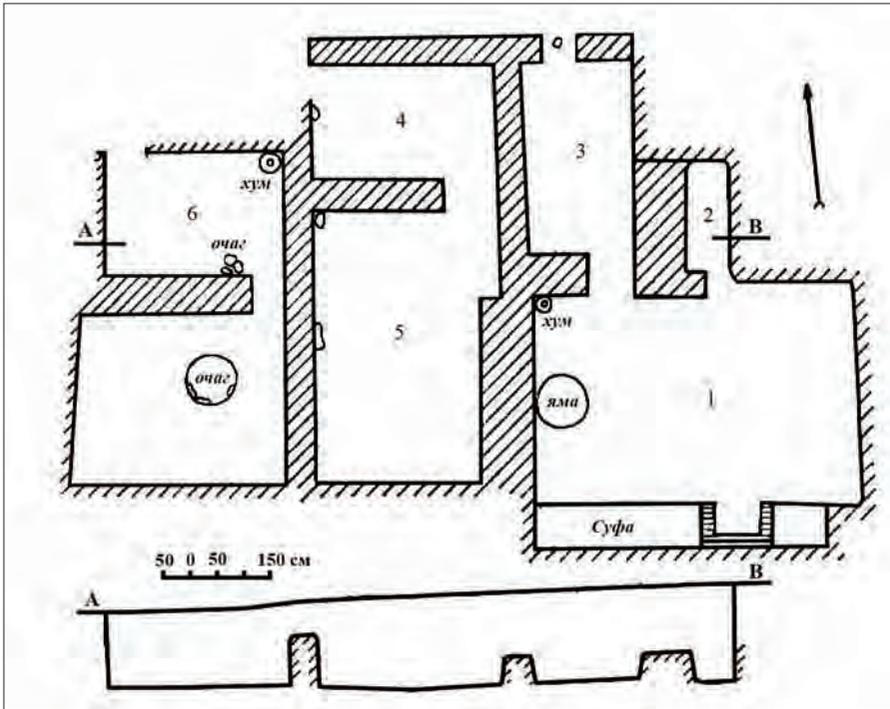

Рис. 59. План и разрез помещений нижнего строительного периода

Раскоп площадью 170 кв. м был заложен на цитадели, в 10 м от восточного вала крепости с таким расчетом, чтобы исследовать крепостной вал и линию всхолмлений шириной 15-20 м, тянувшихся вдоль вала. Работы приостановлены на слоях караханидского времени (глубина раскопа до 2 м), при этом зафиксированы два строительных горизонта XIII-XVI вв.

К нижнему строительному периоду относится семь помещений жилого и хозяйственного назначения. Сохранившиеся стены помещений имеют высоту 50-80 см, сложены они из сырцового кирпича размерами: 47-48 x 19-20 x 9-10 см и 23-24 x 19-20 x 9-10 см. В припольном слое обнаружены куски обгоревших балок (диаметром 8-10 см) и камыша, что позволяет предположить наличие в помещениях плоских перекрытий. Припольный слой всех помещений составляют зольно-гумусные прослойки с остатками соломы и зерен.

В помещении 1 к южной стене пристроена выложенная кладкой в один кирпич ниша, с восточной и западной стороны которой расположены глинобитные суфы высотой 15 см. У западной стены помещения была мусорная яма, а в северо-западном углу обнаружены остатки хума, врытого вровень с полом.

С северной стороны помещение 1 имеет два выхода в смежные помещения – 2 и 3.

Помещение 2 (2,7 x 1,6 м) имело, очевидно, хозяйственное назначение, так как на полу обнаружено рассыпанное зерно.

В проходах помещений 3 и 4 положены каменные плиты, которые использовались в качестве порогов.

Помещение 5 — самое большое из раскопанных (3,1 x 5,1 м). У западной стены его находились два плоских валуна, имевших какое-то хозяйственное назначение.

Помещения 6 и 7 вскрыты частично. У прохода в помещение 6 можно отметить три каменные плиты, служившие основанием небольшого очага. Очаг, ооконтуренный камнями, имеется и в помещении 7.

Восточная стена помещения 5 построена, по-видимому, позднее — она стоит на культурном слое пола и возведена из серых кирпичей, но в кладке также использованы желтые кирпичи из первоначальной стены.

Помещения нижнего строительного периода погибли в огне пожара во время осады крепости. Об этом свидетельствуют остатки обгоревших перекрытий, обожженные стены, наконечник стрелы, вонзившийся в пол в помещении 1, большое количество человеческих костей, в том числе череп.

Между верхним и нижним строительными периодами нет следов длительного запустения. Помещения нижнего строительного периода были тщательно забутованы глиной, перемешанной с обломками сырцовых кирпичей разрушенных помещений и камнями различной величины. Полученная таким образом утрамбованная площадка

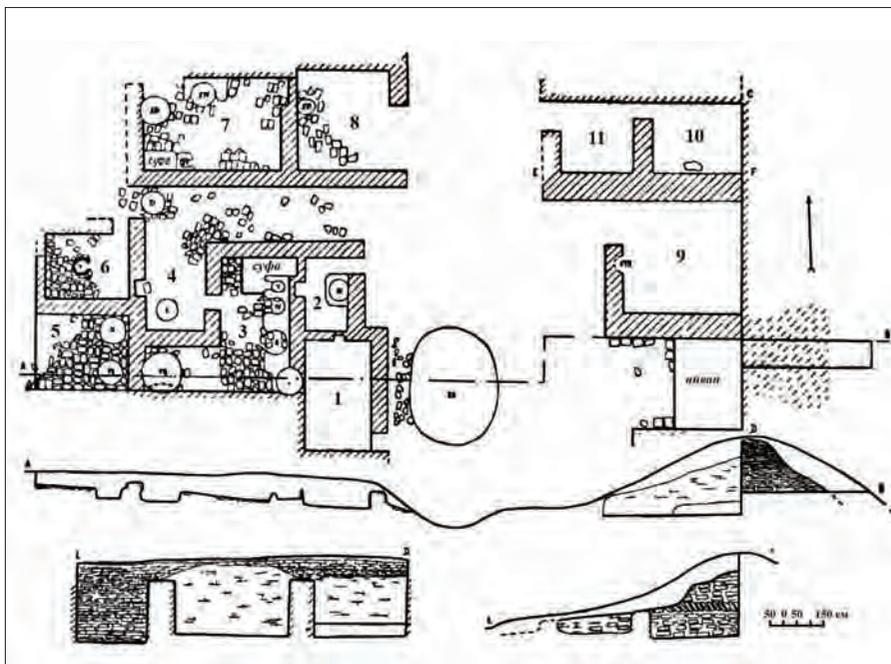

Рис. 60. План и разрезы помещений верхнего строительного периода:
1, 2, 3, 14 — закрома, 16 — яма для зерна; 4, 5, 6, 15 — печи, 8, 17 — очаги;
7, 9, 10, 11, 13 — мусорные ямы; 12 — хауз

была залита слоем глины толщиной 5-6 см, и уже на этой основе возводились постройки верхнего строительного периода, из которых раскопано шесть помещений жилого и хозяйственного назначения – с закромами и хозяйственными ямами, печами и очагами. Стены сохранились в высоту на 60-70 см, они сложены из серого сырцового кирпича (36 x 22-24 x 6-7 см или 32 x 27 x 9 см), содержащего примеси песка и скрепленного раствором с примесью кварца. Полы во всех помещениях глинобитные, сверху выложенные сырцовыми кирпичами (27 x 27 x 5-6 см). В припольном слое, содержащем прослойки перегнившей соломы, зерен и золы, найдено несколько обломков деревянных балок и остатки камыша, позволяющие предположить наличие плоских перекрытий в помещениях.

Ближайшим к крепостному валу является *помещение 1* (4,1 x 2,5 м). В северной стене его находилась ниша, а в северо-западному углу — яма для хума. Проход в помещение, сделанный ступенькой, возвышается над полом на 15 см. Он связывает помещение с двориком, расположенным вдоль крепостного вала. В соседнем *помещении 2* в западной стене имеется ниша, у восточной — загром в виде округлой ямы с глинобитными стенами.

Помещение 3 «Г»-образное в плане, размеры основной части составляют 5 x 2,50 м. У северной стены находится глинобитная суфа, ооконтуренная обломками сырцовых кирпичей, у восточной — две хозяйственные ямы, сделанные в виде закровов, и две глинобитные печи хозяйственного назначения (диаметры топков 42 и 60 см, высота печей 50 см). В западной части помещения, ниже уровня пола на 30 см, есть округлое углубление, в южном секторе которого расположен очаг, ооконтуренный небольшими камнями и обломками жженных кирпичей.

В *помещении 4*, открытом на север, в западной стене – ниша с каменной плитой у основания и две хозяйственные ямы. В припольном слое помещения была найдена лопатка коровы с двухсторонними текстами на тюркском языке.

В *помещении 5* расчищены две хозяйственные ямы. В *помещении 6* имеется печь, сложенная из обожженных кирпичей квадратной формы. Кирпичи уложены попарно на ребро и в два ряда, причем нижний ряд наполовину врыт в пол. С внешней стороны печь обложена обломками сырцовых кирпичей и обмазана глиной.

Необходимо отметить, что хозяйственные ямы вырублены в сырцовой выкладке пола и иногда нарушают кладку стен помещения, что говорит о более позднем происхождении хозяйственных ям.

В 1,5 м от восточной стены помещения 1 обнаружен хауз. Площадка перед ним залита глиняным раствором, на который положены обломки жженого кирпича. Хауз находится на территории небольшого дворика шириной до 6 м, отделяющего постройки внутри цитадели от сооружений у крепостной стены. Сооружения были найдены при разрезе крепостной стены. Это, по-видимому, часть помещения, южная стена которого, длиной 3,75 м, пристроена к крепостной стене и сохранилась в высоту до 2,2 м. На расстоянии трех метров от стены

помещения обнаружена такая же стена, очевидно, другого помещения. Между стенами двух помещений сооружен айван, открытый на запад. Он глинобитный и выше уровня пола соседнего помещения на 45 см. В помещении и в айване найдены остатки зерен, сгнившей соломы, камыша и деревянных балок перекрытий.

Разрез крепостной стены показал, что она сложена из серого цвета очень плотных сырцовых кирпичей с большой примесью кварца (размеры кирпичей; 40-42 x 25-26 x 8 см и 26 x 26 x 6-7 см). Уложены они плашмя в перевязку. Высота сохранившейся части городской стены от верхней ее точки до пола помещения с внутренней стороны городской стены около трех метров.

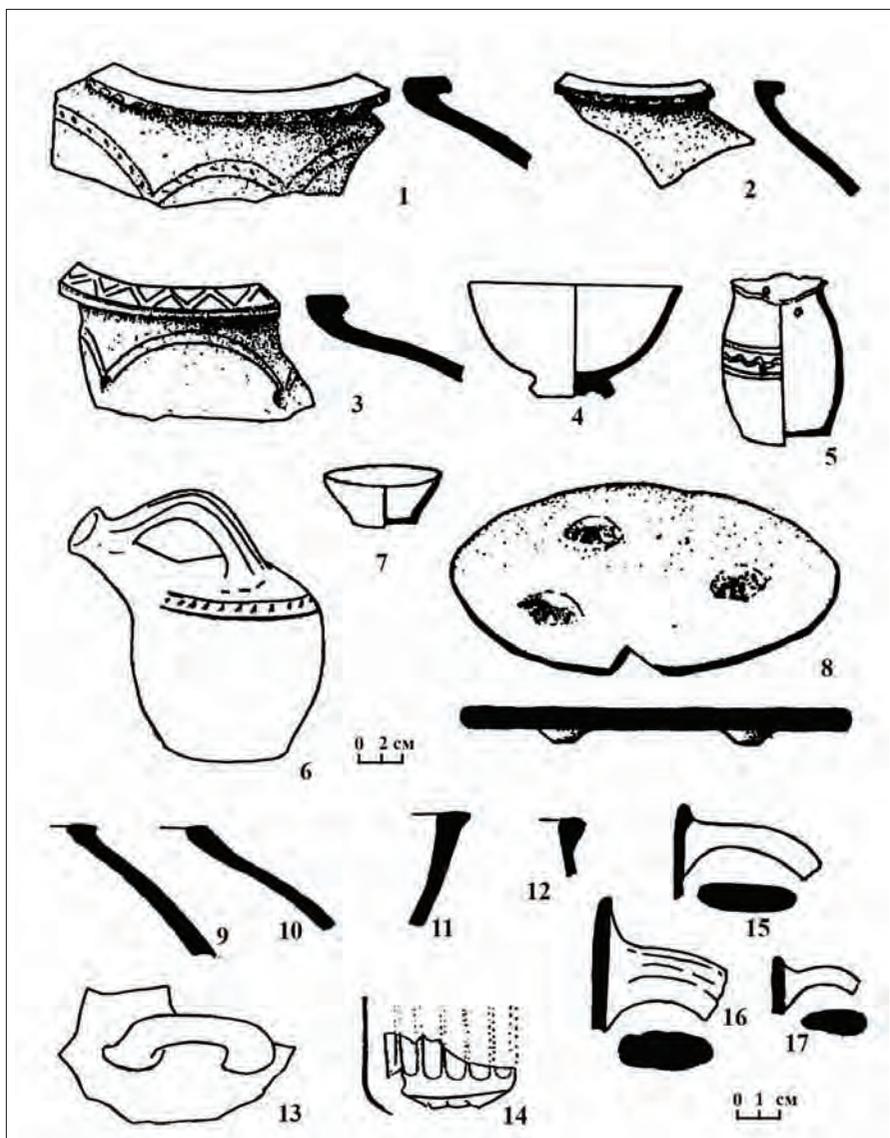

Рис. 61. Керамика нижнего строительного периода

В отличие от помещений нижнего строительного периода, перекрытия которых рухнули от пожара, перекрытия и камышовая крыша помещений верхнего строительного периода обвалились в результате гниения.

В одном из помещений нижнего строительного периода был заложен шурф (6 кв. м). Он доведен до уровня пола следующего строительного периода (глубина шурфа 75 см). На уровне пола найдены фрагменты преимущественно неполивной керамики, сделанной на круге, и единичные фрагменты лепной посуды. Вся керамика красного

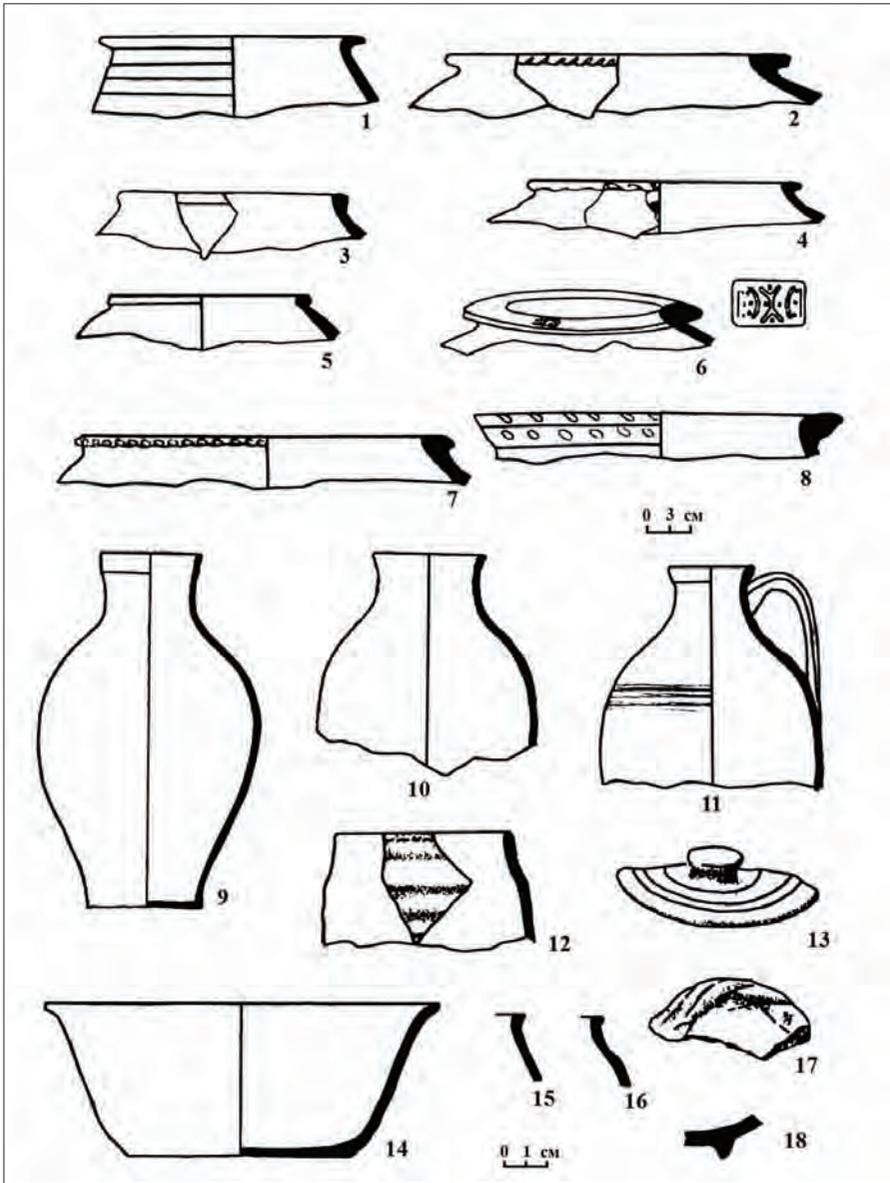

Рис. 62. Керамика верхнего строительного периода

обжига, с примесью кварца в тесте. Хумы без шейки, по внешнему краю венчика проходит наlepной валик с защипами. Многочисленны фрагменты котлов. Археологически целые сосуды представлены небольшой конусовидной кружкой с петлеобразной ручкой и чашей со сферическим туловом без поддона. Имеются также мелкие обломки поливной посуды с темно-коричневым эпиграфическим орнаментом по белой подгрунтовке, залитой прозрачной глазурью. Керамика из шурфа находит ближайшие аналогии в материалах караханидского времени с городищ Таласской и Чуйской долин.

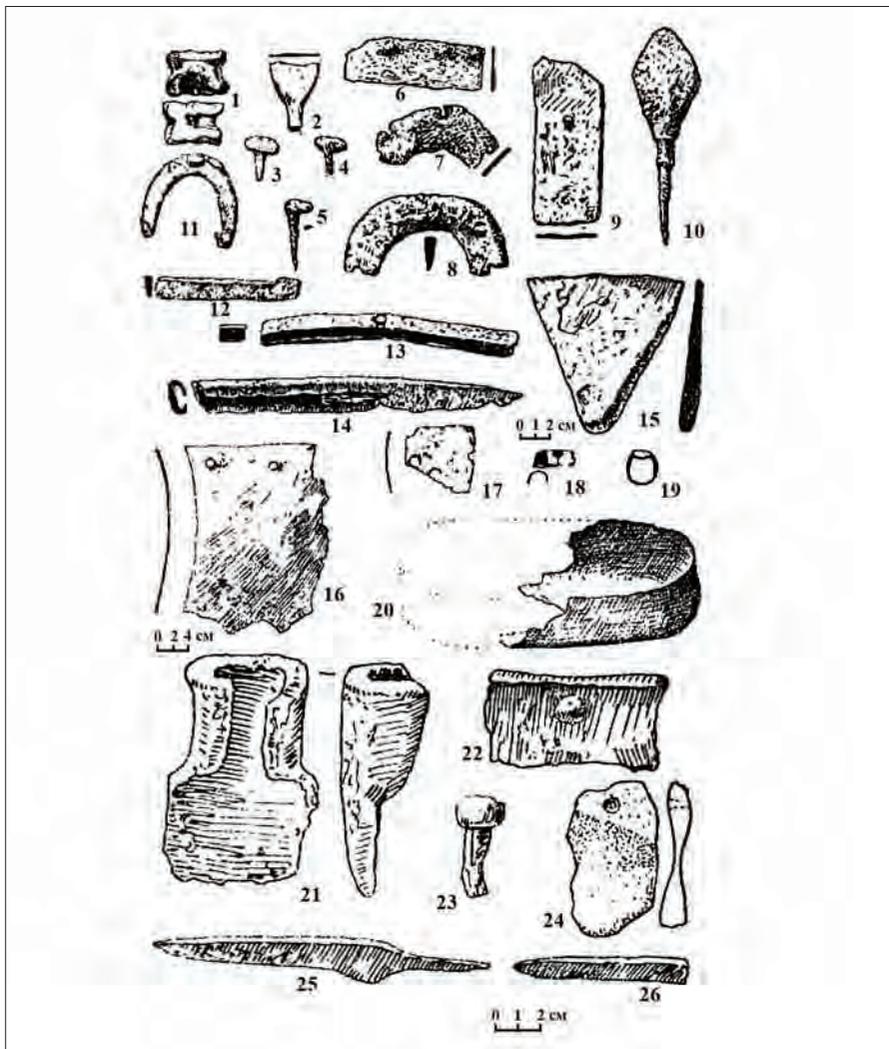

Рис. 63. Изделия из металла, кости и камня нижнего и верхнего строительного периодов. 1 — астрагал, 2 — костяной наконечник стрелы.

Изделия из железа: 3, 4, 5 — гвозди; 6, 7, 8, 9 — накладки;

10 — наконечник стрелы; 11 — подкова; 12, 14 — ножи; 13 — поделка; 15 — сошник. Изделия из бронзы: 16 — пластина-нагрудник; 17 — пряжка; 18 — накладка; 19 — перстень; 20 — чаша; 21 — тесло; 22 — поделка из железа; 23 — гвоздь; 24 — каменное точило; 25, 26 — железные ножи.

Вся керамика нижнего строительного периода ремесленного производства, тесто с большой примесью кварца, красноватого обжига. Венчики хумов широкие, отогнутые наружу под прямым углом, с пальцевыми вдавлениями по краю, тулово украшено арочным прочерченным орнаментом. Самый многочисленный керамический материал – обломки больших котлов, закраины которых чуть отогнуты наружу небольшим валиком. Горловины кувшинов высокие и прямые, ручки плоские, коленчатые, на тулове имеется прорезной волнистый орнамент. Встречаются фрагменты мисок с прямыми бортами и уплощенной закраиной. Поливная керамика немногочисленна. Это обломки кесе, покрытые голубой, бирюзовой, желтовато-зеленой, темно-зеленой и желтовато-коричневой поливой; обломки чирагов с граненым туловом, покрытые темно-зеленой поливой. Найден фрагмент стакана с граненым туловом и округлым дном. Он покрыт на внешней поверхности стекловидной голубой поливой и светло-голубой – внутри. Черепок белокашинный, довольно плотный и очень тонкий. Имеется также фрагмент сосуда кашинного теста с двухсторонней непрозрачной молочно-белой поливой.

В помещениях нижнего строительного периода найдено небольшое количество изделий из металла. Из предметов, хорошо сохранившихся, можно назвать часть оборонительных доспехов в виде бронзовой пластины (25 x 18 см) с двумя отверстиями по краям, бронзовая чаша овальной формы с округлым дном и прямыми бортиками (18 x 9 см, высота 7,5 см), а также бронзовые пряжки с тонкими шпечечками. Более многочисленны изделия из железа. Это поделка из двух пластин с деревянной прокладкой, скрепленных на концах и в центре заклепками; подковы; сошники; плоский черешковый наконечник стрелы удлиненно-ромбической формы с уступом у основания черешка; однолезвийный нож с втулкой для насадки на рукоятку (длина ножа 21 см).

Нижний строительный период датируется по общему облику комплекса керамики и металла. Низкокачественные голубые, зеленые, желтовато-коричневые глазури в Таласской долине встречаются на керамике XIII-XIV вв. [Кожемяко, 1963, с. 201], а обломки кашинной посуды из Аспары аналогичны среднеазиатской голубой и молочно-белой поливе по кашину XIII-XIV вв. [Пугаченкова, 1949а, с. 403; Вактурская, 1959, с. 341]. Важным элементом, датирующим комплекс второго строительного периода, является наконечник стрелы из помещения 1. Аспаринский наконечник удлиненно-ромбический, и по этому признаку он аналогичен наконечникам XIII-XV вв. из погребений кочевников в Центральном Казахстане и Таласской долине [Маргулан, 1959, с. 251, рис. 5], где погребения датированы монетами конца XIII – первой половины XIV века [Массон, 1965, с. 83].

Нижний строительный период подстилают слои караханидского времени.

Нижний строительный период дал небольшое количество керамики, которая трудно поддается датировке. Стратиграфический комплекс этого периода должен быть моложе XIV в.

Предварительно комплекс верхнего строительного периода датируется XV-XVI вв.

Раскоп 2012-2014 гг. В 2012-2014 гг. исследования городища были продолжены. Раскоп заложили в северо-западном углу центральной, наиболее высокой, части городища. Под дерновым слоем на глубине 0,2 м были обнаружены остатки конструкций: на отметке от -0,6 до -1,5 м зафиксированы 15 помещений, датируемых XIV-XV вв. Помещения возведены из сырцового кирпича разного формата: 42 x 20 x 8-9 см, 40-42 x 23-24 x 9-10 см; 40 x 22-24 x 8 см; 37 x 37 x 7-8 см; 37 x 22 x 7 см; 30 x 24 x 8 см; 29-30 x 29-30 x 7-8 см; 28-29 x 14-15 x 6-7 см; 27 x 22 x 7 см; 25 x 25 x 6 см; 24 x 24 x 7-8 см; 21 x 21 x 5-7 см. Толщина стен достигает 0,4-0,75 м, сохранившаяся высота 0,4-1,0 м. На стенах и полах помещений сохранилась обмазка желтого цвета с примесью соломы, толщина слоя - около 2 см. В ходе исследований выяснилось, что в помещениях несколько раз проводился капитальный ремонт, в результате чего внутренний интерьер некоторых помещений был изменен.

Помещение 1 размерами 3,5-3,6 x 14,9 м вытянуто в направлении запад-восток. На полу у западной стены обнаружен слой органики толщиной 0,2-0,3 м. Аналогичный слой, но намного тоньше (1-3 см) зафиксирован и в восточной части помещения. На обмазке пола прослеживаются следы пожара. В восточной части пола были расположены следы трех очагов диаметром 0,5 м; у северной стены обнаружен очаг диаметром 0,45 м, поверхность которого с потеками шлаков. Рядом с ним зафиксированы остатки тандыра плохой сохранности. Можно предположить, что диаметр тандыра составлял около 0,6 м. Выложенные вокруг него кирпичи сильно обгорели. У

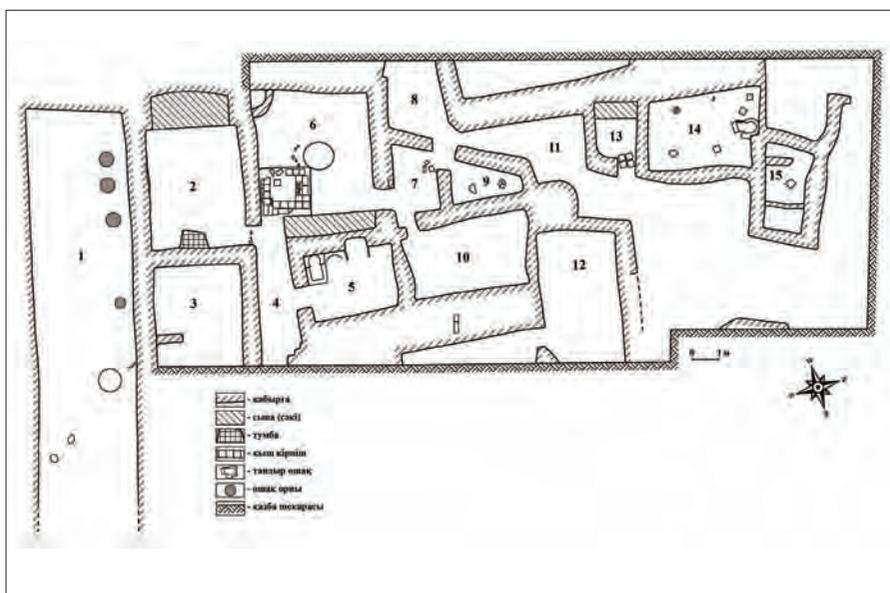

Рис. 64. Городище Аспара. План раскопа

устья обнаружена конусообразная керамическая трубочка, один конец ее расплавлен. Предположительно, трубочка является фрагментом воздуходува.

Размеры *помещения 2* составляют 5,5 x 3,4-3,6 м. Западную часть помещения занимает суфа размерами 2,9 x 1,2 м; сохранившаяся высота 0,25 м. Основание южной стены частично выложено кирпичами, поставленными на ребро. В центре восточной стены пристроена тумба размерами 1,25 x 0,7 м; высотой 0,5 м. В некоторых местах тумбы видны кирпичи, поставленные на ребро. Вокруг тумбы находятся обломки обожженного кирпича и пепел. Предположительно, это было место очага. Дверь располагалась в северной стене у северо-восточного угла. Порог шириной 0,7 м из камней положен на кирпичи.

Помещение 3 размерами 3,2 x 3,7 м; в нем в центре расчищена кирпичная выкладка длиной 1 м; шириной 0,3 м; высотой 0,5 м.

Помещение 4, предположительно, является коридором длиной 4 м; шириной 1,15-1,55 м. Западная часть коридора была уже по сравнению с восточной. Восточная часть коридора заканчивалась дверным проемом шириной 1 м. Из коридора можно было войти в помещения 2, 5, 6.

Вход шириной 0,75 м в *помещение 5* располагался в северной стене коридора. Размеры помещения 3,3 x 2,45 м. У северо-западного угла в желтой обмозке пола прослеживаются остатки камыша. При расчистке припольного слоя была найдена монета диаметром 2,2 см. Около западной стены ближе к южной располагался тандыр с топкой на восточную сторону. Диаметр нижней части тандыра 0,42 м; верхней – 0,32 м; толщина стенок 2-2,5 см; сохранившаяся высота – 0,35 м. В западной стене ближе к северной расположена ниша шириной 0,8 м. С обеих сторон ниши на полу выложены кирпичи размером 40 x 10 x 3 см в один ряд. На полу около ниши обнаружены остатки камыша.

Рис. 65. Городище Аспара. Раскоп. Вид с юга

Юго-восточный угол *помещения 6* связан с западной частью коридора. Размеры помещения составляют 5-5,5 x 4,3 м. К восточной стене примыкает суфа длиной 3,3 м; шириной 0,75-0,95 м; высотой 0,35 м. В юго-западном углу зафиксирована треугольная конструкция, возвышающаяся над уровнем пола на 0,45 м. По сравнению с коридором уровень пола помещения выше на 0,25 м. Это связано с тем, в помещении у входа вблизи южной стены расположена площадка ташнау в виде квадрата со стороной 1,5 м. Пол площадки с ташнау вымощен жженым кирпичом. В восточной части северной стены помещения вдоль суфы расположена дверь, через которую можно было войти в соседнее помещение №7.

Помещение 7 размерами 2,1-2,45 x 1,6 м. В помещение входили через дверной проем шириной 0,8 м, который связывал помещения 6 и 7. Порог выложен кирпичом. Один ряд северной стены выложен кирпичами, поставленными на ребро. По-видимому, эта стена появилась позже как разделитель помещения. Из помещения есть еще два прохода в помещения 8 и 10.

В *помещение 8* размерами 2,55-2,9 x 1,85 м ведет дверь шириной 0,9 м. Каких-либо конструкций не зафиксировано.

Помещение 9 – трапециевидное в плане: длина восточной и западной стен – 2,6 м; южной – 1,4 м; северной – 0,5 м. В центре помещения лежат два камня размерами 35 x 22 x 20 см. Дверь, расположенная в юго-западном углу, связывает помещения 7 и 8 и западную часть коридора.

Помещение 10 размерами 4,2-4,65 x 2,3-2,8 м расположено к востоку от помещения 7. В юго-западном углу находится дверной проем шириной 0,6 м, ведущий в помещение 7. Во время расчистки завалов были найдены неполивное блюдо, фрагмент и одна целая водопроводная труба. Направление труб запад – восток, такое расположение способствовало свободному току воды. Длина трубы 40 см, диаметр широкого конца 18 см, узкого – 14 см, толщина стенок – 0,7-1,7 см.

Помещение 11 – коридор, у которого длина северной и южной стен – 1,9 м, а восточная и западная стены длиной 4,65 м заканчиваются у дверного проема, расположенного в южной стене.

Помещение 12 длиной 4,75-5,1 м; шириной – 2,85 м. Восточная часть северной стены разрушена. Ширина дверного проема в южной стене – 0,8 м.

Помещение 13 имеет размеры 2,25 x 1,55 м. Вдоль западной стены располагается суфа шириной 0,6 м; сохранившаяся высота – 0,3 м.

Помещение 14 размерами 3,8-4 x 2,55-3 м. На полу помещения напротив углов перпендикулярно друг другу выложены четыре обожженных кирпича. Они являлись газами столбовых конструкций перекрытий. В северо-восточном углу помещения находится тандырная печь в виде подковы. Печь конусообразная – верхняя часть уже основания. Диаметр основания 38 см, верхней части – 28 см, сохранившаяся высота – 46 см. Вокруг печи – жженные кирпичи.

Помещение 15 длиной 2,9-3,1 м; шириной 1,5-1,8 м. В центре помещения зафиксирован глиняный кирпич для столбовой подпорки. В южной стене прослеживается место двери.

В ходе археологических работ была собрана коллекция керамики. К кухонной посуде относятся найденные котлы, крышки, горшки, горшочки, очажные подставки.

Котлы. В основном были собраны фрагменты венчиков и ручек котлов. Венчик слегка отогнут наружу. Ручки дугообразные, в разрезе круглые или фасолевидные, крепились к выпуклому тулову.

Крышки изготовлены из глины с примесью песка, обжиг равномерный. Толщина диска варьирует от 1,1 до 1,8 см. На крышке зафиксированы следы пальцев рук. Внутренняя часть тандырных крышек покрыта копотью.

Горшки изготовлены из теста с примесью песка. Венчик отогнут наружу, короткая шейка переходит в тулово. Диаметр венчика 26 см, толщина стенок – 0,9 см.

Очажные подставки. Найдена очажная подставка в виде фигуры барана, выполненная грубой ручной лепкой из глины с примесью песка.

К столовой посуде относятся найденные фрагменты кружек, чаш и блюд.

Многочисленны находки фрагментов посуды хозяйственного назначения. Это хумы, хумчи, ступки и ступкообразные сосуды, сфероконусы – все это неполивная керамика.

Хумы – крупные сосуды для хранения припасов, имеют горловину с массивным налепом на венчике, украшенном пальцевыми защипами по внешнему краю. По форме венчиков выделяется несколько типов хумов.

Найдены фрагменты *хумчи* – два венчика, изготовленные из глины с примесью песка. Края венчиков отогнуты наружу на 1,1 см. Диаметр венчиков 24-27 см, толщина стенок 0,8-1,2 см. Характерные черты –

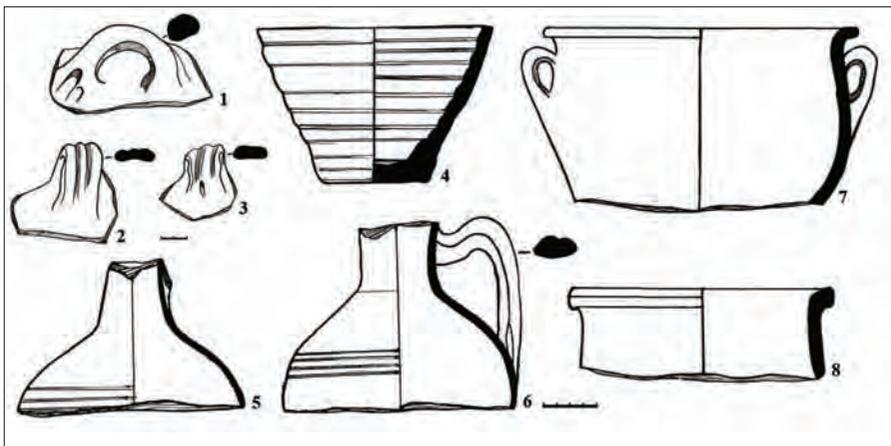

Рис. 66. Керамические сосуды

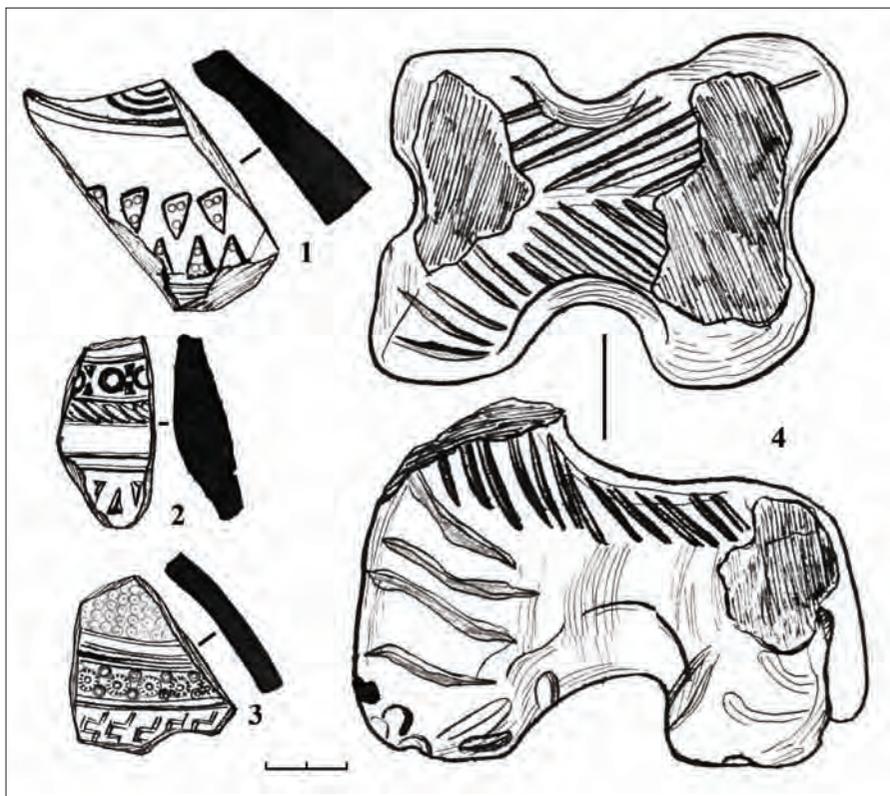

Рис. 67. Керамические изделия

короткая шейка и выраженные плечики, тулово яйцеобразной формы, к низу сужается.

Для *ступок* и *ступкообразных сосудов* характерно широкое тулово с прямыми стенками в виде раструба, сужающимся к низу. Дно утяжелено массивным налетом в виде жгута, края которого примяты пальцами. Найдено два фрагмента.

Сфероконусы относятся к специальным видам аптекарской посуды и предназначены для хранения лечебных снадобий, кислот, ароматических масел. Найден боковой фрагмент сфероконуса серого цвета. Плечики украшены несколькими рядами врезных concentрических параллельных линий. Толщина стенок 0,7 см.

Поливная керамика представлена фрагментами кесе, пиал, преобладают фрагменты блюд. Встречается керамика, покрытая зеленой, светло-зеленой, желтой, светло-синей поливами.

Найдено блюдо, покрытое поливой желтого цвета, середина его заполнена черными точками.

Чираг – светильник с внешней и внутренней стороны покрыт светло-синей глазурью. Чираг состоит из круглой площадки-резервуара для масла и вытянутого носика. Диаметр венчика – 7 см, диаметр дна – 7 см, высота резервуара – 5 см, длина носика – 6,7 см.

Обнаружены *облицовочные кирпичи*. Одна часть их покрыта глазурью светло-синего цвета.

Изделия из камня представлены находками оселков-точилок и зернотеркой. Среди находок – небольшие круглые камни – ядра.

К изделиям из железа относятся пряжки, гвозди, подковы.

Стеклянные изделия представлены 12-ю фрагментами, в основном это прозрачное, голубое, темно-синее и желтое стекло.

Раскопанные в 2013-2014 гг. помещения относятся к жилому комплексу XIV-XV вв. [Байпаков, Акымбек, 2014, с. 384-405].

Шурфы. Для выяснения структуры городища Аспара в послемонгольское время были заложены шурфы в разных частях городища: в южной пристройке к цитадели, на территории шахристана, в башне с восточной стороны шахристана и на одном из холмов за пределами центральных развалин, на территории, огражденной длинными валами.

Шурф в южной пристройке к цитадели (6 кв. м) прорезал толщу культурных наслоений в 1,5 м и дал очень невыразительную керамику, но вместе с ней был найден фрагмент с типично караханидской поливой: на желтом фоне медальон с точками коричневого цвета.

Шурф на холме за пределами городища (6 кв. м) доведен до глубины 1,5 м. Керамика из шурфа представлена поливными фрагментами: два обломка чирагов белой и зеленоватой поливы по белому ангобу и коричневыми полосками на боках, а также обломок блюда с желтоватой поливой по белому ангобу и росписью внутри по краю коричневой краской стилизованной арабской буквой «мим» и точками на закраине.

«Подобного типа керамика может быть отнесена ко времени не позже XII в. Шурф в шахристане (6 кв. м, глубина 2 м) прорезал наслоения зеленоватого цвета с зольно-угольными прослойками. Никаких остатков строительных конструкций не встречено. Керамика

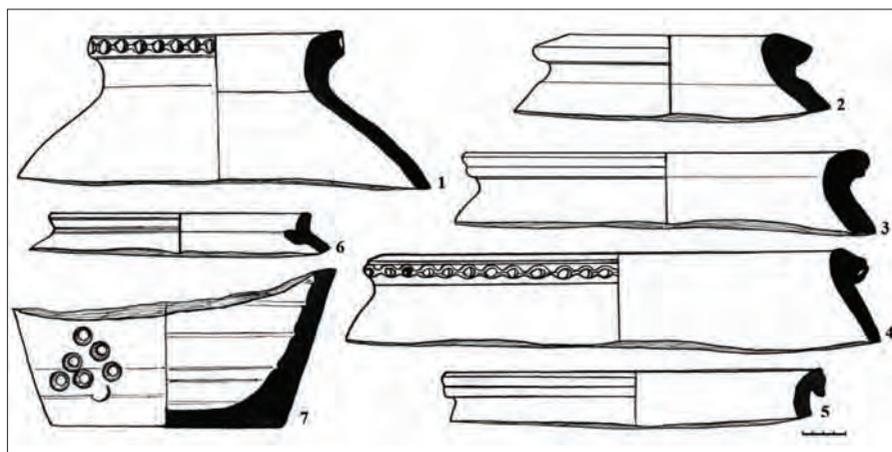

Рис. 68. Хумы и хумчи

из шурфа аналогична встреченной в цитадели, что позволяет предположить одновременное функционирование шахристана и цитадели, тем более, что шурф на башне, фланкирующей въезд в шахристан с восточной стороны, дал керамику послемонгольского времени. Этот шурф доведен до глубины 1,6 м и приостановлен на чрезвычайно плотном глинобитном полу. На полу найден фрагмент селадонного блюда зеленовато-бирюзового цвета. Черепок его очень плотный, сероватого цвета, близкий по фактуре к фарфоровой массе. Такой селадон неизвестен раньше XV в. и в Хорезме датируется XV-XVI вв. [Вактурская, 1958, с. 487].

Таким образом, территория городища, которая обживается в послемонгольское время, ограничена цитаделью, где сосредоточены все постройки жилого и хозяйственного назначения. На рубеже XIV-XV вв. цитадель укрепляется мощными оборонительными стенами из сырцового кирпича, на месте разрушенных помещений XIII-XIV вв. возводятся новые постройки, роются хаузы и колодцы, остатки которых хорошо прослеживаются в топографии цитадели. Вдоль крепостных стен, между постройками у стены и внутри цитадели оставляется незастроенное пространство, очевидно, для свободы маневрирования у крепостной стены на случай осады. Необходимость такой планировки возникла, по-видимому, из-за постоянной угрозы нападения.

Слабая всхолмленность поверхности шахристана, отсутствие остатков строительных конструкций в шурфе и мощные гумусные наслоения дают основание предполагать, что на шахристане после XIII в. не возводятся крупных построек, он был, очевидно, местом, где содержался скот.

Постройки за пределами центральных развалин, на территории, огражденной длинными валами, перестали существовать после XII в., так же как и на других городищах с длинными валами в Чуйской долине [Кожемяко, 1959, с. 171].

В источниках XV в. Аспара упоминается как крепость, построенная Тимуром для борьбы с Моголистаном. Но археологические материалы расширяют представление о назначении этой крепости и составе ее населения. За стенами цитадели, кроме гарнизона тимуридских войск, находилось население, которое занималось земледелием и скотоводством, гончарным и металлургическим ремеслами, о чем свидетельствуют находки сошников и многочисленные кости животных, керамические и металлургические шлаки, бракованные бронзовые пряжки.

Резкое сокращение количества городов в монголо-тимуридское время, ограниченность территории города, которая обживается в Аспаре и других городах после XIII в., упадок ремесленного производства — это одно из свидетельств общего кризиса производительных сил, вызванного постоянной борьбой монгольской элиты за власть, войной Моголистана и государством Тимура и Тимуридов.

Городище Акчий: раскопки богатого дома. Интересные материалы по архитектуре и строительству были получены при раскопках городища Акчий в Кетментобинской котловине на территории Киргизской Республики [Заурова, 1977, с. 106-126].

В плане оно имеет подквадратную форму размерами 105 x 106 м. Прослеживаются оплывы крепостных стен и фланкирующих их угловых башен, в середине юго-восточной стены отмечена еще одна башня. В центре городища были обнаружены остатки большой постройки. Она занимает площадь более 700 кв. м. Стены ее сложены из сырцовых кирпичей, сохранились на высоту до 2,5 м. Всего в здании было 18 помещений и внутренний двор, видимо, перекрытый сверху. Комплекс состоит из анфилады комнат, расположенных по центру и трем сторонам здания – западной, восточной и южной. Организующим планировочным центром постройки является *внутренний двор* площадью 47 кв. м. Центральный ряд открывается входным помещением 2, соединенным с коридором, обтекающим летнее *помещение 1*, которое открыто во внутренний дворик.

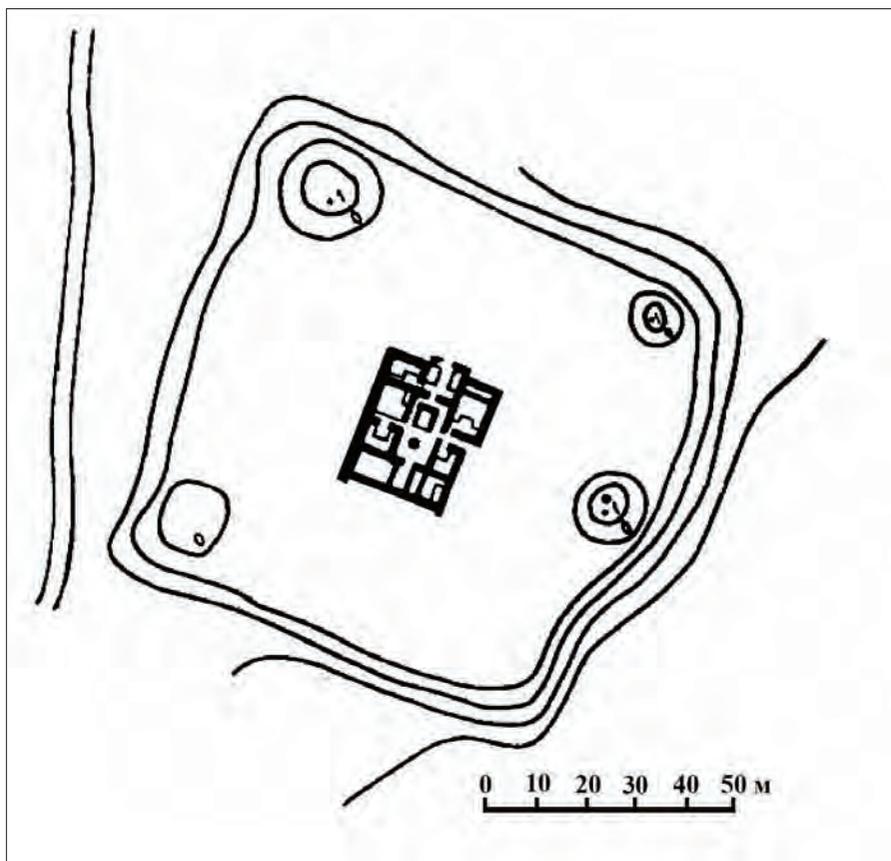

Рис. 69. Городище Акчий. План

Помещение 2 имеет размеры 5,2 x 7,75 м. Широкий вход в северной стене отмечен двумя подпяточными камнями. К восточной и западной стенам примыкают две суфы шириной 2,6 и 3 м; высотой 0,4 м; они образуют проход к дверному проему в южной стене и далее в *помещения 5 и 6*. Края суфы выложены сырцовым кирпичом, поверхность суфы обмазана глиной и побелена.

Летнее *помещение 1* южной стены не имеет, оно открыто во двор. Помещение квадратное в плане (4,05-4,13 x 4,25 м). Уровень пола на 35 см выше пола окружающих помещений и коридора.

Это была своего рода эстрада, служившая почетным местом.

Двор сообщается со всеми помещениями проходами, отмеченными порогами и ступенями из рядов камней или сырцового кирпича, иногда с прокладкой деревянных досок, реже – из рядов жженого кирпича. Проход к группе южных помещений был оформлен стрельчатой аркой. По обе стороны от прохода в стене под штукатуркой зачищено по одному деревянному столбу диаметром 14 и 18 см. Они стоят на каменных базах, погруженных в пол.

В центральной части дворика находился восьмигранный резервуар для воды (диаметром 1,15 м). Стенки его были сложены из жженого кирпича, на дне лежал каменный жернов диаметром 98 см. Резервуар был заполнен рыхлой глиной с большим количеством костей животных и птиц; попала яичная скорлупа, куски алебаstra, мелкие фрагменты керамики и железных изделий.

Западный ряд комплекса включает помещения 6, 4 и 3.

Помещение 6 размерами 4,4-4,5 x 5 м; толщина стен 1,2-1,5 м. Большую часть интерьера занимают суфы, оставляя свободным лишь юго-западный угол. Устройство и размеры суф аналогичны вышеописанным. В центре восточной стены зачищена полукруглая ниша, в которой находился тандыр, заглубленный в суфу до уровня пола. Сохранившаяся нижняя часть тандыра стояла на обломках жженных кирпичей.

В центре суфы – очаг диаметром 35 см и глубиной 37 см с топочным отверстием шириной 20 см. Очаг заполнен золой, вокруг - прокаленная глина.

Помещение 4 находится за западным отрезком обводного коридора, имеет проход из дворика и соединяется дверным проемом с помещением 3. По размерам (5-6,1 x 7,15-7,3 кв. м) оно наибольшее среди помещений этого ряда. Основная часть его с северной стороны занята суфой, высота которой 0,22 м, на стенах сохранились следы глиняной и алебастровой обмазки. Северо-восточная часть помещения занята прямоугольной двухступенчатой стеной, длиной 1,95 и шириной 1,05 м. В этом отрезке стены использованы кирпичи двух стандартов: 34 x 31 x 10 см и 72 x 72 x 10 см. Вторая ступень суфы имеет высоту 0,6 м. Края ее выложены сырцовым кирпичом с размерами сторон 40 и 10 см. Протяженность сохранившейся части ступени составила 55 см. В восточной стене, в суфе и на полу видны следы трех деревянных

столбов. В южной стене зачищена ниша с тандыром. С двух сторон к тандыру пристроены вдоль стен суфы, сложенные из жженого кирпича размерами 22 x 22 x 4-5 см. Длина суфы – ширина в один ряд кирпича при высоте 35 см. Из завала помещения извлечено много древесной трухи от рухнувшей кровли.

Помещение 3 квадратное в плане (северная стена имеет длину 5,17 м; остальные - 5 м). При входе в помещение был зачищен участок кирпичной вымостки-ташнау площадью 1,8 x 1,8 м; кирпич использовался размерами 26 x 26 x 4 см и полуформатный – 13 x 13 x 4 см. В середине площадки ташнау уложен кирпич, в центре которого находится сквозное круглое отверстие диаметром 2,5 см, через которое сливалась вода в хум.

Вокруг площадки ташнау располагалась суфа, в юго-восточной части которой находились три деревянных столба. По обе стороны от двери на суфе два очага типа каминов, углубленных в стену. Размеры их одинаковы: длина 90 см, ширина 63 см, стенки и дно выложены поставленными на ребро жжеными кирпичами. Над одним камином сохранились остатки широкого дымохода.

Восточный ряд помещений соединяет с внутренним двориком коридор, ширина которого 1,15 м, протяженность в восточном направлении 6 м, он же является восточным выходом из здания. Из этого прохода проемы ведут в помещения 5 и 10.

Помещение 5 имеет трапециевидную в плане конфигурацию с длиной стен западной и восточной 8,8 м; северной – 5,8 м; южной – 6,17 м. Толщина их варьирует от 0,6 до 1,3 м. Большую часть помещения занимает «П»-образная суфа. Особенностью помещения является наличие сложной системы отопления посредством канов — дымоходных каналов, скрытых в суфе. В северной части помещения на уровне суфы зачищена ступенька размерами 1,15 x 0,9 x 0,5 м, прикрывающая топочную камеру, отверстие которой выходило в помещение 12.

От топочной камеры в толщу суфы к востоку и западу ответвляется два кана (длина каждого 90 см, ширина 30 см, глубина 50 см). Южнее они отходят от топки на восток и запад, затем изгибаются под прямым углом к югу и вливаются в кан, проходящий с востока на запад у основания вышеуказанного возвышения. Здесь кан делится на два парных рукава (глубиной до 40 см), которые тянутся вдоль западной и восточной стен к югу на 5,9-6 м. В конце суфы они сливаются в один канал и выходят за ее пределы.

Парные каналы отделены друг от друга сырцовыми перегородками толщиной 20-23 см. Сверху каждый канал покрыт рядом уложенных плашмя жженных кирпичей, поверх которых нанесена глиняная, а затем алебастровая штукатурка. В южной стене сохранились остатки вертикального дымохода.

На западном и восточном отрезках суфы отмечены остатки тандыров с дымоходами.

Помещение 12 – топочная, размерами 5,1 x 1,2 м; разделена на два отсека – западный и восточный, где, возможно, хранили топливо. Само помещение 12, по всей вероятности, было отделено от основной части помещения 5 в связи с сооружением скрытого дымового отопления. В центре южной стены имеется выход дымоходного отверстия в отопительную камеру помещения 5. Дно камеры покрыто крупной галькой.

Помещение 10 - квадратное в плане, размерами 5 x 4,92 м; стены толщиной 1,1 м. Как и в других помещениях, суфа занимает большую часть площади, оставляя свободным участок ташнау в 7 кв м при

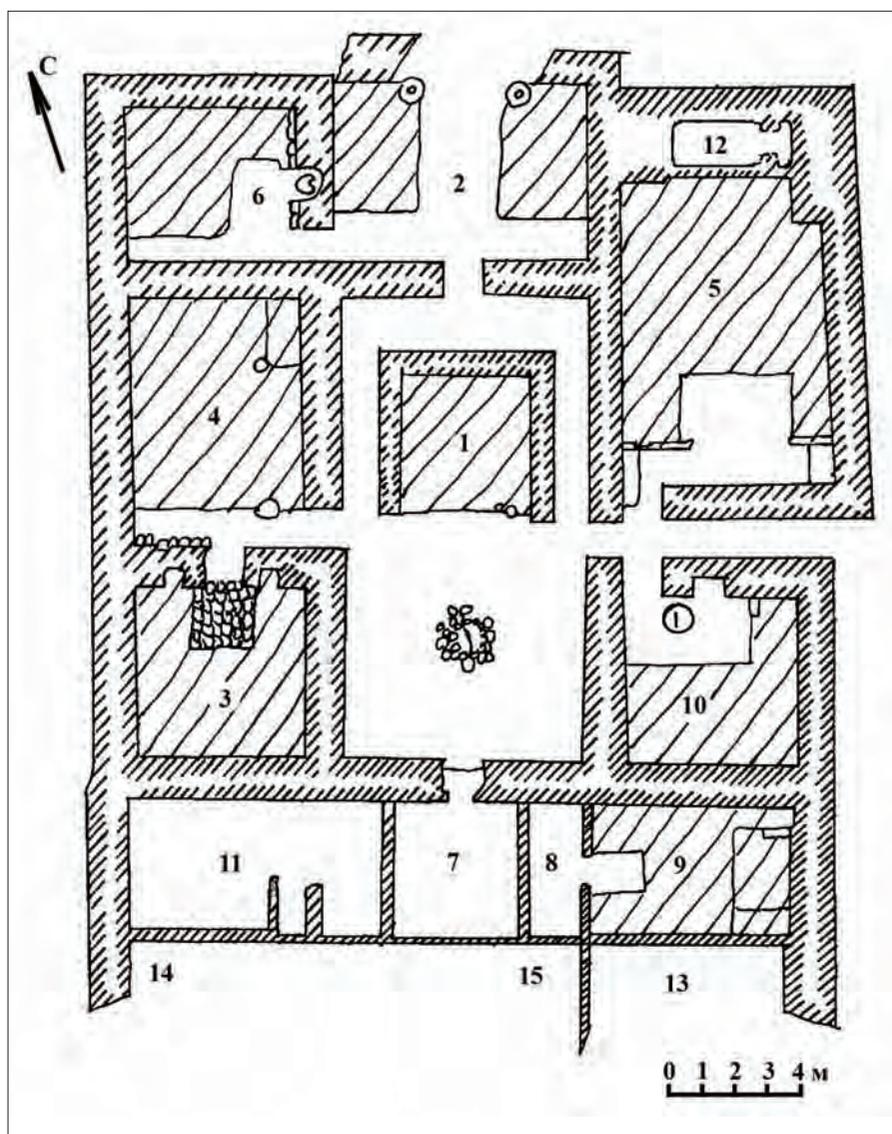

Рис. 70. Городище Акчий. «Богатый дом»

входе. У входа расчищен сильно разрушенный камин шириной 85 см, заглубленный на 63 см в северную стену.

Южный ряд комплекса включает помещения 7, 8, 9, 11, 13 и 14. Восточные и западные стены их имеют одинаковую длину – 3,75 м.

Помещение 7 квадратное, отделено от помещения 8 тонкими стенами-перегородками (30-40 см). Размеры помещения составляют 8 х 1,9 м. В обоих помещениях один пол находится на уровне двора, другой на 35 см выше.

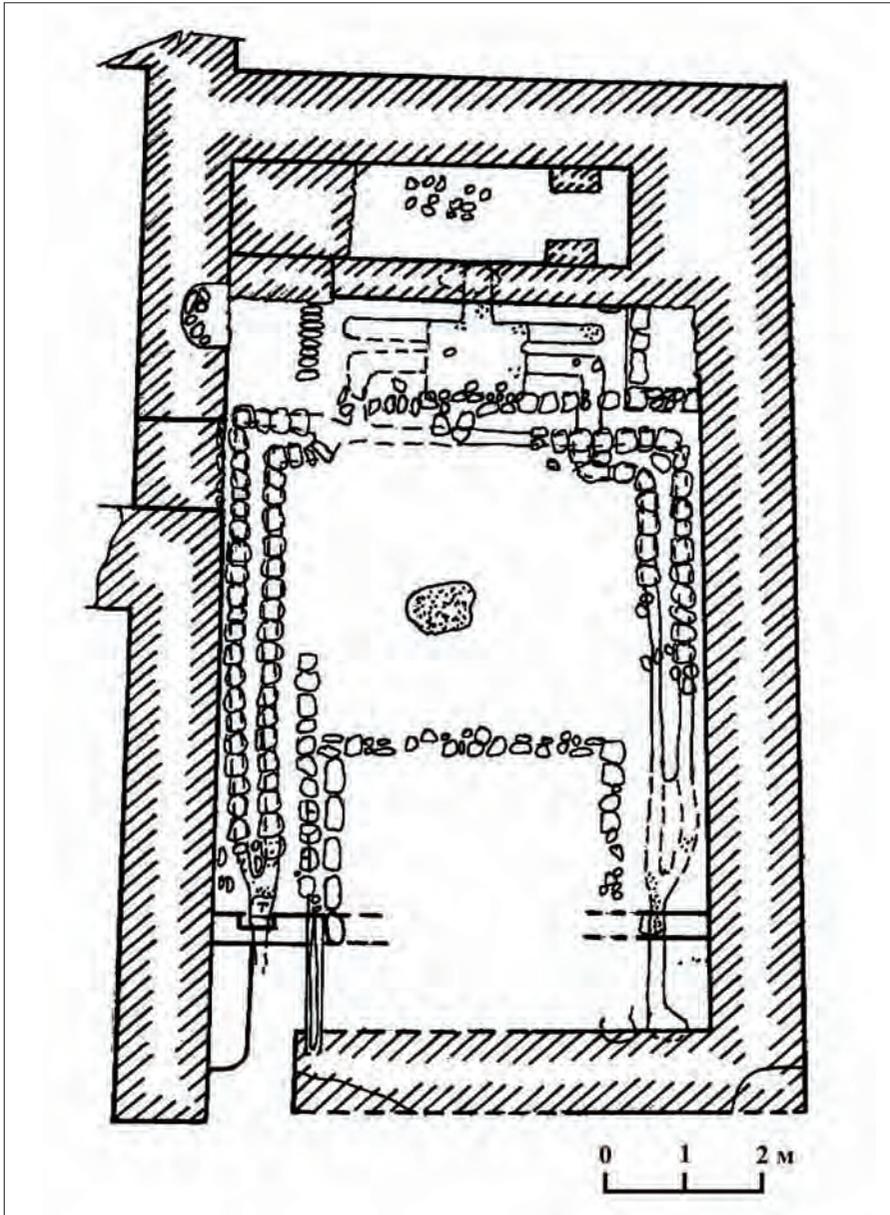

Рис. 71. Городище Акчий. Жилое помещение с камином

Помещение 9 размерами 5 x 5,8 м. Вдоль стен тянется «П»-образная суфа высотой 30 см и шириной 1,6 м; в северо-восточном и юго-восточном углах на суфе возвышаются монолиты, прямоугольные в плане, между ними лежанка. У западной стены по обе стороны от прохода на суфе зачищены остатки каминов. Около обоих очагов находился завал прямоугольных алебастровых плиток, которыми, возможно, были оформлены прямоугольные обрамления каминов.

Помещение 11 находится к западу от помещения 7. Длина его по оси север-юг равна 7,55-7,65 м; запад-восток – 3,9-3,95 м; толщина стен 0,35-1,4 м. В восточной части заметны следы перегородок и обломки алебастровой решетки.

В *помещении 13* расчищены остатки северной (длиной 3,95 м) стены, отрезки внешней восточной и западной стен.

Помещение 14, находится южнее помещения 13, от него расчищена часть в северо-западной стороне.

Особенностью помещений южной группы является наличие отопительной системы канов, каналы которой, пройдя под всеми стенами, под возвышениями на суфе в помещении 9, выводились в одну топку, которая могла находиться в помещении 15.

В помещениях южной группы найдено большое количество фрагментов оконных решеток – панджара, закрывавших окна в верхних частях стен.

Все стены сложены из сырцового кирпича, кладка бессистемная, чаще всего ложком. В некоторых местах отмечена комбинированная кладка: горизонтальные ряды кирпичей плашмя чередуются с рядом кирпичей, поставленных вертикально на ребро. Строительный кирпич разных размеров: с длиной сторон от 23 до 30 см при толщине от 8 до 10 см. Кладка скреплялась глиняным раствором.

Жженный кирпич размерами 24-26 x 24-26 x 4 см и полуформатный использовался в основном для вымостки участков пола, для оформления суф и каналов отопительной системы [Заурова, 1977, с. 108-115].

Ряд помещений и двор имели богатый интерьер.

Многочисленные фрагменты росписей, резьбы по ганчу и сырой глине извлечены из завалов помещений 1, 3, 5 и 10.

На плоскости стены выделяются панель, простенок и фриз, которые в свою очередь делятся на отдельные панно. Узорные, резные полосы обрамляют дверные и оконные проемы.

Здание имело, по-видимому, деревянное плоское перекрытие. Судя по его остаткам в помещении 1, потолок был подшит мелкими досками, зашпаклеван, роспись и резьба нанесены на слой штукатурки.

Роспись, по всей вероятности, украшала и широкие полосы ганчевой обмазки в верхних частях стен, образуя фриз. Растительный и геометрический мотив росписей исполнен разными красками: белой, зеленой, синей, желтой, серой, сиреневой, красной различных оттенков. Дополнительно роспись наносилась на фигурные ганчевые вставки-розетки. Нижние части стен, сохранившиеся на высоту

1,2-1,3 м, оставались чисто белыми. Парадное помещение 5, судя по остаткам декора, было высоким: панель его сохранила следы глиняной штукатурки зеленого цвета, простенок расчленен на прямоугольные панно, заключающие резьбу по зеленоватой сырой глине. Фриз у потолка в виде полуметровой ганчевой полосы с ажурным, эпиграфическим, резным орнаментом. Белый алебастровый потолок был украшен широкими переплетающимися лентами из зеленоватой глины в виде крупного гириха, включающего в себя звезды и восьмиугольники. На потолке у входа размещалась крупная резная розетка из глины. Сохранилась центральная часть ее с выпуклым полушарием. Верхняя плоскость тонирована алебастром; резьба очень крупная, рельеф глубокий, хорошо смотревшийся лишь на значительной высоте.

Роспись помещения 3 несколько отличается от росписи в помещении 1. Здесь наряду с красной, белой, желтой и зеленой красками появился ультрамарин. Фрагменты: растительный орнамент с включением геометрических мотивов.

По верху стен на полуметровой полосе нанесена надпись арабским курсивом. Всего из завала извлечено 34 фрагмента надписи общей длиной около 6 м. Сохранность их плохая, куски очень дробные. На лучших из них сохранилась лишь часть текста, вернее, отдельные слова. Контуры букв процарапаны, внутренняя часть их залита темно-красной краской. Буквы вычурные, строки находят друг на друга. Между буквами желтой охрой нанесен рисунок из растительных завитков и побегов.

Ниже фриза с надписью стены были оформлены ложными нишами. Они выполнены ганчевыми плитками с резными фестончатыми краями, имеют яркую, часто малиновую окраску. Дверные проемы и, видимо, еще какие-то части помещений были декорированы вертикальными и горизонтальными полосами резного ганча.

Помещение 10 было украшено росписями в красно-черной гамме. Лишь в одном случае, по краю круглой ганчевой розетки диаметром 11,5 см и высотой 5,6 см с полусферическим налетом в центре, удалось уловить рисунок в черно-бело-красном тоне, напоминающий широко распространенный узор кошкар муйиз – «рога барана».

Керамика из дворцового здания поливная и неполивная. Часть поливной керамики составляют фрагменты сосудов на глиняной основе. Фрагменты мелкие, с темно-зеленой или черно-бело-голубой гаммой покрытия [Заурова, 1977, с. 115-127].

Несколько фрагментов принадлежат кашинной керамике. Некоторые с двух сторон покрыты бирюзовой поливой и расписаны. В помещении 12 найдена археологически целая чаша с черной росписью под слоем бирюзовой поливы. Чаша тонкостенная, кашин розовый, хорошего качества.

От центральной розетки отходит шесть пятидольных лопастей с точечным заполнением. Край чаши обведен двойной полосой и рядом пятнышек. На наружной поверхности между двумя концентрическими линиями у дна и венчика располагаются два ряда фигур в виде перевернутых крупных запятых.

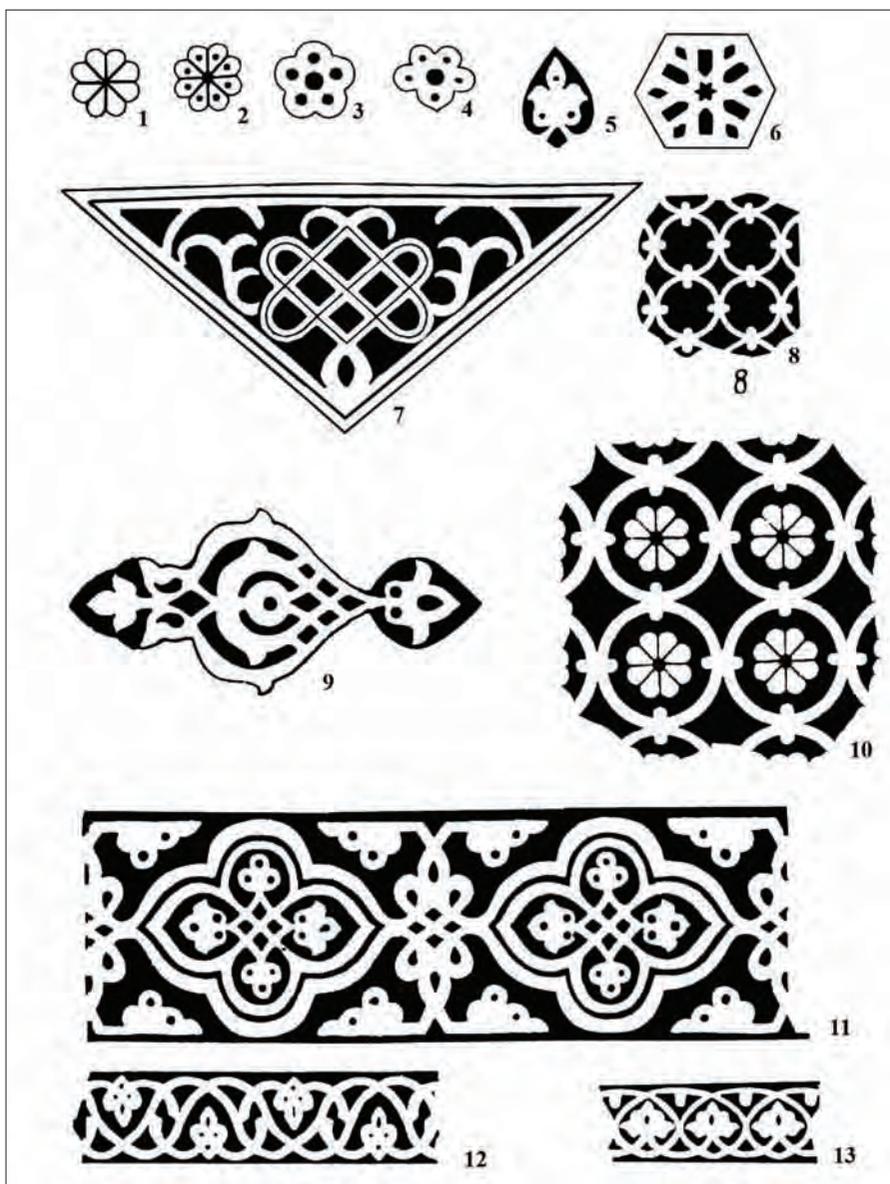

Рис. 72. Мотивы орнаментальной резьбы по глине и ганчу (реконструкция)

Роспись кобальтом по белому кашинному черепку под прозрачной поташной поливой отмечается в Средней Азии с конца XIV в. В Хорезме, Самарканде и других районах Средней Азии сосуды местного изготовления с кобальтовой росписью получили широкое распространение в XV-XVI вв. Им свойственны незначительные расплывы по контуру рисунка, потеки [Пугаченкова, 1950, с. 105; Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 121].

В нижних слоях помещения 1 и коридора было найдено несколько мелких фрагментов селадона; три из них принадлежат одной миске,

диаметр венчика которой 28 см. Волнистый край ее горизонтально отогнут и подчеркнут глубокой бороздкой по бортику. Стенки миски имеют ребристую поверхность. Эти находки можно отнести к кругу селадонов XIV-XV вв. [Кверфельд, 1947, с. 92].

Неполивная керамика представлена в основном фрагментами сосудов различных форм станкового и лепного производства. Это большие котлы с волнистой закраиной венчика, круглыми боками с налепными выступами-ручками, по краю примятыми пальцами, неглубокая жаровня, лепные горшки, узкогорлые кувшины и чаши. Следует отметить также хум, использованный в качестве ташнау. Венчик хума высокий со слегка отогнутой шейкой. Тулово лепное, грушевидное, горловина станкового производства.

В процессе раскопок найдено небольшое количество фрагментов изделий из железа и бронзы, в том числе два железных наконечника стрел. Оба наконечника черешковые: один – трехгранный, второй – плоский ромбовидный.

Основную группу железных находок составляют кованые гвозди, скобы, пластины, штыри, петли, полукольца, фрагменты цепочки из проволоки.

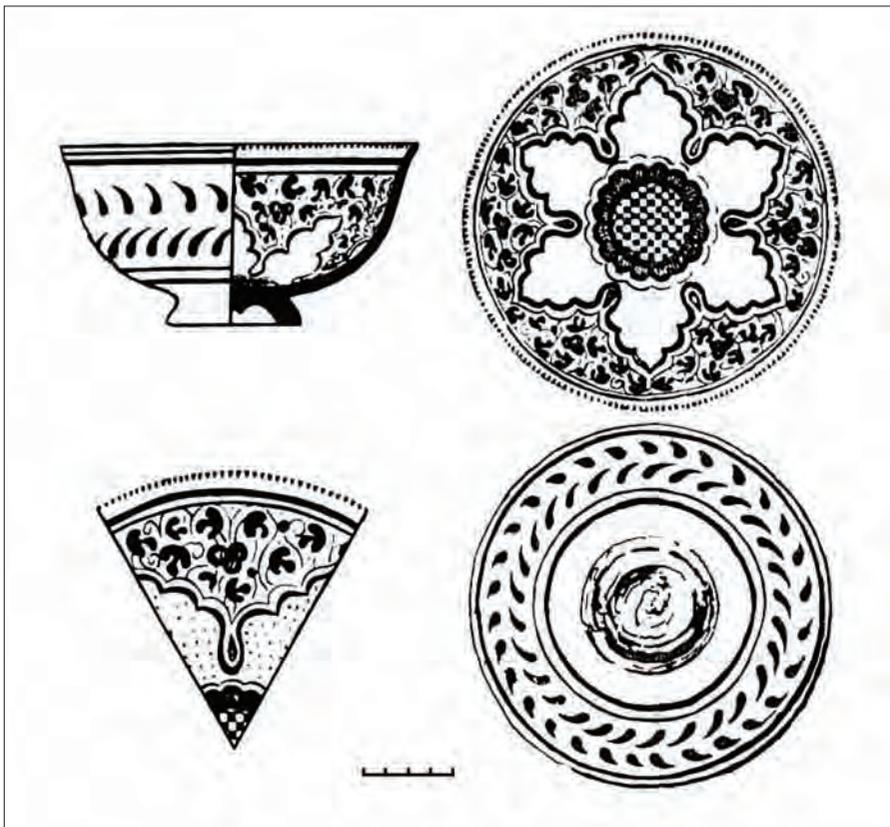

Рис. 73. Поливная чаша из помещения 12

Изделия из бронзы представлены обломком зеркала диаметром 9,2 см; двумя пряжками в виде полуовала размерами 2,5 x 1,8 см; пестиком со свинцовым сердечником длиной 15,2 см.

На городище Акчий было вскрыто богатое здание XIV-XV вв. из сырцового кирпича. Можно предполагать, что главный вход в здание был оформлен выступающими пилонами. По центральной оси располагалось входное помещение, обводной коридор с айваном выходил во внутренний дворик. С трех сторон к дворику примыкали боковые помещения.

Подобная дворовая организация парадных жилых комплексов весьма характерна для построек X-XI вв. в Чуйской долине (Юго-Западное Жетысу) [Горячева, 2010, с. 124-129, рис. 72]. Такая же традиция продолжалась и в XIII-XV вв. Аналогичные дома известны для этого времени и в Таласской долине [Бубнова, 1963, с. 135-137].

Северо-Восточное Жетысу

Топография и жилищная застройка городища Антоновка – города Каялыка. Городище Антоновка находится в долине р. Лепсы, на восточной окраине одноименного села, в 35 км восточнее районного центра Сарканд Алматинской области. Многочисленные бугры и впадины, которыми покрыта вся обширная территория городища, являются следами былой застройки.

Понять топографию позволили раскопки, детальная цифровая трехмерная топографическая съемка и аэрофото.

Топография городища. Изучение топографии средневекового города является основополагающим элементом в процессе написания его истории. Часто небольшое поселение, увеличиваясь в размерах, становилось городом со сложной системой фортификации, переплетением многочисленных улочек, внутриквартальными двориками, мечетями, базарами, дворцами. Иногда же структура будущего города планировалась заранее, а строительство шло в интенсивном ритме.

Городище Антоновка – самое большое в Илийской долине. Интересно его местоположение – с юга и юго-востока городища расположены отроги горного массива Джунгарского Алатау; северную и западную стороны Каялыка окаймляют плодородные земли, орошаемые многочисленными источниками, питающимися родниками и талой водой высоких ледников.

Через городище протекает река Ащибулак, выходящая из ущелья Арабсай. В четырех километрах к востоку река Лепсы несет свои воды в Балхаш.

Детальной характеристики архитектурно-планировочных особенностей города история, к сожалению, не сохранила. Но из описания, сделанного францисканским монахом Гильомом де Рубруком – послом Людовика IX, побывавшим в Каялыке в ноябре 1253 года, следует, что Каялык – большой город с базарами, площадями и храмами.

Многочисленные бугры и впадины, которыми покрыта вся территория городища, являются следами былой застройки.

Представление о топографии Каялыка позволили детализировать раскопки, трехмерная топографическая съемка и фотографии, сделанные с высоты 600 метров.

Трехчастная структура города, характерная для большинства средневековых памятников Казахстана, может быть охарактеризована следующим образом: мощные внешние глинобитные стены, сложенные методом ленточной заливки, оплывшие на ширину 11-13 м, с сохранившейся высотой до 2-3 м, окаймляют подчетыреугольной формы застройку общей площадью 90 га. Городище своей длинной осью, протяженностью 1290 м, вытянуто по линии северо-восток – юго-запад и северо-запад – юго-восток на расстояние 840 м. Юго-западная часть городища имеет заметное расширение. За стеной четко прослеживается ров шириной 10-17 м, глубиной 1-2 м.

Внешние стены средневековых городов – это мощный глинобитный массив, с возможностью устройства оборонительных площадок для воинов в верхней части стены, за ее зубцами.

Юго-восточная линия внешней стены была в 50-е годы XX века сnivelирована и затем использована в качестве основы для асфальтированного участка магистральной дороги Алматы – Талдыкорган – Усть-Каменогорск. Сохранившаяся высота полотна составляет 1,2-1,6 м. Восточный угол фактически не сохранился в связи с проведенными строительными мероприятиями.

Верхняя часть северо-восточной линии стены также была выровнена грейдером, после чего здесь была устроена проселочная

Рис. 74. Общий вид городища Антоновка

дорога, ведущая к одному из фермерских хозяйств. Стена в этой части представляет собой незначительное возвышение 0,5-0,8 м, считая от внутренней территории городища, частично распаханной и используемой под поля. С внешней же стороны сохранился ров, глубиной около 8 метров, шириной около 10 метров. Северный отрезок этой линии стены разрушен устроенным здесь садом фруктовых деревьев.

Северо-восточная стена сохранилась лучше всего. Проследить же особенности этой линии фортификации возможно лишь на отдельных участках. Так, отрезок стены вблизи северного угла имеет высоту около двух метров, в то время как верхняя часть фрагмента, расположенного в середине этой линии, была срезана для устройства здесь домов и земельных участков. Высота этого участка стены достигает 0,5-1,2 м. В нем был устроен въезд шириной около 20 м. В непосредственной близости от въезда, в 180 м от северо-западного угла внешней стены, расположен бугор подквадратной в плане формы размерами 100 x 90 м и высотой 1,5-2,5 м. Часть оборонительной стены города является одновременно стеной этой конструкции, функциональное назначение которой может быть определено как ранняя цитадель. Стена, протянувшаяся в юго-западном направлении, сохранилась на высоту около 3 метров. Западный угол этого отрезка внешней стены теряется в массивах современной застройки.

Юго-западная линия стены шахристана сохранилась фрагментарно. Особо выразительны два участка, расположенные один по левую, а второй по правую сторону от речки Ащибулак. Так называемый правобережный фрагмент стены в верхней части застроен современными домами, и в одном месте частично срезан при расширении усадьбы – в срезе читается четкая ленточная система паховой заливки, а высота стены составляет более 3 метров.

Третий фрагмент, наиболее хорошо сохранившийся, располагается вблизи южного угла шахристана, высота стены в этом месте колеблется от 2 до 2,4 метров, при ширине 12-13 метров. Внешний оборонительный ров с юго-западной стороны стены хорошо просматривается и полон воды даже в летнее время.

В центре вышеописанного четырехугольника стен города устроена новая цитадель размером 241 x 225 м, ориентированная углами по сторонам света. Локализовать цитадель стало возможным благодаря проведенным аэрофото и цифровым топографическим исследованиям, показавшим контрастный перепад высот в 1-1,5 м. Восточная часть юго-восточной стены цитадели срезана при современном строительстве.

Цитадель являлась важным элементом города. Месторасположение ее различно. Она могла быть устроена как за пределами стены шахристана, так и в пространстве внутри стен. Причем, расположение цитадели в оборонительной системе шахристана также различно: чаще всего стены ее возводились в одном

Рис. 75. Городище Каялык. Топография

из углов города, но иногда цитадель устраивалась в центральной части. Так как цитадель являлась важнейшим узлом в структуре оборонительных сооружений города, то вполне обоснованным может быть и объяснение устройства ее в наиболее удобном в плане особенностях рельефа месте. Безусловно, учитывались и другие многочисленные факторы, такие как, например, расположение дорог, подводящих к городу, возможность держать под контролем население города, максимально удобная позиция в линии защиты. Размеры цитаделей среднеазиатских городов сильно разнятся, как правило, цитадель была во много раз меньше шахристана, но в отдельных случаях занимала площадь $2/3$ шахристана [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 14-15].

Два других въезда локализируются в центре северо-восточной и юго-западной стен, один напротив другого. Они характеризуются незначительным понижением в рельефе – около 0,4 м. Въезды соединены центральной улицей, плохо читаемой по цифровой микро топографической модели, которая показывает перепад высот по всей протяженности улицы в 0,2-0,4 м, но довольно четко различимой на аэрофото. Ширина улицы в среднем 4-5 метров.

Южная четверть четырехугольника цитадели имеет однородный рельеф с небольшими западинами по местам. Котлован, описанный выше, располагается фактически в центре данной платформы.

Рис. 76. Цитадель Каялыка. Фортификационная система. Стены. Аэрофото

Четко различимое четырехугольное возвышение размером 35 x 37 м, высотой около 1,5 м, расположено в восточном углу цитадели. Раскопки верхних слоев этого торткуля выявили сложную планировку жилого комплекса и интересные находки, в связи с чем объекту было дано название «Усадьба богатого человека». С западной стороны усадьбы прослеживается округлой формы резервуар диаметром около 14 м, глубиной до 1 м. По периметру (с северной и западной сторон) усадьбы расположены четыре подчетырёхугольной формы оплывших бугра, высотой 1-1,2 м, размером в среднем 10 x 10 м. В ходе проведения раскопок одного из таких бугров был открыт мавзолей. Два разрушенных мавзолея, превратившихся в различные всхолмления, четырёхугольные в плане, располагаются в верхней части северо-восточной стены цитадели, на удалении 50 м к северу от раскопанной усадьбы. Один из мавзолеев находится в центре цитадели. Таким образом, на территории цитадели насчитывается 7 мавзолеев, постройка которых отнесена к концу XIX – началу XX в. Все мавзолеи

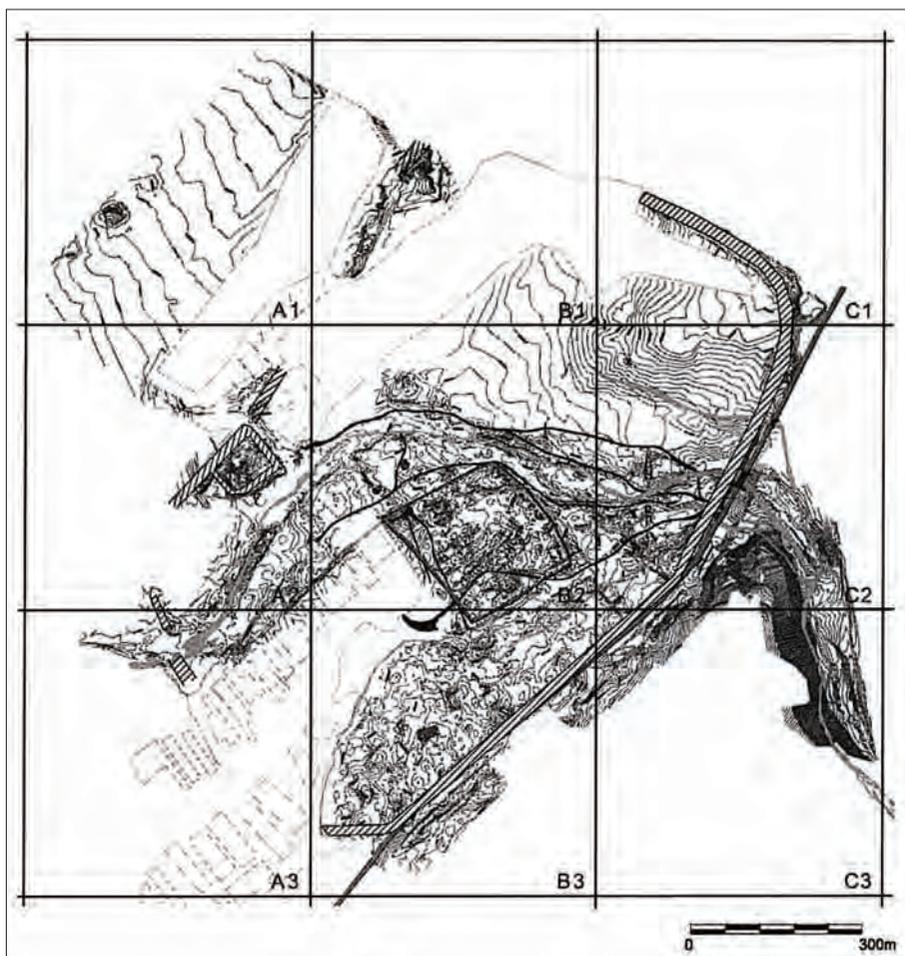

Рис. 77. Каялык. Топография. Фортификационная система

были сооружены на возвышенной по отношению к окружающему рельефу местности. Интересно, что два из них устроены по обе стороны северо-восточного въезда на цитадель. Возможно, этот факт является косвенным доказательством наличия здесь фланкирующих башен.

Западная четверть цитадели занята монументальной постройкой – пятничной мечетью, размером по внешней линии стен 34 x 29 м. Территория, окружающая мечеть, не несет следов активной застройки.

Северная четверть цитадели прорезана речкой Ащибулак, неровности рельефа колеблются перепадом высот от 0,5 до 1 м.

Раскопанные на территории цитадели объекты (мечеть и усадьба богатого человека) линиями своих стен параллельны линиям стен самой цитадели, друг другу, а также выявленной центральной улице. Расположение же мавзолеев не носит регулярного характера.

Современная система каналов, а также русло Ащибулака в целом повторяют линии внешнего оборонительного рва цитадели.

Полоса современной застройки шириной в 200 м фактически уничтожила юго-западную часть городища, вплоть до юго-западной стены цитадели, оставив незастроенной южную часть шахристана, шириной в 200-230 м по линии север-юг.

Здесь, на территории южной четверти шахристана, расположено свыше 15 подчетыреугольных бугров размерами от 10-15 x 10-15 м до 35 x 35 м, высотой от 0,5 до 2 м, а также несколько западин разных размеров. Почти в центре этой застройки раскопаны баня-хаммам и еще одно сооружение, интерпретированное как «манихейский храм».

По всей видимости, застройка шахристана была плотной, что не исключает ее усадебный характер. Внутренняя застройка представляла собой ряды слитных комплексов построек, разделенных внутриквартальными улочками.

Восточная часть шахристана распахана. Она может быть разделена на два участка, один из которых примыкает к северо-восточной внешней стене и на 3-4 метра выше территории, расположенной западнее. Эти две платформы разделяет один из рукавов Ащибулака. Нераспаханным на территории восточной платформы остался бугор диаметром в основании 15 м, высотой около 1 м. Шурфовка объекта показала наличие в верхних слоях позднего впускного погребения, а также неопределенных сырцовых конструкций.

Северная часть шахристана занята современной застройкой. На некоторых приусадебных участках встречаются большие бугры – следы плотной застройки.

Западная четверть территории шахристана свободна от современной застройки. Здесь, на берегах Ащибулака видны контуры торткулей размерами 30-40 x 30-40 м, многочисленные бесформенные всхолмления и западины.

На правом берегу речки, в нескольких метрах к востоку от упомянутой выше четырехугольной постройки, расположенной

вблизи северо-западного въезда, были исследованы мавзолеи, ханака и примыкающие к ним элементы жилой застройки.

Город развивался и рос, требовал новых территорий для устройства на них загородных усадеб, ремесленных производств, общественных сооружений. В постройках, появившихся за стенами шахристана, следует видеть рабад (пригород). За стенами шахристана возводятся храмовые сооружения. Особо яркое отличие застройки территории рабада от территории шахристана можно видеть в обособленности его домов друг от друга, что может быть определено как усадебная застройка [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 43].

За стенами шахристана, в северной и северо-западной частях, локализуются несколько значительных по размерам бугров, только один из них находится за пределами современной жилой застройки. Это бугор подквадратной формы, размером в основании 30 x 35 м. Раскопки объекта открыли остатки храмового буддийского комплекса, о котором, возможно, писал Гильом де Рубрук.

Внешних стен, окружающих территорию пригорода, зафиксировано не было.

Стратиграфический шурф, заложенный в юго-западной части четырехугольного сооружения (подквадратной в плане формы, размерами 100 x 90 м и высотой 1,5-2,5 м, расположенный в непосредственной близости от северо-западного въезда шахристана), глубиной 2,4 м, позволил собрать материалы, свидетельствующие о наличии четырех основных строительных горизонтов. Уровни полов показывают длительность обживания памятника и являются хронологическими периодами внутри выделенных горизонтов.

Нижний слой городища датируется VIII-IX вв. – это время формирования города. Ко второй половине IX – началу XIII вв. относится основной строительный горизонт. На указанном месте формируется цитадель. Третий период обживания города относится к XIII – началу XIV в. Судя по наличию следов общегородского пожара, город прекратил активное существование в начале XIV в.

Отдельные участки городища, однако, обживались позднее, о чем свидетельствует подъемный материал – керамика, относящаяся к XIV в.

Раскопки усадьбы «богатого человека». Усадьба расположена в южной части городища, в 320 м северо-западнее современной трассы. Географические координаты объекта: 45°39'50,3» северной широты; 80° 15'47,5» восточной долготы. Высота - около 600 м над уровнем моря.

До начала раскопок усадьба представляла собой оплывший холм подквадратной формы, высотой до 3 м. В ряду других усадеб - подквадратных тобе, прослеживающихся в микрорельефе городища, исследуемая усадьба – наиболее крупная. При визуальном осмотре отчетливо выделялся квадрат внешних стен и их оплывов. Западная

часть объекта более пологая. Вероятно, в этом месте находился двор и располагался вход в усадьбу. Размеры объекта по верхней части: 25 х 25 х 25 х 25 м. Общая площадь раскопок составила 540 кв. м [Байпаков, Пешков, 2000, с. 230].

В результате проведенных работ было установлено, что усадьба представляла собой единовременное строение с мощными внешними стенами и комплексом внутренних помещений. Выделяются 15 помещений. Вскрытые строительные конструкции дома отнесены к поздней жилой застройке XIII в.

Внешние стены сооружения возводились с уровня полов. Прослежены внутренние стороны восточной, южной и части западной стен. Для их строительства использовался сырцовый кирпич разных размеров. Ширина кирпича колеблется от 6 до 9 см, одна из сторон - от 20 до 42 см. Между верхним и нижним рядами кладки стены, перпендикулярно ей, проложена камышовая прослойка [Байпаков, Пешков, 2000, с. 232].

Все помещения усадьбы концентрируются вокруг двора №10, который был перекрыт навесом, опиравшимся на деревянную колонну, установленную на базу – каменный жернов. Всего в усадьбе было 15 помещений жилого и хозяйственного назначения.

В комплексе помещений усадьбы выделяются хозяйственные, жилые и парадные. Для возведения стен помещений использовался сырцовый кирпич. Стены помещений были оштукатурены, некоторые побелены.

Помещение 1 – жилое, разделено со смежным жилым помещением 2 каном. В южной части первого находилась суфа, отделенная невысоким

Рис. 78. Раскопки усадьбы «богатого человека»

(26-27 см) глинобитным бортиком. На поверхности суфы найдены железные изделия, детали сундука. Это уголки, накладка для замка, петля, гвозди. На полу обоих помещений обнаружены фрагменты сосуда из цветного стекла с золочением и росписью. Сосуд относится к изделиям ближневосточного импорта.

Помещение 3 выполняло хозяйственную функцию.

Помещение 4 – жилое. К западной стене помещения была пристроена суфа.

Она обогревалась при помощи кана. Севернее суфы кан имел ответвление и соединялся с системой отопления *помещений 7 и 2*. За ответвлением кан понижался на 14 см и переходил в желоб. Предположительно, теплый воздух поступал по нижнему кану в верхний. В центре северного кана располагался вертикальный продух-дымоход. Дымоход разрушен. Выяснено, что в этом месте кан расширялся до 40 см.

Помещения 5 и 6 - смежные, разделялись каном. К кану примыкает сложная конструкция стен. С северной стороны расположена небольшая «Г»-образная стена-бортик высотой 40 см, шириной 17-20 см. Возможно, эта стенка использовалась для сохранения тепла кана в холодное время года. С северной стороны к кану пристроена такая же «Г»-образная конструкция, но более поздняя. Конструкция имеет два уровня - заливку и сырцовый кирпич.

В *помещение 5* можно было попасть из *помещений 2 и 8* через дверные проемы шириной 1,2 и 1 м. Впоследствии проход между *помещениями 5 и 8* был закрыт стеной, сложенной из сырцового кирпича нестандартных размеров 24 x 17 x 7 см.

В северной части *помещения 6* находилась суфа. Восточный угол ее с внешней стороны укреплен кладкой из обожженного кирпича [Байпаков, Пешков, 2000, с. 233].

Помещения 7 и 8 разделяются «П»-образной стеной, выложенной из стандартного сырцового кирпича. Стена была оштукатурена. Ее внешние контуры имеют следы прокала.

В юго-восточной части *помещения 7* размерами 2 x 2,5 м на полу найдены многочисленные фрагменты оконного стекла зеленоватых оттенков. В этом же месте обнаружено несколько изделий из железа, а также бронзовая ложка-нож с эпитафическим орнаментом, оформленным серебряной инкрустацией. Эта находка отнесена к предметам импорта.

В юго-западном углу *помещения 8* зафиксированы многочисленные осколки оконного стекла, половина венчика и фрагменты боковин керамического котла.

В северной стороне, у кана, устроена тумба размерами 65 x 40 x 10 см. Возможно, она выполняла функции базы столба, на который опиралась кровля.

Всего в юго-западном углу *помещения 7* и в юго-восточной части *помещения 8* были зафиксированы 38 фрагментов оконных дисков [Дошанова, 2003, с. 170]. Все диски изготовлены методом свободного

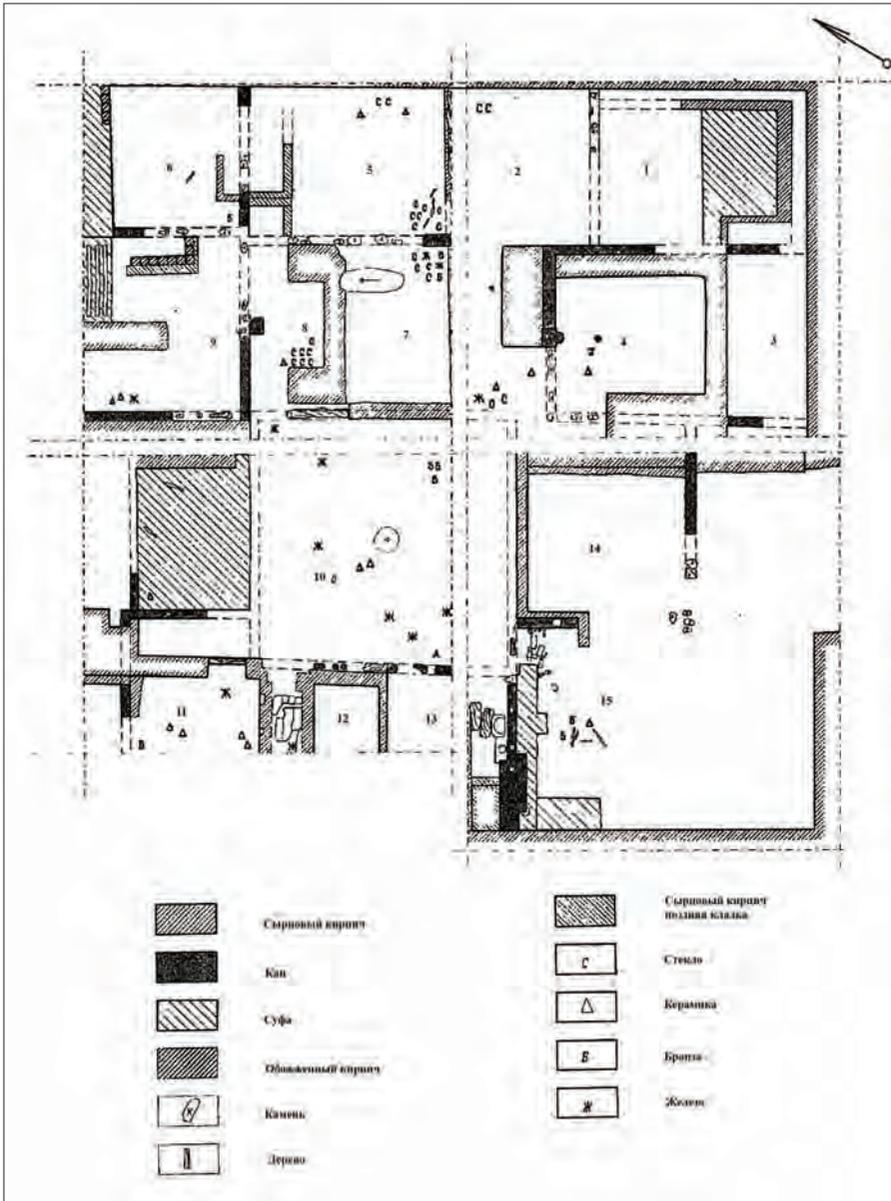

Рис. 79. Усадьба «богатого человека». План

выдувания. Они представляют собой плоские круги с конусообразной шишечкой в центре и концентрическими кругами полосок от следов вращения. Наличие в центре конусообразного возвышения говорит о низком качестве производства. Среди найденных фрагментов лучше всего сохранились центральные части оконных дисков, так как в этом месте толщина стекла достигает 1 см. Край дисков заканчивается характерным петлевидным загибом. Толщина стенок постепенно уменьшается до 1 мм. По очертанию краев были установлены размеры

дисков. Их толщина и размеры колеблются. Диаметр – 20-25 см. Высота конусообразного возвышения – 1,7-3 см. Петлевидные загибы имеют разные профили. Стекло дисков довольно прозрачное, зеленого цвета с легким светло-голубым оттенком и множеством мелких пузырьков.

Помещение 9 – смежное с помещением 8, жилое по своему назначению. Заполнение помещения рыхлое, насыщено углями, золой, обломками обгоревшего дерева. Это остатки перекрытия, сделанного в виде легкого навеса. В заполнении встречены кости, керамика, обломки изделий из железа. В северо-западной части найдены обломки двух крупных сосудов.

В северной части помещения находилась суфа, общая с суфой помещения 6. Возможно, комнаты 6 и 9 представляли собой одно помещение, почти всю северную сторону которого занимала одна большая суфа (размеры ~ 7,7 x 2,7 x 0,43 м). Она полностью обмазана толстым слоем (10 см) плотного по своему составу глинистого раствора светло-серого цвета. В суфе имелись три продуха-кана, которые явились системой обогрева суфы. В западной части суфа упирается в глинобитную приподнятую от земли платформу, перпендикулярно пересекающую помещение. Каны из суфы вплотную подходят к двум тандырам, которые вмазаны в платформу.

Первый тандыр диаметром 47 см, второй – 55 см. Высота стенок тандыров не выяснена. Они имеют прочерченные «геометрические» линии.

Пространство между тандырами выложено фрагментами жженого кирпича.

Конструкция, в которую вмазаны тандыры, представляет собой подпрямоугольную возвышенную площадку размерами 0,9 x 2,72 м,

Рис. 80. Усадьба «богатого человека». Тандыры в помещении 9

Рис. 81. Расчистка тандыра и канна

высота от пола 29 см. В эту же платформу вмазан подпрямоугольной формы заком. Размеры закома – 54 x 38 см, глубина – 50 см.

Кан, разделяющий помещения 6 и 9, имеет высоту 23 см, ширину 25 см, и каменное основание – базы, на которых лежит слой обгоревшей деревянной плахи. Он идет перпендикулярно продухам, берущим свое начало от суфы. Возможно, теплый воздух в этот кан поступал по другим продухам из суфы.

Внутри помещения, в северо-восточном углу, находится «Г»-образная стена, выложенная из жженого кирпича (27 x 27 x 4-4,5 см). Сохранилась кладка «в перевязку» высотой в пять рядов и в один кирпич толщиной. Оба конца стены прерываются, но не разрушены. Стена примыкает к кану, разделяющему помещения 6 и 9, хотя она не связана ни с другими стенами, ни с системой отопления. Назначение этой строительной конструкции не определено.

Помещение илидвор 10. Вокруг него концентрируются остальные помещения. Северная часть этого пространства занята суфой. По всему периметру помещения 10 проложен кан – вдоль и вокруг суфы, вдоль южной стены, частично вдоль стен с востока и запада. Пол помещения понижается от стен к центру, где располагается каменный жернов округлой формы, размерами 1,1 x 1,21 м; диаметр сквозного отверстия 0,16 м; толщина диска 0,3 м. Жернов утоплен в пол. Поверхность жернова довольно гладкая, без желобов, немного выпуклая. Он выполнял функцию базы деревянной колонны, на которую опирались перекрытия.

Заполнение помещения свидетельствует о сгоревшей и рухнувшей деревянной кровле. Слой сгоревшего дерева и обгоревших стеблей камыша зафиксирован непосредственно в припольном слое заполнения

Рис. 82. Город Каялык. Усадьба «богатого человека». Юго-восточная часть

по всей площади помещения. Судя по направлению балок, помещение перекрывалось камышовыми матами длинной стороной по линии север-юг. Для крепления кровли использовались железные гвозди разных размеров.

В западном углу помещения 10 находился проход, который вел через коридор шириной 1 м. На полу обнаружены обгоревшие плоские деревянные доски разной длины шириной 25-30 см и толщиной 3 см. Судя по расположению досок, они принадлежали упавшей двери, которая была окрашена в красный цвет [Байпаков, Пешков, 2000, с. 234].

Помещение 10 соединялось с помещением 11 дверным проемом шириной 1,3 м. В дверном проеме, ближе к выходу, был сделан деревянный порог.

Помещение 11 выполняло хозяйственную функцию. Оно разделено каном на две части – северную и южную. В южной части помещения на полу обнаружены два хума. Один из них, более крупный, находился в вертикальном положении. Венчик хума обломан и упал внутрь. Второй хум меньших размеров располагался восточнее первого.

В северной части помещения устроена площадка размерами 0,7 x 1,1 м, примыкавшая к кану. Она сделана из нескольких плотных слоев суглинистой заливки толщиной 4 см.

По всей видимости, к северной части помещения №11 примыкает еще одно помещение 11а.

В ходе раскопок была выявлена западная стена помещения 11, высота ее составила 0,9-0,98 м, а также внешняя, северная стена (возможно глинобитная), имеющая аморфные очертания, толщина ее 0,88-0,9 м.

В северо-западной части дома, в 0,9 м от дымохода, найдено много фрагментов расплавленного стекла. Среди большого количества фрагментов при внимательном рассмотрении определились фрагменты кувшина, цилиндрическая горловина, днище, стенки тулова и часть декоративно оформленного горлышка в виде жгута, что очень характерно для южных регионов. Стенки сосуда толстые от 1,7 см в нижней части (днища), тулово - от 0,2 до 0,4 см, горлышко - от 0,3 до 0,5 см. Графин имел овальное, вогнутое вовнутрь днище. Внешняя поверхность полностью покрыта пленкой иризации. Стекло мелкопузыристое, непрозрачное. Поверхность горлышка шершавая от вертикальных линий, которые остаются при вытягивании стеклянной массы в процессе выдувания. Реконструкция данного сосуда выявила типичную форму графина с грушевидным туловом, плавно переходящим в цилиндрическое горлышко, постепенно сужающееся кверху, оформленное декоративным жгутом. Все найденные стеклянные изделия изготовлены из непрозрачного зеленоватого стекла с мельчайшими пузырьками, очень сходными с сосудами из южных регионов Казахстана. Предположение о местном производстве стекла основывается на достаточном количестве фрагментов стеклянной посуды, шлаков, многочисленных форм и широкого спектра изделий по функциональному назначению, найденных на отдельных участках городища.

Собранная коллекция фрагментов стекла на городище Антоновка свидетельствует о существовании местного стекольного производства [Дошанова, 2003, с. 170].

В ходе дополнительных исследований в западной части объекта были выявлены: внешняя стена, центральный вход и коридор, вытянутый на протяжении помещений 11, 11а, 12, 13 с запада по линии С-Ю.

Внешняя (западная) стена – шириной 1 м, высотой 0,95 м. С внутренней стороны (со стороны коридора) прослеживаются следы штукатурки. А с внешней, по всей видимости, обмазка не сохранилась. На глубине 0,65 м от дневной поверхности в основании стены видны несколько сырцовых кирпичей. Размеры кирпича стандартные.

Снаружи внешней западной стены на глубине 0,65 м обнаружен фрагмент керамического сосуда, на доннышке которого прорисован знак, напоминающий иероглиф. Там же – скопление хозяйственно-бытовой керамики.

Коридор, отделяющий внешнюю западную стену от остальных помещений этого сооружения, имеет ширину 1,5–1,55 м. Конструктивно он делится на две части – южную и северную, которые разделяются между собой центральным входом.

Южная часть коридора имеет следующие границы: с южной стороны она маркируется хорошо читаемой стеной из сырцового

кирпича; с запада внешней стеной; с востока – стенами помещений 12 и 13 и, наконец, с севера – хорошо обмазанной стеной, имеющей сильный проквал красноватого оттенка и встроенные вертикально три трубы-вытяжки. Эта стена имеет толщину 0,28 см; длину (от внешней стены) – 1,2 м; высоту – 0,6 м.

В восточной части стена, вероятно, имела дверной проем, шириной 0,6 м, о чем свидетельствует завал кирпичей, обгорелого дерева, прокаленной обмазки.

Трубы-вытяжки – подквадратной формы, размерами 21-23 x 20 23,5 см; толщина стенок колеблется от 2 до 5,5 см; на стенках прослеживаются сильные следы прокала. Расстояние между трубами – 0,3 м.

В юго-восточной части коридора были обнаружены фрагменты красной краски на глубине 1,2 м от уровня дневной поверхности.

Северная часть коридора маркирована следующим образом: с запада – внешней стеной, с востока – длинной стеной (4,67 м), отделяющей коридор от помещений 11 и 11а; с юга – стеной с вмозанными тремя трубами и соединялась с внешней стеной сооружения.

Трубы-вытяжки – округлой формы, диаметр их колеблется от 14 до 30 см, толщина стенок 3,5-4,5 см. Две трубы находятся на расстоянии 0,53 м, третья располагается снаружи – за пределами внешней стены.

Западная часть коридора на каком-то этапе была застроена. В коридоре были обнаружены фрагменты тандыра. Внутренняя поверхность тандыра украшена прочерченными вертикальными зигзагообразными и прямыми линиями. Восточнее тандыра было устроено ташнау. Верхняя часть ямы укреплена обломками обожженного кирпича, поставленного на ребро. Ниже яма чуть уже, с прямыми стенками и ровным дном. Слив не зафиксирован. Возможно, он был сделан из сырцового кирпича, обнаруженного в заполнении ташнау.

В южной части коридора на глубине от 0,3 до 1,2 м было обнаружено большое количество стекла (рядом с трубами).

В северной части южного отрезка коридора на глубине 0,2–1,2 м от дневной поверхности найден керамический сосуд с «растительным» орнаментом.

В северо-западной части коридора были обнаружены два фрагмента керамических чиражков и скопление поливной керамики.

На полу коридора расчищены две обгоревшие деревянные плахи. Это остатки двери.

В центральном проходе между внешними стенами на глубине 1,2 м от дневной поверхности найден дверной приклад и конские удила.

Функциональное назначение помещений 12 и 13 не выяснено. Они, по всей видимости, примыкали к внешней, западной стене усадьбы. Возможно, были перекрыты легким навесом.

Западная стена помещения 12 разрушена, сохранившаяся высота – 0,5 м, другие параметры не устанавливаются.

Помещение 13 размерами 3,19 x 2,16 м. Вход в помещение находился с южной стороны и вел через коридор. Южная стена помещения 13 сложена из хорошо сохранившегося сырцового кирпича размерами 28 x 25 x 8 см. Прослежено 6-8 рядов кирпича (6 четко и 2 - аморфных). Хорошо читается западная стена помещения. Она обмазана раствором светло-серого цвета со следами рубленых травы и камыша, сохранившаяся высота – 0,49 м от уровня пола.

В юго-западном углу помещения вертикально стоит обгорелое бревно диаметром 0,9 м; высота бревна 0,44-0,45 м. Покоится оно на базе из обожженного кирпича (размеры базы: 35 x 26 x 14 см). Вероятно, эта «колонна» была обмазана и, возможно, частично заложена кирпичами, которые рухнули и бессистемно лежали на полу помещения. В северо-западном углу этой комнаты прослеживается аналогичная, но менее четкая картина.

С западной стороны помещение 13 заканчивается суфой (0,9 x 1,5 м, высотой 0,46 м), которая была сделана из 4-х рядов сырцовых кирпичей, положенных «в перевязку». На суфе лежал горелый слой, включавший фрагмент горелого дерева. На всей площади пола помещения, в том числе и в углах, зафиксированы горелые конструкции.

Помещение 14 имеет квадратную форму. Уровень пола выше относительно других помещений, заполнение помещения также отличается: оно глинистое, с щелочными прожилками, без следов пожара. Можно предположить, что это открытый внутренний дворик.

Помещение 15 – парадное. С запада ограничено внешней стеной сооружения, с севера и востока – системой канов. Южная граница помещения теряется. Возможно, что и здесь оно было ограничено системой канов, общей с помещением 14.

Пол помещения прокален на глубину до 0,5 см, имеет плотную структуру. Над полом выявлены остатки обгоревшего перекрытия – это несколько балок и стебли камыша. Сверху стебли покрыты слоем глинистого раствора, содержащего большое количество растительных включений. Судя по положению балок и стеблей, помещение имело перекрытие по линии запад – восток.

Северный кан помещения – один из хорошо сохранившихся. Высота от уровня пола помещения – 0,8 см. Стенки кана прокаленные, темно-красного цвета. Северная часть кана соединяется с каном помещения 10. Западная часть кана расширяется до 0,78 м. Здесь она вплотную примыкает к внешней стене. Была ли это тупиковая ветвь, не выяснено. Вполне вероятно, что именно по ней дым из печи нагнетался во всю систему отопления.

К северному кану пристроена суфа, расположенная вдоль северо-западной стены. Высота суфы достигала 0,39-0,40 м; ширина - 0,6-0,65 м; суфа обогревалась. Структура строительного материала суфы – прокаленная глина темно-красного цвета. Снаружи суфа была обмазана, а затем оштукатурена и побелена. Толщина обмазки и штукатурки 2-3,5 см. В центральной части к суфе была пристроена небольшая тумба размерами 30 x 63 см, высотой 32 см. Тумба сложена

из жженого кирпича (27-28 x 27-28 x 4,5 см) в пять рядов и оштукатурена слоем 1,5 см. К северо-западной суфе была пристроена юго-западная с высотой ниже на 10 см. Размеры второй суфы – 1,05 x 2,05 см.

Кан, пристроенный к восточной стене, сохранился на высоту 0,3-0,42 м; длину 2 м; ширину 0,3 м. В кане сделан вертикальный продух-дымоход размерами 18 x 21 см, глубиной 44 см. Тамбурная или экранная стенка размерами 0,2 x 1,0 м расположена возле северной ниши. Ниша находится между восточной стеной и северо-западной суфой. Расстояние от северо-западной суфы до восточного кана равно 1,3 м. Задняя стенка ниши не сохранилась. Возможно, стена или перегородка проходила поверх северо-западного кана.

Возле ниши были обнаружены фрагменты резной глины, они лежали лицевой стороной вниз на обломках сырцовых кирпичей и на обгоревшей плоской деревянной плахе (50 x 20 x 4,5 см) под углом 30° к поверхности пола. На фрагментах резной глины сохранились следы горения [Байпаков, Терновая, 2002а, с. 290-292].

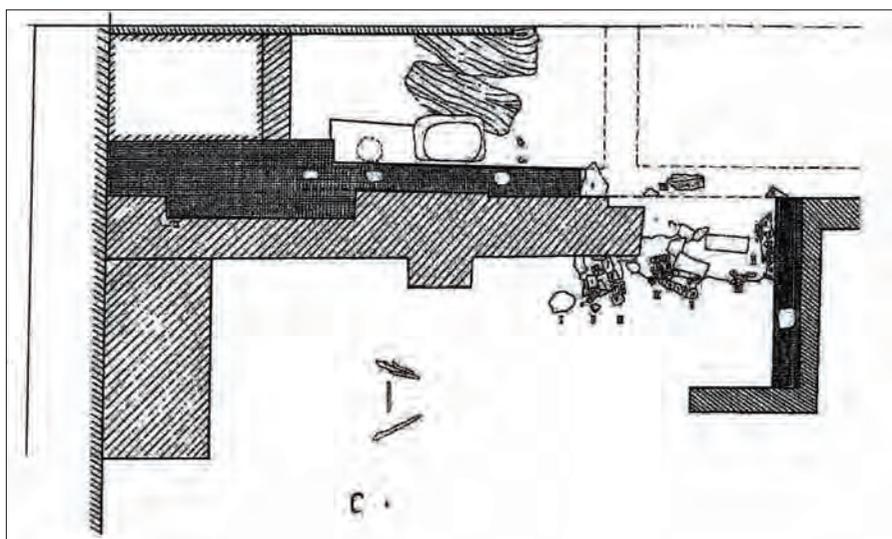

Рис. 83. Резной шtuk и система канов. Помещение 15

Декор, украшавший нишу, лежал на полу и суфе. Фрагменты резной глины складываются в целую композицию, которая представляет собой прямоугольную рамку, состоящую из нескольких полос. Ширина рамки составила 19-20 см. Рамка обрамлена гладкими полосами шириной 1,5 см. Промежуточная полоса также имеет ширину 1,5 см. Внутренняя резная полоса шириной около 6,5 см оформлена орнаментом в виде закручивающихся стеблей растения. Полоса делится на отдельные мотивы в виде круговых завитков с листком, находящимся в центре. Листок имеет два острых уголка и точку-углубление посередине. В месте соединения мотивов расположены два острых листка, которые отходят вверх и вниз. Орнаментальные мотивы из завивающихся

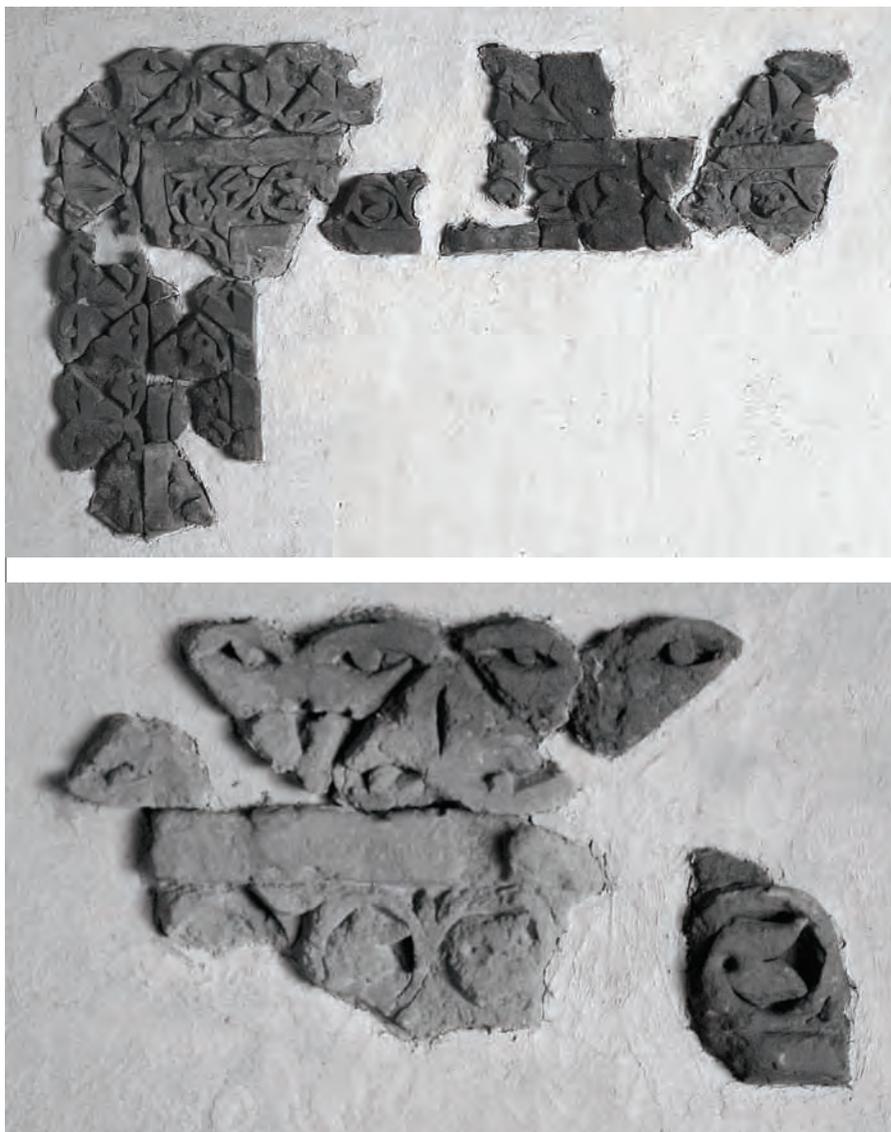

Рис. 84. Фрагменты резной рамки из оформления северо-западной ниши в помещении 15

стеблей «ислими» можно увидеть на резной глине средневековых памятников Жетысу – городищах Луговое (IX-X вв.) и Краснореченское (XI-XII вв.), резном ганче мавзолея султана Санджара (Мерв, XII в.).

Внешняя полоса орнамента, ширина которой равняется приблизительно 8 см, также состоит из отдельных мотивов. Листки треугольной формы, расположенные углом вверх и углом вниз, образуют орнаментальную полосу. Подобная компоновка растительных деталей треугольной формы встречается на резной глине городища Луговое (г. Кулан) [Байпаков, Терновая, 2002б, рис. 6]. Треугольники соединены дугами, отходящими в две стороны от верхних углов треугольников и

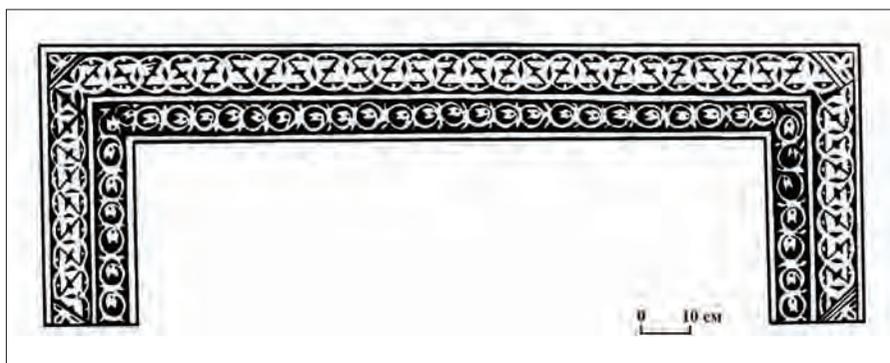

Рис. 85. Фрагменты резной рамки из оформления северо-западной ниши в помещении 15

мест крепления стебельков листьев. В верхних углах прямоугольной рамки были расположены резные трилистники.

Высота вертикальных полос глиняной резной рамки составляет примерно 50-60 см. Рамка предположительно опиралась на деревянные полуколонны (пилоны). Плоская обгоревшая деревянная плаха длиной 50 и толщиной 4,5 см, лежавшая под углом 30° к поверхности пола, могла быть частью полуколонны, находящейся у северо-западной суфы. Ширина глиняной рамки (19-20 см) равна ширине деревянной плахи [Байпаков, Терновая, 2002а, с. 287-295].

XIII век – это время широкого распространения ислама в Жетысу. Вещи иранского происхождения, обнаруженные на территории усадьбы г. Каялыка, среди которых фрагменты люстровой чаши с эпиграфическим орнаментом, осколки цветного стеклянного сосуда с золочением и росписью, бронзовая ложка-нож подтверждают это.

На полу помещения 15 были найдены две бронзовые матрицы и сосуд. Матрицы использовались при изготовлении поясных бляшек или украшений конской сбруи. Первая матрица имеет подпрямоугольную форму с округленными концами (5,8 x 1,5-1,6 x 0,5 см). Ее длинные стороны немного вогнуты, а короткие представляют собой западины с внутренним ребром. Матрица имеет рельефную поверхность. Рельефный рисунок заключен в невысокий бортик, повторяющий контуры матрицы. В центре композиции расположен цветок с шестью лепестками. С обеих сторон от него изображены вьющиеся побеги с листьями и трехлепестковыми цветами. Форма второй матрицы (3,6 x 1,4 x 0,5 см) также подпрямоугольная. Длинные стороны матрицы прямые, одна из них – выпуклая, а другая – вогнутая. Внутренняя композиция матрицы представлена в виде рельефа чередующихся полуovalов.

Сосуд, фрагменты которого были обнаружены на полу помещения 15, был разбит упавшим перекрытием. Он имел узкое горлышко с отогнутой наружу закраиной, раздутое шаровидное тулово и плоское дно. Снаружи сосуд покрыт коричневой глазурью.

Два аналогичных сосуда обнаружены в помещениях 4 и 10. Первый – неполивной, серо-коричневого цвета. Второй сосуд серо-зеленого цвета орнаментирован тонкими прочерченными концентрическими линиями.

Эти сосуды относятся к изделиям китайского импорта. Посуда китайского происхождения была достаточно известна среди горожан, о чём свидетельствуют обломки подобных сосудов, найденные при шурфовке другой усадьбы.

Возможно, что наряду с керамической посудой из Китая завозилась также фарфоровая и стеклянная, которая могла быть образцом для подражания у местных керамистов и стеклодувов. Несомненно, стеклоделие южных районов оказало непосредственное влияние на его развитие в городе Каялыке.

Изученная археологами «усадьба богатого человека» имела значительные разрушения. Сейсмологические исследования объекта зафиксировали деформацию обрушения и систематические наклоны стен, произошедшие в результате землетрясений.

Внешняя юго-восточная саманная стена усадьбы обрушилась во внутрь здания в северо-восточном направлении. Обломки стены отлетели на расстояние до 2 м. Последний факт указывает на сейсмическую природу обрушения, т. к. саманные стены под воздействием климатических причин медленно оплывают со временем, форма саманных кирпичей не идентифицируется в археологическом разрезе. В этом же случае кирпичи сохранились хорошо. Более того, стена упала целиком. Штукатурка лежит на полу почти не поврежденная, а на ней располагается стена. Ее дезинтеграция произошла во время удара о грунт, это был мгновенный процесс обрушения, а не постепенный – оплывание самана под воздействием дождей.

Во дворе 10 обожженные кирпичи, из которых был построен отопительный короб, были наклонены к северо-востоку (азимут падения 230° , угол падения 68°). Аналогичным образом ведут себя и камни фундамента, на которых был сооружен отопительный короб в комнате 4. Азимут простираения короба 45° . Все они наклонены к северо-востоку под углами 54° - 75° . Следует отметить, что современное положение поверхности глыб фундамента на 20 см выше фрагментов сохранившегося короба в южном углу комнаты. Эти глыбы были выброшены вверх и наклонены по сравнению с их первоначальным положением. Подобные систематические наклоны стен наблюдаются, когда направление распространения сейсмических волн перпендикулярно простираению стен [Байпаков, Корженков, 2000, с. 115-117].

Кроме того, усадьба пострадала от пожара. Об этом свидетельствуют прокаленный пол, остатки обгоревшей и рухнувшей кровли, следы прокала и гари на стенах помещения.

Система отопления усадьбы довольно сложная. По всей вероятности горячий воздух поступал из нескольких локальных печей и тандыров, расположенных в разных частях этого большого дома, и распространялся по продухам-распределителям – канам. Они расположены вдоль стен и суф, взаимосвязаны и пересекаются под прямыми углами. В некоторых случаях каны сами являлись перегородками-разделителями помещений. Есть тупиковые линии. В основном, это каны, упирающиеся во внешние стены. Нивелированный уровень основания канов неодинаков. С запада на восток фиксируется общее повышение на 10-15 см.

Каны углубляются в пол. Для их сооружения прокладывали желоб шириной около 30 см, глубиной до 13 см. Через определенные промежутки (от 20 до 100 см) в желоб были положены камни – крупные сколы скальной породы. В желобе они находились плоской стороной кверху. Вероятно, камни являлись не только базой, но также регулировали нивелировку канов. На камнях располагалась обработанная плоская деревянная плаха. Затем надстраивался глиняный продух-дымоход. При этом деревянная плаха оставалась открытой. Внешние стенки дымоходов имели подпрямоугольную или округлую формы (диаметр 20-30 см). Дымоходы прокалены, копоть отсутствует. В нескольких случаях зафиксированы продухи-отводы с ошлакованной поверхностью, расположенные вертикально.

Раскопки усадьбы № 14. Были исследованы верхний и второй сверху (нижний) строительный горизонты.

Раскоп был заложен в центральной части уплощенной вершины невысокого всхолмления, к которому с северо-востока подходит (примыкает) своеобразный пандус. Усадьба находится в юго-западной части городища, примерно в 100 м на северо-запад от трассы Алматы – Усть-Каменогорск и в 20 м на юг от канала (калмак-арык). Раскоп углами ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением. Общая площадь раскопа составляет 400 м.

Помещение 1 (верхний строительный горизонт). После расчистки раскопа от грунта законсервированных конструкций и оплывов бровок и стен, наиболее хорошо сохранилась восточная часть раскопа, где расположено помещение 1. Помещение занимает восточную часть раскопа, имеет в плане «Г»-образную форму. По своему назначению помещение жилое, так как имеет печи, тандыры, суфы и систему канов. Длина помещения по линии северо-запад – юго-восток 6 м, ширина 2 м.

В восточной части помещения была расчищена суфа размером 3,3 x 3 м, высотой 0,3 м. Внутри суфы проложено четыре ряда канов системы отопления, сложенных из сырцового кирпича (30 x 18 x 7 см). Длина канов 2,9 м, ширина 20 см, глубина 25 см. К суфе с юго-западной стороны была пристроена печь, от которой идут выше описанные каны. Печь в плане полукруглой формы размером 60 x 60 x 30 см, плохой сохранности.

Рис. 86. Раскоп №14. Общий вид

Вдоль юго-восточной стены ближе к южному углу расчищена вторая суфа шириной 1,1 м, сохранившаяся высота которой - 0,25 м. В суфу встроена печь №2 в плане подквадратной формы, параметры которой составляют 50 x 50 x 20 см. От печи отходит кан шириной 20 см, который перекрыт деревянной плахой, кан проходит до юго-западной стены, где поворачивает под прямым углом на северо-запад и тянется вдоль юго-западной стены до конца помещения. В южном углу помещения суфу пререзает мусорная яма верхнего строительного горизонта. Яма в плане округлой формы, диаметром 55 см, глубиной - 50 см. В заполнении ямы обнаружены фрагменты поливной и неполивной керамики, обломки костей домашних животных.

Стены помещения сложены из сырцового кирпича размерами 30 x 18 x 7 см; хорошо сохранилась юго-восточная стена, толщина которой равна 0,7 м; высота 0,7 м; остальные всего в один ряд кладки, толщина юго-западной 0,9 м; северо-западной - 0,7 м и северо-восточной - 0,4 м.

По внутреннему краю стен помещения проложены каны системы отопления, шириной 20 см, которые сверху закрыты деревянными плахами.

Помещение 2 (верхний строительный горизонт) размерами 3,3 x 2,1 м расположено в северо-восточной части раскопа, с севера примыкает к помещению 1.

В помещении расчищена «Г»-образная суфа, расположенная вдоль северо-восточной и юго-восточной стен. Ширина суфы 1,0 м, сохранившаяся высота 0,2 м. Вход в помещение находился в северо-западной стене, ширина дверного проема 0,8 м. Северо-восточная стена толщиной 0,7 м; сохранившаяся высота 0,5 м; северо-западная - толщиной 0,5 м; сохранившаяся высота - 0,25 м.

Помещение 1 (нижний строительный горизонт) выявлено в южной половине раскопа с юго-западной стороны помещений верхнего

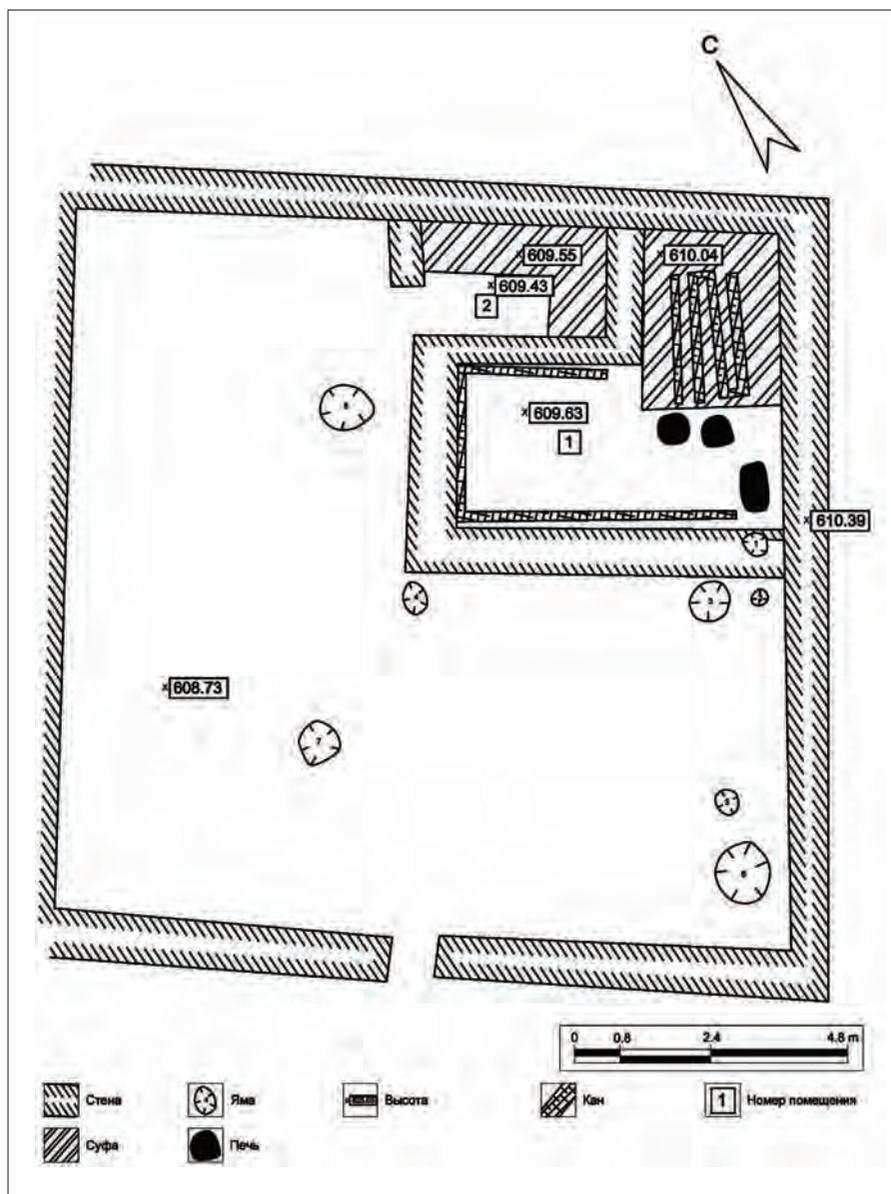

Рис. 87. Раскоп №14. Верхний строительный горизонт

строительного горизонта. Помещение 1 размерами 5,4 х 3,3 м по своему назначению жилое – в нем выявлены суфы и тандыр, расчищена «Г»-образная суфа, расположенная вдоль северо-восточной и юго-восточной стен. Ширина суфы 0,9 м; высота 0,4 м. В восточном углу помещения суфу пререзает яма №2 верхнего строительного горизонта. Она овальная, диаметром приблизительно 0,4 м и глубиной 0,3 м. К северо-западу от нее в 0,4 м суфу пререзает еще одна мусорная яма №3 диаметром 0,85-1 м, глубиной 0,4 м.

Три стены помещения сложены из сырцового кирпича размерами 30 x 17 x 7 см; толщиной 0,7 м; сохранившаяся высота от 0,5 м; кроме северо-восточной, высота которой равна 1,4 м. Четвертая – северо-западная стенка-перегородка тоньше, сложена из жженого кирпича (28 x 20 x 5 см), сохранились три ряда кладки. В стене имеется проход шириной 1,7 м, ведущий в помещение 2.

Помещение 2 размерами 3,3 x 1,5 м – прихожая или тамбур помещения 1, от которого оно отделено тонкой стенкой из жженого кирпича. В помещении вдоль северо-западной и северо-восточной стен находилась «Г»-образная суфа шириной 0,75 м и высотой 0,5 м. В северном углу помещения суфу пререзает яма №4 округлой формы, диаметром 0,65 м и глубиной 0,25 м.

Стены сложены из сырцового кирпича (кроме стены перегородки), сохранившаяся высота 0,6 м. В юго-западной стене расчищен дверной проем шириной 0,75 м, ведущий в помещение 3, которое является прихожей усадьбы. Северо-западная стена помещения является общей с помещением 5.

В процессе расчистки заполнения до уровня помещения обнаружены фрагменты керамики, покрытой зеленой глазурью, семь асыков, из них два обработаны: один с обеих сторон стерт и похож на пемзу, в центр второго асыка залит металл.

Помещение 3 размерами 3 x 2,25 м является прихожей – во всех четырех его стенах выявлены дверные проемы. Стены возведены из сырцового кирпича, кроме юго-восточной стены, которая сложена из жженого кирпича. Все стены одинаковой толщины – 0,7 м; сохранились на высоту 0,6-0,8 м. Юго-восточная стена из жженого кирпича сохранилась в высоту на 1,35 м.

Дверные проемы шириной 0,75 м, кроме широкого прохода в юго-восточной стене – 1,3 м, ведущего из прихожей в жилое помещение 4.

Помещение 4 размерами 5 x 3 м расположено в южном углу раскопа, с северо-востока имеет общую стену с помещением 1, с северо-запада общую с помещением-прихожей 3. Вдоль юго-восточной стены расположена суфа шириной 1,3 м и высотой 0,35 м. Суфу пререзают две мусорные ямы: в восточном углу яма №5, овальная, диаметром примерно 0,4 м; глубиной 0,5 м. В заполнении ямы найден железный наконечник стрелы. Вторая яма №6 пререзала суфу в центре, ее диаметр 1,1 м; глубина 0,4 м.

Стены помещения сложены из сырцового кирпича, средняя толщина стен 0,7 м; сохранившаяся высота стен: 0,5-1,35 м. Проход шириной 1,1 м находится в северо-западной стенке-перегородке.

Помещение 5 размером 7,5 x 5,2 м расположено в западной части раскопа и является самым большим. Вдоль всех стен помещения имеются суфы. Ширина суф достигала 0,7-1,5 м. В средней части северо-восточной суфы найден тандыр с диаметром устья 55 см и высотой 55 см. Юго-западную суфу помещения пререзает яма №7 диаметром 0,9 м, глубиной 0,25 м. В суфе проложен кан шириной 0,2 м.

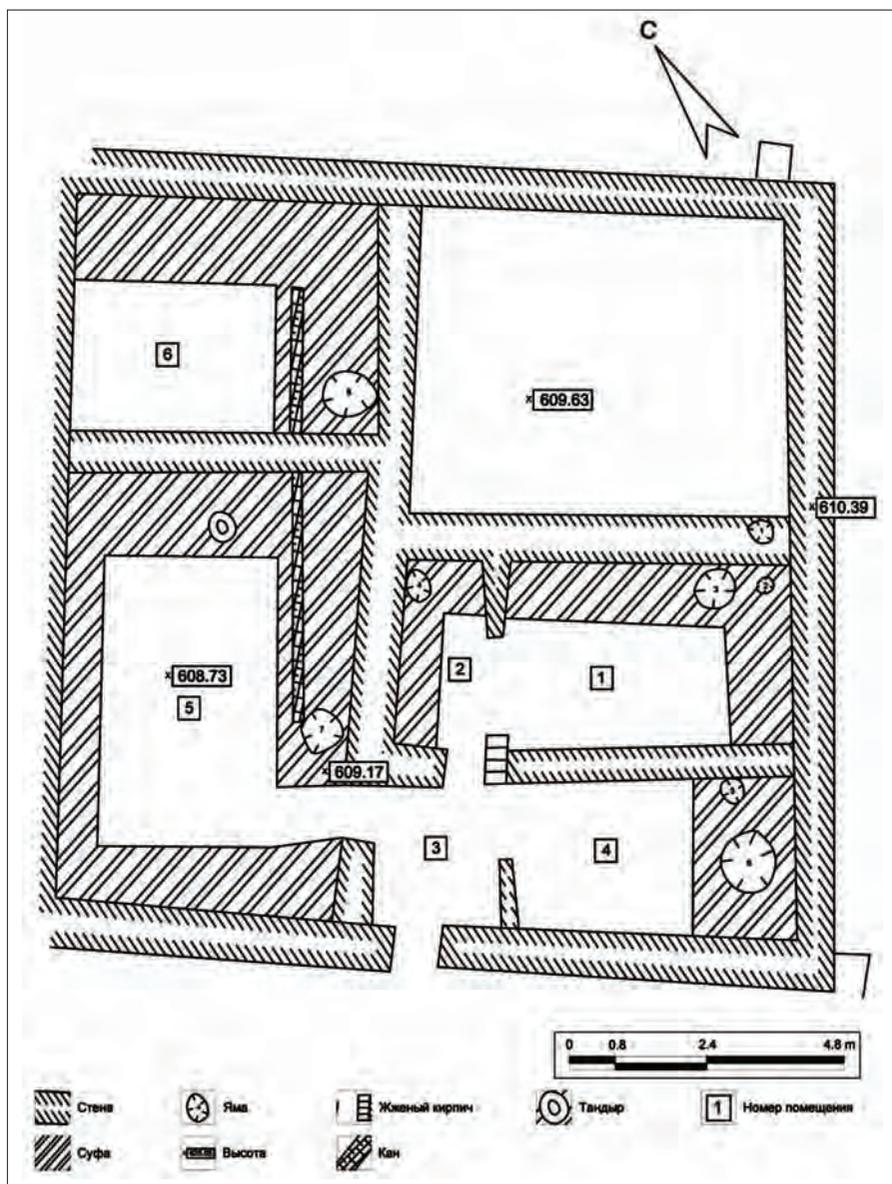

Рис. 88. Раскоп №14. Нижний строительный горизонт

Стены сложены из сырцового кирпича (30 x 17 x 7 см) толщиной 0,7 м. Сохранились на высоту 0,7-0,8 м. В северо-восточной стене имеется проход шириной 0,75 м в помещение 6.

Помещение 6 расположено в северном углу раскопа, с юго-запада граничит с помещением 5 и имеет с ним общую стенку, с юго-востока - с помещениями 1 и 2 первого строительного горизонта. Помещение имеет «Г»-образную суфу, расположенную вдоль юго-восточной и северо-восточной стен. Ширина суфы 1 м, высота 0,35 м. По внешнему краю юго-восточной суфы проходит кан, который перекрыт деревянной плахой.

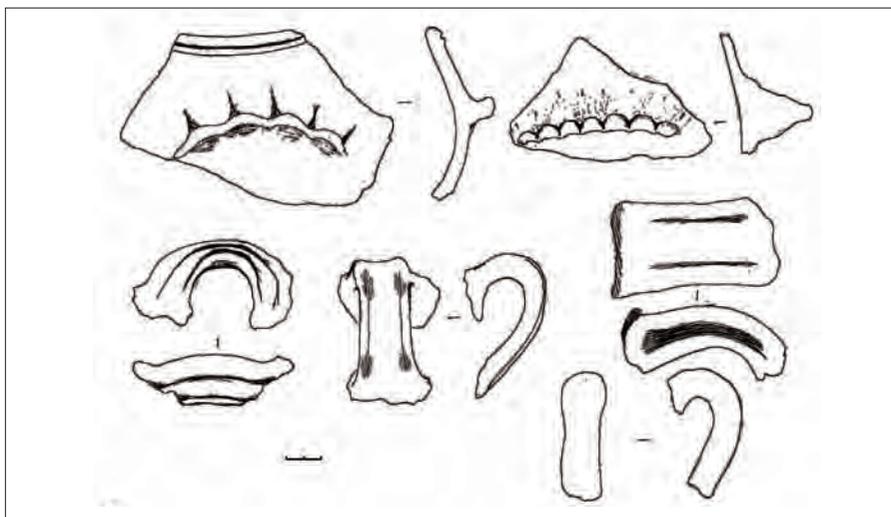

Рис. 89. Раскоп №14. Фрагменты ручек сосудов.
Второй строительный горизонт

В южном углу помещения суфу прорезает яма №8 диаметром 0,9 м; глубиной 0,4 м. В заполнении ямы обнаружено большое количество костей животных.

Вход в помещение не обнаружен, предположительно он находится в северо-западной стене.

В результате археологических раскопок в полевом сезоне 2014 года исследована жилая усадьба. Выделено два строительных горизонта. Первый строительный горизонт лучшей сохранности в

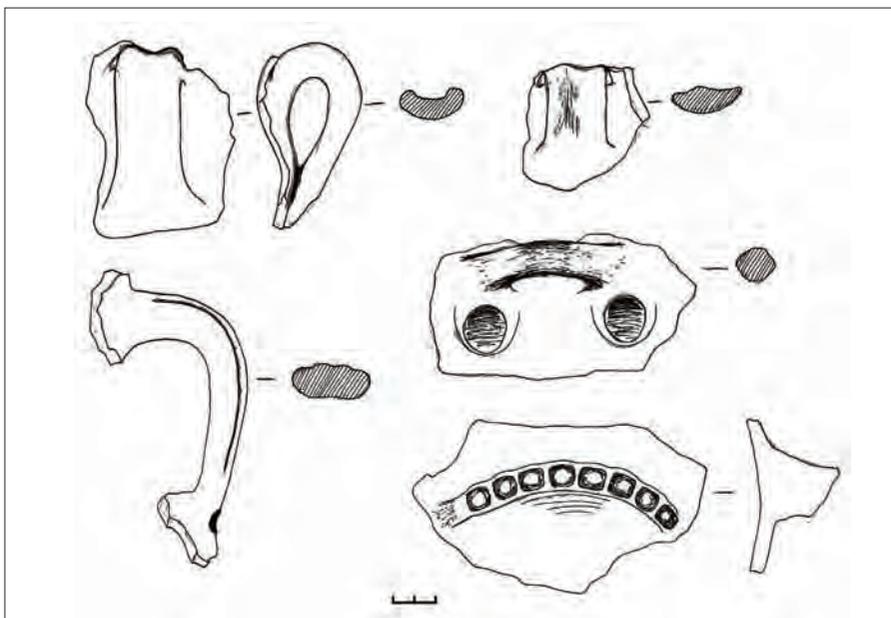

Рис. 90. Раскоп №14. Фрагменты ручек сосудов.
Второй строительный горизонт

восточной части раскопа: выявлены два помещения с суфами, печами и отоплением в виде системы канов, проложенных вдоль стен и под суфами.

Второй строительный горизонт представлен шестью помещениями, группирующимися в отдельный дом.

Собрана коллекция керамических изделий – фрагменты горшков и горшкообразной посуды, хумы и хумчи, кувшинов. Обнаружено небольшое количество фрагментов стекла, кости (гребень), изделия из металла – наконечник стрелы.

Датируется усадьба по собранному материалу, главным образом керамике, второй половиной XIII – началом XIV в.

Раскопки усадьбы № 20. Перед началом раскопок объект представлял собой прямоугольный в плане холм высотой около 2 м от дневной поверхности, длина по основанию 32 м, ширина 28 м, южная часть холма более пологая, а северная имеет угол наклона 45°. Холм расположен в 75 м к северо-западу от трассы Алматы – Усть-Каменогорск. Севернее холма в 25 м расположен канал-арык Калмак и в 10 м от подножия холма на восток расположена еще одна небольшая неисследованная усадьба в виде оплывшего небольшого холма высотой 1 м, размерами 10 x 10 м.

Раскоп размерами 18,5 x 10 м был заложен в центре холма, частично перекрыл шурф, заложенный здесь ранее. Всего на площади раскопа расчищено 8 помещений.

Помещение 1 размерами 6 x 7 м располагается в средней части усадьбы. Северо-западную часть помещения занимает суфа размерами 6 x 3,15 м; сохранившаяся высота 0,3 м. В суфе проходят жаропроводящие каны шириной 0,2-0,3 м; глубиной 25 см. Сверху

Рис. 91. Общий вид усадьбы № 20

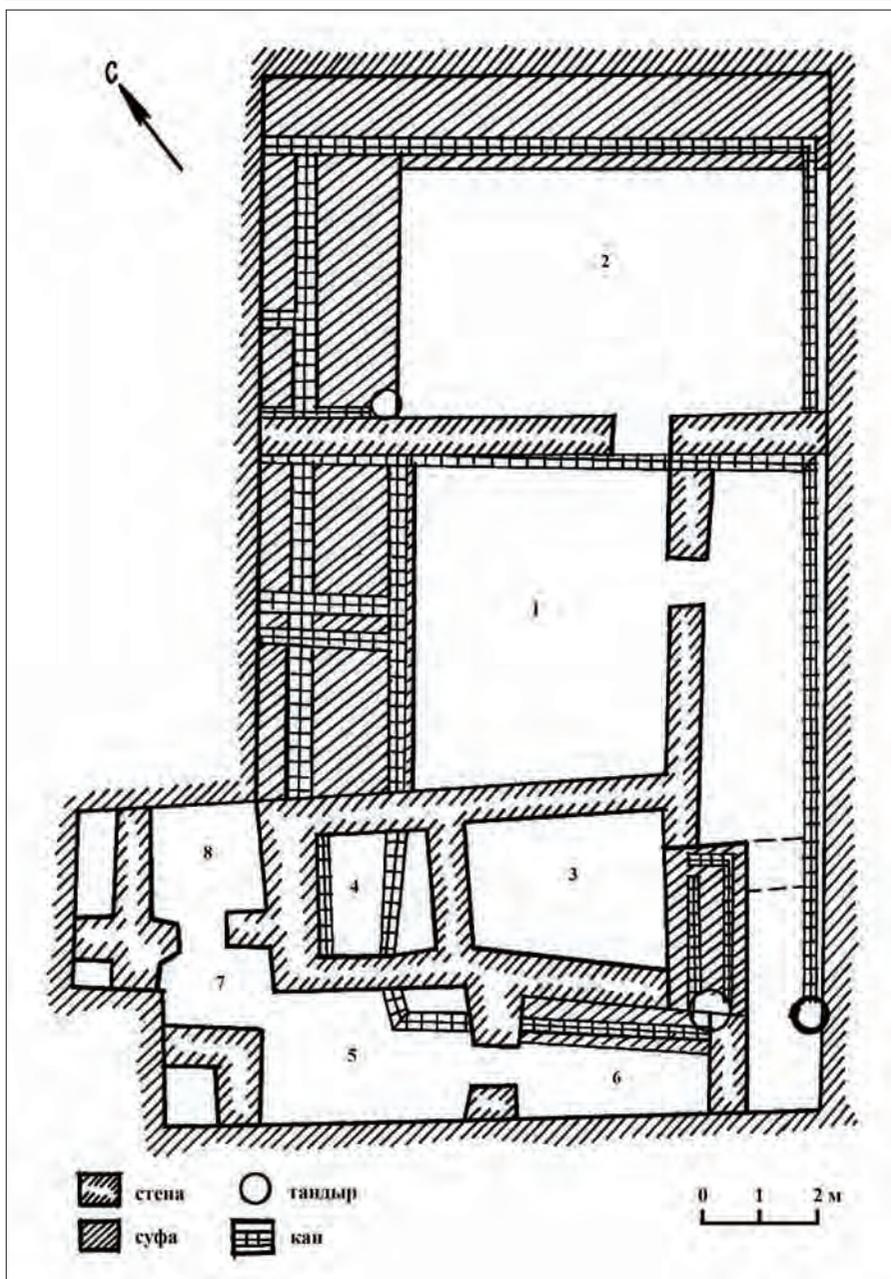

Рис. 92. Городище Антоновка. План раскопа усадьбы № 20

каны были закрыты деревянными плахами, обмазанными слоем глины желтого цвета. Изнутри каналы канов прокалены докрасна, но отсутствуют следы золы и сажи. В суфе проложены пять рядов жаропроводящих канов. Два по линии северо-восток – юго-запад и три по линии северо-запад – юго-восток: один канал – вдоль северо-западной стенки; второй параллельно перовому ближе к внешнему

краю суфы; третий – перпендикулярно первому и второму вдоль северо-восточной стенки помещения, идущей из коридора длиной 8,5 м; четвертый и пятый, между которыми расстояние 0,3 м, проходят в средней части суфы параллельно третьему и связывают между собой первый и второй каналы. Первый и второй каналы проходят под стенами и продолжают в суфах помещений 2 и 3. Третий канал покрыт слоем щебня, который фиксируется в дверном проеме (порог) и в коридоре.

В ходе расчистки помещения 1 у северо-западной стены обнаружена половинка небольшого горшка, покрытого слоем сажи, диаметр тулова 13 см. На полу в центральной части помещения расчищена неглубокая лунка, в которой обнаружен череп и фрагмент челюсти козы. На суфе находились фрагменты кувшина.

Все стены сложены из пахсы. Толщина межкомнатных стен 0,5 м; сохранившаяся высота 0,5-0,6 м; внешняя северо-западная стена толщиной 0,8 м; сохранившаяся высота 0,9 м. Пол помещения обмазан раствором желтой глины.

Проход шириной 1 м в северо-западной стене ведет в помещение 2.

Помещение 2 размерами 5,5 x 10 м занимает северо-восточную половину усадьбы и является самым большим по площади. В помещении устроена «Г»-образная суфа вдоль северо-западной и северо-восточной стен. Ширина суфы 1,6 м, сохранившаяся высота 0,3 м.

По периметру помещения, кроме юго-западной стены, выявлена система отопления в виде жаропроводящего канала шириной 0,3-0,4 м и глубиной 0,2 м. В суфе у северо-западной стены выявлено два ряда каналов, расстояние между ними 1,2 м; второй ряд канала – ближний к внешнему краю суфы – оплыл и почти не сохранился. Вдоль северо-восточной и юго-восточной (внешней) стен проложен жаропроводящий канал шириной 0,3 м, сложенный из деревянных плах и обмазанный слоем глиняного раствора.

При расчистке пола в помещении 2 обнаружен фрагмент вертикальной ручки от водоносного кувшина, у основания украшенной вдавлениями, нанесенными палочкой. Ширина пластинчатой ручки 5 см, толщина 0,7 см. Найден каменный пест и фрагмент напольного переносного очага – алтаря, украшенного резным орнаментом.

В южной половине усадьбы устроен коридор: его северо-западная стена общая с помещением 1, а северо-восточная – с помещением 2. Длина коридора 6,7 м, ширина 1,8 м.

Помещение 3. После исследования первых двух помещений раскоп был расширен к юго-западу по направлению жаропроводящих каналов. Под дерновым слоем на глубине 0,2 м были обнаружены плохо сохранившиеся конструкции верхнего строительного горизонта в виде развала жженных кирпичей размерами 30 x 30 x 5 см. После разбора завалов и зачистки было выявлено помещение, фундамент и стены которого сложены из жженого кирпича. В нескольких местах стены

сохранились на высоту двух рядов кладки, наиболее хорошо сохранился западный угол. Юго-восточную часть помещения занимала суфа длиной 3 м и шириной 1,3 м. В суфу встроена система канов шириной 0,2-0,25 м из 3-4-х рядов.

В помещении найдены крупные фрагменты боковин хумов и хумчи, обломок керамической трубы и культовый сосуд баночной формы. При расчистке кирпичей обнаружено несколько фрагментов стеклянных сосудов и глазурованной керамики от чаш зеленого цвета, изделия из металла.

В южной и юго-восточной части раскопа выявлено продолжение коридора, его длина 8 м, ширина 2 м. От коридора к северо-западу расположено помещение 3. Вдоль юго-восточной стены проложен кан.

Помещение 4. В северо-западной части помещения 3 выявлено еще одно помещение, уровень пола которого на 0,5 м ниже, чем в помещении 3. Следовательно, оно относится к нижнему строительному горизонту постройки. С северо-восточной стороны помещение имеет общую стенку с помещением 1, а с юго-западной – с помещением 5. На плане оно обозначено как помещение №4 размерами 1,9 x 1,8 м. По функциональному назначению оно жилое – имеет суфу и обогревается системой канов. Суфа расположена вдоль юго-восточной стены шириной 0,6 м, сохранившейся на высоту 0,25 м.

В процессе расчистки суфы на ее поверхности в южной части обнаружены следы побелки известью. Внутри суфы ближе к внешнему краю проходит кан, который является продолжением канна 2 из

Рис. 93. Культовый сосуд с налетами змей

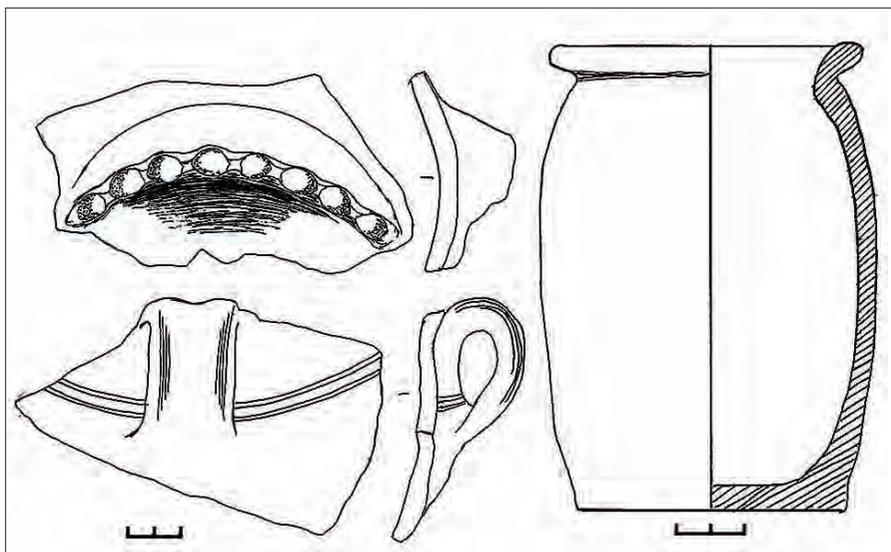

Рис. 94. Усадьба № 20. Керамика

помещения 1, еще один кан проходит в суфе вдоль северо-восточной стенки, третий – в суфе вдоль юго-западной стены. Четвертый кан проходит вдоль северо-западной стены помещения и является продолжением канна 1 из помещения 1.

В процессе расчистки заполнения помещения обнаружены фрагменты стенок тандыра, внутренняя часть которых имела резной орнамент в виде вертикальных волнистых линий, хумчи и горшков.

Помещение 5 размерами 3,5 x 2,4 м занимает западную часть усадьбы. В восточной части помещения расположена суфа, в которой проложен кан. Стены внутренние толщиной 0,6 м, внешняя – 0,8 м. Сохранившаяся высота стен от 0,25 до 0,5 м. Проходом в юго-восточной стене шириной 0,8 м соединяется с помещением 6, а в северо-западной стене шириной 0,75 м – с помещением 7.

Помещение 6 находилось в юго-западной части раскопа. Из деталей интерьера можно назвать «Г»-образную в плане суфу шириной 1,1-1,2 м, сохранившуюся на высоту 0,2 м. Внутри северо-восточной части суфы по ее внешнему краю проложен кан, который идет из помещения 5. Кан представляет собой желоб шириной 0,2 м и глубиной 0,15 м, поверх которого положена деревянная плаха, обмазанная слоем глины. На поверхности кана в юго-восточной части помещения обнаружены небольшие камни и слой щебня.

Помещение 7 размером 1,8 x 1,5 м расположено в северо-западной части постройки. На полу находился разрушенный тандыр, от которого сохранилась лишь часть основания. Приблизительный диаметр тандыра 1,2 м. Толщина стенок тандыра 2,5 см, внутренняя часть имела резной орнамент в виде вертикальных зигзагообразных и горизонтальных волнистых линий. В заполнении тандыра следы золы и органические вкрапления. В юго-западной стене расчищен дверной проем шириной 0,9 м.

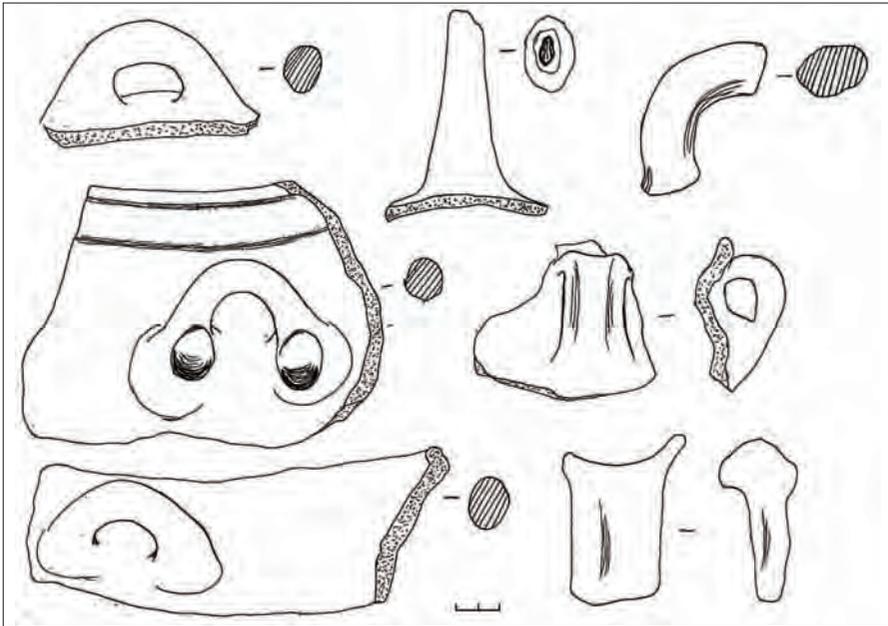

Рис. 95. Усадьба № 20. Фрагменты ручек. Второй строительный горизонт

Помещение 8 размерами 1,7 х 1,8 м находится в западной части, с юго-запада примыкает к помещению 7, с северо-запада - к помещению 5. В центре помещения выявлено пятно от напольного очага, либо остатков небольшой печи. Размер пятна 0,3 х 0,3 м. В восточном углу помещения обнаружен перевернутый сосуд (кувшин) с выбитым дном. Наконечник стрелы двухлопастной монгольского типа найден в южном углу.

Таким образом, на раскопе был открыт жилой дом, входивший в состав отдельной усадьбы, с двором, в центре которого находился бассейн – хауз, от него сохранилась впадина.

Датируется городская усадьба концом XIII – началом XIV в.

О застройке городов Северо-Восточного Жетысу. Широкие раскопки в Северо-Восточном Жетысу велись на городище Талгарпо уровню слоев XI – начала XIII вв. [Байпаков, 2013, с. 272-283]. Выяснилось, что дома Талгара, их жилые помещения отапливались напольными подковообразными очагами. В помещениях имелись также прямоугольные очаги-алтари с бортиками, но ни разу не встретилось отопление при помощи канов, подпольных дымоходов. Дома группировались в кварталы, застройка города была плотной. Сложилось мнение, что город Тальхир прекратил свое существование в первой четверти XIII в. Аргументом может служить полное отсутствие на городище чагатаидских монет. Возможно, в начале XIII в. центр региона в предгорьях Заилийского Алатау перемещается на территорию Алматы, где на одном из городищ начинает выпускаться монета, на которой указано место чеканки – город Алматы.

Изучение городской застройки по материалам раскопок Каялыка свидетельствует о том, что она была усадебной, похожей на застройку городищ Золотой Орды. Дом «богатого человека» дает представление о центрической планировке, когда центром дома является двор. Он может быть открытым, либо перекрытым кровлей, опирающейся на центральный столб, который стоял на базе из кирпича или каменном жернове и был снизу обложен сырцовыми или жжеными кирпичами. Из двора или центрального помещения шли проходы в жилые или хозяйственные помещения, расположенные по периметру. Внешние, более мощные, стены домов укреплялись по углам башенками. Отопление осуществлялось при помощи канов. К дому примыкала территория, окруженная стеной с хаузом – водохранилищем.

Строительство таких богатых усадеб и отдельных дворцовых сооружений продолжается в XIV-XV вв., примером чему служит, скорее всего, дворцовая постройка на городище Акчий в долине Кетментюбе, которую можно отнести к Юго-Западному Жетысу. Дворец с большим центральным помещением имел место для владетелей дворца и высокопоставленных гостей, по периметру расположены жилые и хозяйственные помещения. В первых можно видеть богатый интерьер, резьбу по штукатурке, полихромные росписи стен, оштукатуренные и украшенные потолки. Помещения отапливались при помощи канов – горизонтальных колодцев, выведенных из печей, находившихся в отдельном топочном помещении.

Изучение городищ Центрального Казахстана

Первые сведения о средневековых городищах и поселениях Центрального Казахстана содержатся в отчете и сообщениях русских путешественников: этнографов, геологов, ботаников, географов, которые в своих поездках, видимо, и дали характеристику остаткам памятников оседлой культуры в долинах Ишима, Нуры, Кенгира, Сарысу, в предгорьях Улутау [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 5-14].

В советское время внимание археологии привлекали, в первую очередь, памятники эпохи палеолита, бронзы, раннего железа, кочевых тюркских племен и лишь благодаря усилиям А. Х. Маргулана была собрана информация об остатках поселений и городов, которая дала возможность дать научную сводку о городах Центрального Казахстана еще в 1951 г. [Маргулан, 1950, с. 88-121].

Исследование городищ Центрального Казахстана продолжалось в XX в. и продолжается в первые два десятилетия XXI в. Результаты этих изысканий опубликованы [Маргулан, 1972, с. 8-30; 1973, с. 3-42; 1978, с. 3-37; Жолдасбаев, 1973, с. 102-112; 1976, с. 46-58; Смаилов, 1997].

Большинство поселений и городищ существовало в VIII – начале XIII вв. Некоторые продолжают активную жизнь в XVI-XVII вв.

Городище Жошы-Ордасы находится рядом с мавзолеем Жошы-хана на р. Кенгир.

Раскоп I площадью 224 кв. м был заложен на восточной половине самого большого бугра, расположенного в 25 м северо-восточнее мавзолея Жошы-хана. Расчищена часть дома из четырех помещений.

Стены дома толщиной 0,7-1,1 м сложены из сырцового кирпича хорошего качества стандартного размера 40 x 20 x 10 см. Сохранившаяся высота стен колеблется от 0,5 до 1,1 м. Входили в дом через коридор-тамбур между капитальной восточной стеной помещения 1 и внешней стеной. Вход в коридор расположен с южной стороны у юго-восточного угла дома. Длина коридора 4 м, ширина 1,25 м.

Помещение 1 размерами 4,4 x 3,7 м. Вход шириной 0,9 м расположен в восточной стене помещения. У стен устроена «Г»-образная суфа, печь расположена у восточной стены помещения. Суфы обрамлены кирпичной стеной в один ряд шириной 0,2 м. Суфа, расположенная напротив входа, имеет кирпичную стенку от северной стены помещения до южной. Стена суфы слева начинается с восточной стены помещения и упирается в стену суфы напротив. Ширина суфы напротив у входа равна 0,9 м, а суфа слева имеет ширину у восточной стены 0,8 м и сужается к другому концу, где имеет ширину 0,6 м. В восточной стене помещения устроена печь типа камина, что потребовало утолщения стен до 1,1 м. Печь выглядит как ниша в стене высотой 0,35 м и шириной 0,45 м. Верх печи перекрыт одним нестандартным кирпичом длиной 0,6 м. Дымоход печи разрушен поздним погребением. Боковые стены печи выступают от линии стены на 4-5 см. Пол перед печью покрыт слоем золы. Стены в помещении толщиной 0,7-0,8 м, восточная стена – 1,1 м.

Помещение 2 размерами 4,5 x 4,7 м. Вход в это помещение осуществлялся через коридор. Входной проем шириной 0,8 м имеет порог высотой 0,15 м. Вдоль северной и западной стен помещения имеется «Г»-образная суфа. Борты суфы выложены сырцовым кирпичом в один ряд. Высота суфы, расположенной вдоль западной стены помещения, – 0,6 м, северной – 0,3 м. Справа от входа в стене имеется углубление шириной 0,5 м и глубиной 0,6 м. В центральной части восточной стены устроена печь шириной 0,6 м; глубиной 0,7 м. Верхняя часть печи не сохранилась. Стены печи выложены стандартным кирпичом, поставленным на ребро, и выступают за линию стены на 0,1 м. Основание печи находилось ниже уровня пола на 0,2 м. Стены и основание печи имеют следы прокала.

Помещение 3 размерами 5,25 x 3,5 м, толщина стен – 0,7-0,8 м. Местами на стенах сохранилась штукатурка. Входной проем шириной 0,85 м находится в западной стене помещения. К юго-восточному углу примыкает небольшая суфа длиной 2,25 м; шириной 1,1 м; сохранившаяся высота 0,45 м; с тремя тандырами. Края суфы укреплены кирпичной кладкой шириной 0,2 м. С торцевой стороны суфы устроены топки тандыров, прикрытые камнем. Тандыры устроены друг за другом. Первые два тандыра сделаны из двух несомкнутых половинок и пристроены друг к другу. Третий тандыр не сомкнут с одной стороны

и пристроен ко второму тандыру. Тандыры сообщались друг с другом посредством проемов шириной 0,15 м. Тандыры имеют диаметры 0,6 м и высоту 0,4 м. Внутренняя поверхность тандыров покрыта пересекающимися косыми насечками.

Печь типа камина устроена в центральной части западной стены, рядом с входным проемом. Дно печи находится на высоте 0,35 м от уровня пола. Ширина топки 0,7 м, высота - 0,4 м. Верхняя часть печи сложена в виде свода. Стенки печи сложены из сырцового кирпича, положенного на ребро и выступают за линию стен на 0,1 м. В заполнении печи зола, кости животных, фрагменты керамики.

Помещение 4 площадью 28 кв. м. Вход в помещение расположен в центре западной стены. Ширина проема 0,8 м. Стены помещения толщиной 0,75-0,8 м. Пол помещения глиняный. Помещение разделено перегородками толщиной в один кирпич (0,2 м). Перегородки местами сохранились на высоту до 0,9 м. Это помещение было хозяйственным. На полу собраны фрагменты двух сосудов высотой 0,57 и 0,6 м.

Керамика городища Жошы-Ордасы датируется XIII-XIV вв. Хумы из помещения 4 поселения Жошы-Ордасы изготовлены из плотного теста с примесью песка. Обжиг равномерный светло-коричневого, серого оттенков. Хумы различаются по профилю венчиков. Первый хум имеет резко отогнутый наружу подпрямоугольный в сечении венчик. Венчик второго хума слегка отогнут наружу, округлого сечения. Остальные фрагменты принадлежат горшковидным сосудам.

Отличительная черта жилищ поселения Жошы-Ордасы – это отсутствие канов, наличие совмещенных тандыров и печей-каминов.

Городище Шот-Кора среди памятников этого периода стоит особняком, датируется XIII-XIV вв. Раскопки этого городища не дали подтверждающего дату материала. У Хафиза Таныша – хрониста бухарского правителя Абдаллаха II - в описании похода названного правителя на Улытау есть такие сведения: «В субботу 6-го (числа этого) месяца (хан) остановился около (навахи) Сарай перед мазаром Джучи-хана» [Маргулан, 1978, с. 31]. Используя это сообщение, А. Х. Маргулан отождествляет городище Шот-Кора с Сараем Хафиза Таныша и датирует городище золотоордынским периодом.

Предгорья Улытау после среднеазиатского похода Чингисхана стали центром улуса Джучи. И хотя авторы по-прежнему называют эти степи Дешт-и Кыпчаком, известно, что население этого региона приблизилось к современному родоплеменному составу. Так, здесь в начале XIII в., в период объединительных войн Чингисхана, кочевал найманский Буюрук-хан: «Когда это собрание и курултай кончились, они выступили в поход против Буюрук-хана. Тот (в это время) охотился в пределах Улуг-така, в местности, которую называют река Сакау (Сохох-узун)». Мы уже отмечали, что в состав кыпчаков вошло древнемонгольское племя курлаут.

Городища *Айбас-дарасы, Алаша-хан, Тогуз-бай-куль и Топрак-корган* отнесены к XV-XVII вв. Эти городища не имеют культурного

слоя. При обследовании этих городищ А. Х. Маргуланом на них не найдено находок, позволяющих датировать эти памятники [Маргулан, 1978, с. 27-29]. Типологически городища Алаша-хан и Тогузбай-куль отнесены нами к городищам-убежищам, а городища Айбас-дарасы и Топрак-корган – к замкам. Время их возведения и крепости юго-западных отрогов гор Каратау можно датировать XV-XVII вв. [Смаилов, 1997, с. 37].

Городище Бозок находится на восточном берегу озера Бузыкты, расположенного в пойменной долине левого берега р. Ишим, в 5 км юго-западнее брода Караоткель – места традиционной переправы через Ишим.

Городище расположено в месте, где река Нура наиболее близко подходит к Ишиму. Здесь их разделяет пространство в 40 км. Все междуречье покрыто руслами мелких речек, направленных с юга на север, и системой озерных западин.

Озеро Бузыкты находится в срединной части замкнутого пространства, окруженного со всех сторон руслами речек и озерами. В пяти километрах севернее озера протекает р. Ишим, в 7 км западнее проходит русло речки Козыкош, соединяющей бассейны Ишима и Нуры. Речка Козыкош принимает несколько безымянных притоков, один из них протекал в пяти километрах южнее озера. С востока пространство ограничено крупным озером [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 203].

Невысокие земляные валы высотой 0,6-1,0 м окружают ровные поверхности площадок квадратной формы.

Структурно памятник состоит из четырех частей, занимающих в целом площадь около 40 га. Центральной градообразующей частью являются три площадки размерами 35 x 35 м. Каждый из них обнесен валом и внутренним рвом. Внутри трехчастной композиции находится сакральный центр городища, где открыты основания двух кирпичных мавзолеев, одного минарета, кирпичеобжигательной печи и 11 погребальных сооружений.

В 70 м на север от кварталов расположен комплекс жилищ городища Бозок. В 40 м на юг от центральных кварталов находится некрополь.

Четвертая структурная часть памятника – это ирригационная планировка, окружающая развалы строений городища с востока и севера.

Это было место, куда люди постоянно возвращались в течение столетий, обживали его, достраивали, либо хоронили [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 216].

Городище Бозок возникло в VIII-IX вв. и прошло в своем развитии три периода.

В северной части городища Бозок раскопаны четыре дома земляночного типа. Жилища состоят из 2-4 помещений, расположенных

в ряд и объединенных общим коридором, площадь комнат 9-12 кв. м. Между комнатами оставлены глиняные перегородки толщиной 0,9 м. Глубина землянок 1,5-1,8 м. Сверху вдоль котлована настраивались стены шириной 2,0-2,5 м. Высота стен над землей вместе с крышей достигала 1,0 м. Таким образом, общая высота жилого пространства могла равняться 2,5-3,0 м. Дома были пристроены впритык друг к другу и составляли единый массив.

Одинаковым является интерьер жилищ. Вдоль стен жилых комнат находились «П»-образные суфы высотой 0,2-0,4 м, шириной 0,8-1,0 м. Края некоторых суф укреплены обожженным кирпичом. В стенках комнат выше суф зафиксированы небольшие ниши, в которых могли держать посуду или ставили чираги для освещения. В жилищах расчищены очаги трех типов: пристенные камины, округлые углубления и печь из обожженных кирпичей. В жилище №1 камины - округлой формы, высотой 0,4 м, полость вдается на 0,3-0,5 м в толщу стены, ширина устья 0,4 м. Часто устье каминов сложено из фрагментов обожженных кирпичей. Каминны заполнены золой, угольками и костями животных. В жилище №1 расчищены остатки печи прямоугольной формы размерами 0,9 x 0,8 м. Дымоход сложен из обожженных кирпичей, они найдены в заполнении жилища.

Жилища имели узкие входы, от дверных проемов сохранились основания деревянных столбов. Кровля, вероятно, была плоской. В ее перекрытии использовали жерди, сверху их могли закрывать камышовыми матами, обмазать озерным илом. При высыхании ил становился прочным и водонепроницаемым. Комнаты освещались люками, оставленными в крыше, одновременно они служили дымоходными отверстиями.

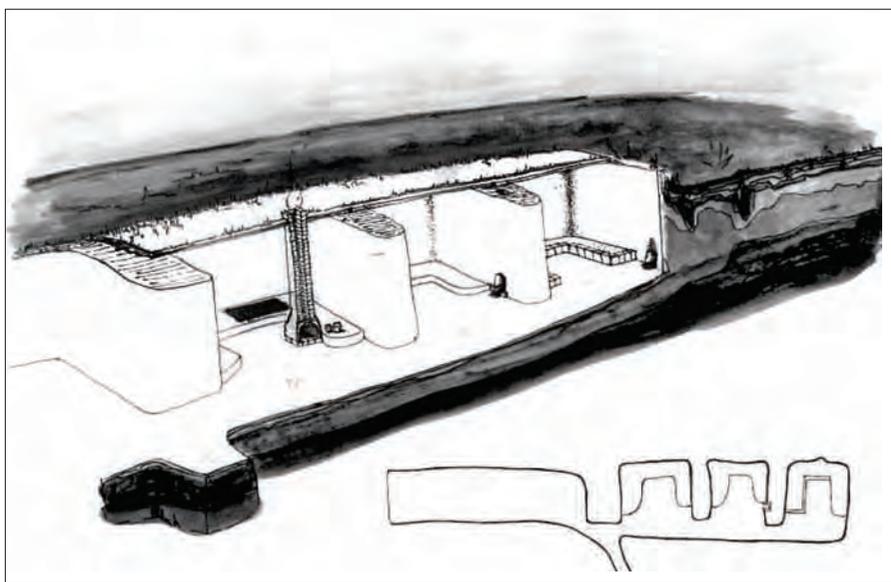

Рис. 96. Графическая реконструкция жилища №1. М. К. Хабдулина

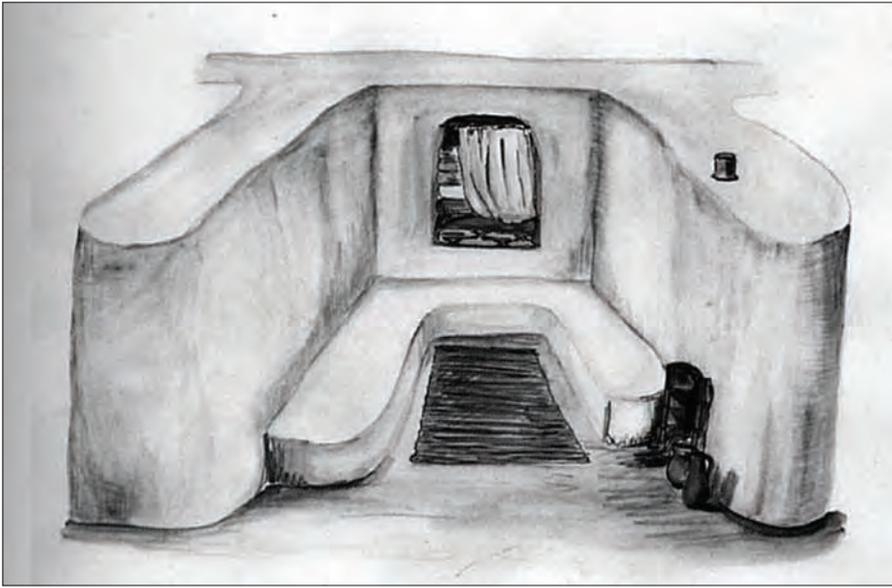

Рис. 97. Графическая реконструкция комнаты жилища №1. М. К. Хабдулина

Третий этап освоения этого места начинается в золотоордынскую эпоху (XIII-XIV вв.) и продолжается до нового времени. Руины городища Бозок приобретают статус культового центра и становятся местом погребения для элиты Нура-Ишимского региона. Возможно, здесь был похоронен один из первых мусульманских миссионеров, могила которого стала святыней.

На городище Бозок исследованы остатки пяти мавзолеев, построенных из сырцового и обожженного кирпича. Рядом с мавзолеями открыты кирпичеобжигательные печи [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 238].

Общественные постройки: хаммам в средневековом Каялыке

Исследователи единодушны, когда утверждают в своих работах, что бани – «один из основных типов общественных зданий средневековья на Востоке» [Зиливинская, 1989, с. 249].

Таким образом, наибольшее распространение хаммам получили в странах, тяготеющих к Востоку, в то время как в банном строительстве западных регионов в средние века продолжала преобладать античная строительная традиция [Зиливинская, 1989, с. 251, 279-280].

В результате полевых работ в 2001 году на территории средневекового городища Антоновка было открыто и исследовано сооружение, интерпретируемое как баня-хаммам.

В юго-западной части городища (внутри оплывшего вала внешних оборонительных сооружений) на одном из бугров была обнаружена большая грабительская траншея, которая «открыла» мощную кладку из жженого кирпича. В ходе предварительного изучения траншеи

визуально читались основания широких стен (0,45 м толщиной), местами выбранный пол, мощный жженой плиткой крупных размеров 39-40 x 39-40 x 4,5-5,0 см.

Объект представляет собой подпрямоугольный в плане бугор площадью свыше 900 кв. м, высотой – 2,0-2,3 м. Сторонами объект ориентирован по линии север-юг – запад-восток с отклонением 20°.

На объекте был заложен раскоп размерами 25 x 17,5 м, разделенный центральной стратиграфической бровкой на два основных квадрата: восточный (квадрат 1) и западный (квадрат 2). Исследование было сконцентрировано на втором квадрате.

Верхний строительный горизонт. На глубине 0,6 м от уровня дневной поверхности в юго-западной части объекта были обнаружены многочисленные плотные сырцовые завалы, не дающие четкого представления о конструкциях верхнего строительного горизонта. Здесь также обнаружен фрагмент сырцовой стены, вытянутый по направлению к западу. Аналогичная ситуация наблюдается на всем раскопе на этом уровне. В южной части на глубине 0,6 м от дневной поверхности найдены бессистемно лежащие жженые плитки размером 26-26,5 x 26-26,5 x 4,5 см.

Верхний уровень кирпичной кладки стен центральной постройки был обнаружен, начиная с глубины 0,5 м от уровня дневной поверхности.

Баня в конструктивном плане представляет собой подпрямоугольной формы сооружение размерами 11,36 x 8,9 м, состоящее из восьми внутренних помещений, располагающихся вокруг центрального зала, а также тамбуровидного входа, расположенного в восточной части. Для сооружений подобного типа характерна крестообразная планировка. Углами постройка ориентирована по сторонам света.

Рис. 98. Баня-хаммам. Общий вид

По всей вероятности, в северной части бани был сооружен дворик-айван. Находки хумов с отверстием в нижней части на его территории свидетельствуют об употреблении вина, а сам дворик представляется местом отдыха после горячей банной процедуры.

Семь помещений размещены вокруг центрального зала, причем северная сторона постройки была занята двориком-айваном. Пять помещений имеют разного размера ванные сооружения, устроенные в северной части комнаты. Два из них интерпретируются как «жаркие», два – «прохладные» и одно – гигиеническое. Одно помещение по своему функциональному назначению является «техническим» в связи с расположением в нем емкости округлой формы для подогрева воды (диаметр емкости 1,27 м, толщина стенок 12-14 см) и два, по всей видимости, массажные.

Помещение 1 – центральный вход, который находился в восточной части сооружения. Он представляет собой тамбуровидный коридор размерами 2,24 x 0,8 м, вытянутый вдоль юго-восточной стены помещения 1. Коридор начинается ступенькой, сложенной из одного ряда кирпичей (26-26,5 x 26-26,5 x 4,5 см) в три слоя. Высота ступеньки 15 см. Из коридора через проход шириной 0,9 м можно было попасть в помещение 1 размерами 2,8 x 2,1 м, имеющее небольшую ванну (1,0 x 0,5 м, глубина ванны свыше 0,4 м).

Из помещения 1 проход шириной 0,6 м в западном углу ведет в центральный зал (5,0 x 3,3-3,7 м), из него входы открываются во все помещения банного комплекса. Северный угол зала представляет собой конструкцию, верхняя часть которой выглядит как небольшой полукупол, являющийся на самом деле элементарным четвериком, выводящим купол в центральном зале.

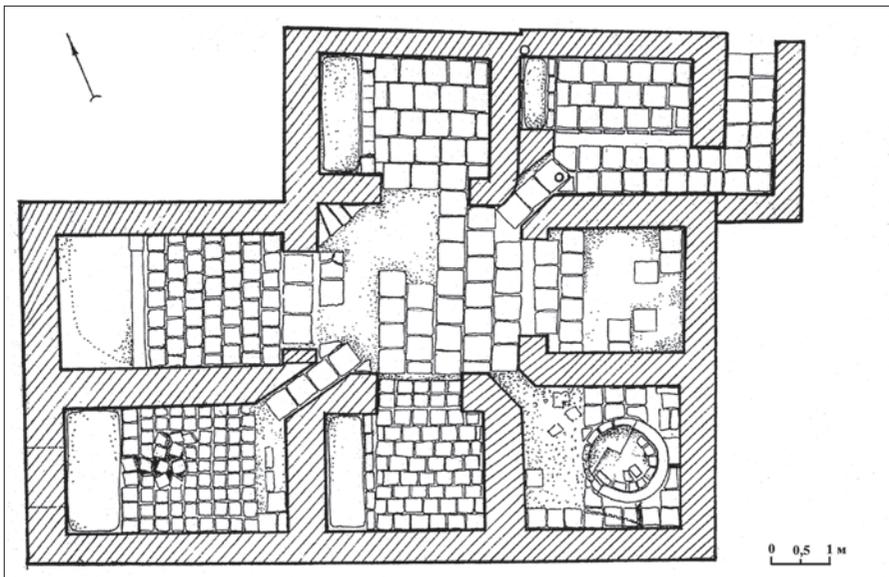

Рис. 99. Каялык. Баня-хаммам. План

В массажное *помещение 2* (2,19 x 2,13 м) вел вход шириной 1,41 м; в «техническое» *помещение 3* размером 2,8 x 2,7 м, где находилась емкость для нагрева воды, вел узкий проход шириной 0,5 м; размер входа в *помещение 6* – 1,44 м. В северо-западной части этой купальни расположена ванна размерами 2,06 x 0,5 м; глубиной 0,3-0,4 м. В северо-восточную купальню *4* (2,73 x 1,75 м) из центрального зала можно было попасть через проход 1,33 м. Ванна размерами 1,75 x 0,7 м; глубиной 0,3-0,45 м находилась в северо-западной части этого помещения. Два помещения для мытья *7* и *8* с ваннами крупных размеров находились в северо-западной стороне от центрального зала: комнату *7* от зала отделял широкий проход, а *8* – узкий. Размеры их установить сложно, так как грабительская траншея уничтожила стену, маркировавшую входы. Но с большой долей вероятности можно заключить, что размеры проходов совпадали с приведенными. Размеры комнат: *7* – 3,5 x 2,2 м; *8* – 3,69 x 2,75 м. В северо-западной части этих помещений находились большие ванны 1,0-1,13 x 2,1-2,25 м.

Как известно, снаружи банная постройка всегда имела характерный вид – группа куполов (иногда почти вровень с поверхностью земли, благодаря нарастанию отбросов топлива вокруг корпуса здания), обмазанных глиной с саманом, среди которых высится купол центрального зала.

Безусловно, каялыкская баня была перекрыта куполами. Основной функцией узкого коридора, по всей вероятности, была теплоизоляция. Пока сейчас неизвестно, являлся ли коридор отапливаемой частью бани.

Первая комната комплекса, предположительно, предназначалась для раздевания и предварительной гигиены. Это помещение с умеренной температурой имело глубокую, но небольших размеров ванну, использовавшуюся для первоначального омовения ног и тела. В Бухаре подобные помещения назывались «первая и вторая комната для мытья ног» [Воронина, 1951, с. 119].

Эта комната предшествовала так называемому центральному залу, включающему в себя функции паровой и массажной, а также, по предположению, место для совершения намаза.

В «техническом» *помещении 3* находилась емкость для подогрева воды, из которой купальщики могли черпать нагретую воду и разносить ее в необходимое им место.

Две *купальни 4* и *6* имели средних размеров ванны, а *купальни 7* и *8* – это комнаты для мытья – большие. В такого рода помещениях температура имела градации: они делились на холодные, в которых температура была умеренной, и горячие [Воронина, 1951, с. 120]. В данном случае представляется возможным интерпретировать *помещение 8* как горячее, так как топка располагается с внешней (западной) стороны этого помещения, а узкий проход в купальню свидетельствует о дополнительной мере, направленной на поддержание высокой температуры.

Ванны. Как было отмечено, в пяти помещениях из восьми банного комплекса были расположены ванны - емкости прямоугольной формы, используемые для омовений.

Стенки всех ванн изнутри были обмазаны толстым слоем (до 1,5 см) водостойкого кыра белого цвета.

Можно предположить, что фасадная часть каждой ванны имела изящный арочный проем: ваннные конструкции помещений 4, 7 и 8 сохранили основания и «пяточки» арок, которые с большой долей уверенности, с учетом их формы, можно назвать круглыми (по предположениям архитектора Т. С. Дощановой). Фасадная часть ванн, расположенных в помещениях 1 и 6, разрушена и можно лишь гипотетически говорить о существовании арочных проемов в этих местах. Стенками ванн являлись несущие стены сооружения (описание системы кладки смотрите ниже). Внутренняя стена ванны в помещении 1 в нижней части дополнительно «укреплена» тремя крупными плитами размером 39-40х39-40х4,5-5 см, поставленными вертикально, поверх которых был положен слой кыра.

Каждая из описанных емкостей имела так называемый «бортик»-стеночку, определяющую границу ванны. Стенки эти не были соединены (перевязаны) с основными несущими стенами всего сооружения, а просто примыкали к ним. Смыкающий шов был замазан глинистым раствором, который использовался для строительства всей бани. Бортики ванн в помещениях 1, 4, 6 и 7 сформированы из нескольких

Рис. 100. Баня-хаммам. Ванна

рядов кирпичей (сохранились конструкции до 7 рядов), положенных «в перевязку», толщиной в полкирпича (13,5-14 x 26-28 x 4-5 см). Ванна в помещении 8 маркировалась бортиком «в перевязку», толщиной в один кирпич (26-26,5 x 26-26,5 x 4,5 см). Бортики ваннных конструкций в купальнях 4, 7 и 8 с обеих сторон оканчивались основаниями арок, представлявшими собой кладку в один ряд кирпичей, положенных плашмя. Таким образом, арочные проемы имели ширину 26-26,5 см. Пяточки арочных проемов начинаются с 0,4 м от уровня пола бани. Конструктивные особенности арочного элемента емкостей помещений 1 и 6 заключаются в том, что они имеют меньшую ширину – 13-13,5 см, так как сложены из кирпича, аналогичного по размерам бортику ванн.

Центральная внутренняя часть всех ванн, покрытая слоем кыра, сильно разрушена, а ванна в помещении 6 сохранила следы поверхности округлой формы. Возникает предположение о существовании сливных устройств в этих конструкциях.

Принимая во внимание размер ваннных емкостей, можно разделить их на три группы:

1. Ванны крупных размеров 1,0-1,13 x 2,1-2,25 м, всего их две, находились в помещениях 7 и 8; по всей видимости, глубина их не превышала 0,3-0,45 м.

2. Ванны средних размеров – их две: первая размерами 2,06 x 0,5 м; глубиной 0,30,4 м; располагалась в помещении 6 и вторая ванна размерами 1,75x0,7 м; глубиной 0,3-0,45 м находилась в помещении 4.

3. Ванна малого размера 1,0 x 0,5 м; глубиной свыше 0,4 м

Рис. 101. Баня-хаммам. Ванны

находилась в помещении 1. Уровень дна ванны находился на 0,2 м ниже уровня пола бани, вымощенного плиткой.

Система обогрева полов – подпольная (гиппокаустик) – самая яркая черта и римских терм, и восточных хаммам. В римских банях горячий воздух из топки свободно циркулировал между столбиками, на которых был возведен пол, в хаммам же он обычно проводился жаровыми каналами. В стенах бани жаровых каналов не делали [Воронина, 1951, с. 122].

Грабительская траншея разрушила стену и пол между помещениями 7 и 8, в результате чего была получена возможность, не разбирая напольной плитки, изучить устройство системы отопления указанных помещений.

Помещение 7. Основой, на которой возводилась вся система отопления бани, был лессовый стерильный слой белесого оттенка, что явилось, по всей вероятности, результатом высокой температуры. Следующий уровень, выполнявший роль фундамента в местах возведения баз-столбиков, – это камни (валуны и галечник), утопленные в лессовые отложения. Столбики прямоугольной формы высотой около 0,45 м, сложенные из обожженного кирпича, являлись, в свою очередь, основой для возведения жаропроводящих каналов. В данном случае каналы сделаны из трех плиток, две из них поставлены вертикально одна параллельно другой, одна же положена горизонтально на них сверху. Каналы расположены в два уровня в шахматном порядке. Ширина каналов достигала 0,3-0,4 м. Следующим уровнем был ряд кирпичей, на который был положен слой суглинка с добавлениями извести и золы, мощностью до 7 см, подстилавший напольную плитку. Слой выполнял тепло- и влагоизоляционные функции. Близкое расположение жаропроводящих каналов по отношению к полу – возможное свидетельство определения этой купальни как «иссык-хана» – горячего помещения.

Третий уровень – столбики прямоугольной формы высотой 0,23-0,25 м, сложены из трех рядов кирпичей, положенных «в перевязку», имели разную ширину: там, где использовалась кладка в два кирпича, ширина достигала 0,55 м, а где была использована система кладки в один кирпич – 26 см. На базах-столбиках покоилась система жаропроводящих каналов. Каналы имели подтреугольную форму. Сделаны они из двух плиток, положенных под наклоном в упор одна к другой. Между каналами прослеживается система горизонтальной кирпичной кладки, возвышающаяся и над каналами на высоту в 1 ряд (4,0-4,5 см). Следующий уровень – плотный слой прокаленного суглинка белого цвета, мощностью 15,5 см, подстилающий слой серого суглинка с большой примесью золы, толщиной 0,6 см, по всей видимости, выполняющий тепло- и влагоизолирующие функции. Слой белого кыра (3 см), в который были вмазаны напольные плитки, дополнительно предохранял гиппокаустик от попадания воды. Такая сложная система

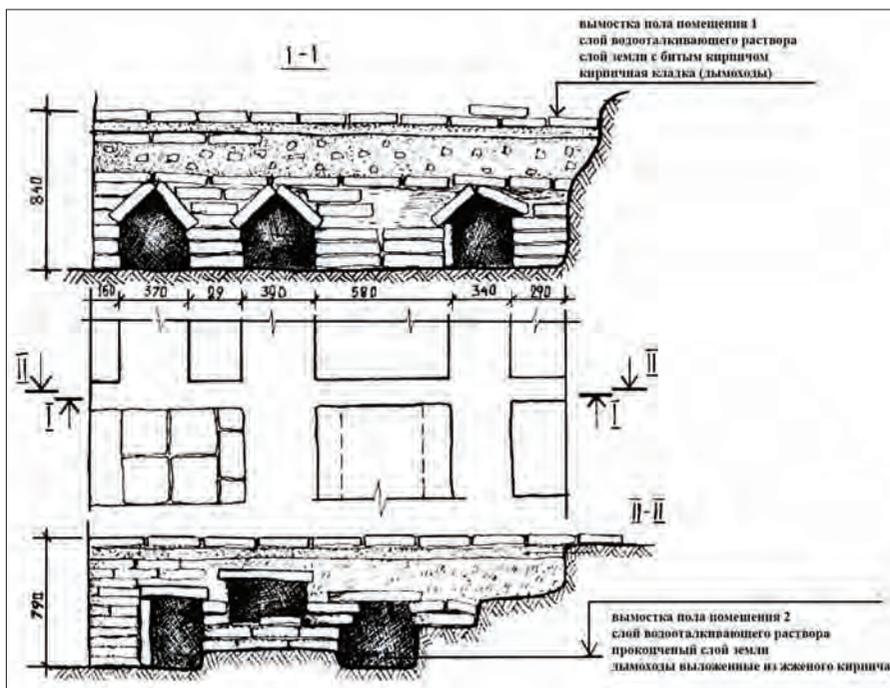

Рис. 102. Система подпольного отопления

устройства, а также удаленность жаропроводящих каналов (около 0,5 м) от уровня пола, свидетельствуют о непосредственной близости топочной камеры. Эти меры приняты для того, чтобы предохранить ступни ног человека, находящегося в купальне, от ожога.

В связи с тем, что раскопанный комплекс был исследован не до конца, вопрос о месторасположении топки остается открытым, хотя можно предположить, что обнаруженный проем шириной 0,98 м во внешней стене помещения 8 мог быть разрушенным топочным устьем. В пользу такого предположения свидетельствуют следующие факты: во-первых, уровень проема находится ниже уровня пола бани, выложенного плиткой. О сооружении печного устья для обогрева подполья повествует Витрувий: «Подполья под горячей баней делаются так: прежде всего их пол выкладывается полуторафутовыми черепицами наклонно к подпольной печи так, чтобы, если бросить на него шар, он не мог бы остановиться внутри, но сам собою скатывался назад к печному устью, тогда жар будет легче распространяться по подполью» [Витрувий, 1936, с. 107]. О. Х. Халпахчян, описывая бани Армении, указывает, что пол топочного помещения занижался в сравнении с общим уровнем пола [Халпахчян, 1960, с. 220]. Эти сведения подтверждают, что технически сама топка устраивалась ниже гиппокаустика, это как раз характерно для описываемой ситуации. Во-вторых, вблизи проема было обнаружено большое скопление золы – яркое свидетельство использования топлива для обогрева бани.

Рис. 103. Система отопления

Конечно, непонятным остается устройство емкости для подогрева воды совсем в другом конце комплекса. Так как, например, исследованные ранее бани имели топку, расположенную под емкостью для подогрева воды [Зиливинская, 1989, с. 251, 268; Воронина, 1951, с. 122].

Баня работает на отходах. Отапливались они местным топливом: кизяком, хворостом, соломой, реже дровами [Халпахчян, 1960, с. 220]. Чистка жаропроводящих каналов была делом довольно сложным – для выемки сажи и освещения проходов иногда вынимались плиты

Рис. 104. Система отопления

пола, такая операция проводилась два-три раза в год [Воронина, 1951, с. 122]. Адам Мец упоминает, что персонал бани состоял, по меньшей мере, из пяти человек: банщик (хаммами), служитель (кайим), человек, заготавливающий кизяк (заббал), истопник (ваккас) и разносчик питьевой воды (сакка) [Мец, 1973, с. 311].

Необходимо заметить, что для уменьшения потерь тепла, а также в связи с особенностями системы водоснабжения, баня несколько углублялась в землю [Воронина, 1951, с. 119].

Для постройки банного комплекса сначала был выкопан котлован, в который затем без всякого фундамента были впущены стены. Для детального выяснения ситуации вдоль внешней юго-западной стены, был заложен разведывательный шурф, достигший материкового (стерильного) слоя (описание шурфов смотрите ниже).

Именно этот шурф показал, что для строительства бани был вырыт котлован. Так, на плоскости юго-западной стены с внешней стороны визуальнo четко читаются несколько уровней кирпичной кладки, начиная с нижнего, положенного без фундамента на лессовые отложения, и заканчивая последним. Семь рядов кирпичей (1-7) ярко бурого цвета; три ряда (8-10) со следами сильной коррозии; два ряда (11-12) также ярко бурого цвета; восемь рядов кирпичей (13-20) белесых с блеклым невыразительным оттенком бурого цвета, всего в высоту 1,42-1,43 м.

Очевидно, двенадцать рядов кирпичной кладки (ярко-бурого цвета) – тот уровень банной конструкции, который был «утоплен» в вырытый котлован. Кирпич сохранил свой естественный цвет в связи с тем, что солнечные лучи не имели прямого воздействия на его поверхность, в то время как остальные восемь рядов кирпичной кладки находились над уровнем дневной поверхности и боковинки их выцвели. Три ряда кирпичей (8-10) имеют следы сильной коррозии – явного свидетельства воздействия влаги. Уровень пола, вымощенного плиткой, совпадает с уровнем дневной поверхности (наружная сторона стен), который маркируется двумя рядами кирпичей (11-12) ярко-бурого цвета.

Дымоходов для топки зафиксировано не было, хотя наличие последних предполагается.

Освещение и вентиляция осуществлялись через отверстия в сводах и куполах. В редких случаях окна помещались в стенах [Халпахчян, 1960, с. 221]. Проемы в куполах защищались колпаками из обожженной глины с прорезями либо стеклами [Воронина, 1951, с. 123]. Несколько фрагментов прозрачного оконного стекла было найдено при раскопках каялыкской бани.

Система подогрева воды. Как отмечалось, в банном комплексе существовало восемь помещений, одно из них было «техническим», что объясняется нахождением в нем большой емкости для подогрева воды.

Этот резервуар округлой формы, сложен из половинок и обломков кирпичей, положенных «в перевязку» в один ряд на скрепляющем глинистом растворе, поверх которого был нанесен толстый слой «кыра». Толщина стенок 14 см, толщина обмазки 1 см. В нижней части резервуар несколько шире, чем в верхней, диаметр его (по внешним сторонам) составляет – 1,45 м, к верхней части резервуар постепенно сужается до диаметра 1,25-1,27 м. Высота южной стенки цистерны, наиболее хорошо сохранившейся, – 0,84 м.

Дно емкости не имело отверстия, столь характерного для подобного вида сооружений. Обычно в дно цистерны вмазывался чугунный казан, который способствовал ускорению нагрева воды. В данном случае удалось проследить четыре слоя, составлявших основу емкости. Нижний уровень – это слой темно-серого цвета со следами прокала, включающий в себя довольно крупные фрагменты (обломки) кирпича, вмазанного с так называемым «разрывом». На него положен слой напольной крупной плитки размерами 39-40 x 39-40 x 4,5-5,0 см, которая тщательно обмазана белой глиной (цвет, возможно, говорит о прокале), толщина ее составляет 4,7 см. В глину вмазаны фрагменты кирпичей, тщательно подогнанные один к другому, на которых можно проследить остатки кыра.

Таким образом, подогрев воды, находящейся в этой цистерне, полностью связан с температурными колебаниями, происходящими в гиппокаустике. Хотя топки, находящейся вблизи цистерны с внешней

Рис. 105. Баня-хаммам. Емкость для подогрева воды

стороны, не выявлено, наличие ее наряду с другой, расположенной в западной части сооружения, возможно.

Вероятно, система подачи нагретой воды проста – ее просто зачерпывали из емкости и разносили по купальням.

Система водопровода. В ходе проведения раскопок многочисленными находками были керамические звенья системы снабжения водой, так хорошо известной в памятниках средневековья.

Несколько керамических разрозненно лежащих труб обнаружено в северо-восточной, южной и северо-западной частях раскопа, в том числе в сырцовых завалах и в хозяйственных ямах.

В юго-восточной внешней стене основной постройки - в 1,76 м к востоку от южного угла - на глубине 15-43 см от верхнего уровня стен была обнаружена керамическая труба диаметром отверстия 9 см, толщина стенок 1 см, входящая во внешнюю стену узкой частью раструба. Снаружи осталось 10 см широкой части раструба этого звена. Очень интересным является тот факт, что с внутренней стороны юго-восточной стены помещения 3, идентифицированного как «техническое», не было прослежено следов выхода этой трубы.

С другой стороны, в помещении 1 в месте стыковки внешней северо-восточной стены и внутренней, делящей помещения 1 и 4, виден выход вертикально поставленной керамической трубы диаметром 10 см (толщина стенок 0,9 см), широкой частью раструба уходящей в кирпичную кладку стены. При расчистке ее полости было обнаружено второе звено трубы, поставленное вертикально и состыкованное с верхним. Можно предположить, что сетка водопровода находилась внутри кирпичных стен.

Водным ресурсом, расположенным на предгорном участке, был ныне существующий ключ со слегка солоноватой водой. Очевидно, что давления, создаваемого естественным перепадом высот, было абсолютно достаточно для того, чтобы вода, самотеком идущая по магистральной линии городского водопровода (звенья и отдельные отрезки водопроводной сети часто находят местные жители при проведении земляных работ, причем большинство обнаруженных ими труб было уложено по направлению север – юг), частным отводом, врезанным в эту линию, попадала в трубу, встроенную во внешнюю стену банной постройки. Затем по сетке, устроенной внутри стен, вода достигала вертикально поставленных труб, поднявшись по которым, она сверху изливалась в глубокую ванну первого помещения бани.

Система удаления сточных вод. Основа системы слива воды из помещений, по всей видимости, также проста – она базировалась на понижении полов. Визуально прослеживается низкий уровень пола центрального помещения 5 по отношению к другим комнатам. Таким образом, абсолютно очевидно, что из помещений 1, 2, 3, 4, 6 и с меньшей долей вероятности 7 и 8 вода, выплескиваемая на пол, стекала в помещение 5. При такой системе слива не требовалось большого

Рис. 106. Часть городского водопровода

количества дополнительных сооружений в виде канальчиков, сливных труб. Были обнаружены лишь два дополнительных канальчика для сливов, продолбленных в плитке помещений 3 и 5.

В помещении 3 - «техническом», которое постоянно было связано с большим количеством воды, в качестве дополнительных мер, направленных против застоя воды в некоторых участках пола, с южной стороны вдоль стены в напольной плитке пробит «канал» для стока в направлении центрального зала. Интересен и тот момент, что плитки пола этого помещения положены в три уровня: первый (самый высокий) имеет ширину 0,86 м, второй (уровень которого понижается соответственно на один ряд плиток 4-4,5 см) – 1,08 м и, наконец, последний позволял воде стекать в центральное помещение.

Рис. 107. Сливная труба и водопоглощающий колодец

Вдоль юго-восточной стороны центрального зала, вблизи прохода в помещение 2, был пробит арычок, в центре имеющий слив, по которому вода попадала внутрь гиппокастика, после чего каким-то образом выводилась за пределы сооружения. Место сброса воды зависело от топографии местности [Халпахчян, 1960, с. 218].

Дополнительно в проходе между помещениями 1 и 5 устроено сливное отверстие округлой формы диаметром 0,2 м. Оно пробито в центре напольной плитки. Основной функцией отверстия был отвод большого количества воды через систему гиппокастика за пределы бани. Эта мера принята с учетом того, что помещение связано с подачей воды по сетке керамических труб для всего банного комплекса и объема слива, устроенного в глубокой ванне, просто могло не хватить.

Как уже упоминалось, каждая ванночка имела слив, размеры и устройство которых на данный момент не установлены. Все это наталкивает на мысль о существовании единой системы отвода воды, созданной внутри или под уровнем гиппокаустика.

Аналогичная система удаления сточных вод присутствовала в банных сооружениях Армении. Так, под полом устраивались канализационные устройства из гончарных труб, достаточных по своему сечению для пропуска расходуемой в бане воды. Полы купальных зал делались наклонными, со стоком к сливному отверстию [Халпахчян, 1960, с. 218].

Плитка. В ходе проведения раскопок было выявлено несколько вариантов жженого кирпича-плитки.

Все плитки имеют продольные линии (следы от пальцев), сделанные по сырой глине, – действие, направленное на укрепление кладки. Довольно часто встречались плитки со следами собачьих лап – возможно, знак мастера (аналогичные кирпичи с отпечатками лап собаки – частая находка на объекте Антоновка 1, усадьба богатого человека).

Обожженные кирпичи тех же размеров были широко распространены в эпоху средневековья.

Система кладки стен. Внешние стены. При предварительном изучении кладки внешних стен сразу визуальнo выделяются два способа кладки. Первый – так называемая кладка в два кирпича «в перевязку». Для этого использовались кирпичи средних размеров и их половинки. Первый ряд был сложен из двух кирпичей, положенных плашмя. Второй ряд – это кирпич, находящийся в центре, с двух сторон которого укладывались половинки. Третий ряд аналогичен первому. Кладка в полтора кирпича «в перевязку»: для нее использовались кирпичи средних размеров и их половинки. Первый ряд сложен из одного кирпича и половинок, второй ряд – то же самое, только сторона, с которой была уложена половинка, менялась на противоположную и затем все повторялось.

Внутренние стены. Для них характерны те же самые способы кладки, что и для внешних стен.

Все внутренние стены изнутри были покрыты слоем кыра толщиной 1 см.

Внешние стороны стен не сохранили следов обмазки. Хотя, например, в Багдаде бани снаружи так обильно покрывали асфальтом, что казалось, будто они построены из черного мрамора [Мец, 1973, с. 311].

Прослеживаются четыре основных уровня функционирования бани. По всей видимости, три периода, описанные выше, в

Рис. 108. Баня XIV в. в Сельджуке (Турция)

хронологическом плане относятся к более позднему по отношению к основной постройке из жженого кирпича времени. Четвертый строительный горизонт (самый ранний) – это период существования центральной постройки бани.

На глубине 0,2 м от дневной поверхности выделяется своей системой кладки верхний строительный горизонт.

Второй (более ранний) строительный горизонт соотносится со слоем плотного комковатого суглинка коричневатого оттенка мощностью до 0,7 м, отделенного от ярко-желтого суглинка прослойкой супеси серого цвета толщиной 6-8 см. Ниже слоя, соотнесенного со вторым строительным горизонтом, расположен слой сероватого оттенка с мощными вкраплениями белесых органических остатков, мощностью 0,2 м. По всей видимости, можно хронологически сопоставить этот уровень с существованием центральной постройки (бани). Сама же сырцовая стена – второй строительный период, вероятно, более поздний в хронологическом плане по отношению к бане, покоится (надстроена) на 1-й самой ранней сырцовой конструкции, сохранившейся на высоту 0,20 м (1,8-1,9 м), которая является хронологически единым уровнем с постройкой из жженных кирпичей.

К этому же хронологическому периоду относится и обнаруженная в юго-западном углу раскопа система воздухопровода, дно которого маркируется теплоизоляционной древесной прослойкой, карбонатизированной в нижней части.

На основе комплекса керамики, а также аналогичных по устройству банных комплексов, исследованных на обширной территории Евразии, можно с большой долей уверенности отнести баню Каялыка к типу классической восточной хаммам и датировать ее XIII – началом XIV в.

О техническом совершенстве и функциональной целесообразности хаммам свидетельствует их распространение на огромной территории в широком временном интервале от раннего средневековья до XX века [Зиливинская, 1989, с. 250].

ГЛАВА IV

РАСКОПКИ ГОРОДИЩ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Город Сарайджук (Сарайджук) – городище Сарайчик – был крупнейшим в долине реки Жайык на западе Казахстана. Городище Сарайчик находится на территории одноименного села, в 50 км выше г. Атырау и бесспорно является остатками средневекового города. Исследование и раскопки городища проводила в 1950 г. археологическая экспедиция, руководимая А. Х. Маргуланом. Ему же принадлежит достаточно обстоятельное описание истории города и характеристика памятника.

В те годы городище еще не было размыто водами Жайыка, как сейчас. Это был участок, ограниченный с западной стороны протоком Жайыка – речкой Сарайчиковкой. Само городище стоит на берегу Жайыка, имеет подпрямоугольное очертание с длинной стороной около 1,5 км.

Территория городища была покрыта обломками керамики и глазурованных изразцов. Встречались фрагменты стеклянных и металлических изделий, монеты [Маргулан, 1950, с. 85-88].

В археологической карте приведена история изучения городища и дана общая хронология в пределах XI-XVI вв. Определены и этапы его развития: домонгольский – IX-XII вв., золотоордынский – XIII-XIV вв. и XV-XVI вв. [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 137].

Еще одно описание города Сарайчика приводит Ибн Баттута, которого И. Ю. Крачковский назвал последним универсальным географом-практиком, некнижным калькулятором, а путешественником с громадным перечнем посещения стран [Крачковский, 1957, с. 107]. Он писал: «Через шесть дней после отъезда из Сара (Сарая), мы прибыли в город Сарайджук, «джук» – значит «маленький». Они, таким образом, хотели выразить, что это Сара Малый. Город этот расположен на берегу полноводной крупной реки, называемой Улусу, значение чего «великая вода». Через него переброшен мост из лодок, такой же, как в Белдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось. Там мы продали их по четыре динара денег за лошадь и меньше этого, в виду их слабости и дешевизны в этом городе, наняли верблюдов, чтобы тащить арбы. В этом городе находится завия правидного старца из тюрков, которого называют

«ата» – что означает «отец». Он угостил нас в завие и благословил. Принимал нас также кади этого города, имени которого я уже не помню» [Ибрагимов, 1988, с. 72].

При археологических работах на городище были найдены кремневые скребки, каменный пест, остатки построек XI-XII вв., фрагменты лепных сосудов. Не исключено, что здесь существовал город домонгольского периода. Об этом писал С. П. Толстов [Толстов, 1953, с. 226].

Об этом пишет также В. В. Трепавлов, ссылаясь на сведения письменных источников [Трепавлов, 2002, с. 226].

По существующим сейчас представлениям, жизнь города можно разделить на четыре периода.

Первый период начинался с середины XIII в. – до начала правления хана Узбека (1312 г.).

Второй период жизни города начинается во второй четверти XIV в. В правление хана Узбека (1312-1342 гг.) возвысились многие города, в том числе и Сарайчик. По крайней мере, ряд исследователей считают, что домусульманский Сарайчик был одним из центров Дешт-и Кыпчака [DeWees D., 1994, p. 196-198].

Третий хронологический период жизни города – это 1360-1370 гг. В городе были возведены крупные здания. Одно из них исследовано и представляло собой сооружение дворцового типа.

Четвертый этап в жизни города приходится на XV-XVI вв. В этот период жилые участки вдоль Жайыка пустеют, и население начинает концентрироваться в южной части города, вдоль русла реки Сорочинки. Русло реки с довольно сильным течением из-за суглинистых почв постоянно меняется.

Сарайджук ногайского периода являл собой город-крепость, обнесенный со всех сторон стенами. Остатки укреплений сохранились до середины XIX в. Побывавший здесь в 1824 г. историк и этнограф А. И. Левшин, очевидно, видел главный въезд в крепость, отмеченный двумя треугольными бастионами. Крепость имела подпрямоугольную форму. В центральной части, ближе к западу (к реке Сорочинке), находится холм с остатками окружающих его стен. Старые казаки в начале XX в. вспоминали, что на южной стороне этого возвышения некогда стояла башня из обожженного кирпича, от которой ныне не осталось и следа [Трепавлов, 2002, с. 242].

Распри и конфликты между степными юртами зачастую непосредственно отражались на жизни Сарайджука. Также тяжелыми для города стали 1570-е годы, когда его несколько раз захватывали и разоряли казаки. С течением времени город превратился в небольшое поселение.

Руины Сарайджука постоянно привлекали внимание исследователей. Историк и этнограф XVIII в. П. И. Рычков сообщал: «Сарайчик – призрак величественного города на реке Яик, не доезжая

Гурьева за 50 верст. Там еще и поныне находятся в земле многие палатки (здания). Здесь же много гробниц знаменитых людей» [Рычков, 1759, с. 313].

Значимость Сарайджука подчеркивалась существованием здесь пантеона ханов Золотой Орды, захоронений именитых людей и мусульманских проповедников.

Здесь был похоронен знаменитый хан Золотой Орды Менгу-Тимур (1266-1280 гг.). При нем государство окончательно освободилось от указаний из центра Монгольской империи. Он первым в Золотой Орде стал чеканить монеты от своего имени. С именем Менгу-Тимура связан и поход золотоордынцев на Константинополь в 1271 г. [Греков, Якубовский, 1950, с. 83].

Хан Токтагу (Токта) правил государством с 1290 по 1312 гг. Знаменитый путешественник Марко Поло назвал его «царем Запада». При нем были прекращены феодальные смуты в государстве. Впоследствии на некрополе были погребены владыки Золотой Орды ханы Жанибек и Бердибек.

На знаменитом некрополе покоятся останки одного из первых казахских ханов – Жанибека и его сына Касыма.

Вместе с ногайской знатью и казахскими ханами на некрополе покоятся и сеиды, считающиеся потомками Мухаммеда из особо почитаемой группы духовенства. [Трепалов, 2002, с. 225-244].

Застройка Сарайчика. В результате исследований Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана в 1996-2000 гг. были вскрыты участки городища в основном первого периода [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 60-61]. Дома, сложенные из сырцового кирпича, имели по две-четыре комнаты размерами 4 x 5 м. В комнатах вдоль трех стен находились суфы шириной от 1,5 до 2 м, обогреваемые дымоходными горизонтальными каналами (канами), которые были устроены внутри нее. Они шли от тандыра и выводились из дома через вертикальный колодец, сделанный в углах стен, в трубу на крыше. Все стены и суфы были обмазаны слоем глиняной штукатурки и побелены. На одной из суф были найдены остатки войлочного ковра. Полы делались из утрамбованной глины. В ряде комнат на полах сохранились остатки тростниковых циновок. Над суфами в стенах располагались сводчатые ниши, куда ставились светильники, дорогая посуда и другие, необходимые в быту предметы. Кроме жилых помещений в домах были и кладовые комнаты, в которых находились ямы для зерна, также были места для хранения фруктов – слив, яблок, винограда, косточки которых встречены там, как и орешки миндаля. Был найден и высохший репчатый лук. Кладовые отгораживались от жилых помещений стенами, сделанными из деревянного каркаса с сырцовыми кирпичами, вставленными в него в виде елочки.

В архитектуре и строительстве домов, их внутреннем интерьере прослеживаются традиции городов Поволжья, Хорезма и Сырдарьи.

В одном из домов была открыта комната 4 x 4 м, где помимо тандыра с небольшой суфой находилось оригинальное сооружение, указывающее на специфическую деятельность хозяина. Вдоль одной из стен от топки тандыра отходили горизонтальные дымоходы, которые соединялись с конструкцией из глиняных кирпичей в виде «ящика» размерами 1 x 1 м, высотой 0,8 м. Из него выводилась дымовая труба, пристроенная к стене. Недалеко от топки в полу находилась большая яма, набитая золистыми выбросами из топки, остатками отходов от разделки рыбы и костями домашнего скота. Эта конструкция может оказаться обыкновенной коптильней для рыбных изделий. Найденные поблизости монеты относятся ко времени правления хана Узбека – к 1310-м годам.

В помещениях найдена посуда: котлы, горшки, разнообразные по форме глиняные кувшины, кумганы. Ее дополняли кувшины, изготовленные из кашина (особого светлого керамического теста силикатного происхождения, основными компонентами которого были песок, каолин и полевой шпат), покрытого бирюзовой поливой. Встречены каменные котлы, привезенные из Хорезма, многоцветные поливные кесе из кашина из городов Поволжья, а также фрагменты чаш из зеленоватого китайского фарфора – селадона.

Развивалась в рассматриваемый период не только центральная часть города, но осваивались под застройку его окрестности. На расстоянии до 5 км от города стояли загородные усадьбы, которые располагались вдоль речных протоков. Жители города лето проводили в загородных домах, где были сады и огороды, находились посевы. В пойме Жайыка они держали лошадей и верблюдов. В культурных слоях городища и в загородных усадьбах встречены кетмени, серпы, косы и глиняные кувшинообразные сосуды, предназначенные для чигирной установки. Она представляла собой большое деревянное, похожее на мельничное, колесо, на которое привязывались эти сосуды. Колесо вращалось в реке с помощью животных, и вода высоко поднималась вверх из реки и устремлялась по арыкам.

Наличие этих пашен у Сарайджука подтверждается найденными многочисленными каменными речными мельницами. Стены вокруг городища пока не обнаружены.

Второй этап жизни города начался со второй четверти XIV в., отмечается его перепланировка, сохранились основные улицы и кварталы. Прежние сооружения ломались, комнаты засыпались. Горожане строили новые дома, похожие на прежние, но со своими особенностями. Стали появляться многокомнатные линейно спланированные дома с хозяйственными пристройками, расположенными под одной крышей с домом.

Как и раньше, в комнатах значительную часть жилой площади занимала «П» или «Г»-образная суфа, обогреваемая канами. Внутренние стены в некоторых помещениях делались каркасными. Стены и суфы штукатурились, белились. В ряде домов полы выкладывались красным

жженным кирпичом с белоснежной алебастровой расшивкой. Рядом с топкой обычно находилось ташнау, представлявшее собой большой сосуд без дна, полностью врытый в землю, над которым в полу делалась выкладка из обожженных кирпичей с отверстиями. Улицы в городе имели ширину от 4 м до 8 м.

Водоснабжение города осуществлялось из колодцев. Они имели стены из кирпича, опиравшиеся на венцы из лиственницы. Недалеко от колодца в одном из домов была встречена яма с остатками корневой системы большого дерева, которое росло на участке.

Хозяйственная деятельность горожан в середине XIV в. была весьма разнообразной. Она проявлялась в производстве различных товаров для города и степи. Наибольшее их количество давали гончарные мастерские.

В городе находились мастерские по изготовлению изделий из кости. Различные пряжки, пластины, накладки для лука, детали украшений колпачков, ручки ножей, кольца для стрельбы из лука, инструменты для кожевенного и ткацкого производства и другие предметы делались местными мастерами. Найдены остатки изделий кожевников: сумочки и пояса, ичиги и сапоги на каблуках.

В слоях того времени обнаружено большое количество фрагментов от стеклянных изделий. Хотя ремесленные мастерские не найдены, но уже известны места, где найдено много шлака и бронзовых капель, фрагменты производства чугунного литья и даже чугунная чушка из остывшего горна. Кузнецы Сарайджука изготавливали упряжь для коней, клинки ножей и сабель, наконечники стрел, косы, кетмени и скрепы, которыми связывали между собой доски в лодках и кораблях. Бронзолитейщики отливали художественные пряжки, чашечки, замки в виде лошадок, цепочки, перстни и зеркала с различными сюжетами на оборотной стороне.

При раскопках неоднократно встречались печи для обжига кирпича.

Разнообразны плотничьи инструменты: топоры, тесла, долота. Сохранившиеся деревянные детали конструкций домов и надворных построек указывают на высокое искусство плотников и столяров в городе.

Хозяйственная деятельность горожан заключалась также и в разведении лошадей и выносливых верблюдов, так необходимых на дальних караванных маршрутах.

Жителей Сарайджука характеризовал высокий уровень грамотности. Об этом свидетельствует разнообразие надписей на посуде, на предметах из бронзы, да и просто на бумаге. На керамике они особенно хорошо сохранились.

Город, находясь на перекрестке караванных путей, был, естественно, вовлечен в широкую международную торговлю.

Оживленная торговля велась с Китаем и Кавказом, с Ираном и Индией, со Средней Азией, восточно-европейскими странами, Крымом и Русью.

В период 1360-1370-х гг. в Золотой Орде началась пора междоусобиц и борьба за престол группировок аристократии. К середине XIV в. внутреннее положение в государстве резко изменилось. Сарайджук в это время оказался под пристальным вниманием ханов Ак-Орды, в которую входили земли потомков Жоши, Орду-Эджена и Шейбана от реки Жайык до Западно-Сибирской низменности.

Сарайджук имел большое политическое, религиозно-идеологическое значение и находился в постоянном поле зрения претендентов на власть в Золотой Орде.

В это время начался новый кратковременный взлет строительства.

Дворцовый комплекс. Парадная часть этого сооружения была возведена на двухметровом по высоте стилобате, т. е. платформе с каркасом из мощных сырцовых стен. Его соразмерность показывает, что строился он по архитектурному проекту. Сооружения, существовавшие ранее на этом месте, были разрушены, стены спланированы, за исключением ряда широких стен, построенных в линию. Они были использованы как фундаменты. На тех участках,

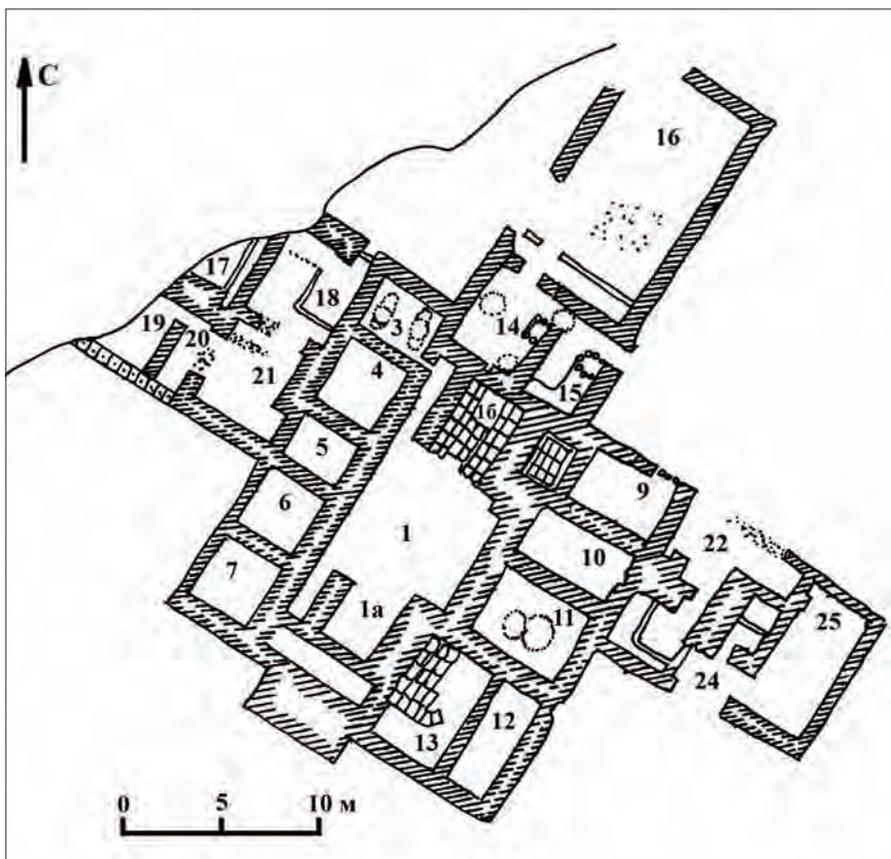

Рис. 109. Городище Сарайчик. План дворцового комплекса

Рис. 110. Сарайчик. Раскопки помещения дворца

где их не было, были уложены широкие, массивные пахсовые блоки. Стены дворика, сложенные из сырцового кирпича, возвышались более чем на 6 м.

Предположительно данное сооружение было возведено потомком Жоши Урус-ханом. В 70-е годы XIV в. он не только укрепил подчиненные ему владения, приходившиеся на территорию нынешнего Казахстана (восточный Дешт-и Кыпчак, как называли с X в. персидские авторы степи Южной Сибири и Сарыарки). Он пытался восстановить разваливающуюся империю. Имея резиденцию в Сыгнаке, он хотел, по сведениям историка XVII в. Махмуда ибн Вали, основать столицу своих владений в Сарайджуке. По примеру своего деда Эрзена, построившего «большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных сооружений», он обустроивал центральные города [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 198].

Вскоре дворцовый комплекс стал разрастаться: с боковых сторон к нему были пристроены симметричные многокомнатные «крылья». Тыловая часть также выросла за счет многочисленных помещений. Количество их возросло почти до 40. Срединная дворцовая часть возвышалась над крышами примыкавших пристроек, в основном помещениями жилого назначения. Перед комплексом была сохранена площадь, от которой отходили прямые улицы.

Баня Сарайчика представляла собой вытянутое прямоугольное в плане здание, состоящее из трех расположенных в ряд вдоль длинной оси помещений: предбанника с частичным отоплением;

моечной, состоящей из двух помещений, имеющих разную температуру нагрева с подпольным отоплением, и топочного отделения. Вода в баню могла подаваться из реки Жайык или протока Сорочинки посредством водоподъемных устройств типа чигири или же из ближайшего колодца. Горячая вода из нагреваемой емкости в топочном отделении подавалась в моечные помещения по трубопроводу, видимо, проложенному в стенах.

В моечном отделении выделены остатки двух помещений – 1 и 2. В них сохранилась система подпольного отопления, заглубленная на 0,6 м относительно уровня основания стен. Стена моечного отделения сохранилась в длину на 5,9 м.

Помещение 1. Большая часть юго-восточной стены сырцовая. Из обожжённого кирпича в два ряда сложена часть стены, выходящая внутрь помещения.

Сохранился небольшой участок юго-западной стены толщиной 0,64 м, возведенный из жженого кирпича размерами 24 x 24 x 5-6 см. Кладка - «в перевязку» с юго-восточной стеной, что говорит об их одновременном возведении.

В южном углу помещения 1 сохранились два столбика из кирпичей от обогревательной системы бани. Ближайший к южному углу столбик сохранился на высоту в 3 ряда кирпича, второй – в 2 ряда кирпича на глиняном растворе. Кирпич размерами 24 x 24 x 4,5 см. Высота столбиков 17-20 см, расстояние между ними – 18-20 см.

Помещение 2 примыкает с северо-востока к помещению 1. Лучше всего сохранилась юго-восточная стена: длина – 2,8 м, высота – 1,34 м. Стена сложена из крупноформатного сырцового кирпича, размерами 34 x 34 x 4 см и из обожженного кирпича размерами 24 x 24 x 5-6 см.

Помещение 3 – предбанник. От него сохранились северо-восточная часть и юго-восточная стена длиной 10 м. В помещении зафиксированы остатки суфы с обогревательной системой типа канов. Суфа и обогревательные каналы сложены из сырцового кирпича размерами 41-42 x 20-21 x 6-7 см. Расчистка показала, что в суфе были проложены три канала, ширина каналов 20-31 см, глубина - 15 см.

При зачистке помещения были выявлены сохранившиеся фрагменты строительных конструкций бани. Был найден фрагмент пола размерами 38 x 56 см. В этом блоке кирпичи скреплены влагостойким раствором, затем следует слой кыра толщиной 2,5-3 см, последующий слой состоял из кирпича мелкого размера и обломков. Верхний слой пола был покрыт слоем кыра толщиной 5 см, общая толщина пола 19-20 см. Расчищен также фрагмент стены-перегородки, в которую была вмазана вертикально керамическая тумба.

При раскопках бани выявлены детали архитектурного декора – плитка из кашина с голубой поливой и подглазурной росписью голубого цвета в виде геометрической фигуры из треугольников и розетки, украшенная позолотой.

Среди находок следует отметить фрагмент поливной керамики с подглазурной росписью кобальтовой краской. Появление такой керамики относится к концу XIV в. В заполнении помещения найдены монеты XIV в.

За стеной предбанника на уровне выше поверхности основания стены был найден клад из 84 монет. Слипшиеся стопки монет имели отпечаток материи, возможно, от мешочка, в котором хранился клад. Верхняя дата клада определяется самой поздней монетой Абдалла-хана (1360-1370 гг.). Таким образом, время сооружения и функционирования бани относится ко второй половине XIV в. [Кожа, Самашев, 2006, с. 159-174].

Городище Жайык*. Топография и городское жилище

Топография. Городище Жайык расположено на террасе коренного берега р. Урал/Жайык, образованного крупным пойменным протоком р. Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению реки Урал, где последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы.

С юга и юго-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон - естественные овраги. Следов каких-либо искусственных укреплений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются следы застройки, составляет около 7 га. Сейчас это отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м различной планировки и размеров. В 2 км западнее городища на вершине Свистун-горы располагается городской некрополь с остатками мазаров, превратившихся в округлые в плане бугры высотой до 2-3 м. Поверхность их задернована и усеяна обломками жженого кирпича, поливными изразцами, некогда украшавшими стены и купола мемориальных построек.

Малая»усадьба. В ходе раскопок одного из бугров вскрыта усадьба, условно названная «малой». Ее жилая часть состоит из 6 помещений, возведенных из сырцового кирпича размерами: 25 x 25 x 8 см, 38 x 35 x 7 см, 22 x 20 x 6 см, 20 x 26 x 6 см, 38 x 24 x 7-8 см. Стены были покрыты глиняной штукатуркой как внутри помещений, так и снаружи. Толщина стен - 0,7 м. Усадьба состоит из двух изолированных одна от другой, симметрично расположенных жилых секций. Первую образуют помещения №3, 2, 1, вторую - №6, 5, 4.

Помещение №3 размерами 3,2 x 2,4 м служило прихожей с хозяйственными функциями. В северо-западном углу помещения выявлена суфа в виде буквы «Г», сложенная из сырцового кирпича. При расчистке помещения обнаружены фрагменты керамики, железа.

* Раздел написан по материалам публикации: Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов А.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005. С. 72-91.

Рис. III. Малая усадьба

В юго-восточном углу помещения располагалась пониженная площадка, выложенная жженым кирпичом, в центре которой чуть ниже уровня пола находилось «ташнау» – санитарно-гигиеническое устройство для стока использованной воды. Дверной проем у западной стены вел в центральное помещение 2.

Помещение 2 размерами 3,2 x 3,7 м. Большую часть его занимает «П»-образная суфа, расположенная вдоль южной, восточной и северной стен. В южном отрезке суфы размещались каналы – отопительная система, главным элементом которой были горизонтальные дымо- и жаропроводящие каналы, обогревавшие суфу. На краю суфы устроена топочная камера, и от нее вдоль южной стены шел двухканальный дымоход, выложенный сырцовым кирпичом. Каналы дымохода сверху закрыты сырцовыми кирпичами и обмазаны. Западнее печи, разделяющей помещение две части, расположены рядом две хозяйственные ямы.

Вдоль западной стены размещался проход, имеющий порожек и разделяющий жилые отсеки. Через него попадали в помещение 1 (1,6 x 3,2 м) – кладовую. В его юго-западном углу расположена хозяйственная яма.

Второй жилой отсек состоит из помещений №6, 5, 4.

Помещение №6 размерами 3,15 x 2,4 м располагалось в северо-западном углу всей постройки, по назначению – хозяйственное. В юго-западном углу помещения расположены три мусорные ямы. В проходе, который соединяет помещения №6 и 5, сложен порожек из сырцового кирпича.

Помещение №5 размерами 3,7 x 3,2 м жилое, западную часть помещения занимает суфа, пристроенная к северной, южной и западной стенам. Участок суфы у южной стены имеет каналы с топкой

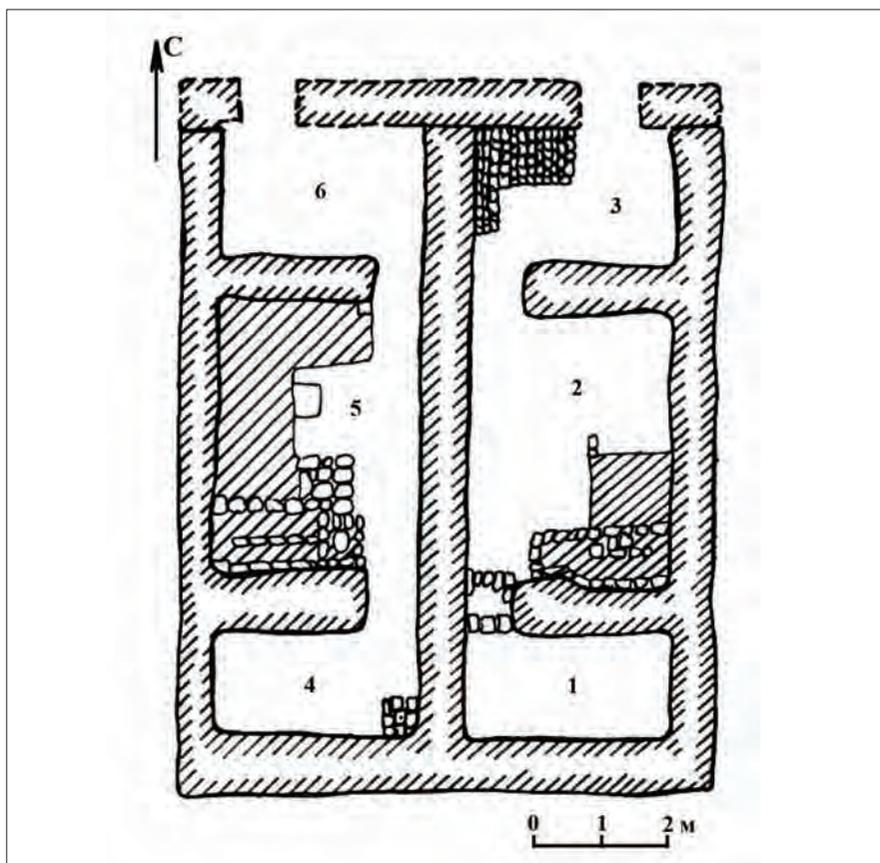

Рис. 112. План Малой усадьбы

в виде тандыра. Рядом расположена печь, сложенная из жженого кирпича. Около печи находилась мусорная яма, куда выгребали накопившуюся золу.

Из жилого помещения проход вел в помещение-кладовую №4. В юго-восточном углу его расположена квадратная площадка – ташнау, выложенная обожженным кирпичом. В кирпиче, лежащем по центру, имеются желобки и сквозное специальное отверстие для стока воды.

Таким образом, жилая часть усадьбы представляет собой отдельно стоящее строение из двух аналогичных по планировке жилых комплексов (секций), разделенных стеной. Входы со двора в жилище были устроены в северной стене. Войдя в жилище, попадали в «прихожую». В помещении №3 в северо-западном углу есть суфа, выложенная из обломков обожженного кирпича. Далее через двери вдоль центральной стены попадали в жилые помещения с обогреваемыми суфами (помещения 2 и 5).

Замыкали анфилады помещений небольшие комнаты явно хозяйственного назначения. Они, очевидно, служили кладовыми.

Можно полагать, что усадьба имела обширный двор с надворными постройками, однако территория двора пока не раскопана.

Рис. 113. Малая усадьба

Рис. 114. Малая усадьба. Тандыр и печь в помещении 5

При раскопках усадьбы были найдены фрагменты металлических изделий, среди них часть стального зубила или стамески; фрагмент чугунного котла; фрагменты керамики; фрагменты глазурованных плиток и глазурованных кирпичей; сохранившиеся кусочки кожи; бусы, изготовленные из разноцветного стекла; серебряное кольцо

с узором в виде восьмиконечной звезды и вписанным в нее кругом; нижняя часть формы из белого известняка для отливки колец, а также кости животных, рыба чешуя.

Большая усадьба состояла из комплекса жилых и хозяйственных помещений и обширного двора. Внешние стены постройки сложены из сырцового кирпича размерами 25 x 25 x 8 см в три ряда, толщиной 0,8 м, внутренние – 0,7 м. Стены снаружи и изнутри покрыты многослойной штукатуркой. Сохранившаяся высота стен 0,7-0,8 м. Расчищено четыре помещения. Жилым являлось центральное *помещение* – №1. Вход в него шириной 1,4 м вел со двора.

Большую часть помещения занимала «П»-образная суфа. Часть суфы вдоль западной стены помещения занимали каналы. Топкой для них служил тандыр, устроенный в северном конце суфы. Рядом находится массивная платформа, сложенная из сырцовых кирпичей. Внутри зафиксирован слой прокала и золы. Край суфы обложен одним рядом квадратного жженого кирпича размерами 26 x 26 x 6 см. Таким же кирпичом вымощена площадка размерами 0,5 x 1,2 м перед суфой. Перед самой платформой находится прямоугольный участок, заполненный золой. Очевидно, это остатки разрушенной печи. Перед ее топкой сохранился участок пола, куда выгребалась зола. Вымостка пола жженым кирпичом зафиксирована также и вдоль восточного отрезка суфы. На северном участке суфы, шириной 2,7 м, расчищены в двух местах выкладки жженым кирпичом, поставленным на ребро, в виде ограждений размерами 0,35 x 0,35 м со следами золы и углей внутри. Вполне вероятно, что это остатки разновременных обогревательных устройств типа «сандал». За восточной стеной находится узкое *помещение* 4. В нем находились развалы обожженного кирпича от двух разновременных очагов. Это помещение, очевидно, служило летней кухней. В северной стене находился вход в *помещение* 2.

Рис. 115. Большая усадьба

Рис. 116. Большая усадьба. Вход в помещение 1

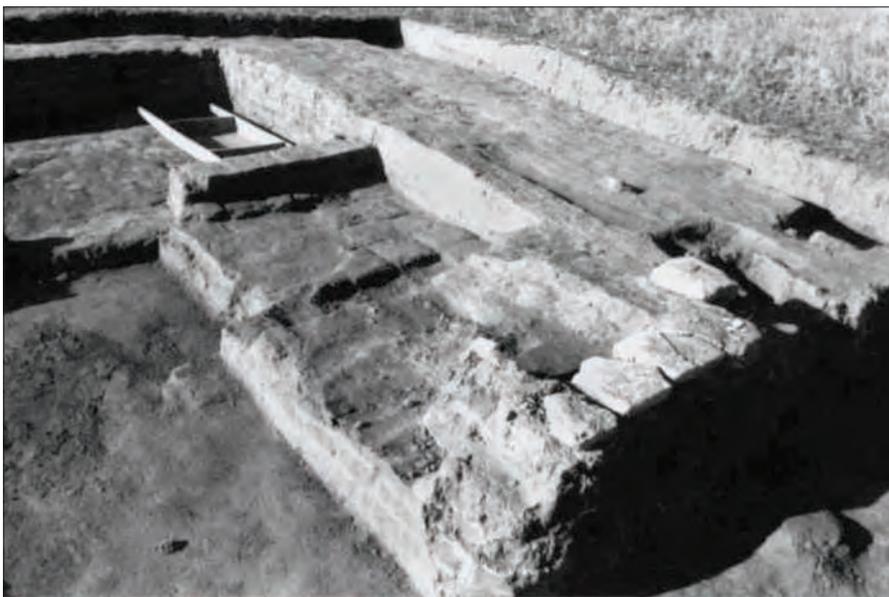

Рис. 117. Большая усадьба. Помещение 1. Суфа вдоль западной стены

Помещение 2, видимо, имело и жилое, и хозяйственное назначение. Восточную часть его занимает суфа шириной 2,4 м. В полу западной половины расчищены три хозяйственные ямы.

Помещение 3 с отдельным входом со двора. За границами раскопа осталась часть капитальных строений этой усадьбы и большая часть двора, на котором можно предполагать наличие

хозяйственных построек. На территории двора «большой усадьбы» были найдены фрагменты штампованной керамики и глазурованных облицовочных плиток.

Усадьбы на раскопе IV

В раскопе IV в восточной части на месте заметного в топографии городища скопления холмов частично вскрыта жилая часть усадьбы 3. В юго-западной части раскопа в помещении 2 обнаружена медная монета хорошей сохранности с растительным орнаментом.

Помещение 4 располагалось в юго-восточной части раскопа. Оно сообщалось через проход шириной 1 м с помещением 3 – самым большим по площади на территории усадьбы. При возведении стен использовался кирпич двух видов – квадратный (25 x 25 x 7 см) и прямоугольный (25 x 45 x 7 см). При кладке эти виды кирпичей чередовали: один слой выкладывали из прямоугольного кирпича, другой – из квадратного. Стены снаружи и изнутри покрыты слоем глиняной обмазки. Полы также обмазаны.

В помещениях, расположенных в северо-западной и западной частях раскопа, выявлены остатки тандыра и печи в помещении 1. От тандыра отходит дымоход в виде двух параллельных каналов, с помощью которых подогревалась суфа. Непосредственно перед тандыром, на уровне пола, обнаружен железный сильно корродированный нож длиной около 17 см, рукоять обломана. Перед суфой, но с другой стороны, располагалась печь. В проходе, который вел из помещения 1 в помещение 2, располагался порожек, выложенный из сырцового кирпича (клада в два ряда). Судя по наличию в помещении 2 трех хозяйственных ям, фрагментов обожженной керамики и скопления костей, это помещение имело хозяйственное назначение. Здесь же обнаружена вторая медная монета с изображением бегущей лошади на одной стороне и арабской надписью на другой. Следует отметить, что помещения 1 и 2 были изолированы и не сообщались с другими помещениями, скорее, это уже часть соседней усадьбы.

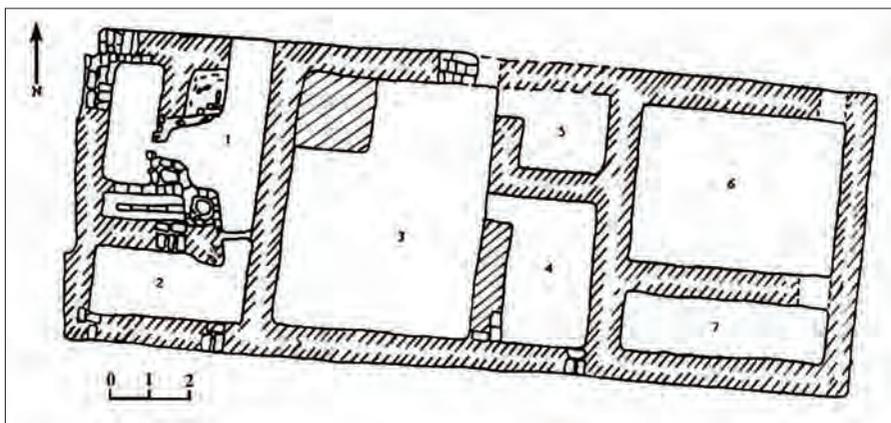

Рис. 118. План усадьбы 3

В юго-восточной части раскопа обнаружены фрагменты глазурованной чаши. Роспись черным по зеленому фону в виде растительного орнамента под прозрачной глазурью, белым и коричневым по синему фону с орнаментом в виде стилизованных арабских букв под прозрачной глазурью. Кроме этого, выявлены два фрагмента так называемой люстровой посуды, расписанной золотом по внутренней стороне и имеющей арабский текст по венчику на внешней стороне.

Вскрыты еще два помещения – №5 и 6. Выяснилось, что проход между ними был позднее забутован фрагментами сырцового кирпича с глиняным раствором.

Расширение площади раскопа в северо-восточную сторону позволило вскрыть остатки постройки, лежащей под расположенным здесь массивным холмом высотой 1,5-7 м и размерами 20 x 25 м. Этот холм является наиболее примечательным в топографии городища. Это позволяло ожидать сравнительно хорошую сохранность строительных конструкций стоявшей здесь некогда постройки *усадьбы 4*. В центре холма в наше время кем-то была вырыта землянка, от которой осталась глубокая - до 1,6 м - сильно оплывшая западина. Как и предполагалось, яма землянки разрушила до основания строительные конструкции в центральной части постройки.

Стены помещений усадьбы ориентированы строго по сторонам света. Западную часть комплекса жилых помещений образуют *три комнаты* (1-3), расположенные анфиладой вдоль основной продольной стены и связанные между собой дверными проемами. Продольная стена отделяет эти три комнаты, объединенные в отдельный жилой блок. Стена проходит через всю постройку с севера на юг, имеет толщину 0,3 м, сохранившаяся высота составила 1,2 м. Она сложена из прямоугольного сырцового кирпича желтоватого цвета размерами 43-42 x 23-25 x 10 см и 23-24 x 23-24 x 6 см, с обеих сторон имеет глиняную обмазку толщиной 1-2 см.

Помещение 1 размерами 6 x 4 м размещено в северо-западном углу блока. Западная половина комнаты, слева от входа, занята суфой высотой около 0,45 м. Ширина суфы 2,4 м, край ее выложен одним рядом прямоугольного сырцового кирпича. Если южная и восточная стены помещения сравнительно хорошо сохранились на высоту от 0,5 до 1 м, то наружные северная и западная стены сохранились значительно хуже, так как находятся на склоне холма. В помещении расчищены три неглубокие хозяйственные ямы: диаметр устья 0,6-0,8 м; глубина - 0,35-0,4 м. В заполнении ям обнаружены обломки сырцового кирпича, кости крупного и мелкого рогатого скота – кухонные остатки.

Дверным проемом шириной 1,15 м помещение 1 связано с помещением 2 размерами 2-6 x 3,7 м. Дверной проем устроен вдоль восточной капитальной стены, на пороге уложены три сырцовых кирпича. При его расчистке хорошо фиксируется, как и везде, два строительных периода. Второй период характеризуется некоторыми преобразованиями в планировке помещений.

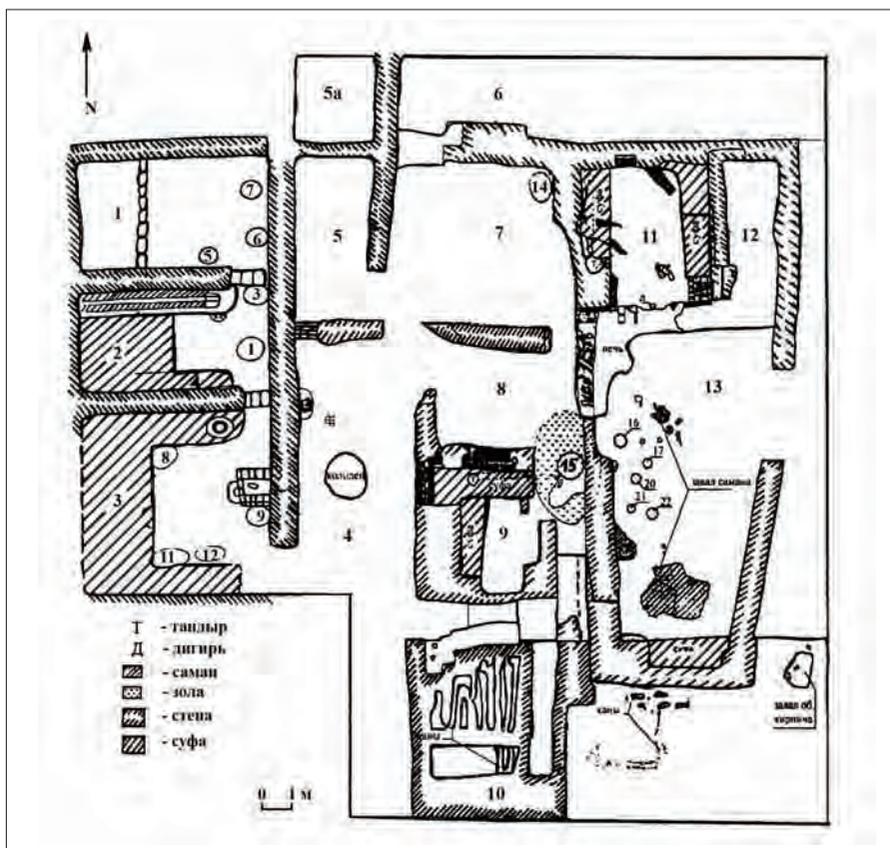

Рис. 119. План усадьбы 4

Первоначально вдоль северной стены помещения были устроены двухканальные каналы, топкой которым служил тандыр в восточной части, ширина кана составила 0,8 м. Обломки стенок тандыра найдены в заполнении ямы 1 у восточной стены помещения. Вдоль южной стены был устроен заком в виде ямы с диаметром устья 0,55-0,6 м; глубиной 0,6 м с бортиком по краю. Во втором периоде она была засыпана и над ней сооружена суфа шириной 0,6 м. Тандыр с каном, видимо, был разрушен, и на его месте устроен очаг в виде печки. На полу перед ним расчищена небольшая овальная ямка, заполненная золой. Во втором периоде вся западная стена слева от входа была занята суфой шириной около 3 м. В полу зафиксированы еще две хозяйственные ямы - 1 и 3, заполненные землей с включением костей, фрагментами неполивной керамики.

Дверной проем шириной 0,9 м с порогом из желтого сырцового кирпича вел в помещение 3. На этой кирпичной выкладке зачищен деревянный брус, вероятно, сохранившаяся часть дверной рамы.

Размеры помещения 3 – 6 х 6,3 м. Хорошо сохранились восточная и северная стены, а наружные – западная и южная - плохой сохранности, поскольку находились на краю холма и были смыты почти до основания.

Вдоль северной стены находится суфа с канами шириной 1,1 м. В восточном конце суфы был расчищен тандыр. Диаметр устья тандыра равен 0,35 м; диаметр основания 0,6 м; высота - 0,65 м. На внутренней стороне тандыра прочерчена косая сетка. Тандыр не мог служить топкой для кана, поскольку в его стенках нет жароотводящих отверстий. По-видимому, топкой для канов служил очаг, на месте которого во втором строительном периоде был сделан тандыр, следовательно, каны во втором периоде после перестройки дома не функционировали.

Западную часть помещения занимала широкая суфа высотой около 0,40-0,45 м и шириной 2,4 м. Вдоль южной стены также была устроена суфа шириной около 1 м. Края суф во всех помещениях выложены целыми сырцовыми кирпичами и их фрагментами, в заполнении строительный мусор – обломки сырцового и обожженного кирпича, кости и фрагменты керамики.

У середины восточной стены находилась массивная тумба размерами 1,4 x 1,0 м, сложенная из сырцового кирпича. В ней была устроена печь с перекрытием в виде свода. Ширина топочной камеры 0,5 м; глубина – 1 м. В середине пола камеры зачищена небольшая лунка размерами 0,2 x 0,15 м с золой и углями. Перед лицевой частью печи в полу имелась неглубокая - до 0,2 м - ямка размерами 0,5 x 0,75 м, заполненная золой.

В полу расчищены четыре хозяйственных ямы. В заполнении встречены кости домашнего скота, фрагменты керамики, истлевшие зерна проса.

Вход в помещение 3, следовательно, и в жилую секцию (помещения 1-3), обнаружен в общей для всех помещений восточной капитальной стене. Ширина входного проема - около 1,5 м. Дверной проход ведет в помещение 4.

Помещение 4 размерами 5 x 9 м. В этом помещении сравнительно хорошо сохранились восточная, западная и северная стены на высоту 0,7-1,1 м, следов южной стены не обнаружено. Возможно, это связано с тем, что южная стена находилась на самом краю холма и оказалась полностью смытой. Западная капитальная стена, являющаяся восточной стеной жилого блока помещений 1-3, глухая. В северной стене имеется дверной проем шириной 0,75 м, соединяющий помещения 4 и 5. Этот дверной проем, возможно, в результате перестройки во втором строительном периоде был заложен.

В помещении 4, у западной стены, зафиксирована хозяйственная яма размерами 60 x 60 см, дно которой выложено жженным квадратным кирпичом. Северо-восточный угол помещения был разрушен при рытье ямы под землянку. Образующие этот угол северная и восточная стены помещения 4 четко прослеживаются на сохранившихся участках. Они сложены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича, имеют глиняную штукатурку и сохранились на высоту 0,5-1,0 м.

Расположенное за помещением 4 и связанное с ним проходом *помещение 5* имеет размеры 2,8 x 5,5 м. Стены помещения сложены

из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, сохранившаяся высота стен - 0,7 м. Юго-восточный угол его, как и прилегающие части южной и восточной стен, разрушен землянкой. Этой же ямой частично разрушены стены помещений 7 и 8.

Функциональная принадлежность помещений 5 и 6, примыкающих к комплексу с северной стороны, пока неясна. Возможно, судя по находкам фрагментов керамики, костей домашних животных, они носили хозяйственный характер.

Помещение 7 подквадратной в плане формы, размерами 6,3 x 5,5 м. Высота сохранившихся стен помещения 0,5-0,9 м, толщина 0,8 м. Пол помещения покрыт глиняной обмазкой. В припольном слое и на уровне пола найдено скопление красноглиняной керамики – донца, венчики, ручки, фрагменты керамики с подглазурным рельефом. В помещении отсутствует какой-либо интерьер, за исключением хозяйственной ямы диаметром 2 м, глубиной 0,7 м, расположенной в северо-восточном углу помещения. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики и кости животных. Помещение, видимо, имело хозяйственное назначение. Вход шириной 0,7 м, расположенный в южной стене помещения, соединял его с помещением 8.

Размеры *помещения 8* – 5,2 x 3,1 м. Стены сложены из сырцового кирпича квадратной и прямоугольной форм размерами 25 x 25 x 5 см и 40 x 25 x 5 см. Сохранившаяся высота стен составляет 1,1 м, толщина 0,7 м, на поверхности южной стены отчетливо сохранились сырцовые кирпичи. В юго-восточном углу помещения выявлено зольное пятно.

Рис. 120. Помещение 7

С наружной стороны к восточной стене помещения примыкает печь помещения 13, относящаяся ко второму строительному периоду.

Первоначально проход, соединяющий с помещением 9, находился в юго-западном углу помещения 8. Интерьер помещения 9 представлен «Г»-образной суфой, расположенной вдоль западной и северной стен.

Помещение 9 имеет размеры 3,9 x 3,8 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей. Край западной части суфы обложен сырцовыми кирпичами в один ряд. Заполнение суфы – рыхлый грунт и обломки сырцовых кирпичей. В северной части суфы был сооружен тандыр диаметром 0,4 м, глубиной 0,7 м. Дымоход подведен к северо-

Рис. 121. Интерьер помещения 9

восточному углу помещения, там же имеется проход шириной 0,82 м, сооруженный, видимо, во второй строительный период. Проход соединяется с помещением 8. Между помещениями 8 и 9 вдоль восточной стены расположена хозяйственная яма диаметром 0,64 м, заполненная золой и обломками сырцового кирпича.

В *помещении 10* стены сохранились плохо. Вход в него располагался со двора в северо-западной части. Почти всю площадь помещения занимает суфа, в которой открыты каналы, расположенные параллельно восточным и западным стенам. Расчищены семь каналов, длина первых двух достигает 2,45 м. Интересно отметить, что каналы, за исключением двух первых, не соединены поперечными. Возможно, кан в первый период обживания усадьбы имел два канала с не сохранившимся тандыром или печью. Остальные каналы, вероятно, в

Рис. 122. Помещение 10. Каньы

результате перепланировок помещения достроены позже. Топка канов округлой формы, сложенная из сырцовых кирпичей, сохранилась у третьего канала.

В заполнении каналов выявлены фрагменты керамики, среди которых выделяется фрагмент кашинной, два фрагмента люстровой керамики и кости животных. Здесь же обнаружен фрагмент обработанной трубчатой кости «шумек» от детской колыбели.

Помещения 11, 12 и 13 пристроены к комплексу во второй строительный период. Центральным является помещение 13, севернее которого расположены небольшие по площади помещения 11 и 12 (конструкция суф и отопительных каналов частично разрушена впушенным захоронением лошади).

Помещение 11 имеет размеры 4,86 м (восточная стена) и 4 м (южная). Стены помещения выложены из сырцовых кирпичей. Наружная сохранившаяся часть северной стены выложена кирпичами, положенными на ребро с наклоном. Интерьер помещения состоит из суф, находящихся справа и слева от входа, вдоль западных и восточных стен в южной части суфы, расположенной вдоль западной стены, сооружен тандыр диаметром 0,58 м. С восточной стороны тандыра имеется топка размером 0,18-0,2 м, высотой 0,25 м. К северу от тандыра располагались два отопительных канала шириной 0,2-0,3 м, частично разрушенных. Южная часть суфы, расположенная вдоль восточной стены помещения, выложена из обожженных кирпичей. Возможно, суфа первоначально имела «П»-образную форму.

Рис. 123. Помещение 11. Суфы

Помещение 12 имеет размеры 2 x 4,5 м.

Одним из самых больших по площади помещений усадьбы является *помещение 13* – его размеры 9,47 x 4,75 м. Стены помещения построены из обломков сырцовых и обожженных кирпичей. Внутри находится суфа с канами в южной стене. Каны имеют топку в юго-западной части суфы, от которой отходят два канала шириной 0,1 см. В северо-западном углу помещения сооружена печь размерами 3,2 x 2,36 м, относящаяся ко второму строительному горизонту. По архитектуре она напоминает «русскую печь». Сложена комбинированной кладкой из обожженных и сырцовых кирпичей размерами 24 x 22 x 5 см. Толщина стен печи равна 0,45 м. Арочный свод печи сделан из жженого кирпича с глиняной расклинкой.

В центральной части помещения ближе к западной стене выявлены четыре хозяйственные ямы. При расчистке завалов обнаружены фрагменты керамики, бусины, медная монета, два фрагмента бронзового зеркала, железный гвоздь и игла.

На городище также отмечено несколько западин округлой и эллипсовидной форм, расположенных рядом с усадьбами и служивших, скорее всего, водохранилищами-хаузами.

Хауз расположен северо-западнее усадьбы 2 и сейчас представляет собой впадину эллипсовидной формы длиной 10 м, шириной 8 м. Исследованы два южных сектора. Профили сектора позволяют определить, что со временем водоем заполнился темной гумусированной почвой. Раскоп доведен до светлой лессовидной

материковой поверхности. В заполнении водоема встречены кости животных, фрагменты станковой керамики. Назначение этой эллипсовидной западины как водоема подтверждают находки двух крупных фрагментов чигиря в северо-западном секторе и несколько фрагментов чигиря в восточном секторе раскопа. Они обнаружены на глубине 1 м на границе темного гумусного слоя и светло-желтого материка. Можно уверенно считать, что рядом с усадьбой был сооружен хауз.

В целом, полученные данные и наблюдения позволяют сделать определенные выводы. Усадьба №4 пережила два строительных этапа. Вероятно, первоначальная планировка усадьбы представляла

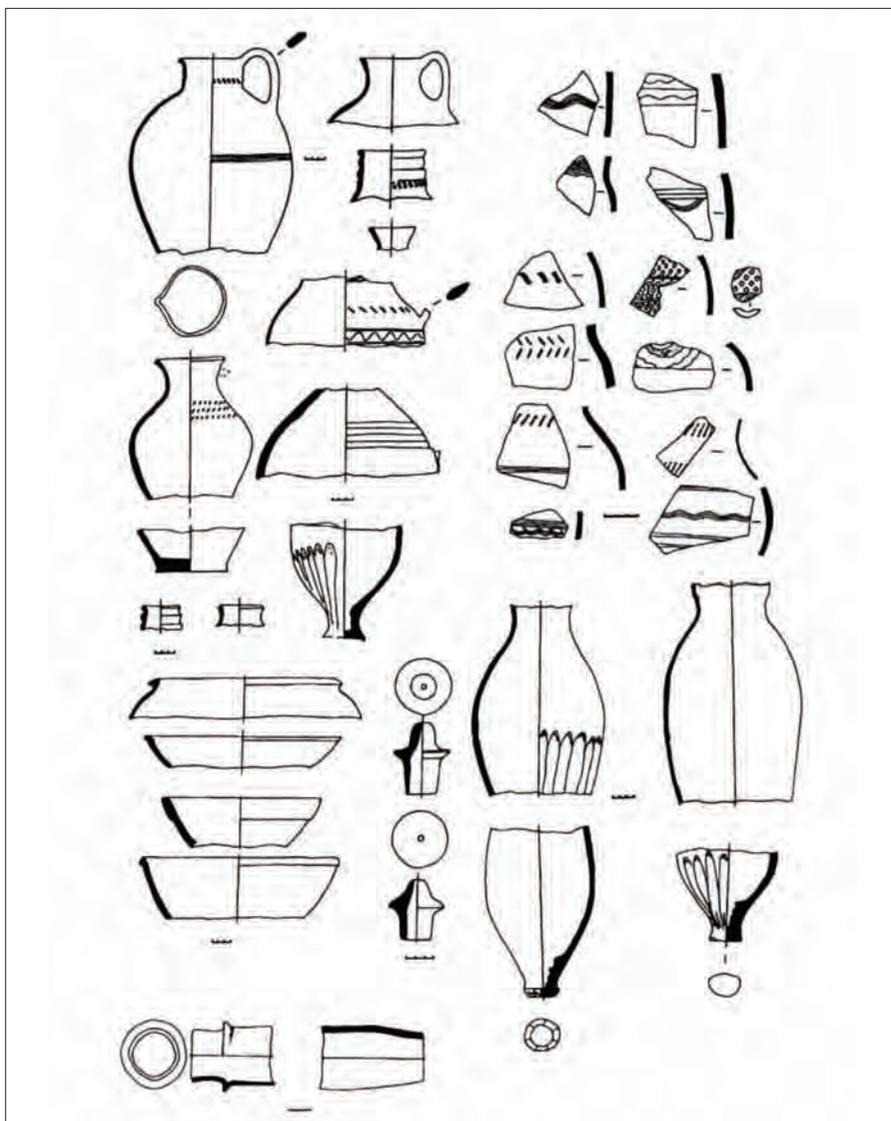

Рис. 124. Керамика

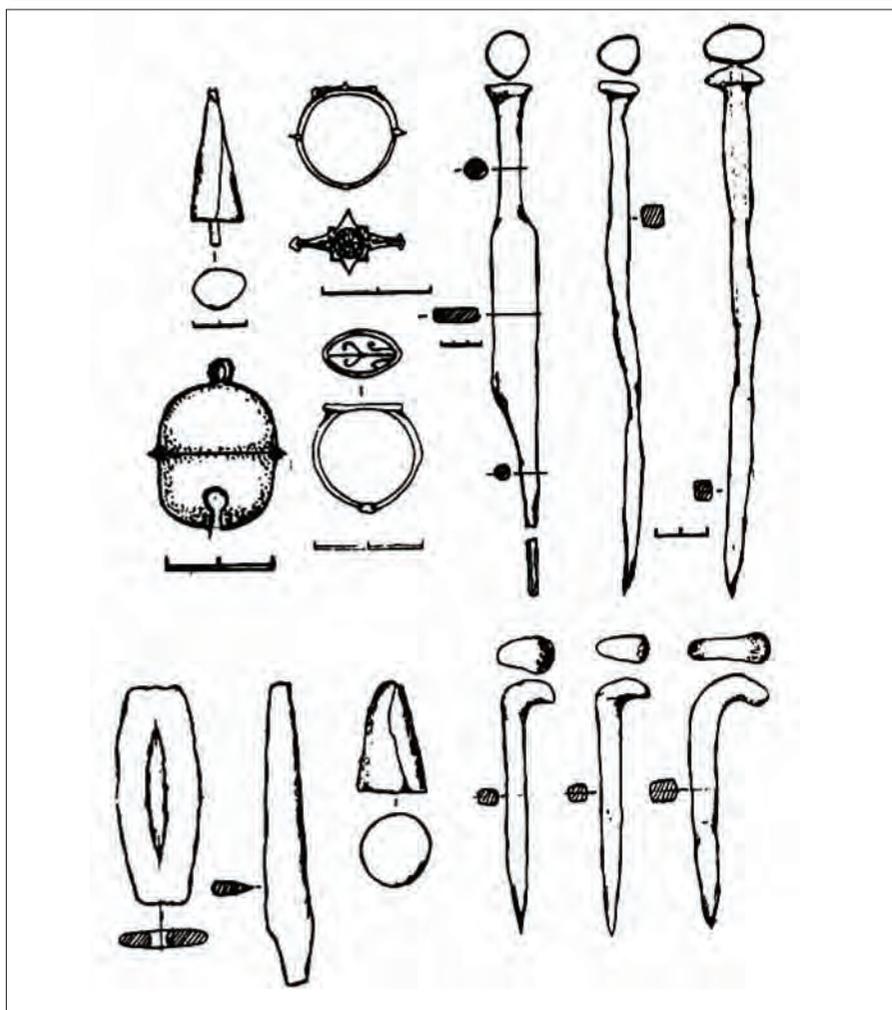

Рис. 125. Находки из раскопок

собой тип жилых построек, которые, по мнению археолога В. Л. Егорова, в золотоордынской строительной культуре соединили черты монгольского и среднеазиатского домостроительства. Усадьба с подобной планировкой жилой части исследована в Новом Сарае в 1961 г. в юго-восточной части городища на раскопках IV-V вв. [Егоров, 1970, с. 187; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев и др., 1970, с. 79-82, рис. 4].

Усадьба представляет собой два жилых помещения (в нашем случае – два блока жилых помещений), соединенных между собой просторным айваном. Западный блок помещений (№1-3) представляет собой анфиладу соединенных проходами жилых помещений. Вход в эту часть усадьбы шел из айвана (помещение 4), вероятно, открытого на юг. Из него же попадали в восточную часть комплекса, которая первоначально, видимо, была симметричной западному блоку

и состояла из помещений 7-9. Аналогичную планировку можно предположить и для усадеб в восточном пригороде Царевского городища, вскрытых на раскопах II и VII в 1963 г. [Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев и др., 1970, с. 95, рис. 4]. После изучения сравнительно хорошо сохранившихся остатков «двойного дома» на Водянском городище [Мухамадиев, 1974, с. 80] планировка и структура подобных построек стала окончательно ясной, но истоки появления жилищ с такой планировкой пока остаются непонятными. Отметим, что принцип симметричного расположения двух помещений (блоков помещений) относительно айвана – характерный древний признак среднеазиатской народной архитектуры. Этнограф А. К. Писарчик зафиксировала мнение самих строителей: «...По словам мастеров, это наиболее старая и самая удобная для всех схема плана жилья» [Писарчик, 1975, с. 24-25].

Особенностью такого типа планировки жилых комплексов является симметричное относительно основной оси расположение двух аналогичных по внутренней планировке жилых комплексов – секций. Если такое предположение справедливо для вскрытой усадьбы, то общие размеры первоначального комплекса будут составлять приблизительно 17,5 x 20 м. При этом можно предположить, что основная ось симметрии проходит с севера на юг через помещение 4, которое является открытым на юг айваном, связывавшим обе жилые секции усадьбы. Первый комплекс (западный) состоит из смежных помещений 1-3. Второй (восточный) состоит из анфилады жилых смежных помещений 7, 8, 9, по планировке подобно блоку из помещений №1-3. Вся постройку можно описать как большой дом, состоящий из двух трехкомнатных жилых секций, связанных между собой общим айваном и хозяйственными помещениями-хранилищами (5, 5а). Перестройки второго строительного периода внесли существенные изменения в первоначально симметричную планировку всего комплекса усадьбы (закладка прохода между помещениями 4 и 6; пристройка помещений 10-13).

Следует отметить и существенные отличия в планировке жилых усадеб Нижнего Поволжья и исследуемых на городище Жайык. Если парные жилые секции городищ Поволжья представлены домами так называемого монгольского типа (квадратный план, каркасные стены на фундаменте из сырцовых квадратных кирпичей, облегченные перегородки, делящие дом на отдельные комнатки, и т.д.), то в усадьбах городища Жайык сдвоенными оказываются жилища традиционного среднеазиатского облика. Стены их на всю высоту возводились из сырцового кирпича. Разные по функциям помещения жилищ последовательно соединялись дверными проемами (продольно-осевая планировка).

Такова планировка малой усадьбы, вскрытой раскопом II в 2001 г. [Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2002, с.161, рис. 12]. Усадьба

представляет собой отдельно расположенное строение, состоящее из двух симметричных по планировке жилых секций, разделенных стеной. Отдельные входы со двора в жилища были устроены в северной стене. Войдя в жилище, попадали в прихожую, имевшую хозяйственное назначение (помещения №3 и 6). Здесь были устроены мусорные ямы. В помещении №3 в северо-западном углу выявлена суфа, выложенная из обломков обожженного кирпича. Далее через двери, устроенные вдоль центральной стены, попадали в жилые помещения с канами и суфами (помещения №2 и 5). Замыкали анфиладу помещений небольшие комнаты-кладовые. Здесь можно видеть своеобразный вариант планировки большого дома, когда два аналогичных жилища имеют общую стену и общий открытый двор перед ними.

Иную планировку имеет вышеописанная усадьба 3 раскопа IV 2002 г. Здесь два двухкомнатных жилища (помещения 1-2 и 6-7) объединены обширным айваном с подсобно-хозяйственными отсеками (помещения 3-5) [Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2002, с.166, рис. 23].

Планировка усадьбы №4 раскопа IV имеет черты обеих ранее исследованных усадеб. Жилая часть усадьбы представлена двумя трехкомнатными жилищами (помещения №1-3 и 7-9), объединенными крытым айваном с подсобными помещениями (4, 5, 5а, 6). Жилые комнаты объединены по принципу продольно-осевой планировки, а вся усадьба в целом – по поперечно-осевому принципу.

«Монгольский тип», столь характерный для усадеб поволжских городских центров Золотой Орды, достаточно детально охарактеризован В. Л. Егоровым [Егоров, 1970, с. 172-193]. «Двойной дом» как особый тип усадебной планировки в золотоордынских городах подробно описан А. Г. Мухамадиевым [Мухамадиев, 1974, с. 80]. А об облике позднесредневековых жилищ Южного Казахстана достаточно полное представление дают результаты раскопок Отрара – древнего городского центра на Средней Сырдарье [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 121-136; Ерзакович, 1973а, с. 188-189] и средневекового Туркестана [Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 166-175]. Эти материалы дополняются и перекликаются с этнографическими данными из того же историко-культурного региона [Жилина, 1982, с. 137-163].

Эти материалы свидетельствуют о том, что в Присырдарьинском регионе в средневековье и вплоть до начала XX в. широко бытовал тип дома, состоящий из 2-3-х помещений, последовательно соединенных между собой дверными проемами. Большую часть жилого помещения занимала «П»-образная суфа. Отапливались дома, как правило, тандырами с дымоходами, проложенными в суфе и выведенными наружу через вертикальный дымоход в стене. Такая система отопления получила название «типа канов», а сам тип жилища с XIV в. становится основным в регионе Южного Казахстана.

В помещениях обычны ямы-хранилища и закрома; в основном жилом помещении имелись центральный опорный столб, на который опиралась кровля, ниши в стенах и т. п. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 125, рис. 3з; Жилина, 1982, с. 146, рис. 1, 1].

Так как наиболее характерные признаки этого типа домов имеют исторические корни именно в северо-восточных регионах Средней Азии (Хорезм) и на юге Казахстана (Присырдарьинский регион) [Ерзакович, 1973а, с. 100-110], то вполне правомерно считать, что «жайыкский дом» этого типа сложился, как теперь становится ясным, в золотоордынскую эпоху под влиянием традиций домостроительства северо-восточных регионов Средней Азии и Южного Казахстана. Таким образом, ранее высказанная точка зрения об участии оседлого кыпчакского населения, пришедшего с берегов Сырдарьи, в формировании золотоордынской городской культуры получает все большее обоснование [Ерзакович, 1970, с. 67].

В ходе археологических исследований были обнаружены следующие предметы: фрагменты металлических изделий, керамики, глазурованных облицовочных плиток; стеклянная бусина; кости животных и, как выше отмечалось, две медные монеты. У одной из монет просматриваются следы надписи в квадратной рамке, разделенной на две равные части. На оборотной стороне – изображение льва с раскрытой пастью, поднятым хвостом, шагающего вправо. Над спиной животного – изображение восходящего солнца. Этот тип хорошо известен среди джучидских монет. Он принадлежит к пореформенному чекану хана Узбека. На лицевой стороне хорошо сохранившихся монет этого типа видна надпись внутри квадратного картуша: «Высочайшее постановление». По краю картуша надпись «Чекан-Сарая 737». Цифрами дана дата чеканки монет – 737 год хиджры (т. е. 1336-1337 гг.) [Янина, 1954, с. 436; Мухамадиев, 1983, с. 78-79]. Возможно, что и вторая монета относится к этому же типу, но с уверенностью говорить об этом невозможно, поскольку обе стороны монеты совершенно стерты. Диаметр монетного кружка равен 16 мм.

Монетные находки, материал из раскопок свидетельствуют о расцвете города в XIV в.

Баня городища Жайык. Среди общественных построек Жайыка обнаружена баня – «хаммам», располагавшаяся почти в центре городища. Она сильно разрушена позднейшей выемкой кирпича для вторичного использования. Удалось лишь частично вскрыть планировку ее цокольной части.

Здание ее было традиционно полуподземным сооружением, цокольная часть которого, глубиной не менее 1,2-1,3 м, находилась в материке. Для этого был предварительно вырыт котлован и в нем выложено основание бани, устроена отопительная система в виде жаропроводящих каналов под полом основных помещений. При этом пол опирался на кирпичные столбики, расположенные в шахматном

порядке. Наружные стены толщиной в 1 м ставились вплотную к стенкам котлована.

Южная наружная стена бани разобрана полностью. Сохранился лишь небольшой фрагмент кладки основания шириной в 2 ряда кирпичей. Западная стена разобрана полностью, на полу прослеживаются лишь ее следы. Северная наружная стена, в которой был, видимо, вход, как и вся северо-восточная часть комплекса, осталась пока за границами раскопа.

Баня имеет крестовидную планировку. Центральное помещение ее имело восьмиугольный план, вписанный в квадрат со стороной не менее 4 м.

Площадь центрального зала увеличивали беньюары – ниши с суфами (массажные). Из зала вели проходы в помещения, предназначенные для мытья. Они, вероятно, имели разную температуру нагрева – «прохладные» и «горячие». Моечные были снабжены

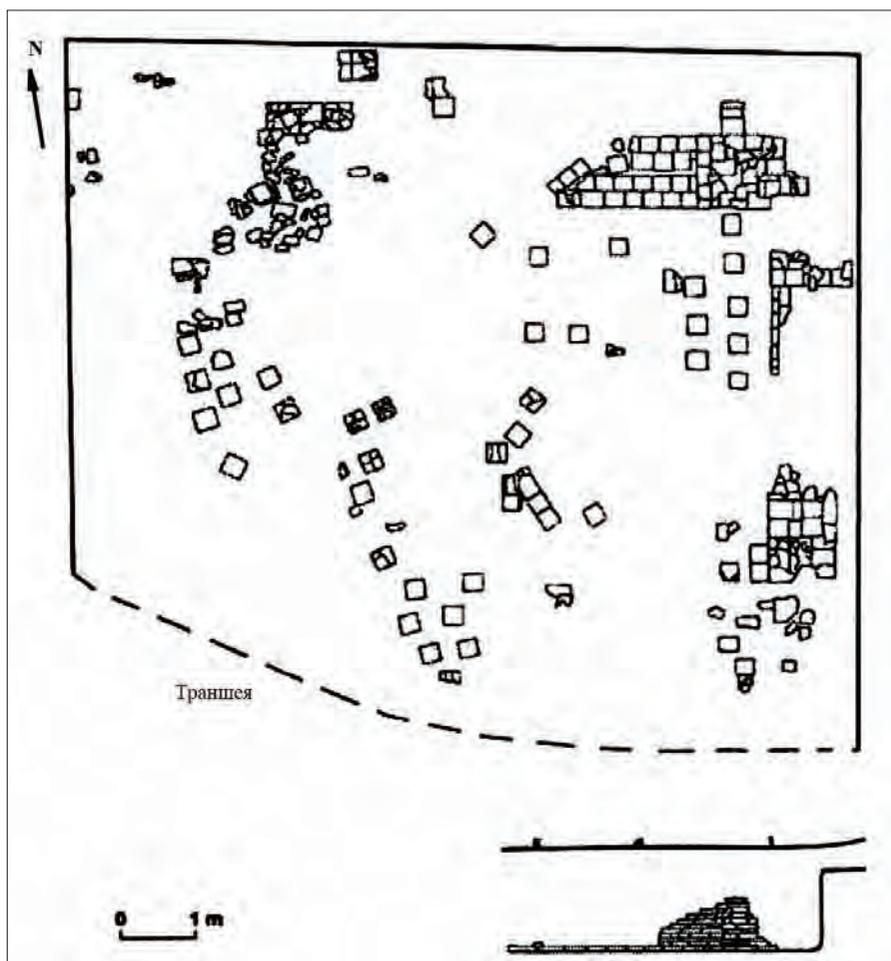

Рис. 126. Жайык. План и разрез бани-хаммам

тазами и котлами. Некоторые из них были прикреплены алебастровым раствором в суфах (на многих фрагментах керамических сосудов этого вида присутствуют явные следы алебаstra). Холодная вода в помещения подавалась по трубопроводу, видимо, проложенному в стенах. В завале обнаружено множество обломков керамических трубок с характерными «манжетами» на одном конце. Они служили для стыковки труб, место соединения обмазывалось алебастровым раствором. Конец трубы, выводившийся в помещение, закрывался специальной керамической «заглушкой» с небольшим отверстием в центре. «Заглушка» также закреплялась на конце трубы алебастровым раствором. Через нее, видимо, регулировалась подача холодной (и горячей) воды в мочные помещения. Обнаружены три такие «заглушки». В поволжских центрах Золотой Орды такие находки названы «пробками» [Федоров-Давыдов, 2001, с. 194].

На территории Золотой Орды археологами исследованы остатки более 20 бань. Отмечено, что в строительстве банных сооружений в Поволжье присутствуют две строительные традиции, проявляющиеся в двух типах планировки: «римско-византийская», связанная с «линейной» планировкой, и «восточная», представленная крестообразной планировкой [Зиливинская, 1989, с. 251]. Ряд характерных признаков, отмеченных при раскопках бани на городище Жайык, позволяет отнести ее к баням-хаммам восточного типа.

Время появления бань, к типу которых относится жайыкская, не определяется однозначно.

Так, В. Л. Воронина считает, что бани крестообразной планировки из жженого кирпича со строго последовательным изменением температурного режима возникли в Средней Азии в XIV в. [Воронина, 1983, с. 145]. Однако в Отраре была раскопана

Рис. 127. Заглушки водопроводных труб

Рис. 128. Основание бани

баня с крестообразной планировкой, построенная в конце XI - XII в. [Байпаков, 1986, с. 141-144].

Общественные бани в мусульманском городе были, пожалуй, важнейшими после мечети сооружениями и зачастую пышно декорировались сообразно архитектурному стилю эпохи. Строительство и содержание бани было не только прибыльным делом, но и повышало социальный статус частного лица, предпринявшего такое строительство. Этим делом не гнушались даже представители феодальной элиты, правители городов и государств. Известно, что Улугбек построил «хорошую баню» в Самарканде неподалеку от Регистана [Бабур-намэ, 1958, с. 61].

Ближайшими по хронологии из известных бань являются бани Отрара [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 112], Самарканда [Бураков, 1986, с. 162-172], Великого Булгара [Смирнов, 1951, с. 209] и Антоновского городища в Жетысу [Байпаков, Воякин, 2002, с. 120-146]. Развалины бани XI-XII вв. отмечены у подножия цитадели городища Шойтобе (средневековый Шавгар) в Туркестанском районе [Смагулов, Туякбаев, Бурнашева, Баратов, 2001]. В золотоордынских городах бани раскопаны также в Бельджамене (Водянское городище), Селитренном городище [Зиливинская, 1989, с. 249-280], Мохше в Пензенской области Российской Федерации [Алихова, 1976]. Всего, как отметила Э. Д. Зиливинская, известно более 20 бань золотоордынского времени [Зиливинская, 1989, с. 251].

Таким образом, изученность сооружений подобного рода золотоордынского времени в Центральной Азии позволяет, опираясь на аналогии, с определенной долей уверенности реконструировать

Рис. 129. Столбики подполья бани

облик бани. В XIII-XIV вв. общественные бани на огромной территории Азии приобрели законченную планировочную структуру и строились как бы по одному (с небольшими вариациями) «типовому проекту», в котором кристаллизировались наиболее рациональные принципы организации столь специфичного по назначению сооружения. Специалисты уже отмечали планировочную близость, например, отарской бани XII-XIV вв. (южная окраина Золотой Орды) и бань Булгара XIV в. (северная окраина Золотой Орды) [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 123]. К этому же типу относится баня, исследованная на городище Антоновское в Северо-Восточном Жетысу, отождествляемом с историческим Каялыком [Байпаков, Воякин, 2002, с. 123]. Бани с таким типом планировки принято называть арабским термином «хаммам», или «восточной баней». Происхождение и эволюция этого типа бань в Средней Азии достаточно подробно рассмотрена в работе В. Л. Ворониной [Воронина, 1983].

Площадь бани городища Жайык определяется в 110-120 кв. м. Центральный зал имел восьмиугольную планировку. С востока и запада к нему примыкали малые помещения для мытья. Обогревалась баня подпольной отопительной системой. Жаропроводящие каналы были устроены под полами и суфами всех внутренних помещений. Цокольная часть всей постройки была, как минимум на 1,4 м, заглублена в землю. Вода в баню и в моечные помещения подавалась посредством разветвленной системы трубопровода. В синхронных банях Булгара, значительно лучше сохранившихся, вода посредством керамического водопровода, проложенного внутри стен, подавалась практически во все помещения, причем холодная и подогретая. В

помещениях под выходами труб из стены стояли небольшие каменные емкости [Смирнов, 1951, с. 216].

Следует отметить, что этот тип бань почти без изменения дожил в Средней Азии до наших дней. Аналогичная по планировке баня функционировала еще в прошлом веке в Шахрисябзе (Узбекистан) и на территории культового комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане [Свод памятников истории и культуры, 1994].

Городище Актобе было расположено на окраине г. Атырау, на старой дельтовой протоке. Территория городища, судя по наличию культурного слоя и разбросу подъемного материала, в основном керамики, размерами 200 x 80 м возвышается на 1,2 м над окружающей плоской равниной. В настоящее время часть поселения уничтожена современной застройкой.

Городище исследовалось М. С. Мерциевым, Л. Л. Галкиным, В. К. Афанасьевым, М. С. Касеновым. Изучалась топография, проводились раскопки. Удалось получить материалы: керамику, изделия из металла, монеты, которые позволили датировать городище XIII-XV вв. и отождествить его с городом Лаэти [Мерциев, 1969, с. 153-161; Афанасьев, 1996; Галкин, Касенов, Афанасьев, 2013].

Судя по мнению исследователей, городище представляет плотный массив застройки. Выделяются участки, называемые исследователями кварталами, которые возможно имели ремесленную специализацию.

Раскопки выявили главным образом жилую застройку – жилище сгруппировано, возможно, в кварталы, застройка разрежена улицами и тупиками. Открыто несколько домовладений, краткая характеристика одного из них предлагается.

Рис. 130. Городище Актобе. Фото раскопа с высоты

Рис. 131. Городище Актобе. Общий вид раскопа

Усадьба 1. Усадьба представляет собой прямоугольное в плане помещение размерами 20,5 x 11,7 м, вытянуто длинными сторонами по линии север–юг. Стены усадьбы сложены из сырцового кирпича. С восточной стороны стены был дверной проем, который вел на главную улицу поселения.

Помещение 1. Вход в помещение 1 осуществлялся через дверь с улицы. Ширина дверного проема равна 72 см. Ширина стен – 50-80 см, высота – 30-50 см. Справа от дверного проема имелась пристройка прямоугольной формы, на которой помещался очаг 4. Длина пристройки – 120 см, ширина ее – 70 см. Очаг, находившийся в этой пристройке, – тандыр, стенки диаметром 50 см, глубина 54 см от пола раскопа.

Вход в помещение 1 осуществлялся через коридор, образованный описанной выше стеной и стеной идущей параллельно ей внутри помещения. Она сложена из сырцовых кирпичей 43 x 40 x 6 см.

Длина стены – 5,9 м, ширина – 50-60 см. Ширина стены складывается из ширины сырцового кирпича. Помещение прямоугольной в плане формы размерами 7 x 3,2 м. Оно ограничено с севера стеной, сложенной из сырцового кирпича толщиной 50 см. С востока помещение 1 ограничено глухой стеной.

Помещение 2 можно разделить на две части: восточную и западную. Восточная, очевидно, использовалась в хозяйственных целях. В юго-западном углу помещения над полом, имевшим отметку -44 см, возвышалась «П»-образная суфа высотой 0,21 м от

Рис. 132. Городище Актобе. Керамика усадьбы 3

пола, шириной – 0,23 м. Она обогревалась с помощью канов, длина обогреваемых каналов 0,97 м, ширина - 0,18 м. Топочное устье канов оформлено двумя поставленными вертикально по разные стороны обожженными кирпичами размерами 38 x 24 x 6 см и двумя кирпичами, положенными плашмя сверху.

К суфе с западной стороны тесно примыкает сырцовая тумба одинаковой с ней высоты размерами 0,9 x 0,9 м. На тумбе был устроен прямоугольный заком с закругленными углами, размерами по верху 0,85 x 0,6 м, глубиной 1 м. В заполнении его найдены кости

животных, рыбы, фрагменты красноглиняной керамики и кирпичей. У северной стены помещения находилась суфа шириной 0,5 м и длиной 1,2 м. Она возвышалась над полом на 0,16 м. Поверхность ее имела отметку -35 см. К этой конструкции с юга примыкал очаг овальной формы, наибольший диаметр его 0,7 м. Дно его зафиксировано на глубине -0,73 м.

В юго-восточной части хозяйственного отделения помещения устроен закомр размерами 1,35 x 1,42 м.

Помещение 3 размерами 5,0 x 4,1 м. Вдоль южной стены его прослеживается суфа шириной 1 м с впущенным в нее очаг-тандыр диаметром 0,4 м. От очага идут вдоль закопченные и обожженные жаропроводящие каналы – каналы сечением 15 x 7 см, которые обогревали суфу. К востоку от суфы обнаружен круглый очаг диаметром 0,6 м.

У западной стены шириной 0,1 м найдено керамическое блюдо. На расстоянии 1,4 м к северу от северной стенки суфы 1 расположена суфа 2, имеющая «Г»-образную форму в плане. Длина суфы, вытянувшейся вдоль северной стены помещения, составляет 3,25 м; ширина – 1 м. Длина «Г»-образного отрезка – 1,25 м; ширина – 0,4 м. На суфе обнаружен очаг с отходящими от него двумя каналами канов, разделенными глиняной перемышкой шириной в 0,2 м. Длина каналов

Рис. 133. Городище Актобе. Слон. Гипс

1,45 м и 1,35 м. Размер северного канала: ширина 0,2 м, глубина 0,08 м. В углу, образованном суфой и «Г»-образным отрезком, расчищены остатки тандыра, диаметром 0,65 м.

Помещение 4 расположено к западу от помещения 3. Оно прямоугольное в плане с закругленными углами. С восточной стороны имеет выступ стены шириной 0,3 м. Продолжением его является яма глубиной 1,37 м от уровня пола усадьбы. Яма прямоугольная в плане: 1,4 x 0,8 м, глубиной 0,25 м. Яма заполнена фрагментами красноглиняной керамики и костями животных.

Помещение 5 размерами 5,5 x 2,5 м нарушено поздними перекопами. С южной стороны прослежена суфа, размеры которой не устанавливаются. Суфа отапливалась с помощью канна 4. Длина кана вместе с топочной камерой составила 3,3 м; ширина дымоходов - 0,2 м; расстояние между дымоходными каналами - 0,3 м. Топочная камера круглая, диаметром 0,6 м.

В средней части помещения 5 открыта «Г»-образная сырцовая стена. Толщина стены - 0,2 м, она выше основного пола помещения и, видимо, относится к поздней перепланировке помещения. С внешней стороны «Г»-образного отрезка на округлой сырцовой платформе, был обнаружен очаг 5: диаметр 0,6 м; глубина - 0,55 м; стенки очага прокалены на 2,5-3 см.

Помещение 6 расположено к западу от помещения 5, служило хозяйственным целям. Вход в помещение 6 на сохранившемся уровне не прослеживался. К югу от помещения 6 за сырцовой стенкой шириной около 0,2 м находится помещение 7.

Помещение 7 - прямоугольное, размерами 2,8 x 1,2-1,4 м. В заполнении помещения были найдены кости животных. Вероятно, помещение использовалось как хозяйственное.

Помещение 8 размерами 4,2 x 3,3 м расположено к югу от помещения 5. В юго-восточном углу помещения обнаружен дверной проем, ведущий на улицу. Ширина его 2 м. В западной стене помещения имелся выход шириной 0,6 м во двор усадьбы. В центре помещения возвышалась сырцовая площадка прямоугольная в плане с округлой северной частью размерами 1,8 x 1,0 м; высота - 0,42 м. В северной округлой части платформы располагался очаг 7 диаметром 0,4 м и глубиной 0,53 м. Сохранившаяся высота в помещении 0,6 м.

Помещение 9, предположительно, служило хозяйственным целям. Вход в помещение не прослежен. К западу от помещений 8 и 9 был расположен двор усадьбы размером 6 x 6 м. На уровне пола двора были расчищены два впускных погребения, совершенных, видимо, после запустения поселения.

Можно констатировать, что в каждой усадьбе было несколько комнат, в жилых имелись суфы с вмазанными в них тандырами. Стены были сложены из сырцовых кирпичей размерами 24 x 24 x 5 см или 45 x 25 x 6 см.

В жилых помещениях обнаружены суфы, обогреваемые с помощью канов. В хозяйственных помещениях размещались закрома и в отдельных – очаги, найдены скопления красноглиняных сосудов, хумов, глиняные обожженные и необожженные (заготовки) грузила для сетей, кости рыб. В одном из помещений обнаружены изделия и заготовки из кости. Собраны серебряные и медные монеты. На одной из ручек керамического сосуда процарапана по сырой глине тамга, аналогичная одной из тамг Селитренного городища [Галкин, 1977, с. 51].

Раскопки дали представление о жилых помещениях, о быте и занятиях местных жителей. Четкая планировка кварталов с жилыми комплексами, построенными из сырцового кирпича, и производственными печами, расположенными на окраине, позволили выявить структуру планировки этого поселения. На аэрофотоснимках была видна «центральная улица», тянущаяся в меридиональном направлении, ее пересекали узкие улочки.

В северной части помещения была вскрыта гончарная печь, на восточной окраине были обнаружены и зачищены более мелкие печи. Замечено, что в северной части поселения много отходов бронзы. В южной части поселения, очевидно, работали косторезы.

Городище Кзыл-кала находится у подножия одной из самых известных на Мангышлаке горы Шеркале. Оно расположено на краю обширной долины, подпитываемой водой родника Акмыш.

Центральная часть городища размерами 110 x 115 м окружена стеной, облицованной кладкой из крупных каменных блоков. Высота стены сейчас достигает 5 м, толщина основания – 3 м. По углам и периметру стены находились башни, всего их 13. Ворота, фланкированные двумя башнями, находятся в северо-восточной стене.

По периметру изнутри прослеживается жилая застройка. Вокруг по площади в 50 га видны остатки сплошной усадебной застройки.

Масштабы городища Кзыл-кала (50 га, более 200 построек) и мощность культурных отложений (более 2 м) указывает на долгую жизнь города и его важную роль в торговле.

По мнению исследователей, город формировался у стен крепости, сооруженной Хорезмом в период его подъема и расширения торговых связей с Хазарией и Булгарией.

Вопрос обеспечения водой решался наличием родниковой реки Акмыш и неглубоким (2,5-2,7 м) залеганием пласта грунтовых вод, подпитываемых родниками хребта Западный Каратау.

На юго-восточной окраине города просматриваются остатки вала-запруды для сбора родниковых и паводковых вод. Вероятно, этот водоем использовался для полива приусадебных участков.

На южной окраине города сохранились остатки нескольких печей для обжига керамических изделий. Гончары производили хозяйственную, бытовую и столовую посуду, в том числе глазурованную.

Для отделки парадных фасадов отдельных помещений изготавливались кирпичи с резным узором и цветные изразцы. Найдены шлаки и следы плавки железа и меди.

Дома объединены в квартальные комплексы.

Городище отождествляется с городом Манкышлаг. Период расцвета города совпадает со временем исторических упоминаний о нем – XI-XII вв.

Городище Кзыл-кала - единственное крупное средневековое поселение с городской планировкой, найденное на территории Манкыстау.

Несмотря на свою значимость, город Манкышлаг просуществовал недолго. Многочисленные обломки керамической посуды, собранные на поверхности поселения, датируются XII – началом XIII в. Археологических материалов периода Золотой Орды, характеризующих активизацию торговых связей, здесь не найдено. Упадок поселения Кзыл-кала начался после разгрома Хорезма войсками Чингисхана зимой 1220-1221 гг. и, как следствие, нарушение устоявшихся торговых отношений Азии и Европы.

В конце XIII в. уровень Каспийского моря поднялся до отметок 25-26 м.

Долговременное укрепленное поселение на берегу удобной морской гавани могло возникнуть только при условии благоприятных политических, а главное, экономических предпосылок. Именно благодаря торговле на пустынном манкыстауском берегу мог возникнуть портовый город с целью продвижения товаров между Хазарией и Хорезмом [Самашев, Кушербаев, Аманшаев, 2007, с.293-296, 317-323].

Возможно, названием Банхишлак или Бинкишлак в средневековье упоминалось уже Каракавакское городище, возникшее на 100 или более лет раньше Кзыл-калы.

Застройка городища Жалпактал. Городище расположено на границе Казталовского и Жангалинского районов Западно-Казахстанской области. Его площадь достигает 68 га. В центральной части городища наблюдается несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м, на остальной части – несколько десятков всхолмлений меньшего размера [Марыксин, 2012, с. 91-126].

В центральной части городища был разбит раскоп размерами 10 x 10 м, который показал наличие культурного слоя. На глубине 0,2-0,3 м в раскопе выявилась часть постройки из сырцового кирпича.

В раскопе обнаружены фрагменты гончарной красноглиняной керамики с волнистым и линейным орнаментом. Были обнаружены фрагменты резной терракоты. На отдельных фрагментах имеются следы окрашивания черной краской. Фрагменты разрозненные, не стыкуются между собой. Тем не менее, по рисункам, вырезанным на них, можно попытаться составить общее представление об

орнаментации. Это могли быть орнаментальные панели, сложенные из стыкующихся между собой плиток: на большом количестве фрагментов имеются следы бордюров-рамочек.

Стилизованный орнамент составляют длинные линии-стебли, прямые и наклонные, также встречаются отдельные лепестки, имеется орнамент, составленный из полукружий. В геометрическом орнаменте различаются угловые (треугольные) и прямоугольные детали, а также параллельные насечки.

Среди находок из раскопа нужно отметить фрагмент изразца. Размеры фрагмента: 4 x 4 см, толщина – 2 см. Это майолика с подглазурной росписью. Растительный орнамент из длинных изогнутых стеблей выполнен черной краской на ярко-голубом фоне, по краю изразца идет широкая темно-синяя полоса. Подобные майоликовые изразцы появляются и получают распространение, как в Средней Азии, так и в Золотой Орде, начиная с XIV в.

Раскоп 1. В площадь раскопа попала часть небольшого всхолмления. Обнаружена прямоугольная постройка, состоящая из двух помещений. Размеры усадьбы: 6,9-7,1 x 9,4 м. Внутренние размеры: помещение 1 – 5,2 x 4 м. Помещение 2 – 5,2 x 3,7-3,8 м. Стены усадьбы толщиной 0,6-0,7 м сложены из 9-10 рядов сырцовых кирпичей размерами 40 x 20 x 10 см.

Помещение 1. Вдоль западной, северной и восточной стен обнаружена «П»-образная суфа. Заполнение суфы – завал и глина с небольшим количеством находок. В западной части суфы обнаружена овальная в плане печь (тандыр). В восточной части сделано топочное отверстие размерами 0,2 x 0,2 м.

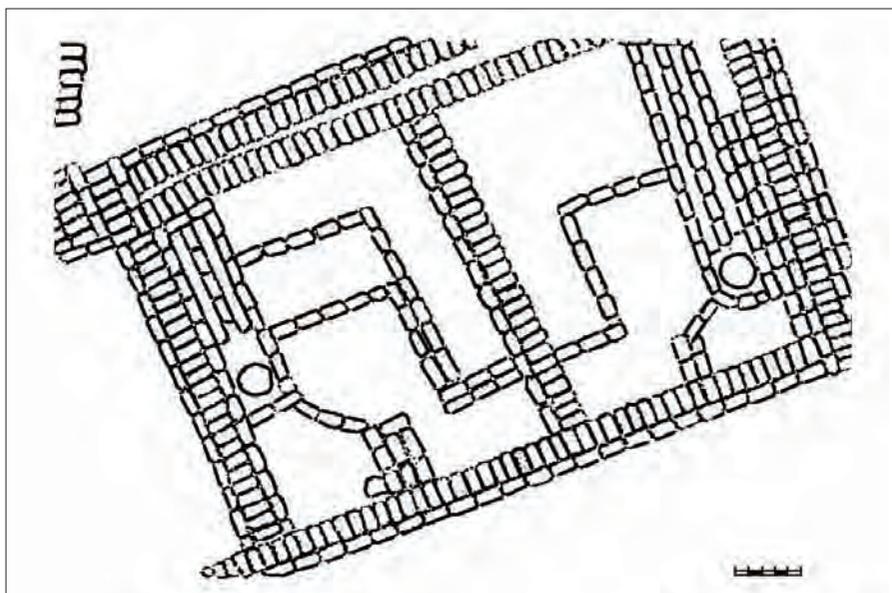

Рис. 134. Городище Жалтактал. План дома

К северо-западу от тандыра отходят дымоходы кана. Дымоходы не соединяются с ним на той глубине, на которой они обнаружены. Видимо, выход из печи осуществлялся через отверстие, расположенное выше. Внешние очертания дымохода прямоугольные (0,2 x 1,9 м). Глубина дымохода – 0,4 м (4 слоя кирпича). Каны соединены между собой небольшим отверстием и выходят, видимо, в дымоход, устроенный в северо-западном углу.

Помещение 2 аналогично помещению 1 в деталях. Вдоль западной, северной и восточной стен обнаружена «П»-образная суфа. В юго-восточном углу суфы устроен тандыр диаметром 0,52 м. В суфе, в восточной стенке, обнаружен двойной кан глубиной 0,4 м. Длина канов - 3,1 и 3,3 м. Ширина – 0,2 м. Дымоход выходит за северную стенку раскопа.

В 2012 году раскоп был расширен. На глубине от 0-0,2 м, на всей территории раскопа обнаружены многочисленные фрагменты керамики, часть из которых имеет волнистый и линейный орнамент.

Помещение 3 имеет северную стену шириной 0,8 м, восточную – 0,6 м, южная стенка шириной 0,4 м. Стены сложены из 9-10 рядов сырцовых кирпичей размерами 0,4 x 0,2 x 0,1 м. С восточной стороны в суфу встроены тандыр. Ширина венца тандыра 0,45 м.

Интересные материалы были получены в 2014 году. Раскоп IV открыл усадьбу, состоящую из нескольких помещений. Самым ранним из них является жилая землянка, расположенная в северо-восточном углу раскопа, часть ее раскопана. В землянке расположено две суфы: вдоль западной и южной стенок. Суфа вдоль западной стенки в более раннее время имела печь, от которой сохранилось устье. Выявлен северо-восточный угол помещения высотой в 1-2 слоя кирпича.

Землянки являются достаточно распространенным типом жилищ Золотой Орды.

Позднее землянка была разрушена и построена жилая усадьба, состоящая из нескольких помещений. Часть помещений была перестроена.

Помещение 1 размерами 5,6 x 1,76 м. Северная стена сохранилась в высоту 8 рядов кладки кирпича, в ней сделан проход шириной 0,6 м в помещение 4. Проход имеет порог высотой 0,15 м. Западная стена сохранилась на высоту в 7 рядов кирпичной кладки, южная – 8-9 рядов.

С южной стороны к западной стене помещения 1 пристроена стена, уходящая за границы раскопа.

Помещение 4 расположено севернее помещения 1 и имеет с ним общую стену. В нем была обнаружена суфа вдоль всех четырех стен. В суфу впущен тандыр овальной формы (0,7 x 0,45 м). Дымоход расположен в южной стене, к нему подведены два кана.

Помещение 3 неправильной треугольной в плане формы расположено восточнее помещения 4. В нем имеется небольшая суфа и печь с канами.

Помещение 2 является самым поздним по времени. Оно прорезало часть жилой землянки и раннего дома. В нем расположена «П»-образная суфа. Северная стена помещения сложена шириной в два кирпича (два ложка по бокам и тычком в середине). Размеры кирпича 47 x 20 x 8 см.

Характер и особенности городского жилища Западного Казахстана

Основой, составляющей застройку городов, является жилище, которое может анализироваться с точки зрения его планировки, строительной техники и строительных материалов, архитектуры, что в конечном итоге отражает экономический потенциал общества. Жилище также позволяет решать социальные и этнокультурные вопросы. Раскопки городищ Уральско-Мангыстауского региона, таких как Сарайчик, Жайык, Жалпактал, Актобе, Кзыл-кала накопили материалы по городскому жилищу, который может быть проанализирован в контексте с изучением жилища городов Золотой орды. Это исследования Г. А. Федорова-Давыдова, В. Л. Егорова, Л. Б. Ерзаковича, А. Г. Мухамадиева, Э. Д. Зиливинской [Федоров-Давыдов, 1994; Егоров, 1970, с. 172-193; Егоров, Полуобояринова, 1974, с. 39-79; Ерзакович, 1973, с. 166-182; Мухамадиев, 1974, с. 80-88; Зиливинская, 2008; 2011].

Основным модулем в домостроении, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова и В. Л. Егорова, был однокомнатный, квадратный в плане, дом. В. Л. Егоров выявил типичные монгольские черты в домостроительстве Золотой Орды и пришел к выводу о том, что однокомнатные наземные жилища являлись домами вполне оформившегося типа монгольской оседлой архитектуры, уходящей корнями в традиции древнемонгольского кочевого жилища и прошедшей начальную ступень развития в недрах Центральной Азии [Егоров 1970, с. 180-182]. Эта точка зрения получила распространение в таких дефинициях как «Монгольские дома Поволжья», «однокомнатные монгольские дома», «дома монгольского типа» [Егоров 1970, с. 192].

В качестве аргументов приводилось наличие канонов монгольской архитектуры; бесфундаментный способ кладки стен; квадратная форма построек; наличие сырцового цоколя; каркасно-щитовая конструкция стен; четырехскатная пирамидальная крыша, суфа и характер отопительной системы типа кана.

В подобных жилищах проживало рядовое население. Стены построек возводились из сырцового кирпича, имели деревянную, каркасную или турлучную конструкцию, возведенную на материке. Интерьер однообразен это «П»-образная, реже «Г»-образная суфа высотой 0,3-0,6 м, возведенная из строительного мусора, глины, края которой зачастую обкладывались сырцовым или обожженным кирпичом, а поверхность обмазывалась глиной. Отопительная система состояла из кирпичной печи прямоугольной или овальной в

плане формы, или тандыра, дым и жар из которых поступал в один или несколько жаропроводящих каналов – канов, которые были проложены в толще суфы. Горизонтальные каналы соединялись с вертикальным дымоходом в одном из углов помещения. Полы могли быть глинобитными, дощатыми или из обожженного кирпича. В некоторых жилищах полы иногда углублялись в землю относительно уровня дневной поверхности на 0,2-0,5 м. Зачастую в полу устраивались ташнау – санитарно-гигиенические устройства в виде впущенного в землю большого сосуда. Данная конструкция являлась дренажом, куда отводилась использованная вода после водных процедур. Ташнау прикрывались кирпичом, каменной плитой с небольшим сквозным круглым отверстием для стока. Общая площадь помещений колеблется от 9 до 45 кв. м. Такое жилище известно у полукочевых и оседлых групп населения Монголии, в Казахстане [Кондратьева, 1935, с. 39; Захарова, 1979, с. 189]. И это действительно так, что отмечалось не только этнографами, но и археологами. Об этом пишет Л. Б. Ерзакович, основываясь на анализе средневекового жилища Южного Казахстана в сопоставлении его с юртой. Он отмечает, что в Отрарском жилище есть черты, характерные и для оседлого, и для полукочевого населения. Он писал: «Для кочевников, вливающих в число горожан, в оседлом жилище характерны черты их традиционного жилища – юрты; отсутствие деления на мужскую и женскую половину, наличие почетного места для мужчин, территория для женщин и детей и в то же время основа жилища: его планировка, наличие суфы, кухонные очаги и сакральные, связанные с культом огня, алтари, одна или более колонн для поддержки перекрытия, ташнау, кладовые с закромами и сосудами, типичным для оседлого населения» [Ерзакович, 1989, с. 383-390].

Одним из инноваций в жилищах городов Золотой орды являются канны – система отопления при помощи жаропроводящих каналов под полом, в суфах и выводом из дома через вертикальный колодец в стенах. В. Л. Егоров считал, что этот тип отопления был принесен сюда монголами, которые заимствовали его, в свою очередь, еще на исторической родине у киданей и чжур-чженей [Егоров, 1970, с. 185-186]. Г. А. Федоров-Давыдов полагал, что каны «пришли» из Центральной Азии [Федоров-Давыдов, 1994, с. 75].

Казахстанские исследователи считали, что каны появились в Золотой Орде вместе с переселенцами из сырдарьинских городов, а на Сырдарью они попали от кимаков и кыпчаков [Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64-69].

Однако сразу же следует отметить, что каны на Сырдарье отличаются от канов золотоордынских жилищ. Каны городских жилищ могут быть так названы условно [Ерзакович, 1983, с. 145-146]. Это короткие дымоходы от 1 до 2 м, выведенные из тандыров, вмазанных в суфу и подведенных к вертикальным колодцам в стенах домов, или в стыки стен, в углы. Они обогревали лишь участок суфы. Тандыры

же были не только элементом отопительной системы, но и служили для выпечки лепешек и приготовления пищи. И распространились они не в домонгольское время, как считают С. М. Ахинжанов и Л. Б. Ерзакович, ссылаясь на Е. Е. Неразик [Неразик, 1968, с. 203-204], которая связывала их появление в Приаралье с древнеуйгурскими и огузо-кыпчакскими народами. Указанные ими случаи появления канов в жилищах в VII-VIII вв. и X-XI вв. носили, видимо, либо случайный, либо надуманный исследователями характер, связанные с плохой сохранностью неких заполненных золой конструкций непонятного назначения. Массовое появление «коротких» канов на Сырдарье произошло в XIII – первой половине XIV в. [Ерзакович, 1983, с. 91].

Поиски ближайших аналогий «коротким» канам Южного Казахстана приводят в Семиречье. Здесь при раскопках жилищ XI-XII вв. были выявлены тандыры с короткими дымоходами, выведенными в толщу стены [Кожемяко, 1967, с. 40; Байпаков, 1986, с. 145-146].

Возможно, тандыр с коротким дымоходом был занесен на Сырдарью населением семиреченских городов, которое переселилось на юг Казахстана и в Среднюю Азию в период борьбы харезмшаха Мухаммеда и каракитаев в связи с монгольскими завоеваниями [Пищулина, 1977, с. 37-38, 40-41, 132].

О том, что именно Южный Казахстан мог стать местом, куда в первую очередь перемещалось оседло-земледельческое и городское население Семиречья, свидетельствуют соседство и общность развития семиреченско-южно-казахстанского региона.

Монгольское нашествие задержало, но не прервало процессы этнической и политической консолидации племен Дешт-и Кыпчака и районов Южного Казахстана. Здесь в XIII-XIV вв. формируется первое государственное объединение на местной этнической основе – Ак-Орда. Приход сюда вместе с монголами новых племен, безусловно, вносил свежую струю в культуру города. Именно в это время в южно-казахстанских городах происходит окончательное сложение описанных типов жилища.

Аналоги городскому позднесредневековому жилищу Южного Казахстана можно найти в соседних регионах. Е. Е. Неразик отмечает близость группы сельских жилищ XII-XIV вв. в Западном и Северо-Западном Хорезме с жилищем сырдарьинского региона. Обнаруживается сходство в планировке, в элементах интерьера [Неразик, 1982, с. 172]. В Ургенче открыты дома XV-XVII вв. [Федоров-Давыдов, 1958, с. 505-528], обнаруживающие сходство с позднесредневековыми домами Отрара.

Вопрос о формировании жилища у населения Сырдарьинских поселений и городов свидетельствует о сложных многоплановых процессах, связанных со спецификой хозяйственной деятельности региона и его взаимодействия с окружающим миром степных кочевников. Начиная с эпохи бронзы, в период развития здесь государства Кангуй, древнетюркских каганатов, государства караханидов, затем в эпоху

Монгольской империи, государств Чагатаидов, Джучидов и Ак-Орды, регион развивался на основе тесного взаимодействия земледельцев и кочевников, города и степи. Домостроительство здесь базировалось на приспособлении под стационарное жилище – юрты, кибитки и юрты на колесах, на появление жилищ у населения, осваивающего долину Сырдарьи, предгорье Тянь-Шаня и Каратау [Маргулан, 1950, с. 3-26; Акишев, 2013, с. 11-44; Левина, 2000, с. 125-207; Байпаков, 2012, с. 12-25, 188-199; Смагулов, 2011, с. 183-237].

В связи с распространением жилища городов Золотой Орды, в том числе на городище Жайык, следует обратить внимание на характеристику «монгольского дома», который, по мнению исследователей, лег в основу главного модуля застройки городов Золотой Орды. И в данной связи следует показать его сокращенное описание, приведенное В. Г. Блохиным.

Интерьер золотоордынских жилых строений достаточно однообразен. Он представляет собой сочетание двух основных элементов – суфы и кана. Суфа – возвышенная лежанка, «П» или «Г»-образной формы. Возвышалась данная конструкция над уровнем пола на 0,3-0,6 м.

Суфа обычно занимала большую часть помещения, располагаясь вдоль стен комнаты. Конструктивно, золотоордынские суфы весьма специфичны. «П»-образная золотоордынская суфа имеет широкое основание вдоль стен. Между торцовыми стенками суфы и противоположной стеной помещения оставались проемы 1-2 м шириной. Один проем служил для удобства растопки печи кана, которая располагалась в торцовой части одного из выступов, через другой проем устраивался вход в жилище.

Это описание удивительно похоже на характеристику дома города Отрара XIII-XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 128-131]. В отрарском жилище – «короткий» тандыр, в золотоордынском – он вдоль стен. Отсюда вытекает вывод, который уже звучал при сравнении домов двух регионов: учитывая четко различимый «южно-казахстанский компонент» во влиянии на сложение городской культуры поволжских городов в золотоордынской эпохе, можно предположить, что этот тип жилища (в полной трехчастной форме) в период интенсивного строительства городов и поселений в Северо-Каспийских регионах Золотой Орды «пришел» сюда с берегов Сырдарьи [Смагулов, 2011, с. 237].

И, конечно же, нельзя не согласиться с мнением Э. Д. Зиливинской о том, что архитектура жилищ Золотой Орды отражает не только многокомпонентность этнического состава населения, но и наличие двух составляющих золотоордынского общества – кочевого и оседлого [Зиливинская, 2011, с. 135].

ГЛАВА V

ГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛА

Гончарное ремесло

Впервые при раскопках Отрара были обнаружены и исследованы комплексы гончарных мастерских, давшие возможность судить, в том числе, и о гончарстве [Байпаков, 1983, с. 17-38; Кожа, 1996, с. 157; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1986].

Раскопы, заложенные на буграх восточнее канала, выявили комплексы гончарных мастерских и жилья при них в двух строительных горизонтах.

В нижнем строительном горизонте полностью открыто 11 мастерских. В завалах и на полях собрано значительное количество монет, главным образом, джагатаидских дирхемов, чеканенных в Отраре, Алмалыке, Бухаре, Таразе во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Своеобразна коллекция керамики, относящаяся к XIII-XIV вв.

Мастерская 1 площадью 157 кв. м. состоит из двух помещений: производственного и жилого. Производственное помещение квадратной формы размерами 6,8 x 6,8 м. Северо-восточный угол его отведен под кладовую для хранения сырья, возможно, ангобной глины. Кладовая имеет вид отсека размерами 1,6 x 1 м. Северная стена кладовой толщиной 1 м обложена квадратным жженым кирпичом и его обломками, образующими как бы опалубку. Сама же стена сложена из сырцового кирпича. Она является одновременно стеной двух отсеков-хранилищ. Обе кладовые были облицованы кирпичом формата 24 x 24 x 5 см.

Южная стенка кладовой на высоту 0,55 м от пола сложена из сырцового кирпича, выше – из обломков жженого кирпича.

Короткая стена кладовой является частью общей восточной стены комнат 1 и 2. Западная стена кладовой толщиной 0,45 м сложена из одного нижнего ряда обожженного, а выше – сырцового кирпича. В ней сделан проход шириной 0,4 м в кладовую. Порог дверного проема возвышался на 0,35 м над полом. Общая сохранившаяся высота стен кладовой 0,7 м. Все стены и пол ее, кроме облицованной кирпичом северной стенки, обмазаны толстым слоем глины и покрыты слоем алебаstra – кыра. К южной стенке кладовой примыкал вымощенный квадратным жженым кирпичом участок, занимавший примерно четвертую часть помещения 1. Вплотную к южной стенке кладовой

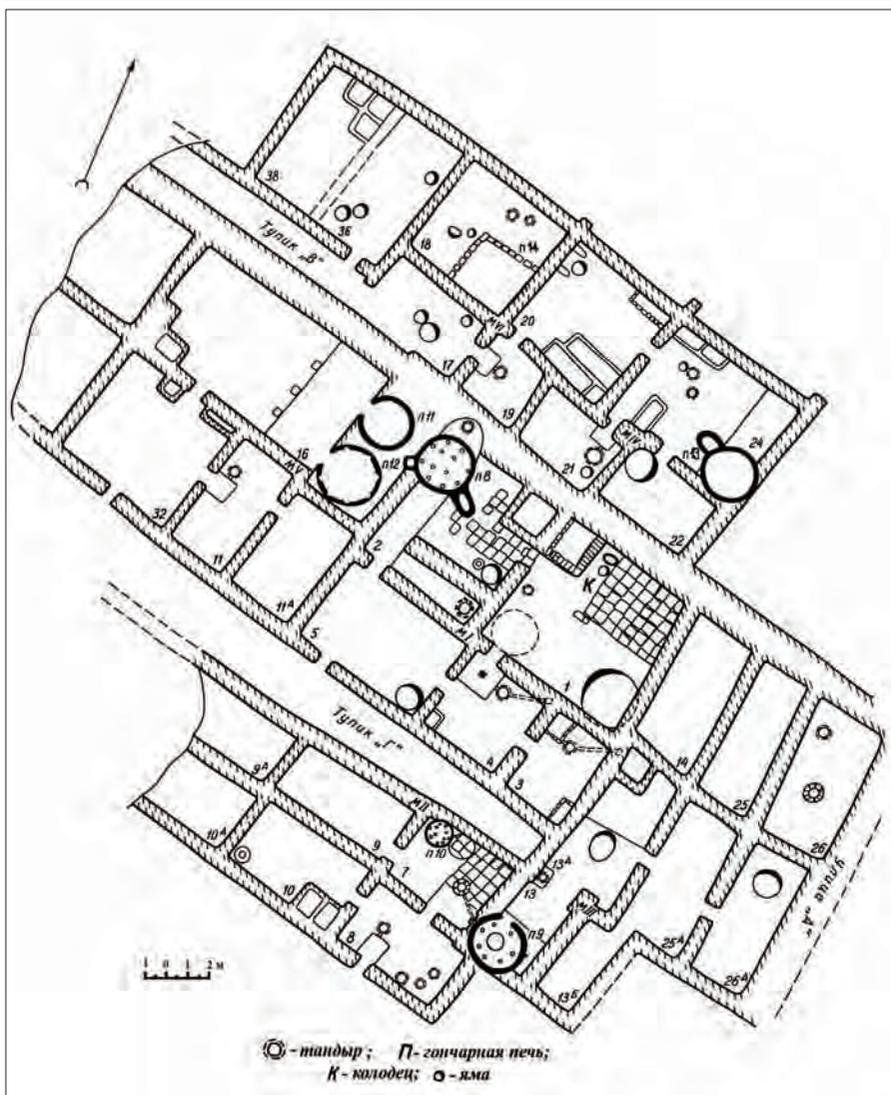

Рис. 135. Отрар. План квартала гончаров. Мастерские 1-6

и восточной стене помещения располагались колодец и овальное керамическое корытце, углубленное до уровня пола и предназначенное для слива воды.

Колодец располагался у южной стены кладовой. Его устье диаметром 0,3 м было обложено обломками жженого кирпича и обмазано сверху слоем глины. По краям его лежали два квадратных жженных кирпича (25 x 25 x 5 см), на которые становился человек, набиравший воду. Колодец расчищен на глубину 6 м. Узкое входное отверстие постепенно расширялось к основанию, достигнув 0,8 м в диаметре. В водоносный слой был впущен хум без дна. Выше него колодец облицован жженым кирпичом, положенным на водостойкий раствор черного кыра толщиной 3-4 см.

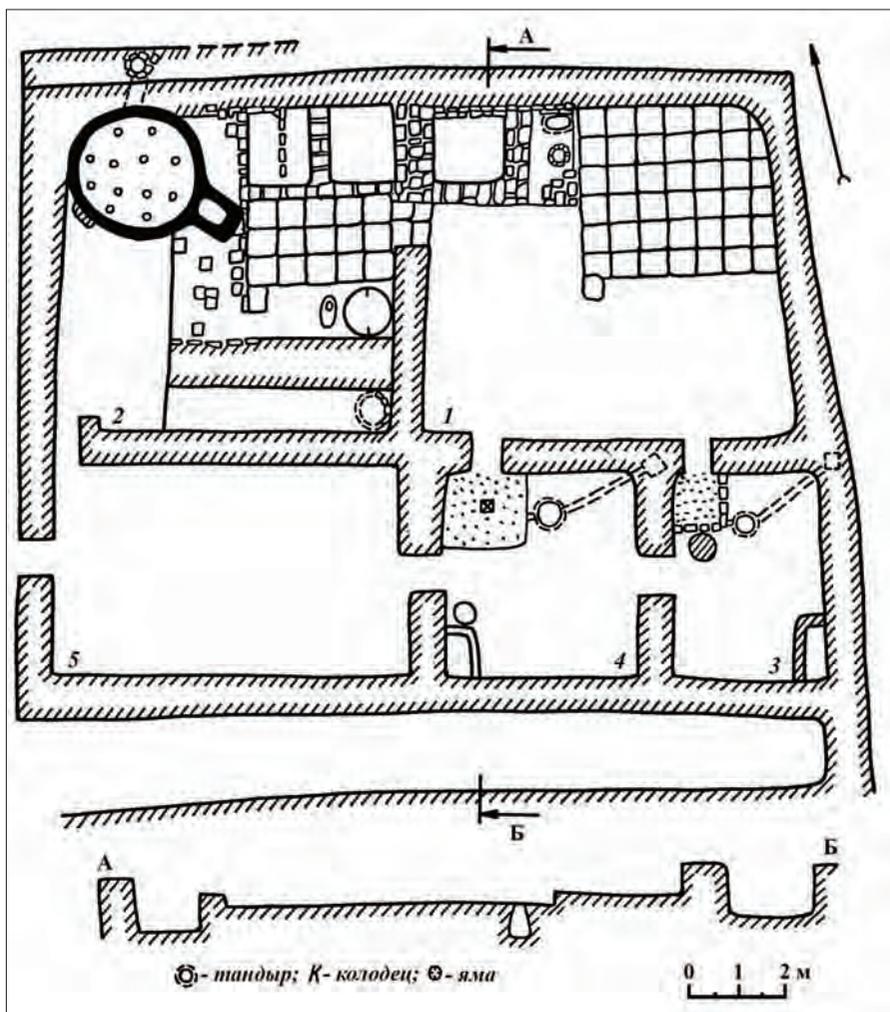

Рис. 136. План мастерской 1

С южной стороны площадки, где находились колодец и корытце, располагалась вымостка из жженого кирпича размерами 25 x 25 x 5 см. По-видимому, вначале была сделана площадка размерами 1,5 x 1,3 м, непосредственно примыкавшая к колодцу, потом ее расширили. Площадка, вероятно, служила для сушки керамики перед обжигом.

Пол в юго-восточной части помещения плотно утрамбован и обмазан толстым слоем глины серого цвета и, видимо, являлся площадкой для приготовления глины. С северной стороны он ограничивался краем вымостки, с западной стороны – одним рядом квадратного жженого кирпича.

В центре помещения в пол был вмозан подпрямоугольной формы плоский камень – база столба, служившего опорой перекрытия помещения.

Юго-западный угол помещения обмазан плотным слоем глины, но пол здесь просел, образовав круг диаметром 2 м. После вскрытия на

Рис. 137. Площадка для вымеса глины

этом месте под слоем глиняной обмазки толщиной 3-7 см обнаружена мусорная яма, заполненная битой керамикой, преимущественно неполивной, кусками шлака и большим количеством золы. Яма подпрямоугольной формы и размерами 2,5 x 1,2 м, глубиной 1,6 м. Ко дну яма несколько расширялась, особенно в сторону южной стены комнаты, а с юго-восточной стороны имела глубокую нишу, также уходящую под стенку. Видимо, под яму использовалась топочная камера заброшенной гончарной печи.

В массе керамики преобладали фрагменты водоносных кувшинов и кумганов. Встречается также неполивная керамика серого цвета, хорошего обжига. Интересны фрагменты двух больших глазурованных тагор, покрытых поливой зеленого и грязно-зеленого цвета. На внутренней поверхности одной из них сделана роспись красноватым цветом по грязно-зеленому фону. Сюжет росписи – летящий гусь (лебедь?), лошадь, скачущая галопом, и, видимо, человек.

Еще одна яма находилась у северной стены перед проходом в помещение 2.

На стенах хорошо сохранилась штукатурка из желтой глины. В западной стене имелся узкий проход в помещение 4, которое примыкало с запада к мастерской и относилось к жилой части дома. Ширина прохода - 0,55 м. Порог на уровне пола помещения 2 вымощен обломками кирпича. Вымостка порога соединялась с вымосткой площадки ташнау помещения 4.

Помещение площадью около 40 кв. м имело подквадратную в плане форму. В северном углу его находилась гончарная печь. Стены

Рис. 138. Мастерская I. Колодец и корытце

постройки, сохранившиеся на высоту 0,7-0,8 м, сложены из сырцового кирпича серовато-зеленого цвета размерами 28 x 20 x 15 см. Всю южную половину помещения, начиная от устья топки печи, занимала площадка, вымощенная жженым квадратным кирпичом. Насчитывается 10 рядов кладки с юга на север и 8 рядов с запада на восток. Вымостка доходила до устья топки гончарной печи.

В юго-восточном углу помещения 2 в пол была врезана яма, по верху обложенная жженым кирпичом. Размер ямы 1,4 x 1,35 м, глубина 0,6-1 м. Стены ямы выложены кирпичами квадратной формы, лежащими плашмя так, что видны их торцы. Дно тоже выложено квадратным кирпичом. Яма использовалась, вероятно, для складирования каких-то компонентов производства.

В юго-западном углу, между краем вымостки и западной стеной комнаты 2, в хорошо обмазанный и утрамбованный пол, покрывающий все пространство комнаты 1, кроме вымощенной центральной ее части, врезана яма диаметром по верху 0,9 м, по основанию — 1,1 м, глубиной 0,5 м. Вероятнее всего, это место для гончарного круга. Об этом свидетельствует другое небольшое углубление овальной формы размерами 0,4 x 0,68 м, в центр которого вмазана нижняя половина водоносного кувшина с диаметром тулова 0,3 м. Здесь, скорее всего, держали воду для смачивания рук при формовке изделий. Перед гончарным станком находилась тумба 1 x 2 м, куда ставили сформованные изделия. Юго-восточная часть помещения перекрывалась кровлей, опиравшейся на столб, а часть с печью оставалась открытой. Это был дворик с айваном.

Рис. 139. Мастерская 1. Место для установки гончарного круга

Печь в северо-восточном углу помещения 2 была двухъярусной, округлой в плане. Уже при зачистке четко оконтурились края пода и остатки стен обжиговой камеры толщиной от 2 до 5 см. Диаметр обжиговой камеры равен 2 м. При выборке и зачистке грунта внутри расчищена тщательно обмазанная и прокаленная площадка пода. Под гончарной печи хорошей сохранности, с двенадцатью продухами, через которые поступал горячий воздух снизу в обжиговую камеру.

Диаметр отверстий, пробитых по краю пода, достигает 0,5-0,55 м, в то время как диаметр четырех отверстий, пробитых в центре пода печи, 0,2-0,25 м.

Огневая камера устроена в яме, обложенной сырцовым кирпичом размерами 2 x 6 x 6 см. Кирпич такого формата изготавливали только для печи. Огневая камера грушевидной формы: глубина – 1,6 м, максимальный диаметр – 1,6 м.

Топочное отверстие, сделанное в юго-западном секторе печи, имеет вид арки, заглубленной в стену на 0,5 м на высоте 1 м от дна камеры. Ширина топочного отверстия с наружной стороны 0,6 x 0,45 м.

Для выхода дыма сделано окно в юго-восточной части топки в виде овального отверстия размерами 0,3 x 0,4 м, выложенного обломками кирпича.

С западной стороны к мастерской примыкал дом гончара. В общей стене имелись дверные проемы, соединявшие жилую и производственную части комплекса. Дом состоял из двух помещений и двора, расположенных анфиладой.

Помещение 3 площадью 14,7 кв. м занимает крайнее южное положение. В восточном углу располагается тандыр с дымоходом и площадкой ташнау. Тандыр вмазан в суфу, которая занимала всю площадь помещения, за исключением площадки ташнау. Венчик тандыра диаметром 0,55 м, высота – 0,4 м. Перед ним – площадка ташнау размерами 1 x 1,5 м.

Западная стена помещения толщиной 0,45 м сложена из половинок квадратного жженого кирпича (27 x 27 x 5 см). Сохранилось четыре ряда кладки. В юго-западном углу – заком размерами 1,1 x 0,55 м со стенками толщиной 0,15 м. На дне его обнаружена медная монета. Суфа покрыта слоем плотной глины. С площадки ташнау был выход в помещение 2.

Помещение 4 размерами 4,5 x 4 м характеризуется наличием тандыра и площадки ташнау размерами 1,15 x 1,3 м перед ним, вымощенной квадратным жженым кирпичом. Посередине площадки положен кирпич со сквозным сливным отверстием в центре. Топка находится в северной части тандыра, входное отверстие размерами 18 x 8 см, глубиной 23 см. От тандыра к юго-восточному углу комнаты под углом идет дымоходный канал, проложенный в суфе. Длина канала 1 м, ширина - 0,13 м.

На полу ташнау, в заполнении тандыра и около дымохода, собрана кухонная керамика. Интересен серый тонкостенный фрагмент котла с выступающей ручкой.

Рис. 140. Вид на мастерские 1 - 3.

Помещение 5 – двор размерами 6 x 3,5 м. Уровень пола отличается золистыми вкраплениями с кусочками угля. В трех мусорных ямах, выкопанных в полу, найдена керамика, кости животных. В южной части двора сохранились остатки круглого сооружения, выложенного половинками обожженного кирпича. Диаметр его 0,5 м, глубина 0,3 м. Из дворика, скорее всего, имелся проход в помещение 2, следы его удалось проследить в восточной стене двора.

Мастерская 2 площадью 67 кв. м также состояла из производственной части и жилья.

Помещение 9 размерами 3,2 x 5 м. Наличие неглубоких ям в полу позволяет предположить, что в одной из них размещался станок. На этом же участке найден инструментарий мастера - набор грибовидных наковаленок, костяное лошילו, каменные песты. Помещение соединялось проходом с помещением 7 площадью около 15 кв. м. Скорее всего это айван, южная часть которого была накрыта навесом, северная, занимавшая треть двора, оставалась открытой. Здесь в северо-восточном углу находилась двухъярусная печь с топкой диаметром 1 м и глубиной 0,7 м. В обжиговой камере диаметром 1,1 м пробито 15 продухов. Печь заглублена в пол. Перед лазом выкопана яма с вымощенным жженым кирпичом дном. Свод обжиговой камеры был купольным и возвышался над уровнем пола мастерской почти на 1 м. Дым из топки выводился через трубу-колодец, проложенную в стене.

Южная часть двора площадью чуть больше 2 кв. м была вымощена жженым кирпичом. Западнее площадки устроены два тандыра. У первого, диаметр которого 0,7 м и глубина 0,5 м, сохранился плоский венчик. Топился тандыр сверху, дым выводился по каналу длиной 1,2 м, соединенному с вертикальным колодцем в стене. Второй тандыр находился в полуметре южнее, у самой стены. Оба служили для сушки изделий перед обжигом. На площадке вверх дном стояли семь широкогорлых, еще не обожженных двуручных горшков, лежала штампованная фляга, а в нише стены — шесть покрытых красным ангобом чирагов.

Дворик соединялся с жилым помещением 8. Из четырех расчищенных тандыров три имели общую площадку ташнау и, видимо, использовались в производственных целях. Четвертый находился в юго-западном углу. Помещение соединялось с помещением 10 площадью 17,2 кв. м, где также находился тандыр, рядом с ним - закром, а в углу - хум.

Находки керамики в этой мастерской свидетельствуют о специализации мастера в производстве горшков и чирагов. Кроме ладьевидных чирагов, найденных на площадке перед печью, в мастерской подняты два светильника. Один из них изготовлен в виде чашечки на полый конической ножке. Второй – высотой 30 см имел башнеобразную форму; верхняя часть его не сохранилась. Тулово покрыто красным ангобом, прорезным и прочерченным орнаментом. Элементы его — ромбы, кресты, точечные вдавления и овальные

фигуры, волнистые линии, а также насечки на наlepных манжетах. Мастер изготавливал также покрытые глазурью фигурки баранов. Одна из них длиной 10 см имеет характерную горбоносую морду, рога; ноги фигурки отбиты. Полива коричневая с белой подглазурной росписью, имитирующей завитки шерсти.

Мастерская 3 площадью 75 кв. м примыкает южной стороной к магистральной улице рабада. В ней можно выделить производственную часть, где имелось два помещения, и жилую, состоящую из трех помещений.

Помещение 13а – производственное, площадью 18,6 кв. м, предназначалось для приготовления глиняной массы.

Северо-западный угол занят печью. Топка диаметром 1,9 м, глубиной 1 м, диаметр обжиговой камеры 2,2 м, сохранившаяся высота стенок 0,5 м. В поду печи было семь продухов, расположенных по окружности, а в центре — отверстие диаметром 0,7 м. Дымоход в виде

Рис. 141. Мастерская 3. Печь

желоба диаметром 0,3 м выведен из топки в стену. Устье желоба было обложено специально сформованным кирпичом. В стенке обжиговой камеры сохранилось овальное отверстие для загрузки. Лаз в топку диаметром 0,7 м располагался на уровне поверхности двора.

В северо-восточном углу мастерской сохранился заком размерами 1,7 x 2 м с высотой стенок 0,5 м. Восточная часть помещения находилась под навесом, западная – открыта в сторону печи. В завале расчищены остатки опорных деревянных столбов.

Рис. 142. Мастерская 3. Печь

Интерьер жилых помещений 13б, 25а, 26а установить не удалось, поскольку они расположены на склоне и смыты. При расчистке помещения 25а на полу обнаружены остатки тандыра.

Мастерская 4 площадью 110 кв. м жилой частью примыкает к мастерской 1, их разделяет общая стена. Мастерская традиционно делится на две части. В производственном отсеке три помещения. Та часть помещения 20, где находилась гончарная печь, перекрыта навесом. От печи остался развал стен обжиговой камеры и полуразрушенная топка. Кроме гончарной печи, здесь расчищено два тандыра, использовавшихся для сушки изделий. Второе помещение площадью 25 кв. м – смежное с мастерской. Интерьер помещения разрушен поздними постройками, поверхность пола плотная. Ямы на уровне пола, заполненные браком и боем, дали массовый материал водоносных кувшинов и сосудов с боковым сливом: они составляют 80% всей керамики из производственных помещений.

Жилая часть состоит из двух помещений и двора, расположенных по оси. Помещение 19 имело выход в дворик 17, соединявшийся с улицей тупичком «В». У выхода располагалась площадка ташнау размерами 1 х 1,2 м, вся остальная площадь помещения была занята суфой. Рядом с площадкой ташнау в край суфы вмазан тандыр. Дымоход его не сохранился.

Помещение 21 площадью 11 кв. м соединялось с производственным помещением с печью. Помещение 22, скорее всего, служило кладовой, где могло храниться топливо для гончарной печи.

Мастерская 5 состоит из четырех помещений: два жилых, одно – кладовая и одно отведено под мастерскую. Общая площадь мастерской 114 кв. м. На открытой южной части двора располагались две гончарные печи, от которых сохранились топочные камеры. Диаметр одной 1,2 м, другой – 1,3 м. У ошлакованных стен топки последней печи сверху расчищены желоба от воздуходувных каналов. Помещение 11а площадью 6,4 кв. м – кладовая для хранения топлива.

Жилая часть включала помещения 11 и 32 площадью соответственно 17 и 33 кв. м. В первом имелся вмазанный в суфу тандыр с дымоходом, перед ним площадка ташнау, вымощенная кирпичом. Площадка соединялась проходом с тупиком, выходившим на магистральную улицу. В помещении 32 у входа, соединявшего производственную и жилую части мастерской, расчищен заком размерами 0,5 x 1 м.

Мастерская 6 расположена севернее мастерской 4 и связана с магистральными улицами общим с ней тупиком. Площадь мастерской 80 кв. м.

Производственная часть состоит из одного помещения 18 площадью 36 кв. м. Северная его половина перекрыта навесом, там располагалась вымощенная жженым кирпичом площадка с тандырами. Со всех сторон кроме той, что примыкала к стене мастерской, площадка огорожена стенкой высотой 0,4 м из сырцового кирпича с обмазкой, на которой сохранились следы прокала. Видимо, здесь сушили керамику перед загрузкой в печь. Самой же печи в мастерской нет. Рядом с площадкой у северо-восточной стены находится отгороженный стенкой отсек размерами 1,5 x 2,5 м, видимо, предназначенный для хранения запасов топлива. Под навесом на уровне пола находились две ямы диаметром 0,7 м и глубиной 0,4 м. Скорее всего, ямы предназначались для установки гончарных кругов. В северо-восточном углу расчищено два тандыра.

Жилые помещения 36 и 38 характеризуются наличием суф с вмазанными тандырами и закромами. Тупичок, куда выходили мастерские 1 и 6, возможно, имел навес, поскольку здесь обнаружены хумы, хозяйственные ямы, использовавшиеся как хранилища различных компонентов сырья.

Мастерская 7 раскопана частично, вскрыто лишь одно помещение, видимо, производственного назначения. На полу его найдено большое количество ошлакованных кусков, оставшихся от пода гончарной печи.

Еще один комплекс гончарных мастерских (8-11) был раскопан в 50 м западнее группы мастерских (1-7), ближе к центральным развалинам городища Отрар. В целом же, бесспорно, это участки одного и того же предместья, заселенного гончарами.

Мастерская 8 представлена тремя производственными помещениями (3, 7, 8).

В помещении 3 площадью 62,3 кв. м в углу находились две стоящие вплоты гончарные печи. От двухъярусной печи 20 сохранился под и стенки обжиговой камеры на высоту 0,4 м. Диаметр пода 1,85 м. В нем пробито 12 продухов, из них 8 расположены по окружности у стенок, 4 – в центре составляют внутреннее кольцо. Диаметр продушных отверстий 15 см. Топочная камера представляет собой куполообразную яму глубиной 1,4 м, диаметром у основания 1,6 м, вверху – 1,2 м. Изнутри она обложена сырцовым кирпичом, который от высокой температуры оплавился и покрылся стекловидной коркой зеленого цвета. Загрузочный люк топочной камеры сделан в виде овального лаза диаметром 0,45 м с уклоном внутрь. Над ним находился загрузочный люк обжиговой камеры.

Печь 21 сохранилась хуже: ее южная часть разрушена пчью верхнего строительного горизонта. Печь двухъярусная. Огневая камера в плане грушевидная: длиной 2 м, шириной 1 м и глубиной 1,3 м. Лаз в топку располагается на площадке, несколько заглубленной относительно общей поверхности двора. Ширина лаза 0,4 м. Рядом с двором находятся производственные помещения 7 и 8, сырцовые стены которых возведены на фундаменте из жженого кирпича размерами 26 x 25 x 5 см.

Мастерская 9 раскопана частично, вскрыт двор площадью 44 кв. м с двумя гончарными печами в юго-восточном углу, от которых сохранились топочные камеры грушевидной формы. Топка печи 22

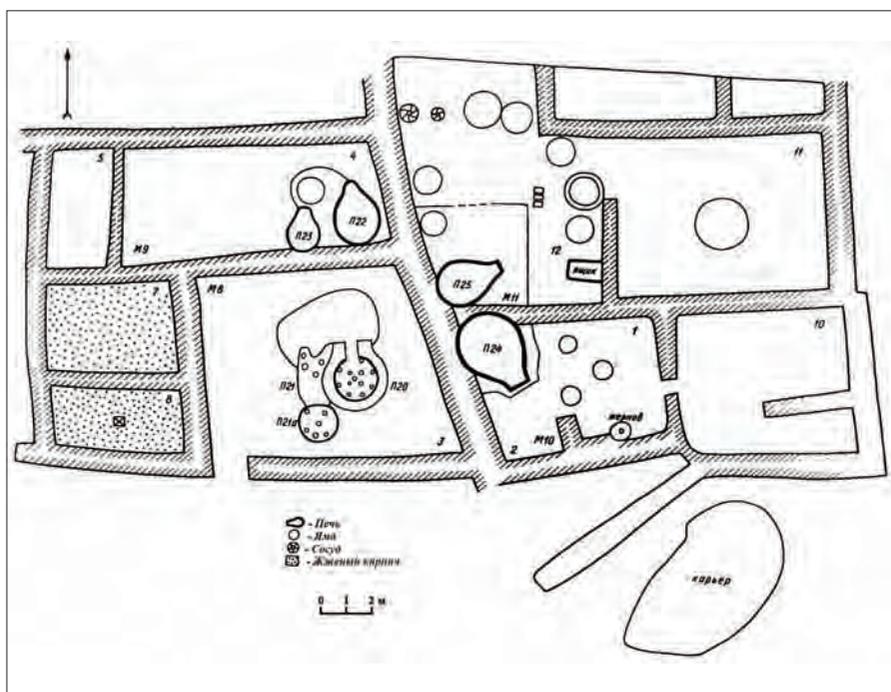

Рис. 143. План мастерских 8—11

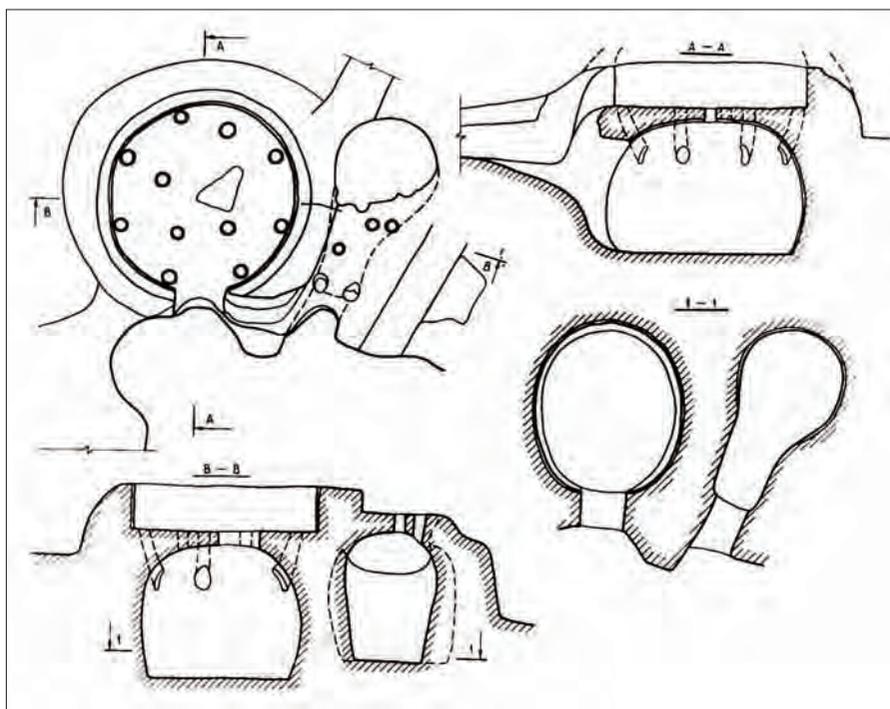

Рис. 144. План печей 20, 21

длиной 2,5 м и шириной 1,7 м; печи 23 – соответственно 1,7 и 1,2 м; обе глубиной 1,5 м. С площадки внутрь топок идут наклонные лазы диаметром 0,4 м.

Мастерская 10 состояла из двух производственных помещений, одно из них с печью в углу частично перекрыто двором верхнего строительного горизонта. Помещение 1, видимо, включало и помещение 2. Последнее было двориком размерами 2,5 x 5 м, в углу которого находилась гончарная печь. Оба помещения 1 и 2 составляли обширный двор площадью 35 кв. м (5 x 7 м), часть которого находилась под навесом. От гончарной печи в северо-западном углу сохранилась лишь топка. Остатки стенок и под обжиговой камеры рухнули вниз и частично заполнили обжиговую камеру. Судя по топке, печь (25) имела овальную форму. Топка грушевидная в плане с вынесенным лазом. Наибольший диаметр печи 2 м, наименьший – 1,85 м, глубина – 0,6 м.

У южной стены помещения, ближе к юго-восточному углу, находился жернов (постав) диаметром около 0,5 м, предназначавшийся, скорее всего, для размельчения стекловидной массы для приготовления глазури.

Помещение 10 размерами 6,5 x 6,7 м, проходом соединенное с двором, входило в состав производственных. Стены его изнутри неоштукатуренные, сохранились на высоту до 0,6 м. Помещение делилось на две части перегородкой. Жилая (юго-восточная) часть мастерской не сохранилась, поскольку находилась на склоне бугра,

обращенном к каналу, и сползла вниз. Кроме того, этот участок позднее был занят кладбищем, и для постройки склепов кирпич выбирали из стен.

Рядом с мастерской, восточнее ее, находился карьер, откуда брали глину для посуды. Сохранилась овальная в плане яма длиной 7,5 м и шириной 4 м, врезанная в лессовый материк на глубину до 2 м. Карьер функционировал в XIII – первой половине XIV в. После того как был заброшен, его использовали для свалки битой и бракованной посуды. Здесь собраны черепки поливных чаш, неполивных горшков, кувшинов, тагора, тарелок. Особенно много керамики, покрытой коричневой, зеленой, розовой, болотной поливой поверх красного ангоба.

В *мастерской 11* вскрыта лишь производственная часть, состоявшая из двора с гончарной печью (помещение 12). Судя по остаткам суф, вдоль двух сторон двор был перекрыт навесом, лишь южный угол его оставался открытым. Здесь находилась гончарная печь, от которой сохранилась топочная камера грушевидная в плане, длиной 2,7 м и шириной 2 м. Глубина топки 1,6 м.

Навесы над суфами опирались на балки, которые, в свою очередь, поддерживались деревянной колонной, находившейся приблизительно в центре двора. Сохранилась база колонны из трех жженных кирпичей. На суфах расчищена серия ям.

В центре помещения 11 площадью около 55 кв. м (8,2 x 6,7 м) расчищена яма диаметром 2 м и глубиной 1 м, заполненная рыхлой землей, костями домашних животных. Пол помещения серого цвета, без обмазки.

Жилой комплекс мастерской находился западнее, за границей раскопа.

Мастерские верхнего строительного горизонта и связанные с ними жилые постройки лучше сохранились на раскопе II, расположенном южнее раскопа I, на берегу водохранилища. Стены представлены лишь нижним рядом выветренных кирпичей высотой 0,3-0,4 м. Датируются мастерские второй половиной XIV – началом XV в.

На участке удалось выявить две мастерские.

Мастерская 12 – наибольшая из раскопанных, насчитывала четыре гончарные печи, расположенные в частично перекрытом дворике. Производственная часть мастерской состояла из четырех помещений: 10, 10а, 11 и 12.

Помещение 12, из которого выход вел на улочку «Б», проходившую по берегу водохранилища, видимо, служило айваном. Размеры его 4 x 2,5 м. Из айвана попадали в производственное помещение 11 площадью 22,5 кв. м (4,5 x 5 м). По уровню верхнего пола, размытого и поэтому прослеживающегося лишь на отдельных участках, никаких остатков интерьера не сохранилось. Лишь в западном углу зафиксировано основание тандыра диаметром 0,4 м.

Второе производственное помещение 10 площадью 68 кв. м характеризуется наличием перегородки длиной 3,5 м между

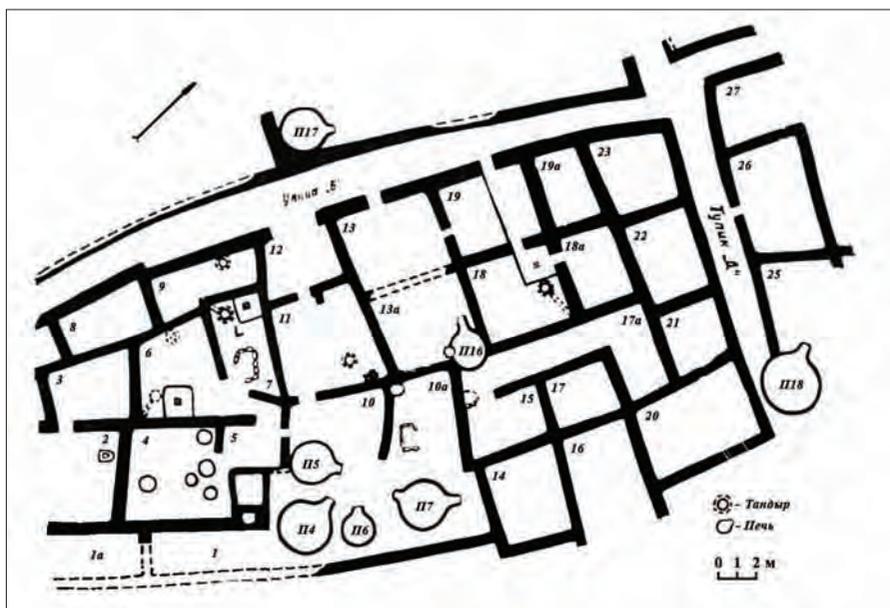

Рис. 145. План мастерских 12, 13

помещениями 10 и 10а. Видимо, часть помещения за перегородкой была закрыта навесом. На полу здесь расчищены два закрома: один, овальный в восточном углу, другой ближе к перегородке – в виде прямоугольного углубления, обложенного обломками жженных кирпичей. Две трети помещения, точнее, двора, занято четырьмя гончарными печами. Устья трех из них (4, 5 и 6) выходят на общую площадку, печь 7 стоит особняком.

Лучше сохранилась двухъярусная печь 5. Топка ее диаметром 1,8 м, глубиной 1,5 м, диаметр пода обжиговой камеры – 2,1 м. В нем было 13 сквозных конусообразных отверстий – продухов. Топочное отверстие диаметром около 0,4 м выделено двумя стенками, стоявшими на околотопочной площадке.

Печь 7 овальная в плане, сохранившаяся топка диаметром 2 м, глубиной 1,3 м.

Помещения 4 и 5, видимо, также носили производственный характер. Помещение 5 служило тамбуром, соединявшим жилое помещение 7 и производственное помещение 10, как часть мастерской. Размеры его 2,7 x 2,2 м. Отсюда проход вел в помещение 4 площадью 25 кв. м. В полу помещений расчищена серия ям, видимо, выполнявших какие-то производственные функции. Юго-западный угол помещения 5 занимает глиняный ящик размерами 1,5 x 2,2 м, стенки которого сложены из одного ряда сырцовых кирпичей и изнутри обмазаны. Ящик служил для хранения каких-то компонентов гончарного производства.

Жилая часть мастерской состояла из двух помещений с тандырами (6 и 7) и помещения 9, примыкающего к улочке. Помещение 7

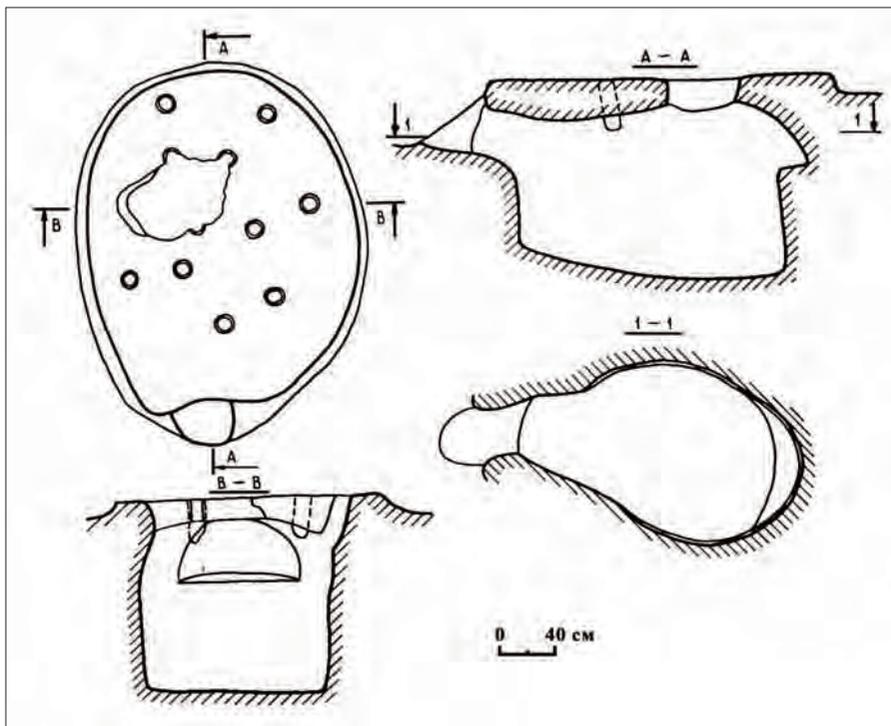

Рис. 146. Мастерская 12. Печь

размерами 2,5 x 5 м, в восточном углу его находится тандыр с дымоходом. Перед тандыром с южной стороны расчищены остатки площадки ташнау, через которую был выход на айван (12). В центре помещения сохранились остатки ящика из жженого кирпича.

Помещение 6 жилое с тандыром в северном углу и площадкой ташнау перед ним. Общая площадь помещения 16 кв. м.

Помещение 9, примыкающее к улочке, сохранилось плохо.

Мастерская 13 располагалась южнее мастерской 12. В ее составе четко выделяются производственная часть из двух помещений и двухкомнатный домик.

Производственное помещение 13, куда попадали с улочки квартала «Б», размерами 5,7 x 3,6 м. В помещении 13а площадью 16,6 кв. м в юго-западном углу находилась гончарная печь (16). От нее сохранилась лишь топка, грушевидная в плане, диаметром 1,7 м; глубиной 1,6 м.

Дом имел свой выход на улочку и соединялся проходом с мастерской. Помещение 19 – это крытый с одной стороны дворик площадью 14,7 кв. м. Под крышей находилась суфа. Рядом с двориком, через стенку, располагалось помещение 19а, видимо, кладовая. Помещение 18 - жилое, площадью 17,2 кв. м. В нем расчищен тандыр с горизонтальным дымоходом, выведенным в угол дома к вертикальному колодцу. Перед тандыром устроена площадка ташнау, через которую сообщались жилое помещение и дворик. Рядом находилось еще одно помещение 18а размерами 2,7 x 3,7 м, которое служило кладовой.

Остальные вскрытые на раскопе помещения, вернее, их остатки, не удастся скомпоновать в отдельные комплексы в силу их плохой сохранности.

Был прослежен тупик «Д», отходивший от улочки «Б». Сюда выходили из помещения 26. В расчищенном рядом помещении 25 находилась топочная камера гончарной печи 18, диаметром около 3 м, с выделенной топкой.

Большой интерес представляет *гончарная мастерская* на центральном бугре Отрара (раскоп V).

Стратиграфически на этом участке городища выявлено шесть строительных горизонтов. Постройка мастерской связана с пятым горизонтом.

Хронология этого строительного горизонта устанавливается благодаря находке в нем клада серебряных монет. В составе клада представлены монеты чекана различных монетных дворов государства Тимуридов конца XIV – первой трети XV в. Судя по самым поздним монетам клада, этот горизонт следует датировать второй половиной XIV — серединой XV в. Пятый строительный горизонт датируется, по нашему мнению, второй половиной XIV – первой половиной XV в. На уровне последнего горизонта вскрыт комплекс построек, ограниченный глухими стенами, идущими в северо-восточном, меридиональном направлении и четко отделяющими комплекс от соседней застройки.

Помещения группировались вокруг внутриквартальной улочки, которая ответвлялась от магистральной, проходившей на расстоянии 20-25 м от крепостной стены. Внутриквартальная улочка (22), протянувшаяся в меридиональном направлении на 10 м, соединялась под прямым углом с улочкой-коридором (21), объединявшим помещения 20, 23, 1 и дворики 4 и 24.

Выделяются три дома, связанные внутриквартальной улочкой шириной 1,5 м и коридором шириной 1 м.

Дом 1 состоял из жилого помещения 3 и примыкающего к нему дворика с печью для выжигания золы с целью приготовления поливы. Помещение 3 — квадратное в плане, размерами 3,7 x 3,7 м. Площадка ташнау (1,6 x 1,55 м) размещалась в юго-западном углу, через нее и дверной проем в стене помещение сообщалось с двором и далее с другими домами. Тандыр располагался у восточного борта суфы и имел высоту 0,5 м.

Помещение погибло в результате пожара, причем рухнувшая на суфу кровля «законсервировала» расположение предметов на суфе и ташнау. Северная часть суфы была покрыта тростниковой циновкой. Здесь же расчищены куски обугленной ткани, иногда с прослойкой ворса (куски ковра или алаши), а также костяная пластинка с орнаментом в виде прочерченных кружков, части венчика деревянной чаши, боковина и венчик еще одной деревянной чаши с резным орнаментом, обломки изделий из дерева. На суфе, ближе

к тандыру, находились бронзовая цилиндрическая чернильница с тремя дырочками для подвешивания и керамическая чернильница, покрытая обгоревшей темно-синей поливой.

Железные обломки (гвозди, заклепки, крючки, обкладки), скорее всего, были деталями деревянного сундучка. Керамика представлена кувшином, покрытым зеленой поливой, лепным горшком и желтополивными чашами. Интересен фрагмент арабского текста, написанного на бумаге и сохранившегося благодаря медным окислам

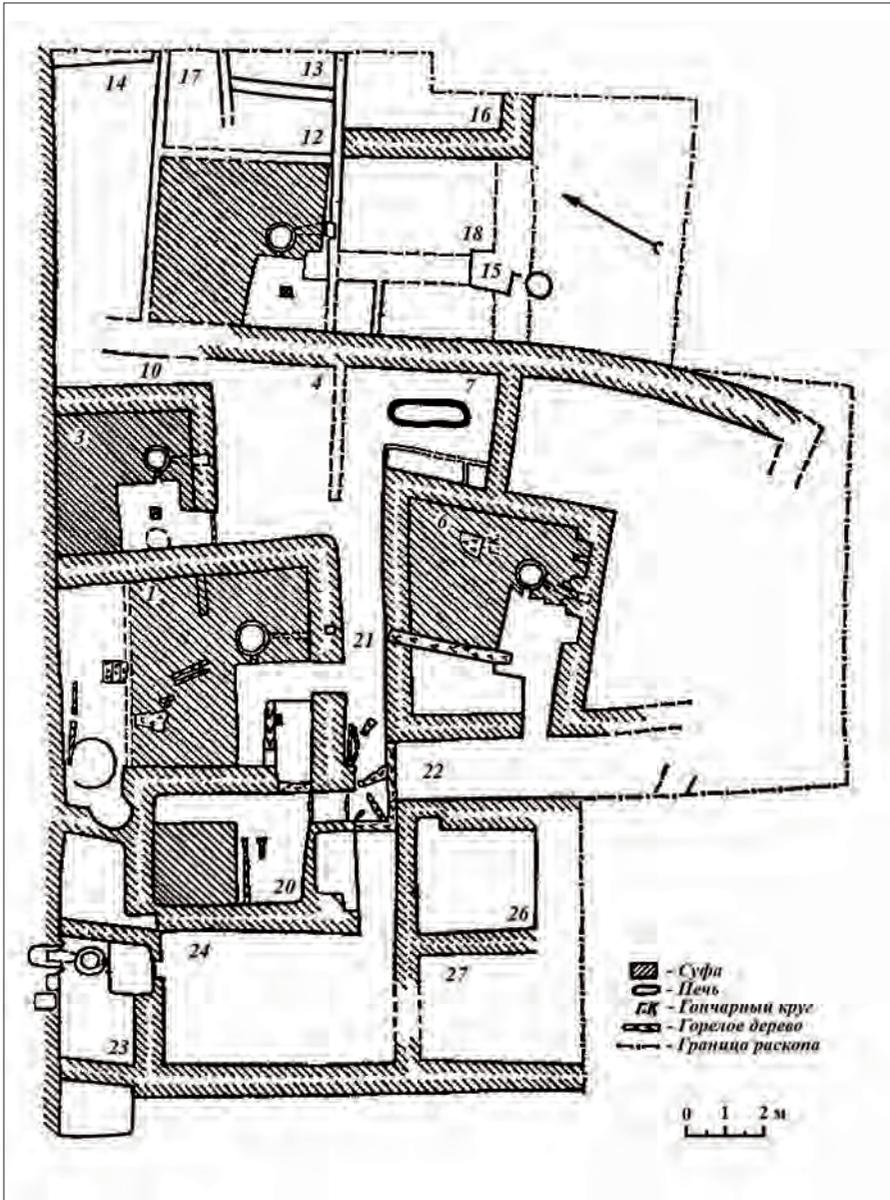

Рис. 147. Отрар. План раскопа V по уровню второй половины XIV – первой половины XV в.

лежавшего на ней зеркала. Здесь же обнаружен бронзовый медальон с рельефными изображениями всадника на одной стороне и дракона — на другой.

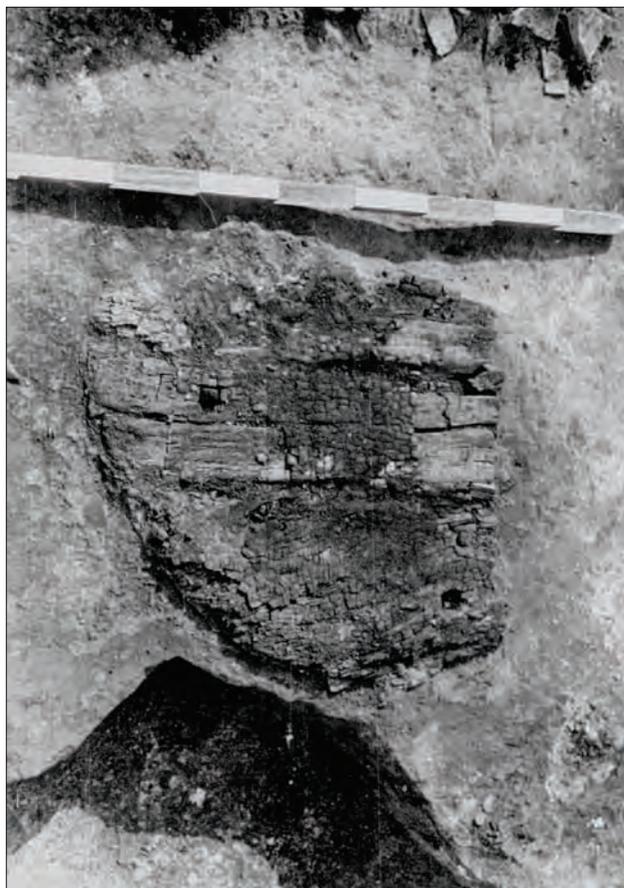
Двор делится перегородкой на две части площадью 12 кв. м (4) и 7,3 кв. м (7). По всей вероятности, часть двора (4) была перекрыта навесом и являлась своеобразным айваном дома 1. Перекрытие доходило до перегородки. Вторая часть двора была открытой. Здесь расчищена овальная печь для приготовления поташа (ишкара) — необходимого компонента глазурей.

Печь представляет собой яму длиной 2 м, шириной 0,5 м, глубиной 0,6 м. Стенки ее обмазаны толстым слоем глины, обгоревшей и частично оплавившейся. Печь заполнена белым кристаллическим порошком, образовавшимся при сгорании солянки. Приготовление глазури, судя по описанной этнографами технологии середины XX в., было непростым. Сначала получали поташ из золы солянки, затем его толкли и растирали на камне. На 30 кг порошка добавляли 15 кг песка и полтора ведра воды. Тестообразную массу скатывали в шарики величиной с грецкий орех, которые клали в тигель и помещали в обжиговую камеру. При высокой температуре шарики расплавлились, а охлаждаясь, застывали в виде стекловидной массы темно-зеленого цвета. Ее толкли в порошок, разводили до густоты сметаны с добавлением толченого кварца, затем полученную массу наносили на поверхность изделия. После обжига на изделии образовывался слой глазури.

Рядом с печью у северо-восточной стенки помещения 6 находились ящики для хранения ангобных глин. Стены ящиков

*Рис. 148. Мастерская на центральном бугре, помещение 7.
Печь и закрома для ангобов*

*Рис. 149. Мастерская на центральном бугре, помещение 6.
Остатки гончарного круга*

глинобитные, толщиной 20 см, сохранившаяся высота 0,4 м. Внутри их зафиксированы остатки ангобных глин красного и зеленого цвета.

Дом 2 — однокомнатный, с выходом на внутриквартальную улочку. Комната (6) имела трапециевидную в плане форму размерами 5,5 x 3,5-5 м. Суфа занимала почти все помещение, за исключением западного угла, где находилась вымощенная жженым кирпичом площадка ташнау размерами 2 x 1,7 м. В центре ее находится кирпич с отверстием, закрывающий дно хума.

Тандыр диаметром 0,6 м вмазан в край суфы. Топка выходит на площадку ташнау, а дымоход длиной 1,2 м расположен под прямым углом к ней. В южной стене на уровне суфы и ташнау устроена серия ниш, в которых были найдены сформованные, но не обожженные сосуды. На суфе обнаружена часть деревянного гончарного круга.

На поверхности суфы и на площадке ташнау расчищен слой пожара: остатки кровли из камыша, опорная балка и десятки черепков сосудов, часть которых покрыта поливой, но не обожжена. Создается

впечатление, что в доме жил мастер, который расписывал керамику, покрывал глазурью и производил сушку изделий до обжига.

Дом 3 состоял из жилого помещения и небольшого помещения с суфой в северо-западном углу. Жилое помещение размерами 5 x 6,2 м почти все занято суфой. Тандыр диаметром 0,6 м расположен ближе к восточному углу, перед ним находилась площадка ташнау. Вход в помещение шел из коридора 21. Еще одним проходом помещение сообщалось с комнатой 20. На уровне суфы расчищены остатки деревянных жердей от перекрытия. На вымостке ташнау сохранился обломок колонны, поддерживающей кровлю. Часть помещения размерами 6,5 x 1,7 м, примыкающая к городской стене, была отделена тонкой перегородкой. В западной части отсека расчищен завал от гончарной печи и обнаружены куски шлака, прогоревшего пола, обожженные докрасна сырцовые кирпичи обкладки. Обжиговая камера разрушена серией хозяйственных ям верхнего строительного горизонта. На уровне нижнего пола и поверхности суфы перегородка не зафиксирована, а площадь помещения составляла 31 кв. м. На уровне нижней суфы были обнаружены обломок бронзового зеркала со сценой «гона зверей» и круглый бронзовый медальон диаметром 3,3 см с ушком и выступом внизу. В плоскости медальона сделано отверстие диаметром 1,5 см. Лицевая поверхность медальона покрыта завитками растительного орнамента.

Помещение 20 размерами 2,7 x 3,7 м соединялось проходами с помещением 1 и коридором 21. В проходах сохранились гнезда от деревянных брусьев-порогов.

Дом 4 состоял из помещения с тандыром (23) и двора. Вход в него вел из коридора 21, причем, у входа коридор расширялся. В этом «кармане» размерами 1,7 x 1 м и была устроена суфа. Двор размерами 3,5 x 6 м имеет неоштукатуренные изнутри стены, плотный серого цвета пол с прослойками натеков, что свидетельствует о том, что он был открыт сверху. Помещение с тандыром площадью всего около 4 кв. м. От тандыра диаметром 0,5 м, вмазанного в суфу, отходит короткий дымоход (0,5 м). Он подведен к вертикальному колодцу, пробитому в крепостной стене. В месте стыка устроена ниша шириной 0,5 м и глубиной 0,6 м с плечиками-уступами, на которые ставился котел. Рядом в крепостной стене почти на уровне суфы устроены две ниши (шириной 0,5 м и глубиной 0,5 м и 1 м). Одна из них наполовину была закрыта тонкой глиняной перегородкой. Площадка ташнау перед тандыром вымощена жженым квадратным кирпичом. Размеры ее 1,7 x 1,2 м.

Поселение керамистов *Мыншункур* находится в 5 км к югу от городища Отрар на окраине села Мыншункур. Поселение размерами 90 x 70 м. Раскопки производил в 1989-1991, 1995 гг. М. Кожа.

Раскоп к востоку от силосной ямы вскрыл остатки дома-мастерской, восемь горнов, три печи, в том числе и печь для приготовления поташа.

Дом 1 площадью более 80 кв. м, состоит из пяти помещений – жилых и производственных. В жилой части располагается суфа с тандыром. В производственной части - место для работы в холодный период времени. Здесь находилась яма для установки гончарного круга. В помещении 5 найден клад, состоящий из чагатаидских монет чекана Отрара второй половины XIII в. Вплотную к юго-западной стене дома были пристроены два горна. К востоку от дома расчищена производственная площадка, площадью 80 кв. м, где располагались две обжиговые печи и третья – для приготовления компонентов глазури.

Дом 2 площадью более 30 кв. м. Вскрыто два помещения. В одном хранили необходимое для производства сырье. Второе помещение было жилым. Здесь располагалась «П»-образная суфа, тандыр без дымохода, остатки очагов. За юго-западной стеной находилась производственная площадка, северный угол которой занимали печи для обжига керамики, топки которых были выведены в предтопочную яму. Здесь обнаружена позднекараханидская монета, датированная XIII в. К востоку от дома

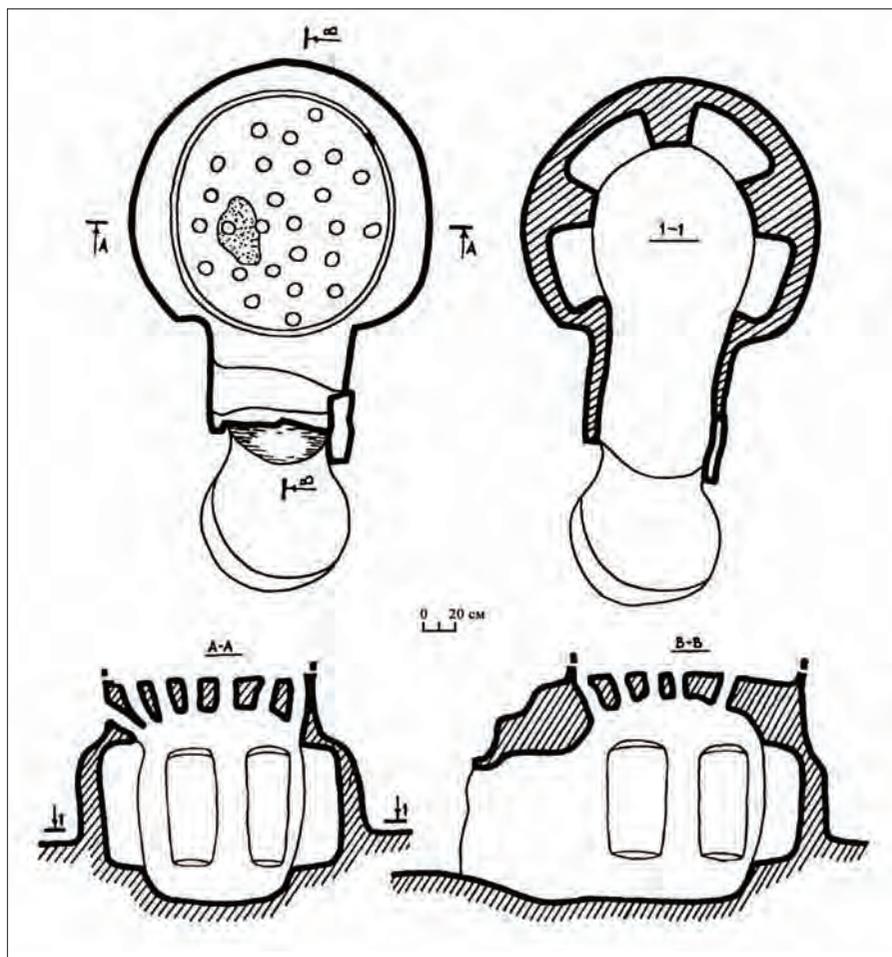

Рис. 150. Поселение Мыншункур. План и разрезы. Печь 3

расположена еще одна производственная площадка. При раскопках была обнаружена керамика, прошедшая первоначальный обжиг и подготовленная для покрытия глазурью. Выделено семь типов гончарных печей.

Поселение гончаров датируется второй половиной XIII - первой половиной XIV в. В комплексе керамики отсутствует желтополивная посуда с росписью по светлому ангобу, которая была распространена во второй половине XIV – XV в. Ассортимент продукции разнообразный: поливная и штампованная керамика, архитектурный декор, представленный навершиями куполов; поливными плитками; панджара - декоративными керамическими решетками; резной глазурованной и неглазурованной терракотой, майоликой.

Интересен набор печного припаса. Это разделители для чаш, ставившихся стопками в обжиговые камеры печей.

Инструментарий гончаров представлен наковаленками, калыбами для изготовления штампованной посуды. Особый интерес представляют

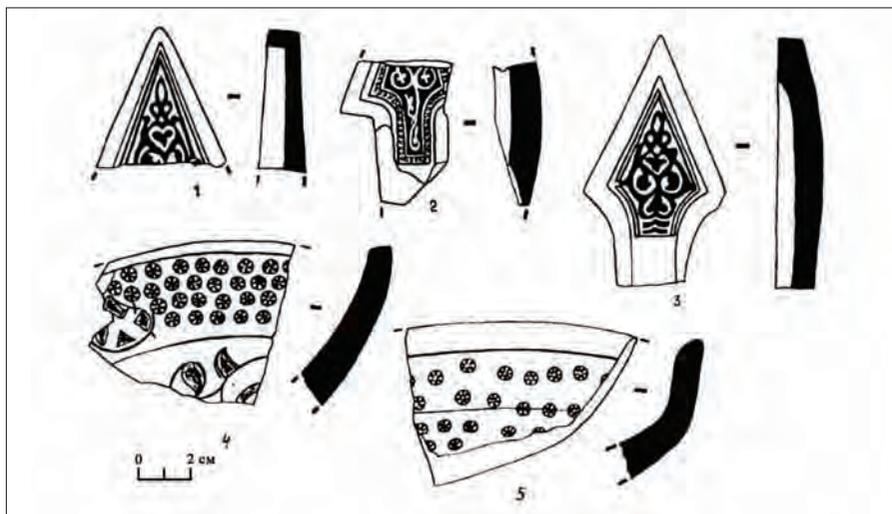

Рис. 151. Городище Мыншункур. 1, 2, 3 - штампы для пяты светильников, 4, 5 - калыбы

находки штампов для орнаментации пяты глиняного светильника. Рабочая поверхность штампов имеет рельефный растительный орнамент в виде листьев, пальметт в различных по очертаниям медальонах. Для штампов характерна многоплановая орнаментация, где один рисунок более высокого рельефа сочетается с более низким рельефом. Штампы изготовлены из плотной качественной глины и хорошо обожжены. Находка специально изготовленных штампов предполагает серийное массовое производство чирагов.

Поселение керамистов на Мыншункуре отличается от ранее известных мастерских Отрара. Здесь впервые в одном комплексе представлены печи различной конструкции. Совокупность особенностей поселения гончаров больше подходит для «кархана»,

где использовался принудительный труд, нежели для индивидуальных мастерских [Кожа, 2007, с. 176-178].

Сравнение отарских гончарных мастерских и мастерских, описанных этнографами, свидетельствует о близости, доходящей до тождества, их устройства и оснащенности. К примеру, мастерская кишлачного бая Хорезма, потомственного усто, имеет площадь 41 кв. м. Производственное помещение темное, с одним оконцем, через которое подавали глину. Рядом с окном находился гончарный станок, установленный в яме длиной 2 м и шириной 1,7 м. Станок состоял из двух кругов на вертикальном стержне.

Нижний, вращаясь, вращал верхний круг для формовки изделий. Круги деревянные, диаметр нижнего 85-95 см, верхнего – 18-25 см. Стержень, на котором крепились круги, был изготовлен из твердого дерева, обычно карагача, и заканчивался металлическим острием, упирившимся в камень. Системой реек станок удерживался в вертикальном положении. Рядом устанавливали котел с водой и клали мокрую тряпку для очистки рук от глины [Екимова, 1959, с. 351-352]. Аналогичным образом оборудованы и отарские мастерские, где найдены круглые ямы для установки гончарного круга, рядом вкопаны сосуды для воды. Деревянные части кругов не сохранились, лишь в сушильне мастерской XIV - начала XV в., расположенной на центральном бугре Отрара, на полу расчищена четверть круглого деревянного изделия диаметром около 1 м. Возможно, это остатки нижнего круга. Крупные каменные обломки жерновов, скорее всего, использовались в качестве опор гончарных станков.

В углу хорезмской мастерской рядом с входом устраивали навес для сушки изделий, рядом находилась площадка для вымеса глины. Печей в мастерской обычно две - зимняя в помещении и летняя во дворе. У гончаров, производивших разнообразную мелкую посуду, летних печей было две. Наиболее интенсивно гончары работали зимой, за исключением самого холодного месяца, тогда как летом они занимались еще и сельским хозяйством [Екимова, 1959, с. 352]. Разделение печей на летние и зимние прослежено и в крупных мастерских Отрара (кварталы «Л» и «У»), относящихся к XVII в.

Начиная с позднего средневековья до нового времени, набор гончарных инструментов оставался неизменным. Это глиняный черепок (в Отраре встречены и костяные пластины) для выравнивания краев сосудов, нож, грибовидные наковаленки различных размеров, каменные ладьевидные сосуды для плавки поливы, пестики для размельчения глазури.

Мало изменился и характер печного припаса [Екимова, 1959, рис. 8, 18; Джаббаров, 1959, рис. 9; 1971, рис. 10].

Как известно, основной фигурой феодальной эпохи считается мелкий ремесленник - владелец средств производства и сам непосредственный производитель продукции. Несмотря на целый ряд феодальных повинностей, свободный ремесленник являлся, видимо, центральной фигурой ремесла [Пигулевская, 1955, с. 76].

По мнению исследователей истории феодального общества в странах Востока, индивидуальное производство экономически самостоятельного мелкого товаропроизводителя - ремесленника, работавшего в своей мастерской на базаре или дома, выполнявшего операции по изготовлению изделий (собственными силами или при содействии членов семьи) с помощью собственных средств производства (сырье) и орудий труда, в крайне ограниченных масштабах возникло еще в древних городах и, вытесняя частично несвободный труд из сферы производства, расшатывало их экономическую и социальную структуру, основанную на натуральном и кооперативном ремесле. Только в средневековом городе мелкотоварное ремесло становится преобладающим [Ашрафян, 1977, с. 117].

Наряду с мелкотоварным производством, сохранялось и натуральное ремесло, которое концентрировалось в казенных мастерских - корхана. О натуральном ремесле средневековых городов Ирана, Индии достаточно подробно сообщают письменные источники [Ашрафян, 1977, с. 118-119].

Известно о подневольных ремесленниках золотоордынских городов, причем есть и археологические подтверждения наличия корхана на Царевском городище (Сарай-Берке): раскопками выявлены богатые аристократические усадьбы и при них землянки подневольных ремесленников [Федоров-Давыдов, 1970, с. 70-71].

Отрарские мастерские дают представление об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя - гончара, работавшего в своей мастерской при доме. Наблюдается концентрация ремесла как в центральной части города, так и в пригороде, где существуют отдельные кварталы гончаров. В расположении гончарных мастерских сохраняется преемственность. Слобода гончаров существует на одном месте со второй половины XIII в. до середины XV в. (два строительных горизонта); прослежена преемственность в расположении квартала керамистов на центральных развалинах. Рядом с мастерской XVII в. расчищена гончарная печь.

В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение, что заметно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере домов дорогих строительных материалов, например жженого кирпича. Среди раскопанных в пригороде мастерских второй половины XIII - первой половины XIV в. выделяются своими размерами 1 и 5, тогда как усадьба-мастерская 2 по занимаемой площади меньше их втрое. К числу «состоятельных» относился гончар, мастерская которого расчищена на территории центрального бугра.

Хозяева больших мастерских, сами непосредственные производители могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих. Известно, что в Самарканде XVI в., в ремесленной мастерской были заняты мастер (усто), ученик (шагирд) и рабочий (коргар) [Беленицкий, 1940а, с. 46]. Мастеру подчинялся подмастерье

(халпа, ширик, зири-заст – закончивший срок обучения ученик, имеющий опыт самостоятельной работы) [Джаббаров, 1959, с. 380; Пикулин, Шамансурова, Рашидов, 1976, с. 55].

По мнению М. Е. Массона, мастера, подмастерья и ученики существовали уже в XI-XII вв. [Массон, 1940, с. 97].

Одной из наиболее сложных является проблема цеховой организации ремесленников. По мнению А. Ю. Якубовского, ремесленники городов Средней Азии были объединены в цеха уже в X в. [Якубовский, 1932, с. 9, 33]. По утверждению О. Г. Большакова, раскопанные в Мерве мастерские XII — начала XIII в. свидетельствуют о появлении небольших мануфактур, где вместе с подобными рабочими было занято не менее 10 человек [Большаков, 1973, с. 283-284]. С. Б. Лунина по материалам тех же раскопок Мерва предполагает существование здесь товарищества (кооперации) двух мастеров-керамистов. Такая форма объединения являлась, считает она, ступенью в переходе к цеху [Лунина, 1962, с. 407]. Первые же упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV-XV вв. [Беленицкий, 1940а, с. 190; Якубовский, 1932, с. 51].

Материалы раскопок Отрара дают основание предполагать наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Уже отмечалось объединение мастерских пригорода второй половины XIII - первой половины XIV в. в пары. Например, мастерские 4 и 6, 1 и 5 имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Предполагаемые тупички с навесами могли выполнять роль своеобразных общих кладовок. В полной изоляции каждой такой пары мастерских, замкнутости их в массиве аналогичной застройки можно усматривать наличие родственных отношений между мастерами (мастер-отец и отделившийся мастер-сын) [Исследователи гончарного и других ремесел отмечают их семейный характер. См.: Екимова, 1959, с. 376]. Однако, не исключен и корпоративный смысл такой застройки, вызванный к жизни объединением двух мастеров, как это было в Мерве.

Более высокая степень организации, возможно цеховая, наблюдается в Отраре в квартале гончаров конца XVI – XVII в. Большинство жителей квартала было связано с гончарством. Крупная мастерская с четырьмя печками, как было отмечено, принадлежала трем домовладельцам. Они, видимо, являлись совладельцами. Кроме них, еще по крайней мере две семьи владели двумя мастерскими [Байпаков, 1983, с. 28-32]. Очевидно, это пример ремесленной специализации городского квартала, в таком случае предположение, что «каждый квартал (махалля) в городе был занят определенным ремеслом [Очерки истории СССР, 1953, с. 501; Сухарева, 1976, с. 288-289] приобретает силу факта. Но такое совпадение в Отраре XVII в. - единичный случай. Наряду с концентрацией гончарного ремесла отмечено расселение гончаров в других кварталах города. Что же касается квартала гончаров, то ремесленники его, скорее всего, были объединены в цех, подобный

тем, что известны по сохранившимся цеховым уставам - рисоля. Уставы содержали освященные религией правила передачи знаний от учителя к ученику и как бы благословляли свыше институт ученичества. С этим институтом были связаны тайны, которыми окружалась вся рецептура производства. Ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпагар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался калантар, избиравшийся на цеховом собрании. В Фергане и в Самарканде старшина цеха назывался бобо и аксакала [История народов Узбекистана, 1947, с. 32; Пещерева, 1949, с. 34]. Обычно калантар выдвигался из состоятельных гончаров. Так, калантаром кишлака Каттабаг в Хиве был потомственный усто, влиятельный и богатый бай Таджи-Палван. Он наблюдал за работой мастеров, следил за техникой производства, выступал в базарной торговле как аксакал ряда гончаров, регулировал отношения между мастерами и подмастерьями [Джаббаров, 1959, с. 379-385; Екимова, 1959, с. 348-349].

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные рисоля, вырабатывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров позднесредневекового Отрара.

Судя по интерьеру, наличию двух тандыров, дом 4 в квартале гончаров в Отраре как раз мог принадлежать калантару, который одновременно являлся и старостой-аксакалом квартала [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 137-138].

Анализ произведенной в мастерских Отрара керамической продукции, главным образом из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженной; расписанной, но не обожженной; керамики из обжиговых камер), позволяет наметить пути специализации мастеров. Она, по мнению некоторых исследователей, должна была существовать уже в домонгольское время. Это подтверждается выделением специализированных гончарных печей, вниманием ремесленников только к определенным видам изделий и разделением труда внутри крупных мастерских [Лунина, 1978, с. 136].

На Отраре в мастерской 1 квартала керамистов 92% всей производимой керамики составляли водоносные кувшины и кумганы. В мастерской 2 мастер специализировался на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов; в мастерской 3 изготавливалась штампованная керамика - фляги, а также поливная посуда; в мастерской 4 выделывали водоносные кувшины и поливную керамику. Наблюдается кооперация двух расположенных рядом мастерских 4 и 6 в производстве посуды. В производственной части последней мастерской на том месте, где обычно располагалась печь, находилась площадка для сушки изделий, использовалась специальная жаровая система. Может быть, здесь осуществлялся промежуточный процесс производства – сушка изделий и передача полуфабрикатов в мастерскую 4. По этнографическим материалам известно, что существовала группа

гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие поливой и восстановительный обжиг производились другими мастерами [Пещерева, 1959, с. 208]. В пользу такой специализации мастерской 4 свидетельствует и большее, чем в других мастерских, количество фрагментов необожженных сосудов.

Помимо основного ассортимента в каждой мастерской, видимо, для собственных нужд изготавливались и другие типы изделий. Обломки их в небольшом количестве обнаружены в отвалах. Так, несомненно, уникальным является глиняный широкогорлый кувшин с дугообразной, как у ведра, ручкой, найденный в мастерской 7.

Это подтверждается и этнографическими наблюдениями за характером гончарного производства в Средней Азии, в частности, в Хорезме.

Одни гончары делали посуду, другие - трубы для арыков, третьи - тандыры. В свою очередь, гончары, изготавливавшие посуду, делились на таких, кто делал мелкую поливную керамику и вообще керамику на круге, и таких, кто специализировался на производстве крупных форм [Екимова, 1959, с. 347; Джаббаров, 1959, с. 394-395; Развадовский, 1916, с. 710-714].

Повсеместно в Средней Азии отмечалась специализация в производстве неполивной и поливной посуды, ассортименте глазурованной керамики. Среди риштанских мастеров одни выпускали посуду только с белой поливой, другие - только с желтым фоном [Пещерева, 1959, с. 208; Рахимов, 1961, с. 24]. Инструментарий, в частности формы для изготовления штампованной керамики, мастера делали для себя сами. Все мастера, независимо от специализации, изготавливали такие мелкие формы, как детские игрушки, курительные приборы.

В средневековом городе отсутствовала четкая граница между ремесленниками и торговцами, большинство из них сами продавали свои изделия прямо в мастерской [Большаков, 1973, с. 298]. В позднее время в Хорезме отмечена частичная продажа товарной продукции на месте и на базаре [Екимова, 1959, с. 374]. Она могла реализовываться и через скупщиков - вафуруш [Лунина, 1979, с. 169]. Отсутствие в раскопанных на рабаде Отрара мастерских XIII-XV вв. запасов готовой продукции заставляет предполагать существование где-то поблизости базара, куда отвозили продукцию на продажу. Гончары же, в XVII в. населявшие квартал на территории города, могли сбывать товар непосредственно на месте, через лавки, выходящие на магистральные улицы [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 196]. Поэтому в домах квартала обнаружены ямы - склады для посуды.

Таким образом, гончарное ремесло в позднесредневековом южно-казахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона. И если вопросы организации гончарного ремесла в предшествующее время во многом гипотетичны, а его специализация еще только намечается, то во

второй половине XIII – XV в. наблюдается специализация мастеров в изготовлении тех или иных видов керамической продукции, выясняется внутренняя структура ремесленного производства. Археологические материалы позднесредневекового Отрара позволяют также глубже понять технологию самого процесса производства, изучить быт гончаров.

Производство керамики. Большой керамический материал, собранный в жилых кварталах Отрара, в мечети, керамических и кирпичеобжигательных мастерских, в общественной бане, датируется с помощью монет различного чекана, в том числе отрарского, и может быть разделен на две хронологические группы.

Керамика второй половины XIII – первой половины XIV в. характеризуется наличием группы посуды, продолжающей традиции предшествующего времени, но отличающейся в первую очередь огрублением теста изделий, самих форм, качеством поливы. Значительные изменения претерпевает неполированная керамика. Постепенно исчезают такие формы, как крышки, украшенные оттисками штампов, налепами, резьбой; переносные очажки. Вся посуда изготавливалась на гончарном круге из плотного серого, желтого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста, снаружи покрывалась светлым ангобом. Красный ангоб использовался при покрытии чаш, тарелок, кувшинов, тагора.

Горшкообразные сосуды производились двух типов. К первому относятся крупные широкогорлые сосуды с венчиком диаметром до 20 см, изготовленные из плотного, с небольшими примесями песка,

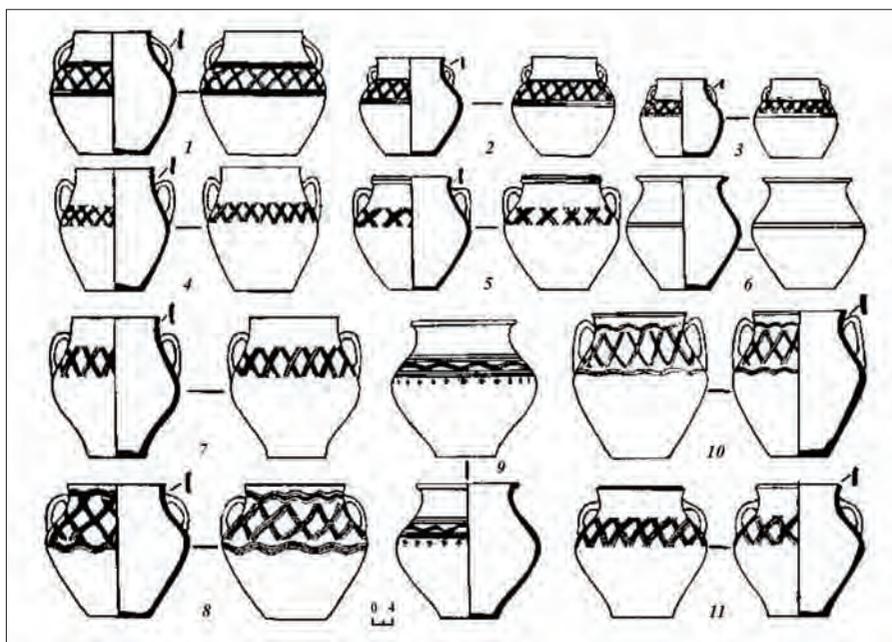

Рис. 152. Отрар. Горшкообразные сосуды XIII-XIV вв.

теста, обожженного до красноватого цвета. Их отличает короткая суживающаяся горловина, иногда с легким раструбом, прямая или с небольшим треугольным в сечении утолщением закраина. Горшки имеют выпуклый корпус, в верхней части тулова, как правило, находятся по две плоских петлеобразных ручки с небольшим утолщением в середине на внешней поверхности. Горловины отделаны двумя поясками неглубоких каннелюр. Встречаются пояски из вмятин, нанесенных пальцем, или врезной орнамент в виде пояска насечек, прочерченных волнистых линий.

Ко второму типу относятся безручные горшкообразные сосуды с высокой прямой горловиной диаметром 9-11 см, заканчивающейся треугольной в сечении закраиной, отогнутой наружу, или в виде площадки. Сосуды этого типа тонкостенные, тщательной крутой выделки, тесто почти без примесей, черепок в изломе красноватый. Распространен орнамент в виде рядов волнистых линий.

Тагора - это массивные, обычно трапециевидные в разрезе открытые сосуды с венчиком в виде площадки, отогнутой наружу под прямым или тупым углом. На площадке венчика, как правило, располагается поясок волнистого прорезного орнамента (иногда он встречается на внешней поверхности тулова). Внутренняя или обе поверхности сосудов очень часто покрыты красным ангобом с радиальным полосчатым лощением внутри.

Встречается тагора двух видов: неглубокие, с тонкими стенками, без орнамента и массивные, глубокие, с широкой площадкой венчика, отогнутого чаще под тупым углом.

Все сосуды изготовлены из глины с небольшой примесью дресвы.

Встречены хумы (верхние части и донца) и хумчи. Интересен фрагмент горловины хума диаметром 28 см. Закраина отогнута под прямым углом наружу в виде широкой площадки с глубокими насечками по краю. В средней части горловины имеется массивный выступ с двумя рядами насечек, расположенных под углом друг к другу.

Кувшины имеют узкие цилиндрические горловины с треугольным утолщением на закраине. Плоские широкие коленчатые ручки, несколько приподнятые кверху, прикрепляются к венчику или в центральной части тулова. Некоторые из кувшинов расписаны краской черного и красного цветов. Элементы росписи - завитки, s-видные и струйчатые линии, стилизованные буквы арабского алфавита. Особо выделяется фрагмент с росписью черной краской. Он являлся частью кувшина с шаровидным туловом, заканчивающимся высокой цилиндрической горловиной с прямой закраиной. Массивная коленчатая ручка, плоская в сечении, прикреплена к верхней части горловины и плечикам тулова. В этой части кувшина идет поясок из наклонно расположенных прямых линий, а выше и ниже пояска — орнамент в виде чередующихся спиралевидных розеток и комбинаций из пяти вертикальных волнистых

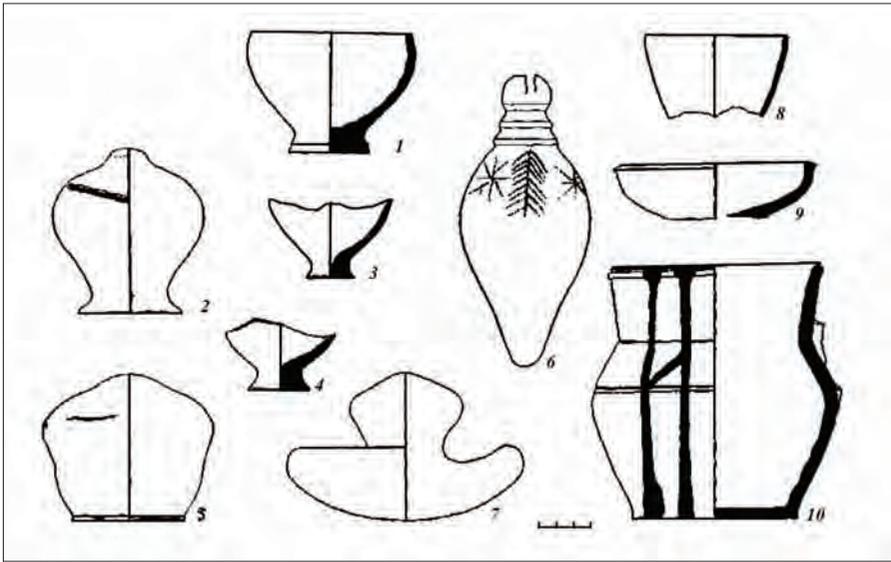

Рис. 153. Керамическая посуда из мастерской 8. 1, 3, 4 – бокаловидные сосуды, 2, 5 – котилки, 6 – сферококус, 7 – наковаленка, 8-10 – фрагменты посуды

линий. В средней части ручки сделано утолщение, по гребню которого расположены каплевидные точки, заканчивающиеся внизу тремя параллельными линиями.

Крышки широко использовались в быту и поэтому являются одним из распространенных видов керамики. Крышки в основном сферические, плоские, диаметром 25-35 см, толщиной 3-5 см. Поверхность их покрывали ангобом светлого, красного либо розового цвета. Орнамент резной, штампованный, наклепной - геометрический либо солярный. Это оттиски кругов, обрамленных точками, концентрические волнистые линии. Ручки имеют вид столбика с раздутым туловом, плоской либо округлой шляпкой, украшенной оттисками штампа. Это вихревая розетка, шести- либо восьмиугольная розетка, налепы гофрированных шишечек.

К редким видам керамики относятся *ведра*. Это широкогорлые сосуды с дуговидной пластинчатой ручкой. Сохранились лишь верхние части ведер.

Не часто встречаются *бокаловидные сосуды*, представляющие собой конусообразные чаши на плоском выделенном поддоне. Высота их колеблется от 5 до 6 см, диаметр - от 3 до 4 см.

Котилки сделаны в виде округлых коробочек с прорезями для монет.

Из глины изготавливались также фигурные решетки на окна - панджара. Обломки их были найдены в мастерской 8.

Штампованная керамика, судя по количеству изделий, а также форм-калыбов, производилась на месте, главным образом в мастерских 8 и 9 квартала гончаров.

Рис. 154. Штампованные фляги

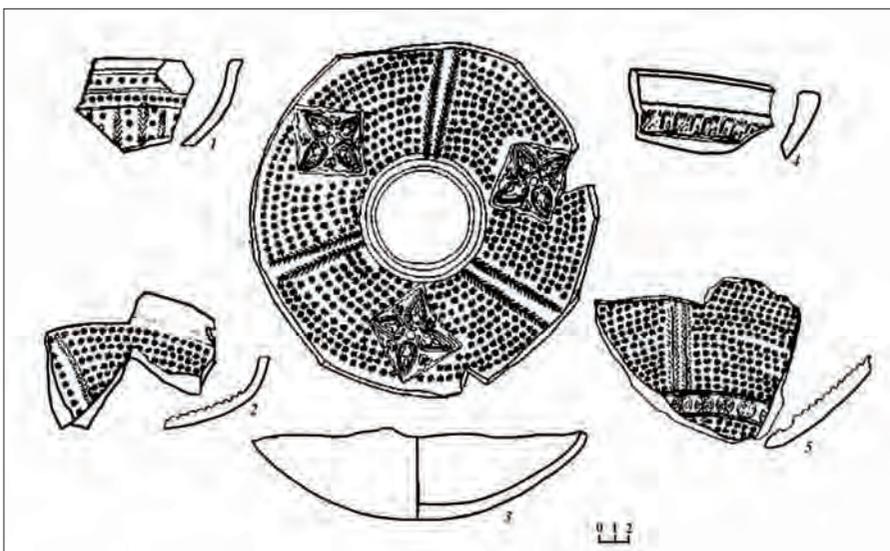

Рис. 155. Калыбы

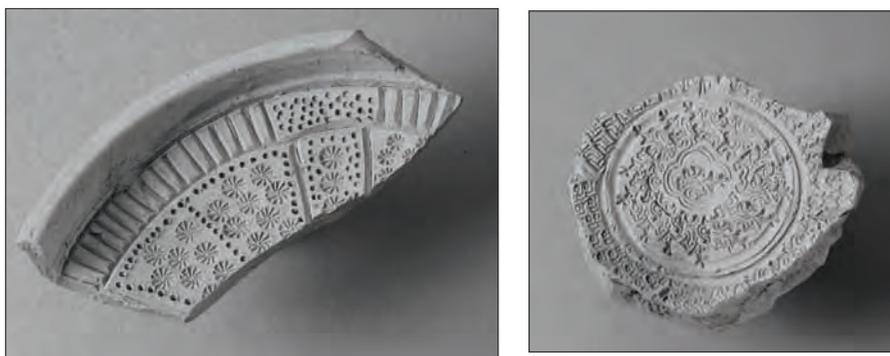

Рис. 156. Фрагменты калыбов

Штампованным орнаментом украшали фляги, кувшины, обычно верхнюю часть их тулова. Для этого мастера использовали глиняные калыбы, представляющие собой выпуклые чашеобразные формы. На внутренней поверхности калыбов вырезали орнамент. Когда такой калыб надевали сверху на «сырой» кувшин, то отпечатывался выпуклый штампованный узор.

Найден целый калыб диаметром 20 см, с отверстием диаметром 5 см. Внутренняя поверхность его разделена на три части двумя елочковидными полосами. В центре каждого сектора выдавлена, видимо, металлическим штампом четырехлепестковая розетка, заключенная в прямоугольную рамку. Вся остальная поверхность заполнена маленькими шести- и семилепестковыми розетками, расположенными концентрическими рядами. Обломки штампов, а их собрано около двух десятков, свидетельствуют о том, что фон из маленьких розеток характерен для большинства калыбов. На этом фоне располагались крупные розетки, надписи, изображения животных. В мастерской 9 в заполнении гончарной печи был найден кувшин с носиком, украшенный расположенными в ряд по кругу изображениями коня и гепарда. Высота этой части сосуда – 23 см, горловины – 15 см, диаметр тулова – 20 см, горла – 8 см. Горловина орнаментирована двумя волнистыми линиями и соединена с туловом пластинчатой ручкой с налепом на верхней площадке.

Рис. 157. Кувшин со штампованным орнаментом

Рис. 158. Кувшин со штампованным орнаментом. Фрагменты

Носик длиной 7,5 см поставлен под острым углом к горловине. Пояс с чередующимся изображением животных составляет в ширину 10 см. Всего изображено шесть фигур.

Конь имеет удлинённые пропорции, передние ноги согнуты в беге. Чтобы показать задние ноги, художник развернул круп животного. Морда у коня горбоносая, вытянутая, глаз выпуклый. Грива изображена выпуклыми полосками, хвост – в виде изогнутой «еловой ветки». Туловище покрыто выпуклыми точками, видимо, имитирующими шерсть. Конь взнуздан и под седлом. Передняя лука седла прямая, задняя, более длинная, отогнута наружу. На передней луке сидит птица, видимо, сокол. Повод подходит к ноге птицы.

Гепард также изображен бегущим. У него поджарое тулово, длинные ноги, маленькая кошачья головка и закрученный в кольцо хвост. Тулово покрыто кружками с точкой посередине.

Фон, на котором изображены животные, «расцвечен» выпуклыми розетками, тревовидными нашлепками и выпуклыми точками. Ниже идет узкий пояс с изображениями птиц, разделенными розетками, и еще ниже – волнистая линия.

Можно с полным основанием считать, что середина XIII в. является рубежом существования двух стилей в изготовлении *поливной керамики*. Исчезает керамика с прозрачной свинцовой поливой, положенной на белый ангоб, и с подглазурными росписями коричневым, зеленым, красным, а также керамика, покрытая темно-коричневой поливой. Дисквидные поддоны чаш уступают место кольцевым и кольцевым с выступом. Черепок, как правило, красноватого, серого и светло-желтого цветов (лессово-глиняный). Ангоб преимущественно красный, реже розовый, желтый. Полива прозрачная и окрашенная в красный, коричневый, зеленый, болотный, розовый, голубой и синий цвета. Росписи растительные, геометрические, буквенные. Сочетание красного ангобного покрытия и поливы позволило выделить несколько групп керамики.

Посуда с *желтой поливой* и подглазурной росписью по красному ангобу. Роспись зеленым, коричневым, красным. Рисунок в виде радиальных лучей, сетки, треугольников, ромбов, точек и штриховки. Снаружи полива чуть захватывает стенки. Под поливой по светлому ангобу - роспись в виде арок.

Керамика с *зеленой поливой*. Орнамент, если он есть, выполнен техникой подглазурной гравировки. Элементы его - завитки, спирали, образующие растительно-геометрические композиции.

Посуда с *разноцветной двусторонней поливой*. Одна сторона изделий покрыта зеленой, другая – желтой поливой, или наоборот.

Изделия с *прозрачной поливой*, положенной на красный, точнее, красно-коричневый ангоб. Подглазурные росписи монохромные, выполнены зеленой или желтой краской. Элементы росписи - различные квадратные медальоны, геометризованные виньетки, розетки.

Распространена керамика с *зеленой поливой* поверх красного ангоба.

Посуда, покрытая *поливой болотного цвета*, характеризуется отсутствием подглазурной росписи.

Керамика с черной глухой или синей поливой имеет роспись черной и коричневой красками, с прозрачной поливой - роспись синим и марганцем.

Некоторые из названных групп находят аналогии в соседних регионах. В среднеазиатских городах производилась керамика с зеленой и желтой глазурью и подглазурной гравировкой; бесцветные поливы сочетались с мраморовидной и пятнистой росписями, синяя и голубая глазурь — с черной росписью [Сайко, 1969, с. 22-73]. Однако

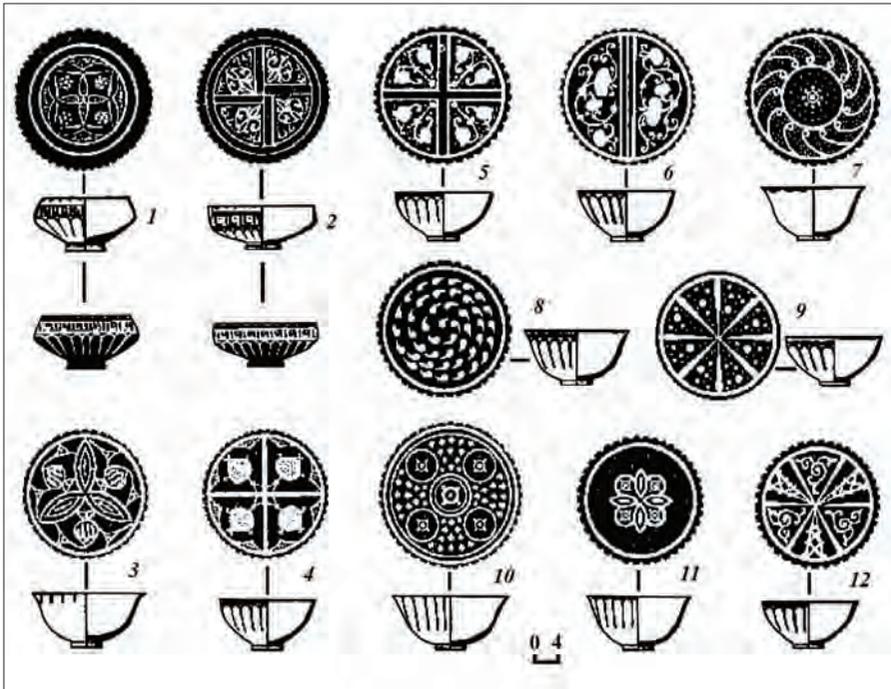

Рис. 159. Красноангобированная керамика второй половины XIII – первой половины XIV в.

такого многообразия цвета полив в сочетании с красным ангобом, как в Южном Казахстане, нигде пока не встречено. Для керамики характерен плотный светло-желтый или красный в изломе черепок.

Как известно, в Средней Азии, начиная с XIII в., получает массовое распространение кашинная посуда, призванная заменить дорогостоящий привозной фарфор [Пугаченкова, 1950. с. 121]. Однако в сырдарьинских городах, в том числе и в Отраре, кашина нет.

Своеобразна форма поддона у чаш типа пиалы и кесе. Если в аналогичных среднеазиатских изделиях преобладает кольцевой поддон, то для южно-казахстанских характерен поддон кольцевой с выступом в центре. Превалирует геометрический орнамент или геометрический в сочетании с растительным. Редки росписи зооморфного плана, характерные для Хорезма и Поволжья или Сарайчика [Археологическая карта Казахстана, 1960, рис. 8; Тепловодская, 1983, с. 200]. Лишь при раскопках мастерской 2 на Отраре встречена тагора с росписью в виде фигур летящих гусей и лошади.

Технологическое изучение керамики этого периода показало, что по-прежнему использовались свинцовые поливы и «старые» красители, однако чистые свинцово-кремнеземистые поливы отсутствуют. Чаще встречаются свинцово-известковые поливы, более сложные по технологии приготовления, но дающие более качественное глазурное покрытие. В качестве красителей использовались окиси меди, хрома, никеля, железа, сурьмы [Агеева, 1962, с. 203].

Отмечая инновации в искусстве керамического производства, следует отметить прямую преемственность между керамикой XIII-XIV вв. и керамикой домонгольского времени. Ряд традиционных элементов в расписной керамике X-XIII вв. сохраняется в поливной керамике XIII-XIV вв. Это «вихревая» розетка, спирали, геометрические фигуры. По-прежнему широко используется красный ангоб, который получил распространение в Южном Казахстане в эпоху раннего средневековья (кангарская керамика).

В описываемый период продолжается производство керамики с изображением традиционного сырдарьинского животного - барана.

Это навершия крышек в виде фигурок барана, выполненных в реалистической манере, а также слив водолея. Фигурки покрыты коричневым и зеленым ангобом с росписью желтым. Второй распространенный образ на керамике – птица – встречается в качестве украшения на посуде. В одном случае фигурка птицы венчала ручку чернильницы. Третий образ – это конь. Фигурка найдена при раскопках гончарной мастерской 2 на центральном бугре Отрара. Она длиной 10-15 см и 3-5 см высотой, покрыта голубой и прозрачной поливами. Такие изображения отличает выразительная посадка головы на крутой «лебединой» шее, грива показана налепом либо росписью. Узда изображена росписью.

Керамика второй половины XIV – первой половины XV в. В производстве неполивной керамики традиционно сохраняются

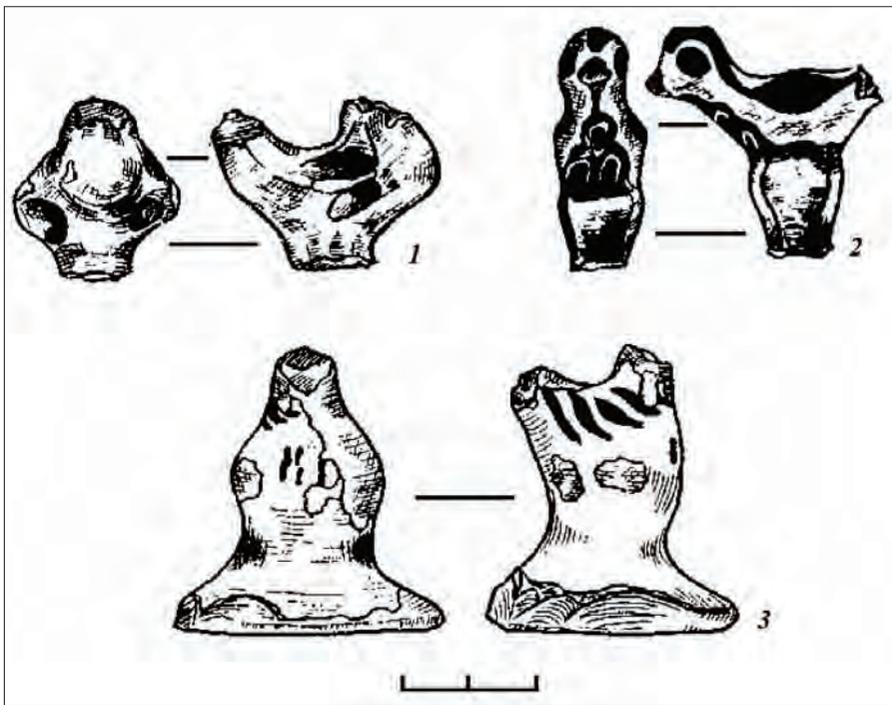

Рис. 160. Изображения птиц на посуде

прежние формы и типы, но они отличаются большей стандартизацией. Это горшки, хумы и хумчи, кувшины и кумганы.

Поливная керамика становится более разнообразной. По сравнению с предшествующим периодом сокращается производство керамики с окрашенными поливами, положенными на красный ангоб, и росписями зеленым и желтым. Широкое распространение получает посуда с желтой поливой и полихромной подглазурной росписью по светлому ангобу. В росписях встречается сочетание зеленого и коричневого цветов; темно-коричневого и светло-коричневого; красного, зеленого и темно-коричневого.

Группа высокохудожественных желтополивных чаш дает представление о принципах и стиле орнаментации керамики этого времени. В помещении 3 на раскопе V (мастерская на центральном бугре) найдена чаша с желтой поливой и росписью темно-коричневой, красной и зеленой красками. Основной орнаментальной композиции является свастикообразная плетенка, контур которой обведен красным. Желтый фон заполнен коричневыми точками, зелеными чешуйками, окаймленными коричневыми точками, и стилизованными растительными побегами. По венчику идет ряд точечных вдавлений. Снаружи сделана роспись в виде полос красного и коричневого цветов.

Еще одна чаша, покрытая желтой поливой, найдена в помещении 6 того же раскопа. Поддон дисковидный, с выступом. На внутренней плоскости чаши изображена шестилепестковая розетка с внутренним переплетением красной полосы. Контур розетки коричневый. Внутри лепестков даны контурные прорисовки

Рис. 161. Отрар. Желтополивная керамика

треугольников и ромбов, заполненных коричневыми точками. По бортику идет пунктирная линия.

Желтой прозрачной поливой были покрыты два хорошо сохранившихся кувшина, найденных вместе с чашами в помещении 6 этого же раскопа. Один из них широкогорлый, высотой 17,5 см, с раздутым приземистым туловом на дисковидном поддоне. Диаметр венчика больше, чем диаметр дна: соответственно 10,5 и 8,5 см. В месте перехода шейки к тулову имеется кольцевой выступ. Ручка толщиной 0,8 см соединяет верхнюю часть горловины и плечики. Орнамент расположен в двух зонах. Горло украшено полоской, оконтуренной коричневыми линиями и заполненной зелеными овалами и коричневыми треугольниками с растительными побегами внутри. Затем идет полоска красного цвета, ряд коричневых точек по валику и лента, заполненная зелеными и красными полосами, внутри которой находятся коричневые заштрихованные кружки. Еще ниже расположен узор в виде коричневой аркады. Он покрывает сосуд, оставляя свободной лишь его нижнюю часть.

Желтой поливой покрыт безручный кувшин, выполненный явно в подражание металлическим прототипам. Высота его 23 см, диаметр тулова 17 см. Верхняя часть отбита. Горло украшено вертикальными полосами зеленого цвета и растительными побегами в прямоугольных рамках. Тулово расписано красными и зелеными аркадами, внутри которых изображены сложные медальоны, заполненные стилизованным эпиграфическим орнаментом и четырехлепестковыми цветами в окружении штрихов и точек. Вся композиция сверху и снизу замкнута красными полосами.

Еще один небольшой столовый кувшинчик покрыт на две трети желтой поливой поверх розоватого ангоба. Формой он напоминает кубышку. Высота его 16 см, диаметр горла 4 см, донца - 6,5 см. Поддон плоский, со слегка намеченным кольцевым выступом.

Получает распространение керамика с ярко-зеленой поливой различных оттенков по светлому ангобу. Полива покрывает внутреннюю и частично внешнюю поверхности пиал, чаш.

Один из фрагментов тонкостенной пиалы был покрыт внутри темно-зеленой поливой с подглазурным гравированным линейным орнаментом. Внешняя поверхность до середины покрыта светло-зеленой поливой с коричневым арочным орнаментом и вертикальной полосой посередине более темного зеленого цвета. Закраина выделена широкой линией темно-зеленого цвета и двумя тонкими коричневыми линиями.

Встречаются, как и прежде, изделия, одна сторона которых покрыта зеленой поливой, другая - желтой. На внешней поверхности имеется роспись в виде арочек, внутренняя поверхность без росписей. На одном из фрагментов внутри под желтой поливой сделана роспись темно-коричневой краской в виде коротких вертикальных линий на закраине.

Значительная группа поливной керамики покрыта свинцовой поливой по красновато-коричневому ангобу, которым облита внутренняя и частично (до середины тулова) внешняя поверхность. Сочетание окрашенной или бесцветной поливы с красным или коричневым ангобом создает темный фон различных оттенков, на котором очень красочно выделяется роспись.

Выделяется несколько групп красноангобированной керамики, различающейся по цвету поливы.

Керамика с прозрачной желтой поливой и монохромной росписью по густому красновато-коричневому ангобу. Роспись наносилась светлыми красками, иногда невысоким рельефом. Встречаются неорнаментированные фрагменты с желтой поливой по красно-коричневому ангобу.

Керамика с зеленой поливой по красно-коричневому ангобу аналогична предыдущей группе. Украшением группы служит чаша, найденная в помещении 3 на раскопе V. Диаметр ее 20 см, высота 10,5 см. Чаша покрыта зеленой поливой, поверх красного ангоба расписана желтым и зеленым. Орнамент внутри состоит из стилизованных арабских букв «алиф» и «мим», выполненных в виде красивого завитка желтой краской с пятнами зеленого. Три сектора заполнены коричневыми точками. По венчику идет красная полоса с желтыми точками. Снаружи сосуд покрыт поливой наполовину.

Среди керамических изделий с зеленой поливой привлекает внимание также чаша из помещения 6. Диаметр ее 21 см, высота - 13 см. Поддон кольцевой с выступом. Чаша сделана из теста светло-коричневого обжига. Внутри она украшена гравированным орнаментом. В центре ее медальон, заполненный ромбической сеткой, вокруг которого идет полоса из круглых завитков. Снаружи чаша расписана зелеными и желтыми кругами, обрамленными коричневыми линиями.

Там же найдена еще одна чаша с зеленой поливой поверх красного ангоба. Диаметр ее венчика 14 см, высота 6,5 см. Поддон дисковидный. Чаша сделана из хорошо отмученного теста светло-коричневого цвета. В центре чаши широкими, до 1,5 см, красными полосами изображены круг и вписанный в него треугольник. В круг вписан также круг меньшего диаметра, а в треугольник - еще один, заполненный коричневыми завитками.

Получает распространение керамика с прозрачными поливами и росписью кобальтом, коричневой, черной, зеленой красками. Среди изделий встречаются высокохудожественные образцы.

Интересна чаша с прозрачной поливой и трехцветной росписью синей, голубой краской и марганцем. Диаметр чаши 19 см, высота 9,3 см.

Поддон кольцевой, с выступом. Внутри чаша украшена изящной композицией, образованной сочетанием трилистников в окружении растительных побегов. Фон белый, трилистники темно-коричневые с синим, побеги голубые и синие с коричневыми штрихами. Вся

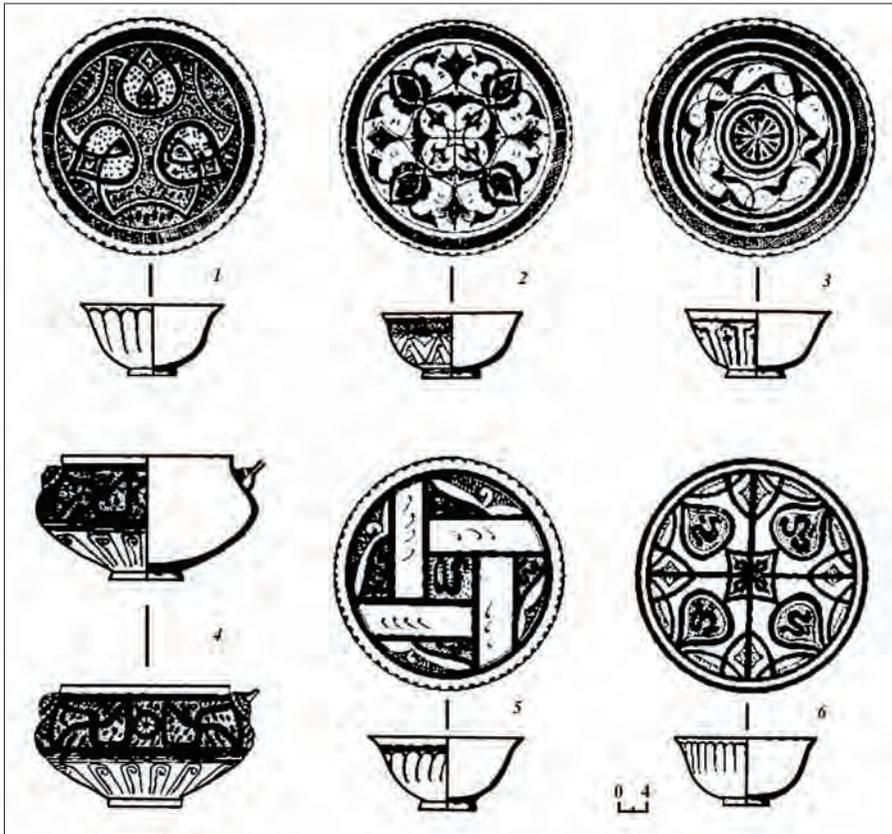

Рис. 162. Керамика с прозрачной поливой и синей росписью.
Вторая половина XIV – первая половина XV в.

композиция оконтурена лентой, заполненной пересекающимися наклонными линиями. По венчику идут каплевидные коричневые точки. Снаружи тоже на белом фоне изображена аркада из коричневых и голубых линий.

Найдена чаша, покрытая прозрачной поливой и росписью голубым и коричневым. Пересечением коричневых линий получен контур шестилепестковой розетки с треугольником в центре. Поле треугольника голубое, заполненное коричневыми точками. Лепестки у розетки белые, в них вписаны голубые контурные треугольники, заполненные коричневыми точками. По венчику идет ряд коричневых точек. Снаружи чаша украшена аркадой коричневого цвета. Сочетание голубого и коричневого цветов придает чаше яркий, красочный вид.

Чаша, покрытая прозрачной поливой и росписью синей и марганцевой красками, украшена свастикообразным орнаментом из четырех белых лент, оконтуренных коричневыми линиями. Оставшееся в центре прямоугольное поле заполнено коричневыми точками. По периметру в четырех сегментах расположены треугольники, заполненные растительными побегами синего цвета. По краю венчика идет ряд штрихов. Снаружи нанесен орнамент в виде аркад.

Рис. 163. Керамика с голубой поливой и синей росписью.
Вторая половина XIV – первая половина XV в.

Распространены кувшины и чаши с голубой поливой и росписью кобальтом и черной краской.

Своеобразна чаша с голубой поливой, диаметром 20 см и высотой стенок 9,5 см. Она сделана из глины желтого обжига и покрыта сверху голубой поливой, за исключением наружной части поддона. Роспись выполнена черной краской. Внутри в центре чаши составлен медальон из двух concentрических линий черного цвета. В нем изображены два вписанных квадрата с вогнутыми краями, поле меньшего заполнено точками и оконтурено тонкой линией. Свободные сектора медальона заняты стилизованным эпитафическим узором. Медальон, в свою очередь, является центром шестиконечной звезды, лучи которой имеют арочные очертания. Они заполнены растительными завитками. Пространство между лучами заполнено точками и оконтурено треугольниками. По краю венчика идет ряд точек. Снаружи чаша украшена узором из ромбовидных лепестков и арок.

Еще одна чаша с голубой поливой была найдена в помещении 6. Диаметр ее 20 см, высота стенок 10 см, поддон кольцевой с выступом. Четырью синими полосами, по две перпендикулярно друг другу, все поле чаши разделено на девять частей, заполненных синими точками.

В целом формы сосудов, принципы и мотивы орнаментации (меридиональное расчленение поверхности сосудов, преимущественно геометрический характер росписей, линейно прорисованные аркады

снаружи) весьма характерны для керамического стиля XIV-XV вв. Средней Азии, Поволжья, Казахстана. В то же время керамика Отрара и сопредельных территорий Южного Казахстана имеет некоторые локальные отличия: полное отсутствие кашина, использование только глины, распространение желтой поливной посуды, редкие в росписях изображения птиц, рыб, животных.

Керамический комплекс городов Жетысу

Неглазурованная керамика в основном представлена тарной, кухонной, столовой посудой.

Хумы имеют прямоугольные в сечении, треугольные, круглые и запятовидные венчики. Наличие фрагментов венчиков, донцев и тулова позволяет воспроизвести их форму и размеры. Распространены шаровидные хумы. На венчиках встречается орнаментация в виде глубоких ромбовидных штампов, которые образуют волнистый край, либо в виде глубоких косых насечек, а также углублений, нанесенных на расстоянии 10-15 см друг от друга. Были обнаружены два археологически целых сосуда высотой около или более 1 м. Лепились вручную и изготавливались из широких полос, так как швы, соединявшие полосы, прослеживаются на внутренней поверхности.

Котлы характеризуются стандартной формой тулова. По размерам и вместительности котлы разнообразны: большие, средние и маленькие. На плечиках сосудов наклеплены ручки в виде петель и ушек. Чаще всего петлевидные ручки круглые в сечении, которые на месте крепления к сосуду украшены пальцевыми вдавлениями или же прорезанными овалами. Некоторые петлевидные ручки оформлены в виде жгута.

Горшковидные сосуды с ручками были распространены достаточно широко. Тулово у них украшалось иногда горизонтальными линиями. Интересен горшковидный сосуд с тремя ручками, на верхнем изгибе которых находятся чашевидные налепы, а по тулову под венчиком изображены налепом змеи. Это второй случай, когда сосуд украшен налепными змеями. Первый обломок кувшина был найден на городище Жаксылык в слое XI-XII вв. [Байпаков, Ерзакович, 1970, с. 34-35, рис. 14].

Ушковидные ручки по верхнему краю украшены выступами, ромбовидными либо овальными углублениями, образующими волнистую поверхность. Иногда ручки помимо волнистого края имеют небольшой изгиб во внешнюю сторону. Встречаются ручки крышек от котлов, которые по центру украшены углублением и волнистой закраиной.

Кувшины имеют похожий орнамент: полосы, располагающиеся по тулову сосудов, а также волнистые линии разного угла наклона, множественные либо единичные, заполняющие пространство между полосами.

Имеется фрагмент сосуда, орнаментированного штампами: трапециевидными глубокими оттисками, расположенными противоположно друг другу, и штампом из четырех чередующихся полос. Интересен фрагмент сосуда из очень хорошо промешанного серого теста, покрытого изнутри и снаружи черной краской. Данный фрагмент сильно лощеный, орнаментирован от венчика вертикальными чуть выступающими полосами, по которым крест-накрест прорезаны линии, образующие орнамент в виде сетки. На верхнем краю полосы у венчика по центру прослеживается каплевидная ямочка.

Столовые кувшины имеют шаровидное либо овальное тулово, широкое высокое горло, диаметр которого в основном варьировал от 6 до 10 см. Судя по длине коленчатых ручек, которые соединяли горловину и тулово, горловины составляли от трети до половины всей высоты.

Поверхность ручек тщательно замывалась или покрывалась ангобом. В сечении ручки также бывают с одним либо двумя противоположными гребнями.

Среди узкогорлых кувшинов очень примечательным является горлышко от сосуда, имеющего сложную профилировку в виде нескольких выступающих ребер, расширяющееся к венчику и выполненное в форме раскрывающегося четырехлепесткового цветка.

Часть венчика обломана, видимо, на месте крепления ручки к сосуду. Ручки остальных фрагментов горловин в сечении разные: круглые и овальные.

Встречаются кувшины с оттянутым носиком для слива. Иногда ручки на месте крепления к сосуду украшались пальцевыми вдавлениями, причем, количество вдавлений варьирует от одного до трех, либо рисунок располагается по гребню ручки.

Были найдены: целый сосуд с петлевидной ручкой и носиком для слива, располагающимся по центру сосуда; фрагмент носика от сосуда; кувшинчик с высокой ручкой и ярко выраженным туловом, орнаментированным в месте перехода тулова к горловине и по тулову полосами.

Кумганы – кувшины для омовений имели носик-слив, который зачастую имел художественное оформление. Обломок такого кумгана с городища Антоновка имел носик-слив в виде головки быка.

Кружки, как правило, имеют грушевидное тулово и налепные петлевидные ручки. Однако, зафиксирован фрагмент кружки с интересной ручкой, круглой по форме и сильно уплощенной в сечении, предназначенной для упора пальца. Она располагается параллельно дну и тулову сосуда.

Светильники-чираги представлены полусферическими чашами с вытянутыми и приплюснутыми с обеих сторон рожками, либо вытянутыми налепными рожками с бортиком высотой 2-4 см.

Рожок имеет желобчатый слив, куда помещались фитили. На противоположной стороне располагаются петлевидные ручки. По сечению видно, что на ручках по краям имелись гребни, либо один гребень располагался по одному краю ручки, другой же - по центру.

Находки *крышек, дастарханов, очагов-сандалов* единичны. Крышки в основном без какого-либо орнамента либо орнаментированные по кругу полосами и прорезанными треугольниками. Фрагменты дастарханов либо очагов сандалов имеют штампованный и прорезной орнамент: край фрагмента орнаментирован диагонально расположенными полосами, между которыми прорезаны треугольники. Обнаружен фрагмент очага сандала со сглаженным, замытым бортиком, возвышающимся на 5-6 см.

Среди находок массивная грибовидная сглаженная ручка от крышки с навершием-площадкой, на которой располагается процарапанный узор: прямой отрезок линии и чуть выше соединенные по одной стороне дугообразные линии.

Обычно такими большими ручками украшались массивные плоские крышки диаметром от 30 до 35 см. На поверхности еще одной ручки по центру имеется углубление, внутри которого располагаются процарапанные круги и по краю ручки расходящиеся линии. На поверхности данной крышки просматриваются процарапанные пересекающиеся линии. На одной ручке от крышки устроено отверстие, вероятно, для выхода пара. На поверхности плоской крышки по краю располагается уплощенная ручка, а центр украшен штампами в виде многолепесткового цветка и прямоугольника.

Сосуд с антропоморфными признаками. Были найдены фрагменты интересного сосуда (раскоп 10): донце с ножками для упора и верхняя часть сосуда с изогнутым венчиком, имитирующим корону. Высота верхней части фрагмента 7,5 см и высота донца с ножками – 5,5 см. На верхней части фрагмента имеется налп в виде изогнутого уха, также можно отчетливо увидеть прорезные черты лица: миндалевидные глаза, брови. Сосуд был увенчан короной: на фрагменте прослеживаются два звена. На донце между ножек располагается налп, вероятно, имитирующий бороду. Сосуд изготовлен на руге из серого теста.

С этого же раскопа происходит глиняная фигурка коровы либо барана. Фигурка была вылеплена от руки. Конечности и рога обломаны, на голове имеются дисковидные налпы, изображающие глаза.

Было найдено большое количество фрагментов от котлов, горшков, встречаются ступки без орнамента и с орнаментом. В основном орнамент располагался по внешнему краю нижней части ступки, у дна – это налпной пояс, на котором вырезаны овальные вмятины или углубления.

Светильники из раскопок городища Антоновка – один из наиболее распространенных видов сосудов - ладьевидная форма с выделенным носиком с петлеобразной ручкой, или без ручки. Интересны светильники с двумя, четырьмя выделенными носиками.

Уникален 13-рожковый светильник-люстра в виде округлой емкости и 13 носиков. Наверху сосуда имелось крепление для крюка, который подвешивал «люстру» к потолку. Тулово емкости украшено наклепными медальонами, украшенными штампованным растительным орнаментом. Этот светильник был найден в постройке, которая интерпретировалась как культовая.

Рис. 164. Городище Антоновка. Неполивная керамика

Поливная керамика. В основном встречаются фрагменты с желтой поливой по внутренней и темно-зеленой по внешней стороне; фрагменты только с зеленой поливой, а также изделия, покрытые подглазурной росписью.

Поливная керамика представлена чашами, вазами, тарелками либо блюдами, иногда с четко выделенным переходом. Изделия

покрыты прозрачной глазурью с подглазурной росписью, нанесенной поверх светлого ангоба.

Данные сосуды обычно изготавливались из хорошо отмученного красного теста. Полива гладкая, блестящая. Роспись однообразная, представлена коричневыми линиями с зелеными завитками (растительные мотивы) или же точками. Обнаружено археологически целое блюдо, изготовленное из очень хорошо отмученного красного теста, покрытого бежевым ангобом и прозрачной желтоватой глазурью. Блюдо имеет резкий «Г»-образный переход от дна к стенкам. Внутренняя плоскость блюда расписана: на дне в центре пересекающиеся полосы темно-коричневого цвета в совокупности образуют восьмилепестковый цветок, между лепестками – завитки ярко-зеленого цвета, в середине цветка – точки. Стенки блюда расписаны четырехлепестковыми цветками, вписанными в трапеции, дополненные завитками зеленого цвета. Место перехода от дна к стенкам и края блюда окаймлены круговыми полосами темно-коричневого цвета. Расписана только внутренняя сторона блюда, на внешней стороне от венчика книзу располагается ангобная полоса шириной 3,5-4 см.

Найдено много фрагментов, которые подразделены на подгруппы – белофонная керамика с бесцветной или бежевой свинцовой глазурью. Монохромная роспись: коричневой или коричневой с фисташковым оттенком красками.

Изделия с преобладающей зеленой глазурью, реже оранжевой. Иногда с двусторонним покрытием: коричневой, оранжевой глазурью, были найдены фрагменты вазы с толстыми стенками. Ваза покрыта глазурью с обеих сторон: зеленой – по внешней и коричневой – по внутренней. Ваза изготовлена на круге, на внутренней стороне имеются следы резких волнистых переходов. На внешней стороне прослеживаются глубокие косые или же прямые полосы, имитирующие граненность сосуда. Чуть выше дна имеется резкий переход, далее ваза чуть расширяется кверху.

В коллекции имеется множество фрагментов, покрытых желтой глазурью с внешней стороны.

Найден фрагмент донца с темно-синей поливой. Также имеются фрагменты с имитацией надписей по краю блюд. Встречаются единичные фрагменты керамики фисташкового цвета с переходом в коричневый, орнаментированные глубокими волнистыми полосами или кругами, нанесенными еще по сырой поверхности.

Кашинная поливная керамика, скорее всего привозная, встречена в обломках на городищах Антоновка и Талгар. Из Антоновки происходит фрагмент кувшина, его нижняя часть, покрытая голубой поливой и украшенная росписью золотом.

Неполивная и поливная керамика из Юго-Западного Жетысу, а это Чуйская и Таласская долины, в научных публикациях представлена, к сожалению, краткими описаниями.

В Таразе при раскопках городища, где слой XIII-XV вв. не обнаружен, происходят отдельные интересные находки, хранящиеся сейчас в областном историко-краеведческом музее.

Еще в 1951 г. при строительных работах было разрушено погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Обожженные кости лежали в сундучке, который стоял на столике. В погребальном склепе была найдена посуда: две тарелки с рельефным орнаментом на внутренней поверхности; пиала с прямыми вертикальными стенками, украшенная снаружи рельефным орнаментом; блюдо; кувшин грушевидной формы с пояском из рельефной арабской надписи почерком насх: «Здравие и счастье и величие и долголетие». Столик с сундучком и керамика выполнены из кашина и покрыты слоем голубовато-бирюзовой поливы с серебристым налетом [Сенигова, 1972, с. 188-204; Ерзакович, 1972, с. 100]. В захоронении находилась изготовленная из обычной глины керамическая чаша, покрытая белой поливой с коричневой росписью. Керамика датируется XIII-XIV вв.

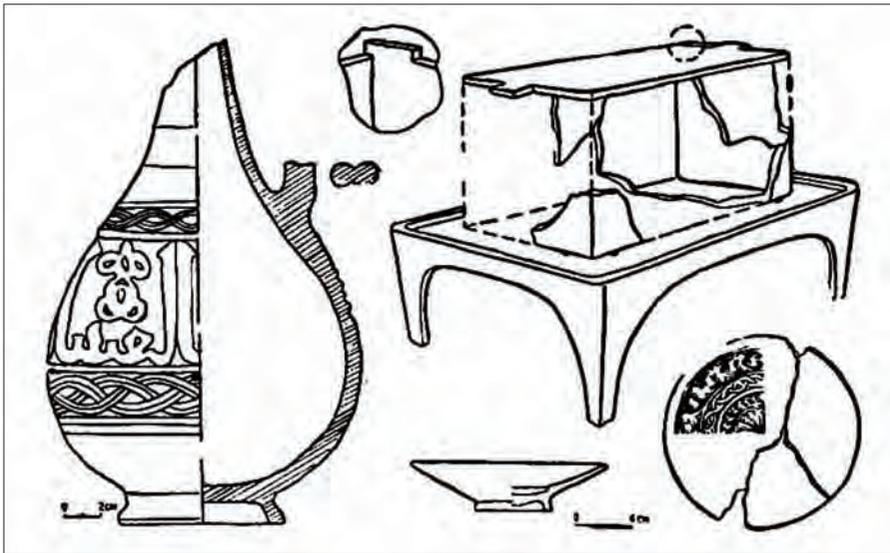

Рис. 165. Городище Тараз. Столик с ящичком и сосуды из захоронения XIII-XIV вв.

Яркий комплекс керамики был собран при раскопках дворцового комплекса на городище Акчий [Заурова, 1977, с. 122-124].

Неполивная керамика представлена в основном маловыразительными фрагментами сосудов различных форм станкового и лепного производства. Это большие котлы с круглыми боками, с наклепными полулунной формы выступами-ручками, по краю примятыми пальцами, и волнистой закраиной венчика, неглубокая жаровня, лепные горшки и кувшины, узкогорлые кувшины и чаши. Следует отметить также хум, использованный в ташнау. Он имеет высоту 66 см, диаметр венчика 19 см, дна – 17 см, толщина стенки 330

- 1,4 см. Венчик хума высокий, со слегка отогнутой шейкой. Тулово лепное, грушевидное, горловина станкового производства.

Поливная керамика представлена фрагментами сосудов с темно-зеленой или черно-бело-голубой гаммой покрытия.

Имеются фрагменты кашинной керамики. Некоторые с двух сторон покрыты бирюзовой поливой и расписаны. Найдена чаша с черной росписью под слоем бирюзовой поливы. Чаша тонкостенная, кашин розовый хорошего качества. На внутренней поверхности чаши растительно-геометрический рисунок: в центре цветок с полукруглыми лепестками, с серединой, заполненной штриховкой «в шашку». От центральной розетки отходит шесть пятидольных лопастей с точечным заполнением. Край чаши обведен двойной полосой и рядом пятнышек. На наружной поверхности между двумя концентрическими линиями у дна и венчика проходит два ряда фигур в виде перевернутых крупных запятых.

Фрагменты кашинной керамики с кобальтовой росписью принадлежат четырем разным сосудам. Кобальт нанесен тонкой волосистой кисточкой. Сосуды тонкостенные (2-3 мм), лишь один имеет пористые стенки толщиной 5-6 мм со сквозными проколами, залитыми прозрачной глазурью. В реконструкции один из сосудов дает чашу с венчиком диаметром 13,4 см. С внутренней стороны чашу украшал растительный орнамент – побеги-усики с листочками разной формы. Край венчика обведен двумя тонкими параллельными линиями с вертикальной штриховкой, переходящей на верхнюю поверхность чаши. Рисунок наружной стороны представляет собой редко разбросанные треугольники, заполненные косо штриховкой. К этой же чаше следует отнести три фрагмента стенок, на внутренней поверхности которых ближе ко дну видны крупные многолепестковые бутоны. Наружная сторона разрисована удлиненными картушами, сердцевидными фигурами и листиками, заштрихованными в середине.

Четыре фрагмента принадлежат чаше с простым вертикальным венчиком. Кашин очень рыхлый, черепок в изломе имеет 5-6 мм, он покрыт толстым слоем прозрачной стекловидной поливы. Роспись двухсторонняя, всюду подтеки синей краски, у венчика – пирамидки, заключенные в треугольный картуш. Между этими фигурками расположены части многолопастных листьев или кустиков. Край венчика с двух сторон подчеркнут широкой полосой.

Роспись кобальтом по белому кашинному черепку под прозрачной поташной поливой отмечается в Средней Азии с конца XIV в. [Пугаченкова, 1950, с. 105; Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 121]. В Хорезме, Самарканде и других районах Средней Азии сосуды местного изготовления с кобальтовой росписью получили широкое распространение в XV-XVI вв. Им свойственны незначительные расплывы по контуру рисунка, подтеки, возникшие из-за пористой фактуры черепка или различия коэффициентов расширения кашина и кобальта [Пугаченкова, 1950, с. 95].

Керамика Западного Казахстана

Керамика городища Жайык. Основным материалом из раскопок является керамика. Это неполивная и глазурованная посуда, бытовые и хозяйственные изделия, облицовочные изразцы. Неполивная керамика делится, в свою очередь, на две группы – красноглиняную и сероглиняную.

На городище Жайык красноглиняная керамика составляет примерно 80-90% всей керамики.

Столовые кувшины можно подразделить на несколько типов. Первый тип представляют кувшины с высоким, достаточно узким горлом, венчик слегка отогнут наружу, края его закруглены. Верхняя часть горла орнаментирована рядом широких врезных линий. Ручка крепилась к середине горла и плечикам сосуда. К кувшинам подобного типа могут быть отнесены сосуды с оформлением венчика с противоположной стороны от ручки в виде слива. Горловины таких кувшинов украшались линейными или волнистыми линиями.

Второй тип представляют кувшины средних размеров с невысоким широким горлом, венчик слегка отогнут наружу, округлый в сечении, ручка овальная, одним концом прикреплена к краю венчика или середине горла, другим – к тулову на уровне его наибольшего диаметра. Дно кувшинов шире диаметра горловины.

Кувшины орнаментировались прочерченно-процарапанным орнаментом в виде горизонтальных концентрических и волнообразных линий, поясками, состоящими из косых линий, нанесенных гребенчатым штампом.

Третий тип кувшинообразных сосудов представлен невысокими сосудами с широкой невысокой горловиной растробом, украшенной рифлением.

Кухонная посуда представлена фрагментами и почти целым горшкообразным сосудом небольшого размера с неширокой горловиной. Венчик отогнут наружу, с внутренней стороны вокруг венчика сделан выступ для крышки. Небольшие по высоте вертикальные петлеобразные ручки верхними концами прикреплены к венчику, нижними – к плечикам. Орнамент в виде концентрических процарапанных линий украшает тулово, располагаясь ярусами от венчика до придонной части. Есть в коллекции фрагменты одноручных сосудов.

Тарная керамика представлена хумами, которые имеют яйцевидное удлиненное тулово, слегка раздутое в верхней части. Венчики уплощенные в сечении, заостренные и скошенные наружу. По наружному краю венчиков некоторых сосудов нанесен орнамент в виде косых насечек или насечек гребенчатым штампом.

Есть *хумчи с ручками* с округлым вверху и усеченно-коническим внизу туловом, с двумя петлевидными, вертикально расположенными ручками, овальными в сечении, крепящимися в верхней части тулова, с низким широким горлом с прямым или полочкообразным венчиком. Хумчи украшались линейным и линейно-волнистым орнаментом.

Среди керамики хозяйственно-бытового назначения выделяются *светильники-чираги* – низкие чашечки с плоским дном. Некоторые светильники имеют на краю чашечки слив-носик, предназначенный для фитилька.

Из глины изготавливали *водопроводные трубы* – кубуры и заглушки к ним, *чигири* – кувшинообразные сосуды для системы подъема воды с помощью водоподъемного колеса.

Штампованная сероглиняная керамика встречается только в обломках и в незначительном количестве. Это фрагменты сосудов с растительным и геометрическим орнаментом.

Аналогии неполивной керамике с городища Жайык прослеживаются в материалах Сарайчика и золотоордынских городов Поволжья, городов Пруто-Днестровского междуречья, Причерноморья [Кузнецова, 2002, с. 219-220; Михальченко, 1973, с. 118-132; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 195-212; Якобсон, 1950; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 104-247].

Поливная керамика на городище Жайык немногочисленна, по характеру керамического теста ее можно предварительно разделить на два больших класса – *красноглиняную* и *кашинную*.

Красноглиняная поливная керамика по составу глазури делится на два типа: свинцовая и бессвинцовая.

Керамика со свинцовой поливой представлена фрагментом чаши, внутренняя поверхность которой была покрыта прозрачной свинцовой поливой по белой ангобной обмазке. Орнамент – в виде закрученной в несколько оборотов спиральки, нанесенной тонкой гравировальной линией и подкрашенной в зеленый и коричневый цвета.

Керамика с бирюзовой бессвинцовой поливой представлена фрагментами кувшина, изготовленного из карбонатной глины, покрытого с внутренней и наружной стороны поливой. В коллекции имеются фрагменты сосудов, покрытые бирюзовой поливой только снаружи.

Кашинная керамика. Среди кашинной керамики с прозрачной бесцветной поливой по способу и характеру орнаментации можно выделить несколько типов.

Керамика с бесцветной поливой, подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом. При полихромной расцветке применялись окислы меди, дающие зеленый цвет всех оттенков, и кобальт, дающий цвет от темно-синего до бледно-голубого. Полихромная кашинная керамика, как правило, состоит из трех цветов: зеленого всех оттенков, синего и белого, являющегося фоном для двух других и образуемого кашинном под прозрачной глазурью [Булатов, 1968, с. 95-109]. Поверхность сосудов имеет рельеф, оконтуренный серо-зелеными линиями и расцвеченный синими пятнами. Фон такого орнамента состоит из коричнево-серых и серо-зеленых точек [Булатов, 1969, с. 47-59]. На внешней поверхности сосудов располагается арочный орнамент, выделенный серо-зелеными линиями и расцвеченный темно-синими точками.

Кашинная керамика данного типа представлена фрагментами поливной чаши полусферической формы с венчиком, утонченным и слегка загнутым вовнутрь. На внешней поверхности – арочный орнамент, рельефные белые линии расцвечены расплывшимися синими точками, внутри арочек расположены радиальные штриховые линии серовато-зеленого цвета. Край венчика украшен синими точками. Верхний широкий пояс украшен крупной, выделенной рельефом, куфической стилизованной надписью, состоящей из повторяющегося слова «икбаль». Следующий ярус – многократно повторяющиеся «павлиньи глазки» с одной синей точкой внутри.

Донная часть другой чаши, видимо, была украшена растительным орнаментом: сохранились остатки белых рельефных четырехлепестковых цветов, а выше располагался пояс, украшенный «павлиньими глазками» с одной синей точкой внутри.

К этой же группе сосудов относятся фрагменты горшковидного сосуда с прямой низкой шейкой и покатыми плечиками. Внешняя и внутренняя поверхности покрыта поливой. По краю венчика располагался ряд синих расплывшихся точек. Внутренняя поверхность венчика не орнаментирована, внешняя – украшена концентрической полосой бирюзового цвета, оконтуренной тонкими темно-синими или черными полосками. Ниже идет изображение побегов с трилистниками.

Керамика с прозрачной бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью представлена фрагментами чаши полусферической формы. Бирюзовой поливой покрыта наружная и внутренняя поверхности чаши. По венчику, как снаружи, так и внутри, проходит полоса черного цвета. На внешней поверхности располагался арочный орнамент. Внутренняя поверхность чаши была украшена растительным орнаментом в виде стилизованных листьев ромбовидной формы, расположенных упорядоченно в несколько рядов.

Керамика с надглазурной росписью по бирюзовой поливе представлена фрагментом тонкостенной чаши с венчиком, слегка загнутым внутрь. Фрагмент плохой сохранности. Венчик с наружной и внутренней сторон украшен полоской черного цвета. С наружной стороны по венчику, видимо, располагается стилизованная арабская надпись, выполненная белым цветом по черной полосе, ниже – арочный орнамент, нанесенный белой краской. С внутренней стороны венчик украшен медальонами в виде стилизованных листьев. Полоса медальонов прерывается изображением медальона округлой формы с вписанным золотым ромбиком, обведенным красным цветом. Следующий пояс украшен растительным орнаментом в виде стилизованных закрученных стеблей, побегов и листьев.

Керамика с надглазурной росписью по ярко синей поливе (цвет достигался путем введения в состав кобальта) [Булатов, 1968, с. 105] представлена чашами и блюдами. Орнамент растительный, роспись золотистыми, белыми и красными красками. К этой группе

керамики относится фрагмент донной части чаши, покрытой внутри ультрамариновой поливой и надглазурной росписью растительным орнаментом.

Глазурованные облицовочные плитки в основном обнаружены при расчистке остатков мавзолеев. Плитки покрыты синей, голубой, фиолетовой и почти черной поливой. Глазурь на всех типах плиток хорошего качества, нанесена толстым стекловидным слоем на белый ангоб.

При раскопках «Малого мавзолея» найдены керамические поливные плитки шестигранной формы и прямоугольные, имеющие на поверхности рельефный, покрытый бирюзовой поливой растительный орнамент.

Найдены прямоугольные плитки, покрытые синей глазурью с росписью золотом. Сохранились остатки надписей.

Плитки образовывали декоративные ленты, бордюры: с одного края шла белая полоса с узлами на синем фоне, в середине белые полосы описывали некие круги, а по другому краю шла простая голубая полоса, отделенная от синей белой полоской. Многочисленны фрагменты плиток с плетеной белой розеткой на голубом фоне.

Разнообразны по форме глазурованные плитки «Большого мавзолея». В их классификации можно выделить несколько групп.

Это фрагменты плиток, покрытые голубой матовой поливой. Часть плиток имела удлиненно-трапециевидную форму, часть – квадратную и прямоугольную, толщина 1,8-1,9 см.

Есть плитки, покрытые ярко-голубой глазурью. Рисунок выполнен белым цветом на голубом и синем фоне. Полива прозрачная, покрывает основу толстым стекловидным слоем. Белые линии узора нанесены толстым слоем белого ангоба так, что под глазурью эти линии выделяются рельефом. Фон – ярко-синий кобальт. Края плиток окрашены голубым. Разделительные линии цветовых зон подчеркнуты темно-зелеными линиями. Из нескольких фрагментов склеена часть интересной плитки с выпуклой средней частью, служившей, видимо, для выкладки бордюров.

Собраны фрагменты от плиток, образовывавших некогда фриз (или ленту) с крупной арабской надписью. Эта лента имела ширину около 40 см. На глубоком синем кобальтовом фоне нанесены белые буквы шрифтом «монументальный сульс».

Другую группу составляют фрагменты плиток толщиной 2 см. Из них составлялась лента со сложно плетеным геометрическим орнаментом, белые линии которого образовывали повторяющиеся звездчатые мотивы на синем фоне.

Обнаружены две плитки (одна целая), покрытые глазурью насыщенного синего цвета с надглазурной росписью золотом и тонкими белыми линиями. Размер плиток 11 x 16 см, толщина – 2 см. В центре орнаментальной композиции медальона расположена шестилепестковая розетка, прорисованная золотом, а мелкие растительные «завитки» – тонкими белыми линиями.

Встречены плитки с росписью растительным орнаментом. Интересны также кирпичи и плитки нестандартных форм с округлениями, использовавшиеся в кладке стен и свода.

Керамика городища Жалнактал. В ходе археологических раскопок на городище получена коллекция неполивной посуды и глазурованных облицовочных плиток.

Котлы имели округло-приземистое в верхней части тулово, без горловины, отогнутый и спрямленный край иногда с ребром на внутренней стороне перегиба и округло-уплощенное дно.

Горшки имели плавно отогнутый наружу край с небольшим скругленным утолщением по срезу и, вероятно, шаровидное тулово.

Широкогорлые кувшины. Небольшие одноручные сосуды вертикально-вытянутых пропорций с широкой слегка изогнутой горловиной, переходящей в покатые плечи с резким перегибом. Иногда край горловины оформлен утолщением. Округлая ручка крепится к горловине и основанию плеч сосуда.

Узкогорлые кувшины. Небольшие сосуды с невысокой зауженной горловиной, покатыми плечами и, вероятно, туловом вертикально вытянутых пропорций. Край горловины в некоторых случаях оформлялся фигурным венчиком или валиком. Округлая ручка крепится на горловине и у основания плечей сосуда. Диаметр венчика горловины достигает 8 см. В орнаментике использованы концентрические линии.

Миски – небольшие сосуды открытого типа разного диаметра (20-34 см) низкой усечено-конусовидной формы с невысоким вертикальным бортиком и небольшим плоским дном без поддона.

Чашы – найдены фрагменты краев открытого типа, сегментовидные в разрезе. Диаметры края 9 и 20 см.

Светильники – имели небольшую полузакрытую емкость усеченно-конической формы с прорезью от края ко дну, к стенкам которой прикреплен длинный граненый носик желобчатого типа. Светильники изготовлены из глины.

Керамика украшалась гравированным и рельефным орнаментом.

Поливная керамика, собранная в раскопах, – в основном фрагменты чаш и блюд.

Обломки небольших сосудиков сферической формы с полочковидным краем, внешняя поверхность их покрыта поливой темно-бирюзового цвета. Черепок в изломе кремового цвета.

Имеется фрагмент боковины сосуда, покрытый с внешней стороны поливой темно-синей с пятнами.

Фрагменты тулова чаш, с внутренней стороны покрытых синей поливой.

Керамика Сарайчика неполивая представлена стандартными формами сосудов. *Котлы* имеют вертикальное, слегка расширяющееся к низу широкое горло с прямоугольным или округлым в сечении

венчиком, невысокой прямой шейкой с горизонтальным рифлением. В верхней части котлов располагались горизонтально поставленные ручки.

Среди *горшкообразных сосудов* можно выделить несколько типов – горшки без ручек, с цилиндрическим горлом, украшенным двумя или тремя линиями, создающими рифление, и с прямым утолщенным венчиком. Тулово раздутое, почти шарообразное вверху и конусообразно сужающееся книзу. Еще один тип горшков — одноручные сосуды с плавно отогнутым венчиком. Встречаются также двуручные горшки с цилиндрическим горлом, небольшие по высоте ручки верхними концами прикреплены к венчику, нижними — к плечикам.

Кувшины – наиболее распространенная группа сосудов. Кувшины крупных размеров имеют высокое прямое горло, широкие округлые плечики. Ручка, овальная в сечении, соединяла горловину и тулово. Большинство сосудов украшено в верхней части тулова горизонтальными концентрическими и волнообразными линиями.

Кувшины средних размеров отличаются невысоким широким горлом и венчиком, слегка отогнутым наружу, округлым в сечении. Ручка овальная в сечении, одним концом прикреплена к венчику или к середине горловины, а вторым концом – к тулову. Сосуды этой

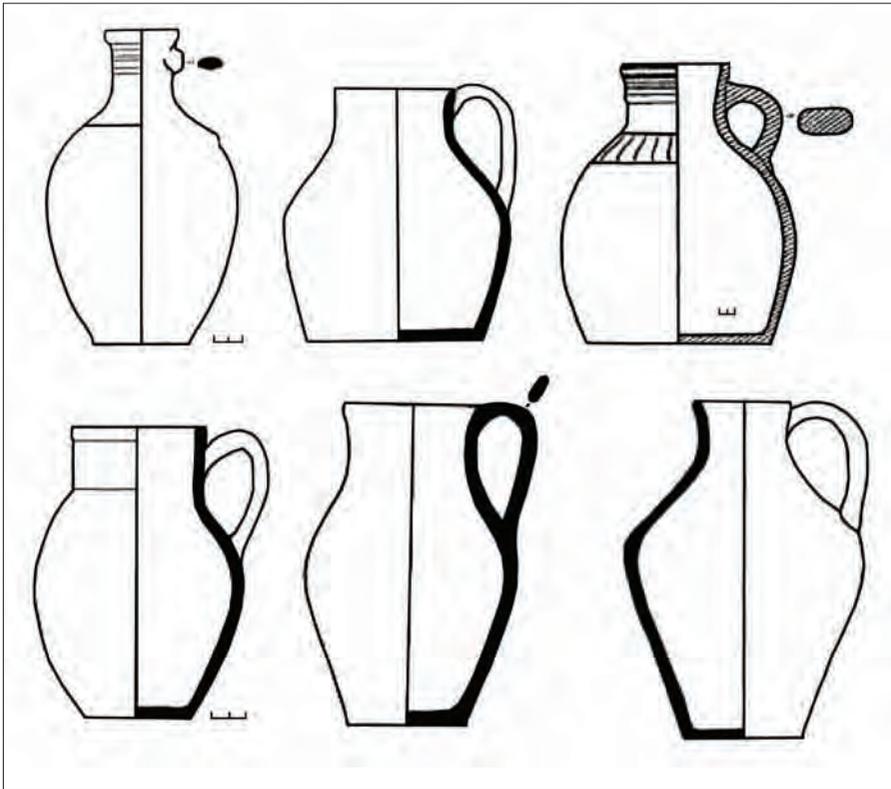

Рис. 166. Кувшины

категории практически не орнаментированы. Некоторые кувшины имели небольшой слив. Есть кувшины с шарообразным приземистым туловом, украшенным прочерченно-процарапанным орнаментом в виде горизонтальных концентрических и волнообразных линий, а также поясков из косых линий, нанесенных гребенчатым штампом. Некоторые кувшины покрыты лощением и украшены концентрическими и волнообразно прочерченно-процарапанными линиями, а по плечикам — и поясками радиально процарапанных линий. Также выделяются кувшины с вытянутым туловом на дисковидном поддоне, с высокой, не очень широкой горловиной и ручкой. Орнаментированы такие кувшины прочерченными концентрическими и волнообразными линиями.

Кувшины небольших размеров имеют шарообразное тулово, не очень высокую горловину и петлевидную вертикальную ручку, соединяющую венчик и тулово.

Кувшины-кумганы были широко распространены, для них характерно высокое горло с выраженным раструбом. К средней части горла, где имеется значительное расширение, крепились ручки. На плечике сосуда располагался конусовидный носик.

Миски имеют округлое вверху и усеченно-коническое внизу тулово, плоское дно. Тулово в верхней части часто украшено прочерченными концентрическими линиями.

Чашы на кольцевом поддоне, имеют полусферическое тулово.

«*Солонки*» по форме тулова очень близки к чашам, но отличаются миниатюрными размерами.

Тарелки с сегментовидным туловом и утолщенным наклонным венчиком или с мелким туловом и сильно отогнутым наружу бортиком с округлым в сечении венчиком. Изделия имеют или плоское дно, или невысокий дисковидный поддон.

Тагора - плоскодонные сосуды с коническими стенками, с отогнутым наружу краем борта, образующим полочковидный венчик. Некоторые из них имели горизонтальные прямоугольные ручки, крепившиеся к верхней части бортика под венчиком.

Амфоровидные сосуды представлены несколькими типами. Один из них характеризуется яйцевидным туловом, низким нешироким горлом, простым, слегка утолщенным венчиком с двумя ручками. Другой тип амфор представляют сосуды с шарообразным раздутым туловом, покрытым желобчатым рифлением, с плоским широким дном, с короткой узкой горловиной и ручками, поднятыми над венчиком.

Хумы имеют разнообразные по форме массивные венчики. Шейка почти не прослеживаются. Часто сосуды орнаментированы: их плечики и венчик украшены прочерченными волнистыми или концентрическими линиями, косыми насечками, иногда - штампами и надписями.

Хумчи - сосуды меньших размеров, чем хумы, имеют яйцевидное удлиненное тулово, плоское неширокое дно. Венчики уплощенные,

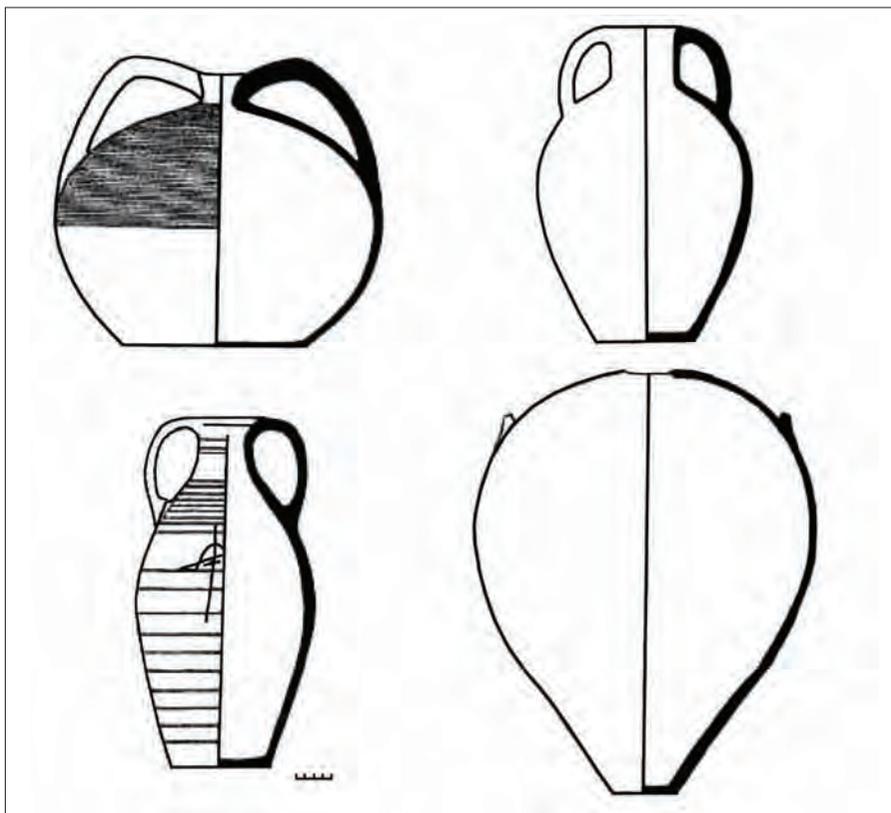

Рис. 167. Амфоры

немного отогнутые наружу. Многие хумчи в верхней части тулова снабжены двумя петлевыми вертикально расположенными ручками, овальными или подпрямоугольными в сечении.

Копилки - небольшие сосуды с шаровидным верху и слегка удлиненным в донной части туловом, без горла, с прорезью сбоку в верхней части тулова.

Крышки представляют собой сферическую форму с широким бортиком по краю и короткой цилиндрической закраиной, с вертикальной ручкой-шишечкой.

Светильники можно разделить на несколько типов. Самые распространенные – низкие чашечки с плоским дном. Один край некоторых имеет сливообразный носик, предназначенный для фитилька. С противоположной стороны крепилась небольшая ручка. Часть светильников в центре чашечки имеет подставку для свечки. Встречаются трехрожковые светильники. В верхней части подсвечников делали специальное утолщение валикообразной формы, но чаще в виде «блюдца», которое могло служить для сбора расплавленного воска.

Детские игрушки представлены находками птичек-свистулек, имеющих тулово со сквозным отверстием. Наружная поверхность некоторых свистулек была покрыта красно-коричневым ангобом.

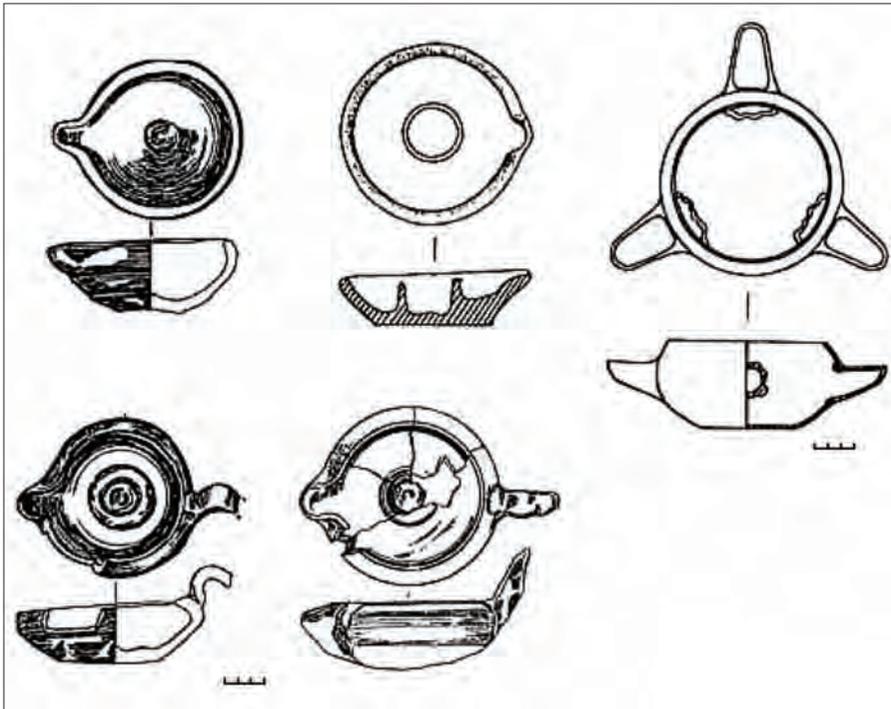

Рис. 168. Светильники

Сфероконысы изготовлены из прочной огнеупорной глины. Находки с городища Сарайчик можно разделить на две основные группы - красноглиняные и сфероконысы с черепком серо-зеленого цвета. Красноглиняные сфероконысы «классической» формы отличаются короткой головкой, переходящей в расширенное в верхней части тулово, которое, в свою очередь, плавно переходит к коническому дну. Сосуды мало орнаментированы, часто только обычными концентрическими врезными линиями. Сфероконысы с черепком серо-зеленого цвета в основном имеют сферическую верхнюю и коническую нижнюю части. Внешняя поверхность сосудов украшалась тисненым штампом или выцарапанным по сырой глине орнаментом. Штампом наносились различные фигуры в виде кружков, звездочек, пальметт, ромбов, квадратов, шестилепестковых розеток и клеток. Орнамент покрывает или всю поверхность, от головки до дна, или только верхнюю часть сосуда.

Керамика со штампованным орнаментом. Верхняя часть тулова сосудов после оттиска в керамической форме - калыбе еще «дорабатывалась»: подчищался, подправлялся полученный орнамент на внешней поверхности, иногда он дополнялся декором - прочерченным или резным, иногда выполненным небольшим штампином. Часто на поверхность подсохшего сосуда прикрепляли глиняный налеп, на который штампом наносили орнамент. Штампованная керамика Сарайчика представлена кувшинами на кольцевом поддоне с

шаровидным туловом и высоким горлом и двояковыпуклыми флягами с дисковидным туловом, широким высоким горлом с расширением или валиком в средней части, двумя петлевидными ручками, крепящимися к горлу под валиком. Внешняя поверхность сосудов украшена разнообразным орнаментом с геометрическими, растительными, эпиграфическими и зооморфными сюжетами. Иногда некоторые элементы орнамента на штампованной керамике покрывали бирюзовой и ультрамариновой непрозрачной поливой.

Интересен почти полностью сохранившийся кувшин со штампованным орнаментом. Он отличается узким коническим горлом, расширяющимся кверху, шаровидным туловом и вертикальной

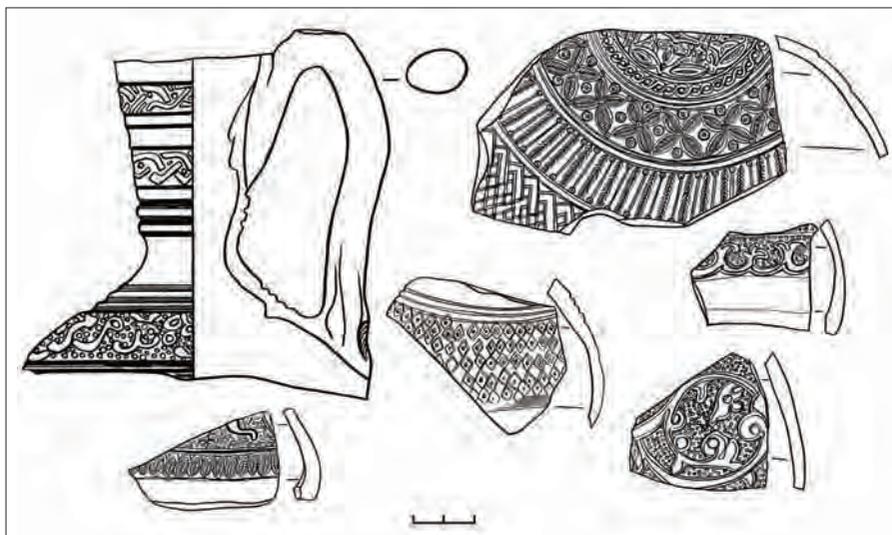

Рис. 169. Керамика со штампованным орнаментом

коленчатой ручкой, овальной в сечении формы с продольным желобком. Рельефный узор верхней части тулова украшен бирюзовой и ультрамариновой поливами. Орнамент располагался по ярусам. Верхний ярус был заполнен геометрическими фигурами и выделен поливой бирюзового и ультрамаринового цвета. Следующий ярус был составлен из плетенки соединяющихся медальонов округлой формы, образуемых стилизованными побегами. В центре медальонов располагался цветок с тремя лепестками, раскрашенными ультрамариновой поливой. Побеги покрыты бирюзовой поливой. Ручка кувшина была также украшена по желобку бирюзовой поливой [Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 37].

Поливная керамика представлена посудой разнообразной формы. Поливой покрывались миски, чаши, блюда, кувшины, вазы, альбарелло.

Среди посуды, покрытой зеленой, желтой, коричневой и бесцветной поливой, встречаются изделия с орнаментом, выполненным гравировкой, резервом, росписью или сочетанием разных техник.

Наиболее часто встречаемыми узорами являются: четырех-, пяти- и шестилепестковые розетки; концентрические линии служили для украшения дна чаши или тарелки. Внутренняя поверхность сосудов расписывалась листьями, «елочками», стилизованными изображениями деревьев с вытянутыми макушками.

Кроме растительных и геометрических орнаментальных мотивов красноглиняная посуда украшалась изображением птиц и рыб. Птицы переданы в профиль. На одной из чаш, покрытой белым ангобом, было выгравировано изображение стоящей птицы. Контуры рисунка выделены тонкой линией и обведены коричневой краской. Тело птицы окрашено желто-коричневой краской. Крыло, прижатое к туловищу, обведено широкой зеленой полосой, внутренняя поверхность его заштрихована косыми линиями, имитирующими перья. На шее птицы также проходит широкая зеленая полоса. Все свободное пространство было, видимо, украшено растительным орнаментом.

Кашинные изделия изготовлены из пористого белого, серого, желтого или розового кашина, сочетались с бесцветными, бирюзовыми и ультрамариновыми поливами. Керамика выделяется яркими красками.

Чаши с чуть загнутыми внутрь или отогнутыми наружу венчиками, стройные удлиненные альбарелло, блюда (тарелки) с широкими горизонтальными бортами, миниатюрные луковицеобразные сосудики – чернильницы, кувшины, горшковидные сосуды с прямыми низкими шейками.

Среди кашинной керамики с прозрачной бесцветной поливой по способу и характеру орнаментации можно выделить несколько типов.

Полихромная кашинная керамика с подглазурным рельефом, как правило, раскрашивалась тремя цветами: зеленого или серо-зеленого, синего и белого, являющегося фоном для двух других и образуемого кашинном под прозрачной глазурью. Поверхность сосудов имеет рельеф, которым выделяются наиболее важные детали орнамента.

На внешней поверхности пиалообразных сосудов обычно располагается арочный орнамент, оконтуренный серо-зелеными линиями и расцвеченный темно-синими точками.

Роспись внутренней поверхности сосудов отличается исключительным разнообразием, особенно их донные части. Принцип орнаментации - деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из них имеет свой рисунок (цветы, побеги, стебли, медальоны с вписанными в них побегами с цветами — трилистниками). Наблюдается большая пестрота в изображении и характере рисунка. Чаще всего это растительный орнамент, замкнутый кругом, либо розеткой. Интерес представляют на донцах таких сосудов изображения птиц,

Рис. 170. Городище Сарайчик. Поливные чаши

уток, гусей. Часто встречается орнамент в виде крупной выделенной рельефом куфической надписи. Свободное пространство внутренних поверхностей чаш и тарелок часто заполнялось серо-зелеными точками и диагональными синими сетками.

Керамика с подглазурной росписью отличается от вышеописанной отсутствием рельефа при орнаментации сосудов. Кроме того, в росписях в большом количестве применялась синяя кобальтовая краска. Из орнаментальных мотивов встречаются косые сетки, круги, горизонтальные и вертикальные линии, фигуры, напоминающие перо хвоста павлина.

Кроме растительных мотивов для украшения кобальтовой керамики использовались изображения птиц. Интересно украшение чаши полусферической формы на кольцевом поддоне. Наружная и внутренняя поверхности чаши были покрыты слоем белого ангоба, на который была нанесена роспись синего цвета и затем чаша была

покрыта прозрачной поливой. По венчику проходит полоса синего цвета. Верхний пояс внутренней поверхности орнаментирован изображением стилизованных «китайских облаков». Донная часть чаши украшена розеткой с изображением птицы, возможно, фазана с распушенным хвостом. Вокруг птицы - растительный орнамент в виде цветов с четырьмя лепестками сердцевидной формы на длинных тонких стеблях с узкими длинными листьями и трехлепестковыми бутонами. Цветы располагаются цепочкой по кругу.

Наряду с полихромной керамикой известны кашинные изделия с прозрачной бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью. На этих сосудах под бирюзовой поливой изображены черные крестики (птички), растительный, геометрический орнамент. Сосуды на внешней поверхности имеют рельеф - углубленные места выделяются более темным цветом поливы. На выпуклых местах под прозрачной поливой просвечивает светлый кашин. Орнамент чаще эпиграфический или в виде точек, образующих четырех- или пятилепестковые цветы.

Отдельную группу поливной керамики составляют изделия с opakовыми поливами. Основное отличие керамики с opakовыми поливами от керамики с прозрачной поливой состоит в том, что при росписи сосудов рисунок наносился по глазури, а не под ней.

В коллекции поливной кашинной керамики имеется небольшое количество фрагментов чаш, покрытых с обеих сторон белой, бирюзовой и ультрамариновой поливой. Керамика с полихромной росписью, с золочением по белой поливе, орнамент — побеги винограда, изображение птицы с длинным хвостом, сидящей на ветке, стилизованные арабские надписи, «китайские облака» может являться либо иранской керамикой типа «минаи» или скорее результатом ее влияния на местное производство.

Есть керамика с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновой поливе. Орнамент в основном растительный, роспись золотистыми, белыми и красными красками.

Поливная керамика Сарайчика находит ближайшие аналогии в глазурованных изделиях золотоордынских городов Хорезма, Южного Казахстана, Поволжья и Крыма [Вактурская, 1959; Ерзакович, 1969, с. 60-68; Самашев, Плахов, Кузнецова, 2008; Курочкина, 2002, с. 90-96].

Стеклоделие

В городах было развито производство посуды из стекла прозрачного зеленого цвета с различными оттенками, а также синего, голубого, красного, желтого и темно-коричневого. Ассортимент изделий достаточно широк — кружки, чаши, бокалы, рюмки, графины. Частая находка — грибовидные крышечки. Часть изделий украшена

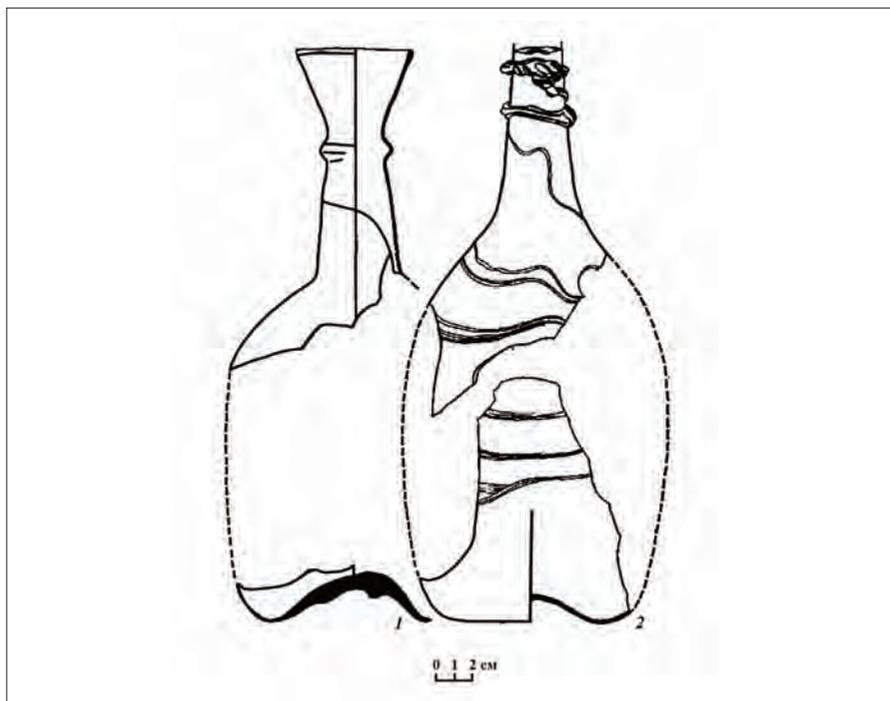

Рис. 171. Отрар. Стекланные графины

рельефным, образующимся при вдувании в форму, узором в виде вдавлений, кругов, ромбов. Изделия выглядят более нарядными благодаря наварным нитям, спиральям, манжетам из стекла этого же или другого цвета.

При раскопках городища Антоновка, в «усадьбе богатого человека» найдены обломки оконных дисков [Байпаков, Савельева, 2004, с. 148].

Из стекла изготавливали также браслеты, украшенные глазками, браслеты из разноцветных стеклянных нитей, бусы, бисер.

В целом же для стеклоделия XIII – первой половины XV в. характерно уменьшение количества изделий по сравнению с предшествующим периодом.

Косторезное ремесло, обработка дерева и камня

Косторезное ремесло — традиционное для казахстанских городов, продолжает развиваться в рассматриваемый период. Среди находок из кости — ручки ножей, украшенные циркульным орнаментом, пуговицы и застёжки. Из длинных берцовых костей лошадей и коров делали лошिला для обработки шерсти, из лучевых костей баранов и коз - шилья.

Камень использовался для изготовления жерновов ручных мельниц, а также жерновов, вращающихся силой животных. Из камня изготавливались терочки.

Украшения из золота

Золото использовалось для изготовления украшений, монетной эмиссии. Находки золотых изделий редки и встречаются в раскопках, в кладах. Из Отрара происходит группа ювелирных украшений. Это серьги из раскопок бани XIII-XV вв. в виде кольца с одним заостренным концом для вдевания в ухо, а другим, украшенным цветком в виде тюльпана. Датируются они XIII в. [Байпаков, Алдабергенов, 2005, с. 67].

При раскопках соборной мечети XV в. были найдены кусочки золотой проволоки и ажурная прокладка для благовоний XIV-XV вв. [Байпаков, Алдабергенов, 2005, с. 67].

Комплекс золотых изделий, а это сплетенное из двух проволочек незамкнутое колечко, круглая сережка с напайками хомутиков, три серьги «в виде вопроса», две из которых украшены подвешенными жемчужинами, вторая зеленым камнем, накладка и нашивки на одежду [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 250-253].

Изящные украшения – желудевидные и шарикоподобные бусы с петельками для подвешивания, а также перстни со щитками, украшенными четырехлистником, и серьга с многогранной головкой были найдены в женском погребении одного из мавзолеев Каялыка. Датируются они концом XII – XIII в. [Байпаков, Воякин, 2007, с. 69-73].

В этом же погребении было найдено ожерелье из самоцветов [Байпаков, Воякин, 2014, с. 435].

В мусульманском захоронении в центральном мавзолее на некрополе городища Арал-Асар найдены великолепные серьги, украшенные головками драконов, а в женском погребении в «Большом мавзолее» найдены круглые серьги из проволоки [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 199, фото 60].

В случайно обнаруженном и поэтому разграбленном погребении знатного монгола на правом берегу реки Или вблизи села Шингельды до археологов дошли чаша для питья из элекора, подвески пояса, от которых сохранилась золотая фольга, служившая обтяжкой, мелкие бляхи-подвески в виде цветка [Акишев К., 1983, с. 210-213].

В 2011 году при раскопках городища Сайрам был найден клад монет и ювелирных украшений: перстни, серьги, браслет, бляшки, бубенчики, слитки, жемчуг, камни с ювелирной обработкой, золотой лом, монеты. Клад был завязан в матерчатый узелок, следы ткани которого отпечатались на коррозированных монетах [Байтанаев, 2013].

Браслет изготовлен из золотого дрота. Диаметр браслета около 65 мм. На концах округлые утолщения диаметром до 5 мм напоминают стилизованную головку змеи, по которой со всех сторон нанесены точечные вдавления.

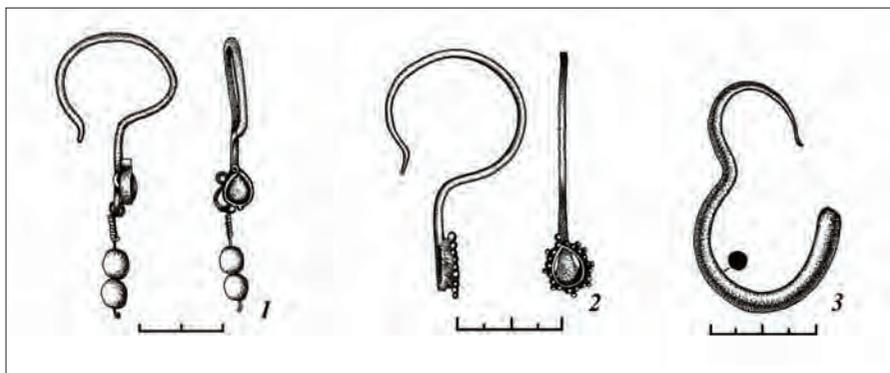

Рис. 172. Золотые серьги из Сайрамского клада

Перстни представлены двумя экземплярами. Первый имеет диаметр 16 мм. У этого экземпляра имеется наверху два крепления для камня, каст глухой округлый.

Второй перстень диаметром 16 мм, с верхушкой прямоугольной формы в центре с кастом, по двум краям которого припаян декор в виде восьмерки.

Серьги. Две из них золотые. Первая золотая серьга-подвеска изготовлена в виде знака вопроса. Верхний конец ее заострен. По ее нижнему основанию находится каст каплевидной формы со вставленной бирюзой. Ниже каста припаяно крепление, где к спиральям скрученной золотой проволоки прикреплены две жемчужины.

Вторая серьга также близка по форме первой, по ее нижнему основанию припаян каст без камня, украшенный зернью.

Бляшки нашивные, представлены в кладе четырьмя типами. Две – массивные прямоугольные размерами 28 x 21 мм. По внешней стороне имеется стилизованный орнамент и отверстия для пришивания. Также были найдены три аморфные бляшки, по верхнему основанию которых имеются два отверстия для прошивки.

Круглых бляшек четыре. Они выполнены штампом из тонкого золота. Диаметр 9 мм. Орнамент в виде розетки.

Мелкие выпуклые бляшки размером 5 мм. Их в кладе более 100 штук.

Бубенчики-подвески представляют собой граненый, спаянный из двух частей шарик. По нижнему основанию имеются припаянные сосочки, по верхнему – петли.

Подвесок малых форм три. Изготовлены подвески путем спайки сплетенной тонкой золотой проволоки.

Слитков в кладе два. Один размерами 35 x 5 мм, вес – 13,04 г; не имеет следов обработки. Другой размером 32 x 3 мм, вес 6,7 г, имеет следы первичной обработки.

В узелке клада содержался набор жемчужин – их 13 экземпляров. Также имеется два обработанных камня. Один из них, очевидно, рубин. Другой прямоугольный, размерами 23 x 14 мм, представляет собой стекловидную прозрачную массу, возможно, горный хрусталь.

В кладе найдено большое количество лома ювелирных изделий, среди них фрагменты лома с филигранью, зернью, пайкой и ковкой.

Монеты, которые датируют клад – четыре: серебряные и две золотые.

Монета 1. Амир Тимур и Махмуд хан. Кирман. Танга. Серебро.

Монета 2. Амир Тимур и Махмуд хан. Год чекана и двор отсутствуют. Танга. Серебро.

Монета 3. Султан Шахрух. Самарканд. Танга. Серебро.

Монета 4. Османская империя. Акче. Серебро.

Монета 5. Анонимный. 773 г.х. Хваризм. Динар. Золото.

Монета 6. Динар с именем халифа Ал-Насир ли-дини-ллаха. Золото. Обломок. Надписи видны фрагментарно. Видимо, динар Великой Монгольской империи первой половины XIII в.

Комплекс монет золотого клада имеет дату по нижней шкале 1412 год. В тоже время анализ датировки всех монет обоих кладов позволил уточнить нижнюю шкалу даты закладки ценностей 1424 годом [Давидович, 1983а, с. 165-178].

Датируется клад 1424 годом [Байтанаев, 2013, с. 102].

Серебряных дел мастера

Интереснейший материал по серебрodelию был получен при изучении денежного клада из Отрара [Байпаков, Настич, 1981, с. 20-60]. Часть ювелирных украшений из клада, безусловно, сделана местными ремесленниками.

Гладкие браслеты насчитывают 16 экземпляров, из них 12 парные. Техника их изготовления такова: подготовленную плоскую пластину обтягивали «рубашкой» из более высокопробного серебра, после чего путем проковки металл уплотняли и закрывали шов. На некоторых экземплярах швы прослеживаются довольно четко. Все браслеты однотипные, различаются лишь размерами и оформлением концов.

Наиболее массивные браслеты (весом по 110 г) слегка уплощены в сечении. Форма сечения одного близка к шестиугольной. Диаметр сечения наиболее массивной части 0,8-0,9 см. Внутренний диаметр самих браслетов 5,7-5,8 см, расстояние между концами – 2,5 см. Концы округлые или тупые, как бы обрубленные. Две пары браслетов имеют овальное сечение. Диаметр их составляет 4 см, расстояние между концами – 2 см.

Изящнее других выглядит пара браслетов, плавно утолщающихся к центру. Один из них с заостренными, почти плоскими концами, другой – с утолщенными. Диаметр сечения в наиболее толстой части 0,5-0,6 см, внутренний диаметр браслета – 5 см.

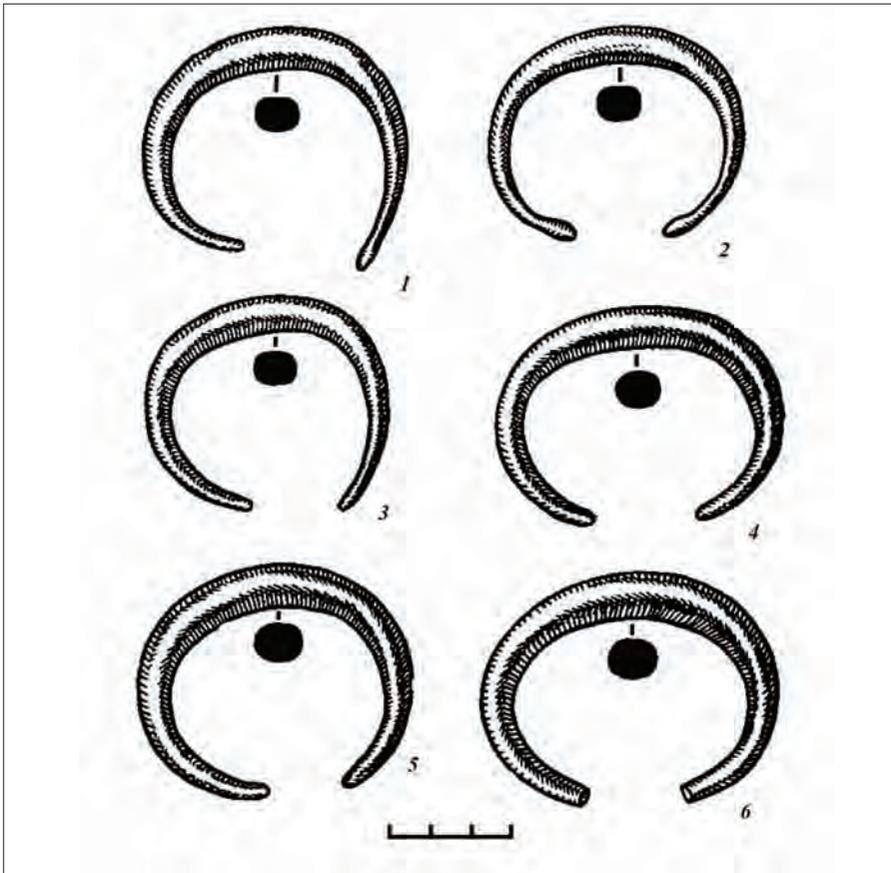

Рис. 173. Отрарский клад. Гладкие браслеты

Еще одна пара браслетов, видимо, была предназначена к переплавке. Один из них деформирован. С обломанным концом, свернут в спираль из двух завитков. Второй – с плоскими заостренными концами, разломан на половинки.

Самый маленький браслет имеет диаметр 4 см, диаметр сечения – 4,5 мм. Он сильно уплощен, расширяется в центре, один конец его обломан.

Плетеные браслеты представлены двумя экземплярами, каждый диаметром 5,5 см. Один сплетен из трех серебряных проволок, концы которых прокованы вместе и имеют форму шариков. Второй изготовлен из проволоки меньшего сечения, его концы расплющены в форме лепешки. Плетеные браслеты распространены достаточно широко и датируются XI-XIV вв.

Наиболее близки к отрарским браслеты, встреченные при раскопках городов Волжской Булгарии, в кладах предмонгольского и монгольского времени. Два из них отличаются от отрарских наличием пластинок на концах и шатонов с камнями [Смирнов, 1951, с. 123-124, табл. 5].

Рис. 174. Витые, спиралевидные и плетеные браслеты

Спиралевидные браслеты изготовлены из витой с постепенным роспуском к центру серебряной проволоки. Концы закручены в шарики. Диаметр браслетов 6,5 см. Оба изделия деформированы, один из браслетов сломан.

Витые браслеты насчитывают три экземпляра. Один из них массивный, диаметром 5 см, свит из четырех дротов сечением до 0,4 см. Через каждые два витка в желобки впаяна витая проволока в виде веревочки. Концы браслета прокованы и на расстоянии 2 см от завершения обвиты скрученной проволокой в семь рядов. Кроме того, к концам припаяны спиралевидные фигурки из той же проволоки.

Два других браслета свиты из двух рядов дротов, слегка утолщенных в середине. Один браслет смят, другой разрублен на две части. Концы их прокованы и украшены витыми проволочками, образующими спиралевидные завитки. За ними идет полоса из скрученных витых проволочек в несколько рядов. Углубления между

дросами занимает плетенка, окаймленная проволочной тесьмой. Концы браслетов напоминают стилизованные головки змей. Браслеты похожи на браслеты монетно-вещевого клада, найденного на берегу реки Сайрамсу под Чимкентом. Интересно, что и в этом кладе вместе с целыми браслетами были специально разломанные. Монеты датируют клад из Сайрамсу X - началом XI в. [Отчеты Археологической комиссии... , 1902, с. 124, рис. 280; Спицын, 1906, с. 249-258]. Этим же временем датируются браслеты из Юго-Западного Семиречья и браслеты из Чиназа [Кожемяко, 1959, табл. XI, 12, 13; Вархотова, 1963, с. 116-119].

Однако при сопоставлении отрарские витые браслеты выглядят гораздо проще и грубее. Видимо, они характеризуют последнюю ступень эволюции этого типа браслетов.

Пластинчатые браслеты представлены одним целым изделием и многочисленными обломками. Целый браслет выкован из пластинки шириной 0,9 см. Диаметр его 5,5 см; расстояние между концами

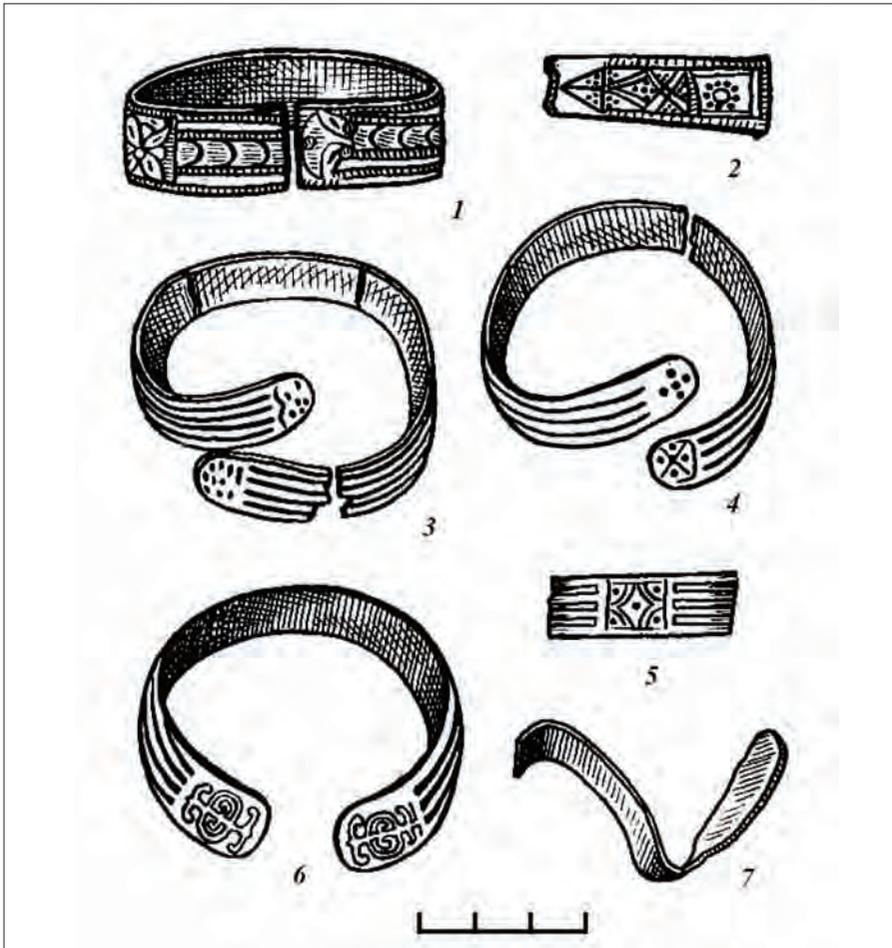

Рис. 175. Пластинчатые браслеты

2,5 см. Поверхность браслета украшена штампованным орнаментом из четырех каннелюр, гравировкой и чеканкой. Крайние каннелюры обработаны пунктирным чеканом в два ряда, что придает им вид плетенки. В центре браслета выгравированы две ромбовидные фигуры, бортики которых заполнены штрихами. На концах браслетов — штампованные волюты.

Браслет из двух частей шириной 1,3 см украшен гравировкой. По центру идет выпуклая полоса, заполненная «чешуйками» и штриховкой, окаймленная двумя каннелюрами с насечкой. В центре выгравирован четырехлепестковый цветок, в венчике которого и на концах лепестков чеканом нанесены овальные углубления. На краях браслета выгравированы по два лепестка того же цветка.

Четыре фрагмента составляют браслет шириной 1 см. Он сильно изношен, орнамент на поверхности, особенно на концах, стерся. Его украшали каннелюры в квадратной рамке с точкой в центре и четырьмя точками по углам рамки. Завершается браслет фигурами из крестообразно расположенных точек.

На поверхности другого браслета, представленного двумя обломками, нанесены три каннелюра. Концы изделия закруглены. Еще один браслет с закругленными концами был выполнен из гладкой пластины шириной 0,6 см.

Интересен массивный обрубок, скорее всего, браслета. Толщина пластинки до 0,3 см. Она украшена гравировкой и точечным чеканом. От сложной орнаментальной композиции сохранились две прямоугольные рамки, внутри которых точечным чеканом выполнен орнамент в виде цветка, треугольников и крестообразных фигур. Обычно браслеты с каннелюрами, украшенные резьбой и чеканом, встречаются в комплексах монгольского времени. Браслету с орнаментом в виде четырехлепесткового цветка близки золотые браслеты, хранящиеся в Эрмитаже [Коллекция Гос. Эрмитажа. УЗ-960, УЗ-961].

Перстни представлены в основном щитками, лишь один сохранился целиком, но без камня. Перстень с гнездом для камня имеет диаметр 2 см.

Кольцо его выковано из плоской проволоки с раздвоенными концами, к которым припаяна жуковина, украшенная по диаметру сканью. Камень, видимо, вынут: он удерживался четырьмя зажимами, два из них сохранились.

Три щитка перстней стандартны — имеют форму правильного шестиугольника со стороной 1 см. Один щиток гладкий, второй украшен штампованным изображением четырехлепесткового цветка, окаймленного точечной гравировкой. Третий щиток украшен сложной геометрической фигурой, образованной сочетанием семи шестиугольников (орнамент типа «гирих»). Изображения нанесены точечным чеканом. В Эрмитаже, в коллекции вещей монгольского времени, есть похожий на отарский перстень с плоским щитком с прорезным четырехлепестковым цветком [Коллекция Гос. Эрмитажа. Сар-104].

Серьги клада представлены четырьмя типами. К первому относятся серьги из тонкой проволоки в виде знака вопроса. Найдена одна целая серьга этого типа и несколько в обломках. Такие серьги часто встречаются и в кочевнических погребениях, и на городищах. Относятся они в своем большинстве к XII-XIV вв. и обычно связываются с кыпчаками [Федоров-Давыдов, 1966, с. 37-41, рис. 5; Вактурская, 1968, с. 249-252, рис. 1].

Ко второму типу отнесены круглые проволочные серьги. Один конец их острый, на другом напаяна бусина, украшенная по окружности шариками (зернью). Серьги с нанизанной на конце бусиной встречены при раскопках Саркела [Артамонов, 1958, с. 76-79].

Серьги с многогранником на конце (третий тип) кованы из проволоки диаметром 2-2,2 см. Второй конец заострен.

Четвертый тип серег (височных подвесок) представлен восемью экземплярами. Хорошо сохранились две наиболее крупные серьги. Техника их изготовления такова: серебряный стержень круглого

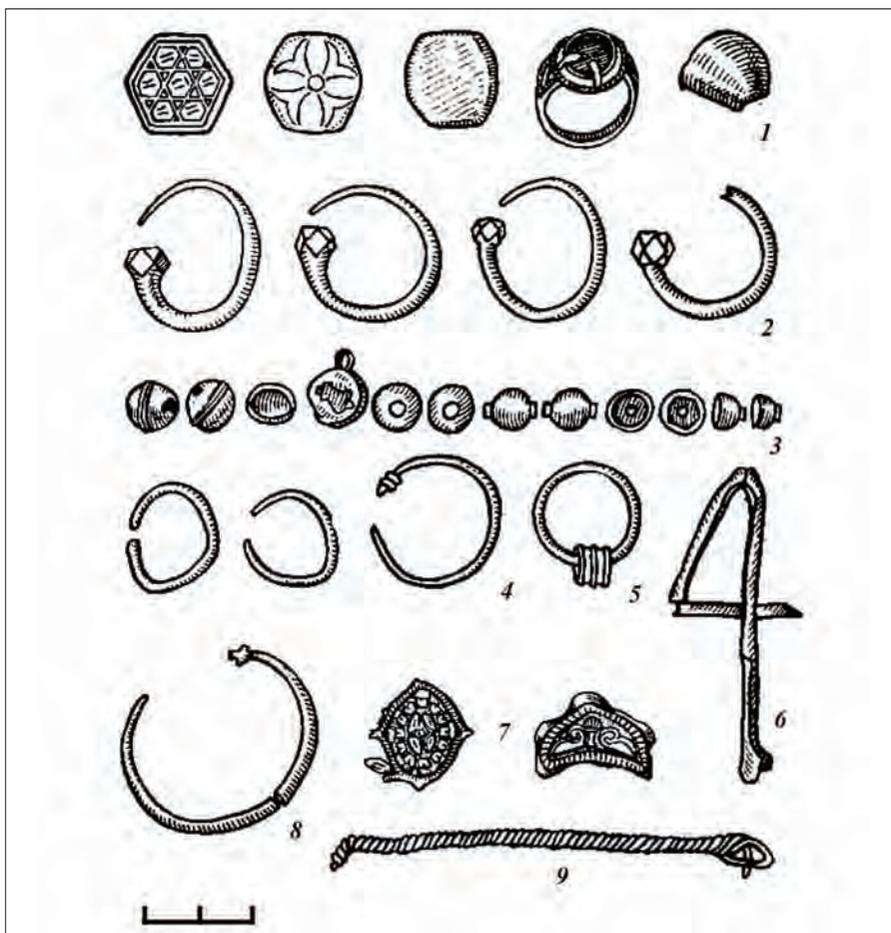

Рис. 176. Перстни, серьги, бусы и другие украшения

сечения обертывали пластинкой из серебра лучшего качества, затем заготовку проковывали, швы полировали и стержень изгибали в форме буквы З. Высота серьги 5,2 см; диаметр верхней полуокружности 1,8 см; нижней - 2,7 см. Верхняя часть тонкая, завершается петелькой. Нижняя - массивная, с плоским, как бы обрубленным, концом.

Бусы круглые полые, изготовлены из спаянных половинок. На шов напаяна витая проволока, на полюсах просверлены отверстия для нанизывания, края которых также украшены напайкой.

Подвески в виде шариков диаметром 1 см состоят из двух спаянных половинок. Шов закрыт припаянной витой проволокой. На одном из полюсов припаяна петелька для подвешивания.

В кладе встречена группа полусферических нашивок диаметром 0,6-0,8 см с парой отверстий по краям.

Пуговицы гладкие, слегка выпуклые, диаметром 1,5 см, смяты и сплющены с краев. На оборотной стороне припаяна петля.

Медницкое и бронзолитейное ремесла

Накануне монгольского завоевания и в послемонгольское время значительно расширилось производство зеркал. Это связывают с перемещением населения и прежде всего ремесленников. Появляются новые центры производства зеркал, в том числе, в Средней Азии. Одним из них, видимо, стал Отрар и, безусловно, другие крупные города Южного Казахстана и Приаралья [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 32].

Бронзовые зеркала, судя по грубости отливок, слаженности рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя некоторые из них, бесспорно, являются копиями привозных зеркал. Их отливали в формах из сплава оловянистой бронзы со свинцом. Качественный и количественный состав сплава зеркал однообразен, что подтверждает местное производство этого типа изделий. Эти зеркала уже были опубликованы [Байпаков, 2013, с. 368-369, рис. 108].

По характеру украшающего оборотную сторону орнамента зеркала подразделяются на несколько типов.

Зеркала с растительным орнаментом в виде дисков диаметром 7,5-8 см, с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Орнамент рельефный, представлен розеткой в центре, окруженной переплетающимися трилистниками на изогнутых стеблях и сердцевидными фигурами. Похожие зеркала встречены в половецких захоронениях XIII-XIV вв., например зеркало в кургане 3 могильника Алебастрово II в Уральской области. В орнаменте его оборотной стороны использованы шестиугольник с вогнутыми сторонами, сердцевидные фигуры [Кригер, Железчиков, 1980, рис. 2, 1].

Зеркала с растительно-геометрическим орнаментом. У одного из них рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками.

Рис. 177. Городище Кумкент. Серебряное зеркало. XIV-XV вв.

В пространство между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы лотоса изображены на зеркалах X-XIII вв., найденных в Сибири [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 65, рис. 49, 50].

Зеркала с солярной орнаментикой характеризуются изображением солнечного круга в центре с лучами в виде переплетающихся линий. Аналогов этому зеркалу немало [Арсланова, 1968, с. 110; Кригер, Железчиков, 1980, рис. 3].

Группа зеркал имеет зооморфный орнамент. Сохранились обломки, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов. Идентичные зеркала найдены в Павлодарском Прииртышье [Арсланова, 1968, с. 110, рис. 135], Хорезме [Кдырниязов, 1981, с. 127, рис. 3, 5], Поволжье золотоордынского времени [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, рис. 13], в Сибири, на Дальнем Востоке [Шавкунов, 1960, с. 235, рис. 6].

Одно зеркало диаметром 14,2 см отличается сложным орнаментом. Его плоскость разбита на три полосы. В центре, видимо, находился медальон. Внешняя полоса занята изображением «звериного гона». Различаются лев, олень и, видимо, собака. Изображения животных

переплетаются растительным орнаментом. Две другие полосы заполнены только растительным орнаментом. Зеркала этого типа датируются XI-XIII вв. Аналогичное зеркало найдено в Минусинской котловине, но, в отличие от отрарского, у него есть пояс с благожелательной арабской надписью [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 104, рис. 99].

Зеркало диаметром 6,5 см грубой отливки с краями разной толщины сделано на месте, по отливке с импортного оригинала. По внешнему его краю идет ободок из восьми медальонов, по внутреннему - из четырех. В каждом медальоне имеется изображение животного. В медальонах внешнего круга различаются кабан (свинья), собака, птица (петух), барс, внутреннего — лошадь, баран. Остальные изображения нечеткие. Между медальонами нанесены иероглифические циклические знаки. Всего их десять. Зеркало помимо своего утилитарного назначения служило календарем с распространенным на Востоке 12-летним животным циклом. Это зеркало, скорее всего, является копией привезенного зеркала из Китая.

Зеркала с изображениями календарного животного цикла, относящиеся к более раннему времени, известны по коллекции из Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 42, рис. 12-13]. Предметы же, связываемые исследователями с календарями, встречены в южно-казахстанских и семиреченских городах в слоях XII-XIII вв. [Сенигова, 1962, с. 156-157, рис. 34].

Изделия из бронзы представлены кувшином с подпрямоугольным, слегка суживающимся книзу туловом, коротким горлом и высоким выделенным сливом. Изогнутая ручка прикреплена к горлу и тулову заклепками.

Среди находок имеется небольшая бронзовая чашечка с отогнутым венчиком, а также ложка, украшенная гравированным орнаментом растительного и геометрического содержания.

Из бронзы и меди, как выше отмечалось, изготавливались различного рода украшения, амулеты. Интересной находкой является литой бронзовый медальон с рельефными изображениями всадника на одной стороне и дракона – на другой [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 146, рис. 86]. Диаметр медальона 4,3 см. На его ободке имеется выступ. Петлевидное ушко его протерто насквозь. Изображение выполнено в невысоком рельефе и очень схематично. На одной стороне показан всадник в островерхом шлеме или шапке с натянутым луком в руках. Повод коня, видимо, привязан к поясу наездника. На левом боку изображен колчан со стрелами наконечниками вверх. Между ногами коня бежит собака либо гепард. Конь показан скачущим, передние ноги выброшены вперед. На оборотной стороне изображен дракон в профиль. Тело его изогнуто в виде кольца, внутри которого находится голова. Тулово слегка перекручено, задние ноги направлены вверх. Лапы когтистые, трехпалые; оскаленная пасть обращена вверх. Сейчас известно несколько идентичных ему медальонов с территории Средней

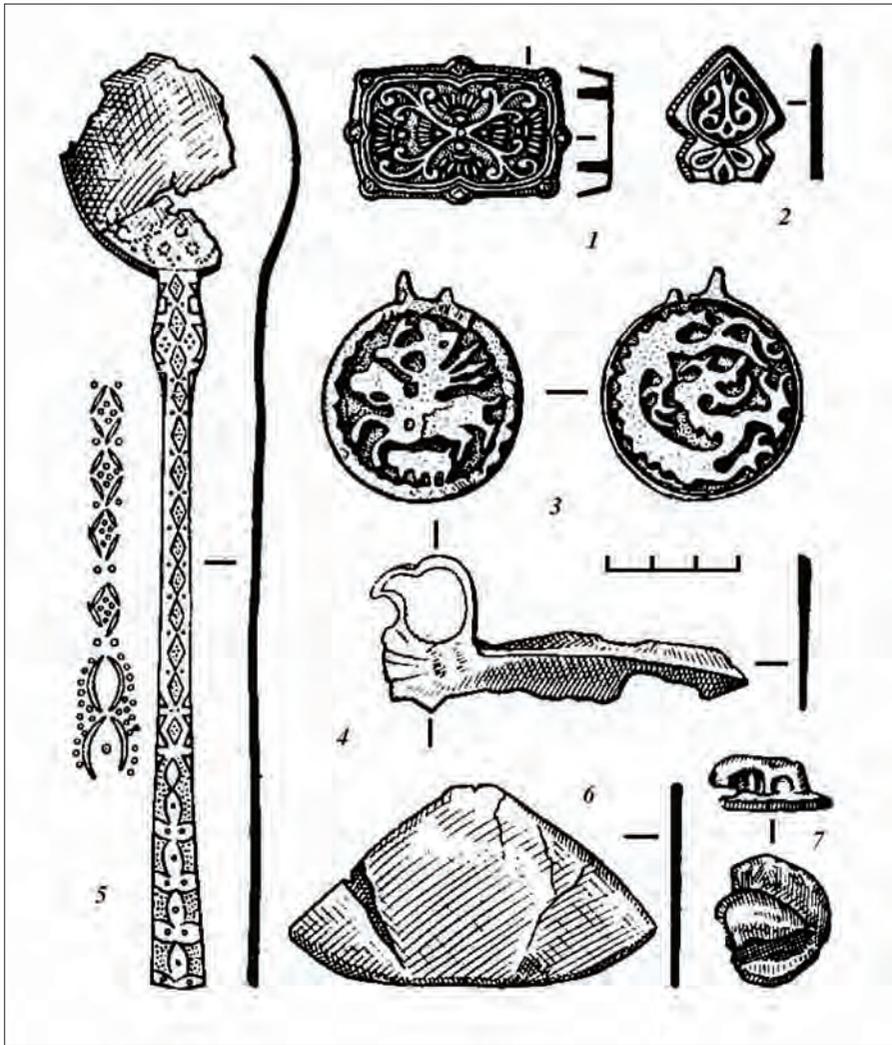

Рис. 178. Отрар. Изделия из бронзы

Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Изображение на них находят широкие аналогии в памятниках прикладного искусства XIII-XIV вв.

Всадник – символ кочевничества, воплощение неуязвимой воинской отваги – к XIII в. уже давно фигурировал в искусстве народов Евразии. С тех пор общий иконографический канон не претерпел существенных изменений. Истоки этого мотива не выяснены. На Ближнем Востоке изображения всадников известны с конца II тысячелетия до н. э. Сцены охоты с участием всадников были распространены в монументальном и прикладном искусстве Востока. Вероятно, сложившийся в XII-XIII вв. изобразительный канон распространился в Средней Азии и Казахстане, Сибири и Китае и просуществовал очень долго, возрождаясь подчас в весьма архаичных качествах.

Животное под ногами коня трактовано настолько схематично, что выглядит нелепым зверем, точное определение которого совершенно невозможно. Впрочем, благодаря тому, что в средневековье воспроизводился канонизированный мотив, иллюстрировавший и традиционные литературные описания, можно высказать предположение относительно того, какое животное изображено под ногами коня. На более тщательно выполненных сценах «охоты» из Ближнего и Среднего Востока и репертуара ориентализированного искусства Византии XII-XIV вв. вид зверя, бегущего под ногами коня, определяется достаточно ясно: это собака [Rice, 1977, p. 205-206]. Однако в Эрмитаже хранится бронзовое зеркало X-XIII вв., очень напоминающее отрарский медальон. Всадник, стреляющий из лука в зверей, которых загоняют гепарды, – аналогичный сюжет имеется на бронзовом зеркале из Ургенлиса [Пугаченкова, Ремпель, 1965, ил. 224, рис. 36]. Все эти произведения являются точными иллюстрациями излюбленной темы средневековой поэзии и народного эпоса – темы охоты. На Востоке место вечного блаженства нередко заменяется метафорой «сад»; воображаемый парадиз часто описывается как охотничий парк. Что касается повествования об охотничьих забавах – они переполняют равным образом и поэзию, и эпосы, и исторические сочинения Востока. На обратной стороне медальона изображен дракон.

Средневековое искусство, с его ментальностью к метафоре и символике благопожелания, имело выраженную сакральную направленность. Символизм подразумевался действенным. Мотив сражения героя с драконом оживал подчас в неожиданных проявлениях. В миниатюрах рукописи Абд-ар-Рахмана ас-Суфи «Таблицы неподвижных звезд» (1437 г.), изготовленной для Улугбека, приводятся астральные символы. Созвездие Дракона передается изображением дракона, Стрельца – изображением всадника, стреляющего из лука [Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 296]. Подобные мифы, легенды и инсценирующие их ритуалы и состязания были знакомы большинству народов Средней Азии и Казахстана. Они особо актуализировались именно в период календарных праздников плодородия и в другие важнейшие моменты жизни. Отрарский медальон тем самым мог быть и амулетом, использовавшимся в каких-то обрядах. Следует также подчеркнуть, что сила мотива драконоборчества не исчерпывалась только его эстетическими и репродуцирующими качествами. Он должен был быть действенным. Он осмысливался всякий раз заново в зависимости от социальной и исторической ситуации в теме борьбы со злом [Акишев, Байпаков, 1981, с. 229-237].

Особого внимания заслуживают бронзовые изделия конца XIV в. из мавзолея Ходжи Ахмета Ясави.

Художественная бронза мавзолея была охарактеризована А. А. Ивановым [Иванов, 1981, с. 68-84]. Последней по времени публикацией бронзовых изделий из мавзолея стал альбом «Мавзолей

Ахмада Ясави», изданный в 2009 г. в Алматы на трех языках (казахский, русский, английский) [Муминов, Моллаканагатулы, Кожа, 2010].

Уникальным изделием является огромный бронзовый *котел*. По форме представляет собой полусферу, установленную на высокой, расширяющейся к низу, цилиндрической подставке. Край котла слегка сужается вверх и имеет широкий горизонтальный бортик с отогнутым вниз наружным краем, который украшен тремя бороздками. Декор внешней поверхности тулова состоит из пяти полос. Первая полоса – широкая, заполнена арабской надписью почерком сульс на фоне волнистого стебля со спирально свернутыми побегам – занимает около половины поверхности котла; орнамент – в виде десяти больших треугольных медальонов с арабесками-ислими внутри и пальметтой на конце и 20 небольшими шишечками; последняя полоса – узкая, около ножки – орнамент в виде пересекающихся дужек. На верхней части ножки идет круговой выступ, ножка не украшена орнаментом. Внутренняя поверхность котла также не орнаментирована [Иванов, 1981, с. 68-69].

Светильники по своей конфигурации одинаковы в нижней части, примерно до середины, но верхние части, особенно резервуары, различны: у трех светильников – цилиндрические, у трех других резервуар в виде приплюснутого шара.

Светильники были отлиты мастером 'Изз ад-Дином ибн Тадж ад-Дином Исфакхани из сплава семи металлов. Поверхность светильников украшена растительным орнаментом, на пояске имеется надпись, исполненная почерком сульс.

Представляет интерес светильник с цилиндрическим резервуаром, установленный в чаше с вертикальным бортиком, он инкрустирован золотом и серебром [Иванов, 1981, с. 68-70]. Внешняя поверхность украшена одиннадцатью полосами орнамента. Первая полоса – широкая, она расположена на резервуаре и целиком заполнена арабской надписью. Вторая полоса – широкая с семью четырехлопастными медальонами, образованными крупными арабесками-ислими, и пальметтами внутри, которые разделены семью крупными плетенками-«узлами», у края полосы сверху и снизу по 14 полулисточков. В третьей полосе изображены 12 треугольных медальонов с пальметтой и двумя полулисточками внутри; следующая полоса – узкая, с орнаментом в виде чешуек, а пятая аналогична предыдущей полосе. Семь больших пальметт, образованных арабесками-ислими и пальметтами внутри, украшают шестую полосу. Очередная полоса – очень широкая с пятью картушами, разделенными таким же количеством круглых медальонов с четырьмя арабесками-ислими и четырьмя пальметтами внутри; в картушах – арабская надпись почерком сульс, межбуквенное пространство заполнено элементами растительного орнамента: восьмая полоса – широкая, на круговом валике с плетенкой из восьми ленточек, фон между которыми обработан крупной сеткой; следующая

Рис. 179. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовые светильники

полоса очень широкая, совпадает по орнаменту с полосой 6, но здесь 11 пальметт и у верхнего края треугольные медальоны; фон внутри пальметт обработан крупной сеткой; на нижнем крае, свободном от орнамента, в более позднее время была вырезана надпись почерком сульс: «Сделал раб 'Изз ад-Дин [сын] Тадж ад-Дина Исфакани в 20-й день благословенного рамазана года 799-го» (17 июня 1397 г.). Десятая полоса аналогична второй, но с 12 медальонами и 12 плетенками-«узлами»; последняя полоса – узкая, с четырьмя круглыми медальонами с вихревой розеткой и полосками орнамента в виде чешуек между ними [Иванов, 1981, с. 68-70].

Следующий светильник имеет цилиндрический резервуар, совершенно аналогичен вышеописанному изделию [Иванов, 1981, с. 70], инкрустирован золотом и серебром. Внешняя поверхность украшена таким же количеством орнаментальных полос. Есть светильник, несколько отличающийся от предыдущих изделий орнаментацией. Под второй полосой, где начинается вертикальная стойка, добавлены

еще две полосы с орнаментом, инкрустирован золотом и серебром. Описываемый тип изделий представлен светильником с нижней частью резервуара в виде приплюснутого шара. Следы крепления инкрустации не сохранились. Возможно, верхняя часть рассматриваемого светильника относится к другому основанию [Иванов, 1981, с. 71-72].

Представляет интерес светильник в виде подставки с двумя драконами [Мавзолеей Кожа Ахмеда Ясави, 2009, с. 156], а также светильник в виде сосуда на поддоне с цепочками и держателями в виде головок льва. Текст надписи последнего: «Султан святых и доказательство праведных Ходжа Ахмад Ясави. Этот светильник превратил в вакф усыпальницы Султана [Ахмеда Ясави] Хадждадж ибн Ваккас Сайраами» [Муминов, Кожа и др., 2010, с. 168-169].

Необходимо отметить еще один тип металлических изделий. На двухстворчатой деревянной двери портала, украшенной резьбой, укреплены два бронзовых *молотка*. Изделия состоят из большой прямоугольной пластинки, прибитой к двери четырьмя гвоздями с большими гранеными шляпками с растительным орнаментом, и собственно молотка в виде фестончатой пальметты с ажурным растительным орнаментом внутри нее, четырьмя небольшими волютообразными выступами и отходящей вниз маленькой прорезной пальметты. В верхней части находятся две головки хищников кошачьей породы. Молоток прикреплен к пластине стержнем, проходящим через скобу и выступающую из пластины большую скульптурную голову хищника кошачьей породы. На нижней части пластины имеется круглый выступ с орнаментом в виде розетки, на которую опирается молоток. Орнаменты и надписи инкрустированы золотом и серебром.

Рис. 180. Дверные молотки с благожелательными надписями

В верхней части каждой пластины расположен ажурный орнамент в виде ряда пальметт и трехчастного листа между ними. Под орнаментом – полоса волнистого стебля с цветами и листьями, заполняющими все пространство.

Вторая пара молотков была укреплена на входных дверях в усыпальницу. Сохранились инкрустированные серебром пластины. Они круглые, с фестончатым краем, и образованы эпитафическим узором из слов, входящих в состав постоянных эпитетов Аллаха. Между фестонами – небольшие закругления, от верхней и нижней пары которых отходят небольшие волнообразные выступы. Внутри молотков – ажурный орнамент из арабесок-ислими и пальметт.

Молотки на правой и левой створке двери содержат надписи, которые переведены на русский язык: «Цель наша – узоры [жизни], что

Рис. 181. Навершие знамени

останутся после нас, Ибо не вижу бытие вечным, Может когда-нибудь владыка сердца с умилением / Однажды помолится за [этого] бедняка». И далее: «В году семьсот девяносто девятом (1396/1397) изготовил раб немощный и просящий (прошения у Бога) 'Изз ад-Дин Таджад-Дин ал-Исаги. Да будет эта дверь открытой, широкой и всегда носящей благо для друзей, узкой и закрытой – для врагов!» [Муминов, Қожа и др., 2010, с. 112-113, 116-117]. Аналогичные изделия с восхваляющими надписями установлены и на двери усыпальницы шейха Ясави.

Одним из ценных памятников эпохи Тимура является бронзовое *навершие* штандарта высотой 98 см. Состоит из двух частей: верхняя – плоская, листообразной формы, с вырезанными в виде узорного орнамента надписями. Кроме того, по краям имеются надписи, наполняющие гравировку. Нижняя часть – конусообразная с двумя шаровидными поясками и надписью между ними: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха и свидетельствую, что Мухаммад – Его раб и Его посланник! О Аллах!» [Муминов, Қожа и др., 2010, с. 134]. По мнению А. А. Иванова, из 11 предметов (котел, шесть светильников и четыре молотка) только применительно к первому можно говорить о заказном характере изделия. В остальных случаях факт специального изготовления трудно доказать.

Интересны также подвесные светильники в виде кувшинов с цепочками, закрепленными снизу на подтреугольной пластине, украшенной головкой хищника кошачьей породы. Оригинальны круглые пластины на дверях [Муминов, Қожа и др., 2010, с. 154-155].

Металлургическое ремесло и изготовление изделий из железа

Впервые при исследовании средневековых городищ Южного Казахстана выявлены и исследованы кварталы ремесленников-металлургов, выплавлявших кричное железо. Остатки этого вида производства обнаружены на территории рабада городища Куйрыктобе.

Центральная часть городища в это время была обжита лишь на отдельных участках, но территория рабада продолжала активно функционировать в XIII – начале XV в. В 2 км юго-восточнее центральных развалин Куйрыктобе находился вододелитель, функционировавший начиная с VI в., распределявший воду по каналам, идущим к городищам Куйрыктобе, Алтынтобе, Мардан-Куюк, Джалпактобе. Как выяснилось, он продолжал функционировать и в XIII-XV вв. Магистральный канал разделялся в 0,5 км юго-восточнее центрального бугра Куйрыктобе и обтекал городище с западной и восточной сторон.

Вдоль каналов находятся бугры – остатки прежних построек, ремесленных мастерских. Поверх них и в осыпях видны шлаки гончарного производства, печной припас, бракованная керамика.

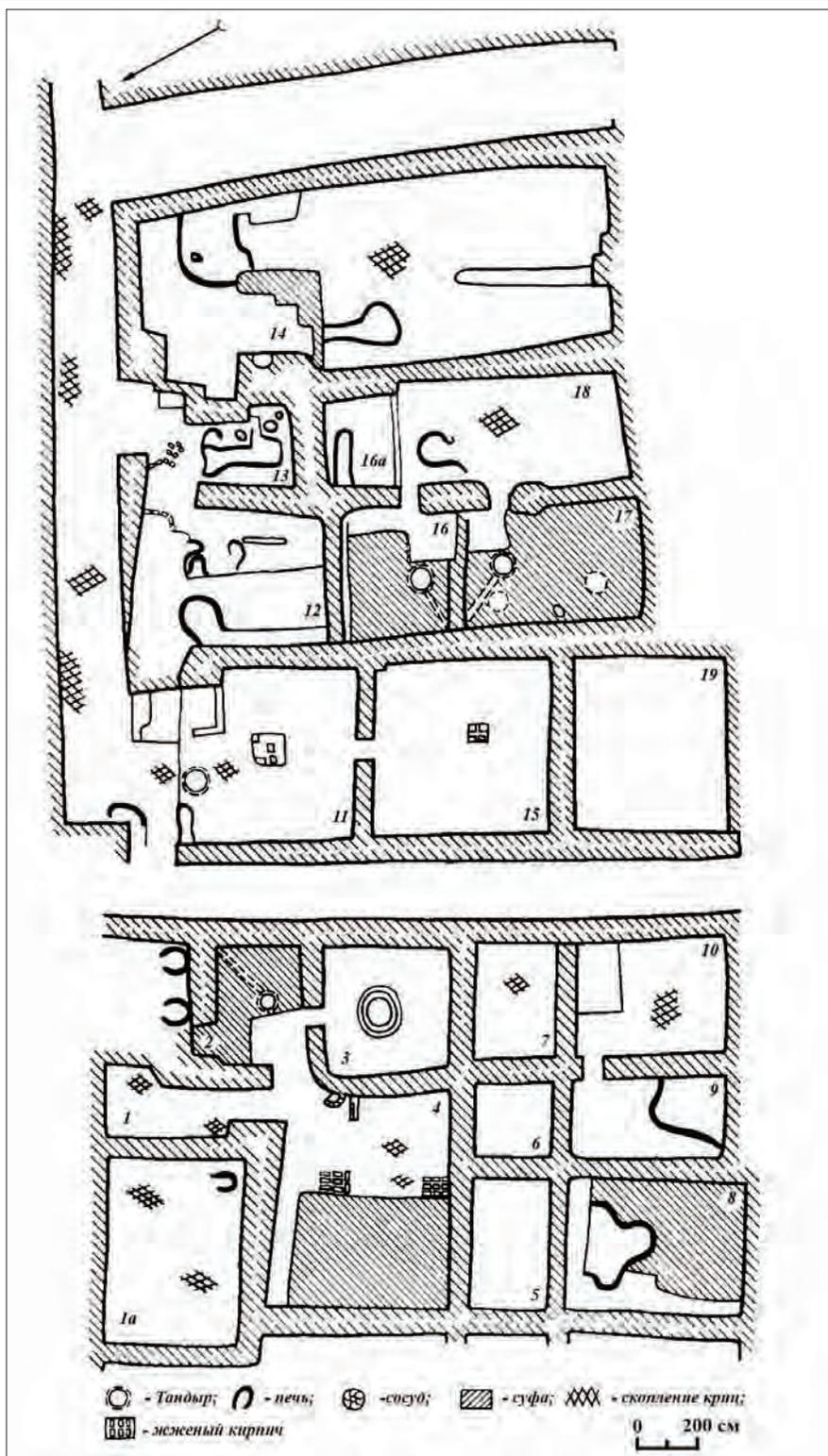

Рис. 181. План комплекса железодельных мастерских

На участке западного канала у подошвы центрального бугра, находится группа холмов в полосе шириной 20-25 м, вытянувшихся в западном направлении почти на 200 м. На их поверхности собрано большое количество криц, в том числе, спекшихся в стопки, шлаков, окалины.

Раскоп на одном из бугров, постепенно расширявшийся, охватил площадь 800 кв. м. Были выявлены остатки мастерских в двух строительных горизонтах. Основная масса построек раскопана по уровню верхнего строительного горизонта.

Жилые постройки верхнего горизонта представлены домами с тандырами, располагаются они группами по сторонам улицы, разделявшей массив застройки на северо-западный и юго-восточный. Ширина улицы 1,8-2,0 м, протяженность - 20 м. Выделено четыре мастерских, в которых жилье совмещалось с производством.

Мастерская 1. В северо-западной части в группе открытых помещений выделяется дом 1 из пяти помещений. Он включает жилое помещение, двор с айваном и хозяйственные помещения.

Помещение 1 — входное. Через него попадали во двор и жилое помещение 2 размерами 4 x 3 м. Большая его часть занята суфой, в которую вмазан тандыр диаметром 0,5 м с дымоходом, проложенным в суфе и подведенным к вертикальному колодцу, устроенному в углу. Помещение погребло в результате пожара. Обугленные балки и жерди перекрытия вместе со слоем сгоревших циновок расчищены на суфе и на площадке ташнау возле устья тандыра. Помещение сообщалось проходом с помещением 3, пол которого находился на уровне площадки ташнау. В центре помещения находится углубление диаметром 1 м с глиняным бортиком шириной 0,3 м, окруженное кольцевой выемкой. Стены помещения, сохранившиеся на высоту 0,5-0,6 м, сложены из сырцового кирпича на фундаменте из квадратного жженого кирпича.

Во дворе дома размерами 7 x 5,8 м располагалась суфа шириной 3,5 м, длиной 5 м, высотой 0,2 м, примыкавшая к северо-западной стене. Поверхность ее обмазана слоем желтой глины. На суфе имелся айван, открытый в сторону дома. Он опирался на две колонны, которые, в свою очередь, стояли на базах из жженого кирпича в один ряд. Размер баз 60 x 80 см. Во дворе у стены помещения 3 на вымостке из жженого кирпича стояла тагора. В помещении 1а, также относящемся к дому, на полах было собрано свыше 60 криц. Каждая из них представляет собой конусовидную болванку с углублением на торцевой стороне. Диаметр криц – от 12 до 18 см, вес – от 0,5 до 1,2 кг. Крицы найдены также во дворе, в помещении 3 и в коридоре. Всего собрано 80 штук.

Юго-восточный массив построек состоял из 10 помещений, которые объединяются в три комплекса.

Мастерская 2. С улицы попадали в помещение 11 площадью 18 кв. м. Восточная стена его не сохранилась. Большая часть помещения

занята суфой, в которую вмазан тандыр, выходящий на уровень пола и заполненный мелкими крицами (20 штук). На суфе высотой 0,4 м имелась вымостка вокруг базы, на которую опирался центральный столб, поддерживающий кровлю. Здесь же расчищен слой пожарища с остатками балок перекрытия. Из помещения 11 проход с порогом из жженого кирпича вел в помещение 15 размерами 6 x 5,8 м. В центре его на полу расчищена база опорного столба, подпиравшего кровлю.

Помещения 13 и 12, видимо, составляли с помещениями 11 и 15 единый комплекс. Для них характерно наличие в полах и на суфах углублений (0,5-0,7 м) с прогоревшими стенами в сочетании с желобами и ямками, по всей вероятности, как-то связанных между собой. В заполнении их найдены куски прокаленной обмазки, кусочки древесного угля, шлаки, зола, большое количество криц.

Мастерская 3 объединяет помещения 16, 16а, 17 и 18. Помещение 16 размерами 4,5 x 3,5 м почти все занято суфой высотой 0,3-0,4 м. В край суфы вмазан тандыр, выходящий на площадку ташнау, плотно утрамбованную, серого цвета. В помещении 17 размерами 3,5 x 6 м также устроена суфа с вмазанным тандыром, имеющим дымоход. Через площадки ташнау оба помещения соединялись с помещениями 16а и 18. Первое, отгороженное тонкой стенкой от всего дома, видимо, служило двориком. Размеры его 3,2-3,5 x 10 м. Устья обнаруженных здесь ям заполнены углем, кусками прокаленной земли и золы. В центре помещения 18 расчищено скопление криц. Они также встречены в завалах, на полах помещений – всего 60 штук.

Мастерская 4 состоит из помещения 14 размерами 16 x 5-6 м. В полу расчищены аморфные ямы, заполненные золой и крицами, а на поверхности собрано около 40 криц (всего 50 штук, или 400 кг железа).

Большое количество криц (100 штук) обнаружено и на улице к северу от застройки. Всего же на площади раскопа собрано не менее 2 т железа в крицах.

При раскопках помещений, в завалах, на полах, собрано большое количество керамики. Поливная керамика верхнего строительного горизонта представлена чашами, покрытыми голубой и желтой поливами с росписями растительного и геометрического характера.

На суфе помещения 16 найден клад монет, спекшихся в столбики. После очистки и расслоения получилось 9 экземпляров танга-и мири весом 1,35-1,5 г и 12 монет «нимданговая тангача» весом $\frac{1}{3}$ мири и $\frac{1}{12}$ танги. Танга-и мири чеканились от имени Тимура и хана Суюргат-мышы в 787-788 г. х., хана Махмуда 790, 793 г. х., Мухаммада Джахангира и амира Халил Султана в Самарканде (определение В. Н. Настича и Р. З. Бурнашевой).

Таким образом, керамика и монеты датируют верхний строительный горизонт второй половиной XIV — началом XV в.

Среди посуды, относящейся к нижнему горизонту, преобладают чаши на кольцевом с выступом поддоне, покрытые желтой, зеленой,

болотного цвета поливами поверх красного ангоба. Джагатаидские дирхемы, найденные здесь же, позволяют датировать его второй половиной XIII – первой половиной XIV в.

Отсутствие в числе находок руды свидетельствует о том, что переплавка ее в металл производилась вблизи рудных разработок. Об этом свидетельствуют материалы по средневековой металлургии других районов [Массон, 1953, с. 25, 38; Литвинский, 1954, с. 165].

По нашему мнению, в мастерские Куйрыктобе доставлялось сырое железо в так называемых спецкрицах. Такую крицу необходимо было дополнительно обработать – выжать шлак, сварить железо в монолитный кусок, поддающийся ковке. Отделение шлака могло происходить путем дробления спецкрицы и последующей ее сварке в специальных плавильнях [Колчин, Круг, 1965, с. 209, 215]. Такой путь получения чистого черного металла прослежен в процессе изучения металлургии чжурчженей [Леньков, 1974, с. 98-100] и на Востоке [Мариенбах, 1957, с. 19-20].

Из спецкрицы, как позволяют судить в первую очередь археологические исследования, получали также сталь. Чжурчженские мастера разогревали ее в горнах, а затем быстро погружали в холодную воду. Поверхность крицы становилась хрупкой и окалина легко скалывалась с тулова. Многократный прогрев, охлаждение и проковка постепенно превращали крицу в тонкую стальную пластинку [Леньков, 1974, с. 101-102]. Такой способ получения стали в мастерских Куйрыктобе подтверждается скоплением окалины и кусочков хрупкой не углеродистой корки вблизи мест плавки, а также наличием во дворе комплекса мастерской 1 тагоры на специальном фундаменте для охлаждения криц.

Отсутствие специальных плавильных печей на Куйрыктобе указывает на то, что плавка железа осуществлялась предельно простым способом, широко использовавшимся древними металлургами. Для этого в неглубокую грунтовую яму загружали шихту – смесь древесного угля с рудой или угля и сырых криц. Яму плотно закрывали, предварительно поджигая ее содержимое. В процессе горения происходило восстановление окислов железа и получалась кондиционная крица. Такой процесс плавки характерен для отрарских металлургов и более позднего времени [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982].

Отсутствие в мастерских Куйрыктобе сопел, флюсов наводит на мысль о применении естественного дутья и о тигельном способе плавки металла. В этом случае в печь ставили толстостенные тигли с сырьем, затем загружали ее топливом, процесс горения которого происходил за счет естественного притока воздуха. Находки в мастерских толстостенной «кухонной» посуды подтверждают применение такого способа плавки. Важно отметить, что тигельная плавка возможна в обычных очагах, как это зафиксировано на Шайгинском городище [Леньков, 1974, с. 64-67]. Для плавки металла в Куйрыктобе

использовались тандыры с дымоходами несколько специфической конструкции. Они характеризуются, во-первых, широким основанием из специально изготовленного жженого кирпича, во-вторых, наличием обрушенного пода с продухами, что позволяет считать их двухъярусными, и, в-третьих, отсутствием на площадках ташнау сливных устройств. Именно такие тандыры обнаружены в помещениях 16 и 17 в мастерской 3. Тандыр в помещении 14 мастерской 2 был даже загружен крицами, видимо, подготовленными к переплавке. Таким образом, можно считать, что наряду с «земляными» металлургическими печами в мастерских функционировали двухъярусные тандыры-горны.

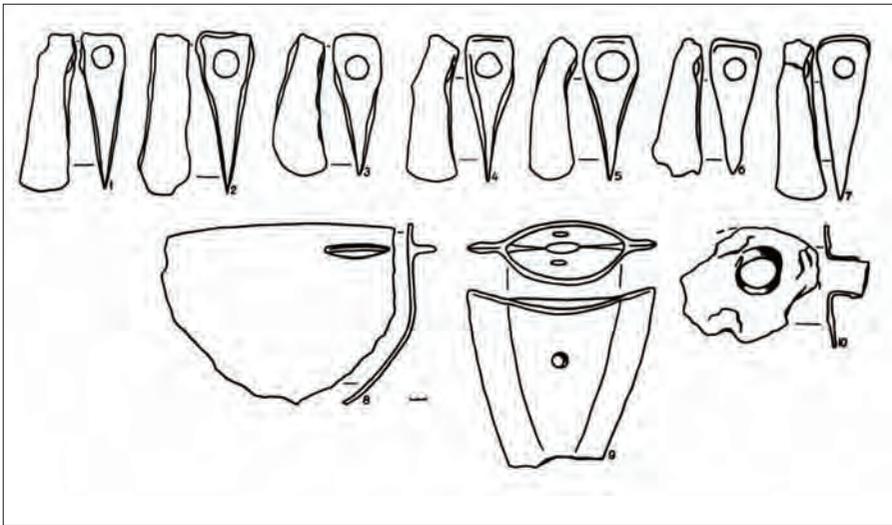

Рис. 182. Городище Алматы I. Железные изделия

В нижний ярус загружали топливо (древесный уголь), на пол ставили тигли с сырьем.

В дальнейшем кузнецы из черного металла изготавливали различные бытовые и хозяйственные изделия, предметы вооружения. Так, в раскопках жилых кварталов в ремесленных мастерских были найдены изделия из железа: серпы, ножи, чоты, ножницы, клещи, различные крючки, гвозди, скобы, лопата. Из железа и чугуна изготавливали кетмени, наконечники пахотных орудий, удила, стремена и подковы для верховых и вьючных животных, котлы. Многочисленная коллекция наконечников стрел характеризуется преобладанием плоских черешковых ромбовидной формы. Встречены квадратные в сечении наконечники, но они единичны. Защитный доспех из железа представлен кусками кольчуги из железных колечек.

Рис. 183. Алтын-Асар. Клад железных сельскохозяйственных орудий из погребения

Пока очень мало данных о характере ремесел, связанных с обработкой черного металла – кузнечного, слесарного и других. Видимо, существовала и развивалась специализация мастеров. Этнографические наблюдения за ремеслом среднеазиатского города XIX – начала XX в. свидетельствуют, что изготовление наконечников пахотных орудий, втулок для колес, котлов и светильников находилось в руках чугульщиков (чуянгар) и котельщиков (дегрес). Это был один из наиболее развитых видов ремесла. Обычно мастерские находились при жилье, и в центре их располагались печи для обжига форм, горны для плавки чугуна.

Наибольшая специализация наблюдалась в кузнечном ремесле. Так, выделялись группы кузнецов – специалистов по мелким изделиям (дверные цепи, подковы, гвозди, удила); мастеров, делавших инструменты для плотников и каменщиков; ремесленников, изготавливавших ножи, ножницы, бритвы. В Хорезме существовали группы мастеров, делавших лопаты и кетмени, теши и балта (топоры), подковы и гвозди. Некоторые специализировались на изготовлении серпов (урак) [Джаббаров, 1971, с. 78-82].

Кирпичеобжигательное ремесло

Письменные источники повествуют об активном строительстве в сырдарьинских городах в конце XIII – XVI в., в частности, медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений в Отраре, Дженде, Барчкенте [СМИЗО, 1941, с. 129, 153], мавзолеев в Сауране. Широко известны монументальные постройки эпохи Тимура — мавзолей Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане и Арыстан-Баб вблизи Отрара [Массон, 1930]. Культовые постройки и мавзолей сооружались в других городах, например, мавзолеем Кок-Кесене, мавзолеем Бозока, Жайыка, Сарайчика [Пугаченкова, 1976, с. 81-82].

Для строительства общественных и жилых построек необходим был жженный кирпич, а, следовательно, и специальные печи для его обжига.

К настоящему времени на Отраре и расположенном поблизости городище Куйрыктобе открыто семь печей XIII-XIV вв., причем одна в комплексе с жилыми постройками.

Комплекс отарской кирпичеобжигательной мастерской находился на южной окраине города, приблизительно в 500 м от центрального бугра, на берегу водохранилища. Жилые и производственные помещения, обнесенные стенами из сырцового кирпича, группировались вокруг кирпичеобжигательной печи. Два строительных периода, зафиксированных здесь, определяются в пределах второй половины XIII – середины XIV в.

Центральной постройкой комплекса была двухъярусная печь, прямоугольная в плане, размерами 57 x 7,7 м по внешнему обводу. Длинные стены обжиговой камеры сложены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 36 x 24 x 8 см и имеют толщину до 1 м.

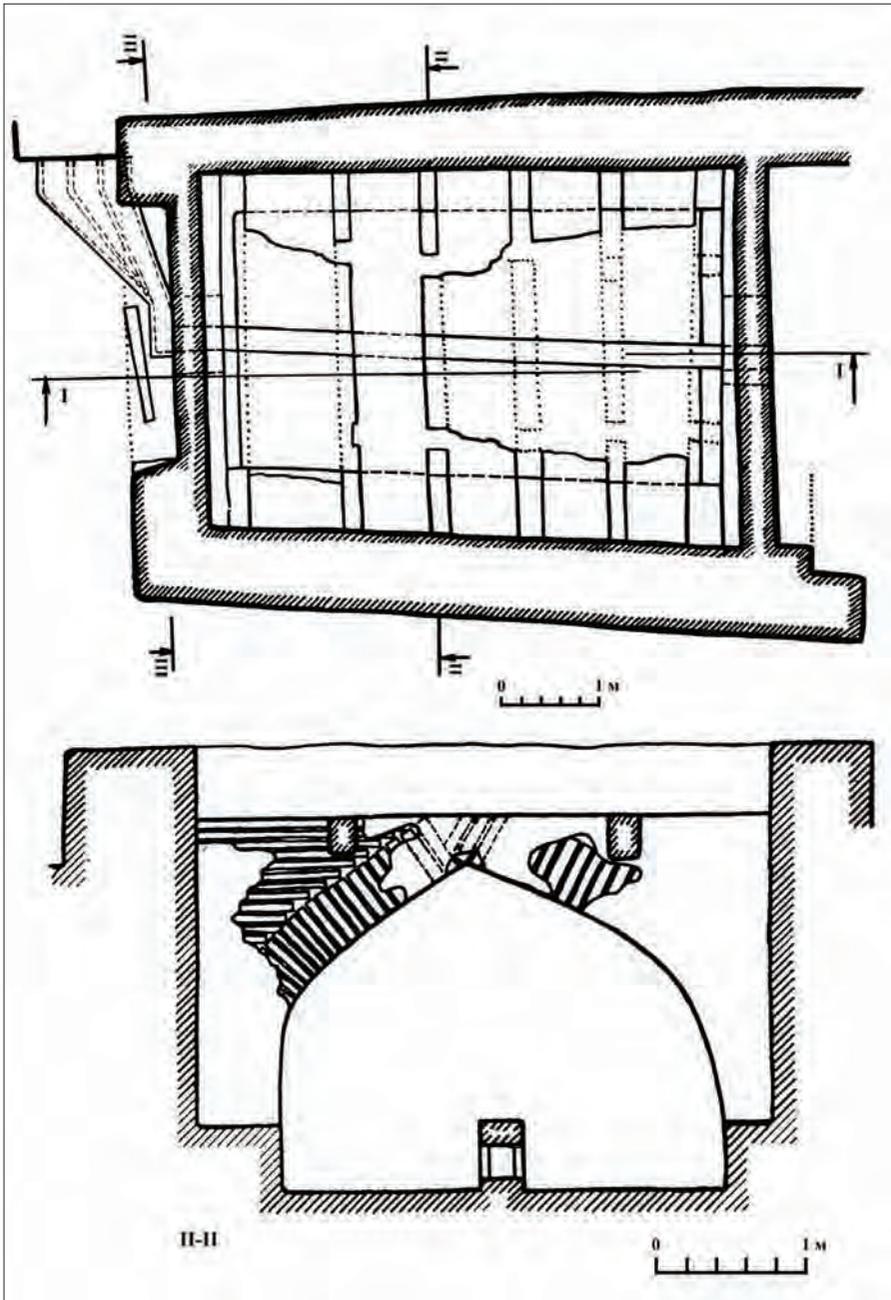

Рис. 184. Отрар. План и разрез кирпичеобжигательной печи

Короткие стены более тонкие — до 0,5 м.

Топочная камера печи размером 2,9 x 4,7 м сооружена из квадратного жженого кирпича: 24 x 24 x 5 см, 26 x 26 x 5 см и 36 x 36 x 8 см. Устье топки в виде овального отверстия находится с фронтальной стороны. Внутри топка оштукатурена, обмазка прокалена и ошлакована. Топка была перекрыта пятью арками из

жженого кирпича. Сохранились лишь две крайние. Ширина верхних плоскостей арок равна 0,7 м, крайней северной – 1 м. Пазухи арок заполнены также жженым кирпичом. Высота от уровня пола до замка арок – 2 м. Между арками сделаны продухи, разделенные перемычками шириной 20-21 см. По длинной оси топки проходит дымоходный желоб из жженных кирпичей размерами 26 x 26 x 5 см, поставленных на ребро и положенных плашмя сверху, нижняя ее часть имеет вид канавки глубиной 0,2 м. Между кирпичами, поставленными на ребро, имелись щели шириной 2-3 см. Желоб соединялся с четырьмя выведенными почти вертикально воздуходувами, которые служили

Рис. 185. Отрар. Дымоходный желоб кирпичеобжигательной печи

*Рис. 186. Отрар. Кирпичеобжигательная печь на северном рабаде.
Остатки арок*

*Рис. 187. Отрар. Кирпичеобжигательная печь на северном рабаде.
Остатки арок*

для регулирования температурного режима печи. Располагались они снаружи в верхних углах топки. Дымоходы в верхней части быстро изнашивались и потому заменялись новыми. В каждом из углов прослеживаются остатки не менее трех одновременных каналов.

Обжиговая камера почти не сохранилась. Подом ее служили верхние плоскости арок. Размер камеры 5,5 x 4 м, сохранившаяся высота стенок – 0,4 м. Перекрытие камеры, видимо, было коробовым. Высота свода установлена лишь предположительно. Основываясь на

средневековых миниатюрах с изображениями кирпичеобжигательных печей, Е. Б. Пругер определяет ее в 3,5 м [Пругер, 1969, с. 238]. Загрузка кирпича производилась через устья в торцовых стенах. Перед устьем топки имеется углубление диаметром около 2 м.

С фасада печи находится проход шириной до 3,5 м, видимо, игравший роль айвана. С противоположной стороны удалось проследить незастроенную площадку с твердым, утрамбованным полом. Здесь, скорее всего, выгружали и складировали готовую продукцию. С западной стороны печи идут два ряда помещений. В каждом ряду насчитывается по три комнаты. Судя по находкам (поливная керамика – чаши, блюда, чираги) и устройству (наличие очагов на полах, суф, ниш в стенах, качественная обмазка полов), все они жилые.

Слева от печи расположен ряд жилых помещений. Выяснилось, что в первый период здесь были два двухкомнатных дома. Одно помещение с тандыром было жилым, в другом располагались закрома. Во второй период один из домов превратили в производственный комплекс. По монетам, найденным при раскопках, комплекс датируется второй половиной XIII - серединой XIV в., а по находкам керамики, бронзовому зеркалу, нашивным бляшкам – XIII-XIV вв.

Этот комплекс – первый объект такого рода, раскопанный в Средней Азии и Казахстане. Печи же, подобные отрарской, известны в Самарканде [Шарахимов, 1974, с. 84-89] (XIII-XIV вв.), Талайхан-Ате (Хорезм, конец XIV - начало XV в.) [Вишневская, 1958, с. 462-466]. Печь Отрара отличается размером и деталями, в частности, дымоходом.

Печь, раскопанная на северном рабаде и датируемая концом XIII – XIV в., имела топку размерами 2,7 x 5 м, частично впущенную в культурный слой XI-XII вв. Верхняя часть топки сложена из жженого квадратного кирпича размерами 22 x 25 x 4 см, 26 x 26 x 5 см, 24 x 24 x 5 см. Из 10 арок сохранились 6 в виде выступов у стен. Ширина верхних плоскостей арок равна 30 см, ширина продухов – 15-18 см.

Еще две печи раскопаны в 2 км западнее центрального бугра Отрара. Сохранность их плохая: у одной расчищена лишь топочная камера и часть обрушившихся арок, у другой - часть топки. Печи идентичны. Общие размеры по внешнему обводу составили 5 x 5,5 м. Толщина коротких стен 1 м и длинных - 0,5 м. Топки размерами 1,4 x 3,5 м впущены в землю на глубину до 1,3 м. Стенки сложены из квадратного жженого кирпича. Восемь арок с заложенными пазухами образовывали под обжиговой камеры, опираясь на уступы. Ширина верхних плоскостей арок 25-26 см, ширина продухов 20 см.

Устье топки в виде проема овальной формы размерами 60 x 70 см находилось с западной стороны. Высота топки от пола до замка арок составила 2 м. Обжиговая камера размерами 3,5 x 4 м сложена из сырцового прямоугольного кирпича размерами 30 x 20 x 10 см.

Собранный при раскопках комплекс керамики позволил отнести функционирование печей к концу XIII - первой половине XIV в.

Двухъярусная кирпичеобжигательная печь раскопана на территории рабада городища Куйрыктобе. Обжиговая камера ее

разрушена, сохранилась лишь топка. Это заглубленная в землю, почти квадратная в плане постройка, вытянутая по линии север – юг. Длина печи - 2,9 м, ширина - 2,8 м. Высота стен до пода 1,5 м. Вход в топку в виде арки находился с северной, фасадной стороны и имел ширину 1 м, высоту - 1 м. Под обжиговой камеры опирался на семь арок, от которых сохранились пристенные обломки. Толщина арок стандартная - 30 см, промежутки между ними равны 16 см.

При расчистке печи собрана коллекция керамики. Поливная керамика представлена фрагментами чаш на фигурном кольцевом поддоне, покрытыми красной и зеленой поливой поверх красного ангоба. Снаружи по красному ангобу красной краской более темного тона нанесен рисунок в виде аркады. Такая керамика характерна для второй половины XIII - первой половины XIV в.

При сравнении печей Отрара между собой и с печами других городов обнаруживается общий принцип их устройства, восходящий к более раннему времени. Все печи двухъярусные, четырехугольные в плане. Топки их перекрыты арочными конструкциями, служившими подом. Продухи служили для подачи в обжиговую камеру жара. Дым выводился или через отверстие в своде, или же по специальному дымоходу. Разная ширина верхних плоскостей арок позволяла получать кирпич разных размеров. На широких полках умещались по два кирпича размерами 40 x 40 x 5 см.

Сложное устройство вывода дыма и терморегулирующая система давали возможность в этой же печи производить обжиг поливных изразцов и плит, используемых в строительстве.

Кирпичеобжигательные печи городища Бозок

На территории городища Бозок раскопаны две кирпичеобжигательные печи. Они относятся к сооружениям, конструкция которых традиционна и стандартна с X по XV вв. для территории Казахстана и Средней Азии. Печи были двухъярусные. Нижний ярус заглублен в землю, размеры его 3,5 x 2,0 м; глубина – 1,8 м. Стены построены из сырцового кирпича, замешанного из глины и озерного ила. Печи вытянуты по линии север – юг. Топочные отверстия, через которые шла загрузка топлива, устроены с торцовых сторон. Перекрытие нижнего яруса сводчатое. Свод топки был арочным, между арками оставались продухи – щели для циркуляции жара и поступления его в обжиговую камеру. Ширина арок, разделенных продухами – 25-26 см. Обжиговая камера (верхний ярус) строилась над огневой камерой. Ее размеры 3,5 x 2,5 м, высота была около 2 м. Печь имела псевдоарочное перекрытие стрельчатой формы. При такой форме арки под потолком обжиговой камеры оставался небольшой «тоннель», необходимый для циркуляции газов.

Просушенные кирпичи загружались в обжиговую камеру. Отверстие плотно закрывалось. Обжиг кирпичей производился при температуре 800-1100°C. Произведенные расчеты объема печи и кирпичей позволяют предположить, что одновременно в печь могло

Рис. 188. Городище Бозок. Кирпичеобжигательная печь

загружаться до 600-800 кирпичей. Это были высокотехнологические производственные сооружения [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 241].

Кирпичеобжигательная печь городища Жайык

Восточная периферийная часть городища была занята мастерскими по производству жженого кирпича. В результате раскопок расчищена сохранившаяся топочная (огневая) камера одной из кирпичеобжигательных печей прямоугольной формы. Ее внутренние размеры: длина 4,9 м, ширина – 3,25 м, высота 1,8 м.

Для постройки печи был выбран край надпойменной террасы, являвшийся восточным краем городища, в которой был вырыт котлован до уровня слоистой красно-коричневой глины, послужившей и уровнем пола топочной камеры. В южной торцовой стене устроен вход в топку печи. Стенки печи выложены из сырцового кирпича размерами 30 x 30 x 8 см. От входа вниз в огневую камеру вел спуск с уклоном в 30 см, обмазанный глиной, смешанной с дробленным жженым кирпичом.

Ширина входного проема 1,4 м, высота до внутренней части первой арки – 0,85 м. Топочная камера представляет собой котлован в материке, облицованный обожженным кирпичом и перекрытый восемью арками. Над арками был выложен под обжиговой камеры, в котором между арками оставлены сквозные отверстия-продухи. Кирпичи в продухах в вертикальном положении, высота кладки колеблется от 4 до 6 кирпичей. Размеры кирпичей: 30 x 30 x 8-10 см, 32 x 20 x 10 см.

Из восьми арок полностью сохранилась лишь первая перед входом, она деформирована, но по ней можно реконструировать все

Рис. 189. Городище Жайык. Кирпичеобжигательная печь

остальные обрушившиеся. Высота арки от уровня основного пола 1,65 м; ширина пролета 3,25 м с увеличением у основания на 0,1 м. Замком арки служит отесанный клинообразный кирпич. Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней стороны покрыта толстым слоем обмазки. Обследование топки печи показало, что она подвергалась многократному ремонту, это видно по многослойной обмазке.

Исследованная кирпичеобжигательная печь городища Жайык является типичным производственным сооружением подобного рода. Хронологически и территориально ей близка печь, исследованная на городище Сарайчик: прямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии север-юг и сооружена из кирпича размерами 36-37 x 36-37 x 7-8 см. Внутренние размеры топочной камеры 2,5 м в поперечнике, длинная сторона была около 4,4 м. Перекрытие топочной камеры покоилось не менее чем на семи арках, которые являлись основанием для обжиговой камеры. Печь датируется XIII-XIV вв.

Вероятно, подобная конструкция кирпичеобжигательных печей в золотоордынские города Поволжья и Урала была занесена из Средней Азии и Южного Казахстана.

В золотоордынское время аналогичные по конструкции печи известны по раскопкам в Хорезме, в пригороде древнего Отрара и на городище Куйрыктобе.

Печь на городище Сарайчик

Остатки керамической печи были обнаружены у западного края развалин в срезе правого берега реки на глубине 2,1 м от поверхности и

представляют собой в настоящее время ряд полуциркульной формы дуг, расположенных параллельно одна другой с промежутками между ними от 13 до 20 см, а между последней (южной) дугой и задней стенкой – 8 см. Дуги эти были сооружены из крупного сырцового кирпича-плитки размерами 36-37 x 36-37 x 7-8 см, уложенного на глиняном растворе так называемой «клинчатой» кладкой при помощи опалубки (кирпич облегает кривую арки ребром). Боковые пазухи всех дуг были заложены таким же кирпичом, уложенным плашмя на глиняном же растворе. Всего таких дуг сохранилось семь – шесть полных и одна неполная. Все дуги в нижней их части – с трех сторон (за исключением стороны, дуга которой примыкает к боковым стенам печи), в верхней – со всех сторон, а также задняя (южная) стена носят следы неоднократной штукатурки глиняным раствором с примесью рубленого камыша или соломы. Таких слоев штукатурки насчитывается до пяти, что свидетельствует о том, что печь эта использовалась значительное время.

Общая толщина дуг с многослойной обмазкой доходила до 42-47 см. Высота их в средней, наиболее высокой части до уровня нижнего края кладки (радиус), равнялась 1,2 м, а до корытообразно-углубленного в середине «пода» – 1,65 м. Диаметр их у основания неодинаков: первой дуги (северной), сохранившейся до настоящего времени, – 2,57 м; второй – 2,51 м, третьей – 2,43 м, четвертой –

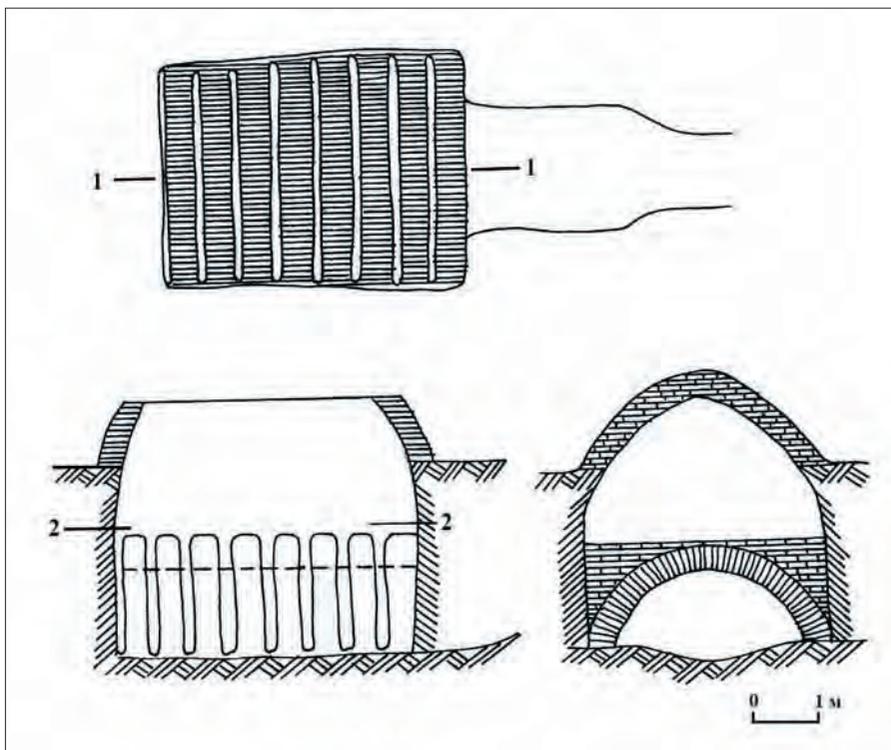

Рис. 190. Городище Сарайчик. Кирпичеобжигательная печь

2,4 м, пятой – 2,4 м и шестой – 2,35 м, т. е. диаметр их постепенно уменьшается к задней стенке.

Образованная этими дугами камера с полуциркульной формы сводом и с глухой южной стенкой до самого верха была заполнена обломками обожженной докрасна глины. При расчистке камеры средняя часть этих дуг из-за пережога и давления лежавшего на них грунта, сразу же стала рушиться, вследствие чего была начата выборка этого грунта на площади, соответствующей площади нижней камеры. При расчистке грунта выявились очертания прямоугольной формы ямы, на боковых и задней стенках которой местами были обнаружены следы копти. Яма эта, судя по ее расположению, по-видимому, является остатками обжигательной камеры, стенки которой ранее были либо облицованы кирпичом, а затем оштукатурены, либо просто оштукатурены. Остатками этой штукатурки, просыпавшейся сверху через промежутки между дугами, и была заполнена нижележащая сводчатая камера. Отмеченная выше задымленность земляных стен верхней камеры образовалась от просачивания дыма через случайные трещины в штукатурке или кирпичной кладке стен.

Судя по сильному обжигу нижележащих дуг, образованная ими сводчатая камера была огневой камерой печи, вертикальные промежутки между дугами – жаропроводящие каналы, или продухи, а горизонтальная площадка, образованная верхними гранями этих дуг с заложенными пазухами, служила подом камеры обжига.

Длина сохранившейся части огневой камеры с западной ее стороны, где сохранилась часть седьмой дуги, была 4,4 м; а с восточной – 3,7 м. Какова была первоначальная длина всей камеры и каким образом загружалось в нее топливо, установить не представилось возможным ввиду того, что весь северный конец ее, где была расположена топка печи, оказался разрушенным и смытым водой реки. Длина сохранившейся части ее с севера на юг – около 4,5 м, а ширина – около 3,5 м.

Корытообразной формы «пол» огневой камеры был покрыт толстым (до 45 см) слоем золы. Судя по структуре последней, топливом служил камыш или солома [Пацевич, 1956б, с. 221-224].

Исследователь определил как гончарную, что не соответствует ее назначению как печи для обжига кирпича.

Производство кыра

В 200 м южнее основного бугра Отрара, напротив южной угловой башни, находится округлый в плане бугор диаметром 30 м и высотой 3 м. Раскоп размерами 30 х 20 м выявил под верхним слоем (20 см) дерна, надувного лесса и рыхлой корки кирпичную кладку. После расчистки выяснилось, что это ташнау со сливным отверстием. В дальнейшем был обнаружен тандыр-очаг плохой сохранности, с диаметром у дна 82 см. Топка, полностью разрушенная, находилась в восточной стороне.

Отверстие дымохода обнаружить не удалось. На внутренней стороне тандыра имеется рисунок в виде прямых насечек. По-видимому, в последнее время тандыр использовался не по назначению, так как был забит фрагментами керамики. Площадка ташнау неправильной четырехугольной формы, размерами 1,05 x 1,45 м, вымощена обломками жженого кирпича. В центре находился кирпич (38 x 38 x 5 см) со сливным отверстием.

Стены постройки толщиной в один сырцовый кирпич сохранились плохо. Западная стена почти не прослеживается, и поэтому дымоход или пятно дымохода не выявлено. Это помещение можно отнести к первому строительному горизонту. Ниже выявлен ряд помещений.

Помещение 1 размерами 5 x 3 м, стены его выложены из серого кирпича, положенного плашмя вперевязку. Тандыр сдвинут к центру. Дымоход выведен к колодцу в восточной стене. В южной части помещения находилась круглая ванночка из жженого кирпича. Назначение ее определить трудно, но при расчистке обнаружилось, что дно ванны покрыто слоем кыра толщиной 1-1,5 см. Диаметр ванны 1,1 м, глубина – 20-23 см.

В помещении 6 размерами 7,05 x 4,9 м хорошо прослеживались южная и восточная стены. В северном углу находился заком размерами 1,7 x 0,75 м. Пол его выложен жженым кирпичом. В заполнении, кроме фрагментов керамики, ничего обнаружить не удалось. В южном углу находилась хозяйственная яма диаметром 0,8 м, глубиной 42-45 см.

Помещение 5 (7 x 3,95 м) прямоугольное в плане. В его северном углу обнаружена массивная крышка тандыра. Диаметр ее 70 см, толщина – 3,5 см. В том же углу сохранилась дугообразная перегородка из жженого кирпича. Все помещение заполнено битым сырцовым кирпичом.

Помещение 2 имело размеры 4 x 2,95 м, помещение 3 – 3 x 3 м и помещение 4 – 6,03 x 3 м. Все они заполнены золой, битым кирпичом. Помещения 1, 2, 3, 4, 5, 6 условно объединены в комплекс А. Этот комплекс, видимо, состоял из двух домов. Первый включал помещения 6, 5, 4, из которых помещение 6 — кладовая, помещение 5 – зимнее, помещение 4 – летнее в виде айвана открытого типа. Второй дом состоял из помещений 1, 2, 3. Первое помещение зимнего типа, помещения 2 и 3 сохранились плохо.

В южной части раскопа обнаружена выкладка из жженого кирпича. После зачистки были выявлены две ванны, похожие на закома. Левая (южная) размерами 1,4 x 0,6 м разделялась перегородкой, причем передняя часть была заполнена кыром. Вторая (северная) ванна, без перегородки, полностью заполнена кыром. Высота стенок ванны 22-25 см.

К северу от правой ванны располагалась подковообразная перегородка из жженого кирпича (длина 1,28 м, высота – 0,3 м).

В центре площадки-выкладки находилась круглая в плане

ванночка диаметром 56 см. Как сама ванночка, так и ободок, выложены из обломков жженого кирпича.

В западной части раскопа также обнаружена круглая ванна, диаметром 1 м при высоте стенок 15 см. Она также заполнена кыром. Южнее находилась еще одна круглая ванна таких же размеров. Полы площадок и дно ванн выложены битым кирпичом. Целый квадратный (25 x 25 x 5 см) кирпич встречается крайне редко.

Слева от прямоугольных ванн находилась подковообразная перегородка диаметром 122 см.

Помещение 7 прямоугольное в плане, размерами 4,4 x 2,7 м. Стены сложены из сырцового кирпича без обмазки. В центре помещения обнаружена кладка из жженого кирпича. Заполнение помещения составляют в основном битый сырцовый кирпич, слои зольника, несколько фрагментов поливной керамики.

Помещение 8 почти квадратное в плане, размерами 3,4 x 3,2 м. Стены также плохой сохранности, выложены в два кирпича, положенных плашмя в перевязку. Высота лучше сохранившегося участка южной стены – 30 см. Возле этой стены обнаружены хум (диаметр горловины 26 см) и хумча (диаметр горловины 18 см, диаметр донца 15 см), заполненные кыром.

Помещение 9, прямоугольное в плане, имело размеры 4,8 x 3,8 м. В северной его части находился тандыр, рядом – вымостка ташнау. Тандыр плохой сохранности, небольшой по размеру, диаметром 0,5 м. Топочное и дымоходное отверстия обнаружить не удалось. Ташнау круглое, диаметром 68 см. Между ним и тандыром стоял сосуд, тоже с кыром. Пол ташнау выложен из обломков жженого кирпича.

Помещение 10 размерами 3,55 x 3,4 м и помещение 11 размерами 3,5 x 2 м возведены из сырцового кирпича.

Помещения 7, 8, 9, 10, 11 и вымощенная площадка с ваннами объединены в комплекс Н, который условно можно назвать производственным. Об этом говорит наличие ванн со строительным материалом, сосудов с тем же материалом, отсутствие или почти полное отсутствие фрагментов керамики, в частности, кухонной. Вымощенная площадка с ваннами – это непосредственно мастерская, а помещения 7 и 8 – подсобные. К ним можно было бы причислить и помещения 10, 11, но плохая сохранность стен не дает возможности точно определить их назначение.

Без сомнения, выявлена мастерская по изготовлению кыра – строительного материала, используемого в качестве связующего раствора при возведении построек из жженого кирпича. Кыр широко использовался также в банях как влагозащитный материал.

Керамика из мастерской характерна для второй половины XIV – XV в. К этому же времени относятся три найденные здесь монеты.

Печь для выжигания извести на городище Жайык

Как известно, основным связывающим материалом, употреблявшимся в средневековом строительстве, была известь,

почти во всех постройках городища Жайык использовалась известь. Получали ее путем обжига известняка в специальных печах. Во время археологического исследования полевого сезона 2012 г. на восточной периферийной части городища были обнаружены остатки печи для приготовления извести.

Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 2,2-2,3 м. В период запустения объекта она была заполнена бытовым мусором. Почти в каждом слое зафиксированы фрагменты керамики, кости мелкого и крупного рогатого скота, а также куски мела и известняка. Стенки печки сложены из кирпичей на глиняном растворе. Размер кирпича 30 x 30 x 6 см. Толщина стенок около 32 см, т. е. в один кирпич. Сохранились стенки на высоту 13 рядов кирпичей. Изнутри стенки ошлакованы от действия огня. С южной стороны в нижней части печи размещалось устье-проем стрельчатой формы шириной 0,9 м, немного расширявшийся наружу. Чуть ниже от проема находится проем-продух размерами 20 x 15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. На высоте 70-80 см от дна внутренние стенки имеют уступ. Стенки уступа были белыми от приставшей извести, также отмечено скопление древесной золы и осколки белого камня – известняка. Там же имелись обожженная глина, культурные остатки. На глубине 20-25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены обвалившиеся куски ее стенок, фрагменты костей животных, а также фрагменты красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и куски известняка. Дно печи – материковая глина. Известь имелась и вне печи, перед ее проемом. В южной части, вне печи был расчищен котлован глубиной 1,3 м. Внутренняя часть котлована была заполнена крупными кусками извести. По-видимому, данный котлован служил для хранения заготовленного для обжига материала.

Сохранились технологические приемы печей по выжигу извести. Исследованы такие печи в древнерусских городах.

Сами печи круглые, сложенные из камней насухо. Внутренний диаметр их около 2 м, они сужаются книзу. В нижней части печей для выжигания извести имеется по два отверстия, расположенных напротив. Известь здесь выжигали из известняка или мела, а топливом служил каменный уголь. К сожалению, принцип функционирования этих известково-обжигательных печей остается не вполне ясным. Печи такого типа могли иметь два варианта. В первом случае печь действовала периодически (так называемая непроходная печь), во втором – была непрерывно действующей («проходная» печь). В «непроходной» печи над топочной камерой делали свод из крупных известняковых камней. Этот свод служил как бы решеткой, на которую загружали более мелкие куски известняка. Обжиг в такой печи продолжался около 3-5 дней (вместе с загрузкой и охлаждением после обжига), затем печь выгружали. В «проходной» печи над топочной камерой размещалась решетка, поверх которой укладывали чередующиеся

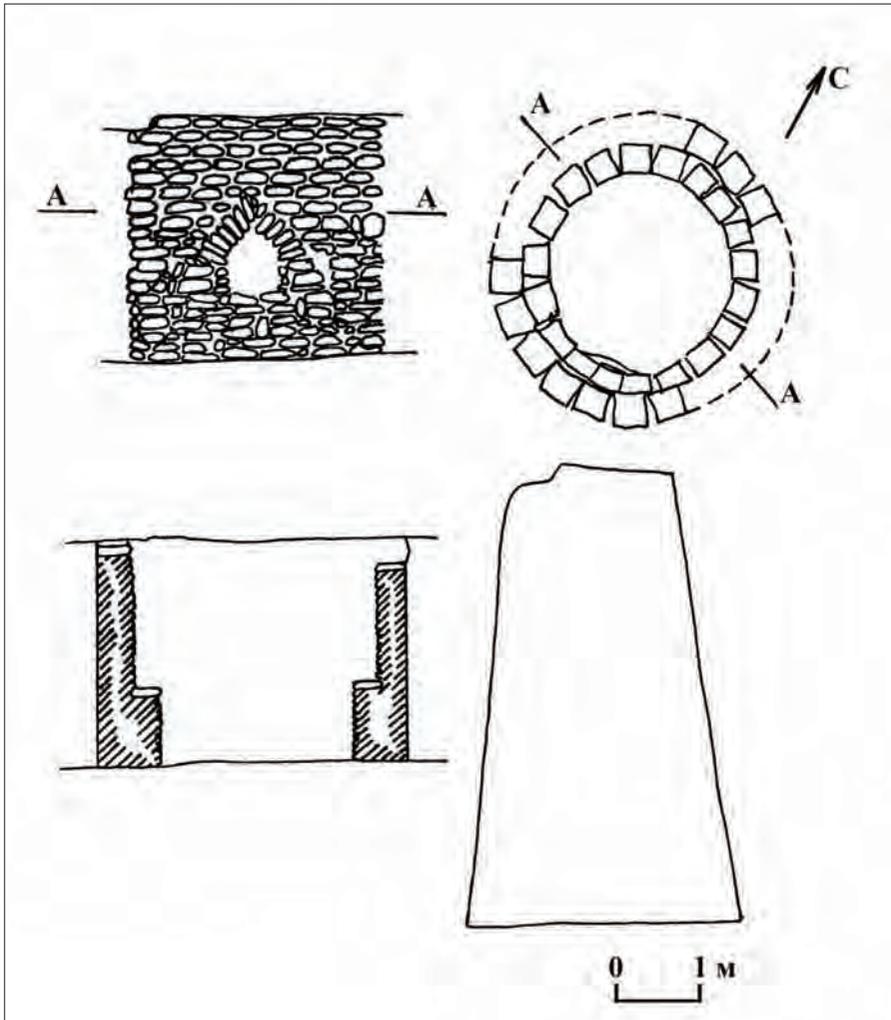

Рис. 191. Городище Жайык. Печь для изготовления извести

слои угля и известняка. При обжиге известь сквозь решетку попадала вниз и выгребалась через устье, а сверху загружался новый слой. Для прохождения известняка от загрузки сверху до выгребания извести требовалось около недели. При такой системе работы печи в извести оказывалось большее количество углей, чем при обжиге в «непроходной» печи.

Известь, полученную в результате обжига, «гасили» в специальных творительных ямах.

Характер извести определялся исходным материалом, из которого ее выжигали. Из чистого известняка получалась жирная известь, а из известняка с глинистыми примесями – серая, обладающая способностью схватываться во влажной среде. Поэтому такую известь именуют гидравлической, в отличие от жирной, которая называется воздушной [Калменов, 2014, с. 74-77].

Как следует из материалов археологических исследований и анализа письменных источников, объем ремесленного производства в Казахстане после сокращения в первой трети XIII в. в 40-90-е годы XIII в. увеличивается, что меняет облик города. Появляются крупные гончарные мастерские, объединенные в рамках участков городской территории. Рост числа ремесленников способствовал появлению узкой специализации некоторых керамических мастерских по ассортименту изделий и по производственным циклам.

Меняется керамика, увеличивается ассортимент изделий, преобладают разноцветные поливы - желтая, зеленая, синяя, голубая, цвета росписей, орнамента.

В это время наблюдается влияние южно-казахстанской керамики на керамический комплекс городов Западного Казахстана и Поволжья (Золотоордынские центры).

Сближение в характере поливной керамики Южного Казахстана и Средней Азии прослеживается при сравнении керамических комплексов XIV – первой половины XV в. Однако по-прежнему сохраняются такие специфические черты керамики сырдарьинских городов как отсутствие кашина, форма поддона, своеобразные элементы росписей.

Ремесленная специализация наблюдается в железоделательном производстве, в ювелирном ремесле.

Рост строительных работ в городах способствует появлению многочисленных печей по обжигу кирпича.

ГЛАВА VI

ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Караванные пути и товары

Разгром городов, опустошение земледельческой полосы и степной зоны во время монгольских завоеваний отрицательно сказались на международной торговле города и округи, города и степи. Однако международные торговые пути вскоре восстановились и продолжали функционировать в системе Великого Шелкового пути [После Марко Поло, 1968, с. 24].

По-прежнему оживленным был караванный путь, соединявший Китай, Монголию и Восточный Туркестан со Средней Азией, Средним и Ближним Востоком и проходивший через Семиречье. Так, в 1221 г. даосский монах Чан-Чунь через Восточный Туркестан и Семиречье попал в Самарканд, Кеш и оттуда проследовал в ставку Чингисхана. В 1223 г. этим же путем он вернулся назад. Описывая проделанный путь, путешественник сообщает о мостах через реки Чу и Талас [Сию-цзи или описание путешествия на Запад, 1866, с. 307, 308, 336]. В 1246-1247 гг. по названному пути в столицу монголов Каракорум проехал армянский полководец Самбат Спарапет [Армянские источники о монголах, 1962, с. 7, 48]. В 1259 г. через долину Или, Семиречье и Среднюю Азию в Хорасан последовал Чан-Дэ [Bretschneider, 1910a, p. 129-130]. В числе последних в 1278 г. по этому маршруту прошли два несторианских монаха – Мар Ябаллахи III и Раббан Саума. Они отправились в путь из Ханбалыка, пришли в Тангут, затем в Кашгар, а оттуда через Жетысу, сделав остановку в Таласе (Таразе), попали в Среднюю Азию, в Хорасан и далее на Ближний Восток [История Мар Ябаллахи III и Раббан Саумы, 1958].

При монголах важное значение приобрел дипломатический и караванный путь, соединявший Европу с Азией и пролежавший через южнорусские степи, Поволжье, на Урал, далее в Хорезм, на Сырдарью и через Жетысу, Алмалык в Монголию. В. В. Бартольд называет его «новым» [Бартольд, 1965д, с. 54]. В 1246 г. Плано Карпини через Киев проследовал в ставку Бату Сарай-Бату, а оттуда через Хорезм, Семиречье и Тарбагатай прибыл в Каракорум. В отчете путешественника упоминается Сырдарья и множество разрушенных

городов, среди которых Янкинт, Бархин и Орнас (Янгикент, Барчкент и Аснас). Затем Плано Карпини прошел через Семиречье, переправился через реку Или, обогнул озеро Алакуль с юга и через город Омыл (Омыл) достиг Каракорума [Путешествия в Восточные страны..., 1993, с. 64].

Частично путь Плано Карпини повторила миссия Андре де Лонжюмо – посла Людовика IX к Гуюку – в 1249 г. Через Акку и Мосул, вдоль южного берега Каспийского моря она пришла в Хорезм, оттуда через Семиречье прибыла в Омыл [После Марко Поло, 1968, с. 22-23].

В 1253 г. этим же путем отправилось посольство Людовика IX к хану Мунке, возглавляемое Гильомом де Рубруком. Из Константинополя Рубрук морским путем достиг крымского города Сохдак (Судак), оттуда он прибыл в ставку хана Сартака, расположенную в трех переходах от Волги, затем через заволжские степи достиг р. Урал и через Приаральские степи и Центральный Казахстан добрался до низовьев Чу [После Марко Поло, 1968, с. 23].

Поднимаясь вверх по течению реки, он проехал город Кинчат, откуда он попал в Илийскую долину, в предгорья Чу-Илийских гор. Миновав Талас, миссия Рубрука прошла по Тянь-Шанскому участку Великого Шелкового пути в Илийскую долину. После переправы через р. Или Рубрук проехал города Эквиус, Кайлак – «столицу области», обогнул Алаколь, перевалил Тарбагатай и достиг Каракорума [Бернштам, 1948а, с. 79-91; Бартольд, 1966а, с. 77-87; Маргулан, 1950, с. 55-62; Байпаков, 1968, с. 21-25].

В 1254 г. в Каракорум из Киликийской Армении направился армянский царь Гетум I (Гайтон). Из ставки Батыя Гетум поехал на восток, переправился через р. Айех (Яик-Урал) и прибыл, возможно, в Орь в Актюбинской области. Потом он пересек степи Центрального Казахстана и, переправившись через Ертич (Иртыш), достиг Монголии. Обратный путь Гетума в Далас (Тараз) проходил через города Восточного Туркестана Алаулах и Илибалех (Алмалык, Илибалык) [Гандзакеци Киракос, 1976, с. 222-224]. Таким образом, Гетум проехал южно-илийским путем, которым за тридцать с лишним лет до него проследовал Чан-Чунь. Из Даласа (Тараза) Гетум отправился домой не коротким путем – через Среднюю Азию, а свернул на север, решив посетить ставку Сартака. Через Хутухчин и Пергант (Берукет) посетил города Сухул-хан (Саудагент), Уросоган (Карасуан), Койкан (Кумкент), Хузак (Сузак) он проехал по маршруту, соединявшему города северных предгорий Каратау, затем прибыл в ставку Сартака на реке Кендерлик, и проехал города Сыгнах (Сыгнак), Савран (Сауран), который очень велик, затем в Харчук (Карачук), в Саври и Отрар, Зернук (бывший Весидж) и Дизак (Джиак), оттуда на тридцатый день достиг Самарканда.

Однако, вскоре этот «новый путь» возрождается и становится главным в поездках из Европы в Азию. Его расцвет приходится на

годы правления хана Узбека (1312-1340). Важнейшей его точкой на пути в Азию становится город Судак, здесь была основана генуэзская колония Каффа. Позднее в устье Дона, в городе Тана возникает также генуэзская, а позднее венецианская колония и город становится исходным пунктом торгового пути на Восток.

Из мусульманских путешественников, посетивших Хорезм в 1333 г., пишет арабский путешественник Ибн Баттута.

От Сарая до Хорезма Ибн Баттута считает 40 дней пути, по этой дороге «не ездят на лошадях вследствие недостатка корма: арбы возят там только верблюды». Однако Ибн Баттута и его спутники проехали на лошадях до Сарайчика (10 дней от Сарая); река Яик носила название Улу-су («Большая вода»); на ней был «мост из судов, как мост багдадский». Здесь они продали лошадей и наняли верблюдов. «Оттуда мы ехали 30 дней быстрой ездой, останавливаясь только по два часа: один раз поздним утром, а другой — на закате солнца... У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее (степь), большей частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве. Пройдя эту степь и пересекши ее, как нами сказано, мы прибыли в Хорезм. Это один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами. Он [точно] колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская» [Бартольд, 1965д, с. 5].

Наиболее подробные сведения о торговле на этой стратегически важной торговой дороге, с точки зрения итальянского купца Франческо Бальдуччи Пеголотти, находившегося на службе в торговой компании Барди, он изложил в написанном им в 1340 г. в «Руководстве для купцов». В нем он указывает торговые пути, перечисляет термины, употреблявшиеся в разных странах для обозначения базаров и торговых пошлин, дает сведения о товарах, какие и где следует покупать, и вообще практические советы купцам.

Пеголотти считает: «От Таны до Хаджи-Тархана (Астрахани) 25 дней в арбах, запряженных волами, или 10-12 дней езды на лошадях; отсюда до Сарая — 1 день водой, от Сарая до Сарайчика — 8 дней, также водой; можно ехать и сухим путем, но это обходится дороже. От Сарайчика до Ургенча — 20 дней в арбах, запряженных верблюдами; от Ургенча до Отрара — 35-40 дней, тем же способом. У кого есть товары, тому лучше заехать в Ургенч, так как здесь всякие товары имеют хороший сбыт; у кого их нет, тому лучше ехать более кратким путем (к северу от Аральского моря) из Сарайчика прямо в Отрар

(50 дней). Пеголотти советует брать с собой из Европы полотняные ткани, продавать их в Ургенче и там запастись сомами, т. е. слитками серебра, ходившими в татарских странах [Pegolotti, 1936. p. 21; Бартольд, 1965д].

Интересные подробности об этом торговом пути, о транспортных и вьючных животных, товарах и денежных эквивалентах приводит так называемый Тосканский аноним начала XIV в.: «... Кто пожелает совершить поездку в Китай и пойдет из Генуи или Венеции, тому следует купить льняные ткани, толстое и тонкое сукно в таком количестве, в каком сможет, и потом идти в Тану, откуда лежит прямой путь; он может следовать со своими товарами по суше, погрузив их на повозки, запряженные либо быками, либо лошадьми, либо верблюдами. Путь из Таны до Хаджитархана составляет 25 дней, передвигаясь на бычьей упряжке, и 12 дней, двигаясь на верблюжьей повозке; на этом пути встречаются монголы, или вооруженные татары. От Хаджитархана до Сарая – 1 день; здесь также встречаются татары; за этот день переходят реку. От Сарая до Сарайчика – 8 дней по воде, но можно идти как по воде, так и по суше, правда, идти по воде – меньше риска для товаров. Из Сарайчика достигают Ургенча через 20 дней пути на верблюжьих повозках, или через 40 дней на воловьих повозках. Кто едет с товарами, может захватить в Ургенч: это очень выгодный для торговли город, где можно продать ткани и получить серебряные соммо; по желанию можно оставить несколько тюков самой тонкой ткани и повезти с собой; после обмена можно продолжить путь с теми соммо серебра. От Ургенча до Отрара 35-40 дней пути на верблюдах. Кто же не имеет товара, может идти из Сарайчика прямо в Отрар, не заходя в Ургенч, и ему потребуется 50 дней, и здесь нет лучшего пути для торговли, если, однако, есть соммо. Впрочем, лучше всего пойти с тканями и продать их в Ургенче, получив самую высокую прибыль. Из Отрара до Алмалыка 45 дней пути на вьючных ослах; там повсюду встречаются монголы – очень воинственный народ. Из Алмалыка до Камесу – 70 дней пути на вьючных ослах. От Камесу можно идти до реки, которую называют ... и через 45 дней на конях или по реке можно попасть в Кассай. Там следует продать все соммо, которое есть, потому что это выгодный для торговли край: на эти соммо получают бумажные деньги с печатью правителя, которые называются балаши и имеют хождение в пределах Китая. Из Кассая до Канбалыка, главного города Китая, 30 дней. Таким образом, весь путь составляет от Таны 284 дня по суше и воде...» [Еманов, 1995, с. 149-150].

Прокладывание торговых путей для Каффы – заслуга не только одних генуэзцев. Многие из этих путей существовали еще задолго до их прибытия в Крым. Сообщения европейских путешественников (Марко Поло, Гильом де Рубрук), а также данные, которые встречаются у арабских авторов XII-XIV вв., свидетельствуют о том, что уже в начале XIII в. в северо-причерноморских торговых городах были известны пути в Константинополь и в страны Ближнего Востока.

Сначала XIII в. крымским городам были известны великий торговый путь по Волге. Арабский путешественник XIII в. Ибн-Абдзахыр сообщает о том, что город Солхат, населенный аланами, русскими и кыпчаками (половцами), вел большую торговлю [Тизенгаузен, 1884]. С начала XIV в. каффские купцы нередко посещали и город Сарай на Волге, откуда отправлялись на север.

С 30-х годов XIV в. устанавливаются постоянные торговые связи Каффы с Ираном, откуда доставлялись пряности, драгоценные камни, шелк, коленкор, ситец, бархат, индиго, ладан, различные лекарственные товары, сандаловое дерево, железо, жемчуг.

Главный склад этих товаров находился на острове Ормуз в Персидском заливе. Отсюда персидские и арабские купцы переправляли закупленные ими товары через Керман, Йезд, Казвин до побережья Черного моря и по морю – в Каффу.

Пряности (перец, корица, имбирь) привозились в Ормуз из Индии, а наиболее ценные из них – гвоздика и мускатный орех – из Индонезии. На торговлю пряностями Малайского архипелага со Средиземноморьем (особенно с Генуей и Венецией) указывает в своей «Истории Индонезии» индонезийский автор Сануси Панае [Sanusi Pane, 1955, p. 153-153].

Два основных пути связывали в XIV в. Каффу с Индией, куда поступали пряности Молуккских островов. Один шел вверх по реке Инд, затем сушей до Гааны, оттуда через Кандагар в Бухару, в Хорезм, оттуда на Астрахань и вверх по Волге, затем сушей до излучины Дона, по Дону до Таны и отсюда в Каффу. Другой маршрут из Хорезма на Балк, Астрабад, потом через Каспийское море по реке Куре до Тифлиса, от Тифлиса по реке Фазис (Рион) к Черному морю, а затем по Черному морю в Каффу.

В XIV в. большое значение для Каффы приобрел торговый путь в Хорезм через Тану, Сарай-Берке, Узбек. В Хорезме сходились караванные дороги, идущие из Персии, Восточной Европы, Средней Азии и Китая. Торговые связи Каффы подтверждаются картографическими документами той эпохи. Так, на генуэзских и венецианских средневековых картах XIV в. обозначены пункты на всем пути от Каффы до Китая, а на китайских картах можно найти Солхат, Великий торговый путь от берегов Азовского моря до Китая [Pegolotti, 1936].

Мало сведений об отрезке Великого Шелкового пути на Мангышлаке. Плавание генуэзцев по Каспийскому морю началось, по словам Марко Поло, в конце XIII в.: генуэзцы «перевезли сюда свои суда», вероятно из Таны на Волгу. Целью стремлений генуэзцев был гиланский шелк; восточный берег моря не представлял для них ничего привлекательного и, по-видимому, мало посещался ими [Бартольд, 1965д, с. 60]. Пополнение сведений об отрезке Шелкового пути на Мангышлаке стало возможным благодаря активной работе археолога А. Е. Астафьева, в течение многих лет обследовавшего

Мангышлак и собравшего великолепные материалы по разным историческим периодам. Именно его усилиями открыты средневековые города и караван-сарай, поселения, убедительно доказано тождество городища Кзылкалы и города Манкышлака. Именно отсюда расходились в разные направления пути, связывающиеся попутно с трассой Великого Шелкового пути [Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 287-333].

Крупнейшим городом Хорезма являлся Ургенч, ставший крупным торговым центром. Об этом ярко писал С. П. Толстов: «Ургенч воздвигнут к началу разветвления путей, идущих через пустынный Устюрт, на запад – к пристаням Мангышлака, на северо-запад к нижней Эмбе и далее на Волгу и на юг, через Каракумы, в Джурджан, и, таким образом, находящийся на кратчайшем пути из Ирака и Ирана в Восточную Европу» [Толстов, 1948, с. 242].

На полуострове Мангышлак сложился симбиоз сухопутного и морского торговых сообщений. Доставка товаров из Азии производилась караванами до берега Каспийского моря. Здесь товар перегружался на парусные суда, которые перевозили его на волжское побережье или западный берег Каспия. Помимо этого, в морскую торговлю включилось мангышлакское побережье с удобными бухтами и гаванями, где курсировали каботажные суда.

Важным узловым центром на полуострове стал город Манкышлак, расположенный в местности Акмыш недалеко от горы Шеркала. Раскопки позволяют предположить, что это остатки крупного торговоремесленного города, возникшего на Мангышлакском ответвлении Великого Шелкового пути. Город существовал в X-XIII вв.

Еще в X-XII вв. в Хорезме происходил рост городов. Центром становится Ургенч, стоявший на разветвлении караванных трасс через пустынное плато Устюрт на запад к мангышлакскому побережью и к северо-западу на Среднюю Волгу.

Именно с активной внешней политикой Хорезма в Поволжье целесообразно связывать возникновение на оживленной торговой трассе городища Кызылкала. Наиболее вероятная дата его закладки – вторая половина X в., когда Мангышлак переходит под власть Хорезма.

Два главных направления движения торговых караванов – через Манкышлак и через Устюрт – имели своеобразную территориальную специализацию. Манкышлакская трасса соединила Хорезм и Хазарию, Хорезм и Булгарию.

Интересно исследована история колебания уровня Каспийского моря. Наиболее точные данные об изменениях береговой линии моря относятся к последнему тысячелетию. Эти сведения получены в результате комплексного изучения письменных сообщений азиатских и европейских географов, путешественников и естествоиспытателей, карт Каспийского моря, а также археологических материалов.

Согласно этим исследованиям, с середины V до начала XIV веков Каспийское море находилось в регрессивном состоянии с минимальной отметкой – 34 м. На этих отметках образовывался сухопутный перешеек между бузачинским и северо-прикаспийским побережьем.

Предположительно функционирование «моста» в средние века началось в VI в., т. е. одновременно с появлением северного ответвления Великого Шелкового пути. Важной точкой на нем стал город Кызылкала. Не исключено, что именно благодаря «мосту», Мангышлакский полуостров стал известен под названием Сиякух (перс. «Черная гора») или Каратау по-тюркски (почти 200-километровая горная складка на севере полуострова – Восточный и Западный Каратау). Это положение свидетельствовало, что именно по этому «мосту» и проходила торговая трасса с одного берега Каспия на другой и пристань могла располагаться на берегу удобной бухты.

Путь из Кызылкалы шел через подъем на уступ Емды под названием Акжол, затем он шел на плато, изрезанное двумя каньонами Каравак и Шульдор. Здесь была обнаружена километровая оборонительная стена под названием Байлам. Фортификационное сооружение было возведено здесь не случайно.

Крепостная стена Байлам защищала участок плато площадью около 20 кв. км. Предположительно, место являлось очень важным стратегическим объектом в силу своей неприступности. Не исключено, что сюда устремлялось большое число караванов, и здесь существовал город. На побережье залива Кочак были обнаружены остатки каравансарая вблизи родового кладбища Ажбаба.

Находка этого памятника полностью подтвердила гипотезу исследователей о движении торговых караванов в северо-западном направлении, вдоль горного хребта Западный Каратау.

Удалось определить еще одну караванную ветку этого времени, ведущую к Тупкараганской бухте.

Трасса через сухопутный «мост» при сильных нагонных ветрах могла подтопляться и, следовательно, не была постоянно действующей, за исключением зимних периодов, когда мелководные участки и протоки сильно промерзали. По этой причине становится неоспоримым факт существования морской доставки товаров через Тупкараганскую бухту, даже при низком уровне Каспия; скорее всего в районе современного г. Форт-Шевченко в XI-XIII вв. должно было существовать поселение. В 2005 г. на восточной окраине поселка Аташ были найдены остатки сильно перекрытых наносным песком каменных фундаментов построек, а в 10 км севернее Аташа в районе верхнего Александровского маяка – остатки небольшого укрепленного поселения на берегу моря.

В описаниях полуострова Манкышлак XIX – начала XX в. постоянно упоминается сухопутное сообщение между Фортом Александровским (ныне Форт-Шевченко) и Гурьевом (ныне Атырау),

проходившее через колодцы Уали. Эти колодцы находятся на участке пути через плато Устюрт. Поэтому можно считать, что Кызылкала был не просто транзитным городом на караванной трассе, а узловым торговым центром.

Г. С. Карелин – один из первых русских естествоиспытателей, побывавший на полуострове Мангышлак в 1832 г., оставил интересное упоминание о том, что караванная дорога из Тупкараганской бухты (Новый Мангышлак) шла до ущелья Каракавак. Здесь она разветвлялась: одна ветка уходила в глубь ущелья и поднималась на хребет Емды, а вторая тянулась вдоль гор Северного Актау до устюртского подъема Маната. Г. С. Карелин сообщил также, что в этом месте имеется наиболее удобная бухта, куда ранее приходили торговые суда. Называется она Сартас или Старый Манкышлак.

В 3 км восточнее караван-сарая Ажбаба были найдены остатки средневековых городов. Площадь городища была покрыта обломками керамической посуды, аналогичной найденной на территории Хазарии и Волжской Булгарии IX-X вв., где главными городскими центрами были Итиль и Булгар.

Керамика Нижнего Поволжья, найденная на побережье полуострова Мангышлак, свидетельствует, как минимум, о торговых контактах между Каракавакским городищем и Итилем через Каспийское море.

Морской путь прекратил свое существование, видимо, в период правления золотоордынского хана Узбека (1312-1340 гг.). В 30-е годы получает развитие отрезок Шелкового пути через Устюрт. Теперь торговые караваны из Ургенча попадали в город Сарайчик на реке Жайык и далее направлялись в столицу Золотой Орды город Сарай-Бату на Волге. Дорогу маркируют караван-сарай.

Известно восемь караван-сараев, пять из которых находятся на территории современной Каракалпакии. Это Учкудук, Ажикелди, Белеули, Косбулак и Чурук. В 2005 г. на территории Казахстана обследованы три памятника — у колодцев Куше, Бесбулак (Белдеули) и у родника Есетбулак (Коскудук).

Самой крупной постройкой на устюртском отрезке караванного пути являлся караван-сарай Коскудук. Его первые исследования были произведены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, возглавляемой С. П. Толстовым в 1950 г. Тогда был составлен топографический план его развалин и раскопаны два помещения [Толстов, 1958, с. 13-19].

В XIV в. на западном берегу Каспийского моря главным центром морской торговли становится Дербент, располагавшийся на самой короткой линии сообщения с Кетиккалой.

К XV – первой половине XVI в. активные до тех пор торговые отношения в степной зоне временно затухают. На закате существования Улуса Жошы в 1395 г. устюртская торговая трасса была разрушена войсками Тимура. Развал империи Золотой Орды и формирование на

ее обломках новых кочевых государств сопровождалась постоянными боевыми действиями, далеко не способствующими процветанию торговли.

Отрезки Великого Шелкового пути на территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана соединяли обширные степные пространства магистральными направлениями и ответвлениями, проходившими в меридиональных и параллельных направлениях. Степь пересечена мелкими речками, соединяющими русла крупных водных артерий – Нуры, Кенгира, Ишима, Тобола, берега которых удобны для передвижения.

Изучением караванных путей занимался А. Х. Маргулан. По письменным источникам и на основании собственных поисковых маршрутов он создал карту средневековых караванных дорог, идущих через Бетпак-Далу, на север. Эти пути продолжали действовать в эпоху Казахского ханства и соединяли Россию, Казахстан и Среднюю Азию [Маргулан, 1949, с. 69].

Среди них наиболее важными были «Ханская дорога» (Хан жол) и Сарысуйская или Улутауская дорога. В Бетпак-Далу попадали по долине р. Чу, ее низовья из Тараза, Отрара, Саурана, Сыгнака через перевалы в горах Каратау, ведущих к городу Сузаку, расположенному уже на северных склонах Каратау к берегам Чу и далее через Бетпак-Далу шли в Сарыарку. Сюда же можно было попасть из Илийской долины дорогой, отходившей от Тянь-Шанского коридора Великого Шелкового пути на север сразу же после перевалов через р. Или по пустыни Сары-Есик-Отрау, вдоль древней протоки р. Или, Орта-Баканаса к полуострову на южном берегу оз. Балхаш – Узун-Арал. Через водный пролив длиной 8 км, или в брод или по льду, в устье р. Токрау, впадающую в оз. Балхаш, с севера двигались к горам Улутау [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 106].

Удобной магистралью Сарыарки является река Нура, по которой можно было попасть на Ишим. Ишим на протяжении 500 км течет широтно, затем резко поворачивает на север и несет свои воды в бассейн Северного Ледовитого океана. Именно в верховьях Ишима на самом коротком отрезке между Нурой и Ишимом расположено городище Бозок [Акишев, Хабдулина, 2011, с. 203-211].

В появлении города особую роль сыграло его срединное положение в центре восточной части евразийского пространства. Это место крайне важно с позиций геостратегического фактора. Здесь пересекаются торговые караванные пути, у брода Караоткель можно было контролировать трансмагистральный степной путь.

Последним торгово-миссионерским предприятием европейцев в XIV в. в странах Востока стало путешествие Джованни Мариньоло, продлившееся 15 лет (1338-1353). Из Каффы через Тану он проследовал в Новый Сарай, оттуда в Ургенч и Алмалык [После Марко Поло, 1968, с. 122].

К 1370 г. вся система трансзиатских путей пришла в полное расстройство. Войны на востоке сделали дороги через Мавераннахр и Семиречье опасными для торговли. В третьей четверти XIV в. всеобщая смута охватила Золотую Орду.

В первой половине XIV в. пришли в запустение семиреченские города. К середине XIV в. Алмалык – важнейший политический и экономический центр Илийской долины – утратил свое значение, еще раньше погибли Каялык, Тальхиз, Ики-Огуз, Илибалык [Пищулина, 1977, с. 41-89]. Примечательно, что ни один из источников, описывающих походы Тимура в Семиречье, не называет ни городов, ни поселений [Байпаков, 1978, с. 8-10]. Семиреченское звено выпало из цепи международных караванных путей.

Опустошительные походы Тимура в Поволжье, Крым, Семиречье положили конец международной торговле [Пищулина, 1977, с. 136-137].

Караван-сарай. Караванное движение по торговым трассам Великого Шелкового пути, его ритмичность, удобства, безопасность направления обеспечивали караван-сарай. Они соединяли в себе самые различные функции. Это были придорожные гостиницы, «торговые дома» в городах, склады товаров и базары, крепости, позволявшие укрыться от нападения разбойников и отсидеться за стенами. Большие «царские» караван-сарай, зачастую хорошо укрепленные, с двorcовыми постройками, башнями служили резиденциями правителей во время их поездок по стране.

Без караван-сараяев не могли обойтись ни международная, ни местная торговля. Они были нужны не только купцам, но и паломникам, дипломатам, путешественникам.

Строительство караван-сараяев было доходным и престижным делом.

Однако, интереснейшая тема «караван-сарай в Казахстане» все еще не стала темой специальных исследований, поисков караван-сараяев на трассах Великого Шелкового пути, проходящих по территории Казахстана.

Раскопки были проведены на караван-сараяе Тортколь в округе города Тараза и караван-сараяев вблизи комплекса Акыртас.

Караван-сарай Акыртас XIII-XIV вв. Комплекс караван-сарая представляет собой замкнутый прямоугольный участок площадью 19 x 7 кв. м, обнесенный стеной. Оплывшие стены толщиной около 1 м сохранились на высоту 0,5 м. Они были возведены из каменного булыжника и имели следующие размеры: северная и южная — длиной по 43 м, западная стена – 49 м, восточная — 48 м. Вход на территорию караван-сарая располагался с южной стороны. В настоящее время это разрыв в стене длиной 3 м, находящийся на расстоянии 9 м от юго-западного угла внешней стены комплекса. На территории караван-сарая прослежены два всхолмления. У северной стены, ближе к середине, располагается бугор высотой около 1 м, шириной 12 и

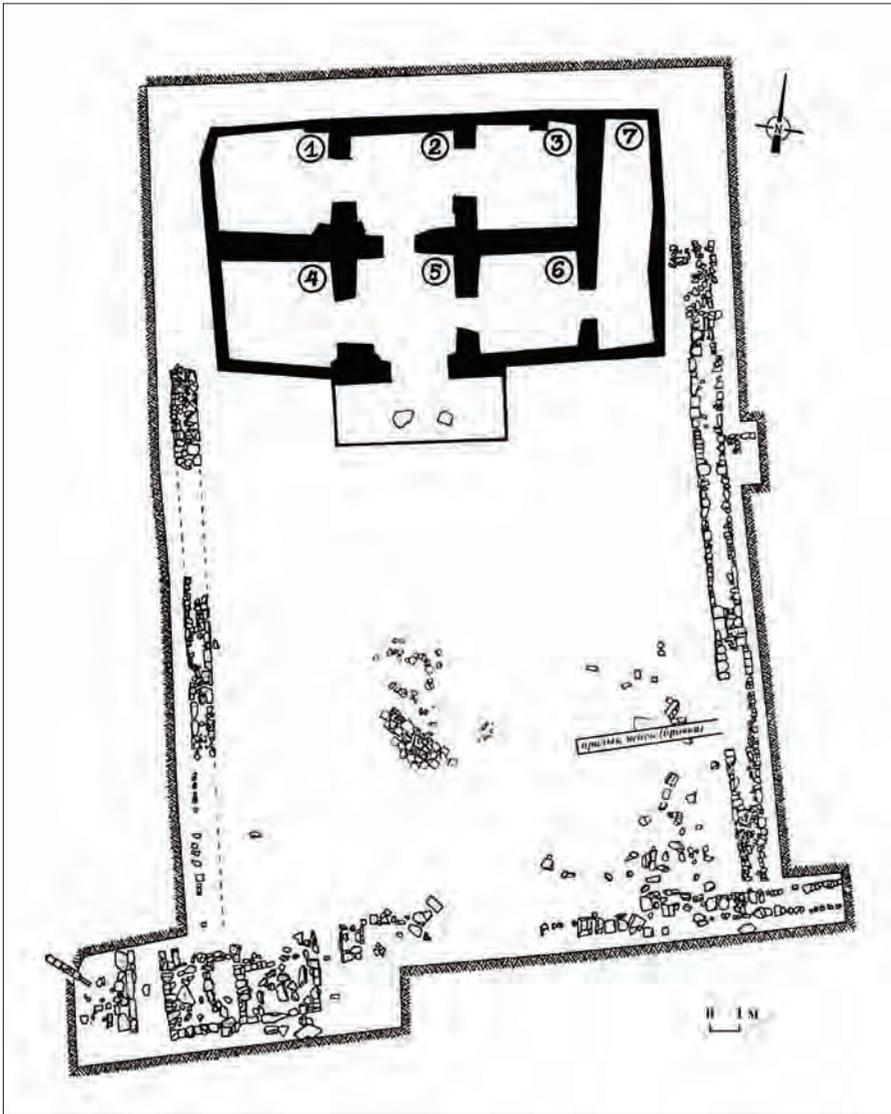

Рис. 192. Караван-сарай Акыртас XIII-XIV вв. План

длиной 20 м. Еще до раскопок была заметна планировка. Наружная стена постройки имеет толщину 0,7 м, все внутренние стены – 0,6 м. Главный вход в здание расположен в южной стене, ширина входного проема – 1,68 м.

В результате раскопок выяснилось, что жилой комплекс имел семь помещений, шесть из них практически квадратные в плане и почти одинаковые по размерам, а седьмое – вытянутая прямоугольная комната, занимающая весь восточный торец здания. Планировку здания караван-сарая можно представить следующим образом: это два ряда примыкающих друг к другу анфиладных комнат, в северном и южном рядах – по три помещения. Восточную часть постройки занимает большое помещение. Комнаты обоих рядов являются, по-

Рис. 193. Караван-сарай Акыртас XIII-XIV вв.

видимому, жилыми помещениями – худжрами. Последняя, седьмая комната, вероятно, была складским помещением — при раскопках здесь найдены в большом количестве звенья и фрагменты звеньев водопроводных труб.

Среди находок обращает на себя внимание овальная серебряная серьга с подвеской в виде октаэдра, обнаруженная в пристенном завале второго помещения. В этой же комнате в большом количестве найдены кости животных: барана, коровы, кабана.

Основной материал из раскопок – керамика. Наиболее важными для датировки являются фрагменты поливной керамики. Среди них интерес представляют обломки сосудов с голубой поливой с растительным и геометрическим орнаментом. Росписи бирюзовой, черной и белой красками. Встречены фрагменты керамики с поливой светло-желтого, темно-зеленого цветов.

В качестве орнамента – растительные завитки, крупные черные точки, волнистые линии. Обнаружен фрагмент венчика чаши, покрытой бледно-зеленой поливой с прочерченным подглазурным орнаментом. Из импортных находок привлекают внимание два фрагмента китайского селадона серо-зеленого цвета с выпуклым рельефным орнаментом.

Неполивная керамика представлена фрагментами котлов с крюковидными в сечении венчиками.

Керамические находки можно отнести к XIII-XIV вв., этим же периодом датируется время существования самого караван-сарая.

Стены караван-сарая сохранились на высоту 0,65 м. Цоколь стен на высоту 0,6 м выложен из камня — красного песчаника местного происхождения, добываемого в близлежащем каменном карьере. Это – крупные и средние каменные блоки грубого отеса, уложенные в 3-4 ряда. Швы между камнями не на растворе, а плотно заложены лёссом.

В некоторых местах в каменной кладке, там, где наблюдаются плоские зазоры, строители использовали для закладки кирпич.

Караван-сарай Устюрта. Благодаря известному советскому археологу С. П. Толстову, было начато изучение участка караванной дороги из Сарайчика на Урале до Ургенча в Хорезме, участка, который был ключевым по пути с запада на восток [Байпаков, Савельева, 2012, с. 130-151].

В 1946 г. была проведена авиаразведка Юго-восточного Устюрта (территория Каракалпакии) и прослежена великолепно оборудованная каменными караван-сараями и маркированная каменными колодцами дорога, идущая от Ургенча в направлении на нижнюю Эмбу [Толстов, 1948, с. 263].

Были обследованы караван-сарай *Белеули*, *Косбулак*, *Ажигельды*, *Булак*, *Уч-Кудук*. Среди них выделялся караван-сарай *Белеули*,

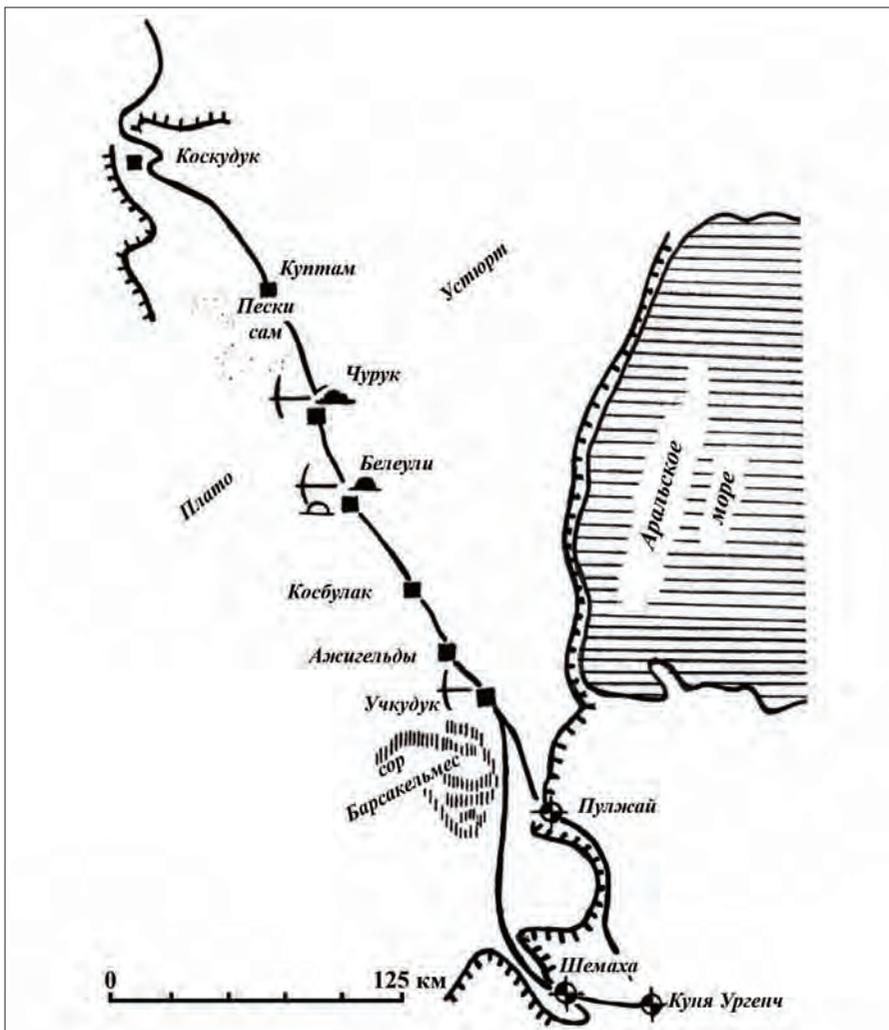

Рис. 194. План-схема караванного пути через Центральный Устюрт (по Ю.П.Маньлову с коррективами)

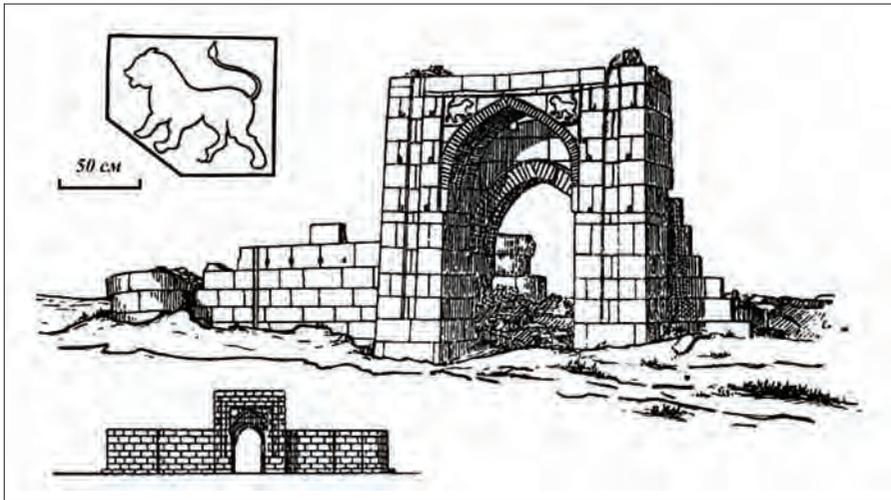

Рис. 195. Караван-сарай Белеули. Фасад (рисунок по С.П.Толстову)

расположенный у четырех колодцев, облицованных тесаными камнями. У каждого из них лежит водопойная каменная колода. Стены караван-сарая сложены из желтоватого известнякового туфа-ракушечника. По углам стен расположены башни. Каменный портал со стрельчатой аркой обрамляет вход в караван-сарай. В тимпанах по обеим сторонам арки находятся барельефы идущих львов. Внутри по периметру стен расположены худжры в два этажа и несколько крупных помещений в задней части постройки. Во внутреннем дворике сохранились следы хауза – бассейна [Толстов, 1948, с. 263-265].

В 1950 г. Уральско-Устюртский отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции проследовал из Гурьева (сейчас г. Атырау) в Нукус, он прошел через Устюрт, через караван-сарай Кос-Кудук у подъема на Устюрт, затем обследовал караван-сарай Чурук, Белеули, Кос-Булак, Кудук и спустился с Устюрта южнее Кунграта, откуда проследовал в Нукус.

Отряд провел раскопки караван-сарая *Кос-кудук*. Стены его выстроены из крупных тесаных каменных блоков, по углам устроены башни. В плане постройка квадратная размерами 39 x 40 м. Одно помещение было частично вскрыто, размеры его 3,1 x 2,75 м, стены каменные из блоков, полы вымощены каменными плитами. Перекрыто помещение было сводом «балхи» из каменных плиток.

По мнению С. П. Толстова караван-сарай на пути через Устюрт были построены в XI-XII вв. во время расцвета Хорезма. Сооружены они были по единому плану и одновременно.

В 1975-1978 гг. караванная дорога на участке центрального Мангышлака была обследована археологами Каракалпакского филиала АН УзССР. Отсняты планы караван-сарая *Уч-Кудук*, *Ажигельды*, *Косбулак*, *Белеули*, *Чурук*, проведены обследования, осуществлены

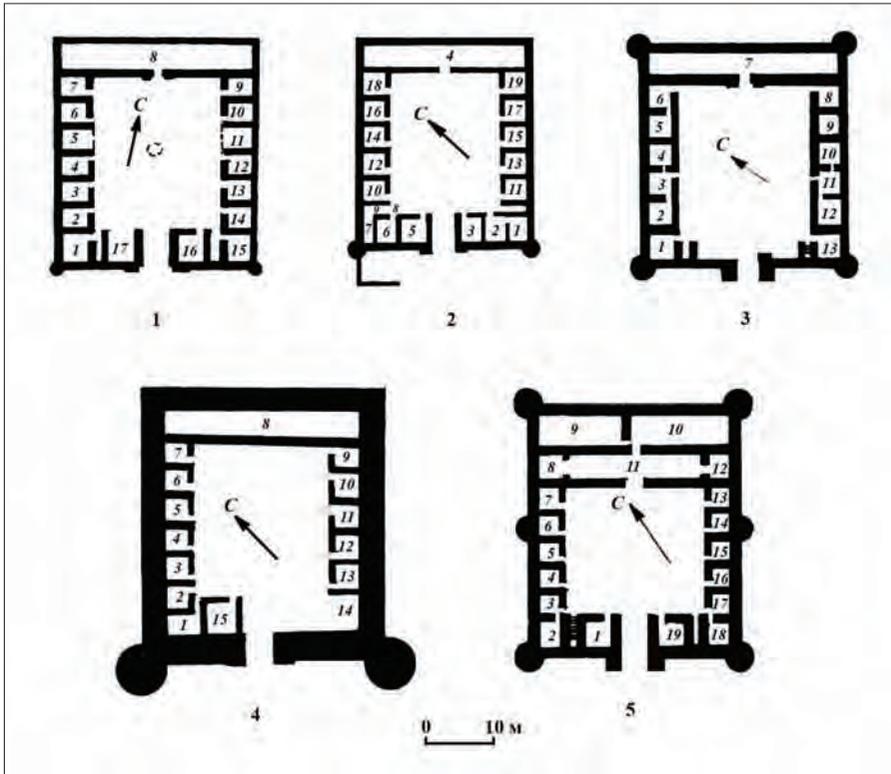

Рис. 196. Караван-сарай Устюрта. Планы. 1 – Учкудук, 2 – Ажигельды, 3 – Чурук; 4 – Косбулак, 5 – Белеули

раскопки, выявлены помещения, отапливаемые системой канов, обследованы водохранилища-сардобы, сигнальные башни.

Полученный материал, а это керамика и джучидские монеты, выпущенные от имени ханов Джанибека, Бердибека, Науруза, датируют караван-сарай и торговый путь 30–70-ми гг. XIV в.

Керамика поливная, характерная для гончаров Хорезма, найдены резные облицовочные плитки из керамики и алебаstra.

Собрана богатая коллекция изделий из железа, бронзы: наконечники стрел, ножи, ключи, бронзовые зеркала и их обломки, кольца, браслеты, стеклянные браслеты, бусы золотоордынского времени. Датируются караван-сарай и дорога второй четвертью - семидесятыми годами XIV в. [Маньлов, 1982, с. 93-122].

Караван-сарай Белдеули. В 2011 г. возобновились исследования участка караванного пути через Устюрт из Сарайчика в Ургенч. Был исследован караван-сарай Белдеули. Географически это центральная часть Устюрта, развалины его находились в котловине.

Памятник имеет четырехугольную в плане форму размерами 27 x 24 м. Он был окружен стеной, сейчас от него остался грунтово-каменный вал. Вокруг караван-сарая находятся шесть колодцев. У двух старинных колодцев стенки обложены камнем.

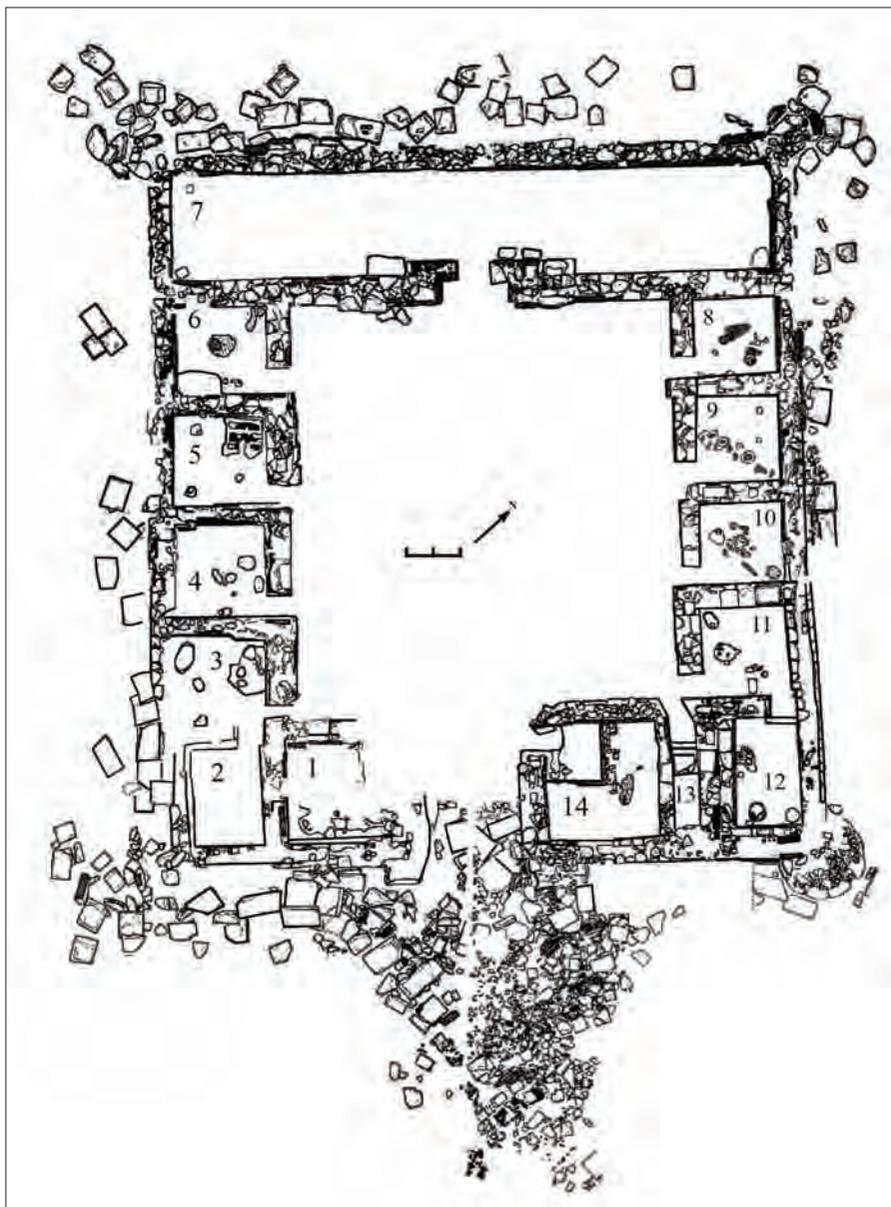

Рис. 197. Караван-сарай Белдеули. План после раскопок
(по М. Кожя, З. Самашеву)

В ходе раскопок выявлено по внутреннему периметру караван-сарая 14 помещений, расчищен упавший портал и двор. Стены помещения сложены из сырцового и жженого кирпича и облицованы плитами ракушечника. Двор имеет почти квадратную в плане форму размерами 13,67 x 14,90 м. Вдоль юго-западной и северо-восточной стен были устроены по пять жилых помещений, напротив входа располагалось вытянутое помещение 7. Слева от входа находились помещения 1 и 14.

*Рис. 198. Караван-сарай Белдеули. Общий вид с северо-востока
(по М. Кожя, З. Самашеву)*

Лучше других сохранилось помещение 1. Пол его выложен каменными плитками и покрыт ганчевой обмазкой. В центре юго-западной стены помещения находилась ниша, обрамленная трехчетвертными колонками. Ниша обмазана ганчем и украшена декором.

По мнению исследователей, это помещение – мечеть с михрабом в середине юго-западной стены.

Назначение остальных помещений, кроме жилого помещения 7, размерами 22 x 3,6 м, в котором останавливались постояльцы, не понятно. Возможно, это был склад для товаров. Из помещения 13 вверх на стену вела лестница.

Расчистка площадки перед входом в караван-сарай обнаружила остатки портала с двумя пилонами и украшавшими его плитами с арабской надписью. Караван-сарай общей площадью 1254 кв. м, по мнению исследователей, комплексом керамики и находками монет ханов Джанибека (1341-1357) и Хизра (1359-1361), датируется первой половиной XIV в.

Караван-сарай, использовался как опорный путь во время военных походов. Расположенное рядом поселение ремесленников делает возможным сопоставление караван-сарая Белеули с населенным пунктом Сам, упоминаемым в письменных источниках [Кожя, Самашев, 2014, с. 486-497].

Караван-сарай Дженда. По структуре городище Джан-кала имеет трехчастное деление: цитадель, шахристан и рабад. Шахристан городища окружен стеной, ширина которой достигает 5 м, включая оплывы. Стена во всех частях сильно разрушена, хотя высота ее колеблется от 0,2 до 3 м. Шахристан занимает площадь 236370 кв.м. Направления стен шахристана повторяют направления стен цитадели. С южной, западной и восточной стороны стены шахристана прямые

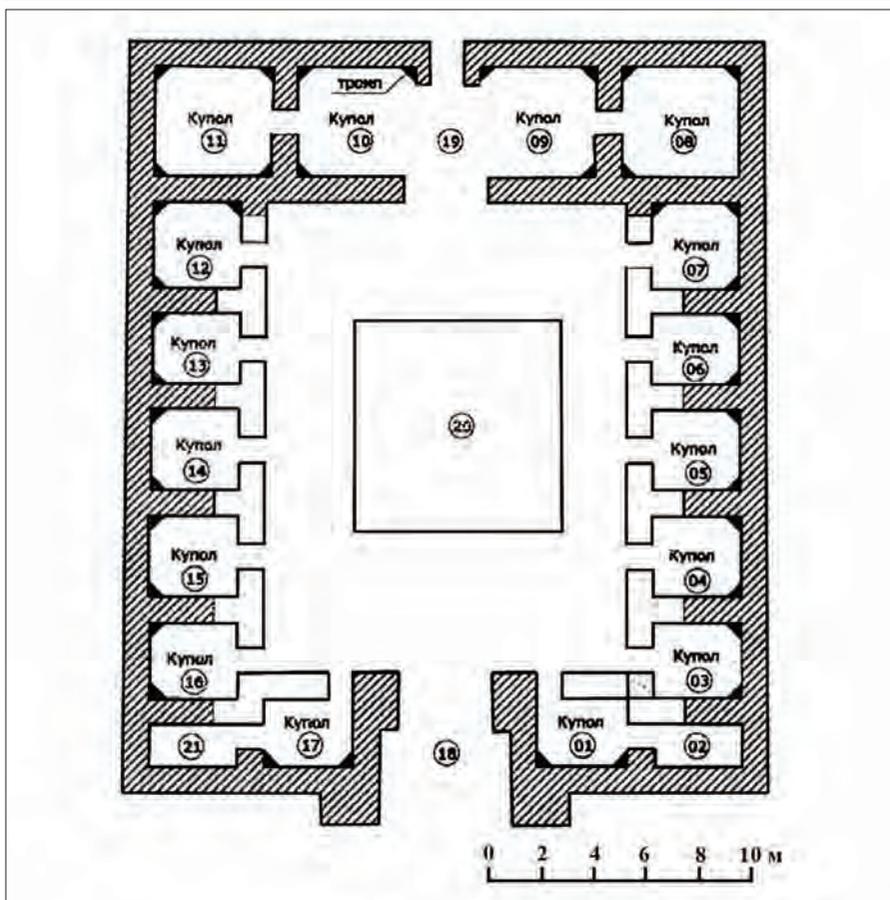

Рис. 199. Караван-сарай 3 на территории рабада Дженда

и в плане напоминает прямоугольник. Северная часть стены имеет неправильную форму и значительно выдвинута во внешнюю сторону. На территории шахристана расположено несколько крупных объектов. Среди них два объекта могут быть интерпретированы как караван-сарай (объекты 2 и 9).

Караван-сарай (объект 2) устроен на возвышении с внешней стороны цитадели, у юго-западного угла. Размеры караван-сарая 19х19 м.

Второй объект (9) торткуль – квадратное сооружение 17х17 м, сильно разрушенное. Въезд шириной 3 м читается с восточной стороны. Расположен на возвышении, на северном берегу магистрального канала городища в 40 м от объекта 2.

Раскоп 3 был заложен на одном из объектов, контуры стен которого не прослеживались, но было очевидно, что это сооружение построено на расстоянии 40-50 м от торткуля (9) с южной стороны, на одной линии с ним, маркированной магистральным каналом. Раскопками установлено, что возвышения, на которых построены здания, представляют собой искусственный стилобат, в основе которого грунт из каналов, строительный и бытовой мусор.

Рабад городища обширен. По линии запад – восток его территория вытянута на 1800 м, а по линии север – запад на 1500 м. Застройка рабада не регулярная. Здесь встречаются и значительные по площади поля, и каналы с многочисленными ответвлениями, культовые постройки, жилые усадьбы, сооружения общественного назначения, мелкие мазанки.

Из значительных по размерам и довольно хорошо сохранившихся построек на рабаде городища можно выделить загородный караван-сарай (3), центральная постройка которого имеет размеры 30x25 м. Длинная ось караван-сарая соответствует направлению оси цитадели. Караван-сарай находится в восточной части города, на удалении более полукилометра от внешних стен шахристана.

Караван-сарай на «дне Арала». В 2001 году случайно на высохшем дне Аральского моря, далеко отступившего от прежней береговой линии, были обнаружены остатки мавзолея из камня и жженого кирпича. Мавзолей, условно названный Кердери, был датирован XIV в. [Мамиев, 2002, с. 103-120].

Безусловно, рядом с некрополем должно было находиться поселение, но его остатки пока не найдены.

Вновь внимание к археологическим памятникам на дне Арала было привлечено открытием здесь в 2004 г. еще одного мавзолея и городища. Это единый комплекс города и городского некрополя.

Городище, условно названное Арал-асар, находится в 65,2 км от современного поселка Каратерен, расположенного в 370 км к северо-

Рис. 200. Караван-сарай и поселение Арал-асар. Жернов на дне бывшего моря

западу от Кызылорды. Этот поселок в прошлом веке стоял на берегу Арала, но сейчас море ушло от него на 120 км.

Остатки городища плохо различимы на поверхности. Они размыты и сглажены водами Арала. Следы оросительного канала шириной 2-2,5 м, проходящего через городище, свидетельствуют о развитой ирригационной системе и о том, что жители «тянули» сюда воду, видимо, из протоков устья древней Сырдарьи.

Представляет интерес наличие большого количества каменных жерновов, свидетельствующих о развитом мукомольном производстве (всего зафиксировано 14 жерновов и расположенных рядом помещений для хранения муки – хумданов, где стояли большого объема керамические сосуды – хумы).

Комплекс собранной поливной керамики, декорированной в различной цветовой гамме – от бирюзового до темно-синего и черного цветов широко распространен в конце XIII – XIV вв., может быть доживает до начала XV в. Золотоордынские монеты датируют поселение второй половиной XIV в.

В восточной части городища был заложен стратиграфический шурф. На глубине 0,3 м был зафиксирован уровень пола – поверхность, выложенная обломками жженого кирпича. В центре кладки находился большой сосуд-хум. Тулово сосуда более чем на три четверти было утоплено в землю, а верхняя его часть была обложена жженым кирпичом таким образом, что закрывала плечики сосуда. Городище «однослойное» и существовало короткое время.

Скорее всего, развалины Арал-асара являются поселением, возникшим у стен караван-сарая. Также как и не найденное пока поселение у первого мавзолея, условно названного Кердери. Они стоят на одной линии и маркируют караванный путь, который проходил на высохшему дну Арала, соединяя Южное и Восточное Приаралье с Северным [Байпаков, Воякин, Айдосов, 2004, с. 94-97].

Наличие руин городов на дне Арала дает основание для дискуссии об экологическом кризисе в бассейне Аральского моря, который наблюдается в настоящее время. Такие кризисы явно происходили и в прошлом.

Что явилось причиной возникновения кризисов, каковы объективные закономерности взаимодействия общества и природной среды в Приаралье, как и под воздействием каких особенностей человеческой деятельности менялась природная среда? Это крайне важно для понимания экологической обстановки в прошлом и сейчас [Аральский кризис, 1991, с. 3-4].

Арал — уникальный бассейн, названный морем, несмотря на то что, со всех сторон окружен пустынями и не имеет связи с океаном. Как и большинство замкнутых бассейнов аридной зоны, Арал обладает весьма неустойчивым уровнем.

Установлено, что главными факторами, от которых зависит само существование такого обширного бассейна, также как и изменения

его уровня, являются объем стока в Арал крупнейших рек Средней Азии – Амударья и Сырдарья (Окса-Яксарта и Джейхуна-Сейхуна) [Кесь, 1979, с. 19-23].

Однако только антропогенный фактор при умеренном использовании вод двух этих рек сам по себе не мог оказать решающее влияние на изменение уровня Арала в прошлом. Такие изменения могли происходить при совпадении во времени антропогенного и климатических факторов.

В прошлом Амударья несколько раз поворачивала течение на запад, в Сарыкамышскую впадину, когда возникал сток по Узбою (сейчас сухое русло реки) в Каспий. Такие повороты были обусловлены природными и антропогенными факторами. Последние были следствием в первую очередь войн, во время которых разрушались плотины и ирригационные системы и воды Амударья устремлялись на запад. Так было в середине первого тысячелетия нашей эры – в IV-VI вв., когда уровень Аральского моря снизился. С VII до VIII в. сток Амударья в Аральское море восстановился, и Арал вновь заполнился. В начале XIII в. во время нашествия монголов, приведшего к разрушениям в Хорезме, Амударья повернула в Сарыкамышскую впадину и наполнила ее [Вайнберг, 1999, с. 18-46].

В очередной раз поворот Амударья в Сарыкамыш, видимо, произошел в связи с захватом Хорезма Тимуром, войска которого почти полностью разрушили многие города и ирригационные системы. В результате Амударья хлынула в Сарыкамышскую впадину, возможно, текла по Узбою в Каспий. Уровень Арала снизился. Произошло это и в конце XIV в.

Однако уровень Арала не был стабильным и в течение последних столетий, но его колебания были связаны главным образом с климатическими изменениями и меньше – с человеческим фактором.

Когда же воды Амударья совсем не доходили до Арала, в частности, эта ситуация сохранялась в XIII – начале XV в., тогда произошло «усыхание Арала», на обнажившемся дне которого были построены города.

В этой связи интересно мнение В. В. Бартольда. Основываясь на данные письменных источников, он писал, что после разрушения монголами «плотины Гурганджа», Амударья изменила направление и стала впадать в Сарыкамыш и по Узбою дошла до Каспия. Он также пишет и об изменении стока Сырдарья.

Ученый приводит слова придворного историка и географа Шахруха Хафиза-и Абру, датированные 1417 г. о «Хорезмийском озере» (Арале): «Этого озера нет, вода Джейхуна проложила себе новый путь и вливается в Хазарское море... После Хорезма река течет большей частью по степи до того места, где вливается в Хазарское море». Хазарское море – это Каспий. О Сырдарье в письменных источниках сообщается, что она «в Хорезмийской степи соединяется с Джейхуном и впадает в Хазарское море». Он же приводит слова

Бабура о Сырдарье, который писал, что «эта река значительно ниже (города) Туркестана вся впитывается в пески и не соединяется ни с какой рекой или морем» [Бартольд, 1965д, с. 50-66].

Это указывает на то, что изменение стока рек, когда большая часть его не попадала в Арал, совпало с циклическим изменением природных факторов. Все это и явилось причиной одного из «исторических кризисов» Арала, который произошел, видимо, в конце XIII – XIV в.

Открытие городов на дне Арала свидетельствует о том, что катастрофа была. Однако слова об «усыхании» Арала, приведенные В. В. Бартольдом, приобретают в связи с обнаружением городов на дне Арала новое звучание. Есть археологические факты, которые ставят точку в вопросе «катастрофы Арала в XIII-XV вв.»: она была. Важная задача уточнить время этого исторического кризиса.

Импортные товары

На городище Антоновка при раскопках «усадьбы богатого человека» собрана коллекция *керамики, покрытой коричневой поливой*, – это большие безручные «пузатые» кувшины с узким коротким горлом и чаши типа пиалы. Эти сосуды привезены из Китая, они предназначены для алкоголя [Байпаков, Воякин, 2007а, прил. 2, рис. 21-23]. Интересна также найденная на городище Антоновка бронзовая бляха с изображением дракона, видимо, китайского производства.

Уникальной находкой являются вещи из разрушенного кургана неподалеку от караван-сарая Чингильды, принадлежащие монгольскому аристократу. Это электрическая чаша для питья с петелькой для подвешивания и золотые бляхи к поясу [Байпаков, Савельева, 2004, с. 126, 128].

Рис. 201. Городище Антоновка. Китайская керамика

Рис. 202. Чингильды. Электровая чаша для питья

В составе Талгарского клада, в котором находилось бронзовое блюдо с изображением сфинксов, орнаментированное прорезным орнаментом, растительным и зооморфным, были еще четыре фарфоровые чаши в форме пиал, высотой 7 см, диаметром 21,7 см. Внутреннюю поверхность их занимает лазурный гравированный орнамент. Прорезные линии имеют зеленый цвет, тогда как фон чаши - белый. Чередуются они с медальонами в форме китайского гриба – символа долголетия. Фигуры и медальоны вплетены в стилизованный растительный орнамент. На донцах чаш нанесены китайские иероглифы. Чаши, как и другие вещи из клада, относятся к XII-XIII вв.

Кроме этих чаш, найдены фрагменты китайских белых фарфоровых чаш с рельефным растительным орнаментом, селадонные изделия и из голубого фарфора, также с рельефными узорами. На внешней стороне одной пиалы, на расстоянии 1,8 см от дна, находятся семь просверленных дырочек (глубиной 0,15 см), которые расположены на расстоянии 0,8 см друг от друга, по три параллельно и одна в конце линии на расстоянии 0,4 см от обеих линий в середине [Нифонтова, 1948, с. 117-118; Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 113].

Иранский сосуд, расписанный мастером, рисунок, которого состоит из переплетенных полос с надписями по-персидски и фигур птиц в образовавшихся ромбах, был найден при раскопках «усадыбы богатого человека» в Антоновке.

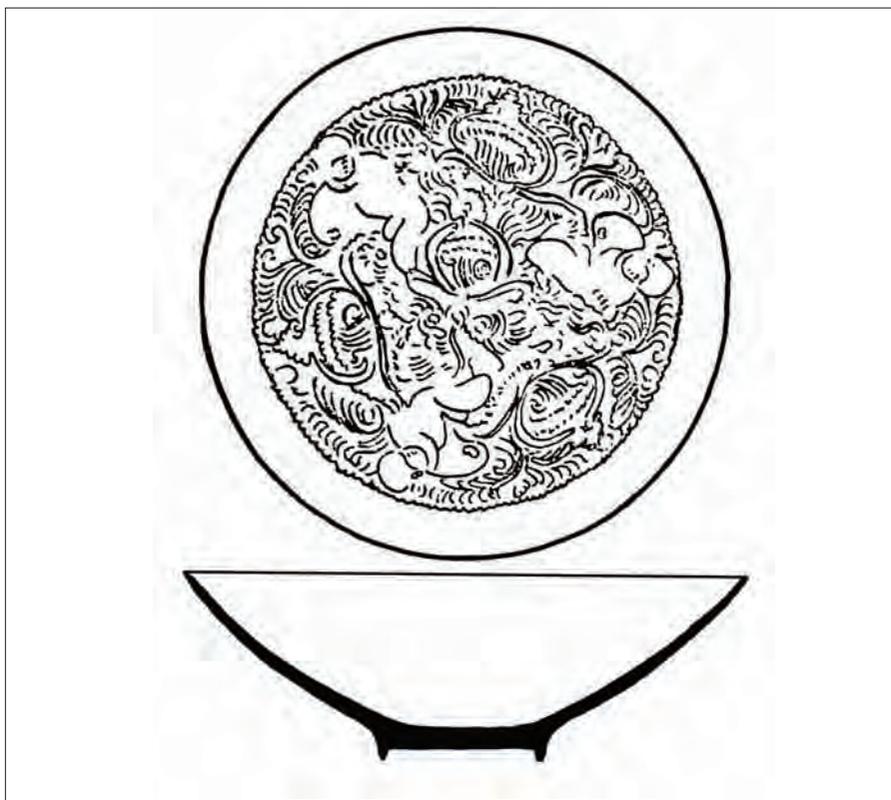

Рис. 203. Городище Талгар. Китайская чаша

Рис. 204. Городище Талгар. Фрагмент зооморфного сосуда под «люстр»

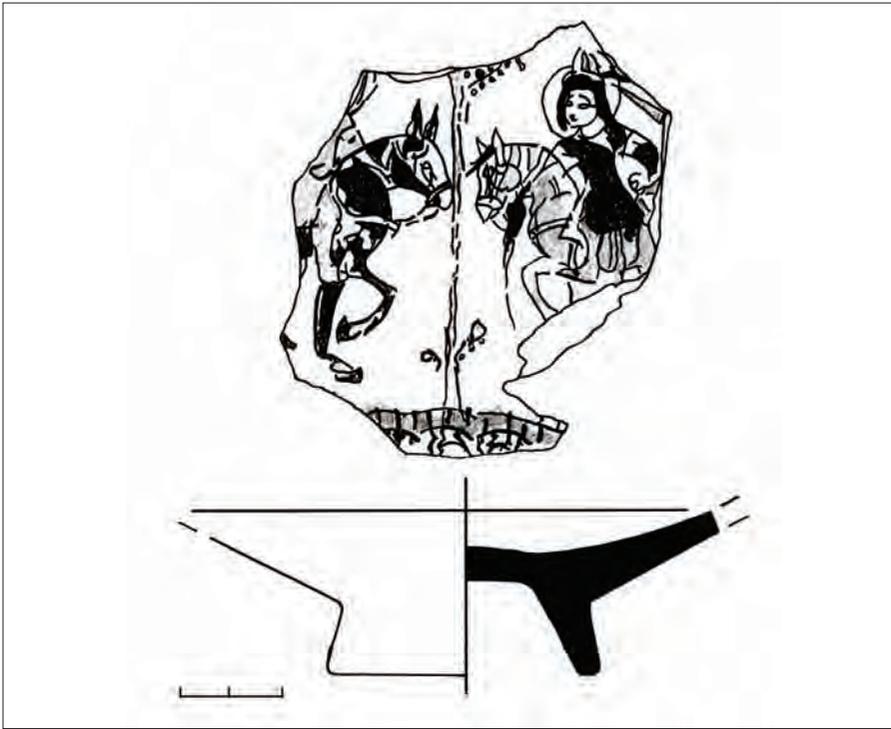

Рис. 205. Городище Антоновка. Фрагмент сосуда с изображением «всадников и дерева»

Из Талгара происходит *зооморфный сосуд* с горлышком, оформленным в виде головы петуха.

Такие сосуды широко распространены в керамике Ирана. Сосуд из Ирана с головой петуха известен в коллекции Г. Глюке. Он был изготовлен в Гургане в XIII в. [Ehibition, 1988, pic. 67].

Интересной редкой находкой на раскопе 13 является донце *белофонной чаши из кашина* с надглазурной росписью синими, черными и голубыми красками с изображением «всадников и дерева». Близкие аналогии существуют в хорезмском керамическом комплексе: чаша IX – начала XIII в., найденная при раскопках городища Джанпык-кала. Эта чаша была обнаружена в слое XVI в. [Рапопорт, Неразик, Левина, 2000, с. 115]. Еще одно керамическое блюдо, относящееся к началу XIII в., происходит из Ирана. На нем изображены два всадника, встречающиеся у дерева.

На всех трех чашах присутствуют идентичные элементы: дерево в центре, листочки которого выполнены точечным мотивом, а на чаше из Джанпык-калы нарисованы плоды дерева; расположение всадников, повернутых друг к другу, указывает на их встречу; изображения гарцующих лошадей, бьющих копытами; наличие восточной одежды. На чашах из Джанпык-калы и Каялыка видны одинаковые нимбы над головой одного из персонажей и схожесть в ношении головного убора.

Дерево же, находящееся по центру, символизирует образ мирового Древа, воплощающего универсальную концепцию мира. Троичность по вертикали мирового Древа подчеркивается отношением к каждой части особого класса существ, чаще всего животных. При членении мирового Древа по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части. С помощью Древа различимы основные зоны вселенной – верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство). С верхней частью (ветви) Древа связываются птицы (часто две – симметрично или одна – на вершине, нередко — орел); со средней частью, стволом – копытные (олени, коровы, лошади, антилопы и т.д.), изредка пчелы, в более поздних традициях и человек; с нижней частью (корни) – змеи, рыбы или фантастические чудовища хтонического типа. Горизонтальная структура Древа образуется самим деревом и объектами по сторонам от него. Обычно по обе стороны от ствола находятся симметричные изображения копытных и человеческих фигур (боги, мифологические персонажи, жрецы, люди). Если вертикальная структура дерева связана со сферой мифологического, прежде всего космологического, то горизонтальная структура, соотнесенная с ритуалом и его участниками. Роль Древа мирового в мифопоэтическом проявлении определяется тем, что оно выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмосом) и человеком (микрокосмосом) и является местом их пересечения.

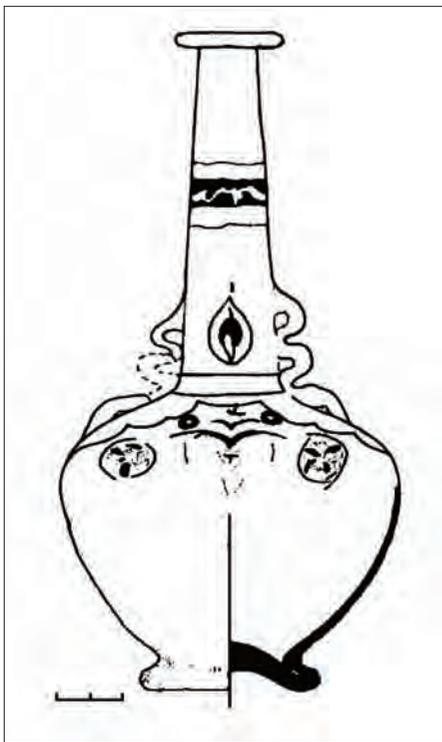

Рис. 206. Отрар. Стекланный графин

В Отраре в слое XIII-XIV вв. среди других интересных находок найден *стеклянный графин*, деформированный под действием огня. Высота сосуда 21 см, диаметр тулова 5,7 см. В отличие от скромно украшенных местных стеклянных изделий, этот графин из Отрара расписан цветными (синий, красный, желтый) эмалями. Контур орнаментальных фигур, охватывающих основание волнистых речек на плечиках, покрыт золочением. Позолоченная кайма, в свою очередь, оконтурена тонкой линией красной эмали. Своеобразна и сама композиция орнамента, покрывающего верхнюю часть тулова.

В городах Казахстана в средние века было широко развито стеклоделие.

Обходились такими способами лакирования, как выдувание в рельефную форму, шлифование и полировка, накладывание цветных нитей с последующей их обработкой. В самом Отраре в средневековых слоях находки стеклянных сосудов – массовое явление, однако ранее столь сложно декоративные изделия здесь были неизвестны.

Наиболее известным в средние века центром художественного стеклоделия была Сирия.

В XII-XIII вв. в сирийских городах налаживается изготовление стеклянной утвари, украшенной цветной эмалью и позолотой. Фрагменты этих «изделий» археологи находят при раскопках средневековых городов.

В Восточной Европе времени монгольского нашествия сирийские стеклянные сосуды попадают в клады наряду с изделиями из золота, серебра и другими сокровищами. В быту состоятельных жителей среднеазиатских городов ближневосточное стекло было не очень большой редкостью. Ибн Баттута, посетив Хорезм в XIV в., обратил внимание на собрание высокохудожественного стекла в доме одного местного кади, о чем он упомянул в своем сочинении. К. Ламм, приводя рассказ Ибн Баттуты, высказал предположение, что это были, скорее всего, стеклянные сосуды сирийского производства.

Отметим, что на Востоке, в частности в Средней Азии, всегда отдавался приоритет именно изделиям из сирийских центров стеклоделия, о чем говорят письменные источники.

Однако рассматриваемый образец не удастся отнести к какому-либо центру сирийского стеклоделия, лишь ряд характерных признаков декора (наложение эмали рельефным слоем, оконтуривание широких позолоченных полос тонкими эмалевыми линиями) свидетельствует о том, что изделие это относится к позднему (XIII-XIV вв.) периоду развития сирийского искусства стеклоделия [Смагулов, 1997, с. 170-171].

При раскопках городища Антоновка был также найден обломок стеклянного сосуда, расписанный эмалью, на горловине его иранская надпись.

Направление торговых связей Казахстана в XIII – первой половине XV в. определяется импортными изделиями. Это керамика и стекло, ювелирные

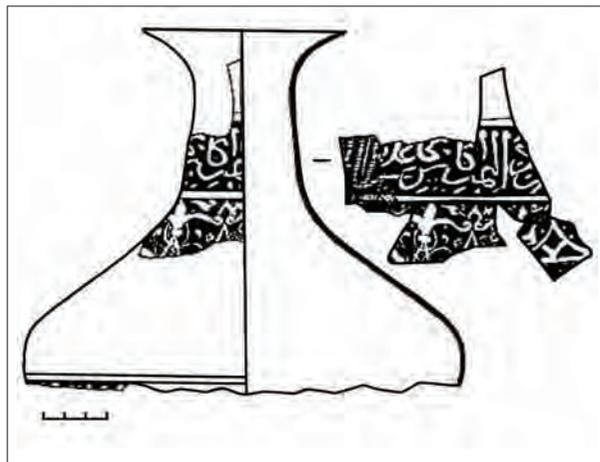

Рис. 207. Городище Антоновка. Обломок стеклянного сосуда

украшения, серебряная, бронзовая и медная утварь, украшения одежды, конское снаряжение и оружие, поделки из кости и камня.

К сожалению, одежда, ткани, ковры, изделия из дерева не сохраняются, и находки их даже во фрагментарном виде очень редки, хотя и есть исключения.

В декабре 1974 г. во время мелиоративных работ в районе городища Отрар был обнаружен клад серебряных изделий и монет. Сосуд, в котором он помещался, – широкогорлый кувшин высотой 30-35 см с коленчатой ручкой [Байпаков, Настич, 1981, с. 20-59].

Клад связан с усадьбой, входившей в группу построек XII-XIV вв., расположенных восточнее Отрара (между пос. Шаульдер и Талапты).

Ювелирные изделия и предметы клада. Основную часть клада составляют ювелирные украшения: серьги, браслеты, бусы, перстни. Имеются детали наборного пояса – пряжка, серебряные накладки, кольцо; обломки серебряных чаш, часть пластинки с заклепками, позолоченные кусочки серебряных изделий, назначение которых выяснить не удалось, а также слитки серебра. Ряд изделий (чаши, некоторые браслеты и височные подвески) разломаны; фрагменты чаш сплющены, превращены в бесформенные куски или разбиты на мелкие части, по которым восстановить форму изделий невозможно. От перстней отломаны щитки-печатки. Создается впечатление, что металл готовился к переплавке. В кладе представлены монеты Алмалыка, Пулада, Эмиля, Орду ал-Адема, Дженда, Сиваса, Конши, Тебриза. Это своеобразные «визитки» городов на Великом Шелковом пути. Среди находок, свидетельствующих о международной торговле, являются и вещи клада.

Слитки серебра. Самый крупный из них овальной формы с загнутыми краями, размерами 119 x 147 мм и весом 1410 г. Два брусковидных слитка с закругленными краями (часть одного из них обрублена); два других в виде конических палочек со следами проковки. Такого типа свинцовые конические палочки длиной 4-6 см и диаметром 2-3 см широко представлены в материалах золотоордынского времени.

Такие слитки появились в Евразии еще в конце X – начале XI в. и широко использовались в международных торговых операциях. В XIII-XV вв. широко распространяются серебряные слитки сомы [Бартольд, 1965д, с. 59]. Они встречаются в Солхате, Крыму, в Средней Азии и Казахстане. Служили они и «международными деньгами», и в качестве товара. Термин «сомы» был перенесен и на бумажные деньги [Валеев, 2012, с. 131-137].

Детали наборного пояса. Сохранились пряжка, две накладки и кольцо. Пряжка литая, состоит из двух частей – рамки для укрепления ремня и сердцевидной фигуры с тремя отверстиями, поверхность которой украшена гравировкой и гладким пунктирным чеканом. Концевое отверстие служило для крепления к крючку, который нашивался на другой конец ремня.

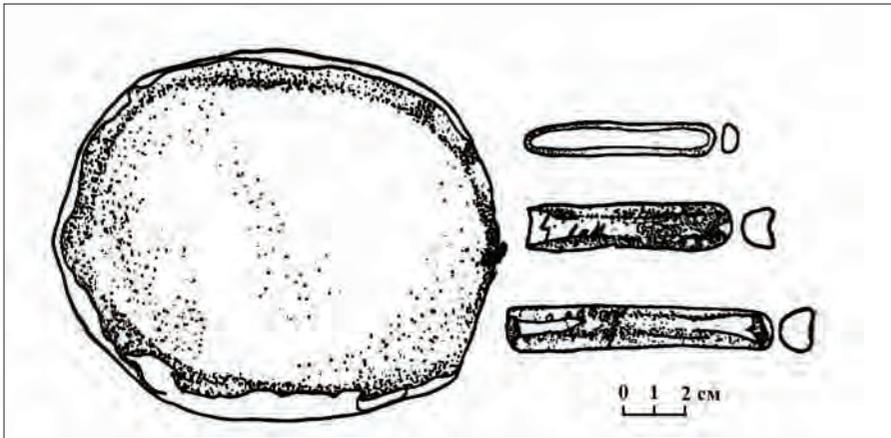

Рис. 208. Отрар. Слитки серебра

Две накладки (правая и левая) прямоугольной формы, одна сторона оформлена в виде арки, образованной растительными завитками. Орнамент выдавлен штампом, свободная поверхность обработана точечным чеканом. Часть орнамента нанесена резцом. В углах накладок пробито по пять дырочек для крепления. Края рамки вогнутые, обработаны чеканом в виде тонких плотных пружинок. В центре находится геометризованная фигура, состоящая из предмета кувшиновидной формы с примкнутыми к нему вершинами треугольниками и полумесяцем. Справа и слева — растительный орнамент (переплетенные побеги с завитками и трилистниками). Вверху и внизу от геометризованной фигуры в плетеной рамке — арабские надписи декоративного куфического стиля, выдавленные в зеркальном отображении и читаемые с вогнутой стороны: *Вечное могущество* или *Непреходящая слава*.

Кольцо литое, ромбовидного сечения, диаметр его отверстия 2,5 см. Служило оно для крепления к поясу различных предметов.

Пряжка из Отрарского клада близка бронзовой, найденной А. В. Терещенко на Царевском городище и датируемой XIV в. [Коллекция Гос. Эрмитажа, Сар-13]. Накладки и кольцо сходны с серебряными бляшками поясного набора из монгольского погребения в Самарканде [Буряков, Крамаровский, 1974, с. 258-263].

Среди разбитых и разломанных вещей, числом до нескольких десятков, выделяются обломки *изделий с позолотой*.

Два фрагмента серебряной пластинки, шириной 4,2 см с заклепками. Края их украшены «жемчужинами» в рамке из выпуклых параллельных полос, по центру располагается надпись уйгурским вертикальным письмом. Связное чтение надписи невозможно, поскольку значительная часть ее утрачена. Сохранившиеся фрагменты можно читать как «...*Bu dadim q...* и «...*qta men'm...*». Фрагмент предмета дисковидной формы изготовлен из тонкой пластинки со штампованным орнаментом в сочетании с чеканкой и гравировкой.

По краю пластинки нанесен растительный орнамент, остальная поверхность разделена чеканкой. Обломки изделий в виде пластинок со штампованным орнаментом и чеканным фоном.

Тисненая поясная накладка с двумя серебряными шпеньками, припаянными изнутри. Форма накладки полулунная с арочным обрезом нижнего края. Орнамент в виде распахнутых крыльев.

Ажурная позолоченная поделка овальной формы с тисненым растительным орнаментом.

Обломки пластинчатой формы, орнаментированные пунктирной гравировкой и резьбой в виде полосы плетенки.

Предмет цилиндрической формы. От него сохранилась нижняя часть в виде кольца с припаянной серебряной трубочкой, украшенной чеканкой и гравированным растительным орнаментом.

Зеркала. В монгольское и послемонгольское время значительно расширилось производство зеркал. Это связывают с перемещением населения и прежде всего ремесленников. Появляются новые центры производства зеркал.

Отсюда они и распространялись, но зачастую найденные бронзовые зеркала, судя по грубости отливок, сглаженности

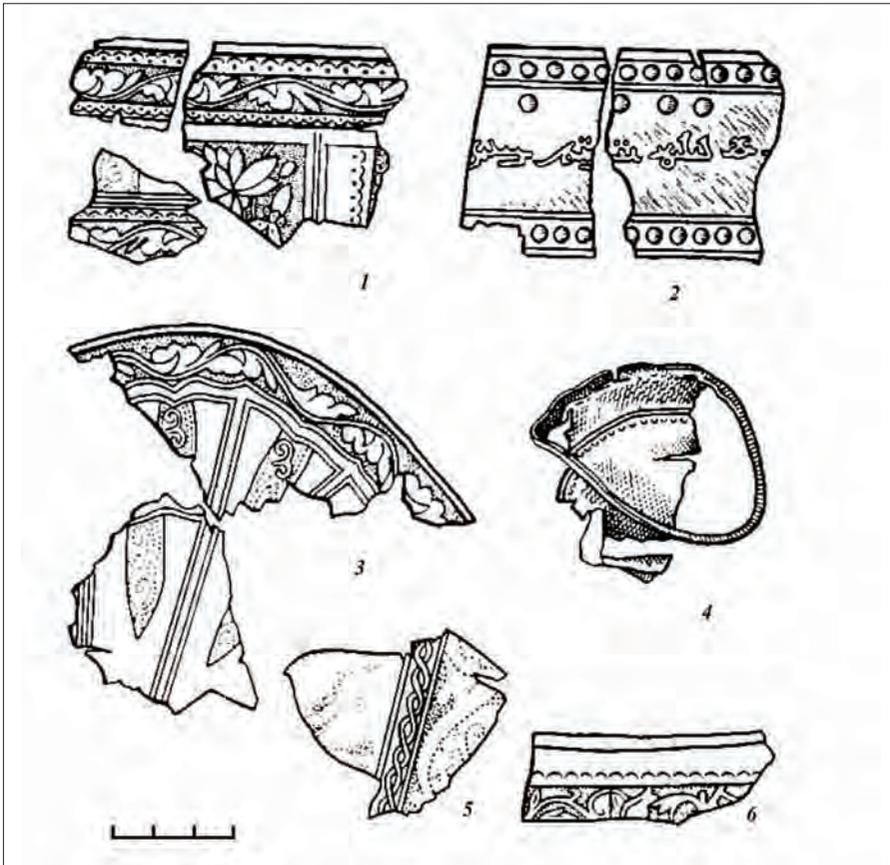

Рис. 209. Оттарский клад. Серебряные изделия с позолотой

рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя некоторые из них, бесспорно, являются копиями привозных зеркал. Их отливали в формах из сплава оловянистой бронзы со свинцом. Качественный и количественный состав сплава зеркал однообразен, что подтверждает местное производство этого типа изделий. Большая группа зеркал найдена в Отраре. Эти зеркала уже были опубликованы [Байпаков, 2013, с. 368-369, рис. 108]. Следует отметить, что зеркала, о которых пойдет речь, найдены в слое XIII в., но их производство началось еще в домонгольское время.

По характеру украшающего оборотную сторону орнамента, зеркала подразделяются на несколько типов. *Зеркала с растительным орнаментом* в виде дисков диаметром 7,5-8 см, с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Орнамент рельефный, представлен розеткой в центре, окруженной переплетающимися трилистниками на изогнутых стеблях и сердцевидными фигурами. Похожие зеркала встречены в половецких захоронениях XIII-XIV вв., например, зеркало в кургане 3 могильника Алебастрово II в Уральской области. В орнаменте его оборотной стороны использованы шестиугольник с вогнутыми сторонами, сердцевидные фигуры [Кригер, Железчиков, 1980, рис. 2, 1].

Зеркала с растительно-геометрическим орнаментом. У одного из них рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками. В пространство между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы лотоса изображены на зеркалах X- XIII вв., найденных в Сибири [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 65, рис. 49, 50].

Зеркала с солярным орнаментом характеризуются изображением солнечного круга в центре с лучами в виде переплетающихся линий. Аналогов этому зеркалу немало [Арсланова, 1968, с. 110; Кригер, Железчиков, 1980, рис. 3].

Группа зеркал имеет зооморфный орнамент. Сохранились обломки, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов. Идентичные зеркала найдены в Павлодарском Прииртышье [Арсланова, 1968, с. 110, рис. 135], Хорезме [Кдырнязов, 1981, с. 127, рис. 3, 5], Поволжье золотоордынского времени [Федоров-Давыдов, 1966, с. 82, рис. 13], в Сибири [Лубо-Лесниченко, 1975], на Дальнем Востоке [Шавкунов, 1960, с. 235, рис. 6].

Одно зеркало диаметром 14,2 см отличается сложным орнаментом. Его плоскость разбита на три концентрические полосы. В центре, видимо, находился медальон. Внешняя полоса занята изображением «звериного гона». Различаются лев, олень и, видимо, собака. Изображения животных переплетаются с растительным орнаментом. Две другие полосы заполнены растительным орнаментом. Зеркала этого типа датируются XI-XIII вв. Аналогичное зеркало найдено в Минусинской котловине, но, в отличие от отрарского, у него есть пояс с благожелательной арабской надписью [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 104, рис. 99].

Зеркало диаметром 6,5 см грубое, с краями разной толщины сделано на месте по отливке с импортного оригинала. По внешнему его краю идет ободок из восьми медальонов, по внутреннему — из четырех. В каждом медальоне имеется изображение животного. В медальонах внешнего круга различаются кабан (свинья), собака, птица (петух), барс; внутреннего — лошадь, баран. Остальные изображения нечеткие. Между медальонами нанесены иероглифические цикличные знаки. Всего их десять. Зеркало, помимо своего утилитарного назначения, выполняло роль календаря с распространенным на Востоке 12-летним животным циклом. Такие зеркала относятся к более раннему времени, известны по коллекции из Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, с.42, рис. 12-13]. Предметы же, связываемые исследователями с календарями, встречены в южно-казахстанских и семиреченских городах в слоях XII-XIII вв. [Сенигова, 1962, с. 156-157, рис. 34].

В Талгаре при раскопках были найдены бронзовые среднеазиатского происхождения зеркала [Копылов, 1988, с. 73]. Одно из них представлено половинкой диска диаметром 11,1 см, массой 118 г. Обратная сторона плоская. Ободок в виде неглубокого желобка шириной 0,7 см. Внешний его край имеет в разрезе вид остроугольного выступа высотой 0,2 см, тогда как внутренний — узкого желобка. В центре зеркала находится держатель в виде брусочка

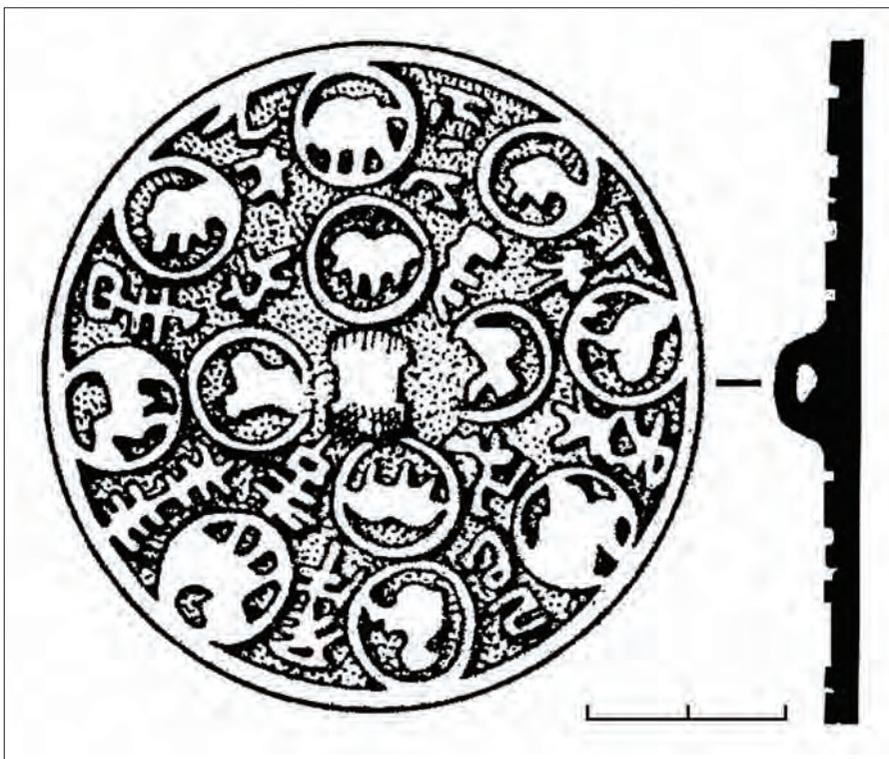

Рис. 210. Отрар. Зеркало с изображением животных двенадцатилетнего календарного цикла

размерами 0,4 x 0,8 x 1,1 см. Вокруг держателя на некотором от него удалении прочерчен круг диаметром 3,3 см. Поле, заключенное между этим кругом и ободком, декорировано растительным орнаментом в виде виноградной лозы с листьями, в переплетении которой имеется арабская надпись, исполненная почерком «насх» и означающая в переводе Л. Т. Гюзельян «Славы, и успеха, и счастья». Зеркало отлито из высокооловянистой бронзы. Зеркала подобного типа с арабской надписью, исполненной почерком «насх» и означающей в переводе «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь», известны из Нового Сарая и Булгара [Федоров-Давыдов, 1966, с. 73]. Серия таких зеркал восточного производства опубликована Е. И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 22, №286-288].

Зеркало (с изображением медальонов) имеет форму плоского диска диаметром 11,7 см; ободок в виде прямого бортика высотой 0,4 см и шириной 0,5 см. В центре тыльной стороны находится держатель полусферической формы высотой 0,7 см со сквозным отверстием диаметром 0,3 см. Поверхность зеркала покрыта патиной темного цвета. Сохранность его хорошая, но в одном месте образовалось сквозное отверстие от окисла. Зеркало декорировано высокорельефным орнаментом, состоящим из последовательно расположенных на равном друг от друга расстоянии (примерно 0,5 см от внутренней грани ободка) восьми полусферических шишечек высотой 0,2-0,3 см и диаметром 0,5 см. Между этими шишечками размещены восемь медальонов. Четыре медальона своей формой напоминают височные кольца или серьги. Остальные четыре представляют собой составленные из четырех полудуг круги с вписанными в них квадратами, образованными из четырех рельефных угольников. Посреди каждой стороны квадратов расположена точка - полусфера, а внутри них изображен рельефный круг из перлов. Наконец, вокруг полусферного держателя имеются четыре крестообразно расположенных кольца, составленных из восьми перлов (некоторые из них напоминают по форме рисовые зерна). Прямых аналогов не обнаружено.

Эти зеркала попали в Северо-Восточное Жетысу из Средней Азии или Ирана [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 107, рис. 112].

Зеркало с изображением журавлей или аистов – самое большое по размерам, имеет слегка выпуклую отражающую сторону. Его диаметр 14,5 см, масса 323,3 г. Ободок на тыльной стороне имеет в разрезе форму равнобедренного треугольника высотой 0,5-0,6 см, шириной в основании 0,9 см. Вдоль внутреннего края ободка помещен круг из перлов. Еще один круг из перлов расположен в центре диска и окаймляет собой петельчатый держатель высотой 0,8 см со сквозным отверстием для шнура. Пространство между малым и большим кругами разделено на четыре сектора прямыми линиями, отходящими от внешней грани малого круга и заканчивающимися у внутренней грани большого круга. Эти прямые линии составлены из таких же перлов,

что и круги. В каждом из четырех секторов помещены изображения, напоминающие ветки трилистника, облаковидных завитков и летящего журавля или аиста. Перья на широко распахнутых крыльях птиц изображены несколько схематично, в виде расположенных в два-три ряда коротких врезных линий; вытянутые далеко назад ноги показаны трехпалыми. Все четыре птицы летят в одном направлении слева направо.

Зеркала с подобным членением тыльной стороны на четыре сектора обнаружены в Минусинской котловине. В соответствии с распространенным на Дальнем Востоке обычаем, зеркала с изображениями цветов и аистов принято считать свадебными. Известно, что изображения журавлей выражали пожелание любви и согласия между супругами, долголетия, а изображения красноголового аиста - успеха на служебном поприще. Вполне допустимо, что подобные благопожелания были заключены и в рисунке вышеописанного зеркала.

Изображение аистов или журавлей входит в разряд «благожелательной символики», встречается на многих разнотипных экземплярах [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 26-27, 30-31].

Третье зеркало, как и предыдущее, имеет форму диска с едва заметной выпуклостью на отражающей стороне. Диаметр его 13,2 см, масса - 241,95 г. Ободок зеркала представляет собой в разрезе равнобедренный треугольник с боковыми гранями в 0,5-0,6 см и основанием шириной 0,8 см. В центре диска находится сработанный держатель со сквозным отверстием диаметром 0,5 см. Вокруг держателя расположен составленный из перлов круг. Такой же круг имеется и вдоль внутреннего края ободка. Как и у предыдущего зеркала, пространство между малым и большим кругами разделено на четыре сектора прямыми линиями из перлов. Интересно при этом отметить, что некоторые перлы своей формой напоминают рисовые зерна. В каждом из четырех секторов изображены по три летящие птицы с широко распахнутыми крыльями и вытянутыми, как у аистов и журавлей, лапами. Птицы расположены в два яруса. В нижнем ярусе в каждом секторе изображено по одной птице, а в верхнем - по две. При этом в нижнем ярусе в трех секторах птицы показаны летящими друг за другом, тогда как в четвертом - навстречу первой. В верхнем же ярусе в каждом секторе птицы изображены улетающими друг от друга. Зеркало отлито из бронзы желтого цвета. Как и предыдущее, это зеркало относится, скорее всего, к категории свадебных. По всей видимости, птицы на этом зеркале являются не чем иным, как фениксами, изображения которых широко использовались с Танского времени [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 20-21].

Необходимо отметить широкое распространение этого вида зеркал в период Северной Сун (X-XII вв.) [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 25].

Интересен и тот факт, что для зеркал, описанных выше, характерны наличие узкого бортика, drobный орнамент и невысокий рельеф, что полностью соответствует Сунским зеркалам X-XII вв.

Рис. 211. Городище Талгар. Зеркала XII-XIII вв.

Еще одно зеркало - круглое. Ручка, петля-шишечка и другие способы крепления отсутствуют. Орнаментальное поле занято сюжетным изображением четырех людей. Двое из них композиционно размещены в левой и правой частях орнаментального поля в сидящей позе. Одежда и головные уборы выполнены в дальневосточной традиции. В нижней части изображена коленопреклоненная фигура человека с «воздетыми» руками к левосторонней фигуре. Человек намеренно изображен вдвое меньше фигур, размещенных в левой и правой частях. В верхней части прослеживается нечеткое изображение человека, композиционно тяготеющего к правой фигуре. Изображение человека выполнено в уменьшенном масштабе – «униженном» виде. Проследить позу представляется затруднительным. В центральной части композиции, по всей видимости, изображена нижняя часть какого-то сосуда с фестончиками и горизонтальным желобком, делящим сосуд на

части. Изображение исполнено в высоком рельефе. Ободок зеркала представляет собой узкую высокорельефную ленту. Диаметр зеркала – 57 мм, ширина ободка – 4 мм, высота ободка – 3 мм.

Прямых аналогий зеркалу не найдено. В предмонгольское время, по мнению Е. И. Лубо-Лесниченко, «усиливается тенденция украшать зеркала сценами на религиозные, мифологические, а иногда просто благопожелательные темы. Это явление тесно связано с общим развитием искусства предмонгольского времени. Репертуар декора зеркал чрезвычайно широк и расшифровать его символику во многих случаях не удается» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 26]. Это полностью относится к описанному зеркалу.

К числу *китайских или киданьских изделий*, которые, к сожалению, утрачены, относятся изделия с надписями иероглифическим письмом. Это каменная печать с надписью «увеличивая доходы и выгоды» и игральная кость с надписью «Шуй» – вода или собственное имя [Копылов, Керекеша, 1993, с. 128]. Надпись прочитана Е. И. Лубо-Лесниченко. К памятникам киданьской эпиграфики относится надпись на сосуде, выполненная тушью [Копылов, Керекеша, 1993, с. 129]. Ее киданьскую принадлежность определил В. С. Таскин.

Разнообразны изделия из бронзы – это кувшины, светильники, чернильница.

В Отраре найдена импортная *бронзовая чернильница*. Цилиндрический корпус ее слегка суживается к венчику. С трех сторон к корпусу приклепаны шарнирные, в виде трилистника, держатели к которым крепились фигурные колечки. Литая крышка имеет в центре верхней плоскости навершие и по краям приклепаны три скобы. Высота корпуса 5,5 см, диаметр дна – 8 см, венчика – 7 см, высота с крышкой – 9,5 см. Изготовлена из золотистой бронзы, линии декора инкрустированы красной медью. Декор тулова разбит на три яруса: в верхнем и нижнем расположены надписи. Слова разделены крупными медальончиками со стилизованным изображением лотоса. В среднем трижды повторяющаяся вьющаяся ветвь, фон проработан кружковым пуансоном.

На крышке также нанесены три благопожелания, разделенные тремя круглыми медальонами с изображением уточек, снаружи в центре дна был круглый медальон с изображением крылатого сфинкса (или грифона). Центральная часть дна утрачена, сохранился лишь фрагмент медальона, но сюжет изображения можно предполагать с достаточной долей уверенности. Сохранилось изображение задней части туловища с загнутыми вверх хвостом и концами крыльев.

Среди хорасанских художественных бронз, инкрустированных серебром и красной медью, представленных в музейных собраниях восточного металла, известен ряд аналогичных чернильниц. Подразделяются они, по-видимому, на хронологические группы, отличающиеся характером декора. В первую, более раннюю группу, входят: чернильница из Мунчактепа (хранится в Наманганском

музее Узбекистана) с изображением на корпусе в трех круглых медальонах правителя, сидящего на троне; чернильница из собрания Музея истории АН Республики Узбекистан с изображением песка в фигурных медальонах на корпусе; две чернильницы хранятся в Институте истории им. Л. Дониша (Душанбе, Таджикистан), а также чернильницы из собрания Эрмитажа и Метрополитен Музея (США) и из других музейных коллекций. Эти образцы датируются временем XI-XII вв. и имеют иную орнаментальную композицию на тулове.

Отрарская чернильница по декору боковой поверхности корпуса ближе к экземплярам, хранящимся в Эрмитаже (найлены в Поволжье) и в Британском музее. Они объединяются общими принципами декоративной системы, но отличаются материалом инкрустации, некоторыми деталями орнамента и датируются более поздним временем: второй половиной XII – первой половиной XIII в.

Интересно отметить, что в надписях отрарской чернильницы содержится пожелание «счастья, благоденствия, могущества». Такие благожелательные надписи обычны для этого вида изделий [Смагулов, 1997, с. 171-172].

В регионе к востоку от Сырдарьи, вдоль трасс Великого Шелкового пути в последние годы идет интенсивное накопление разновременных произведений художественного ремесла, происхождение которых можно достаточно определенно связывать с ремесленными центрами Северо-Восточного Ирана. В музейные коллекции они попадают в результате археологических раскопок,

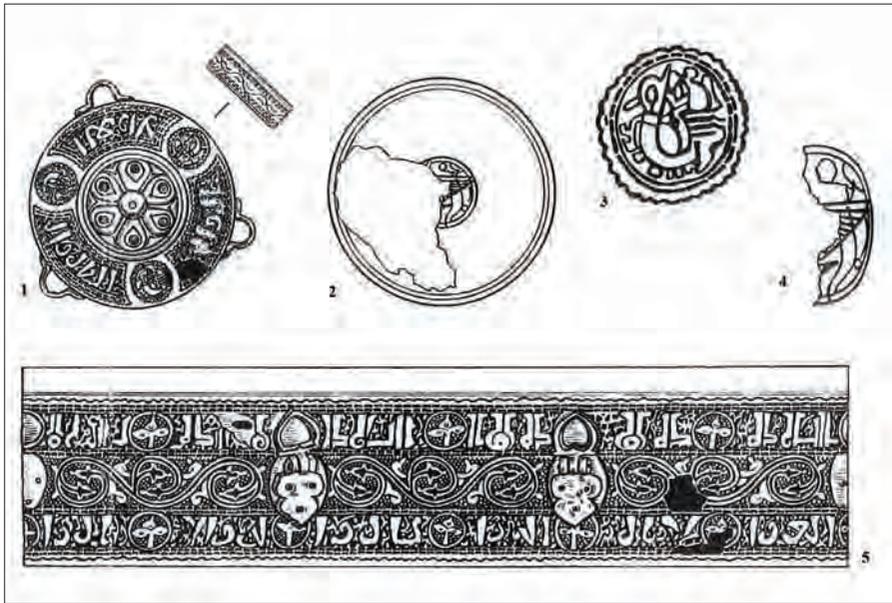

Рис. 212. Отрар. Бронзовая чернильница. Прорисовка.

1 – крышка; 2 – дно; 3 – медальон с изображением утки; 4 – фрагмент дна с изображением в центре; 5 – развертка декора тулова

или, что чаще всего, как случайные находки при земляных работах. Так, в Центральном Государственном Музее Республики Казахстан (г. Алматы) хранятся два бронзовых кувшина, местонахождение которых Семиречье или Южный Казахстан. Один из них имеет грушевидное тулово, оттянутый слив, граненая ручка имеет призматическое навершие, т. е. форма этого сосуда восходит к сасанидским прототипам, но датируется он в рамках IX-XIII вв. Второй кувшин имеет округлое тулово, лишенное декора, цилиндрическая горловина которого с небольшим раструбом к венчику богато орнаментирована инкрустацией красной медью. На навершии декоративной ручки – скульптурный плод граната, ствол ручки в виде ложных бусин. На венчике граната в круглом медальоне помещено изображение сирены (птицы с женской головой), на горловине, в нижнем и верхнем декоративном поясе – арабские благопожелательные надписи [Байпаков, 1986, рис. 76, 77].

В коллекции импортных вещей, найденных на городище Талгар, имеется *бронзовая ручка от котла*. Она представляет собой массивный литой предмет, функционально состоящий из трех частей: центральной, выполненной в виде головы хищника кошачьей породы (гепард или барс) и выполняющей роль основного крепления, о чем свидетельствует специально клинообразно вырезанная, горизонтально расположенная пасть животного, на которой ярко прослеживаются следы, возникшие в результате соприкосновения с металлом; и двух боковых упоров, сделанных в виде стилизованных лап животного, окончанием которых служат плоскости пиковидной формы. На ровной внутренней поверхности этих плоскостей, вытянутых горизонтально, также прослеживаются следы от соприкосновения с металлической поверхностью.

Голова животного объемная: нос, вытянутый вертикально, от пасти до лба представляет одно целое с ушами и лбом, показанные низким рельефом. Усы животного выполнены в форме двух треугольников, отделенных от носа вертикально прорезанными глубокими линиями, снизу ограничены горизонтально расположенной пастью.

Дополнительно плоскости усов, носа и лобной части украшены прорезанными линиями, клиновидно сходящимися в нижней части и округло – в верхней. Чуть выше усов, двумя полукруглыми линиями, исходящими из одной точки, показаны ноздри. Лобная часть, включающая в себя округлые, немного вытянутые уши, выделена по краю на всем протяжении линий; ушные раковины дополнены завитками. Отдельно короткими вертикальными линиями выделены надбровные дуги, двумя противостоящими завитками показаны складки в центре лба. Особо выделены глаза, находящиеся по обе стороны носа – это прорезанные угольники, внутренняя часть которых – круг, зрачки показаны точками.

Верхняя часть головы, точнее пространство между ушами, заполнено чешуйчатообразным рисунком, воспроизводящим загибок, отделенный парными линиями. V-образно расходящиеся от центра уши, далее соединяются и спускаются от головы на всем протяжении шеи до основания стилизованных лап.

Шея животного украшена неровными (волнообразными) треугольниками, расположенными в два ряда, углами по направлению к скату шеи. Шея подтреугольная в сечении, нижняя часть ее скруглена, верхняя же, напротив, выпуклая. Она сужается в центральной части, а затем немного расширяется, таким образом, осуществляется плавный переход от головы к шее и затем к нижней части, где из валикообразных утолщений овальной формы – плечиков, исходят стилизованные лапы, восьмигранные в сечении. Три грани из восьми украшены вырезанным стилизованным растительным орнаментом. Две стилизованные лапы имеют форму полукруга, что трактуется округлостью стенок сосуда. Размеры: длина средней части – 95 мм, длина стилизованных лап – 166 мм, диаметр головы – 33 мм, толщина шеи – 24 мм, высота шеи – 27 мм, толщина (диаметр) лап – 12 мм, длина пиковидных плоскостей 29-31 мм, длина прорези

Рис. 213. Городище Талгар. Бронзовая ручка котла

пасти – 26 мм, ширина прорези пасти – 11 мм, высота головы – 36 мм, ширина лобной части – 36 мм, ширина между кончиками ушей – 36 мм, высота ушей – 17 мм.

Ручки такого типа достаточно широко известны в материалах раскопок, в коллекциях бронзовых вещей из различных районов Средней Азии, Ирана, Афганистана. Прекрасный образец ручки в виде головки гепардов или барса найден при случайных обстоятельствах на городище Бударач в Южном Узбекистане (в составе клада). Датируется ручка XI в. [Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991, с. 116, рис. 553].

Видимо из районов Средней Азии происходит найденная при раскопках богатой усадьбы на городище Антоновка *бронзовая ложка-нож* с инкрустацией серебром [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 111, рис. 122].

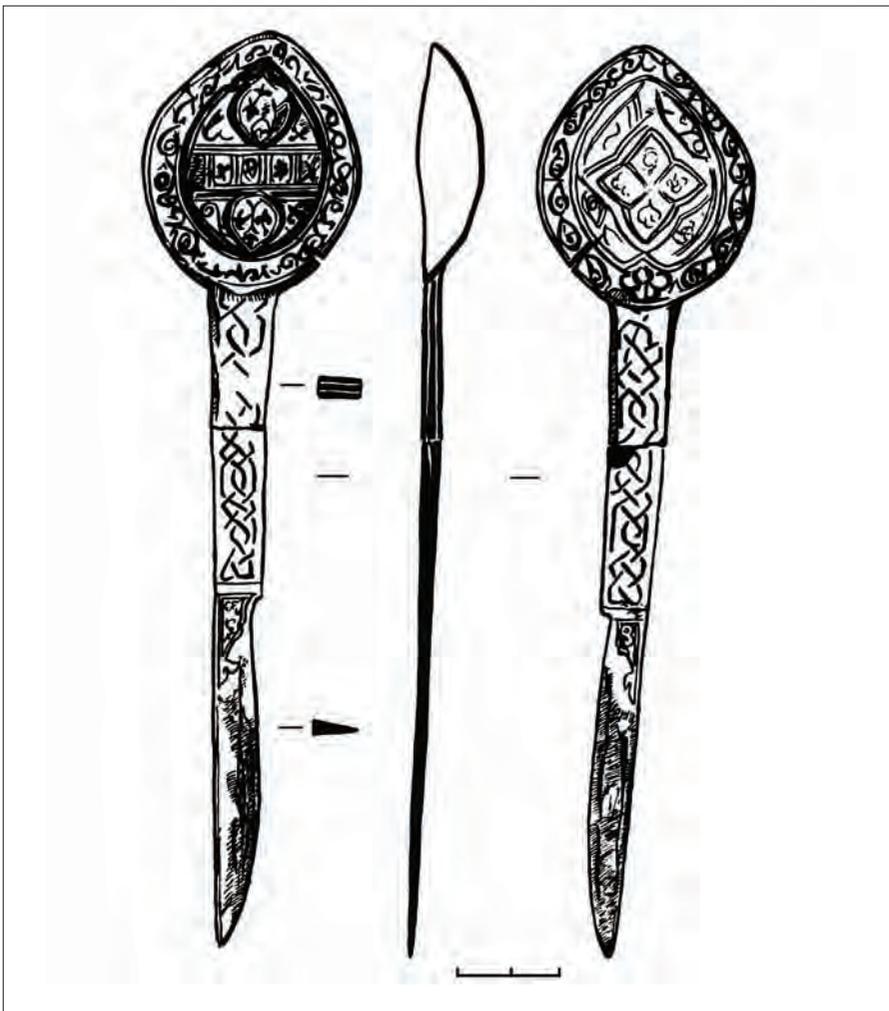

Рис. 214. Городище Антоновка. Бронзовая ложка-нож

Монетные дворы и денежное обращение на территории Казахстана в XIII-XIV вв.

В настоящее время накоплен большой нумизматический материал. Это монеты из раскопок городищ, отождествленных с конкретными городами, многочисленные клады и единичные находки монет. Понятно, что реконструкция особенностей денежного обращения в конкретном регионе всегда напрямую зависит от объема нумизматического материала и, особенно, материала, связанного с культурным слоем городища. Он позволяет получить ответы на работу монетных дворов и на динамику развития отдельных городов, этапов их политического и экономического развития.

В XIII-XV вв. в городах Казахстана, в Жетысу функционировало как никогда много монетных дворов [Петров, Байпаков, Воякин, 2014].

Предлагается периодизация монетного дела и денежного обращения на территории Казахстана в период существования Великой Монгольской империи, а также государства Чагатаидов и Джучидов (XIII-XIV вв.). Важность в объединении периодизаций денежного обращения в Великой Монгольской империи и Чагатаидском государстве обусловлена, прежде всего, тем, что динамика ее рассматривается в одних и тех же локальных географических границах Республики Казахстан. Кроме того, хронологическая последовательность смены господства одного монгольского государства другим на этой территории обуславливает преемственность традиций.

Великая Монгольская империя

I-й этап — 618/1221-630 1233 гг. для Казахстана и Средней Азии характеризуется господством выпуска медного посеребренного дирхема, а также обращением золотосодержащих динаров собственной чеканки и золотых динаров прежних восточных династий. Отметим в качестве исключения, что серебряная чеканка в этот период зафиксирована в Баласагуне.

II-й этап — 630/1233-650/1250 гг. характеризуется организацией и развитием собственной монетной чеканки в Семиречье, основу которой составляла серебряная чеканная продукция, а также медная монета.

III-й этап — 651/1253-54-660-е/1260-е гг. Для него характерно увеличение числа монетных дворов, чеканивших золотосодержащие динары. Выпуск медных посеребренных дирхемов продолжается, фиксируются и выпуски медных фельсов. В Таласской долине была сделана попытка организовать выпуск серебряных дирхемов (Тараз 664/1265-66 г.х.).

Государство Чагатаидов

IV-й этап — 670/1271-72-717/1317-18 гг. Это первый этап в монетном деле и денежном обращении государства Чагатаидов, характеризующийся проведением денежной реформы Масуд-бека. В пореформенный период рынка постепенно наполняются серебряными

дирхемами. В некоторых регионах регистрируется продолжение чеканки медных посеребренных дирхемов (Сайрам, Бухара). Медные фельсы начинают чеканиться не сразу, а спустя десять и более лет после начала чеканки серебряных дирхемов.

V-й этап – 718/1318-731/1331 гг. связан с реформой Капека-Тармаширина, пореформенный период продолжался примерно до 761/13 гг. – до правления Туглука-Тимур-хана. Этот этап характеризуется введением в обращение сначала крупной серебряной монеты – динара.

VI-й этап – примерно с 761-1359-60 до 771-1370 гг. был последним в монетном деле и характеризуется упадком. В этот период большинство монетных дворов перестает функционировать. В обращении активно используются серебряные монеты прежних эмиссий и медные посеребренные.

Джучиды

В настоящее время нет сведений о чеканке монет в период существования Монгольской империи в джучидских улусах Шибана и Орду-Ичена. Однозначно существовала чеканка серебряных и медных монет в Болгаре (Поволжье) и серебряных дирхемов в Хорезме. Известны монетные выпуски, относимые к этому периоду в Крыму.

Новый этап активной чеканки с появления новых монетных дворов на территории Джучидского юрта начинается с приходом к власти в 665/1266-67 гг. Менгу-Тимур-хана – первого хана государства Золотая Орда.

В каждом из этих регионов рынок обслуживался монетой местной чеканки. Единства весовых стандартов чеканки серебряных монет в этих регионах пока прослеживается.

Активный рост числа населенных пунктов и городов в Нижнем Поволжье, реализация торгового потенциала Хорезма, Крыма и Булгара привели к необходимости реформирования монетного дела в этих регионах в первом десятилетии XIV века. В Хорезме реформирование состоялось в 706 г.х., в Крыму – в течение первого десятилетия; в центральном вилайете – в 710/1310-11 гг.

Следующий этап связан с периодом смуты в Золотой Орде в 760-х/1360-х гг., когда государство как единый организм перестало существовать и значительные регионы страны управлялись разными ханами, быстро сменявшими друг друга. В Присырдарьинском регионе правил Мубарак-Ходжа-хан, Хорезмом управляли «Суфиды». Значительные западные и юго-западные территории контролировались марионеточными ханами эмира Мамая, а центральный вилайет то и дело переходил во владение от одного сарайского хана к другому.

Победы Токтамыша в борьбе за власть ознаменовали новый этап в монетном обращении в государстве. Он смог объединить развалившееся государство под своим началом. Это наложило отпечаток на монетное дело и характер монетного обращения. При нем была проведена денежная реформа [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 30-32].

Монетные дворы Великой Монгольской империи в Казахстане

На территории Казахстана в первой половине XIII в. работало несколько монетных дворов.

Города Барчанлыг и Дженд входили в юрт Джучидов. С определением принадлежности Отрара дело обстоит сложнее, поскольку он чеканил монету при Мунке-хане с пометкой *серебро ханские*, а после его смерти с эпитетами *хани* и *ханское повеление*, что является прямым намеком на управление монетным двором администрации хана. В то же время известно, что Отрар входил в сферу влияния Джучидов и лишь Алгу вернул эту область под контроль Чагатаидов не позднее 663/1264-65 гг. Город Тараз, входивший во владения Чагатаидов, возможно, в какой-то период мог входить в сферу влияния Джучидов, но прямых доказательств этому пока нет, а косвенные рассмотрены в главе V. Каялык изначально принадлежал Чагатаидам.

Монетные дворы Чагатаидского государства

В Чагатаидском государстве 668-770/1269-1369 гг. было много эмиссионных центров, среди которых есть и те, что активно работали на территории нынешнего Казахстана: Отрар/Фараб, Испиджаб/Сайрам, Тараз, Кендже, Кенджак, Йанги и Алматы.

Начало чеканки серебряной монеты явилось результатом денежной реформы (670/1271-1272 гг.), названной именем хорезмийского купца-управителя Масуд-бека ал-Хорезми – сына Махмуда Йалавача (Давидович, 1972, с. 96).

Видимо произошедшие перемены в монетном деле Средней Азии с 670/1271-72 гг. были связаны с тем, что с этого года держава Кайду фактически занимала только территории Средней Азии, а Восточный Туркестан с развитым серебряным монетным обращением, существовавшим здесь почти 40 лет, не входил в ее состав. Именно на этой территории были сосредоточены все активно работавшие монетные дворы по выпуску серебряной монеты: Алмалык, Пулад, Кабак, Кашгар, Хотан и, возможно, неизвестные пока нам.

В этих условиях в государстве однозначно возникал дефицит полноценных платежных средств в монете.

Очевидно, что утрата Восточного Туркестана вызвала необходимость организации серебряного монетного производства на территориях, занимаемых Кайдун, и монетная реформа Масуд-бека явилась совершенно необходимой мерой по обеспечению дальнейшего существования государства. Первыми монетными дворами, обеспечивавшими чеканным серебром потребности в монете, были: Отрар, Тараз и Кендже [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 91-92].

Результатом свободного чекана серебра является инициация увеличения числа монетных дворов, выпускающих дирхемы. Стимулом увеличения числа монетных производств «в данном случае могло быть желание местных правителей и меликов получить

фискальные доходы от монетного дела (если они имели на это право)» [Давидович, 1972, с. 108].

Отрар. Особый интерес представляет денежно-вещевой клад из Отрара, обнаруженный в 1970 г. при расширении усадьбы в пригороде Отрара [Байпаков, Настич, 1981, с. 20-60; Кузнецова Э.Ф., 1981, с. 60-61].

За время, прошедшее с момента выхода указанной публикации, выяснились некоторые особенности атрибуции монет, первоначально вызвавшие потребность в особой осторожности. Так, В. Н. Настич сомневался в чтении названия монетного двора Дженд и сопроводил это чтение знаком вопроса, особо осторожно подошел к чтению названия монетного двора Каракорум – Корум, посчитав, что это может быть топоним Крым. В настоящее время эти сомнения отпали в связи с существенно большей информацией и о топографии находок этих монет, и в связи с новой информацией и данными [Heidemann, Kelzenberg, Ezdenebat, Pohl, 2006, p. 93-102].

В. Н. Настич совершенно справедливо относит время тезаврации комплекса ко второй половине XIII в., основываясь на присутствии в клade одного дирхема с датой 662 ал-аввал (третий месяц) / январь 1264 г.

На основании анализа всего нумизматического материала можно реконструировать основные этапы денежного обращения в Отраре, оценить роль этого монетного двора для великой Монгольской империи и Чагатаидского государства.

После завоевания Чингисханом Отрара, монетный двор города уже вскоре начал чеканить золотые динары. Это означает, что город восстанавливался после его захвата монголами очень быстрыми темпами, и в то же время монетное производство способствовало его подъему. Это произошло в 620-е/1223-1231, в 630-е/1232-1242 и в 640-е/1242-1252 гг.

В 646/1248-1249 гг. ситуация меняется. Монетный двор Отрара начинает выпуск медных посеребренных дирхемов, что облегчает процесс межрегиональной торговли в регионе. Через три года их производство становится регулярным и осуществляется до 663/1264-1265 гг. Отрарские дирхемы обслуживали рынки не только Отрара, но и областей Кендже, Сайрама, Тараза, видимо, и Шаша. Монеты Отрара находят и на территории современного Кыргызстана.

Примерно с 656/1258 г. в Отраре начинается производство фельсов – медных монет, по типу напоминающих медные посеребренные дирхемы, но существенно меньшего размера. Они обслуживают местную торговлю Отрара и его округи.

Работа монетного двора Отрара прекращается в 663/1264-1265 гг. Видимо, этот выпуск был кратковременным. В правление Мунке-хана был произведен передел улусов и юртов, обозначенных еще Чингисханом. Существенно изменились границы чагатаидского юрта, практически был уничтожен юрт угедеидов, но расширено

Рис. 215. Монеты Великой Монгольской империи. Отрар

присутствие улуса Джучидов на территории Средней Азии. Отрар также оказался в сфере влияния Джучидов. Чагатаид Алгу, возглавив улус Чагатая, решил восстановить прежние границы своего юрта и вытеснить джучидов, в том числе из Отрара.

В результате город и округа были разрушены и ограблены [Рашид ад-Дин, 1960, с. 165]. Был подорван экономический потенциал Отрарского региона.

Самые поздние монетные находки на этом памятнике – мелкие обломки золотых динаров и медные посеребренные дирхемы Отрара середины XIII века.

Семь лет после 663 г.х. Отрарский монетный двор не функционировал.

Денежная реформа Масуд-бека 670/1271 г. непосредственным образом затронула Отрар. На первом этапе реформы было запущено несколько монетных дворов, чеканивших серебряные дирхемы. Таковыми были монетные производства Отрара, Тараза и Кендже. Отрар выпускал как полновесные дирхемы, так и их фракции, но медная монета не чеканилась. Однако на территории Отрарского региона среди монетных находок практически нет монет первого десятилетия пореформенного периода.

Судя по исследованиям монет, практически вся продукция монетного двора перемещалась через территорию современного Кыргызстана в Синьцзян. Отсутствие серебряных дирхемов указанного десятилетия в находках в отрарском регионе позволяет предположить, что регион не был густонаселен, а сам монетный двор был организован не для обеспечения местного рынка монетой, а для обеспечения чеканным серебром в первую очередь войск хана Кайду и его приближенных.

Ситуация в денежном обращении Отрара начинает кардинально меняться в самом начале 680-х/1280-х гг., в это время кроме дирхемов Отрарский монетный двор начинает регулярный выпуск медных фельсов, что было вызвано потребностями местного рынка. Экономика региона начала активно развиваться. Серебряные дирхемы стали активно обеспечивать местный рынок лишь с 680-х гг.х.

В 701/1301-1302 гг. умер хан Кайду, но взошедший на престол государства его сын Чапар был смещен чагатаидом Дувой, который сам вскоре умирает (в 706/1306-1307 гг.). Смерть хана Дувы, проводившего взвешенную осторожную политику в отношении потомков Кайду, владевших огромными территориями и богатствами, повлекла за собой активные агрессивные действия потомков Чагатаидов в отношении Кайдувичей. Многочисленным нападениям и ограблению были подвергнуты многие их владения. По присутствию тамги Кайду на монетах, можно заключить, что Отрар всегда входил в личные владения Кайду, на его монетах никогда не появлялось никаких иных тамг, кроме собственной. Изучение метрологических характеристик дирхемов, битых в конце XIII в. и находимых в кладах XIV в., показало, что активность торговли падает в разы в первом десятилетии XIV в.

По сути, разгром владений Кайдувичей привел к разрушению экономики государства, к самому настоящему кризису. Это не могло не отразиться на деятельности монетного двора Отрара. И действительно, в ходе археологических раскопок жилого дома (горизонт относится к периоду середины XIII – первой половины

Рис. 216. Монеты Великой Монгольской империи. Барчанлыг (Дженд, Тараз, Кайалык)

XIV в.) установлено, что он разрушен сильным и внезапным пожаром. Синхронизация пожара в Йассы со следами пожара, обнаруженного в ходе раскопок на Отраре, привела исследователей к выводу, что Отрар, как и Йассы, тоже был сожжен в первом десятилетии XIV в. [Смагулов, 1997, с. 168].

В настоящее время самые поздние годы чеканки дирхемов Отрара в первом десятилетии XIV в. зафиксированы в 706/1306-1307 и 707/1307-1308 гг. Можно полагать, что в 707 г.х. монетный двор

Рис. 217. Монеты государства Чагатаидов. Отрар

Отрара перестал функционировать, следующий этап серебряной чеканки начинается уже не ранее 728/1328 г.

В современной историографии Отрара утвердилось, что в первой четверти XIV века город попал под юрисдикцию Джучидов и это подается как доказанный факт [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 37; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999, с. 23].

Отрар мог бы теоретически находиться в руках Джучидов примерно с 710/1310-го по 727/1327 годы. Но в этом случае монетное обращение в Отраре и его округе должно было бы выполняться медной и серебряной монетой Джучидов 720-х/1320-х годов. Обнаруживаемые же джучидские пулы датируются периодом 730–780-х/1330-х – 1380-х гг. и ясно, что они не могли обслуживать денежное обращение Отрара, и поэтому нет оснований для утверждения о существовании периода владения Джучидами в первой половине XIV в. Отраром и его округой.

В 718/1318 г. хан Кебек начал реформу монетного дела в центральном вилайете – в Бухаре. Самарканд подключился в 725/1325 г. к выпуску новых монет – серебряных динаров весом около 8 граммов. В правление Тармаширина в Отраре выпускались только дирхемы. По находкам монет периода 730–740-х /1330–1340-х гг. в Отрарском регионе не обнаружено ни одного серебряного динара.

Отсутствие выпуска динаров в Отраре и выпуск фракций дирхема является серьезным показателем экономического отставания этого региона от центральных районов государства.

Активность монетного двора приходится на правление Амира казагана с ханом марионеткой Буйан-кули. Здесь в начале 750/1350 г. начинается выпуск не только дирхемов, но и серебряных динаров.

Работа Отрарского монетного двора заканчивается, видимо, после гибели Шах-Тимура.

Приход к власти Туглук-Тимура ввел страну в эпоху смуты и раздробленности. Грабительская политика новых властей по отношению к городам, смута в Поволжье, развал государства Ильханов явилось причиной прекращения торговых контактов между Западом и Китаем. Экономика региона погрузилась в новый затяжной кризис [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 147-148].

Йассы-Ясы. В средневековом городе Йассы в XIII-XIV вв. монетного двора не было. Поэтому во второй трети XIII в. денежное обращение обеспечивалось в первую очередь продукцией Отрарского монетного двора. Такое заключение можно сделать, исходя из находок этих монет на городище Каратобе (домонгольский Сауран).

На территории этого памятника известна лишь одна находка клада монет начала XIV в. Он близок по составу кладу из Мамаевки.

Состав клада из Культобе (как и из Мамаевки) демонстрирует активное межобластное обращение серебряных монет в начале XIV в. с преобладанием продукции монетных дворов Кендже, Отрара, Тараза и Йанги. Несомненно, клад из Культобе, найденный в сгоревшем доме, свидетельствует о внезапном нападении на город Йассы и о его уничтожении примерно в 707-710/1307-1310 гг. [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 148].

Кендже. На городище Караспан, отождествляемом с Кендже, есть находки Отрарских медных посеребренных дирхемов середины XIII в. Караспан входил в сферу экономического влияния Отрара до 663/1264-1265 гг. и мог также пострадать от военных действий Алгуя в этом году.

Кендже – один из трех монетных дворов вместе с Оттаром и Таразом, который начал регулярный выпуск серебряных дирхемов в результате денежной реформы Масуд-бека с 670/1271-1272 гг.

Не исключено, что монетное производство Кендже, как Оттара и Тараза, было ориентировано на производство монеты на вывоз, а не на обеспечение потребностей собственного рынка [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 149].

Монетный двор Кендже перестал функционировать в первом десятилетии XIV в. и больше его деятельность не возобновлялась, по крайней мере, по известному нумизматическому материалу.

Кенджак, судя по словам выпускной легенды на монетах – название известного города Кенджак локализовано в долине Таласа. Отнесение монет к этому монетному двору связано с палеографическими сложностями прочтения этого топонима. Но не исключено, что есть монеты этого монетного двора, которые включены в каталог монетного двора Кенджак. Функционирование монетного двора Кенджака относится только к четвертому этапу периодизации.

Йанги – Йанги Талас – это название области и монетного двора. Как самостоятельный монетный двор (в отличие от Йанги Тараза / Тараза) выделяется лишь в начале XIV в. Пока прочтен только один год – 703/1303-1304 г. [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 149-150]. Город Йанги Талас отождествляется с городищем Актобе Таласское.

Сайрам-Испиджаб. В XIII в. регулярной монетной чеканки в Сайраме не зафиксировано. Но медные посеребренные дирхемы в 670/1271-1272 г. здесь чеканились. Пока нет сведений о находках монет и кладов в Сайраме, которые смогли бы установить периодизацию характера денежного обращения в XIII-XIV вв. Некоторая информация о находках монет позволяет обнаружить следы товарно-денежных отношений. Клад из Чаяновского района Чимкентского округа состоял из медных посеребренных дирхемов Оттара середины XIII в., что свидетельствует о вхождении Сайрама в сферу экономического влияния Оттара. Клад золотых динаров из Янгиера (1898 г.) подтверждает использование золотой монеты в этом регионе во второй трети XIII в.

Единичные находки монет, упомянутые выше, подтверждают обращение медных Оттарских фельсов в Сайраме и округе в конце XIII – начале XIV в., а находки серебряных дирхемов Тармаширина, битых в Оттаре, указывают на возможную торговую активность области в первой половине XIV в. Регулярный, по всей видимости, чекан в Сайраме обнаружен в правление Буйан-Кули-хана, начиная с марта 1352 по 758(?)/1357 гг. Причем, чеканились исключительно серебряные динары (дирхемов пока обнаружить не удалось). Объемы выпусков не были очень масштабными, поскольку монеты Сайрама/Испиджаба встречаются редко. Скорее всего, чекан был начат вследствие возникшей потребности местного рынка в монете. После смерти Буйан-Кули это монетное производство активности не проявляет [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 150].

Рис. 218. Монеты государства Чагатаидов. Кенджеде

Тараз во второй трети XIII в. выпускал свою монету – золотые динары. До создания государства Чагатаидов чеканом серебряных дирхемов отметился этот монетный двор лишь однажды – в 664(?)/1265-1266(?) г.

Рис. 219. Монеты государства Чагатаидов. Сайрам/Испиджаб

Находок монет XIII-XIV вв. при раскопках Тараза не найдено, что не позволяет в настоящее время рассмотреть вопрос денежного обращения здесь. Ориентироваться в вопросах денежного обращения помогают находки, сделанные в области Тараза. От времени существования великой Монгольской империи в округе Тараза до нас дошли пока только два кладика медных посеребренных дирхемов Отрара середины XIII в. Это позволяет утверждать, что город Тараз и округа входили в сферу экономического влияния Отрара в правление Менгу-хана.

Монетный двор Тараза начал свою регулярную работу с момента начала проведения реформы Масуд-бека. Причем, активность выпуска

Рис. 220. Монеты государства Чагатаидов. Тараз

была высокой и составляла примерно треть от всех серебряных дирхемов 670-х/1270-х гг. Монеты 670/1271-1272 гг. сообщают имя управителя города (?) или управителя монетного двора (?) Али. До 678/1279-1280 гг. на монетах встречается только две тамги хана

Рис. 221. Монеты государства Чагатаидов. Тараз

Кайду и одного из его сыновей. В 686 г.х. появилась тамга Дувы. В 686/1287 г. монеты Тараза сообщают имя управителя. В 680-е же годы в Таразе чеканились и фельсы, что является показателем потребности местного рынка в медной монете. Однако монеты встречаются очень редко. С 694/1295 г., а затем и в правление Чапара в 703/1303-1304 и 704/1304-1305 гг. кроме наследной тамги Кайду и одного из его сыновей дирхемы несут тамгу Йасавура. В 706/1306-1307 годах на монетах присутствуют лишь тамги Дувы и Кайду. Известно, что Тараз входил во владения сына хана Кайду – Шаха, который поддерживал

Рис. 222. Монеты государства Чагатаидов. Тараз / Йанги Тараз

в начале XIV в. Чагатаидов, поэтому его владения в районе Тараза были за ним сохранены и надо полагать, что Тараз не подвергался такому тотальному разграблению и уничтожению, как другие города и округа региона. Дату прекращения функционирования монетного производства в Таразе установить пока не удастся, но этот монетный двор мог работать еще какое-то время и после 710/1310 г.

Город Тараз, видимо, в XIII-XIV вв. находился в упадке, поскольку единичных находок монет конца XIII – начала XIV в. в его пределах пока не зафиксировано. Видимо, почти вся серебряная местная монетная продукция уходила из этой области.

Во второй трети XIV в. экономическая ситуация в Таразе меняется. При проведении раскопок Т. Н. Сениговой на территории современного города Тараза был найден серебряный динар 727/1327 г., битый в Самарканде. В 732/1332 году работал монетный двор Йанги-Тараз, выпускавший как дирхемы, так и динары с именами Тармаширина и его сына Санджара. Причем, если дирхемы встречаются очень редко, то динары обычны.

Денежные проблемы в государстве Чагатаидов возникли в 760-е/1360-е годы, и в это время на рынках появилось много фальшивых монет, имитирующих серебряные дирхемы и динары, а также хлынули на рынки пулы и дирхемы Джучидских монетных дворов. Археологические исследования 2012-2013 гг. на территории недавно убранного современного базара в центре города Тараза, под которым находится цитадель средневекового города, показали полное отсутствие находок монет XIII-XIV вв. [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 150-152].

Видимо, Тараз располагался в другом месте, но скорее всего, рядом с городом VI - начала XIII в., отождествляемым с городищем Тараз.

Алмату-Алматы. В городе Алматы зафиксирована находка двух кладов. Один клад состоял из монет, выпущенных Алмату в 680-х/1280-х гг. Потребность местного рынка в собственной монете обеспечила функционирование монетного двора. Нет уверенности в том, что сейчас выявлены все типы и даты чеканки серебряных дирхемов Алматы XIII века.

На монетах Алматы не зафиксировано тамги Дувы-хана или кого-либо из представителей дома Чагатаидов, то есть город контролировался семейством Кайду. Медных монет чекана монетного двора Алматы пока не зафиксировано. Можно предполагать, что именно это подвластное положение города семейству угедеидов могло стать роковым для него в первом десятилетии XIV в. Именно в это время (после смерти хана Кайду и смещения его сына Чапара с «престола»), когда Дува стал ханом и сразу после его быстрой кончины в 706/1306-1307 гг., многие территории, подвластные детям Кайду, были подвергнуты грабежам, а города – сожжению. Не исключено, что мог пострадать и город Алматы.

Следует отметить замкнутый характер монетного обращения в районе г. Алматы в конце XIII в. Плотность находок алматинских дирхемов в Казахстане и Кыргызстане указывает на локальность

Рис. 223. Монеты государства Чагатаидов. Алматы

и непродолжительность работы этого монетного двора в XIII в., на небольшие по объему выпуски дирхемов, что может быть связано со слабостью экономического развития территории в тот период.

Но не только существование монетного двора Алматы обнаруживает признаки активной жизни города в XIII-XIV вв. Важную информацию о жизни города в XIV в. сообщает клад чагатаидских монет, найденный в 1967 г. на южной окраине Алматы и хранящийся в фондах Центрального Государственного музея Республики Казахстан. Это один из двух самых крупных из найденных на территории Казахстана кладов серебряных чагатаидских монет, объем которого составляет 1386 экземпляров. Время его сокрытия определяется по дате на младшей монете – это дирхем Отрара 730/1329-1230 г. Работа над кладом еще не завершена, однако уже сейчас видны особенности этого нумизматического комплекса.

Во-первых, в составе клада конца первой трети XIV в. необычайно много дирхемов конца XIII – начала XIV в. Во-вторых, обращает внимание полное отсутствие в составе комплекса монет самого города Алматы. В-третьих, метрология и состояние поверхности монет конца XIII – начала XIV в. таковы, что можно говорить об изъятии их из обращения не в 720-730-е/1320-1330-е годы, а начиная с первого десятилетия XIV в. Качество же чеканного серебра 720-х /1320-х годов в кладе (много монет с острыми кромками) указывает на его быстрое изъятие из обращения.

Все эти особенности свидетельствуют о длительном накоплении этого сокровища. Монеты попадали в «кубышку» по мере их прихода к владельцу. Подобное наблюдение позволяет получить не просто новую и наиболее точную информацию о метрологии чекана, о времени начала накопления сокровища, о путях поступления монет в регион города Алматы, но и, что очень важно, указывает на существование города на протяжении первых 30-ти лет XIV века. Клад является первым документальным свидетельством жизни города как минимум до 1330 г. [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 152-154].

Основная масса монет в Алматы поступала из центральных регионов (Термез, Бухара, Самарканд), причем, поток денежных средств проходил через Ходженд, вовлекая по пути монетную продукцию не очень активных монетных дворов Ферганы. Дирхемы Кашгара (ныне в Китае), как и Пулада с Алмалыком (в Китае в Синьцзяне) являются практически случайными включениями в составе изучаемого комплекса. Крайне малое количество серебряной продукции Отрара, Тараза и Кендже, тех монетных производств, которые выпускали в конце XIII в. почти до половины всех серебряных монет в государстве, может указывать на то, что сокровище начало скапливаться уже после прекращения их работы, то есть, после 707/1307-1308 г. Именно потому, что комплекс начал складываться так поздно, продукции уже давно неработающего Алматинского монетного двора в нем не оказалось [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 153-154].

Каялык. При раскопках городища Антоновка, отождествляемого с городищем Каялык, в 2005 г. было обнаружено две анонимные без выпускных данных монеты, одна из которых медная, вторая – серебряная. Эти монеты отнесены к продукции монетного двора Каялык, поскольку их находят в районе современного села Койлык (ранее Антоновка). Монеты в районе Койлыка встречаются и в качестве единичных находок, и в виде кладов. Так в 1912 г. при проведении оросительных работ вблизи села Антоновка был найден клад серебряных дирхемов в количестве 340 штук, 329 экземпляров из него хранятся в Государственном

Эрмитаже. Монеты клада 1912 г. и серебряный дирхем из раскопа 2005 г. однотипны.

Кроме этих находок, на памятнике зафиксированы еще четыре находки в качестве подъемного материала. Одна из них – серебряный дирхем уже известного типа. Два других дирхема (один дирхем из Каракорума 652/1254 г., второй – неатрибутированный), а также золотой Самаркандский динар Великой Монгольской империи выпускались в 640–660-е/1240–1260-е гг. Золотой динар мог использоваться в качестве денег даже в XIV в., поэтому эта одиночная монета не может служить критерием для датировки момента прекращения функционирования города Каялыка.

Обращают на себя внимание три важных обстоятельства: для столь большой площади раскопов на городище было обнаружено слишком мало монет, мало монет фиксируется и в подъемном материале; все найденные монеты относятся к выпускам Чингидами не позднее второй трети XIII в. На городище не встречено ни одной монеты, битой в 670–690-е/1271–1290-е гг., несмотря на то, что это были самые «урожайные» на серебряную чеканку годы, и эти дирхемы самые часто встречаемые на памятниках своего времени.

Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что город Каялык был разграблен и сожжен в хронологическом интервале, ограниченном датой смерти Мунке-хана (658/1260 г.) и 670/1271–1272 гг., то есть, в 660-х/1260-х гг. Это было десятилетие активной борьбы ханов Арыг-буги с Хубилаем и затем с Чагатаидом Алгуем; чагатаида Барака за власть с угедидом Кайду; Кайду (с 669/1270–1271 гг.) с сыном Хубилая Нумиханом, обосновавшимся поблизости от Каялыка в г. Алмалыке. Последнее могло подвигнуть Кайду, переселив жителей, уничтожить город Каялык с целью осложнения положения с провизией у противника. Именно при плановом переселении людей, количество выпавших в землю данного населенного пункта монет будет минимальным (только случайные утраты), как и количество оставленных в земле денежных кладов. В случае массовой гибели людей во время набега в землю повсеместно попадает значительное количество монет, а главное, остается много кладов в основном малого объема. Видимо, в 660-е/1260-е годы город был разрушен, но продолжал существовать в качестве небольшого населенного пункта.

Известно, что правитель Каялыка добровольно присоединился к Чингисхану, поэтому эта территория, как и Алмалыка, рассматривалась монголами как свой коренной юрт и не разрушалась при завоевании Средней Азии ордами Чингисхана. Еще при Угедее наместником кара-Ходжа и Бешбалыка (куда входил и г. Каялык) был Масуд-бек, сын Махмуда Йалавача [Рашид ад-Дин, 1960, с. 64]. Каялык входил в юрт

Чагатая при его жизни [Рашид ад-Дин, 1960, с. 19] и лишь Мунке-хан с приходом к власти переkreшил карту владений Чингизидов. Известно, что Бату встретил известие о смерти Гуюка, находясь в Алакамаке в семи днях пути от города Каялыка то ли в июле 647/22 июля 1249 г. (по Абу-л-Фараджу), то ли весной 1248 г. (по китайским источникам) [Бартольд, 2002, с. 498]. Джамал ал-Карши упоминает встречу в Каялыке Бату и, судя по всему, Мунке до интронизации последнего в качестве хана [Джамал-ад Карши, 2005, с. 121]. То есть, данное сообщение касается конца 640-х/1240-х гг., но до курултая 649/1251 г., когда Мунке провозгласили ханом.

По сведениям «Юань-ши» в 1252 г. сообщается, что хан Мунке распорядился о месте пребывания Кайду в стране Хайя-ли, «в Каялыке, где, несомненно, был его первоначальный удел» [Аристов, 2001, с. 332]. То есть, если этот Хайя-ли действительно Каялык, то Рубрук посещал город в то самое время, когда в этой местности находился Кайду. Однако известно, что уделом Кайду был регион под названием Кабак с главным городом Имил. Кайду не чеканил золотых монет в своей державе, но вернув себе Имил, он отчеканил там золотые динары.

Следует отметить, что лишь благодаря богатому нумизматическому материалу, по-новому характеризуется развитие политической и экономической жизни городов Казахстана XIII - первой половины XIV в. [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 154-155].

Монетные дворы Золотой Орды

Джучидское государство оформилось в качестве независимого от Монгольской империи в 665/1266 г. с приходом к власти Менгу-Тимура, принявшего титулы хан и каан.

Условно это государство в историографии называют Золотой Ордой. Условность заключается в том, что Золотая Орда это не само название государства, и не название, широко использовавшееся в средние века.

В настоящее время известны не все монетные дворы Золотой Орды, чеканившие монету при Менгу-Тимуре, основная масса неизвестных дворов приходится именно на территорию Казахстана. Достаточно изучена продукция Крыма, Булгара, Хорезма, активно изучаются выпуски Сарая. В тоже время встречаются новые, ранее не фиксировавшиеся названия монетных дворов. Есть монеты, встречающиеся только на территории Казахстана, не имеющие ни названия монетного двора, ни года выпуска. Их принадлежность к Золотой Орде выдает лишь присутствие соответствующей тамги. Исследования в этом направлении джучидской нумизматики только начинаются и в настоящей работе невозможно представить полную картину монетного дела Золотой Орды на территории Казахстана в XIII-XIV вв.

Рис. 224. Монеты Золотой Орды. Сыгнак

Рис. 225. Монеты Золотой Орды. Барчин

Кутлукен. Локализация этого монетного двора неизвестна. Населенный пункт с названием Кутлукенд (Счастливый город). Этот монетный двор находится на территории Западного Казахстана.

Сарайчук. Литература о монетах Сарайчука обширна. Кроме медных монет с пометкой Сарайчук здесь могли чеканиться и пулы с названиями Поволжских городов. На городище Сарайчук встречаются пулы *Бик Базары*.

Барчин. В настоящее время не известна серебряная продукция монетного двора Барчин. Но вся известная медная чеканка осуществлялась в XIV в. Отсутствие тамги на монетах в период правления Узбек-хана выступает в качестве характеризующего признака, указывающего на принадлежность и подчиненность этого монетного двора непосредственно хану Золотой Орды (его администрации).

Рис. 226. Монеты Золотой Орды. Дженд

Сыгнак. К сожалению три года чеканки монет, ранее «открытые» и фигурировавшие в нумизматической литературе конца XIX – начала XXI в., как бесспорные, приходится закрывать. Это два пула 727 и 734 г.х., а также данг 770 г.х., битые в Сыгнаке. Пока пулов, чеканенных ранее 738/7 г.х. с надежно читаемыми годами неизвестно.

Сыгнак ал - Джадид. Монеты этого двора единичны.

Дженд. Монеты пока единичны.

Узкенд. Среди археологических находок медных пулов на развалинах средневековых городов Приаралья встречается очень большое количество монет новых, неизданных типов. К сожалению, состояние большей части находок не позволяет их атрибутировать.

Денежное обращение на территории Казахстана во второй половине XIV - первой половине XV в.

Следующий по времени значительный подъем товарно-денежных отношений связан с периодом правления Тимура и Тимуридов (конец XIV – XV в.). В трудах Х. М. Френа, В. Г. Тизенгаузена, А. К. Маркова и других нумизматов прошлого столетия с разной степенью подробности опубликованы монеты XV - первой четверти XVI в. В советское время также опубликован ряд работ по этому периоду [Бурнашева, 1989б].

В статье Р. З. Бурнашевой [Бурнашева, 1986, с. 32-39], посвященной характеристике денежного обращения Отрара в монголо-тимуридское время, приводятся сведения о чеканке медных монет в Отраре в 1415-1416 гг., выделенной Б. Д. Кочневым по своим материалам и подтвержденной находками из Отрара в публикации В. Н. Настича [Настич, 1980, с. 163, 170, прим. 1; Кочнев, 1981, с. 83-85, рис. 4].

Активно участвовали в денежном обращении Отрара и казахстанских городов медные монеты эмира Тимура, чеканенные в Самарканде и Хорезме в конце XIV в. В археологических слоях городища Отрар фиксируются медные монеты Халил-Султана, выпущенные в Самарканде с 807 г.х./1404-1405 г. по 810 г.х./1407-1408 г. включительно; Шахруха – 819 г.х./1416-1417 г. в Шахрухии; Улугбека 823 г.х./1420 г. самаркандской чеканки; 832 г.х./1428-1429 г., чеканенные в разных городах, но особенно многочислен чекан Бухары. Довольно часты находки и других среднеазиатских городов - Андигана, Хисара, Термеза, Карши, свидетельствующие о широких торговых связях Отрара с Центральным Мавераннахром в течение всего XV в.

Кроме медных монет, в денежном обращении Отрара первой четверти XV в. были и серебряные монеты - танга (основной материал) и его кратная - мири, 1/4 часть танги. Сведения о мири можно почерпнуть из работы Е. А. Давидович [Давидович, 1976, с. 124-127]. Клад (0-82/111-43 м) с тангами и мири, чеканенными от имени Тимура при Суюргатмыше (1370-1388) и Махмуде (1388-1403) и Халил Султана при Махмуде Джахангире (1405-1409), опубликован В. Н. Настичем [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 247. Монетное приложение составлено В. Н. Настичем]. Второй клад с мири и его кратными был выявлен Р. З. Бурнашевой [Бурнашева, 1980, с. 37-45].

Куйрыктобинский клад является уникальным и знакомит с новым денежным номиналом, бывшим в обращении в Отраре в начале XV в. Он назван «нимданговой тангачей», так как представляет 1/12 часть основного номинала танги - 1/3 часть мири. Это новый материал для изучения социально-экономической истории государства Тимуридов. Он свидетельствует о дробности в серебряном чекане конца XIV - XV в. и о проникновении серебряных монет во многие сферы торговли и товарного производства в городах. Эти монеты также

были выпущены при указанных выше правителях в тех же городах. Серебряные клады из Отрара и Куйрыктобе представляют ценный исторический материал, так как вопросы серебряной чеканки и их обращения в государстве Тимура и его преемников в Средней Азии все еще не разработаны.

Большая работа по классификации типов медных монет, методов их атрибуции по названиям основного медного номинала XV-XVI вв., вопросам денежного обращения с разделением его на этапы проделана Е. А. Давидович [Давидович, 1983а, с. 359].

Изучены термины фулюс, адли, динар, динар кебеки, данги в монетных надписях и вопрос о названии основного номинала. Дана сводка медных дворов, действующих в XV - начале XVI в. (Ахсы, Андиган, Балх, Бухара, Вабкана, Вахш, Герат, Замин, Карши, Кашгар, Кеш (Шахрисябз), Кабадийан, Куфин, Кундуз, Куча-и Малик, Мийанкал, Мерв, Наванд, Наубазар, Отрар, Парак, Сабран, Самарканд, Ташкент).

Самым традиционным весовым стандартом, на основе которого выпускали основной медный номинал, был стандарт весом в мискаль и полданга мискаля - 5,2 грамма. Вместе с тем, его вес не оставался неизменным - его понижали и повышали. При выпуске медных монет казна получала большой доход от разницы между стоимостью самих монет и их нарицательной номинальной стоимостью.

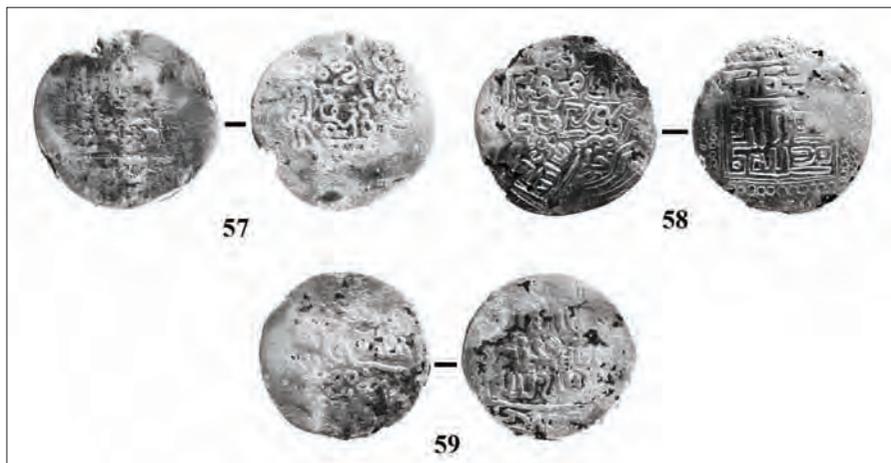
Важным компонентом денежного обращения XV в. является денежная реформа Улугбека. О ней в письменных источниках не было упоминаний, лишь изучение медных монет раскрыло эту новую страницу экономической жизни Средней Азии XV в. Содержание реформы сводилось к следующему: в 1428 г. были запрещены все выпущенные ранее медные монеты низкого веса. Их можно было в течение некоторого времени обменять на новые, более высококачественные монеты, чекан которых начался в 1428 г., сразу во многих городах - Андижане, Бухаре, Самарканде, Карши, Ташкенте, Термезе, Шахрухии. После завершения обмена старых монет на новые все монетные дворы, кроме бухарского, были закрыты.

В регионе присырдарьинских городов монеты Улугбека обнаружены в довольно большом количестве, как в кладах, так и отдельными находками [Бурнашева, 1989, с. 67-68].

Следует все же отметить, что монетный комплекс конца XIV - первой половины XV в. в городах Казахстана пока изучен недостаточно.

Однако, находка Сайрамского клада тимуридских монет, насчитывающих 2670 серебряных монет, найденных в ходе раскопок, позволяет вывести вышеназванные проблемы на новый уровень. Монеты клада датируются XIV - первой четвертью XV в. [Байтанаев, Брагин, Петров, 2014. Каталог, книга 1].

Таким образом следует отметить, что изучение денежного обращения XIII - первой половины XV в. позволяет исследовать урбанизацию Казахстана этого периода на более солидной источниковедческой базе.

*Рис. 227. Сайрамский клад. Монеты Тимура и тимуридов
(по Б.А.Байтанаеву)*

После завоевания Чингисханом Средней Азии и в период его правления на территории современного Казахстана, в денежном обращении господствовал золотой динар. Без сомнения, деньгами в это время были и еще долго использовались серебряные слитки, любые серебряные изделия и их лом.

В 620-х/1223-1232 гг. фиксируется работа монетного двора Отрара по чеканке золотой монеты.

Денежная реформа Угедея была направлена на урегулирование товарно-денежных отношений на территории государства. От Каракорума до Алмалыка (в Синьцзяне) начинается чеканка серебряных монет в 630-е/1232-1241-42 гг., на многих монетных дворах этих регионов выпускается и медная монета для обеспечения потребностей местной розничной торговли. Начинают функционировать новые монетные дворы по выпуску золотых динаров. Обнаружена чеканка золотых динаров в Таразе. Видимо, динары выпускал и Каялык. Но до 646/1248-49 года Присырдарьинские области, а также Сайрам и Тараз не использовали никакой иной монеты, кроме золотых динаров и их обломков.

Начало регулярной чеканки медных посеребренных дирхемов пришлось на период правления Мунке-хана – с 649/1251 г. Без сомнения эмиссия этих медных дирхемов позволила развиваться товарно-денежным отношениям не только в самом Отраре, но и в соседних областях, где эта монета принималась. Серебряная монета

здесь не чеканилась и практически не обращалась. Необходимо учитывать, что Отрар оказался в сфере контроля Джучидов. Если оценить ареал распространения кладов и многочисленных единичных находок медных посеребренных дирхемов Отрара 646-663/1248-1265 гг., то обнаружится, что экономическое влияние джучидского Отрара распространялось на города и их округу: Ясы, Древний Сауран, Сайрам, Караспан, Таразский регион и область Ташкента.

Во второй трети XIII в. в восточных регионах кроме золотых динаров чеканилась и обращалась серебряная, медная посеребренная и медная монета. На каком-то этапе дирхемы и фельсы начал выпускать монетный двор Каялыка.

Потребность в чеканной серебряной монете хана Кайду была удовлетворена благодаря проведению денежной реформы 670/1271-72 года, которая носит название реформы Масуд-бека. В ходе реформы было запущено три монетных производства в Отраре, Таразе и области Кендже, начавших функционировать в 670/1271-72 году. Эти монетные дворы выпускали несколько номиналов серебряных дирхемов.

Серебряные монеты были предназначены для обращения на всей территории государства, но реализация этого потенциального их свойства зависит от емкости и степени замкнутости конкретного районного, областного или регионального рынка. Так, Дирхемы Каялыка, например, выходят в основном лишь в этом городе и его округе. Пореформенные 670/1271-72 г. дирхемы имели широкое распространение в Чагатаидском государстве особенно с 680-х/1280-х гг. Во втором пореформенном десятилетии число монетных дворов существенно возросло. Кроме Хорезма, Тараза, Отрара, Кендже открылись эмиссионные центры в Кенджеке, Алматы, Самарканде, Бухаре, Шаше, Ходженте, Оше, Андигане, Маргиане. Есть основание полагать, что работал, по крайней мере, и монетный двор на территории современного Кыргызстана. И это кроме давно функционировавших монетных дворов Кашгара, Хотана, Алмалыка, Пулада, Имиля.

Функционирование торговых путей и активно работающие монетные дворы способствовали росту экономического потенциала на этих территориях.

Кризис в государстве Чагатаидов, прервавший и надолго затормозивший экономическое развитие региона от Тараза до Отрара, от Сайрама до Ясы, связан с борьбой Чагатаидов против потомков хана Кайду, владевших самыми экономически развитыми, а потому доходными, территориями в государстве.

Прекратили свою работу многие монетные дворы, такие как Шаш/Ташкент, Отрар, Кендже, Кенджак, Йанги, Самарканд,

Бухара, Ходженд, Ош, Маргинан и многие другие. Возможно, что монетный двор Алматы завершил свою работу раньше этих событий, еще в конце XIII в. А эмиссионный центр Тараз прекратил функционировать если не в конце первого, то в самом начале второго десятилетия XIV в.

Отрар в первой половине XIV в. не входил в сферу влияния Джучидов. Никаких следов джучидского монетного обращения в первой трети XIV в. на территории Отрара и его округи не зафиксировано. Период с 706/1306-07 по 728/1328 г. для всего региона характеризуется замиранием товарно-денежных отношений и очень низким уровнем экономической активности. Не особо изменило ситуацию и начало работы монетного двора Отрара в 728/1328 году.

В 760-х/1360-х гг. в центральных регионах Золотой Орды и в Крыму резко ухудшилось экономическое положение по нескольким причинам: из-за свирепствовавшей эпидемии чумы, из-за многолетних засух и неурожая, беспрестанной борьбы за власть претендентов на ханский «трон». В это десятилетие наблюдается существенный приток медной и серебряной джучидской монеты в Среднюю Азию и в первую очередь на территорию Приаралья и Западного Казахстана.

Во второй половине XIV – первой половине XV в. в денежном обращении Южного Казахстана активно участвовали медные и серебряные монеты, чеканенные в Самарканде, Андигане, Хисаре, Термезе и Карши.

ГЛАВА VII

РЕЛИГИИ И КУЛЬТЫ В ГОРОДАХ КАЗАХСТАНА в XIII – первой половине XV в.

Ислам

В книге, посвященной урбанизации Казахстана в IX - начале XIII вв., рассмотрены вопросы исламизации Казахстана в начале IX в., его утверждения в качестве государственной религии и составной доминантной идеологии в жизни населения. Отмечалось, что мусульманская культура – результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе и казахстанских.

Утвердившийся в городах ислам распространился в кочевой среде Казахстана, завоевывая новые территории.

В XIII-XIV вв. ислам завоевывает позиции в Центральном и Западном Казахстане, в Золотой орде, в Ак-Орде и государстве Чагатаидов.

Согласно агиографической традиции, первым ханом Золотой Орды, принявшим ислам, был Берке (1257-1266).

Прочные позиции занял ислам в Золотой Орде во время правления хана Узбека (1312-1342). Ряд исследователей считает, что при нем ислам стал государственной религией [Васильев, 2007, с. 8; Измайлов, 2004, с. 99-100].

Проходило становление ислама в борьбе с местными культурами и, в частности, с шаманизмом.

В рассказе о принятии ислама Узбек-ханом отмечается, что одно только присутствие рядом с ним мусульманина обрекло на неудачу чудотворную силу приближенных к нему языческих колдунов. Для подтверждения чудесной неязвимости мусульманина одному из языческих колдунов и святому Баба-Тукласу было предложено войти в раскаленную печь (танур). Неверного колдуна пламя поглотило тотчас, а Баба-Туклас невредимым вышел из танура. «Как увидели все это люди с ханом во главе, так вцепились тут же в подола шейхов и стали [все] мусульманами» [Ваираков, 2000, р. 17-36].

Распространение ислама в Казахстане в значительной степени связано с суфизмом (мусульманским мистицизмом). Близость некоторых идей и элементов обрядности суфизма местным доисламским верованиям и культурам позволила суфизму завоевать популярность у широких слоев населения.

Из значительных суфийских конгрегаций (братств, орденов), возникших на казахстанско-среднеазиатской почве, наиболее известными были три – йасавийа, кубравийа, накшбандийа. Широкая известность ордена йасавийа (султанийа), одного из ответвлений конгрегации накшбандийа, связана с именем знаменитого мистика Ходжи Ахмета Ясави (XII в.), считающегося основателем тюркской традиции мусульманского мистицизма. Ареал кубравийа достигал Закаспия. Одной из самых влиятельных являлась могущественная конгрегация ходжагон-накшбандийа, представителем которой был, например, Ходжа Исхак Вали (XVI в.), прославившийся миссионерской деятельностью среди казахов, киргизов и калмаков (джунгар).

Ислам, пришедший в Каялык вместе с яркой проповедью ходжей из братства йасавийа, изменил представления большей части горожан. Именно в этом городе в 1281 году была составлена одна из нескольких рукописей, посвященных родословной туркестанских ходжей [Муминов, 2004, с. 231]. Как известно, ходжи считают себя арабами и в этой связи интересны предания, до сих пор бытующие в Койлыке (Антоновке) о богатом и влиятельном арабе, которому принадлежало местное ущелье, получившее название Арабсай и именуемое так до сего времени.

Приверженцами ислама преимущественно были жители городов.

Сведения письменных источников об исламе в этот период подтверждаются материалами археологических исследований городищ XIII-XV вв. и соответствующих хронологических слоев городищ, существовавших, как это было отмечено, на юге Казахстана, в Приаралье и Жетысу, в Центральном, Восточном и Западном Казахстане.

Мечети

С утверждением ислама произошли изменения в духовной и материальной культуре, в застройке городищ.

Доминантами застройки в XIII-XV вв. были мечети: квартальные, соборные, праздничные (загородные); медресе; ханака; мавзолеи; мусульманские некрополи с мавзолеями.

Мечети стали повсеместной и важной деталью городской застройки и загородной территории, где строились праздничные мечети. Богослужение в них совершалось в праздники Курбан-Байрам или Фитр.

Известны и поминальные мечети, которые строились рядом с почитаемыми захоронениями [Хмельницкий, 1996, с. 69-70].

Соборная мечеть Отрара конца XIV - начала XV в. на юге Казахстана расположена в юго-восточной части центрального бугра. Постройка обнаружена на южном участке раскопа IV в юго-восточной части городища. Дома XVI-XVII вв. скрывали гребень кирпичной

кладки. Шурфами была выявлена разрушенная квадратная колонна со стороной 1,3 м, сложенная из квадратного жженого кирпича на ганчевом растворе с пазами на углах для вставок гильдаста. Вскоре были обнаружены остатки других колонн, поставленных в определенном порядке. Стало ясно, что в толще культурного слоя находится монументальное сооружение из жженого кирпича.

В результате раскопок были открыты остатки мечети. Строительная площадка под нее была тщательно нивелирована. Пол мечети был покрыт плотной обмазкой. Кое-где встречались лунки явно временных очагов, которые появились уже после того, как постройка перестала функционировать. Для датировки мечети важны материалы перекрывающего слоя.

Это остатки жилых построек, планировка которых исказила первоначальное сооружение. Открытое пространство мечети со столбами было перегороджено стенами, а сами столбы включены в

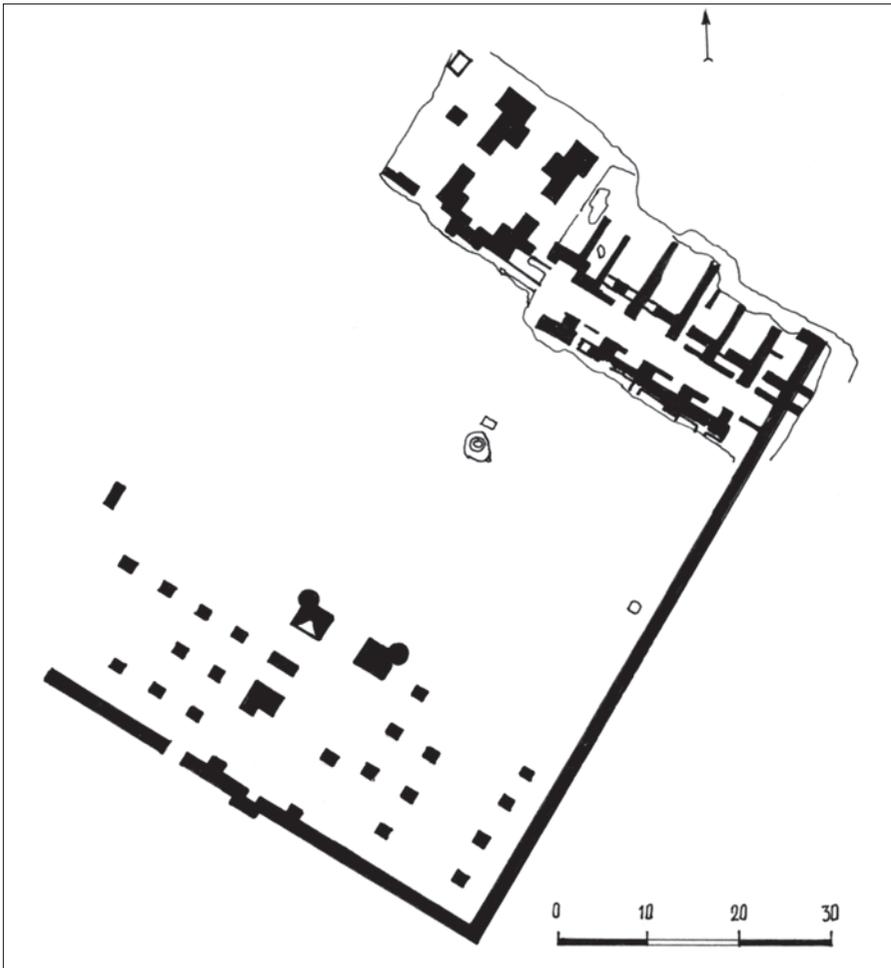

Рис. 228. Отрар. Мечеть конца XIV – начала XV в.

конструкцию стен. Характерно, что на полах отсутствует слой завала, следовательно, в момент перепланировки здание еще сохранялось. Заполнение суф в помещениях рыхлое, включающее кирпичную крошку, куски алебастра, лесс.

Жилые помещения функционировали продолжительное время. Повсюду фиксируются два уровня полов, сопровождавшиеся надстройкой стен. Не раз подновлялись суфы, тандыры и дымоходы, менялся интерьер. Однако, в целом характер застройки двух строительных горизонтов одинаковый: жилой массив с обычными для позднесредневекового Отрара типами домов, в составе которых непременно есть комната с суфой, занимавшей около трети части всей площади, в которую встроена печь-тандыр с дымоходом.

Дома формировались в жилые кварталы с внутриквартальными улочками.

В кладке стен домов использовался кирпич из разбираемой мечети. В центре помещений имелись кирпичные и каменные опоры столбов – характерный признак плоских перекрытий. Стены и рухнувшие перекрытия заброшенного жилья были разобраны на кирпичи, и лишь мощные опорные столбы крытых галерей мечети, «сцементированные» ганчевым раствором, включены в кладку поздних стен.

Хронология жилого горизонта устанавливается по сравнению со временем постройки мечети, прежде всего, благодаря обилию медных монет, найденных в кладе помещения и лежащих одиночно.

Клад шейбанидских монет и одиночные находки этого же чекана позволяют датировать верхний (третий) горизонт второй половиной XVI в.

Керамический комплекс из жилых построек горизонта III в целом аналогичен керамике Отрара XVI в. из других объектов, и находит прямые параллели в синхронных среднеазиатских коллекциях.

Устройство новых стен на полах мечети для образования жилых помещений последовало за прекращением функционирования мечети и произошло это в XVI в. Датой же постройки мечети можно считать конец XIII в., о чем свидетельствуют монеты с полов мечети, датированные эпохой Великой Монгольской империи [Акишев, Байпаков, Ермакович, 1987, с. 103-106].

Первоначально открытая часть мечети имела размеры 60 x 22 м. Вход в центре северного фасада оформлен в виде выступающего за линию стены портала с прямоугольными в плане пилонами размерами 2,7 x 1,35 м. Пролет между опорами портала – около 6 м.

Западный пилон сохранился на высоту до 1,7 м, восточный почти полностью разобран на кирпичи. На углах портала были поставлены цилиндрические в основании минареты диаметром 2 м. Внутри минаретов имелись винтовые лестницы, на которые попадали с внутренней стороны портала через входной проем шириной 1 м. Сохранились первые четыре ступеньки лестницы на западной стороне портала.

Фронтальная композиция здания включает четыре сквозные галереи, образованные тридцатью квадратными столбами размерами 1,35 x 1,35 м, поставленными в три ряда. Проем между опорами перекрытия равнялся 3,7 м.

На оси входа находились два зала. Опоры перекрытий практически разобраны. Сохранился столб прямоугольного сечения размерами 3,3 x 1,65 м на западной стороне первого от входа зала. Частично сохранились два передних столба главного зала с михрабной нишей. Можно полагать, что столбы имели сложное сечение. Задние опоры выглядят как квадратные пилоны по обеим сторонам михраба.

В михрабной стене здания имеется дверной проем с высоким порогом, который открывался в сторону улицы и жилой застройки у крепостной стены. Стены мечети толщиной 1,35 м, углы главного фасада оформлены в виде пилястр. Двор мечети размерами 40 x 22 м расположен между фасадной стеной мечети и постройкой в северной части комплекса по внутреннему абрису стен. Общие размеры мечети с двором и северной постройкой составляют 72 x 22 м.

Пол во дворе михрабного зала мечети, судя по сохранившимся участкам и наличию крошек от ганчeveго раствора, был выложен квадратным обожженным кирпичом размерами 25 x 25 x 5 см. Из такого же кирпича возведены стены построек.

Постройка в северо-восточной части комплекса представляет собой архитектурный пассаж, составленный из центрального коридора

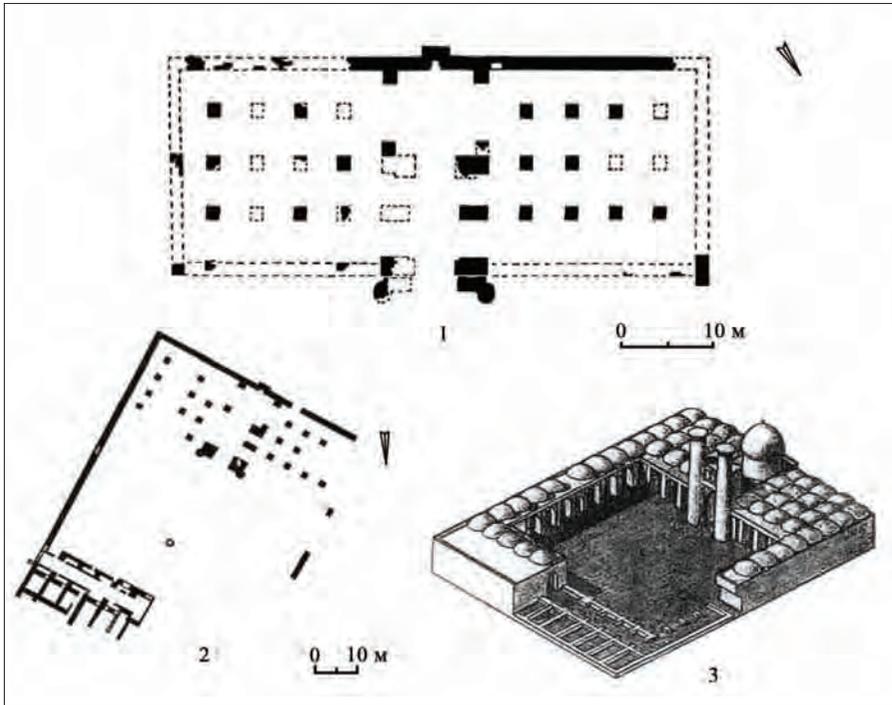

Рис. 229. Отрар. Соборная мечеть. Планы и реконструкция

шириной 3,47 м, по обе стороны которого расположены помещения. Помещения южной части незначительны по размерам: 3,41 x 1,42 м. Возможно, это айваны, внутреннее пространство которых отделено от коридора стеночкой (порогом) в один кирпич, в то время как толщина несущих стен составляет 1,13 м, а внутренних – 0,78 м. Полностью раскопано пять помещений, шестое – частично.

Помещения, расположенные с северной стороны коридора, являются зеркальным отражением южной линии помещений – айванов, устроенных параллельно. Полностью раскопано пять комнат, одна – частично. Конструктивно помещения этой линии делятся на две части. Первая – это выходящая в коридор тамбурная ниша-айван размерами 3,5 x 1,4 м с устроенным в северо-западной части входом шириной 1,1 м, ведущим во вторую часть помещения. Задняя, северная, стена помещения, которая в то же время, возможно, является внешней стеной всего комплекса, не изучена, и длину помещений установить не представляется возможным. Ширина помещений – 3,7 м, стены сложены из жженого и сырцового кирпича. Фиксируется второй строительный период, в ходе которого некоторые помещения были достроены и в них сооружены суфы. Шестая комната отличается размерами от исследованных пяти. Детали и дополнительные особенности сооружения изучить не представляется возможным – этому препятствуют поздние наслоения.

Несущие стены айванов южной оси и тамбуров-айванов северной оси, возможно, имели сводчатые перекрытия, которые, соединяясь со сводами коридора, образовывали конструкцию, именуемую крестовым сводом.

Первоначально, как выше отмечалось, было вскрыто помещение мечети с михрабом – молитвенной нишей. Размеры ее составляли 60 x 22 см. Она была расположена по линии восток-запад [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 106-108, рис. 39]. Следующим было помещение напротив мечети, между которым расположен двор размерами 40 x 60 м и северная постройка. Эта часть мечети имела размеры 60 x 72 м, была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. В середине двора находился колодец, облицованный жженым кирпичом. И двор, и северо-восточная часть постройки были окружены стеной из жженных кирпичей, сохранившихся в виде отпечатков кирпичей или участков в 1-4 ряда кирпичей. Западная стена сохранилась в следах.

Таким образом, соборная мечеть конца XIV – XV вв. относится к широко распространенным постройкам дворового плана [Имажанов, Байсенбаева, с. 247-253; Смагулов, 2013, с. 109-126; Зиливинская, 2014, с. 39-40].

По-разному трактуется северо-восточная часть постройки, расположенной через двор напротив. Предполагалось, что это могла быть часть дворца Бердибека – наместника Тимура в Отраре [Байпаков, Ходжаев, 1999, с. 163-164].

Высказывалось предположение, что строительство мечети не было доведено до конца и поэтому она была вскоре превращена в место жилой городской застройки [Байпаков, Воякин, 2007б, с. 211].

Как уже отмечалось, участок под мечеть был тщательно сnivelирован. Основания столбов заглублены на 15-20 см в сплошной котлован, заполненный ленточной пахсой, в которую добавлены угольки в качестве изолятора от почвенных солей. Общая толщина лессового фундамента равна 1,1 м [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 164-165; Байпаков, Воякин, 2007б, с. 208-213]. Это традиционный способ предотвращения осадки монументальных построек, широко применявшийся в средневековой архитектуре Средней Азии и Казахстана [Пугаченкова, 1958, с. 317-318; 1976, с. 16; Кочнев, 1976, с. 49-50].

Несущие конструкции – стены, столбы, пилоны портала сложены из жженого квадратного кирпича хорошего качества, со стороной 25-28 см, целого или половинок. Кирпичи уложены строго регулярно «вперевязку» на ганчевом растворе. Кое-где на стенах сохранился тонкий первоначальный слой ганчевой штукатурки.

Интересным был архитектурный декор мечети, в котором, судя по находкам в жилых помещениях перекрывающего слоя, важную роль играли керамические облицовки: цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток. Обнаружены плитки с резным геометрическим орнаментом. Основная масса глазурованной облицовки найдена в помещениях на месте зала и стены с михрабной нишей. Найдены фрагменты керамических решеток на окнах – панджара.

Михрабная часть мечети относится к постройкам дворового типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии [Маньковская, 1980, с. 108-112]. Столбовые конструкции сближают отрарскую мечеть с куйрыктобинской, хотя последняя построена значительно раньше, в X в., и относится к раннему этапу в развитии типологии столбовых мечетей [Байпаков, 1986, с. 139].

Важно понять причину или причины разрушения мечети, поскольку перестройка участка с мечетью в жилой квартал не была рядовым событием в жизни города. Духовные учреждения, «святые места» (мечети, медресе, мазары) веками сохраняли неприкосновенность имущества и доходов с него, жалованных вакуфными грамотами. Известна, например, вакуфная грамота Тимура мавзолю Ходжи Ахмета Ясави и некоторым другим мазарам в Туркестане. Последующие правители города подтверждали, как это было принято, вакфы мазара [Пищулина, 1969, с. 8]. Несомненно, в жизни Отрара произошли какие-то важные перемены, вызвавшие возможность разрушения мечети.

Здание использовалось как временное укрытие, судя по остаткам кострищ и гумуса, а затем было перестроено под жилье, но, видимо, не

только смена политической власти в городе стала причиной быстрой перестройки мечети, поскольку подчинение города Тимуридам продолжалось до середины XV в., хотя сразу же после смерти Тимура Отрар был захвачен Нур ад-Дином, который удерживал его четыре года. И лишь к середине XVI в. сырдарьинские города были подчинены Абулхайр-ханом [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 38-40].

Состав горожан не мог основательно измениться за это время, но мечеть была разрушена и растащена на кирпичи. В качестве возможной причины могла стать незавершенность ее строительства. Мечеть так и осталась стройкой, и в ней никогда не проводились молебны, она не была освящена и поэтому ее постигла такая судьба [Байпаков, Воякин, 2007, с. 211].

Именно поэтому этот участок города был вскоре застроен рядовым городским жильем.

В последнее время получила развитие дискуссия о времени постройки мечети.

В связи с раскопками соборной мечети Саурана Е. А. Смагулов, проанализировав «исторический контекст», пришел к мнению, что и мечеть Саурана, и мечеть Отрара строились в конце XIV – начале XV вв. в эпоху принадлежности этих городов Джучидам, а не в период Тимура или позже в XVI в.

При датировке мечети Отрара использовалась, считает он, лишь датировка напольного слоя, сама мечеть, по его мнению, была возведена раньше, так же как и Сауранская - в эпоху вхождения двух этих городов, а также и двух других городских центров - Барчкенда и Дженда в состав государства Джучидов.

В «Анониме Искандера» сообщается о том, что хан Ерзен, сын Сасы Буки, «был царем крайне умным, правдивым, превосходным, богобоязненным. Большую часть медресе, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране. Дженде и Барчкенде, построил он» [Тизенгаузен, 1941, с. 129-130]. Именно опираясь на этот факт, а не на комплекс найденных при раскопках монет, Е. А. Смагулов и датирует мечети Отрара и Саурана [Смагулов, 2013, с. 123-126].

И еще, в современной историографии Отрара утвердилось мнение, будто бы в первой четверти XIV в. Отрар попал под юрисдикцию Джучидов [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 57-58]. Такая уверенность исследователей опирается, прежде всего, на сведения из «Анонима Искандера» и строительство богоугодных заведений ханом Эрзеном [Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999]. При этом источник сообщает, что он стал царем после смерти своего отца в 720/1320 году по указу Узбек-хана и правил до 745/1345 г., а после него, якобы, начал править Мубарак-ходжа. Сейчас уже общеизвестно, что «Аноним Искандера» грешит огромным числом неточностей и явных ошибок. В этом приведенном сообщении обнаруживается хронологическое искажение, поскольку сейчас уже достоверно установлено, что

Мубарак правил в Ак-Орде на двадцать с лишним лет позднее. Степень точности сообщений этого письменного памятника крайне низка. Но, даже если допустить, что Эрзен действительно строил мечети и ханаки в Отраре – это само по себе не является доказательством захвата или присоединения им Отрара или Саурана. На востоке еще в XIII веке хорошо известна практика покупки в собственность усадеб, земель и другой недвижимости представителями богатой прослойки общества не только на территории того государства, где они проживают, но и в соседних государствах [Тизенгаузен, 1941, с. 271-272].

Владения Эрзена на территории Саурана и Отрара, а также его пожертвования (если таковые были) вовсе не доказывают принадлежность этих городов Джучидам. Кроме того, владение Отраром Джучидами не подтверждается и нумизматическими материалами. Регулярная чеканка серебряных дирхемов в Отраре началась с 728/1328 г., следовательно, Отрар мог бы теоретически находиться в руках Джучидов примерно с 710/1310 по 727/1327 годы. Но в этом случае монетное обращение в Отраре и его округе должно было быть наполнено медной и серебряной монетой Джучидов 720-х/1320-х годов. Обнаруживаемые же джучидские пулы датируются периодом 730-780-х/1330-1380-х гг. Большинство из них попали на территорию Отрарского региона не ранее 750-х и особенно интенсивно поступали в 760-х/1360-х гг. По этой причине нет оснований для утверждения о существовании периода владения Джучидами в первой половине XIV в. Отраром и его округой [Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 146-147].

Нет оснований и для датировки Сауранской мечети только по приведенному пассажиру в «Анониме Искандера», поскольку эту датировку не подтверждает комплекс монет, найденный при раскопках мечети [Смагулов, 2012, с. 163-164]. Он представлен монетами Тимура, выпущенными в Самарканде в конце XIV в. и более поздними, относящимися к запустению города, разрушению мечети и застройки участка жильем и мастерской гончара [Болдырев, 1957].

Сомнительна дата переноса Саурана, связанная с передислокацией населения из домонгольского Саурана (городище Каратобе) в Сауран (городище Сауран). Вполне вероятно, что это произошло сразу же после завоевательного похода монголов.

Вызывает сомнение и раннее название Саурана – Сугулхан, которое известно, по мнению ряда исследователей, в эпоху арабских завоеваний Южного Казахстана [Муминов, 2003, с. 138-140; Смагулов, 2013, с. 111]. Прямых указаний источников на этот счет нет. Не правы те, кто обвиняет своих предшественников по исследованию мечети Отрара в неправильном определении ее как «столпной» [Смагулов, 2013, с. 110]. Это было сказано лишь о мансуре – помещении с михрабом [Байпаков, 2012б, с. 21].

Мечеть Джанкента. Город «Джанкент», он же «Янгикент», он же «Ал-Карьяй ал-хадиса ал-Мадина ал джазида», он же «Дих и-нау», что

означает «Новый город», находится в Приаралье в дельте Сырдарьи в 15 км западнее г. Казалинска. Ему соответствует городище Джанкент [Толстов, 1947, с. 55-102; Бартольд, 1963а, с. 235]. Остатки мечети находятся на территории городища Мын-тобе. Оно расположено примерно в 1-2 км северо-западнее городища Джанкент.

На его территории фиксируются отдельные небольшие земляные возвышения диаметром до 12 м, высотой до 1 м. Юго-западнее городища располагаются несколько холмов, являющихся, видимо, остатками отдельных усадеб.

Подъемный материал представлен коллекцией фрагментов керамических сосудов, голубых плиток, медными монетами XIV-XVII вв.

Некрополь городища расположен в 700 м юго-восточнее городища, в настоящее время его постройки располагаются под жилыми домами поселка Оркендеу.

Остатки мечети были обнаружены при рытье канала. В северо-восточной части раскопа выявлены северная и западная стены мечети. Хорошо сохранился угол между стенами. Постройка прямоугольная в плане, ориентирована углами по сторонам света. Размеры сооружения составляют 13 x 16,9 м.

Хорошо сохранившаяся северная стена постройки сложена из горизонтально положенных обожженных кирпичей. Разрушена же лишь восточная часть северной стены.

Внешний край стены выложен из одного ряда положенных прямоугольных кирпичей размерами 26 x 12 x 6 см, середина стены и внутренний ее край сложен из квадратных кирпичей размерами 24 x 24 x 5 см. Толщина стены составляет 1,4 м; высота сохранившейся части – 0,72 м.

Восточная стена вскрыта частично, фрагментарно сохранился лишь внутренний край стены в один ряд кирпичей. На расстоянии 4 м от северной стены на глубине 0,78 м расчищены остатки сооружения в виде сложенных из обожженных кирпичей полукруглых форм со скошенными краями.

Юго-восточный угол постройки фиксируется в виде развала кирпичей. В центральной части постройки расчищена восточная часть конструкции в виде уложенных плотно друг к другу квадратных кирпичей под наклоном вниз.

Почти по всей площади раскопа на разных уровнях найдены обломки жженого кирпича, глазурованных плиток, фрагменты керамики, кости животных. Керамика станковая, изготовлена из мелкозернистого песка. Черепки красного и серого цветов. Основной орнаментальной зоной у гончарной керамики являются венчик и плечики сосудов. Орнамент - прямые резные и волнистые линии на плечиках сосудов и венчики с валиками, украшенные защипами. Встречаются фрагменты с голубой и зеленой поливой.

Среди облицовочных плиток, покрытых голубой глазурью, встречены фрагменты плиток прямоугольной, трапециевидной, квадратной формы с рельефным растительным, эпиграфическим и резным геометрическим орнаментом.

Предварительная датировка постройки XIV-XV вв.

Вначале постройку определили как мавзолей [Ахатов, Смагулов, Ганиева, Амиргалина, 2007, с. 144-145], однако, это скорее была мечеть. Об этом свидетельствует большое количество облицовочных плит с надписями, покрытых голубой поливой [Байпаков, 2012б, с. 26].

Мечеть городища Антоновское (город Каялык) в Жетысу [Байпаков, Воякин, 2007а]. Мечеть находилась в центре городища. До раскопок в его топографии на этом месте выделялось прямоугольное в плане сооружение в виде площадки размерами 35 x 30 м, обнесенной оплывшим валом высотой до 2 м и шириной 6-8 м. После раскопок была выделена постройка размерами 32,6 x 26,7 м по внутреннему обводу, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Вход шириной 1,9 м устроен в центре северо-восточной стены, на противоположной стороне расположен михраб.

Мечеть относится к «столпным» архитектурным постройкам с плоским перекрытием, предположительно деревянно-камышитовым, на что указывают остатки деревянных конструкций, найденных при расчистке пола мечети. Конструктивная опорная система — смешанная, представлена несущими колоннами и сырцовой кладкой внешних стен.

Внутреннее пространство разделено восемью рядами 52 каменных базколонн, составляющих девять нефов. Шаг колонн - расстояние между осями баз колонн – составил 3,5-3,7 м. Основания колонн сложены из булыжников, гальки среднего размера и заглублены на 10-15 см относительно уровня пола. На галечное основание укладывался ряд фрагментов жженого кирпича. Уровень кладки жженого кирпича соответствовал уровню пола. По всей видимости, жженым кирпичом были обложены основания не сохранившихся деревянных колонн. Пол мечети глиняный, толщина обмазки желтоватого цвета с вкраплениями на общем сером лессовом фоне достигает 10 см. На полу обмазка белого цвета толщиной 0,5-0,3 см.

Михрабная ниша сложена из жженого кирпича размерами 27 x 27 x 4 см, с использованием деревянных бревен диаметром 15 см. Это прямоугольной формы конструкция, шириной 3,09 м и глубиной 0,9 м, выразительным архитектурным решением которой являются два прямоугольных боковых уступа. Глубина первого уступа составляет 0,16 м, второго - 0,41 м. Центральная часть ниши (третий уступ) сохранилась лишь фрагментарно, а потому можно лишь предположить наличие рядов уменьшающихся арок, формирующих верхнюю часть ниши, либо арочное перекрытие с геометрически правильными уступами-расширениями. Зафиксированная высота кладки основания михраба – 0,7 м.

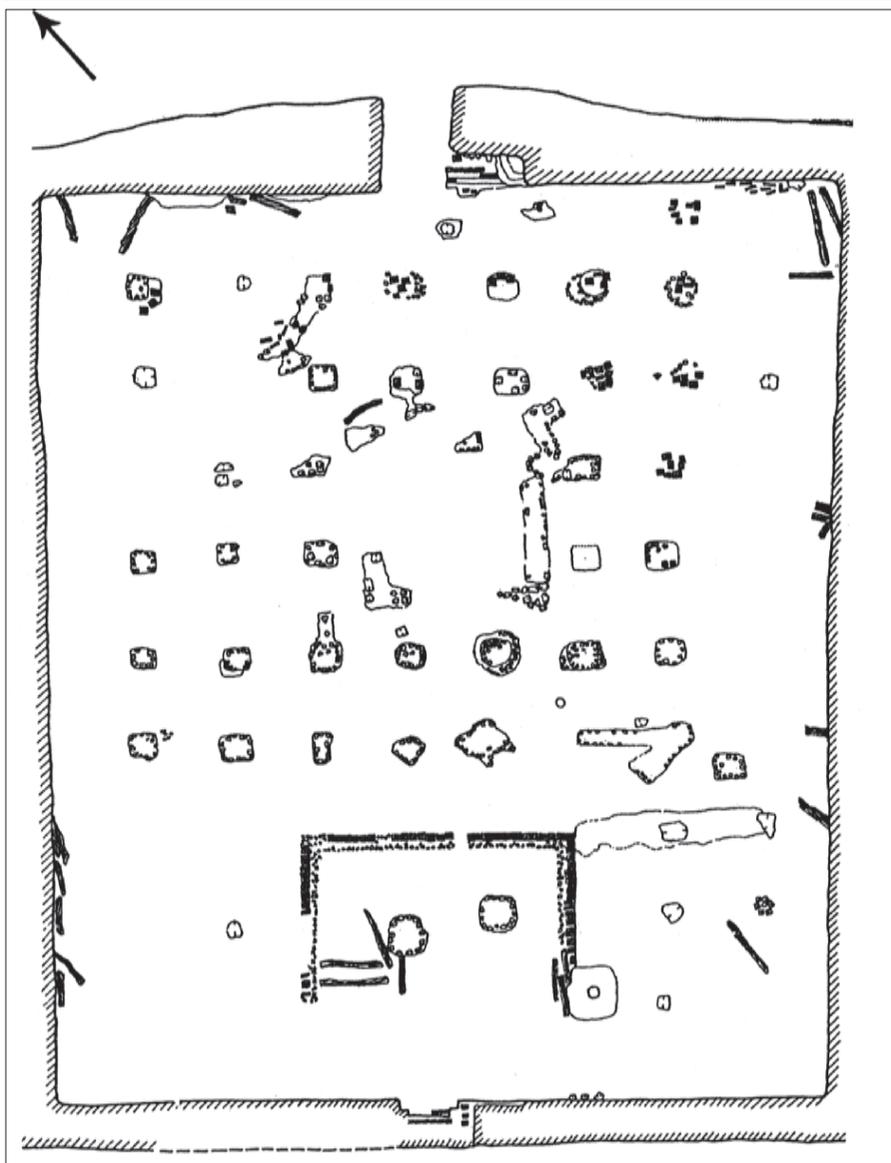

Рис. 230. Городище Антоновское – город Каялык. Пятничная мечеть. План

Перед михрабом расположена прямоугольная площадка размерами 10 x 6 м, обрамленная выкладкой из обломков жженого кирпича, уложенного в один слой. Выкладка покоится на каменном основании. Возможно, что не сохранившаяся деревянная балюстрада была устроена по периметру площадки, отделяя основное пространство мечети от михраба. В центре площадки поставлены два основания колонн, венчающие центральный пятый неф. Назначение этой площадки очевидно - сакральная часть сооружения. Так, в интерьере многих мечетей различных типов четко выделяется михрабный зал.

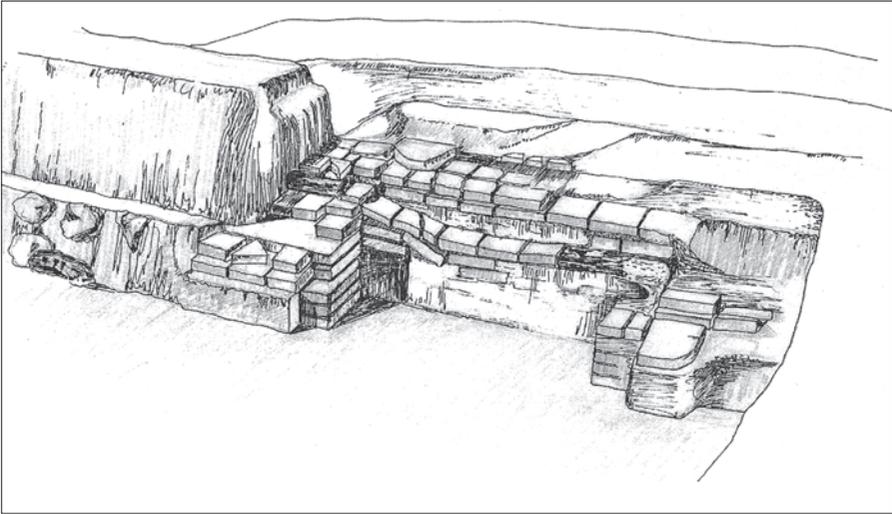

Рис. 231. Каялык. Графическая реконструкция михраба

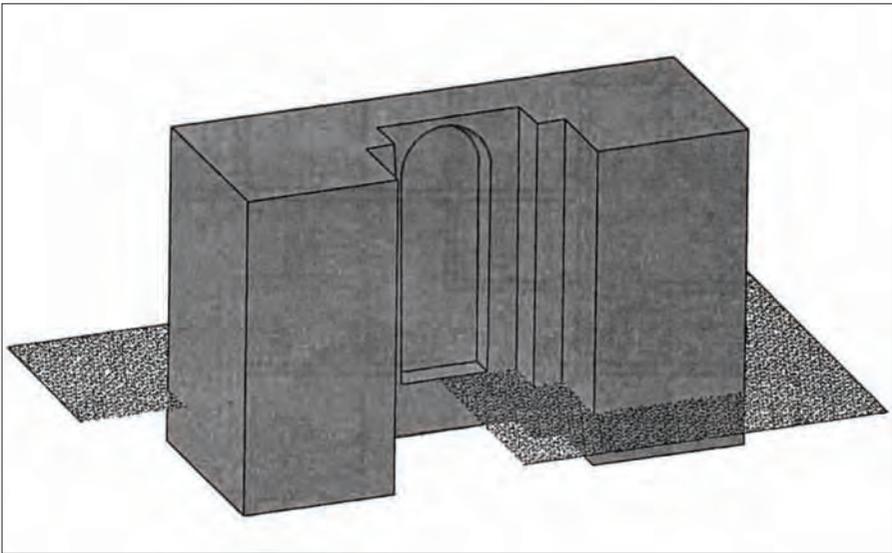

Рис. 232. Каялык. Графическая реконструкция михраба

Вблизи михраба обнаружен завал из горелых бревен и досок, который, возможно, является остатками минбара – кафедры проповедника. Здесь же найдены ажурные бронзовые пластины, вероятно, накладки переплета короны.

Стены мечети сложены из сырцового кирпича размерами 34-36 x 14 x 8-9 см на глиняном растворе, толщина стен 1,3-2,6 м; высота до 2 м. Местами сохранились следы штукатурки коричневого цвета и побелки. Вследствие пожара цвет штукатурки местами приобрел красно-оранжевый оттенок. Толщина штукатурки достигает 1,5 см.

Зачистка вертикальной поверхности части юго-западной стены показала высоту кладки в 13 рядов кирпича-сырца (1,38 м). Стена возведена на основании, сложенном из рваного камня. На уровне основания стен, как показали шурфы, заложенные с внешней стороны, прослеживается строительный завал из сырцового кирпича. На уровне 30-40 см от начала горизонтальной кладки каменного фундамента в теле стены зафиксированы два ряда жженого кирпича. Двойной ряд жженого кирпича вполне можно объяснить как гидроизоляцию, предотвращавшую капиллярный подсос влаги из сырцовой кладки.

Интересной особенностью мечети является устройство внутри ее стен канов, соединенных с печью у входа. Они служили для обогрева молельного зала.

Остатки минарета не обнаружены, но особенности рельефа показывают его возможное местонахождение в юго-восточной части на незначительном удалении от внешних стен мечети, здесь сохранился остаток завала из жженных кирпичей.

С южной стороны к стенам мечети примыкают подпрямоугольные выкладки, сложенные из окатанных валунов. Размеры их варьируют в среднем от 1,5 до 2 м. Это мусульманские погребения.

Из наиболее интересных находок на мечети следует отметить резную горелую доску с фрагментом надписи, выполненной геометризованным куфи. Текст, вследствие его фрагментарности, не может быть прочитан. Доска, состоящая из двух фрагментов общей длиной около 1 м и шириной 15-18 см, найдена у восточной стены в северо-восточном углу.

Размеры мечети свидетельствуют о том, что она была соборной в столичном городе и, не исключено, главной во всем государстве карлукских джабгу [Байпаков, Воякин, 2007а, с. 71-79]. Датируется мечеть второй половиной XIII в.

Рис. 233. Каялык. Мечеть. Обугленная доска

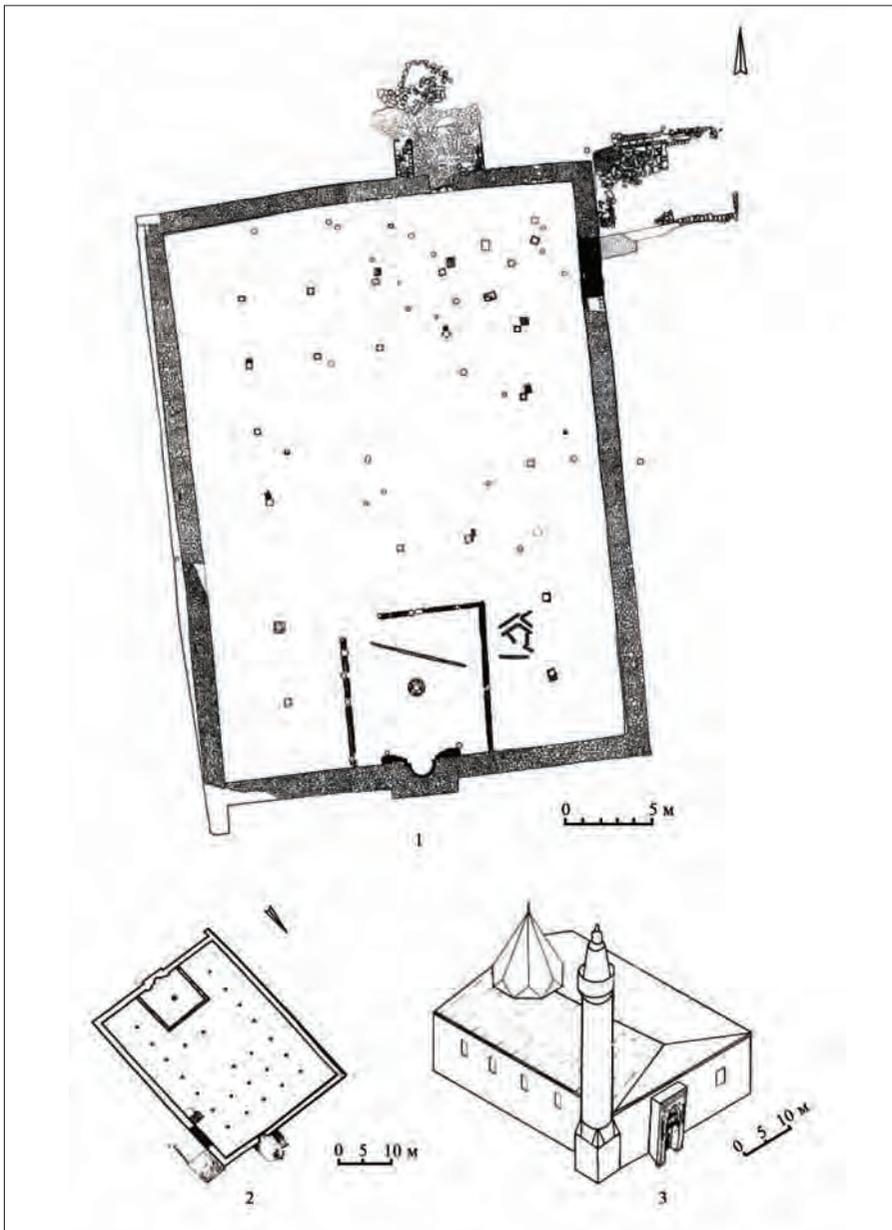

Рис. 234. Мечеть Водянского городища (по В.Л.Егорову)

Пространственной организацией и большими размерами мечеть близка к типу «дворцовых». Такие мечети редки, аналогии можно найти в Иерусалимской мечети Акса II, мечети в Кордове. Этот тип был более всего распространен в сельджукской и ранней османской архитектуре: мечеть в Конье, в Эрзуруме, Бейшехире, Никсаре, Сивасе, Бурсе. Также с мечетью Каялыка параллели имеет ранняя мечеть Кедера на Средней Сырдарье, Хорезмийская мечеть XII в. на городище-крепости

Кават-кала, большая мечеть XVIII в. в Хиве [Хмельницкий, 1996, с. 84-87]. Наиболее же близка к каялыкской мечеть золотоордынского времени, раскопанная на Водянском городище, в низовьях Волги [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 108-167].

Это поразительное сходство было отмечено К. М. Байпаковым и Д. А. Воякиным [Байпаков, Воякин, 2007а, с. 84].

Затем близость двух этих мечетей заметила Э. Д. Зиливинская [Зиливинская, 2014, с. 40-41]. Однако мечеть Водянского городища возведена из камня и это отличает ее от Каялыкской. По ее мнению, мечеть Водянского городища построена мастерами из Крыма [Зиливинская, 2014, с. 42-43].

Мечеть на городище Жалпактал в Западном Казахстане. Мечеть имеет размеры 12 x 13 м. Стены ее сложены в два кирпича, сохранившаяся высота стен около 1 м. В западном углу стены наблюдается слой пожара, после расчистки которого была обнаружена печь шириной 1,28 м. Вторая подобная печь шириной 1,16 м с прослойкой золы обнаружена в восточной части стены. Центральная часть стены сложена из вертикально поставленных кирпичей, при расчистке которых был обнаружен михраб. С восточной стороны к мечети пристроен минарет с квадратным в плане основанием, размерами 2,84 x 4,3 м. Ширина стен минарета - 1,2 м. Минарет имеет два входа шириной 0,7-0,8 м из мечети и с улицы. Вход в мечеть сделан в северо-восточном углу. Внутри мечеть имела обмазку, которая наиболее сохранилась на северной стене возле входа в мечеть.

Большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды относится к одному типу. Это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие.

Основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Сельджукская строительная традиция могла распространиться через Закавказье. Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. Более того, можно утверждать, что в ряде случаев была воспринята сама идея закрытого зала с плоским перекрытием, опирающимся на колоннаду, но воплощение ее в разных частях государства было разнообразным и часто оригинальным.

Предварительно можно сказать, что мечеть Жалпактала воплощает в себе две традиции – малоазийскую и среднеазиатскую. А за основу планиграфии взята малоазийская базиличная мечеть, типичная для Золотой Орды. Технические приемы, формат кирпича и технику кладки строители мечети Жалпактала переняли у строителей Средней Азии [Марыксин, 2014, с. 112-114].

Ханака

По своему функциональному назначению ханака (от иранского «хана» - дом) была странноприимным домом для суфиев – членов дервишских орденов. У ханака кроме главного назначения были

еще и некоторые другие: это были гостиницы, где кроме дервишей останавливались паломники и путники; они служили временными резиденциями для путешествующих правителей; местом, где читались лекции по богословию. Если в ханака был похоронен основатель ордена и почитаемый член суфийского братства или известное светское лицо, обитель получала функции мазара – места поклонения и паломничества.

Все ханака – компактные здания с более или менее центрическим устройством, иногда равнофасадные, чаще – с главным фасадом, который выделен более крупным порталом-пештаком. Главная обязательная часть ханака – большой зал для дервишских радений [Хмельницкий, 1996, с. 69-127].

Каялыкская ханака. От сооружения остались лишь основания стен с зафиксированным рядом жженого кирпича размерами 27 x 27 x 4 см. Западная часть сооружения уничтожена проселочной дорогой и речкой. Исследованиями установлено наличие одиннадцати помещений. Общие параметры сооружения – 19,7 x 19,7 м.

Хорошо сохранившаяся в плане восточная половина сооружения, а также два помещения западной части дают возможность сделать графическую реконструкцию основного объема. Здание имело центрическую организацию внутреннего пространства: крестообразный зал с четырех сторон окружали открытые помещения размерами 5 x 6 м. В четырех углах прямоугольника внутреннего пространства сооружения были расположены по три помещения квадратной формы, угловое (5 x 5,5 м) и два прямоугольных (3,5 x 5,5 м), примыкающих к квадратному с двух сторон.

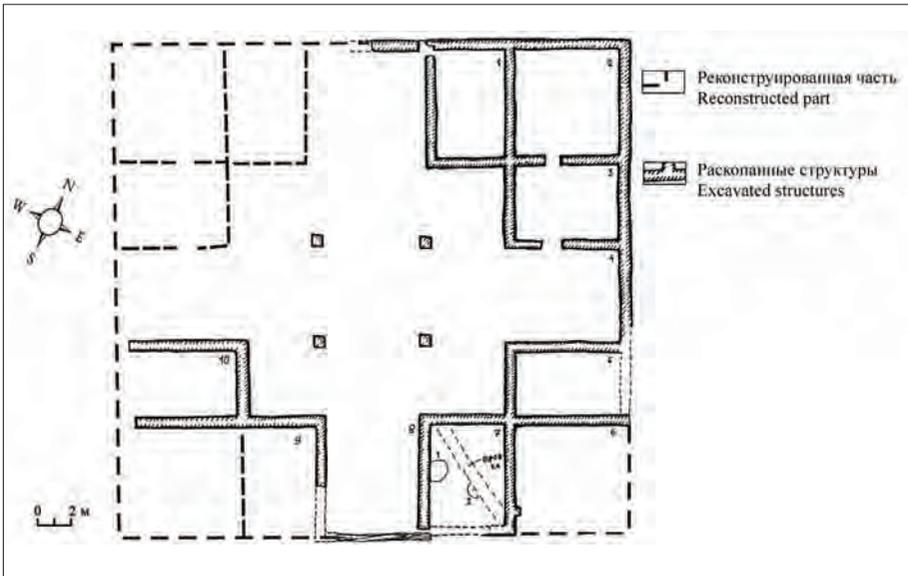

Рис. 235. Каялык. Ханака. План

Двор был перекрыт кровлей, о чем свидетельствуют четыре массивных кубической формы камня - основания колонн, на которых держалось перекрытие.

Под полом некоторых помещений зафиксированы погребения. Этот факт наводит на мысль о сооружении ханаки после постройки мавзолеев и возникновении на месте пространства вблизи мавзолеев кладбища. Таким образом, первоначально был сооружен большой западный мавзолей, к которому впоследствии с восточной стороны был пристроен еще один мавзолей. Затем пространство к западу стало использоваться для совершения погребений. В третий период на этом месте была сооружена ханака, а территория к северу от мавзолеев использовалась для строительства комплекса жилых и хозяйственных построек, возможно, связанных с комплексом мавзолеев и ханаки. Это несколько помещений, среди которых выделяется жилое с тандыром и загон для скота к западу от него. Помещение загона сверху было перекрыто слоем битого кирпича толщиной 0,5 м, относящегося к зданию из жженого кирпича, оставшегося за пределами раскопа с северо-западной стороны. Назначение других помещений, равно как и параметры, не удалось выяснить из-за плохой сохранности конструкций. Замечены следы перестроек, во время которых планировка домов претерпевала изменения.

Участок данной застройки имел четкие границы с остатками мавзолея, вплотную примыкая к завалу кирпичей. Под завалами были расчищены остатки задней стены мавзолея, сохранившейся в длину на 3,7 м, толщиной 0,82 м [Байпаков, Воякин, 2007а, с. 80-87].

Мавзолеи знати и выдающихся личностей

Эти мавзолеи принято считать культовыми сооружениями, а многих погребенных в них – исламскими святыми.

В системе построек XIII – первой половины XV в. мавзолеи составляют значительную часть. Это объясняется популярностью суфизма в Казахстане с его культом могил и традицией уважительного, молитвенного отношения к погребениям людей, признанных мудрыми и праведными.

Большинство мавзолеев – купольные, чаще всего квадратные, многогранные или крестовидные в плане.

Для мавзолеев за доминирующий признак классификации можно принять количество, расположение и устройство входов. В этом случае классификация выглядит так:

- центрические здания типа «чортак» с четырьмя осевыми входами, равнозначными фасадами и пространством;
- фасадные мавзолеи – это здания с главным входным фасадом, оформленным как портал, декорированным богаче других фасадов и иногда возвышающимся над ними подобно порталу-пештаку;
- порталные мавзолеи, главный фасад которых оформлен порталом-пештаком с пилонами, выступающими из плоскости фасада

(в этом их отличие от зданий предыдущего типа), и высотой бóльшей, чем высота других фасадов.

В особую группу могут быть выделены мавзолеи с многогранным планом, обычно с сильно развитым порталом.

Некоторые мавзолеи не отвечают ни одной из перечисленных категорий, это по большей части многокамерные здания, так задуманные или получившие «нетиповой» облик вследствие достроек и перестроек, соединения гурханы с зиаратханой и другими помещениями. Первые опыты построек такого рода датируются XI-XII вв. [Хмельницкий, 1997, с. 151-153].

Мавзолеем Арыстан-баба воздвигнут над погребением известного тюркского шейха, который был учителем Ходжи Ахмета Ясави в отроческие годы. Имя Арыстан-баба неоднократно упоминается в хикметах Ходжи Ахмета.

После смерти Арыстан-баба был похоронен неподалеку от Отрара, рядом с городищем Куйрыктобе, отождествленным со столичным городом округа Отрар-Фараб в X-XI вв., Кедером. Следует подчеркнуть, что в Кедере в X в. была построена мечеть, возможно, одна из первых в этом регионе [Байпаков, 2005б, с. 74].

Вблизи Куйрыктобе обнаружен один из самых ранних мусульманских некрополей [Нурмуханбетов, 1974, с. 85-94].

История мавзолея связана с его, видимо, полным разрушением, затем восстановлением при Тимуре в конце XIV – начале XV в., повторным разрушением землетрясением в 1860 г. и сооружением нового мавзолея, а затем в 1909 г. было построен комплекс – сооружение из мавзолея и мечети [Кожа, 2009, с. 7-9].

Мавзолеем многокамерный и состоит из собственно мавзолея – усыпальницы Арыстан-баба, пристроенной гурханы с захоронениями его учеников и последователей, айвана и мечети. Над усыпальницами возвышаются два купола. Центром композиции является портал, стрельчатая арка которого опирается на расширяющиеся к низу пилоны. Мечеть имеет столпную конфигурацию. Шесть деревянных колонн поддерживают перекрытие. Две резные колонны датируются концом XIV – XV вв. [Воронина, 1975, с. 70-74].

В ходе консервационных работ на мавзолее в 2004 г. в помещении гурханы была произведена разборка пола, и при этом на глубине 12 см был обнаружен угол помещения, сложенный из жженого кирпича. Размеры обнаруженного кирпича аналогичны размерам кирпичей мечети Кедера. Размеры его равны 18 x 9 x 3,5 см и 19,5 x 15,5 x 5,5 см. В траншее была установлена сохранившаяся высота северной стены: 49 см (10 рядов кладки), длиной 2,96 м.

Были вскрыты и остатки других конструкций из жженого кирпича. Исследованиями установлено, что в истории мавзолея четко выделяется первоначальная постройка XII в., от которой сохранились фрагменты стен, и постройка конца XIV в.,

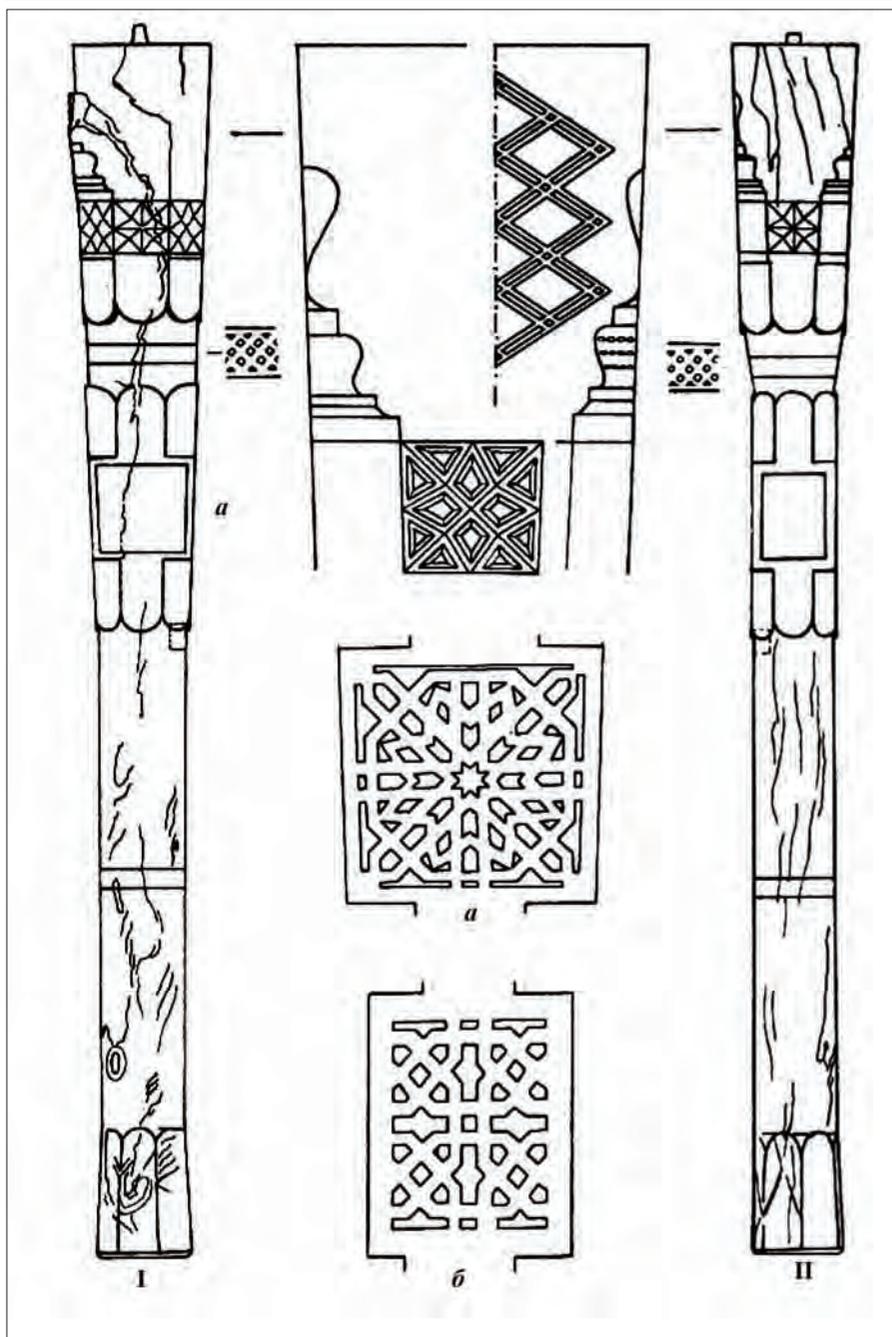

Рис. 236. Мавзолей Арыстан-баба. Деревянные колонны

представленная двумя деревянными колоннами – опорами перекрытия [Акылбек, 2009, с. 87-92].

Мавзолей Отрара расположен западнее центральных развалин в 1 км, где находилась группа из нескольких бугров.

Один из них имел вид возвышенности овальной формы (18 x 20 м), вытянутой с востока на запад, высотой 1,5 м. Западная часть бугра была разрушена при проведении оросительного канала. В разрезе виднелись кирпичи из обожженной глины. Расчистка выявила остатки западной стены длиной 7 м, толщиной 0,8 м. Кладка сохранилась в северном конце на высоту 40 см, в южном – 5 см.

В дальнейшем были раскопаны остатки стены и северо-восточный угол здания. Стены не имели фундамента, их основание находилось на

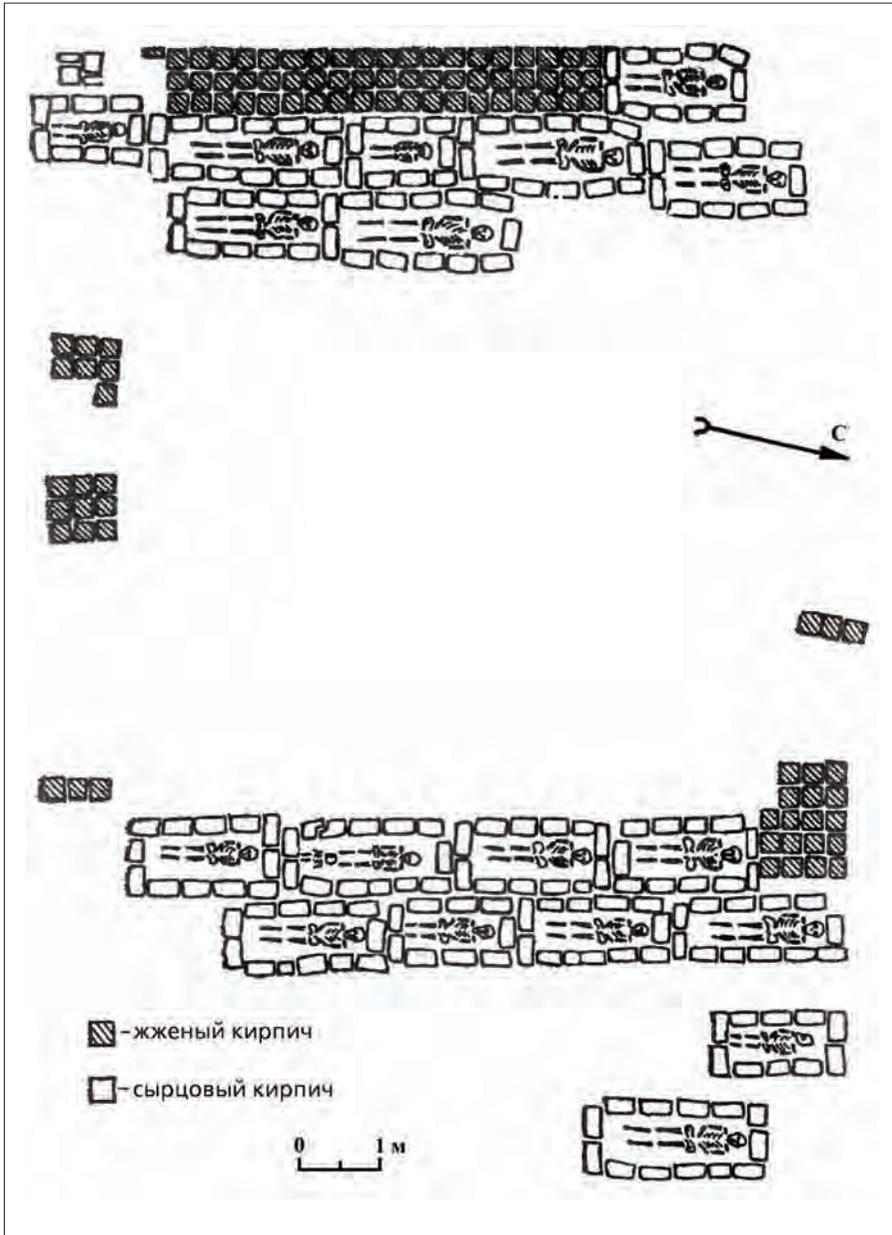

Рис. 237. Городище Отрартобе. План мавзолея. XIII-XIV вв.

глубине 1,5 м от вершины бугра. Сложены они из кирпича квадратной формы, желтого и красного обжига. Размеры кирпича: 25 x 25 x 5, 26 x 26 x 5, 27 x 27 x 5 см. Кирпич клали плашмя, скрепляли раствором жидкой глины желтого цвета. Сохранившаяся высота стен от 5 (один кирпич) до 96 см, толщина 80 см (три кирпича). Наибольшую высоту имел северо-восточный угол – 61-96 см.

Расчистка показала, что стены являются остатками здания квадратной в плане формы (длина южной и северной стен – 10,7 м; западной и восточной – 10,4 м), ориентированного по сторонам света с небольшим отклонением (15°) к востоку.

Раскопки дали интересный материал о мусульманских захоронениях в склепах. Склепы сложены из сырцового кирпича размерами в основном 20 x 40 x 8 см, изредка 19 x 39 x 8 см. Скрепляющим раствором служила жидкая глина. Толщина стенок склепа – один кирпич, сохранившаяся высота – 25 см. Кирпичи клали плашмя. Склепы имели прямоугольную форму, у некоторых боковые стены слегка выгнуты и сужены к головной и ножной частям. Длина склепов – от 1,5 до 2,2 м в зависимости от роста погребенного. Ширина варьирует от 0,8 до 1 м. Ориентированы они по линии юг–север с незначительным отклонением к западу.

Склепы располагались одиночно и рядами, иногда параллельными, соприкасаясь короткими стенками. Сооружены они на глубине от 0,3 до 1,7 м от вершины бугра, некоторые на уровне основания стены, вдоль нее.

Обряд погребения везде одинаков. Погребения произведены на паховой площадке толщиной 20 см. Все захоронения одиночные, за исключением одного, где погребены женщина и ребенок. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся на лобке. У одного погребенного кисти положены на грудь, у двух – кисть левой руки лежала на лобке, кисть правой – на груди. Все погребенные головами ориентированы на север, некоторые повернуты лицом на запад. Вещи отсутствуют.

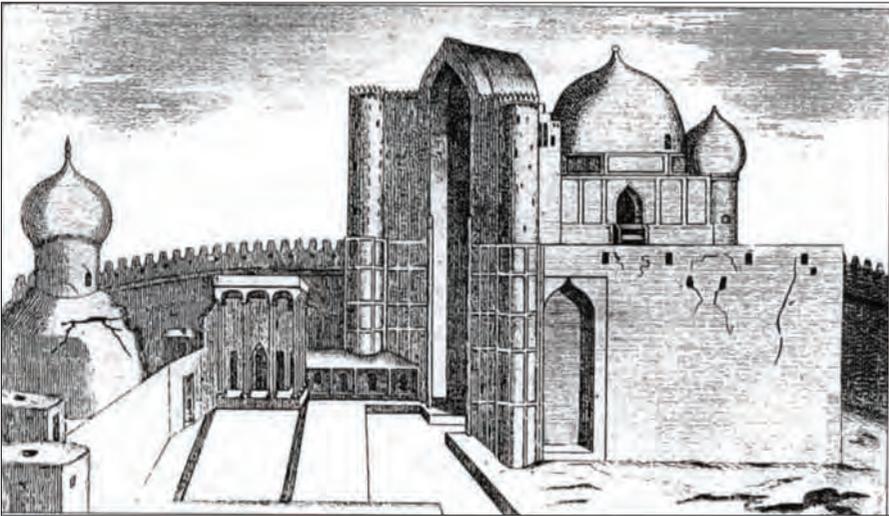
Всего раскопано 20 захоронений. Они располагались вокруг здания и в квадрате стен.

Фрагменты поливной керамики характеризуются красным ангобом и поливой зеленого и красного цветов. Встречается керамика, покрытая синей глазурью. Датируется мавзолеем XIII-XIV вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 124-126].

Мавзолей Ходжи Ахмета Ясави, сооруженный в конце XIV – начале XV в., находится в центре города Туркестана.

Первая постройка мавзолея над могилой Ходжи Ахмета Ясави, как выяснилось, относится к более раннему времени.

С декоративным обликом этой ранней постройки исследователи связывают несколько фрагментов терракотовых резных плит, найденных в разные годы при реставрации, а само здание считается полностью разрушенным в конце XIV века при строительстве по велению эмира Тимура на этом месте грандиозного комплекса ханаки.

*Рис. 238. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави.
Рисунок из «Военного сборника». 1866 г.*

От него сохранились, как принято считать, обнаруженные при зондаже стен XIV в. в районе гурханы отдельные участки ранних стен, облицованные парными кирпичиками со вставками – «бантиками», и фрагменты резных терракотовых плиток. На основании подобных весьма фрагментарных данных можно было предположить, что мавзолей над прахом святого был сооружен сразу после его погребения в 1166 году. Декоративное оформление его соответствовало стилю своего времени, а «сравнительно мелкий рисунок орнаментов говорил о том, что размеры мавзолея были невелики».

С. Г. Хмельницкий полагал, что «мавзолей XII века над могилой Ходжи Ахмета Ясави представлял собой, вероятно, квадратное помещение со сторонами длиной 7,5 м и неглубокими осевыми нишами на всех сторонах, которые были прорезаны входами, здание должно было быть центрическим, типа чортака».

Есть все основания считать, что первый мавзолей Ходжи Ахмета Ясави в Туркестане был отнюдь не заурядной скромной постройкой, а стоял в одном ряду с самыми элитными и совершенными по декоративным свойствам памятниками своей эпохи [Массон, 1930; Маньковская, 1962, с. 93-142; Хмельницкий, 1996, с. 258-259; Смагулов, 2004а, с. 94-98; Проскурин, 1994а, с. 273-277].

Исследователи считают, что мавзолей Ходжи Ахмета Ясави – многофункциональный комплекс, который правильнее считать ханаккой. Здесь имеется джамаатхана – зал для собраний и зикров, гурхана – помещение с погребением Ходжи Ахмета Ясави; мечеть; большой и малый аксарай – помещения для совещаний и диспутов богословия, китаб-хана – помещение библиотеки и переписки бумаг.

Размеры постройки – 60 x 50 м, высота – 15 м.

Купола и арки портала поднимаются до отметки 38 м.

Освое расположение основных помещений на фасаде выявлено мощными объемами арки главного портала, куполами джамаатханы и усыпальницы. Архитектура фасадов проста и почти лишена элементов пластики. Большие гладкие плоскости стен, изредка прорезаны оконными и дверными проемами.

У основания с трех сторон мавзолеем опоясывает панель из плит желтого песчаника, над которой – полутораметровая полоса поливных изразцов. Все стены выше панели, барабаны и купола покрыты голубыми, синими, белыми изразцами в виде крупных узоров на желто-синем фоне кирпичей. Величественный портал остался без украшений.

Двери с резьбой и следами инкрустации из кости открывают вход в центральное и самое большое помещение размерами 18,5 x 18,5 м. В центре зала стоит бронзовый котел, который, по преданию, отливался недалеко от селения Карнак, в 25 км к северо-западу от Туркестана. Когда-то в него наливалась подслащенная вода, раздававшаяся по окончании пятничной молитвы. Сохранилась большая группа бронзовых светильников, некогда освещавших мавзолеем, бронзовые молотки дверей, навершие штандарта [Иванов, 1981, с. 68-84; Муминов, Кожа, Коллакананатулы, Садыкбеков, Нурбеков, 2010].

За центральным залом – казанлыком – находится усыпальница Ходжи Ахмета, надгробие которого сложено из гладких плит светло-зеленого серпентинита. Также скромно и само помещение: белые стены снизу одеты голубой изразцовой панелью с синими угловыми полуколоннами.

В мавзолее много других помещений – мечеть и худжры для паломников. Некоторые из них вскоре после постройки были превращены в склепы. Намогильные камни XV-XIX вв. называют имена погребенных.

В архитектурно-художественной отделке памятника средневековые мастера применили все виды прикладного искусства: это резьба по дереву, алебастру, кости, камню и металлу; поливные изразцы, окрашенные в синий, голубой, белый цвета; кирпичную кладку, образующую сложный орнаментальный узор.

Тексты из Корана занимают места на подкупольных фризах, в обрамлении михраба и выполнены канонизированным почерком. Ковровые заполнения стен со стилизацией букв содержат часто повторяемые богословские сентенции. Особо декорирован ребристый купол усыпальницы, сплошь украшенный глазурованными полихромными плитками.

Уже современники по достоинству оценили постройку. «Мавзолеем Ахмета Ясави, - писал Рузбихан, - одно из достопримечательных построенных в мире зданий и удивительных творений сынов человеческих» [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакани, 1976, с. 141].

Мавзолеем Рабиги Султан Бегим находится на территории туркестанского средневекового некрополя в 60 м к юго-востоку от

ханаки Ахмета Ясави. Первоначально мавзолей был однокамерной восьмигранной постройкой, перекрытой высоко поднятым на цилиндрическом барабане куполом, впоследствии он был перестроен в многокамерную квадратную в плане постройку. Рабига Султан Бегим – дочь Улугбека, выданная в 1451 г. замуж за хана Абулхайра.

Мавзолей включает в себя пять помещений: центрально расположенный восьмигранный зал, два квадратных в плане и два прямоугольных, вытянутых в плане помещения. Главный фасад здания решен в виде портала с глубокой входной нишей, перекрытой высокой стрельчатой аркой. Другие фасады решены в виде аркады с пятью нишами на каждом фасаде. Центральная часть здания перекрывалась куполом на высоком цилиндрическом барабане. Архитектурное изучение памятника позволило обнаружить близкую аналогию между куполами мавзолея Рабиги Султан Бегим и усыпальницы ханаки Ахмета Ясави. Большое количество майоликовых и глазурованных плиток, найденных при археологическом обследовании мавзолея, позволяет предположить, что памятник сплошь покрывался полихромными облицовками.

В юго-восточной стене мавзолея обнаружен вход в склеп, который расположен в центральной части памятника. Низкий купол склепа опирается на восемь невысоких стрельчатых арок. Интерьер оштукатурен и окрашен, нижняя панель – красная, верх – белый. На полу при вскрытии склепа обнаружено несколько деревянных, обтянутых кожей, ящиков с костяками, в том числе и детскими. Среди надгробных камней, перенесенных под своды ханаки Ахмета Ясави, находится камень Рабиги Султан Бегим с эпитафией: «Это место упокоения Рабиги Султан Бегим, дочери умершего мученической смертью, могущественного, великого султана Улугбека Гурагана; сына могущественного эмира Тимура Гурагана. Да осветит Бог все эти могилы до дня суда. Случилось же это отбытие от жилища временного в обитель вечную в один из месяцев 890 года (1485 г.)» [Бартольд, 1964г, с. 144; Проскурин, Туякбаева, 1994, с. 277-278].

Мавзолей Сарлытам Жанадарьинский находится неподалеку от городища Джан-кала [Толстов, 1962, с. 291-294]. Он построен из жженого кирпича размерами 24 x 24 x 5 см. Мавзолей в плане прямоугольный (10 x 15 м), длинной осью ориентирован по линии север-юг. С южной стороны его находится портал. На пилоны опирается стрельчатая арка. И арка, и пилоны были облицованы декоративными кирпичами, покрытыми бирюзовой поливой. Пространство между пилонами было покрыто двойным куполом. Купол поставлен на шестигранный барабан, в гранях которого были устроены окна. Датируется мавзолей XIV-XV вв. [Толстов, 1962, с. 291].

Мавзолей Кердери I находится на дне высохшей части Аральского моря. До раскопок памятник представлял собой вытянутый овальный в плане бугор размерами 42 x 30 м и высотой около 2,3 м, ориентированный длинной осью по линии север-юг.

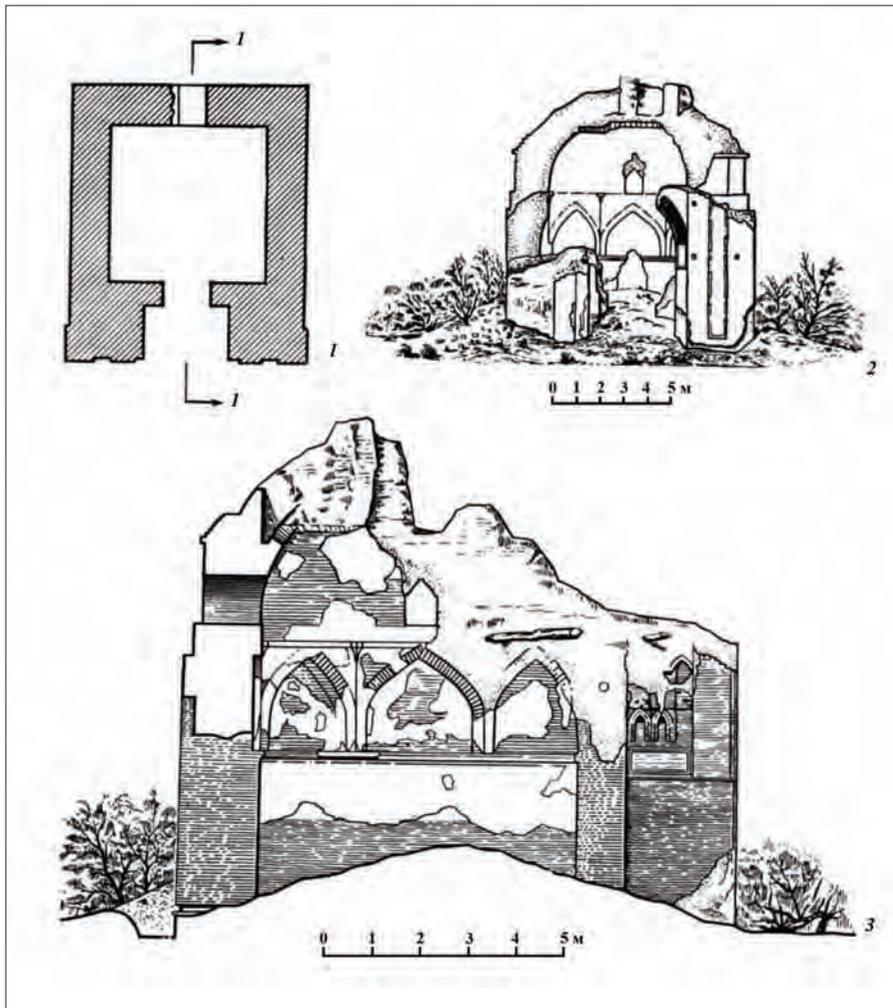

Рис. 239. Мазар Сарлытам: 1 – план, 2 – фасад, 3 – разрез

Центральную часть его образуют развалины прямоугольной постройки, основания стен которой толщиной 1,45-1,65 м сложены из каменных плит. Размеры постройки составили 8 x 24 м. Постройка разделена двумя поперечными стенами на три помещения. Вокруг фундамента и на его поверхности лежали обломки и целые обожженные кирпичи (25 x 25 x 5 см). Среди кирпичного завала найдено несколько фрагментов глазурованных и неглазурованных декоративных или с резным и штампованным орнаментом кирпичей.

Портал был возведен из обожженного кирпича и декорирован поясами глазурованных и неглазурованных плит с резным орнаментом. К центральному поминальному помещению – зиаратхане, где совершались обряды поклонения, с юга и севера примыкали два прямоугольных помещения меньших размеров (6,6 x 6,5 м и 7,4 x 7 м).

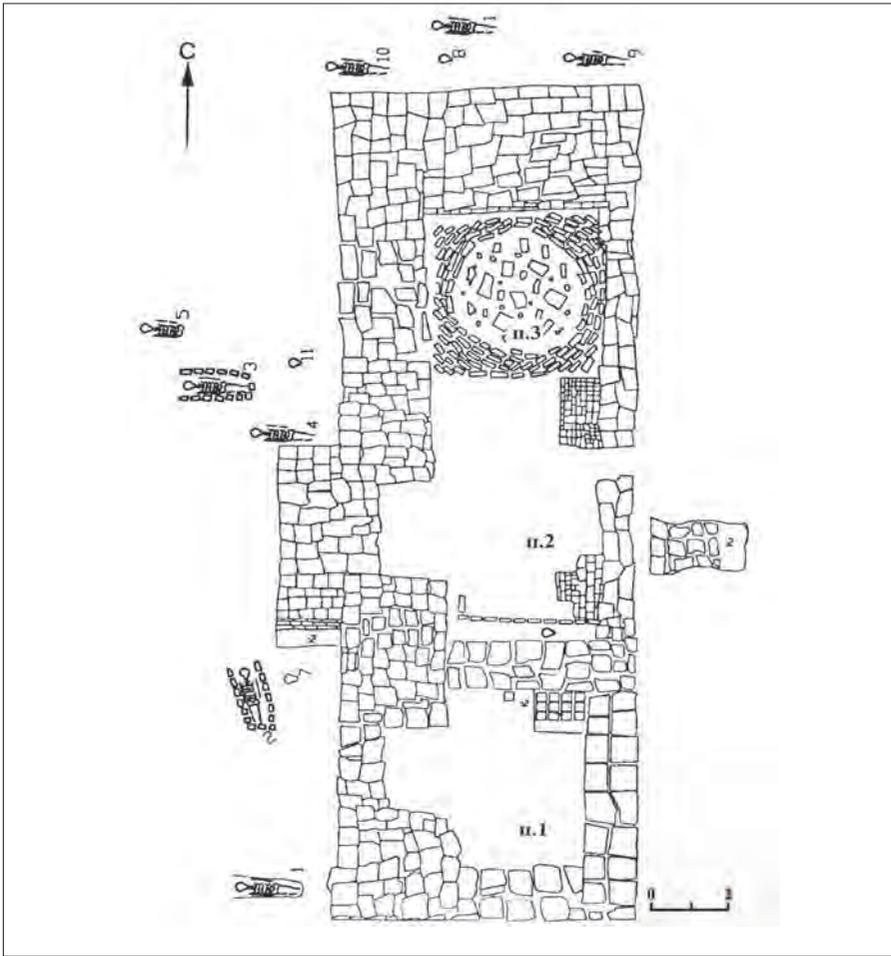

Рис. 240. План мавзолея Кердери I на дне Арала. XIV в.

В южном помещении пол был частично выложен обожженным квадратным кирпичом. Северное помещение было гурханой – местом захоронения. Здесь под полом была расчищена купольная часть подземного погребального склепа. Центральная часть купола обвалилась, но он хорошо сохранился в углах. Купол относится к типу «балхи».

Из находок наиболее интересны фрагменты глазурованных терракотовых плит с резным орнаментом. Сравнительный анализ этих фрагментов декоративных плит показывает, что данный орнаментальный стиль и технология изготовления присущи среднеазиатским (Хорезм), а если шире – золотоордынским памятникам XIV в.

Датируется мавзолеем серединой XIV в. [Смагулов, 2003, с. 94-98].

Центральный Мавзолей Кердери II. Поселение, условно названное Арал-Асар, находится в 65,2 км от современного поселка Каратерен, расположенного в 370 км к северо-западу от Кызылорды. Этот поселок еще недавно стоял на берегу Арала, но сейчас море ушло от него.

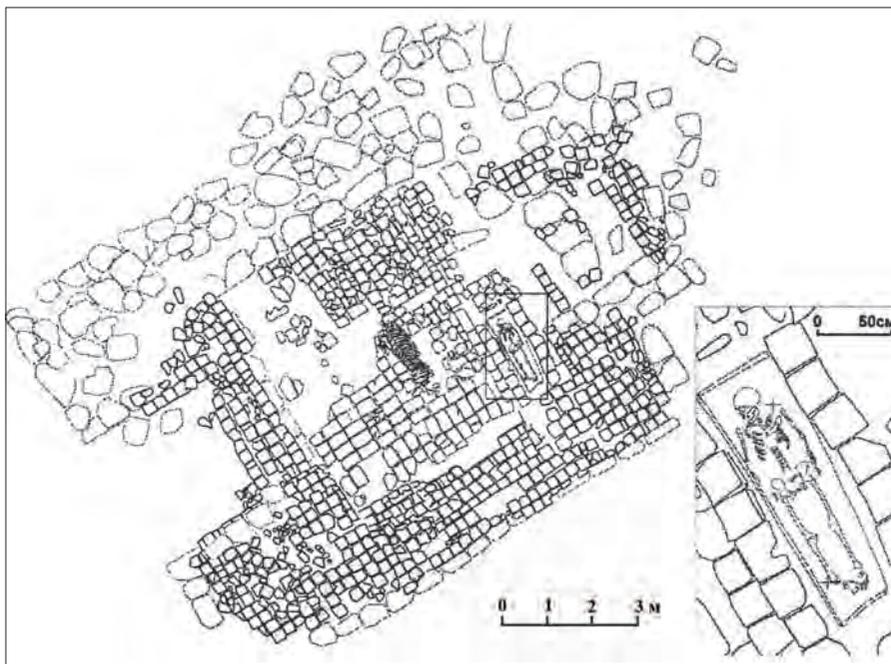

Рис. 241. Городище Арал-Асар. План мавзолея Кердери II

Общая площадь поселения Арал-Асар составляет 6 га. На поверхности в большом количестве найдены хозяйственные предметы: мельничные жернова, керамические сосуды и их обломки, фрагменты железных и бронзовых изделий.

Разведывательные раскопки на городище, проведенные осенью 2005 г., подтвердили кратковременность жизни в этом населенном пункте. Были найдены две серебряные монеты, чеканенные в Золотой Орде и датированные серединой XIV в. Первая – Джучиды XIV в., чекан хана Джанибека (1341-1357) в Сарае ал-Джадиде (?), год утрачен. Вторая – Джучиды XIV в. чекана Науруз-бека. Он правил в 760-761 гг.х./1358-1361 гг., чекан Сарая ал-Джадиде, год утрачен.

С южной и юго-восточной сторон поселение ограничивается некрополем размерами 110 x 400 м. Территория ее определяется концентрацией жженого кирпича.

Выделяются руины центрального мавзолея. До раскопок это был оплывший холм высотой 1,6 м и диаметром 25 м. Хорошо сохранилась каменная кладка фундамента внешней северной стены мавзолея. Он сложен из плит в три ряда шириной 2,2 м.

Мавзолей ориентирован углами по сторонам света и имеет в плане форму прямоугольника. Стены мавзолея были выложены жженым кирпичом 25 x 25 x 5 см. Юго-западная стена сохранилась на высоту в шесть рядов кирпичей.

Внутреннее пространство мавзолея представлено помещением гурханы со сторонами 5,5 x 5,5 м. Вход в мавзолей находится в западной

части сооружения, оформлен порталной нишей шириной 2 м, прямоугольное обрамление и свод которой был украшен поливными кирпичами с растительным и геометрическим орнаментом и арабскими надписями. Найденные здесь же фрагменты декоративных округлых кирпичей позволяют предположить, что архивольты арки опирались на трехчетвертные колонны, встроенные в углы ниши.

По всей видимости, внутренние стены гурханы были украшены четырьмя осевыми нишами глубиной около 1 м, в юго-восточной нише устроен вход, а в северо-западной, более глубокой, находилось основное погребение мавзолея. Пол помещения выложен прямоугольными жжеными плитами размерами 44 x 27 x 6,5 см.

В мавзолее было выявлено семь погребений типа сагана. Исключение составляет *погребение №1*, расположенное в северо-западной осевой нише. Захоронение было разграблено уже в наши дни. Решение конструкций этого погребения видится интересным и не типичным для этого времени. Оно выложено камнями в виде цисты и перекрывалось тремя массивными плитами. Останки человека в погребении не сохранились.

В восточном углу центрального зала было вскрыто и расчищено погребение 3. Склеп представляет конструкцию из восьми горизонтальных рядов кирпичей общей высотой 0,46-0,50 м. Ширина по внешней линии кладки кирпича равна 1,49 м; длина по внешней линии верхней кладки – 2,95 м. Склеп длинной стороной ориентирован по направлению северо-запад – юго-восток. Внутри погребальной камеры находился гроб. Сверху он был перекрыт двумя досками. Погребенный был захоронен по обряду трупоположения на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Во время зачистки захоронения у левого плеча была найдена золотая серьга с окончанием в виде головки хищника и небольшой подвеской с камнем. Такая же серьга зафиксирована в районе костей стопы. Сережки изготовлены в виде стилизованной головы дракона, кусающего свой хвост, в дополнение к украшению подвешен камень.

К южной стене мавзолея примыкали два детских погребения – №18 и №19.

В северной части портала мавзолея были произведены зачистки на площади 2,5 x 5 м. В ходе работ была выявлена рухнувшая в западном направлении порталная арка, законсервированная в таком положении двадцатисантиметровым слоем фрагментов кирпича фасадной и северной стен мавзолея, смытой морем в южную сторону. Арка представляет собой дугообразную кладку из кирпича стандартного размера (25 x 25 x 4,5 см) в один ряд, перемежающихся слоями раствора серого цвета. Внутренняя сторона арки (южная) была украшена вставками из кирпичиков (9,5 x 5 x 2,5 см), покрытых глазурью синего цвета. Фиксируется 41 кирпич, положенный в один ряд горизонтально, формирующий внешнюю сторону арки. Предположительно, под первыми «подпятачными» кирпичами фиксируется деревянная

плаха размерами 18 x 7 см. Орнаментации могли идти поясками в «шахматном» порядке. На данной линии кладки глазурованные кирпичики, отмеченные выше, прослеживаются после 23 ряда кладки (счет от «подпяточного» кирпича), и выше, через два совмещенных ряда, повторяются дважды. С внутренней стороны кладки фиксируются два ряда кирпича, положенных вертикально, толщина раствора в этой кладке достигает 2 см. К двум вертикальным рядам кирпича вплотную примыкает горизонтальная кладка нескольких кирпичей, положенных, видимо, «вперевязку».

В южном углу центрального помещения мавзолея под полом был обнаружен клад железных изделий, спрятанных в глиняный кувшин.

Постройка мавзолея относится к середине XIV в., к этому же времени можно отнести и захоронения в нем [Байпаков, Воякин, Айдосов, Мамиев, 2004, с. 94-97].

Жетысу и Центральный Казахстан

Мавзолей Шамансура (Давудбека) расположен в центральной части города, входит в состав мемориально-культурного комплекса, сложившегося на территории бывшего средневекового кладбища.

Портально-купольный объем традиционной центрической композиции сооружен из жженого кирпича. Главный фасад, выделенный порталом с глубокой стрельчатой нишей, несколько выше остальных и прикрывает приземистый купол. В декоративном убранстве фасадов использованы лишь кирпичная фактура стен, невысокие башенки на углах и характерная для средневековой архитектуры кладка парапета портала.

Рис. 242. Мавзолей Шамансура (Давудбека)

Внутреннее пространство мавзолея крестообразное в плане с глубокими пристенными нишами. Конструктивно не связанные со стенами пилоны позволяют предположить, что первоначально постройка имела вид киоска с четырьмя открытыми арками, и определить ее функцию как поминальную зиаратхану. В центре помещения находится трехступенчатое каменное надгробие, на котором высечена надпись арабской вязью: «Это могила Балыг-Булга-Улугбека-Икбал хана Давудбека Исфаксалара, сына Ильяс-Огул бека шаханшаха, смерть которого наступила в ночь на пятницу 8-го джумада 1-го 660 г.» (31 марта 1262 г.). Надпись прочитана и расшифрована в 1893 г. В. В. Бартольдом, а в 1939 г. – А. М. Беленицким. Эпитафия позволяет соотнести упомянутую в ней личность с одним из крупных военачальников XIII в.

Мавзолей Тектурмас находится на правом берегу р. Талас, на вершине каменной гряды, круто обрывающейся к реке. Это одно из древнейших культовых мест.

Расположение комплекса Тектурмас на месте древнего зороастрийского кладбища, датированного VII-XI вв., позволяет предполагать, что его формирование началось еще до проникновения сюда ислама. Анализ архитектурных форм дает исследователям

Рис. 243. Мавзолей Тектурмас

основание датировать его XIV в. Фотоснимки и сохранившиеся до сих пор остатки памятника в виде небольших фрагментов песчаниковых и кирпичных кладок, относящиеся к началу XX в., позволили определить планировочную структуру комплекса как группу из трех поэтапно возведенных построек. Главным и наиболее ранним был однокамерный, купольный, квадратный в плане киоск центрической композиции со стороной около 8 м, сложенный из жженого кирпича, цоколь – из каменных блоков. Стены его были разгружены большими, расположенными по осям здания стрельчатыми нишами, прорезанными дверными и оконными проемами с балочными перемычками. Сферический купол завершался куббой. Со временем к южной стене мавзолея был пристроен купольный кирпичный объем с глухими стенами. Третье небольшое портално-купольное сооружение, также с глухими стенами, примыкало к юго-восточному углу пристройки.

Каялыкские мавзолеи относятся к купольным с выделенным порталом. Эти мавзолеи рассчитаны на подход с одной главной стороны [Маньковская, 1983, с. 32-38; Хмельницкий, 1997, с. 153-193].

Размеры внутреннего пространства западного мавзолея – 9,3 x 8,9 м. Вероятно, фасад имел форму арочной ниши в прямоугольной раме. Портал западного мавзолея был шире южного фасада. С двух сторон портала сохранились граненые трехчетвертные колонны. Восточный мавзолей был пристроен к западному, причем восточная стена западного мавзолея стала общей, объединяющей эти два сооружения. Портал восточного мавзолея на 3,7 метра отступает в северном направлении, при этом внутреннее пространство восточного мавзолея имело параметры 5,8 x 5,8 м. Такое углубление фасада ярко

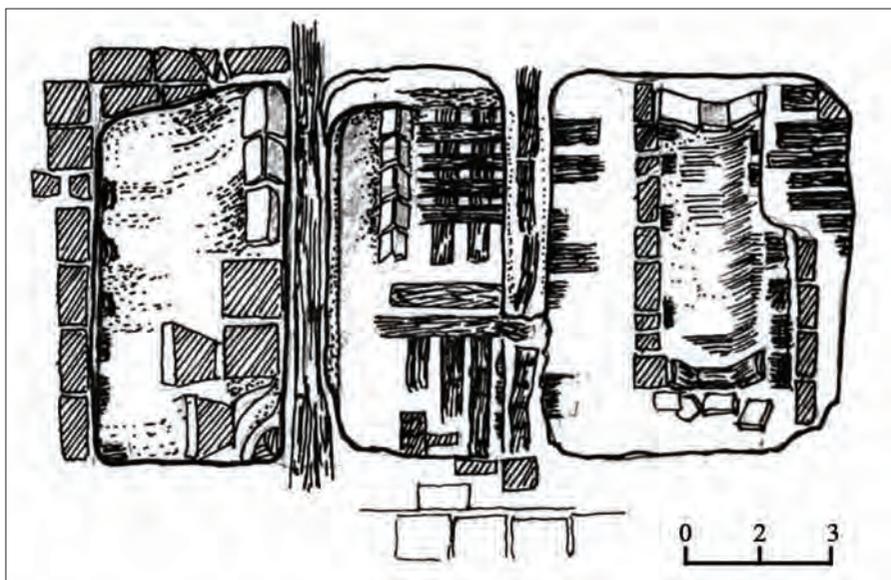

Рис. 244. Погребения в восточном мавзолее. План

подчеркивает его подчиненность западному мавзолею. Конструктивно портал мавзолея идентичен порталу западного мавзолея.

Перед мавзолеями зафиксирован завал кирпичей от рухнувшего портала. Здесь найдены фрагменты облицовочных плит, украшенных геометрическим и растительным орнаментом. Многочисленны фрагменты с надписями арабской вязью насх и куфи, со сложным переплетением строгих ломаных линий и растительных мотивов. Встречаются фрагменты резьбы по ганчу.

На плитах размерами 54 x 34-45 x 5,5 см глубокой (до 2 см) резьбой показано сложное переплетение арабского шрифта и фонового орнамента — пальметт, цветов и стеблей. В верхней и нижней частях плит вырезана широкая четырехсантиметровая полоса, превращающая

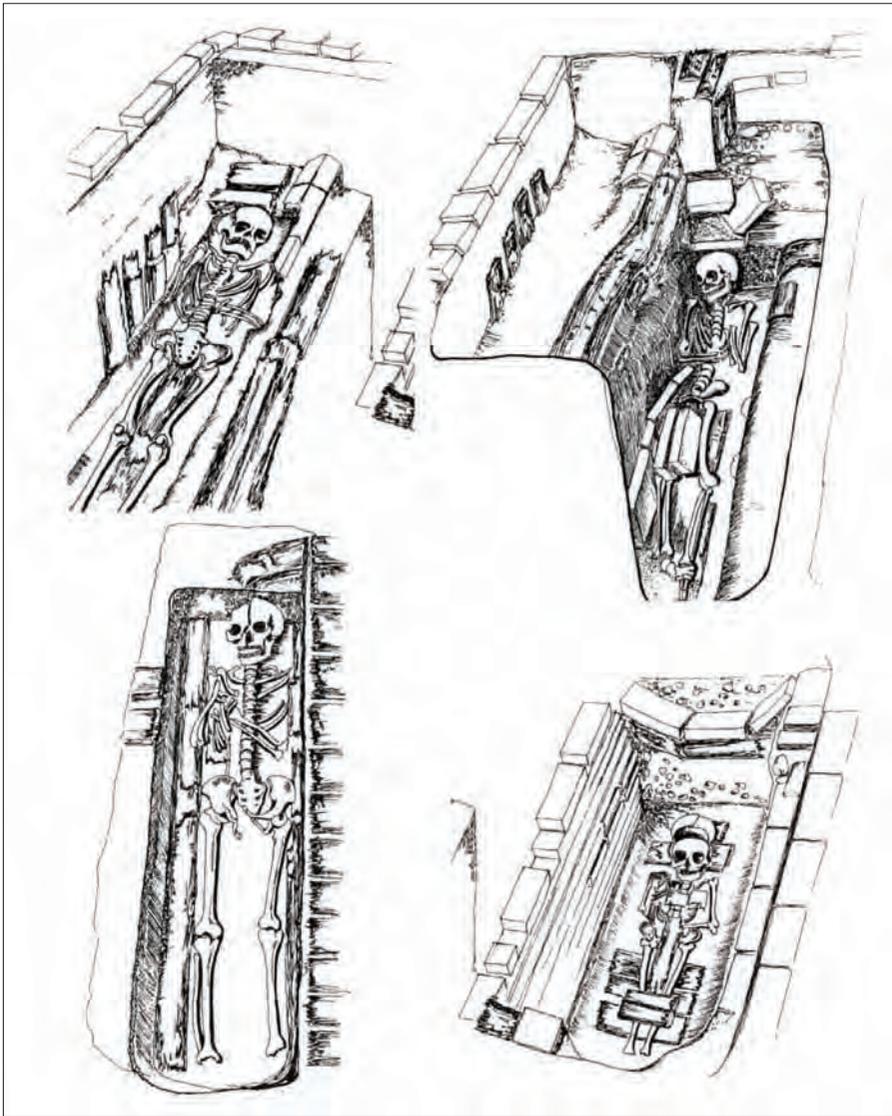

Рис. 245. Восточный мавзолей. Погребения 1-4

соединенные между собой плиты в единую ленту или рамку, декорировавшую вход. Второй тип плит размерами 56 x 39-40 x 5 см украшен геометрическим орнаментом, где ломаные линии образуют замысловатую композицию крестообразных фигур. Глубина резьбы также достигает 2 см. В нижних частях плит встречаются мотивы геометризованного растительного орнамента. Сохранились фрагменты с растительным и геометрическим орнаментом с неглубоким рельефом резьбы (до 1 см) по ганчу. Вероятнее всего, это детали интерьера мавзолея.

Богатейшее декорирование фасадной части мавзолеев Узгенского мемориального комплекса XI-XII вв. можно назвать в качестве одной из наиболее близких аналогий [Бернштам, 1950а, с. 46-86].

В первом мавзолее вскрыты два погребения. Они были устроены в северной части мавзолея по центру, перпендикулярно северной стене. Места захоронения обозначены двумя параллельными стенками толщиной в один жженный кирпич размерами 27 x 27 x 5 см.

Погребения, обнаруженные в мавзолеех, совершены на глубине 0,6-0,7 м в могильных ямах размерами 0,92 x 2,1 м, обложенных по периметру жженным кирпичом. Погребения совершены в деревянных гробах и перекрыты бревнами. Костяки уложены по мусульманскому обряду – на спине, голова повернута в сторону кыблы.

Погребение 1 зафиксировано на глубине 0,65 м между стенками-перегородками. Могильная яма по периметру обложена жженным кирпичом. Глубина ямы 0,62 м, стены сложены из девяти рядов кладки. Пол могильной ямы выложен жженным кирпичом размерами 25 x 25 x 5,5 см.

Погребение было перекрыто бревнами. Захоронение совершено в деревянном гробу. Костяк лежал на спине, лицевая часть головы повернута в сторону кыблы.

Погребение 2 совершено с восточной стороны от первого по уровню дневной поверхности, отделено от него стенкой-перегородкой.

На глубине 40 см от основания стенки-перегородки под галькой обнаружено перекрытие из 14 бревен. В северном конце ямы у изголовья был расчищен завал из битых жженных кирпичей, здесь же найден фрагмент резного штука с геометрическим орнаментом, фрагменты венчика железного котла и поливной чаши (снаружи зеленая, изнутри – желтая глазурь).

После удаления перекрытия обнаружен склеп размерами 2,05 x 0,67-0,92 м из сырцовых кирпичей (28 x 16 x 7 см, 35 x 19 x 7 см). Глубина могильной ямы составила 0,7 м (восемь рядов кладки). В склепе обнаружено парное захоронение в деревянных гробах. Справа, к востоку, лежал костяк взрослого человека. Слева от него – детское захоронение. Гробы истлели, сохранились верхние части крышек, железные крепления и кольца. Крепления представляют собой пластинчатые скобы и уголки с ажурными концами.

В ходе раскопок одного из захоронений восточного мавзолея зафиксирован погребальный инвентарь: золотые перстни с подквадратной площадкой и растительным орнаментом; золотая серьга, украшенная миниатюрным расширением в виде куба со срезанными вершинами; нашейное украшение с золотыми полыми подвесками в виде вытянутой сферы, оформленной в местах пайки пояском двойного витого каннелюра; с мелкими золотыми сферическими подвесками, бирюзовыми и жемчужными бусинами.

Многочисленные мемориальные постройки, аналогичные раскопаным мавзолеям Каялыка, имеют широкий хронологический и территориальный ареал.

Мавзолеи Каялыка как, например, многочисленные золотоордынские мавзолеи, имеют одну общую особенность – захоронения либо совершены с отклонениями от мусульманского обряда (погребенный находился в гробу), либо сопровождалось разнообразным погребальным инвентарем [Васильев, 2003, с. 110]. Захоронения в мавзолеях принадлежали представителям высшего сословия.

Мавзолеи Центрального Казахстана

В Центральном Казахстане к эпохе XIII-XV вв. относятся несколько мавзолеев. Среди них два известных памятника архитектуры – мавзолей Жоши хана - Джучи хана и мавзолей Алаша хана.

Мавзолей Жоши хана стоит на левом высоком берегу р. Кара-Кенгир. Это постройка портално-купольного типа. Главный фасад решен в виде массивного пештака с вписанной стрельчатой аркой над глубокой нишей, ориентированной на юго-запад. Наружные стены, боковые и задняя каких-либо декоративных украшений не имеют. В плане постройка прямоугольная с размерами по наружному обводу 7,25 x 9,52 м и внутреннему – 5,0 x 5,2 м. Над постройкой сооружен купол с двумя оболочками, из которых наружная опиралась на высокий семнадцатигранный барабан. Для перехода на купол с квадратного плана на восьмигранный в углах устроены перекидные арки. Купол сферический, диаметром 5,1 м. Над этим конструктивным куполом был второй, декоративный.

Для возведения мавзолея использовали красный жженный кирпич размерами 26 x 26 x 5 см.

Пол был кирпичным, выложен слоем в один ряд.

В 1946 г. на мавзолее были проведены раскопки. В результате было обнаружено погребение в деревянном гробу. Мавзолеем датируется в диапазоне XIII-XV вв.

В 1999-2000 гг. мавзолеем был реставрирован, купол был облицован голубыми плитками [Герасимов, 1957, с. 23-26]. Рядом с мавзолеем были проведены раскопки поселения. Выделены дома из сырцового кирпича. Само поселение отождествляется с городом Орда-Базар [Хорош, 2011, с. 549-555].

Мавзолей Алаша хана находится в долине на правом берегу р. Кара-Кенгир. Он относится к типу однокамерных портално-купольных сооружений. Основой его является куб, завершенный сферическим куполом и порталом-пештаком, обрамляющим фасад. Центром портала служит стрельчатая арка. Архивольт арки был выведен клинчатой кладкой и поддерживался с двух сторон двумя шестигранными колонками.

Для архитектурного оформления гладких наружных поверхностей боковых и задней стен применена выше цоколя кладка из кирпича орнамента из ромбов, треугольников, диагональных поясков и елочки. Рисунок стен производит впечатление ковра с узорами.

При компоновке плана мавзолея в основу был положен прямоугольник со сторонами 9,7 x 11,9 м снаружи и 6,3 x 6,3 м. На высоте 3,65 м в стене устроена галерея, обходящая мавзолей со всех сторон, кроме фасадной. В галерею вела лестница-лаз.

Купол поставлен на шестнадцатигранный барабан. Постройка сооружена из жженого кирпича размерами 28 x 28 x 5,5 см и 32 x 32 x 6,5 см.

Пол выложен из одного ряда кирпича.

Вопрос о времени постройки мавзолея решается неоднозначно: от домонгольского времени до XV-XVI вв. Есть мнение о связи мавзолея с ханом Хакназаром. Также существует мнение о сооружении мавзолея в XIII – начале XIV вв. [Герасимов, 1957, с. 13-23]. В одной из публикаций утверждается, что время сооружения мавзолея – XVI в. [Хорош, 2010, с. 359-378].

Мавзолеи городища Бозок. Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны, на берегу р. Ишим.

Городище Бозок существовало в течение длительного периода с VII-VIII вв. по XVI-XVII вв. В истории городища можно выделить три периода: VII-IX вв.; X-XIII вв.; XIV-XVII вв.

На территории городища Бозок исследовано пять мавзолеев: три из них сложены из жженого кирпича, два – из сырцового.

Мавзолей №1 ориентирован сторонами по странам света. Размеры: 6,6 x 6,6 м. Стены сложены из квадратных жженных кирпичей в три ряда. Ширина стен 0,88 м. Кирпичи имеют размеры: 25 x 26,5 x 5,5 см, 26 x 26,5 x 6 см. Пол мавзолея выстлан квадратным жженным кирпичом. Под кирпичами пола сделана глиняная заливка толщиной 5-7 см. Вдоль южной и западной частей раскопа мавзолея обнаружены целые и фрагментированные кирпичи с резным орнаментом и фрагменты керамического навершия мавзолея-куббы.

Внутри мавзолея расчищены две могильные ямы с останками трех погребений. Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток. Могильная яма №9 содержала погребение взрослого человека. При расчистке ее найдены три железных наконечника стрел, железное кольцо, возможно, от удил.

Рядом обнаружено еще одно погребение. Тело покойника было ориентировано головой на запад, лицом на юг. В изголовье найдены три бараньих астрагала. В заполнении найдены фрагменты керамического навершия мавзолея-куббы, покрытого темно-зеленой и ярко-синей глазурью.

Дату мавзолея определяют железные наконечники стрел. Два плоских черешковых наконечника типа срезня имеют ромбовидную форму пера. Один наконечник четырехгранный черешковый имеет ланцетовидную форму пера. Наконечники этого типа датируются XIII-XIV вв.

Мавзолей №2 расположен в 6 метрах западнее мавзолея №1, от него сохранилась часть стен.

Мавзолей квадратный, размерами 5 x 5 м, ориентирован углами по странам света. В центре мавзолея находилась могила, ориентированная по линии восток – запад. В завале фрагменты сырцовых и обожженных кирпичей, остатки деревянных перекрытий. В заполнении найден

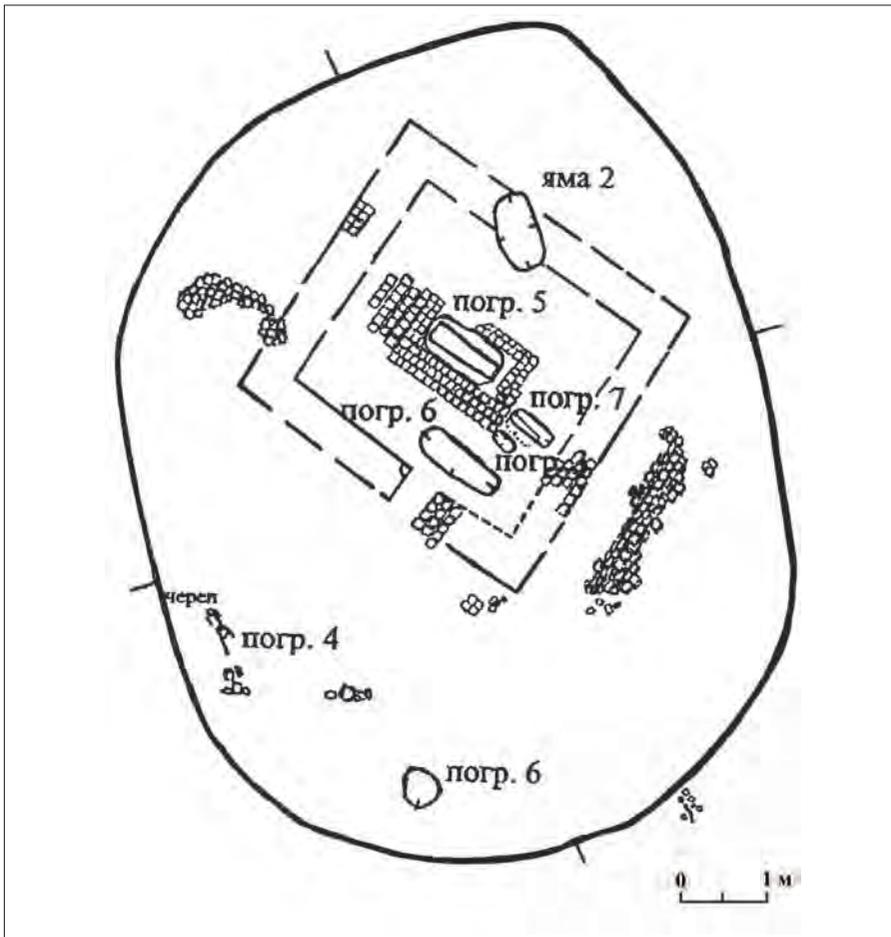

Рис. 246. Городище Бозок. План мавзолея. XIV в.

фрагмент керамического навершия мавзолея с зеленой глазурью. В яме размерами 2,25 x 0,8 x 1,0 м была погребена женщина, в положении на спине, головой на северо-запад, лицом вверх.

Мавзолей №3 расположен в 80 м южнее. До раскопок имел вид холма размерами 21 x 16 м, высотой 1 м. Внешние размеры мавзолея 9 x 8,5 м; внутренние – 7-6,5 м. Стены мавзолея возведены из жженого кирпича на растворе из черного илистого грунта, без фундамента. Ширина сохранившихся стен составила от 1,02 до 1,06 м. Они сложены в четыре кирпича «вперевязку». Кирпич квадратный, стандарта 24 x 25 x 5 см; 26 x 25 x 5,5 см; 25,5 x 26 x 6 см.

Вход шириной 0,8 м зафиксирован в юго-западной стене. В центре мавзолея находится могильная яма, у южного угла - три могильные ямы. Центральная могила разграблена.

Кладка кирпичей обрамляет могильную яму. В заполнении ямы перемешанный грунт и большое количество фрагментов штукатурки. На некоторых из них сохранились следы растительного узора, выполненного синей, красной, светло-зеленой и желтой краской.

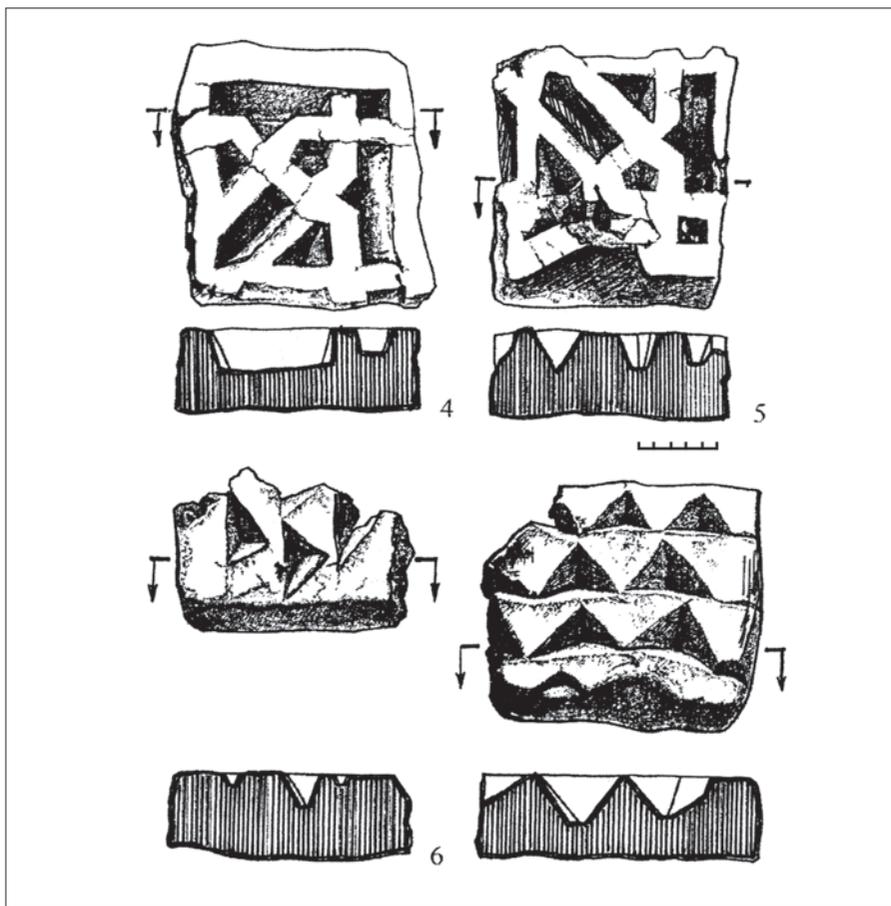

Рис. 247. Городище Бозок. Облицовочные плиты мавзолея. XIV в.

Погребальная камера имела вид склепа из сырцового кирпича. Пол склепа был выстлан сырцовыми кирпичами толщиной 5 см. Глубина могильной ямы - 1,3 м. В западном углу сложены кости неполного скелета человека: кости предплечья, лопатки и несколько ребер.

У южного угла мавзолея расчищены три могильные ямы, расположенные в ряд. Одна (№6) содержала погребение ребенка. Могила №7 оказалась кенотафом. Могила №8 устроена прямо на входе в мавзолей. Размеры ямы: 2,0 x 0,74 x 0,9 м. В заполнении встречаются фрагменты кирпичей. На дне под длинной северной стенкой расположено погребение человека головой на северо-запад.

Интерес представляют фрагменты алебастровой штукатурки, найденной в заполнении и в завале центрального погребения №5. Рядом с ямой найдены мелкие фрагменты поливных пиал, украшенных растительным орнаментом, нанесенным коричневой и зеленой глазурью и фрагменты керамического навершия мавзолея с зеленой поливой.

Мавзолей №4 расположен на западном валу городища. До раскопок это был холм овальной формы размерами 15 x 10 м, высотой 0,5 м. Раскопана северная половина холма, обнаружено четыре могильных ямы.

Мавзолей №5 расположен на юго-западном углу вала южного квартала. Мавзолей квадратный в плане, размерами 6,6 x 6,2 м; «портальная» стена его ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Стены мавзолея сложены из сырцового кирпича. Внутренние размеры мавзолея 4,5 x 4,3 м. Пол мавзолея покрыт толстым известковым слоем. Вход шириной 0,8 м находится в середине южной стены.

Мавзолеи городища Бозок относятся к типу однокамерных, квадратных в плане. Стены поставлены без фундамента, толщина стен 0,8-1,2 м. Мавзолеи построены из жженого и сырцового кирпича. Вход с южной стороны. Можно утверждать, что купольные перекрытия мавзолеев из жженого кирпича были увенчаны керамическими навершиями-куббами, покрытыми темно-зеленой и ярко-синей глазурью. Куббы по форме были двухступенчатые, шарообразные.

Наиболее украшенным, судя по находкам резных кирпичей, был мавзолей №1. Его датировка (конец XIII – первая половина XIV вв.) устанавливается по находкам железных плоских наконечников стрел. Возможно, этот мавзолей имел портал с двумя полуколоннами. Об этом свидетельствуют находки лекальных кирпичей с закругленной стороной.

К XIII-XIV вв. следует отнести мавзолей №3. Можно предположить, что городище стало местом кладбища под культово-мемориальный комплекс в XIII в. и захоронение здесь продолжалось в течение всего XIV в. [Хабдулина, 2010, с. 384-391].

Мавзолей Жаныбек-Шалкар находится в Акмолинской области на сопке, примыкающей к озеру Жаныбек-Шалкар.

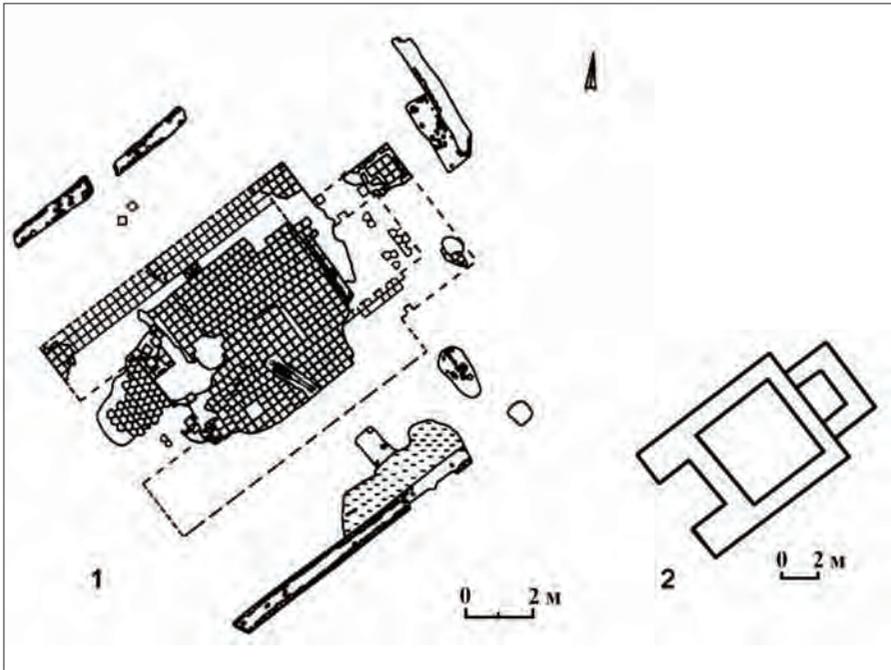

Рис. 248. Мавзолей Жаныбек-Шалкар

Общие размеры сооружения по осям составляют 14,5 x 14,0 м. В центре расположено основание мавзолея размерами 12,2 x 7,5 м. Мавзолей двухкамерный, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Основная часть его имеет прямоугольную форму размерами 9,2 x 7,5 м; к северо-восточной торцевой стене примыкает небольшая прямоугольная камера размерами 4,5 x 3,0 м.

Вход в мавзолей расположен с юго-западной стороны. Он «утоплен» внутрь пилонов портала, которые являются продолжением длинных продольных стен, выступающих на два метра от юго-западной торцевой стены мавзолея. Ширина стен портала – 2 м. С двух сторон они обрамляют площадку размерами 3,5 x 2,0 м перед входом. Пол входной площадки выстлан пятиугольными кирпичами. В центре порталного объема был вход в мавзолей. Ширина входа составила 0,8 м, он намечен ступенчатым переходом от фигурных к квадратным кирпичам пола мавзолея.

Стены мавзолея имели толщину 0,9-1,2 м и были выложены из кирпичей формата 24-26 x 24-27 x 5 см. Следы кирпичей в виде светлой полосы шириной 0,9 м тянутся вдоль длинной северной стены.

Малая камера мавзолея размерами 4,5 x 3 м имеет стены шириной 1,2 м. Пол его устлан пятиугольным кирпичом.

За пределами мавзолея с восточной стороны обнаружены четыре могильные ямы. Могильная яма №2 расположена у юго-восточного угла мавзолея. Сверху имеется наброс из жженого и глазурованного кирпича. Яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток,

размеры 1,75 x 0,5-0,75 м. Яма №3 (1,75 x 0,5 м) расположена в северо-восточном секторе. Могильные ямы №4 и №5 ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Ямы забутованы фрагментами жженого кирпича, глазурованными плитками и их фрагментами. Яма №4 (1,15 x 0,6 м) находилась под южной стенкой мавзолея, под грудой битых кирпичей. Яма №5 размерами 1,2 x 0,3 м зафиксирована в северо-восточном секторе за пределами внешней ограды.

Мавзолей относится к типу портално-купольных. Фасад мавзолея был декорирован глазурованными зелеными и голубыми плитками, орнаментированными сочетанием разнообразного растительного и геометрического узоров. Топография скопления некоторых видов плитки дает основание предположить их расположение в декоре мавзолея. Над порталной нишей могла располагаться полоса глазурованной зеленой плитки с эпитафическим орнаментом.

Выше полосы располагались плитки со ступенчатым геометрическим орнаментом. Портал был украшен прямоугольной глазурованной плиткой, орнаментированной восьмиконечными звездами с розетками, плитками с простым геометрическим узором в виде прочерченных тонких линий. Верхняя часть длинных стен мавзолея декорирована плитками, имеющими резной узор в виде ряда прямоугольников.

Мавзолей датируется XIV-XV вв. [Хабдулина, Кожамжаров и др., 2011].

Мавзолей Аулиеколь. Традиционные зимние пастбища и стоянки-кыстау казахов Северо-Восточного Казахстана располагались в долине Иртыша и на левобережье в горах Калмак-Кырган, Кызылтау, Каркаралы и Баянтау. Крупнейшие летние пастбища-жайляу находились в долинах рек Оленты и Шидерты.

Один из исследованных объектов расположен юго-восточнее п. Каражар, в урочище Караоба, представляющем собой мысовидный останец, омываемый с запада р. Оленты, с юга озером Аулиеколь. На вершине его расположены руины нескольких кирпичных сооружений в виде бугров, покрытых битым жженым кирпичом, обломками глазурованных плиток, кусками известкового раствора.

На одном из бугров диаметром 30 м и высотой 1,48 м в центральной части кладбища заложен раскоп площадью 750 кв. м. Были выявлены остатки сооружения из жженого и сырцового кирпича, которое в плане имеет прямоугольную форму размерами 19 x 12 м и ориентировано входной частью в южную сторону. Сохранившиеся основания стен толщиной в 1 м сложены из трех рядов квадратного сырцового кирпича форматом 25 x 25 x 6 см на глиняном растворе и облицованы снаружи в один ряд жженым кирпичом размерами 25 x 25 x 5 см.

При расчистке руин сооружения найдены фрагменты керамики, облицовки, а также большое количество фрагментов и целых плиток укрывавших стены здания.

Вход в сооружение располагался с южной стороны. В центральной ее части в проходе расчищены два ряда ступеней из жженого кирпича. При расчистке юго-западного угла с левой стороны от входа, внутри здания найдено скопление лошадиных черепов. В центре сооружения находилось помещение в плане восьмигранной формы размерами 6,5 x 6,5 м. Стены его, выложенные из жженого кирпича, сохранились на высоту 0,8-1,0 м, толщина стен 1,25 м.

С севера к помещению примыкало второе, размерами 2,75 x 2,75 м, со стенами, сложенными из жженого кирпича. Разделяющая оба помещения кирпичная стена сохранилась на высоту 0,4 м, при этом следов дверного проема не обнаружено. При разборке завалов внутри помещения обнаружены три захоронения, совершенные на уровне пола и в грунтовых ямах.

Погребение 1. На уровне пола обнаружено погребение в деревянном гробу из широких строганных досок. Покойник, судя по скелету, был положен на спине и ориентирован головой на запад. Кости скелета находились в анатомическом порядке.

Погребение 2 расположено в центральной части помещения, совершено на уровне пола в гробу из строганных досок, ориентировано по линии запад – восток. Погребение располагалось над более ранней грунтовой могилой.

Погребение 3 обнаружено рядом с северной стеной помещения 2. Совершено в грунтовой могиле, ориентированной в направлении запад – восток. При расчистке погребения обнаружены остатки надмогильного перекрытия в виде поперечно уложенных деревянных досок шириной 10 см. На глубине 0,9 м выявлены внутримогильные перекрытия в виде наката из длинных березовых бревен и поперечно уложенных тонких бревнышек. Под перекрытием расчищены остатки деревянного дощатого гроба, в котором находился скелет, лежащий на спине, головой ориентирован на северо-запад.

При расчистке заполнения слева от черепа найдена бусина из сердолика, а под черепом обнаружены остатки ткани, расшитой золотыми нитями. Ниже колена правой ноги, с внутренней стороны, обнаружены две глазчатые бусины, в районе щиколоток — фрагмент тонкой ткани зеленого цвета. В одном из погребений рядом с мавзолеем найдена серебряная монета Узбек хана, чеканенная в 1323 г. в г. Булгар ал-Махрус.

Погребения совершены по мусульманской традиции XIV-XV вв. Пережитки традиционных верований отмечаются наличием ножа, а также жертвенником в виде сложенных лошадиных голов.

Керамика, найденная на поверхности и в раскопах, широко встречается на памятниках золотоордынского времени и представлена фрагментами красноглиняной посуды, изготавливавшейся ручной лепкой и на гончарном круге. Среди керамических находок вызывают интерес обломки сосудов-чигирей, применявшихся в водоподъемных устройствах, фрагменты кувшиновидных сосудов и хумов.

Пока не обнаружены остатки поселения и жилищ на нем, но, судя по керамике и остаткам чигирных водоподъемников, они были [Смагулов, 2009, с. 223-229; Смагулов, Женисов, Казизов, 2008, с. 228-231].

Западный Казахстан

Мавзолей Абат-Байтак расположен в 12 км к югу от пос. Талдысай Хобдинского района Актюбинской области на вершине водораздела рек Большая Хобда и ее левого притока р. Карасу в урочище Бескопа. Впервые мавзолей упоминается в известном труде П. Рычкова «Топография Оренбургская» [Рычков, 1762, с. 515]. Как значительный памятник архитектуры средневековья он упоминается в работе известного оренбургского краеведа дореволюционной поры А. И. Кастанье, посвященной мемориальным памятникам казахской степи. Им впервые были опубликованы фотографии памятника [Кастанье, 2007, с. 149-153; табл. 2, рис. 1]. М. Мендикулов полагал, что мавзолей относится к «центрически-шатровому типу надгробных сооружений, имеет квадратный план (8,13 x 8,25 м) по наружному контуру стен» [Мендикулов, 1987, с. 46.]. Как однокамерную портално-купольную постройку (9,25 x 9,8 м) охарактеризовали мавзолей С. Е. Аджигалиев и Л. Р. Турганбаева, которым принадлежит наиболее полное историко-архитектурное исследование мавзолея [Аджигалиев, Турганбаева, 2004].

С. Е. Аджигалиев по архитектурно-стилевым признакам, а также на основе анализа сопровождающей памятник легенды, отнес его постройку к рубежу XIV-XV вв. [Аджигалиев, 1983, с. 59]. Отметим, что однотипный мавзолей Кесене в Южном Зауралье датируется XIV в. [Боталов, Маламуд, 2001, с. 162].

Археологические раскопки в 2004 г. были проведены на двух основных участках: внутри помещения гурханы и на участке помещения зиаратханы, которая была некогда разрушена [Смагулов, 2006, с. 126-135].

На участке зиаратханы в результате археологических работ выявлен первоначальный пол помещения, вымощенный обожженным кирпичом. Он залегал на глубине 1,1 м от уровня современной дневной поверхности. Кирпичная вымостка четко зафиксирована в западной и восточной частях помещения. Ширина зиаратханы по линии север-юг равна 2 м.

Площадь гурханы составила 5,2 x 5,2 м. Расчистка велась по всей площади помещения. На глубине 0,7-0,9 м выявлены остатки вымостки пола помещения квадратным обожженным кирпичом.

После расчистки всей площади помещения были выявлены могильные ямы нескольких погребений. Надмогильные сооружения (сагана) во всех случаях разрушены и могилы некогда подверглись вскрытию. Были расчищены три могильные ямы погребений.

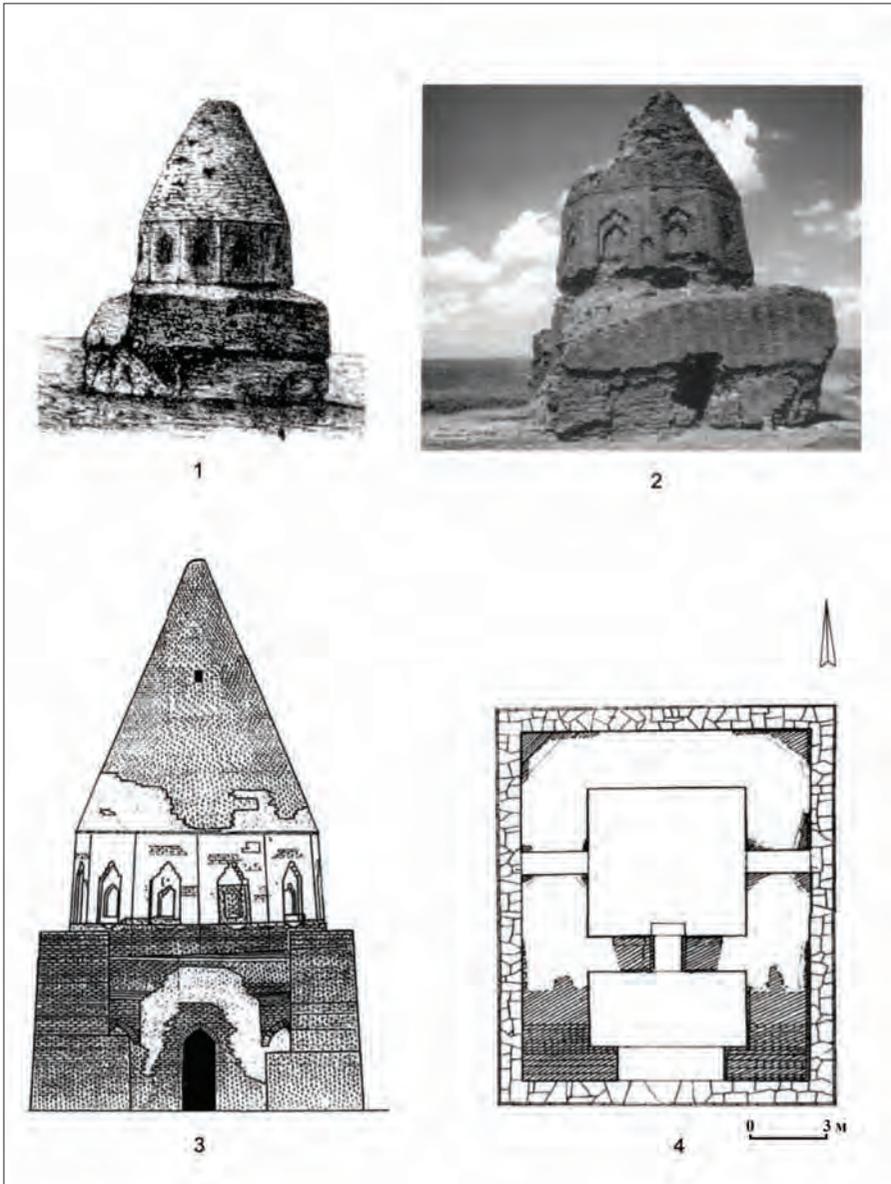

Рис. 249. Мавзолей Абат Байтак: 1 - рисунок И.А.Кастанье; 2 - фото 2000 г., вид с востока; 3 - южный фасад; 4 - план (по С.Е.Ажигали).

Погребение 1 расположено в центре северной половины помещения гурханы. Стенки могильной ямы обложены обожженным кирпичом половинного формата (24 x 12 x 5 см) на алебастровом растворе. Дно погребального ящика также выложено квадратным обожженным кирпичом. Ширина могильного ящика – 0,8 м, длина – 2,25 м. В заполнении могильной ямы встречены обломки и целые обожженные кирпичи, кости человеческого скелета, фрагменты истлевшей древесины.

На дне могильного ящика расчищен скелет погребенного. *In situ* сохранились верхние части грудной клетки и предплечья, лежавшие под слоем истлевших деревянных досок. На дне ямы среди древесного тлена расчищены железные детали от крепления досок гроба (пластины, скобы, уголки). Среди этих деталей обнаружена железная булава с ребристой головкой и круглой втулкой для рукояти. Ее общая высота – 19,5 см; диаметр втулки — 2,6 см.

Монументальность погребальной постройки, размещение погребения в центре гурханы, находка булавы указывают на высокий социальный ранг погребенного, для которого, следует полагать, и был построен такой мавзолей.

Погребение 2 расположено южнее погребения 1. Это простая могильная яма (2,1 x 0,8 м; глубиной 1,6 м), заполненная землей, обломками обожженного кирпича. Среди них найдено несколько обожженных длинных облицовочных кирпичиков.

Погребение 3 находится южнее погребения 1 (в полуметре) на одном уровне с погребением 2. Могильная яма выложена обожженным кирпичом в 10 рядов на алебастровом растворе. Длина ее – 2,05 м; ширина – 0,8 м; глубина – 1,5 м. На дне расчищен не потревоженный женский скелет длиной 1,45 м. Скелет вытянут на спине, ориентирован головой на запад, кисть левой руки находится в области лобка, правая рука вытянута вдоль туловища. На месте одежды найдены пучки золотой нити, которой была прошита ткань одежды или погребального савана, которым была обернута погребенная.

Однотипный с Абат-Байтаком *мавзолеей Кесене* находится на юге Челябинской области. Среди местных жителей он известен как «Башня Тамерлана» [Петри, 1892, с. 55]. В 1889 г. Э. А. Петри провел раскопки и обнаружил остатки трех погребений. На покойниках были остатки шелковой одежды. Кроме того, в погребениях был найден фрагмент деревянной палицы (шокпар), окрашенный в малиновый цвет, а также серьга и перстень.

Сопоставление этих двух памятников – мавзолеев Абат-Байтак и Кесене показывает, что они аналогичны не только по внешнему архитектурному облику и строению, но и почти совпадают по основным параметрам.

Строительство этих мавзолеев можно с достаточной уверенностью отнести ко времени кратковременного, но интенсивного развития золотоордынской культуры. Этот период приходится на время хана Узбека (1313-1339), когда ислам официально становится в Золотой Орде государственной религией.

Мавзолей Кобланды. Развалины мавзолея Кобланды батыра расположены в Хобдинском районе Актюбинской области на левом берегу реки Улы Хобда.

В результате археологических раскопок в 2004-2005 гг. были выявлены контуры мавзолея: прямоугольный в плане, размерами 11,6 x 8,5 м.

Западный угол – хорошо сохранившаяся часть остатков мавзолея. Сохранилась кладка в пять рядов кирпичей. Выделяются два размера кирпича: квадратный 25 x 25 x 5 см, который служил основным строительным материалом, и прямоугольный – 12 x 25 x 5 см.

Южный угол обозначен кладкой кирпича высотой в два ряда. Четко прослеживается внешняя часть северного угла. Сохранившаяся высота - четыре ряда кирпича и раствор – 25 см.

Археологическими раскопками установлено, что мавзолей Кобланды состоял из двух частей: гурханы, где расположены погребения, и зиаратханы. Гурхана занимала одну треть внутренней площадки мавзолея, погребения находились в противоположной от входа стороне. Все четыре погребения оказались одновременными, кроме того, погребения №1 и №3 совершены в грунтовой могильной яме. Остальные – №2 и №2А – в склепах из сырцового кирпича. В погребальном обряде наряду с исламским, имели место доисламские степные обряды, о чем свидетельствуют погребения в деревянных гробах и вещи, найденные в погребениях.

Датируются мавзолей и погребения XIII-XIV вв. [Смаилов, Ошанов, 2007, с. 128-145].

Малый Мавзолей городища Жайык. Расположен в 2 км к северо-западу от городища Жайык на некрополе, который расположен на Свистун-горе, имеющей в этом месте вид широкого плато с холмами. Всего таких холмов пять. На их поверхности были найдены обломки обожженного кирпича.

Раскопки одного из таких холмов вскрыли остатки двухкамерного мавзолея, сложенного из обожженного квадратного кирпича и облицованного полихромными глазурованными плитками.

Стены и даже частично полы подверглись некогда основательной разборке и разрушению. Вымостка полов сохранилась лишь на половине площади каждого из двух помещений. Очевидно, что, как и остальные постройки из обожженного кирпича, мавзолей разбирался для повторного использования строительных материалов: кирпича и облицовочных плиток.

Постройка сооружена без фундамента. Роль его выполняют три ряда кладки жженым кирпичом ниже уровня древней дневной поверхности. Кладка стен производилась из кирпича на растворе «черной» материковой глины. Размеры кирпича 25-26 x 25-26 x 5 см, использовался и кирпич вдвое меньшего формата.

Снаружи мавзолей выглядел как прямоугольник размерами 9 x 12 м. Мавзолей длинной стороной ориентирован с юго-запада на северо-восток. Юго-западная стена была оформлена в виде портала, ее толщина 2,25 м; толщина остальных стен постройки – 1,75 м.

Через вход в центре порталовой ниши попадали в помещение №1 (5,5 x 3,5 м), являвшееся зиаратханой. Слева и справа от входа вдоль восточной и западной стен располагались суфы шириной 1,25 м и высотой около 0,4 м. Края суф выложены квадратным кирпичом,

а внутреннее пространство забутовано черной материковой землей. Возможно, их ширина и одновременно объем всего помещения увеличивались за счет ниш, расположенных за суфами в восточной и западной стенах. Пол помещения размерами 2,75 x 3,5 м выложен квадратным жженым кирпичом, уложенным на подсыпку из желтоватой глины и скрепленным известковым раствором.

Проход в центре северо-западной стены (следы его не прослеживаются) вел в гурхану (помещение №2 размерами 5,5 x 5,5 м). Гурхана имела купол. Средняя часть пола помещения вымощена шестиугольным обожженным кирпичом. Размер кирпича 27 см от угла до угла. Эта вымостка обрамлена квадратными кирпичами. Вдоль южной, западной и восточной стен уложен один ряд квадратных кирпичей, а вдоль северной – четыре. Возможно, с этой стороны была устроена суфа шириной 1,25 м. На полу помещения №2 жженный кирпич уложен в два слоя. В разрезе видно, что на материке лежит слой желтой глины толщиной 5-7 см, на котором слой черной материковой земли толщиной 7-10 см. На него уложен один ряд квадратного обожженного кирпича, а на нем – ряд шестигранных кирпичей.

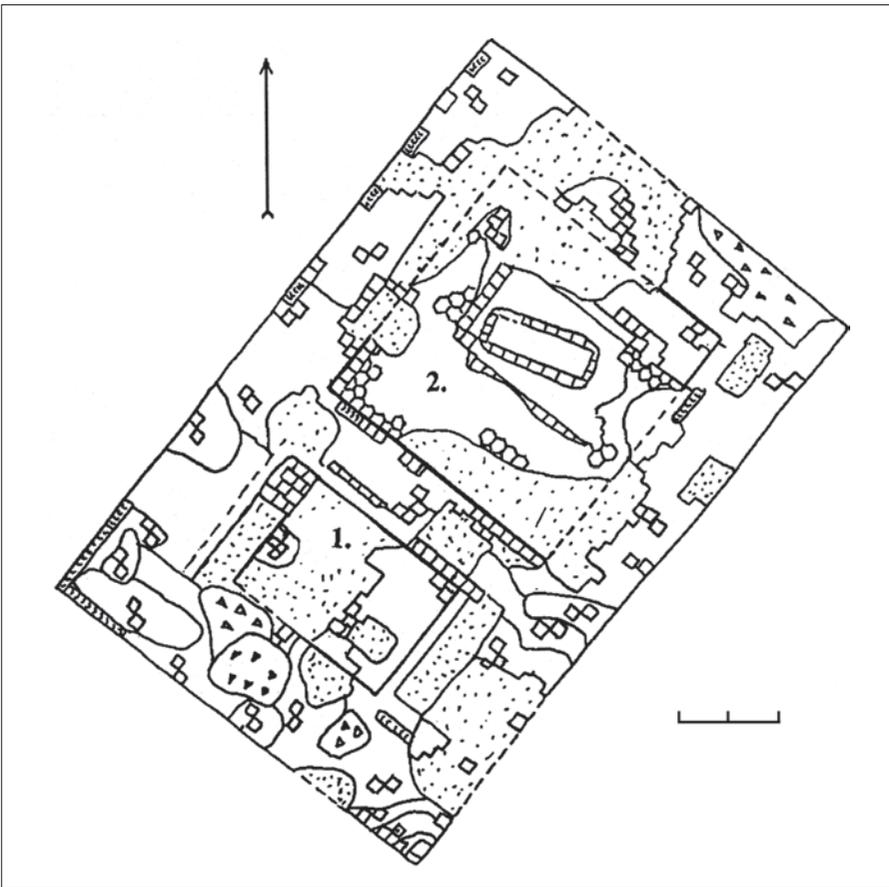

Рис. 250. Жайык. Малый мавзолей. План

Единственное погребение в гурхане расположено почти в центре перед суфой у северной стены. Могильная яма размерами 2,55 x 1,15 м, глубиной 1,6 м ориентирована длинной осью по линии восток – запад. Кирпичная вымостка пола отсутствует, а в заполнении могильной ямы встречено множество глазурованных плиток и кирпичиков. Стены до дна могильной ямы обложены кирпичом. В кладке присутствуют и кирпичики половинного формата. По качеству кирпичи в могильной яме отличаются от кирпичей в кладке стен и выстилке полов. Погребальная камера имеет внутренние размеры 2 x 0,7 м.

Погребение полностью разграблено. Выбрана большая часть кирпичей из кладки могильного склепа. Скелет потревожен, обнаружены лишь череп, некоторые длинные кости конечностей, часть тазовых костей. Череп и несколько костей лежали в северо-западном углу могильной ямы на остатках стенки ящика. В припольном слое склепа обнаружены железное кресало, гвозди (16 шт.), бронзовые бубенчики (2 шт.), небольшой железный нож, конусовидная железная поделка, возможно, колокольчик.

Выявленные детали плана позволяют интерпретировать данное архитектурное сооружение как портално-купольный двухкамерный мавзолей [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 92-95].

Подобный тип мавзолеев в Средней Азии сложился ко второй половине XIV в. [Маньковская, 1979, с. 102].

Для золотоордынского мемориального зодчества более характерны однокамерные мавзолеи. Обряд погребения – труположение головой на северо-запад, в деревянном гробу на дне могильной ямы в кирпичном склепе, в одежде, с личными вещами – все это соответствует погребальной обрядности кочевников, недавно принявших ислам [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 139-158].

Большой Мавзолей городища Жайык. На наиболее высоком холме Свистун-горы, не подвергавшемся распашке, когда-то был установлен тригопункт. До раскопок это был овальный в плане бугор, вытянутый по направлению север-юг, размерами 50 x 37 м, высотой над окружающей поверхностью 2,5 м.

Не полностью вскрытым остался расположенный с южной стороны и хорошо читаемый в микрорельефе обширный, некогда огражденный, прямоугольный в плане двор размерами примерно 50 x 25-27 м.

Расчищена только восточная часть стены двора длиной 17,3 м, толщиной 1,9 м. Основание стены сложено из квадратного обожженного кирпича (22 x 22 x 6 см) высотой в два ряда, верхняя часть стены выложена сырцовыми кирпичами размерами 22 x 22 x 6 см и 40 x 20 x 7 см. Края стены выложены обожженными кирпичами, а внутренняя часть сложена сырцовыми. Внутренняя площадь двора мавзолея вымощена квадратными жжеными кирпичами. Примерное расстояние между расчищенной восточной и западной стенами 24 м.

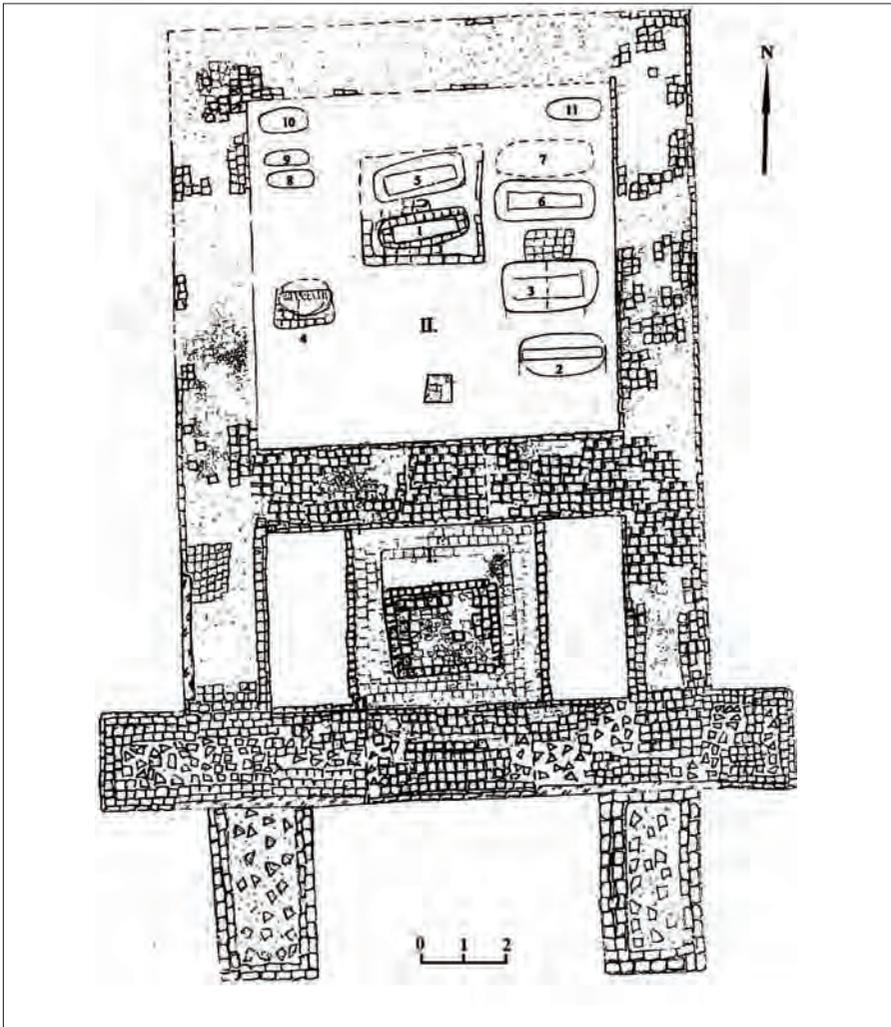

Рис. 251. Жайык. Большой мавзолей. План

Мавзолей прямоугольный в плане, размеры его 12,85 x 19,5 м. Портал находился с юга, пилоны его имели длину 4 м и айван шириной 6,7 м. Портал был облицован глазурованными майоликовыми плитками с подглазурной росписью белыми, голубыми и бирюзовыми красками. Орнаменты растительные и геометрические. За порталом находилось прямоугольное помещение размерами 8,8 x 4,4 м. Вдоль стен устроены суфы шириной 2,2 см; высотой 45-50 см.

В центре помещения находилось возвышение, обложенное жженым кирпичом, размерами 2,75 x 2,2 м. Пол помещения выложен шестиугольными голубыми поливными плитками.

Гур-хана, расположенная севернее, имела размеры 8,8 x 8,8 м. Пол был выложен жженым кирпичом. Стены были украшены панно из поливных изразцов синего и бирюзового цветов с подглазурной росписью и позолотой.

В центральной части помещения находились два основных захоронения. Всего в мавзолее было 11 погребений: у восточной стороны располагались взрослые, у западной – детские. Помещение было перекрыто куполом.

Мавзолей относится к типу портално-купольных. Э. Д. Зиливинская склоняется считать его порталным [Зиливинская, 2014, с. 142].

Данные археологических раскопок позволяют сделать реконструкцию. Основной объем постройки представлен прямоугольным параллелепипедом размерами 12,85 x 19,5 м. Над гурханой возвышался купол, скорее всего шатровый или сферический, установленный на соответствующий барабан и переходные конструкции. Купола были покрыты глазурованными плитками голубого цвета. Главный (южный) фасад здания был оформлен в виде портала с широкой (около 4 м) центральной входной сводчатой нишей. Портал, вероятно, возвышался над стенами остальных фасадов. Западный и восточный края портала выступают на 2 м за линии боковых фасадов, увеличивая тем самым общую ширину фасада до 17 м. Над этими выступами по краям главного фасада, возможно, возвышались башенки. Главный фасад и входная ниша были облицованы глазурованными плитками, образующими орнаментальные пояса с растительными и геометрическими мотивами, выполненными в бело-голубой и сине-бирюзовой цветовой гамме. Вероятно, основной декоративный «П»-образный пояс, охватывавший входную арочную нишу, содержал посвятельную надпись крупными белыми буквами на синем фоне.

На боковых фасадах, вероятно, доминировал теплый охристо-красный цвет кирпичной кладки. Перед главным фасадом мавзолея располагался прямоугольный, вымощенный квадратным обожженным кирпичом и огороженный сырцовой стеной, двор. Площадь двора пока полностью не расчищена, но, надо полагать, что здесь тоже находились погребения.

В интерьере привлекает внимание высокая декоративная панель, набранная из глазурованных синих плиток с верхним бордюром с росписью золотом по верхнему краю на кобальтово-синем фоне. Выше тщательно оштукатуренные стены были расписаны полихромной росписью по белому фону.

Первое помещение выполняло функцию «зиаратханы». Помещение, скорее всего, было перекрыто куполом на высоком цилиндрическом (или граненом) барабане.

Главное помещение мавзолея, где совершались погребения, «гурхана», расположено за «зиаратханой». На главной оси гурханы находилась платформа-мастаба (надгробие), под которой покоились два основных погребения мавзолея. Очевидно, мавзолей служил фамильной (родовой) усыпальницей. Есть основания полагать, что все погребения совершены в период функционирования мавзолея как фамильной усыпальницы представителей элиты.

Мавзолеевыми своими выразительными архитектурными формами доминировал на некрополе, расположенном на вершине Свистунгоры, которая, в свою очередь, возвышалась над поймой р Жайык и той частью русла, где находились броды – переправы в районе Меловых горок [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 95-106].

Находки в гурхане «Большого мавзолея» достаточно полно отражают разнообразие типов погребальных сооружений городских некрополей золотоордынской эпохи в евразийских степях [Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 108-166]. Классификация и анализ погребений на некрополях золотоордынских городов (Поволжье, Северный Кавказ, Крым) были в свое время предприняты Л. Т. Яблонским. Учитывая солидную источниковедческую базу исследования (более 500 погребений), и то, что за последующие десятилетия она существенно не расширилась, что могло бы привести к пересмотру итогов классификации, можно считать данную разработку актуальной и по сей день. Л. Т. Яблонский, используя достаточно апробированную методику статистической обработки массового материала Г. А. Федорова-Давыдова, выявил 18 устойчивых типов погребального обряда [Яблонский, 1975, с. 75-84].

К сожалению, степень сохранности погребений внутри «Большого мавзолея» не позволяет запечатлеть такие существенные элементы погребальных сооружений, как наличие или отсутствие «надмогильников» (четко зафиксирована лишь разрушенная мастаба над центральными погребениями №1 и №5) и в большинстве случаев форму перекрытия погребений. Из четко фиксируемых признаков, помимо общей западной ориентировки погребений, можно отметить наличие трех основных видов форм могильных ям: простая прямоугольная; с заплечиками; с подбоем. Варианты внутримогильных сооружений также разнообразны. На дне простой ямы обычно сооружался склеп из обожженных кирпичей трапециевидной в плане формы (погребения №1, 5, 3, 8, 9, 10).

Жайык. Мавзолей (круглый). Археологический раскоп был заложен в 300 м к северо-востоку от «Большого Мавзолея» [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 96-106; Калменов, 2014, с. 78-81].

Объект до раскопок представлял собой бугор диаметром 15 м и высотой 0,5 м. После снятия верхнего горизонта были обнаружены контуры круглого сооружения. Толщина стен 2,20-2,25 м. Памятник относится к погребальному типу, с камерой в центре сооружения. Конструктивно стены сооружения представляли собой комбинированную кладку из жженого и сырцового кирпича. Таким образом, можно предположить, что внешний фасад памятника был облицован жженым кирпичом. Вплотную к кладке из жженого кирпича идет кладка из сырцового кирпича прямоугольной формы размерами 15 x 30 x 6 см, 17 x 32 x 6 см, 18 x 33 x 7 см.

После снятия верхнего горизонта в центре сооружения обозначились контуры погребальной камеры. В юго-западном

секторе сооружения были видны следы разрушения внешней стены. Возможно, на этом месте имелся грабительский лаз внутрь памятника. На глубине 132 см, в 40 см к северу от внешней стены, был найден человеческий череп.

В ходе расчистки были обнаружены два человеческих черепа и кости скелета, которые были разбросаны по всему периметру погребальной камеры [Калменов, 2014, с. 78-79].

О появлении и развитии архитектурной формы мавзолеев Казахстана

Публикуя и анализируя в свое время двухкамерный портално-купольный мавзолей Водянского городища, В. Л. Егоров отметил, что такой тип построек не известен в Средней Азии, а его генезис связан исключительно с архитектурной традицией поволжских городских центров золотоордынского времени. Такое утверждение сомнительно, поскольку среди типов мемориальных построек Центральной Азии с XIV по XIX вв. хорошо известен тип двухкамерных продольно-осевых портално-купольных мавзолеев, основанных на функциональном разделении поминальных помещений (зиаратхана) и усыпальницы (гурхана) [Егоров, 1980, с. 87-88]. Генезис этого типа мемориальных построек Средней Азии и Хорасана специалисты относят к XI-XII вв. [Маньковская, 1979, с. 102; Маньковская, Булатова, 1978, с. 75; Мамедов, Мурадов, 2000, с. 22-24]. Но закрепиться в ставшей традиционной и широко распространенной в XIII-XIV вв. архитектурной форме, в которой объемы двух помещений размещались на одной продольной оси и были связаны общей системой пропорций и членений, идея двухкамерного мавзолея могла и на территории Золотой Орды. Сближает эти мемориальные постройки двухкамерность, в которых выделен особый архитектурный объем – зиаратхана.

Непосредственным источником этой архитектурной формы, видимо, нужно признать Хорезм, где она прошла все этапы эволюции, стала традиционной и представлена большим разнообразием вариантов. К тому же Хорезм, как известно, был наиболее развитой областью в составе Золотой Орды и имел глубокие исламские традиции. С первой половины XIV в. столица Хорезма г. Ургенч становится главным центром мусульманского богословия Золотой Орды, здесь готовились священнослужители для золотоордынских мечетей и ханака.

Вполне вероятно, что вместе с хорезмийскими миссионерами-проповедниками распространялась по Дешт-и Кыпчаку и архитектурная форма двухкамерного мавзолея. Близкими по планировке «жайыкским мавзолеям» были мавзолеи под шатровыми куполами. Два из них достаточно хорошо сохранились до наших дней, что дает возможность представить и внешний вид мавзолеев некрополя городища Жайык. Это мавзолеи Абат-Байтак в Актюбинской области и Кесене на территории Южного Зауралья на юге Челябинской области.

Сопоставление мавзолеев Абат-байтак и Кесене с мавзолеями некрополя городища Жайык показывает, что их основные параметры аналогичны. Датируются они, как и мавзолеи на берегу р. Урал, XIV-XV вв. Так, оба мавзолея в основании имеют прямоугольник.

Вполне вероятно, что они были близки и по внешнему архитектурному облику, и по строению. Снаружи мавзолеи выглядели как прямоугольные строения (размеры 9 x 12 м у «Малого жайыкского мавзолея» почти точно совпадают с размерами и пропорциями мавзолеев Абат-байтак и Кесене; и 12,85 x 19,5 м у - Большого мавзолея»), увенчанные каждый, вероятно, двумя куполами (при доминировании купола над гурханой). Южные фасады были оформлены в виде порталов.

Главной проблемой в реконструкции внешнего облика Жайыкских мавзолеев является, конечно, тип перекрытия - какой из двух основных видов куполов здесь был применен: полусферический или шатровый [Смагулов, 2004б, с. 49-51; см. здесь же варианты реконструкции внешнего вида мавзолеев, предложенные Т. Турекуловым].

Учитывая существенную разницу во внешнем и внутреннем декоративном оформлении шатровых мавзолеев, с одной стороны, Абат-байтак и Кесене, с другой, – жайыкских, можно считать, что у мавзолеев на берегу р. Урал были полусферические купола. Но находки трапезиевидных облицовочных плиток дают основание предположить здесь и наличие шатрового купола.

Полученных материалов достаточно, чтобы признать, что на берегах Жайыка влияние среднеазиатской строительной культуры было более ощутимым, чем в городах Поволжья или степях Южного Приуралья. Строительство этих мавзолеев можно с полной уверенностью отнести к периоду кратковременного, но интенсивного развития золотоордынской городской культуры. Это время правления хана Узбека (1313-1339), когда ислам официально становится в Золотой Орде государственной религией. Как известно, в утверждении ислама активную роль сыграла хорезмийская партия в правящей элите, которую возглавлял могущественный наместник Хорезма Кутлук-Тимур. Именно с этого времени повсюду на территориях, входивших в состав Золотой Орды, ощущается интенсивное влияние ислама, ставшее следствием активной деятельности миссионеров. В продвижении новой религии самое активное участие, естественно, принимали и проповедники из Средней Азии.

Специалисты неоднократно отмечали зависимость ремесленного производства Поволжских золотоордынских городов от ремесленных традиций Хорезма, главным образом – Ургенча [Смирнов, 1976, с. 3-6; Ерзакович, 1970, с. 60-68; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 127-137; Федоров-Давыдов, 1964, с. 9]. Поэтому в материальной культуре, ремесленных традициях и архитектурном облике золотоордынских городов так много общего с городами Хорезма и всей Средней Азии. Генетическая связь приуральских мемориальных построек

со среднеазиатскими у специалистов уже не вызывает сомнений. Архитектурно-планировочный тип мавзолеев, открытых на некрополе Жайыкского городища, а также мавзолеев Абат-байтак и Кесене возник, как полагают специалисты, на почве Средней Азии в XI-XII вв. [Хмельницкий, 1996, с. 152]. Источником этой архитектурной формы можно признать Хорезм.

Мавзолеи рядового населения

Подкурганые сырцовые оградки. Многочисленную группу погребальных построек составляют «подкурганые сырцовые оградки». Они составляют могильники, расположенные вблизи городов или в степи, и датируются XIII-XIV вв. Чаще всего погребения с оградками находили при раскопках курганов, поэтому связывают их именно с курганным погребальным обрядом.

Впервые в качестве отдельного типа погребальных сооружений они были выделены Г. А. Федоровым-Давыдовым [Федоров-Давыдов, 1976, с. 131]. Оградки были представлены единичными экземплярами и только в Поволжье. В настоящее время сырцовых оградок насчитывается сотни, и ареал их распространения значительно расширился. Это северное Предкавказье, Южный Урал [Зиливинская, 2014а, с. 454-466].

Большой массив погребений с сырцовыми оградками был исследован в Западном Казахстане в могильниках Караултобе 1, Мокринский 1, Жалпактал [Марьксин, 2009, с. 246-273; 2011, с. 221-226, 2012а, с. 11-119; 2012б, с. 243-248].

Конструкция оградок однотипна – это квадратные или круглые в плане сооружения, стенки которых сложены из сырцового кирпича различного формата. В высоту стенки сохраняются на 2-8 рядов кладки. Бывают оградки и более сложной формы, в виде прямоугольника, разделенного поперечной стеной на два отсека: в виде двух пристроенных друг к другу квадратов; круглые или квадратные с пристройкой прямоугольной формы меньшего размера. Внутри оградок находятся погребения в могильных ямах и в погребениях типа сагана.

Классификация оградок предложена Э. Д. Зиливинской. В основе классификации лежит планировка. Она выделяет оградки круглые, восьмиугольные; квадратные и прямоугольные в плане. Они распространены на территории Золотой Орды, в Центральном и Западном Казахстане [Зиливинская, 2014а, с. 454-466].

Планировка большинства типов оградок имеет аналогии среди синхронных им по времени мавзолеев, исследованных в мусульманских странах.

При раскопках многих оградок в насыпи «курганов» часто находят обломки обожженных кирпичей, куски известкового раствора, алебастровой обмазки и изразцов. Присутствие их в кургане

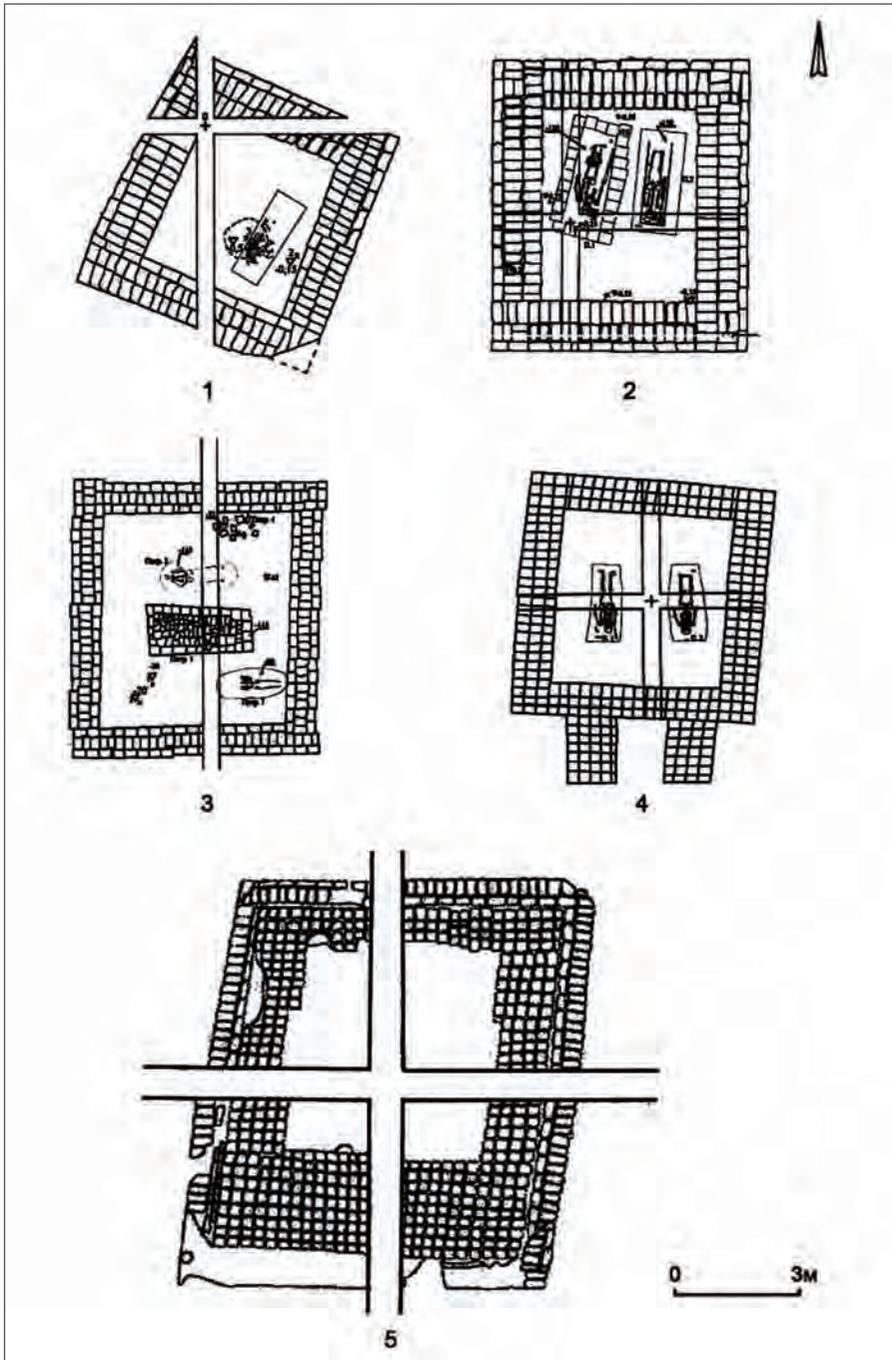

Рис. 252. Сырцовые оградки в могильнике Мокринский I (по Д.В. Марыксину)

объясняется тем, что они находятся на месте разрушенных мавзолеев. Процесс постепенного превращения сырцовых построек в небольшие холмики можно наблюдать на некрополях XVIII-XIX вв., например, в Западном Казахстане.

Следует также отметить, что все «впускные» погребения, найденные в «курганах с оградками», прослеживались только с уровня материка. То есть, то были грунтовые могилы, которые не были впущены в «насыпь», а оказались под ней после разрушения построек.

При изучении оградок бросается в глаза значительная толщина их стен. Стены всегда сложены в несколько рядов кирпичей (от 2 до 5) и толщина их может достигать 1 м. Совершенно непонятно, зачем нужны столь мощные стены в постройке, которая предназначена для того, чтобы быть засыпанной землей. В то же время возведение купола требует достаточной толщины стен.

В пользу того, что оградки являются небольшими сырцовыми мавзолеями, свидетельствует, прежде всего, полная идентичность их планировки с большинством типов мавзолеев.

Отсутствие «входов» в сырцовые мавзолеи, от которых остались только замкнутые периметры стен, можно легко объяснить, если обратиться к данным этнографии. Многие небольшие мавзолеи степных некрополей Западного Казахстана имеют не вход, а небольшой лаз, расположенный достаточно высоко от земли. Так как мы имеем дело только с нижней частью стен, лаз этот оказывается уже разрушенным [Зиливинская, 2014а, с. 461-463].

Склепы-мавзолеи. Кроме наземных мемориальных построек, на золотоордынских некрополях встречаются подземные и полуподземные погребальные сооружения - склепы. Вообще склепом называется любая сводчатая гробница, как правило, заглубленная в землю, часто встречающаяся в индивидуальных грунтовых захоронениях. Конструкция их различна - от ложного свода из кирпичей, поставленных на ребро, до настоящих сводчатых перекрытий полуцилиндрического или стрельчатого в разрезе очертания.

Известно большое количество монументальных подземных или полуподземных сооружений, рассчитанных на коллективные захоронения. Наиболее точно их сущность отражает название «склепы-мавзолеи» [Зиливинская, 2014б, с. 169].

Обнаружены они и в Западном Казахстане. Купольные склепы-мавзолеи исследованы при раскопках городища Сарайчик в Западном Казахстане [Бисембаев, 2010, с. 202-215].

К сожалению, материалы этих исследований полностью не введены в научный оборот. В настоящее время имеется публикация двух объектов [Самашев, Кожа, 2007, с. 223-224].

Склеп 1 представлял собой прямоугольную конструкцию, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток. Кирпичные стены его были опущены в прямоугольную яму. Внутренние размеры помещения склепа составляли 3,1 x 3,17 м. Склеп сложен из обожженных кирпичей размерами 21-22 x 21-22 x 5 см на глиняном растворе. По центру стен были сделаны стрельчатые ниши высотой в 107 см и шириной в нижней части 150 см. В углах сооружения стены

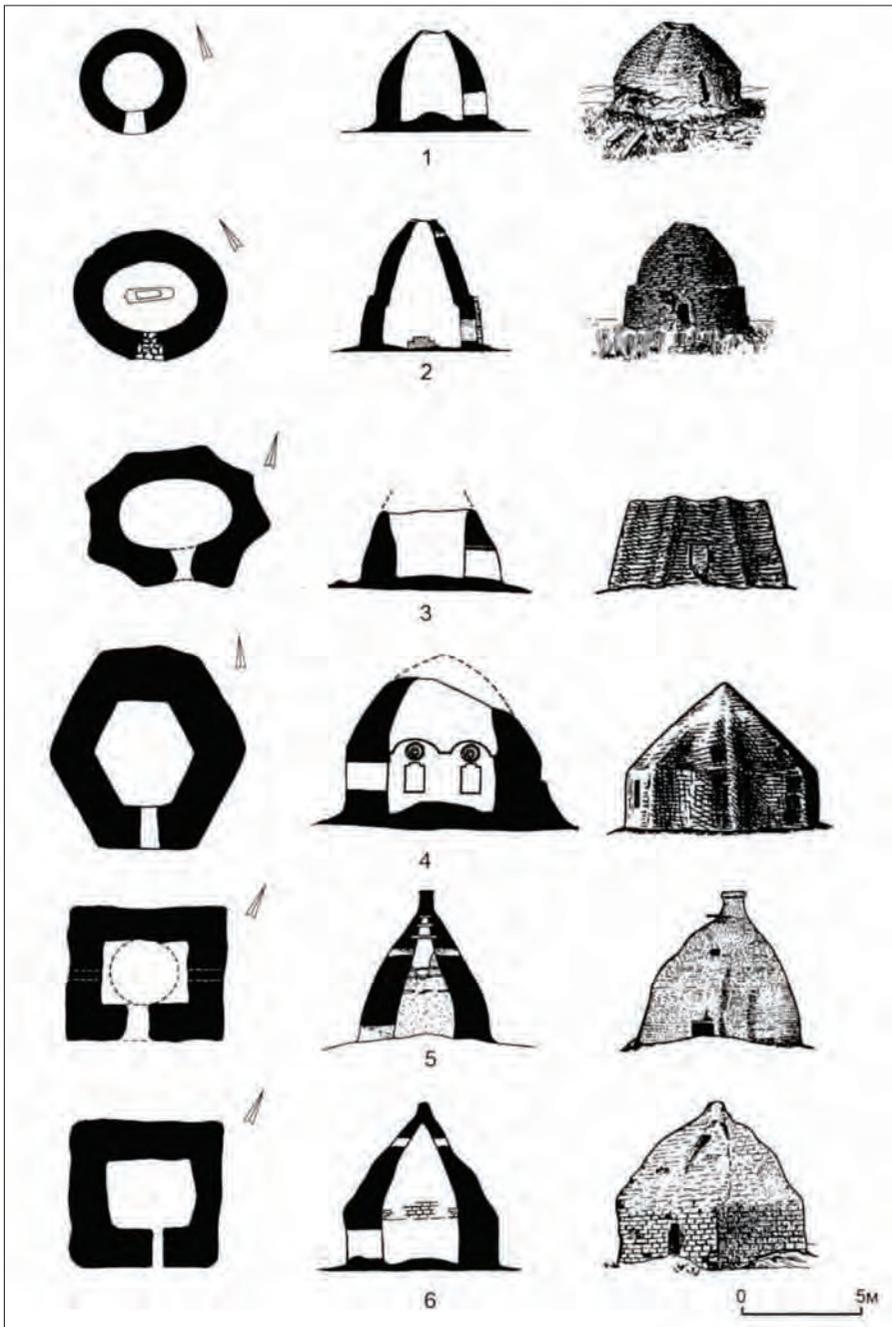

Рис. 253. Сырцовые мавзолеи некрополей Западного Казахстана
(по С.Е. Ажигали)

вертикальны до шестого ряда кладки, а выше начинался переход на парус. На высоте 17 ряда кладки находился свод, сохранившийся на высоту 150 см. По всему периметру на уровне 5-6 ряда кирпичной кладки находился декоративный фриз в виде ребристой кладки в два ряда кирпичей, уложенных углом вовнутрь помещения и выступающих

на 5 см от плоскости стен. Вход в помещение был сделан в северо-западной стене. Он имел ширину и высоту 95 см. Верхняя часть его была перекрыта стрельчатой аркой. На полу лежал потревоженный костяк мужчины в деревянном гробу и кости женщины.

Склеп 2 несколько позднее был пристроен вплотную к юго-западной стенке склепа 1. Он также сооружен из целого и крупных фрагментов обожженного кирпича на глиняном растворе. Кладка довольно небрежная, поэтому склеп 2 сохранился хуже, чем склеп 1. Северо-восточный угол имел высоту в 19 рядов кладки, южная

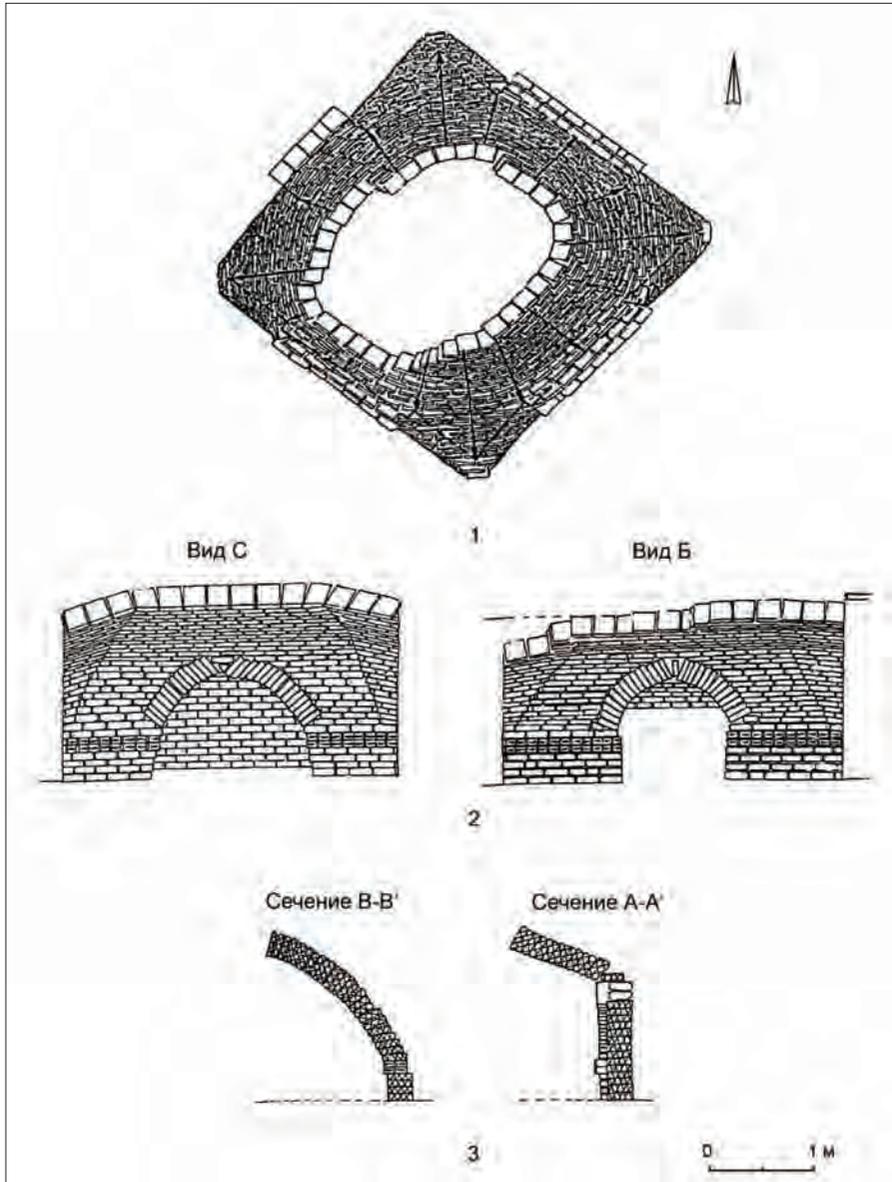

Рис. 254. Склеп в Сарайчике (по З.Самашеву и М.Кожжа)

и западная стены сохранились на высоту всего четырех рядов. Внутренние размеры прямоугольной камеры 3,19 x 3,08 м. Переход от прямоугольного основания к своду осуществлялся посредством арочных тромпов.

На полу склепа были найдены девять погребенных, положенных вытянуто на спине, головой на северо-запад.

Однако, подземные и полуподземные склепы известны также в городах Южного Казахстана. Наиболее полно был обследован склеп на городище Туркестан. Он представлял собой однокамерное квадратное в плане сооружение размерами 4,5 x 4,5 м, перекрытое куполом, опирающимся на сферические паруса. Входную часть образует портал с арочным входом. Склеп выстроен из жженого кирпича, размерами 25-26 x 25-26 x 5-6 см, пол камеры глинобитный, на него уложены семь погребенных, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток. Погребенные находились в деревянных дощатых гробах обтянутых кожей или материей. Склеп датирован XV-XVI вв. Авторы исследования отмечают наличие склепов и в Туркестане и на городище Отрар [Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977, с. 59-72]. С сожалением следует отметить, что изучение склепов на некрополях средневековых городов Южного Казахстана еще не получило должного развития.

Буддизм

Наряду с исламом в Казахстане в XIII в. получил развитие буддизм. Ярким его памятником является открытый на городище храм Каялыка.

До начала раскопок это был оплывший холм высотой до двух метров, с подквадратным основанием, ориентированным углами по сторонам света. Размеры бугра в основании 42 x 44 м, площадки наверху – 13 x 17 м.

В результате раскопок выяснилась планировка постройки.

Размеры постройки по внешнему обводу стен составляют 16,2 x 18 м. Центром ее является квадратное святилище (целла), опоясанное с четырех сторон коридорами, однако, они не все сквозные: юго-восточный коридор изолирован от остальных тонкой стеной. Видимо, в ней был проход с высоким порогом. Ширина коридоров варьирует от 2,5 до 2,8 м. На углах постройки снаружи находились полукруглые выступающие башни, сохранившиеся только в нижней своей части на высоту до 1 м. По всему периметру стены и башни в нижней части были обложены двойным рядом жженого кирпича (26,5 x 26,5 x 5 см), поставленного вертикально.

В составе помещений храма выделяются следующие элементы: центральный вход, внутренний вход в центральное помещение, обходной коридор.

Стены постройки были возведены из сырцового кирпича серовато-желтоватого цвета двух видов: квадратного размерами

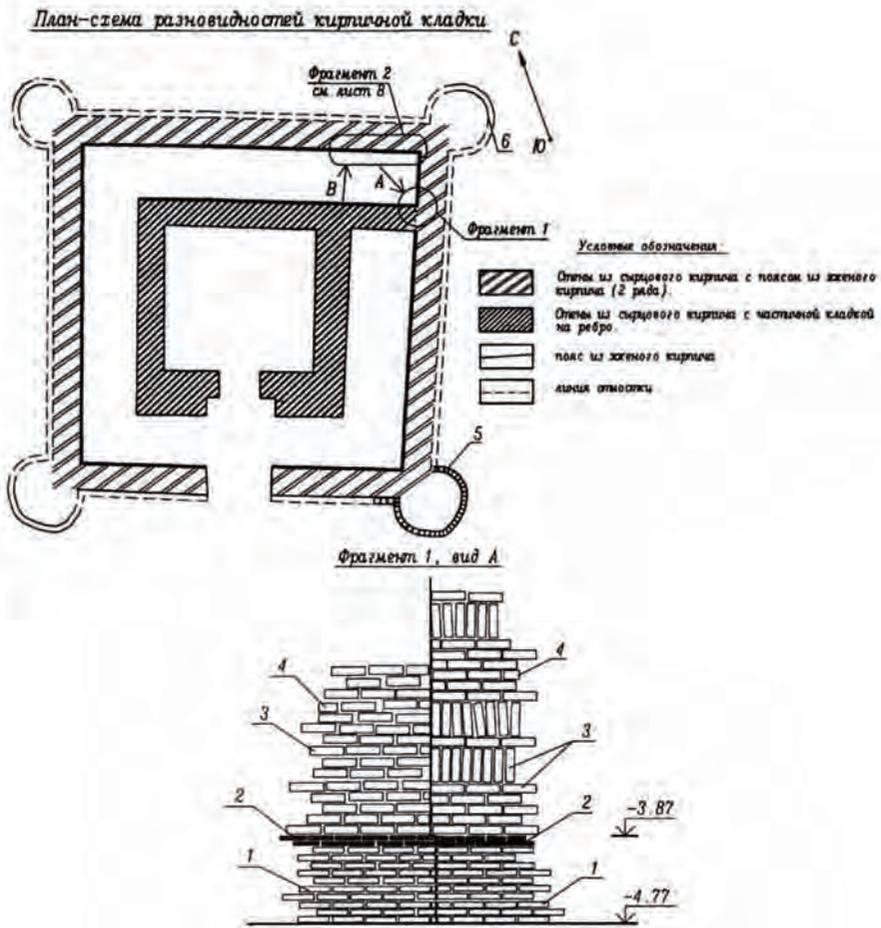

Таблица разновидностей кирпичей

N	Вид	Размеры (см)	Примечание
1	сырцовый	32(33) × 32(33) × 6	
2	жженный	26(27) × 26(27) × 4(5)	
3	сырцовый	36(37) × 36(37) × 8	
4	сырцовый	36(37) × 17 × 8	
5	жженный	26,5 × 26,5 × 5,5	откоска башен
6	сырцовый	34(35) × 34(35) × 7(8)	откосы башен

1. Контур вышелег стен, башни и откоски показаны условно пунктирной линией
2. Двойной лист читать с листами 1, 8

Рис. 255. Каялык. Буддийский храм. План. Фрагмент кладки

36 x 36 x 8 см и прямоугольного 36 x 18 x 8 см, положенных техникой комбинированной кладки – ложком и тычком, «вперевязку», а также рядов из кирпича, поставленного на ребро с наклоном. В нижней части по всему периметру стен прослеживается два ряда жженных кирпичей размерами 26,5 x 26,5 x 5 см, положенных на 10 рядов горизонтальной сырцово́й кладки. Высота стен достигает 3,5 м.

Центральный вход шириной 3,18 м вел в юго-западный коридор. Вдоль стен прохода в зал были обнаружены деревянные конструкции, сильно обгоревшие при пожаре. Деревянные стойки-столбы, диаметром 0,21 м, сохранившиеся на высоту 0,75 м, располагались на расстоянии 0,3-0,4 м один от другого и покоились на фундаментах, в качестве которых был использован плоский камень-плитняк. Деревянные стойки, как и стены, были обмазаны слоем глиняного раствора толщиной 12 см, поверх которого был положен двойной слой штукатурки толщиной 4-5 см. На стенах имелись росписи, найдены куски штукатурки, покрытые пятнами голубой и желтой краски.

Деревянные конструкции служили опорами перекрытия, а также предназначались для навешивания дверных полотен.

Вход в целлу имел ширину 3,45 м. Проход имел уступ, который сужал вход до 2,28 м и, таким образом, что он был разделен на две части. Глубина первой, равной по своей ширине центральному входу (3,45 м), достигала 0,9 м. Глубина второй части прохода – 1,32 м.

Вдоль стен второй части прохода располагались обгоревшие деревянные стойки (по две с каждой стороны), диаметром 0,12 м, основанием которых служил камень-плитняк толщиной 0,14 м.

Центральное помещение подквадратной планировки имеет примерно равные стороны: юго-западная – 7,5 м; северо-восточная – 7,5 м; северо-западная – 7,4 м; юго-восточная – 7,3 м.

На глубине 4,12 м от уровня дневной поверхности *in situ* были зафиксированы многочисленные остатки обгоревшей при пожаре рухнувшей кровли. Наибольшее скопление деревянных конструкций кровли находилось в центральной части зала на расстоянии 1,4-3,0 м от стен. В основном это деревянные балки диаметром 0,15-0,27 м, сохранившиеся в длину до 2-3 м.

Остатки четырех обгоревших балок (диаметром от 0,12 до 0,2 м) находились в вертикальном состоянии. Их можно отнести к деревянным стойкам, на которые опирались балки перекрытия.

На уровне 4,6 м от дневной поверхности была расчищена деревянная конструкция, также обгоревшая вследствие пожара. Конструкция представляла собой прямоугольную раму и состояла из трех балок, которые играли роль креплений четырех вертикальных деревянных стоек. Первая обвязочная балка находилась на расстоянии 2,33 м от юго-восточной стены целлы, параллельно ей. Длина балки – 3,72 м; диаметр – 0,19 м. Она соединяла две вертикально стоящие стойки.

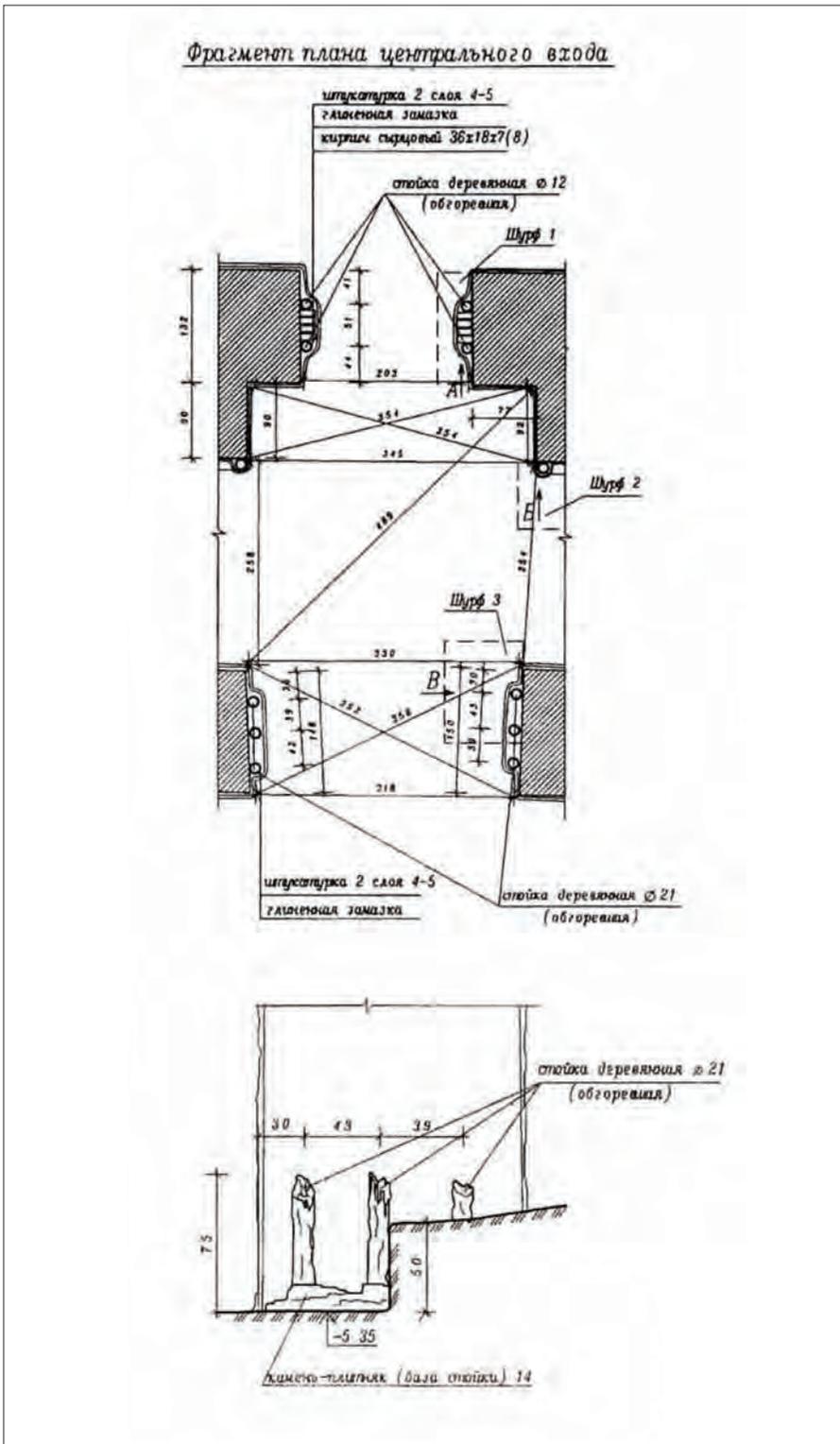

Рис. 256. Каялык. Буддийский храм. План центрального входа

Вторая балка находилась на расстоянии 2,6 м от северо-восточной стены целлы, параллельно ей. Длина этой балки составила почти три метра при диаметре 0,22 м. Вероятно, она соединяла стойки «А» (диаметр 0,2 м, высота 0,6 м) и «В».

Третья балка находилась на расстоянии 2,47 м от северо-восточной стены целлы, параллельно ей. Сохранившаяся длина балки – 2,1 м, диаметр – 0,2 м. Она соединяла деревянную стойку «D», диаметром 0,13 м, со стойкой «А».

Таким образом, получилась конструкция в форме незаконченного прямоугольника, «открытая» часть которого была направлена в сторону входа в целлу.

В деревянных конструкциях обнаружены гвозди разных размеров. Помимо системы скрепления конструкций гвоздями, широко использовались всевозможные «врубки» в деревянные основы балок и стоек. «Врубки» нескольких видов: с конусообразным четырехсторонним углублением с подпрямоугольной, подквадратной либо округлой формы углублениями.

В центре помещения на этой же глубине по линии юго-запад – северо-восток, с незначительным отклонением на север, зафиксирован подиум шириной 1,5 м, представляющий собой выкладку из сырцового кирпича. Три ряда кирпича поднимают поверхность подиума на высоту 30-35 см относительно уровня пола. Кладка примыкает (без перевязки) к северо-восточной стене центрального помещения, а начинается с внутреннего входа в целлу.

Завершая описание центрального помещения, необходимо определить тип перекрытия. Оно могло быть трех типов: 1) купольное; 2) плоское; 3) перекрытие в виде пирамидально расположенных бревен (бревенчатый шатер). Довольно большой пролет (диагональ помещения) – 10,5 м, а также отсутствие больших завалов кирпича в центральном помещении (купольное перекрытие предполагает использование большого количества кирпича) [Зяблин, 1961, с. 21] исключает его наличие. Учитывая, что опорные деревянные стойки хорошо сохранились, а также характер расположения рухнувшей кровельной конструкции, исследованной *in situ*, можно заключить, что сооружение имело кровельное перекрытие дарвазного типа с прямоугольным отверстием в центре.

Обходной коридор делится на четыре части: 1) юго-восточную; 2) юго-западную (этот коридор прорезан входами – центральным или главным снаружи и внутренним в целлу); 3) северо-западный коридор; 4) северо-восточный (отделенный тупиком – стеной от юго-восточного коридора).

Юго-восточный коридор имеет длину 12,12 м и ширину 3,05 м. С восточной стороны ограничен стеной-тупиком, имеющей перевязку с внутренней северо-восточной стеной, толщина которой равна 1,34 м.

На глубине 3 м от уровня дневной поверхности, примыкая к внутренней стене, вдоль нее, горизонтально положена деревянная балка длиной 5,7 м; диаметром 0,2 м. Она являлась опорой и

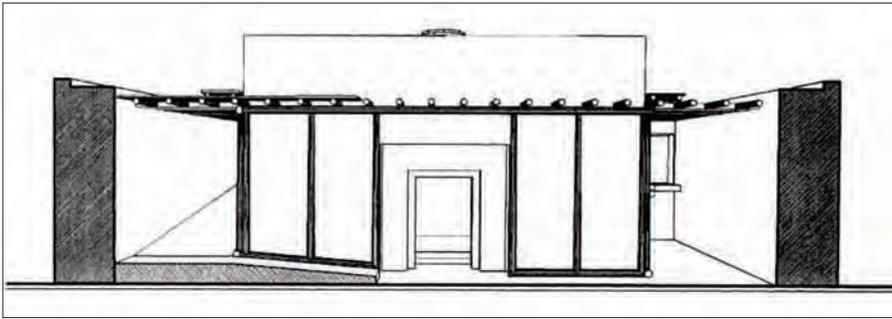

Рис. 257. Каялык. Буддийский храм. Юго-западный Обводной коридор.
Реконструкция. Разрез

связующим креплением четырех деревянных стоек (диаметром 0,21 м), установленных вертикально на балку. Расстояние между стойками разное.

Юго-западный коридор имеет длину 16 м и ширину 2,54-2,58 м. В средней части внешней стены коридора, как отмечалось выше, находился центральный вход, напротив него, в середине внутренней стены располагался вход в зал.

Западная сторона коридора была заполнена чередующимися слоями лесса и гальки. Уклон заполнения составляет 30-35° и поднимается в сторону забутованного таким же образом северо-западного коридора.

Вдоль внутренней стены, вплотную к ней, с перерывом на ширину внутреннего входа, горизонтально положены две балки (диаметром 0,18 м; длиной 3,39 и 3,57 м). Балки являлись основанием и креплением поставленных на них вертикально деревянных стоек - по три с каждой стороны входа в зал.

Северо-западный коридор длиной 16,2 м и шириной 2,77 м также имел горизонтально положенную вплотную к внутренней стене опорную балку длиной 9,15 м и диаметром 0,2 м.

Коридор был забутован слоем гальки толщиной 1 м и лесса толщиной также 1 м. Угол плотного заполнения в этом коридоре равняется приблизительно 30 градусам. По мере приближения к

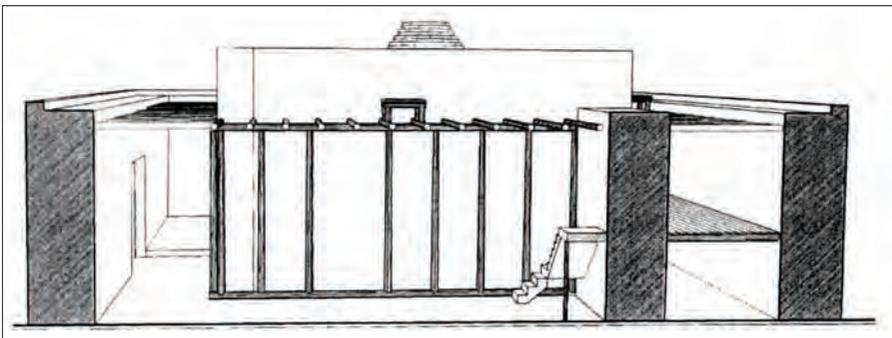

Рис. 258. Каялык. Буддийский храм. Северо-западный обводной коридор.
Реконструкция. Разрез

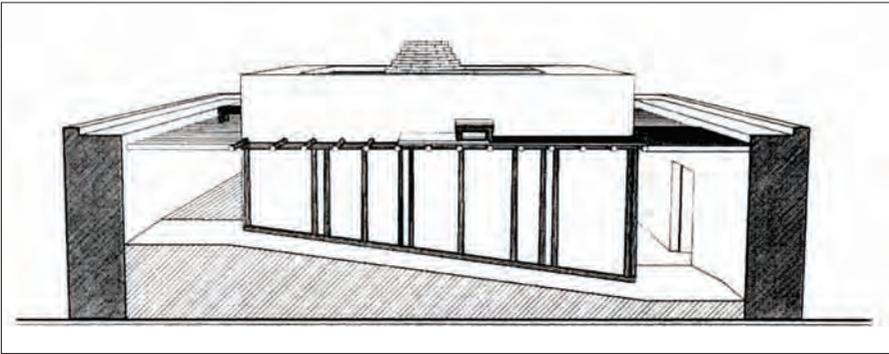

Рис. 259. Каялык. Буддийский храм. Северо-западный обводной коридор. Реконструкция. Разрез

северо-восточному коридору, забутовка становится горизонтальной. Перепад высот между поверхностью пола в районе центрального входа и самой высокой точкой забутовки составляет 2,1 м. Забутовка же в конструктивном плане является ничем иным, как пандусом, ведущим на второй этаж.

В средней части этого отсека обнаружен завал из деревянных конструкций, состоящий из балок длиной от 1,3 до 0,2 м; диаметром от 0,21 до 0,07 м.

Северо-восточный коридор имеет длину 16,6 м; ширину 2,68 м и упирается юго-восточную внешнюю стену. Он отделен от юго-восточного коридора глухой стеной. Остатки деревянных конструкций здесь не найдены.

В этом коридоре был вход на второй этаж, на который можно было попасть посредством вышеописанного пандуса, ведущего с «первого» этажа юго-западного коридора на второй этаж.

Что касается перекрытия коридоров, то они были плоскими, вероятно, с незначительным уклоном наружу. Несущие балки перекрытия опирались на вертикальные стойки, стоявшие у внутренних стен коридора и на край наружной стены, который был ниже, и именно это давало возможность придать крыше покатость.

Угловые башни диаметром около трех метров сохранились частично, за исключением южной башни. Стены башен были сложены из сырцового кирпича размерами 36 x 36 x 8 см. В нижней части они обложены квадратным жженым кирпичом.

При раскопках в завалах и на полу центрального зала и коридоров были собраны обломки больших хумов и кувшинов, поливных чаш, характерных для конца XII – XIII вв.

Из других находок следует отметить железный кинжал и дверные железные приклады, мелкие бронзовые поделки, а также фигурную головку быка, венчавшую носик-слив керамического кувшина – водолея [Байпаков, Грищенко, Ходжаев, 1999, с. 12-16]. Интерес представляет кирпич с продавленным знаком в виде расходящихся лучей.

Стратиграфия. В северной части северо-восточного коридора была оставлена бровка, дающая представление о стратиграфии: ниже пола лежит слой лесса толщиной 2,3 м, затем идет забутовка из гальки толщиной от 0,98 до 1,36 м; а далее до уровня 4,6 м от дневной поверхности - слой суглинка.

Заложенный в северной части коридора шурф показал, что под стеной расположен слой гальки (3-4 см), а между основанием стены и галькой – остатки тонкой прокладки с растительными волокнами серого цвета. Ниже находится глиняная платформа, мощностью 1,2 м, и вновь слой гальки.

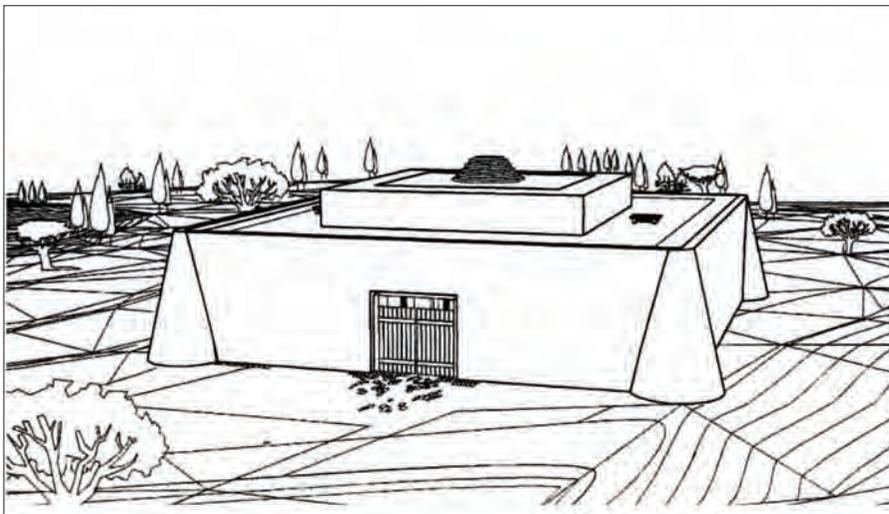

Рис. 260. Каялык. Буддийский храм. Реконструкция. Перспектива. Вид на северо-восток

Сейсмологические исследования дали возможность установить возможную причину гибели сооружения. Трещины в стенах древних зданий - довольно частое явление. Однако причины их образования могут быть различными: или же это результат выветривания, т. е. чередование нагрева днем и охлаждения ночью, либо сейсмические движения.

Если трещина сечет насквозь два или более соседних кирпича, то такие трещины могут быть сформированы под воздействием очень высоких напряжений. Для возникновения таких трещин необходимо приложение огромного количества энергии для того, чтобы преодолеть темп давления, возникающего вдоль свободных поверхностей на границах кирпичей или строительных блоков.

Так, например, северо-западный угол восточного простенка входа в главное помещение храма был разрушен и частично обвалился. Обвалившийся кусок открыл «отдушину» (отопительный короб) в центральной части простенка. Здесь видны многочисленные сквозные трещины, которые напрямую пробивают до 10 кирпичей.

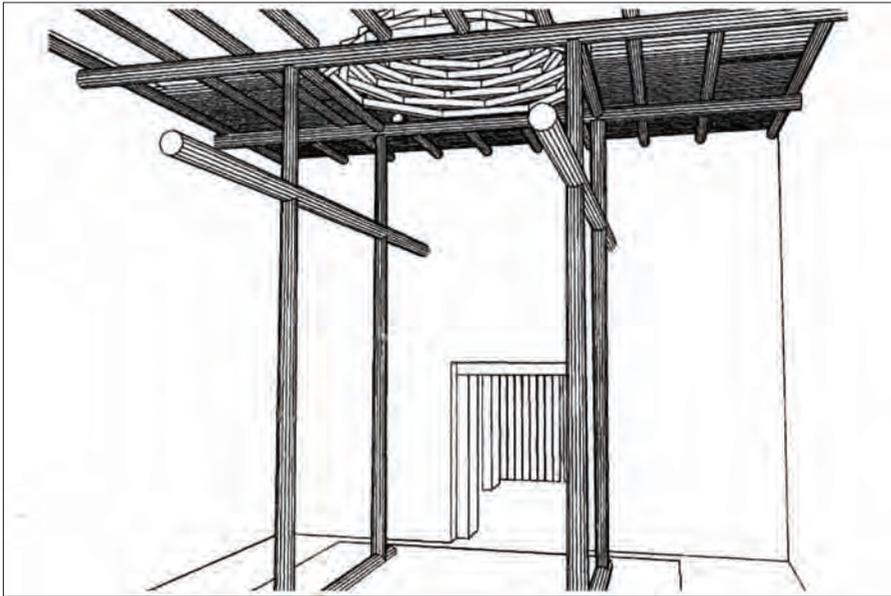

Рис. 261. Каялык. Буддийский храм. Интерьер центрального помещения. Вид на юг. Реконструкция

Аналогичная деформация наблюдается и в северо-восточном углу западного простенка. Здесь видны многочисленные сквозные и открытые трещины. Эти примеры однозначно указывают на сейсмическое происхождение трещин.

Выкладка в центре главного помещения храма сильно деформирована: во-первых, ее края неровные; во-вторых, отдельные кирпичи из нижних рядов выдвинулись наружу. Следует отметить, что выкладка не испытывала значительной статической нагрузки, следовательно, наиболее вероятной причиной, приведшей к деформации, могло быть сейсмическое ускорение грунта.

Наряду с выдвигениями нижних кирпичей подиума до 7 см, имеются также развороты кирпичей до 10°.

Таким образом, сейсмическая интенсивность землетрясений приведших к разрушениям, составляла около 7-8 баллов по шкале MSK-64 [Байпаков, Корженков, 2000, с. 117-120].

Аналогии храму в части планировочной композиции достаточно широки - это раннесредневековые (VIII-IX вв.) буддийские храмы Акбешима (Суяба) и Красной Речки (Навакета). Планировка их одинакова – центральный зал, окруженный обходным коридором [Горячева, Перегудова, 1996, с. 167-195]. Однако отличием каялыкского храма является замкнутость обходного коридора. Интересны аналогии кладки стен с использованием приема кладки кирпича на ребро с наклоном. Таким способом были сооружены стены буддийского храма в Хара-Хото – столице Тангутского государства [Лубо-Лесниченко, Шафрановская, 1968, с. 50].

Общеизвестна роль Великого Шелкового пути в распространении мировых религий и религиозных идей. Именно по его трассам миссионеры «несли» свою веру в дальние страны.

Новые исследования показали, что буддизм имел распространение в Семиречье и после X-XI вв., когда здесь утвердился ислам и буддийские храмы были разрушены, о чем пишет М. Кашгари. Однако уже в середине XIII в. о буддийских храмах Северо-восточного Жетысу сообщает Г. Рубрук – посол Людовика IX к монгольскому каану Мунке. Это было, видимо, связано с веротерпимостью в Монгольской империи.

В 1253 г. Рубрук выехал из Лиона, пересек южнорусские и казахстанские степи, достиг Южного Казахстана и затем Семиречья. В Жетысу он останавливался на две недели в городе Каялыке, который отождествляется с городищем Антоновка, в долине р. Лепсы [Байпаков, 1986, с. 36]. Г. Рубрук описал каялыкские кумирни. Эти описания позволяют видеть в одной из них буддийский храм.

«Идолопоклонники, – писал Г. Рубрук, – ставят свои храмы в направлении с востока на запад и в северной стороне устраивают комнату, выступающую наподобие клироса, а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса, там они помещают сундук, длинный и широкий как стол, и за этим сундуком к югу ставят они главный идол, который я видел в Каракоруме, такой же величины, как рисуют Святого Христофора.

Один несторианский священник, прибывший из Китая, говорил мне, что в этой земле есть идол такой большой, что его можно видеть издалека за два дня пути. Кругом они ставят другие идолы: все они очень красиво позолочены.

На этом сундуке, который напоминает собой стол, они ставят светильники и жертвы. Все двери храмов отворяются на юг противоположно обычаю саррацинов. Точно так же у идолопоклонников, как у нас, есть большие колокола... Точно так же все жрецы их бреют целиком голову и бороду; одеяния их желтого цвета; с тех пор как они бреют голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или двести зараз в одной общине... Куда бы они ни шли, они имеют также постоянно в руках какую-то веревочку со стами или двумястами ядрышками, как мы носим четки, и повторяют постоянно следующие слова: «*on mani bassam*», то есть «господи, ты веси», как один из них перевел мне это...» [Путешествие в Восточные страны..., 1996, с. 110-112].

Приведенная выше характеристика кумирни, безусловно, свидетельствует о ее буддийском характере. Подтверждает это мнение и описание праздника, сделанное Г. де Рубруком: «Войдя тогда в упомянутую кумирню, я нашел там жрецов идольских. Именно первого числа они отворяют свои храмы, и жрецы облачаются, возносят фимиам, поднимают светильники, и возносят жертвы

народа, состоящие из хлеба и плодов» [Путешествие в Восточные страны..., 1996, с. 111, прим. 163]. Как известно, именно 1 и 15 числа лунного месяца буддийские священнослужители в течение целого дня сжигают благовония, приносят в жертву печенья, фрукты и воду; зажигают лампы.

Возрождение буддизма в Семиречье, видимо, было связано с вторжением сюда найманов во главе с Кучлуком. У Мирзы Мухаммеда Дулати в «Тарих-и Рашиди» описывается ожесточенная борьба Кучлука и гурхана каракитаев, в которой первый одержал победу. Кучлук захватил Кашгар и Хотан, его племена расселились по «Эмилю и Кийалику». Затем он принудил жителей этих мест отказаться от религии Мухаммеда и выбрать другую религию. «Люди, – пишет Дулати, – выбрали одежду китайскую», то есть буддизм. Видимо, к этому времени (начало XIII в.) и относится строительство храма в Каялыке.

Ислам преследовался, мечети и медресе пришли в ветхость, а имам Аладдин Мохаммед ал-Хотани был убит. И лишь после разгрома Кучлука монголами преследование мусульман прекратилось [Дулати, 1996, с. 362-364].

Буддийские изделия, связанные со второй волной буддизма, были обнаружены и на городище Талгар, отождествленном со средневековым городом Тальхиром – одним из крупных городов Илийской долины, расположенном в 25 км восточнее Алматы [Савельева, 1994, с. 21-33]. Здесь в слое XIII в. была найдена вырезанная из кости фигурка сидящего Будды. Высота ее 7 см. К сожалению, фигурка сильно повреждена, у нее отбита голова, руки. За спиной Будды стоят две фигурки, видимо, барабанщика и человека, держащего знамени [Байпаков, 1998, с. 29].

Как известно, в XIII в. имело место некоторое возрождение буддизма и в Средней Азии.

Буддийская кумирня была раскопана на городище Мерв в 60 м к югу от стены Султан-калы. Она состоит из двух помещений. Стены из сырцового кирпича достигают в толщину 1,5 м. Размеры ее 11 x 11 м, главный вход обращен на север. Здание было разрушено, но сохранилось много выразительных изделий.

Это черепица, на концах которой имеются изображения морды драконов, устрашающих существ. Сохранились куски штукатурки с росписями ярко синей, голубой, красной, зеленой, желтой, черной красками. В украшении здания использовались также среднеазиатские изразцовые облицовки с геометрическим орнаментом. Сооружение здания относится к 1250-1251 гг.

Известно, что монгольские ханы из династии Хулагуидов исповедовали буддизм и лишь в 1295 г. хан Гасан, бывший буддист, по политическим соображениям принял ислам [Пугаченкова, 1958, с. 351-358].

Большинство сооружений средневекового Каялыка, как показывают раскопки, погибло в огне. Имело место и сильное

разрушительное землетрясение. Какие события привели город к гибели сказать пока с определенной уверенностью трудно, но это произошло, скорее всего, в конце XIII – начале XIV вв.

Манихейство

В Каялыке, по словам Гильома де Рубрука, было три кумирни, две из которых он посетил [Путешествие в Восточные страны..., 1996, с. 111].

При описании первой кумирни он пишет следующее: «В первой я нашел некоего человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил; отсюда я поверил, что он христианин, ибо на все, что я спрашивал у него, он отвечал, как христианин. Поэтому я спросил у него: «Почему же вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа?». Он ответил: «У нас это не в обычае. Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим по недостатку образования» [Путешествие в Восточные страны..., 1996, с. 111].

Судя по описаниям Рубрука, первый храм, в котором он побывал, был манихейским. Чернильный крестик на руке «некоего человека» служит, вероятно, обозначением «печати руки», то есть, запрета на убийство и совершение действий, причиняющих «страдание Кресту света». «Печать руки» относится к трем основным ограничениям, которые возлагались на Избранников, относящихся к четвертому по старшинству рангу в манихейской общине. К ограничениям Избранников принадлежала также «печать уст» или запрет на животную пищу, в том числе молочную, питье вина и, возможно, запрет на сквернословие и богохульство, а также «печать лона» – строгое половое воздержание [Смагина, 1998, с. 411-412, 417, 439-440].

То, что крестик на руке был поставлен чернилами, также не вызывает вопросов. Переписывание книг – важное занятие не только для Избранников, но и для Слушателей (рядовых верующих). По преданию, Мани, придававший большое значение книгам и писцам, собственноручно записал тексты своих учений, разработал манихейское письмо, более удобное для чтения, чем пехлевийское [Смагина, 1998, с. 440].

Вполне понятно, что во время краткой беседы с «неким человеком» у Рубрука создалось впечатление, что перед ним христианин.

Расположение средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья на торговых путях способствовало проникновению в среду городского населения проповедников разных религиозных течений, в том числе манихейства. О распространении и роли манихейства в древнетюркской среде обстоятельно пишет Ю. А. Зуев [Зуев, 2002, с. 179-261]. Имелась крупная манихейская община в Таразе. находка при раскопках Тараза бронзового медальона с женским изображением, окаймленным снизу большим серпом Луны, по мнению Т. Н. Сениговой, является наглядным свидетельством проникновения учения Мани в Тараз в VI-VII вв. [Сенигова, 1968, с. 51-52].

В Турфанском оазисе обнаружена рукопись манихейского сочинения «Священная книга двух основ», в которой сообщается, что она написана в городе Тараз, то есть, в Западном каганате, с целью «пробудить веру в стране десяти стрел». Здесь же упоминаются ещё четыре семиреченских города, имевших манихейские общины [Кляшторный, 1964, с. 131].

Территория, где находился город Каялык, по описаниям Рубрука соприкасается с землей «Югуров» (уйгуров), которые так же могли оказать влияние на распространение манихейской религии.

Где находился манихейский храм Каялыка, археологи точно не определили. Первая версия предполагает его в западной части городища рядом с баней. Это постройка размерами 11 x 8,4 м. Его толстые стены были обмазаны и побелены и сохранились на высоту 60-70 см. Вход в постройку находился в восточной стене, перед ней находился айван, пол которого выложен крупными камнями. Зал имел перекрытия, опирающиеся на четыре деревянные колонны. На полу

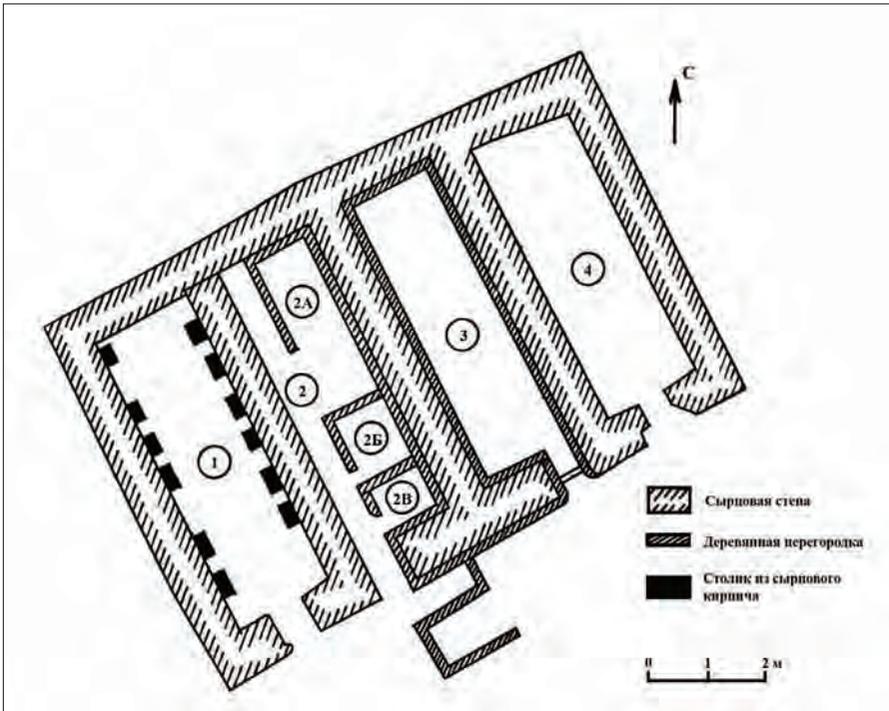

Рис. 262. Каялык. Манихейский храм. План

и в дверях найдена керамика, в том числе несколько керамических светильников, среди которых выделяется светильник-люстра с 13 рожками. Его диаметр 43 см, высота – 20 см [Байпаков, Воякин, 2007, с. 86-87, прил. 2, рис. на с. 74-75].

Аналогичный светильник (семирожковый), но имеющий отпечатки в виде креста, найден при раскопках городища Талгар [Кузнецова, 2010, с. 254; цв. ил., с. 310].

Согласно второй версии Манихейский храм, который посетил Гильом де Рубрук, находился севернее крепостной стены, сразу же за рвом, на расстоянии 100 м от северного входа. На этом месте находился бугор, описанный по рассказам очевидцев, в конце 60-х годов XIX в. Бугор овальный в плане, имел высоту 2-2,5 м и диаметр до 30 м. В ходе раскопок удалось открыть часть постройки из четырех прямоугольных помещений. По внешнему обводу длина ее составляла 9,1 м; ширина – 8,5 м. Стены ее сложены из сырцового кирпича. Высота стены сохранилась на высоту 40 см и толщину 1 м. Ориентирована постройка стороной по линии северо-восток – юго-запад. Все помещения, а они длинные и узкие, одинаковы по площади, около 100 кв. м. Два помещения – 3 и 4 – не имели на полу никаких конструкций. Основания стен в помещении 3 имеет обкладку толщиной 20 см. В помещении 2 выделено, посредством тонких – 20 см перегородок, три помещения. В помещении 1 к длинным стенам с двух сторон были пристроены прямоугольные тумбы длиной 50 см, шириной 30 см и высотой 20 см. У каждой из сторон их шесть. Вход во все помещения находился в южных стенах. К сожалению, раскопана лишь часть большой постройки, основная площадь была недоступна для исследований, поскольку занята постройками.

Необычная планировка вскрытой постройки, а также наличие пристенных столиков, переключается с отмеченным для представителей этой религии как для «Избранников» и «Служителей» обязательное переписывание книг со священными текстами. Может быть, помещение со столиками служило комнатой для переписи текстов.

Христианство

Памятники христианской религии на территории Жетысу многочисленны. По времени они подразделяются как бы на две группы: периоды раннего и развитого средневековья, являющиеся частью истории сирийского несторианства в Центральной Азии.

Христианство начало проникать на территорию Казахстана в середине I тыс. н. э., после заселения согдийцами Таласской и Чуйской долин и освоения торговых направлений Великого Шелкового пути, проложенных из Средней Азии через Семиречье в Восточный Туркестан, Китай, Монголию и Сибирь.

Кроме письменных источников, многочисленные материалы археологических, искусствоведческих и историко-культурных находок подтверждают наличие памятников христианского происхождения на территории Казахстана, в пределах Семиреченского региона. В этих материалах в той или иной мере отражены отдельные стороны жизни христианских общин, история их расселения на Тянь-Шане, дается анализ и датировка находок, погребального обряда и назначение построек.

Сведения о христианских памятниках Казахстана – кайраках, собранные в результате изучения средневековых городищ, стали появляться в научной и периодической литературе с конца XIX в.

Рис. 263. Городище Алмалык. Кайраки

Поступление нового материала продолжается. В настоящее время в распоряжении ученых имеются несколько видов несторианских памятников: надгильные кайраки с крестами и сирийскими эпитафиями, нательные кресты из бронзы и нефрита, керамические сосуды с надписями и остатки архитектурных сооружений [Байпаков, 2012а, с. 364-366; 2013, с. 475-478].

Уникальный материал дает изучение кайраков – крупных галек, на одной или двух сторонах вырезались надписи классическим сирийским письмом – эстрангело. Надписи имеют даты по тюркскому календарю. К началу XXI в. их было найдено более 600, сейчас их более 700, и почти все они датированы XIII-XIV вв. [Джумагулов, 1971, с. 5-22]. Число кайраков пополнялись находками на городище Красная речка, ценными тем, что они оказались самыми ранними: 789 и 909 гг. н. э. [Горячева, 1988, с. 62-65; Klein, 2000, p. 65-68].

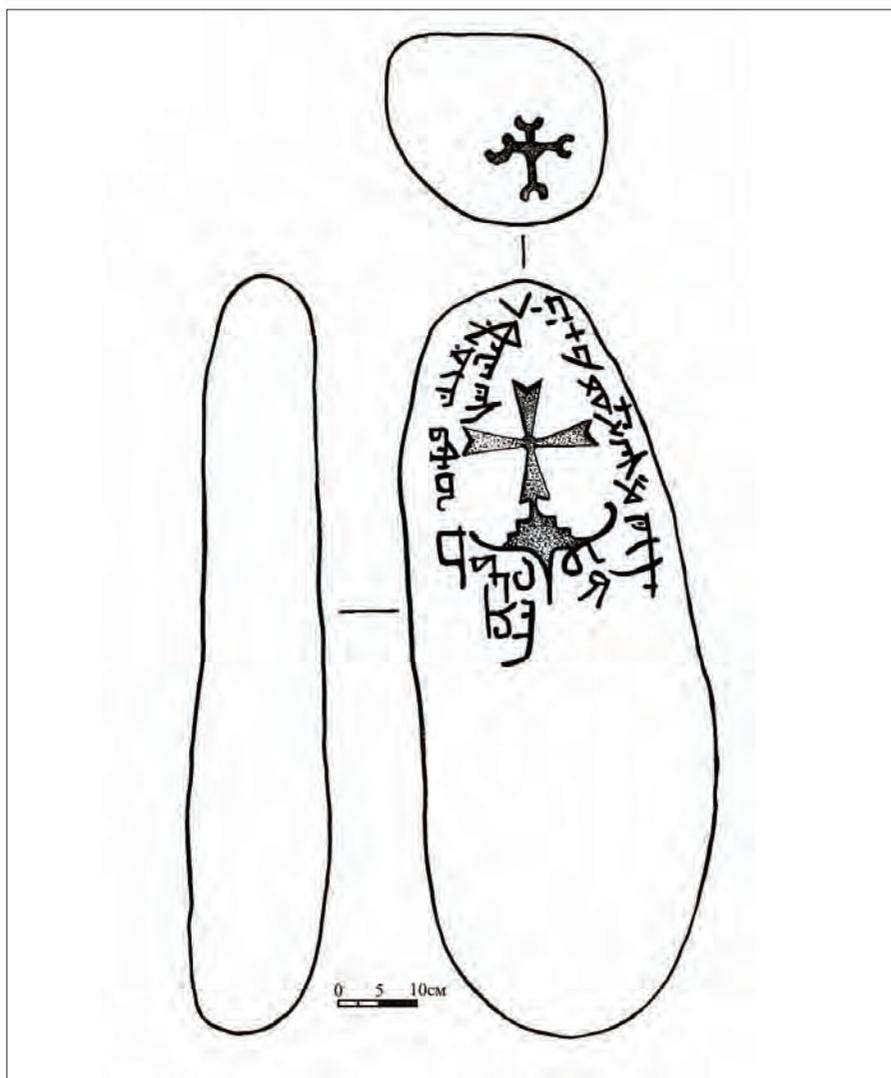

Рис. 264. Городище Учарал. Кайрак (прорисовка)

Количество открытых кайраков увеличивается. В 2014 г. был найден столбообразный камень с выбитыми на нем крестом и надписью. Он был найден на городище Уч-Арал вблизи города Джаркента, которое отождествлено с городом Илан-Балыком [Байпаков, Савельева, Петров, 2015, с. 94-97].

Не менее показательны и сведения письменных источников. Так о христианах, проживавших в христианских селениях, пишет Гильом де Рубрук. Оно находилось рядом с городом Каялыком, в 6 км восточнее: «Итак, мы выехали из вышеупомянутого города (Кайлака) в праздник святого Андрея и там поблизости, в трех лье, нашли поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы

пропели с радостью, как только могли громко «Радуйся царица», так как давно не видели церквей» [Путешествие в Восточные страны..., 1996, с. 117].

На берегу Иссык-Куля стоял христианский монастырь, в котором хранились мощи святого Матфея. Монастырь находился в городе «Yssicol», расположенном на северном берегу озера [Бартольд, 1965е, с. 438].

По мнению В. Д. Горячевой и С. Я. Перегудовой, загадочная постройка из камня Таш-Рабат в горах Тянь-Шаня, датированная XIII в., служила монастырской обителью христиан. Размеры ее 32,4 x 34,8 м. Фасадная стена его укреплена угловыми башнями. Вид оформлен пештаком. В помещении насчитывалось 25 келий, квадратный зал размерами 9,4 x 9,1 м, длинные помещения с суфами. В перекрытиях использовались купола и своды. В здании имелся колодец и лестница вверх на кровлю [Горячева, Перегудова, 1995, с. 88-91].

В XII в. была учреждена митрополия Кашгара и Навакета [Бартольд, 1964е, с. 224]. Сохранились некоторые сведения о том, что в XI в. христиане обратили в свою веру монгольское племя керейтов [Бартольд, 1964е, с. 290]. Много христиан было в среде монголов-найманов. И хотя Чингисхан в 1203 г. разгромил княжество керейтов, именно его в странах Западной Европы признавали присвитером Иоанном, чье легендарное царство хронисты XII в. помещали на Востоке. Как бы то ни было, несториане играли в империи Чингисхана значительную роль. Племянница разгромленного Чингисханом керейтского Ван-хана несторианка Соргатханбике была женою младшего сына Чингисхана Тулуя, матерью двух великих ханов Мунке и Хубилая и завоевателя Ирана Хулагу [После Марко Поло, 1968, с. 10-11].

О христианстве в среде чингизидов сообщают мусульманские письменные источники. Так, о Сартаке писали как о христианине, именно слухи о крещении Сартака побудили Людовика IX отправить посольство Гильома де Рубрука [Бартольд, 1964д, с. 263-264].

Наряду с несторианством, в XIII в. появилось и католичество при хане Дженкши, который жил в Алмалыке, при его покровительстве появилась католическая миссия. Францисканец Николай, отправленный в качестве архиепископа в Китай, был хорошо принят во дворе Дженкши. Католикам было пожаловано имение возле Алмалыка, где была построена церковь. Вскоре здесь появился епископ Ричард из Бургунских монахов, Франциско и Раймунда Руфа из Александрии, священник Пасхалий из Испании, братья миряне Петр из Прована и Лаврентий из Александрии. Католики вылечили хана Дженкши, за что им было позволено окрестить его семилетнего сына.

В 1338 г. Дженкши был убит своим братом Есун Тимуром, о чем сообщает Пасхалис. Есун-Тимур был избран угедейским царевичем

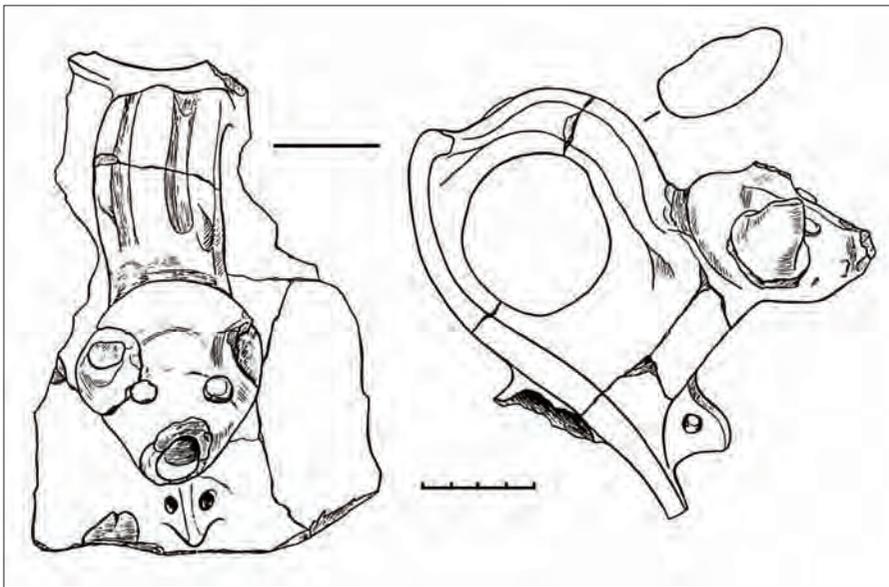

Рис. 265. Фрагмент слива керамического кувшина-вододея

Али-султаном, при котором католическая миссия была разгромлена, а миссионеры убиты [Бартольд, 1963б, с. 77]. Пострадали и несториане.

Культы

В исследуемый период, как и в предыдущее время, в среде горожан были широко распространены культы животных и огня, о чем свидетельствуют археологические находки. Это фигурки баранов. Они реалистичны и передают характерные признаки этого животного: горбоносость, закрученные спиралевидные рога, курдюк. Фигурки были покрыты поливой и росписью, которая подчеркивала кольцевидность рогов [Байпаков, 1980а, с. 37].

При раскопках городища Антоновка в заполнении одного из коридоров обнаружен обломок слива керамического вододея, оформленного в виде головы быка [Байпаков, Воякин, 2007а, прил. 2, рис. 39].

В домах Куйрыктобе начала XIII в. обнаружены очаги-алтари, которые продолжали традицию почитания огня [Байпаков, 1990, с. 181-182].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Ответы на вопросы о том, носило или нет разрушительный характер монгольское нашествие на территории Казахстана, влияло ли на развитие урбанизации, бесспорно, могут быть определены при исследовании городищ, точнее, слоев XIII – первой половины XV вв.

Подтверждением погромов Отрара является факт возведения стен построек XIII-XIV вв. с широким использованием обломков жженого кирпича. Он мог быть взят из расположенных неподалеку от стратиграфического шурфа разрушенных построек [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 83].

В центральной части Отрартобе на раскопе площадью не менее 1000 кв. м. в нижнем горизонте V слоя, а это начало XIII в., отмечен горелый слой, который Л. Б. Ерзакович связывал с пожаром 1220 г. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 15-19]. Этот горизонт хорошо датируется комплексом монет XII – начала XIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 19].

И еще, если обратиться к картине осады Отрара, описанной Джувейни, то становится ясным, что после взятия города «цитадель и стены города были сравнены с землей и монголы удалились». Но цитадель города пока не найдена, ее местоположение на территории Отрартобе точно не установлено.

Что касается отсутствия слоев со следами пожаров на Сайраме, Туркестане, то ответ прост – там пока не были проведены масштабные раскопки по уровню слоев монголо-тимуридского периода. В небольших по размеру шурфах и раскопках наткнуться на следы разрушений в слое начала XIII в., тем более, если о них ничего не пишут средневековые авторы, просто невозможно – не все подряд города разрушались.

Так и на городище Каратобе (древний Сауран) горелого слоя нет, несмотря на широкие раскопки, как, впрочем, и на многих других городищах, которые «сдались без боя». Но Сауран был перенесен на новое место, возможно, не без связи с завоеваниями монголов. И таковой, как видится, была политика монголов, связанная со строительством новых городов. К их числу надо отнести новый Сауран и новый Янгикент – Джанкент (городище Мынтобе). Вероятно, с этой же практикой связана новая застройка Каялыка и перемещение его центра из северной части к югу. Следы разрушений на городище Сыгнак еще не обнаружены, поскольку слой XIII в. здесь не исследовались.

В Жетысу на городище следов пожаров и разрушений, связанных с походом монголов, быть не может. Государство карлуков, столицей которого был Каялык, вошло в состав Монгольской империи добровольно.

Тараз же был покинут горожанами по приказу Хорезмшаха Мухаммеда и следов жизни XIII в. в шурфах Е. И. Агеевой, Т. Н. Сениговой и М. С. Мерщикева нет. Скорее всего, они попали на необжитые в это время городские участки, либо Тараз в XIII в. переместили на другое место, которое в виду застройки современного города определить сложно. Но город продолжал существовать, так же, как города Янги-Талас, Янги-Балык, Кенджек. Археологических материалов этого времени мало, что свидетельствует об упадке городской жизни в результате последствий монгольских завоеваний.

Поэтому выводы исследователей о «мирном характере» завоеваний Чингисхана и их последствиях, имевших место в XIII-XIV вв., вряд ли оправданы.

И, в целом, подводя итоги археологического анализа письменных источников и археологических исследований, следует считать, что поступательное развитие оседлой городской культуры на территории Казахстана было прервано монгольскими завоеваниями и их последствиями.

2. Результаты археологических исследований городищ, существовавших в XIII – первой половине XV вв., сопоставление археологических материалов, письменных источников и нумизматических сведений позволили определить месторасположение почти всех городов на территории Казахстана в XIII-XV вв. Был также выявлен континуитет в развитии городов, начиная со времени их возникновения, а это эпоха ранних государств Саков, Усуней, Динлин, Кангюй, раннесредневековых городов, древнетюркских каганатов, городов эпохи Мусульманского Ренессанса. Это города Южного Казахстана и Приаралья: Сайрам, Шымкент, Карасаман, Отрар, Ясы, Карнак, Карачук, Сауран, Сыгнак, Ашнас, Барчкент, Янгикент (Джанкент), Дженд. На северных склонах Каратау на границе с Сарыаркой локализованы города Сугул-хан, Уросо-хан, Койкан-Кумкент, Сузак, Хундахойр. В Юго-Западном Жетысу это города Талас, Янги-Талас, Янги-Балык, Кенджек, Хутухчин, Берукет (Паргант), Кинчат, Аспара, Баласагун.

В Северо-Восточном Жетысу определены местонахождения городов Ики-огуз (Эквиус), Каялык (Кайлак), «неисторианское селение», Илан-Балык (Или-Балык), Чжи-му-эрр, Урунг-Ардж.

Восстановлен на картах Тянь-Шанский отрезок Великого Шелкового пути, пересекавшего Азию и Европу, который маркируется многочисленными городами, в том числе XIII – первой половины XV вв.

3. Археологические раскопки городищ Южного Казахстана установили, что массивы городской застройки пересекали

магистральные улицы, соединявшие городские ворота. От них отходили внутриквартальные улочки-тупики, вокруг которых группировались дома кварталов.

Пригородная территория была занята постройками ремесленников и земледельцев, отдельными усадьбами, которые имели и использовали жители центральной части Отрара. Все земледельческие поселения были привязаны к каналам. Примером такого расселения является Отрарский оазис, где в XIII-XV вв. на площади около 50 кв. км в четырехугольнике городищ Отрар – Куйрык-тобе – Алтын-тобе – Куик-Мардан отмечена застройка вдоль многочисленных каналов.

Раскопки Отрара позволили получить представление о топографии города, городском жилище, общественных и культовых постройках, фортификации. Необходимо подчеркнуть, что кварталы XIII-XIV вв. не повторяют планировку городских кварталов более раннего времени. Квартал XIII-XIV вв. в центральной части Отрара занимал площадь 1500 кв. м и включал в себя улицу длиной 32 м и шириной 2-2,5 м. Все девять домов квартала выходили на внутриквартальную улицу и небольшой тупичок в северной части квартала. План застройки города полностью изменился: от прежней застройки сохранились лишь магистральные улицы. Рабад Отрара характеризовался, как показывают раскопки, разреженной застройкой. Здесь находились дома и мастерские гончаров, кирпичников, кузнецов.

Во второй половине XIII – первой половине XV вв. появляются новые типы городского жилища. Основой его является однокомнатная постройка.

К первому типу относятся одно-, двух- или трехкомнатные дома с кладовой, расположенные на одной оси, – это дома с линейной планировкой.

Ко второму типу домов относятся жилища, состоящие из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Это крестообразная или четырехчастная схема, когда дом имеет подквадратный план, а кладовые расположены слева и справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром. Вариантов этой схемы несколько. Количество помещений в таком доме может быть четыре, пять или шесть, площадь дома – от 40 до 60 кв. м.

К третьему типу относятся дома, состоящие из двух или более секций. Каждая секция дома состоит из двух-трех помещений, одно из которых обязательно жилое. В таких домах могло быть до 15 помещений, а площадь составляла до 200 кв. м.

В интерьере жилищ по сравнению с предшествующим временем наблюдаются кардинальные изменения. Узкая суфа вдоль стен «Г» или «П»-образной формы уступает место суфе, которая занимает почти все помещение. Небольшая площадка перед тандыром (1,5-2 кв. м), как правило, вымощенная кирпичом, определяет уровень пола. Наличие в центре помещения по краю суфы остатков вмазанной плахи, бревна, кирпичной вымостки или каменной плиты свидетельствует

о том, что кровля опиралась на одну стоящую в центре помещения деревянную колонну. Четырехстолпное перекрытие, распространенное в предшествующее время, исчезает. По-прежнему встречаются прямоугольные, открытого типа очаги с бортиком, но они переносятся с пола на край суфы. В них хранились жаровые угли для тандыра. Сам тандыр ставится на пол и к нему примыкает площадка пола, вымощенная жженым кирпичом. Именно на нее выходит топка тандыра. В середине площадки ниже уровня пола находится сосуд для стока грязной воды. Обычно это перевернутый хум с выбитым дном. Место стока закрывается кирпичом с желобками и сквозным отверстием в центре.

Тандыр берет на себя функции универсального очага. Он служит средством отопления и очагом для приготовления пищи и выпечки хлеба. Совершенствуется система отопления жилых помещений. В тандырах появляются дымоходные отверстия, дым и тепло из них отводятся по дымоходным каналам – «канам», проложенным в суфе и доведенным до стены дома, где они соединялись с вертикальным колодцем, по которому дым выходил через крышу наружу.

Между дымоходами отрарских тандыров и классическими канами есть существенная разница. Каналы первых всегда делались предельно короткими, они в подавляющем большинстве не превышают 1,5-2 м. Первоочередная задача таких дымоходов – вывести наружу дым и быть «греющим элементом», тогда как классические каны городов Золотой Орды, проложенные по периметру помещения, делались для того, чтобы дольше задерживать тепло и обогревать все помещение, в том числе и суфы.

Сельская округа Отрара застраивалась усадьбами, которые включали в свои границы земельный участок и дом на нем. Площадь усадеб – от 0,4-1 га и более. Такой дом центрической планировки исследован в 3 км восточнее Отрара вблизи аула Баялдер. В центре его находился двор, откуда шли проходы в жилые и хозяйственные помещения. В жилых имелись открытые очаги, в стенах – каминь, а также тандыры с дымоходами, проложенными в суфе до ближайшего стыка стен.

Дом многокомнатный имеет дворовую планировку, когда центром является либо двор, закрытый крышей, либо гостиная дома с кровлей.

Такая планировка города, его квартальная застройка, домостроения характерны не только для Отрара, но и для Ясы, Саурана, Кумкента. Это зафиксировано и в исследованных археологами городищах Культобе и Ран на северных склонах Каратау, датированных XVI-XVII вв., но которые, как и Отрар, наследуют планировку XIII-XV вв. [Жолдасбаев, 1975, с. 23-26].

Сауран в XIII в. меняет место дислокации и переносится западнее домонгольского Саурана, известного как городище Каратобе [Байпаков, Смагулов, 2005, с. 81-84; Байпаков, 1999, с. 96]. Дома XVI-XVIII вв. в нем такие же, как и в XIII-XV вв. Меняет местоположение и Янгикент – он переносится к западу и ему соответствует городище Мынтобе.

В городах XIII – первой половины XV вв. в числе общественных построек присутствуют мечети, бани.

В Отраре исследована баня-хаммам XIII – начала XV вв., сохранившая принципы планировки бань XI-XII вв., в том числе и отрарских. Баня крестовидной в плане формы состояла из санитарного помещения, центрального массажного зала, помещения для намаза. Баня имела топку с вмазанным в нее железным котлом, помещением для резервуаров с лечебными настоями. Баня имела канализацию для вывода грязной воды. Такой тип бань сложился в XI-XII вв.

В структуре города, обычно в пригородной части на территории рабада, как это отмечено в Отраре, выделяются кварталы гончаров, мастерские по обжигу кирпича, производству кыра, кузнечные мастерские [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 103-219]. Иногда такие мастерские находились на расстоянии до нескольких километров (2-4), как, например, Мыншункур – селение гончаров. В мастерских жилье совмещается с производственными помещениями. Дома, их планировка, интерьер, строительные материалы аналогичны жилым постройкам центральной части городов. Такие дома изучены в гончарном квартале в Отраре, в селении Мыншункур.

Следует отметить, что в середине XIII – первой половине XV вв. городская культура восстановилась, достигла прежних масштабов. Города Отрар, Сауран, Сыгнак, Джанкент-Барчкент, Дженд, округ Кендже имели монетные дворы.

4. Археологические исследования средневековых городищ Жетысу позволили получить представление о городской топографии, городском жилище, общественных и культовых постройках, фортификации.

В Таласской долине, центром которой был *Тараз*, а затем – в XIII-XV вв. – там функционировали Талас - Янги-Талас и Кенджак, раскопки на городищах, отождествленных с этими центрами, не проводились и пока материалов по топографии и застройке нет. Материалы из масштабных раскопок городища Садыр-курган, к сожалению, не опубликованы.

В Чуйской долине были проведены раскопки на цитадели городища Аспара. Был вскрыт участок у крепостной стены и расчищено несколько домов на уровне нижнего строительного горизонта (XIII-XIV вв.), и два дома по уровню верхнего строительного горизонта (XV-XVI вв.). Дома выстроены из сырцовых кирпичей размерами 40-42 x 25-26 x 8 см, без фундамента.

В верхнем строительном горизонте дома разделялись коридором шириной 2 м. В домах имелись дворики. От очагов зафиксированы только следы.

Видимо, часть многокомнатной постройки в центре цитадели была, скорее всего, казармой.

Большой интерес в аспекте изучения домостроительства в округе городов представляет богатый дом на городище Акчий. Он имеет центрическую планировку. Двор разделен на две части: в одной

находилось восьмигранное ташнау с полом, выложенным жженым кирпичом. Во второй части находилось помещение – айван, открытый в дворик. В жилых помещениях большую часть занимают суфы. В одном из помещений имелся камин. Другая комната была зимней – обогревалась системой канов, идущих вдоль стен и соединенных с печами-тандырами.

Интерьеры помещений украшались панно из резного ганча и штука, многоцветными росписями, монументальными надписями. Световые окна были закрыты ганчевыми решетками.

Каялык является одним из наиболее археологически изученных в Северо-Восточном Жетысу городищ, занимавшим площадь около 80 гектаров, был обнесен стеной, имел укрепленную цитадель, застройку разной плотности, сетку улиц, систему водоснабжения.

Город возник в VIII в., видимо, к этому времени относится северная цитадель, имевшая общую стену с городом. В этой стене находился въезд, который хорошо прослеживается в топографии. Он выходил из города в северный пригород, где располагались буддийский и, видимо, манихейский храмы. Главным был въезд, скорее всего, находившейся в западной части города, где сохранился отрезок стены.

В топографии городища прослеживается цитадель XII-XIII вв. В ней находились богатая усадьба и соборная мечеть. Город имел водопровод, подводивший воду из родника, расположенного у южной подошвы горной гряды. Застройка города была усадебной, дома и участки разделялись ложбинами улиц. Вблизи построек, внутри стен прослеживаются впадины водоемов, соединенные каналами.

Жилище Каялыка монгольского времени отличается от тех домов, которые строили в IX-XIII вв. Это двух-, трех- и многокомнатные дома, стоящие впритык друг к другу, как это было отмечено для «согдийского квартала» X-XII вв. с «П» и «Г»-образными суфами шириной до 0,5 м с напольными очагами в центре и алтарями, украшенными резьбой. Дома отапливались системой канов, проложенной под полом. Дома стояли на участке, окруженном стенами. Площадь их достигала 200-500 кв. м. Здесь имелись водоемы-хаузы.

К XIII – первой половине XIV вв. относится раскопанная на городище «богатая усадьба» с центрической планировкой. В центре ее находилось большое помещение, откуда шли проходы в расположенные вокруг жилые и хозяйственные помещения. Освещение жилых помещений осуществлялось при помощи стеклянных дисков. Отапливалась усадьба при помощи канов – отопительных каналов, проложенных под полом. Стенки канов обложены каменными блоками, внутри имелись деревянные короба, обмазанные глиной. Каны соединялись с печами, из которых дым и жар подводился к помещениям. Теплый пол заменил суфы. В хозяйственных помещениях и во двориках имелись тандыры, в кладовых стояли хумы и тарные кувшины, тагора. При раскопках собрана керамика, в том числе и импортная иранская люстра, китайская керамика и фарфор, сирийское стекло, украшенное цветными эмалями.

Дома усадеб 14 и 20 также характеризуются наличием канов.

Открытая на городище баня-хаммам сооружена из жженого кирпича. Она имеет крестовидный план, центральные массажные помещения, помещения для мытья с ваннами разной величины. Для отопления бани и для приготовления горячей воды использовалась печь с вмазанным в нее котлом. Горячий воздух шел из печи по системе канов – желобов из жженого кирпича, проложенных под полом бани.

Каялык отличается от другого крупного города Илийской долины - Тальхира, отождествленного с городищем Талгар, возникшим в VIII-IX вв. и пережившего период расцвета в XI-XII вв.

Тальхир жил и в начале XIII в., о чем свидетельствует культурный слой на городище, относящийся к этому периоду, но в домах Талгара нет отопления типа канов. Стены домов поставлены на каменные фундаменты. Стены выведены из сырцового кирпича с антисейсмическими поясами из дерева. О том, что Талгар перестал существовать в начале XIII в. свидетельствует факт полного отсутствия монет XIII в. В 25 км западнее Талгара находится город Алматы, город чеканит серебряные чагатаидские дирхемы. В монетной легенде указано место чеканки этих монет – Алматы.

К сожалению, средневековый археологический материал с территории Алматы невелик, поскольку городища, бывшие на территории современного города, разрушены современной застройкой. Поэтому получить представление об Алматы эпохи Чагатаидов невозможно. Разрушено и городище Дунгене – средневековый Икиогуз Махмуда Кашгарского или Эквиус – Гильома де Рубрука. Поэтому приходится сравнивать материалы только Каялыка и Тальхира. Складывается впечатление, что Каялык в XIII-XIV вв. перестраивался. Скорее всего, это произошло после посещения его Гильомом Рубруком в 1253 г., поскольку, описывая храмы города, он ничего не сообщает о соборной мечети. Близкое сходство мечетей Каялыка и Водянского городища на Нижней Волге позволяет предположить, что Каялыкскую мечеть, как и Водянскую, строили крымские мастера, а если согласиться с версией Э. Д. Зиливинской о времени постройки, то возможно, Каялык застраивался также в середине XIII в. после разрушительного пожара.

Тогда же здесь возводятся богатые усадьбы, баня-хаммам и Каялык приобретает типичный облик золотоордынского города не только внешне, но и превращается в центр многоликой жизни этнорелигиозных общин, а это исламское, христианское, буддийское население. Каялык, безусловно, был одним из важнейших центров Монгольской империи и Чагатаидского государства на Великом Шелковом пути. В этом качестве Каялык однозначно можно сопоставить с Крымским городом Солхатом [Крамаровский, 2009, с. 395-431].

Исследования, проведенные в Сарыарке, позволили выявить здесь поселения золотоордынского периода. По своему типу они относятся к ставкам.

Раскопки на поселении Хан-Ордасы вскрыли остатки «большого дома» площадью 300 кв. м. В нем было пять жилых и хозяйственных помещений. В одном из жилых помещений у стен устроена «Г»-образная суфа, расположенная справа от входа.

«Малый дом» находился за мавзолеем Джучи-хана. Раскопки выявили также остатки постройки из сырцового кирпича. Он состоял из трех расположенных в один ряд помещений. В жилом помещении сохранилась суфа, в ней отмечен короткий дымоход-обогреватель. В восточном углу расчищен очаг, заполненный золой, костями животных и фрагментами керамики. Остальные два помещения связаны с первым и друг с другом. При раскопках найдены фрагменты поливной и неполивной керамики, относящейся к XII-XV вв., и два железных наконечника сохи [Байпаков, 2005а, с. 244-245].

Городище Милькудук расположено на юго-восточной окраине одноименногорудника вблизи Жезказгана. Участок, занятый поселением, занимает площадь не менее 10 га. Здесь обнаружены остатки жилых и хозяйственных строений, мастерские и складские помещения.

Археологический материал подтверждает, что средневековый Милькудук и в XIII-XV вв. был крупным ремесленным центром Дешт-и Кыпчака. Здесь существовали мастерские с большим числом плавильных печей. Кроме того, развивались гончарное, железоделательное, каменотесное ремесла.

Исследования были проведены в конце XX – начале XXI вв. на средневековом городище Бузук (Бозок).

По результатам раскопок исследователи пришли к выводу, что Бузук, будучи военной ставкой, возник в VIII-IX вв. и был резиденцией кыпчакского владетеля в X-XIV вв.

Из письменных источников известно, что в средние века в степи формирование города шло вокруг резиденций правителей или культовых мест. В данном случае оба процесса совместились. Древний город оказался и кульгово-мемориальным центром в XIII-XIV вв.

На городище вскрыто несколько жилищ полуземляночного типа. Самое большое состоит из четырех помещений и имеет один вход со стороны озера. Стены наращивались вверх сырцовыми кирпичами. Дом имел плоское перекрытие.

На некрополе XIII-XIV вв. исследованы погребения, совершенные по мусульманскому обряду, с сохранившимися языческими традициями.

5. Во время исследований, проведенных в начале XXI в. вблизи г. Уральска, были обнаружены два средневековых городища по берегам р. Урал, которые располагались почти напротив друг друга.

В Западном Казахстане археологи сосредоточили внимание на раскопках городища на правом берегу у подножия Свистун-горы, в 8 км к югу от города Уральска. Это городище археологи назвали Жайык. Оно не имело искусственных оборонительных сооружений: валов, стен, рвов. Границами ему служили овраги и берег речной протоки. Была

определена площадь городища: приблизительно 7-9 га. При раскопках обнаружили жилые усадьбы.

Обращает внимание близость планировок городского жилища городищ Жайык и Отрара XIII-XIV вв. Из общественных построек, обнаруженных и исследованных на городище Жайык, интересна постройка бани-хаммам с крестовидной планировкой и подпольной системой отопления [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, с. 72-86; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 121-136].

В Жайыке, как и во всех городских центрах, развивались гончарное, стекольное, ювелирное, железоделательное, кирпичеобжигательное ремесла.

Город, скорее всего, был основан у стратегической переправы через р. Урал. И сейчас в районе Меловых гор, которые расположены в трех километрах от городища, на реке Урал находятся два переката: Нижнемеловой и Верхнемеловой.

Рядом с остатками города в 1,5 км восточнее на плоской вершине Свистун-горы был обнаружен городской некрополь.

Велись широкомасштабные раскопки города Сарайчик. Удалось раскопать часть дворцового здания, стоявшего на искусственном возвышении. Дворец имел портал (входную часть), башни по углам окружающих его стен. Вскрыты остатки бань-хаммам [Тасмагамбетов, Самашев, 2001].

К сожалению, отсутствуют описания вскрытой застройки с выделением в ней кварталов и жилищ.

Крупное городище Актобе было обнаружено и обследовано в низовьях Урала. Раскопки на городище Актобе выявили остатки жилищ, отапливаемых системой канов. В помещениях имелись суфы, обогреваемые канами, тандыры. В хозяйственных помещениях обнаружены большие хумы – сосуды для хранения зерна. Керамика, в том числе и поливная, и монеты датируют городище XIII-XIV вв.

На полуострове Мынкыстау известны остатки нескольких средневековых городов, возникших на караванных путях и превратившихся в городские центры.

Одно из них располагается в местности Акмыш недалеко от горы Шеркала. Современное название городища Кызылкала. Раскопки установили, что это остатки крупного торгово-ремесленного города, отождествляемого с городом Мынкышлак. Судя по обломкам керамической посуды, строительство Кызылбалы осуществлялось в период X-XIV вв.

И еще, в результате обобщений и анализа материалов, прежде всего археологических, связанных с изучением динамики урбанизации на территории Казахстана и, конкретно, в период XIII-XV вв., необходимо затронуть проблему феномена казахских жузов – крупных этнотерриториальных объединений племен. Историей жузов, их формированием, временем образования, этнополитической и политической, этнокультурной ролью занимались и занимаются эти

многие исследователи, существует обширная литература. Среди тех, кто изучал и исследует вопросы, связанные с причинами и временем образования жузов, - Ч. Ч. Валиханов, Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, М. Вяткин, А. Х. Маргулан, М. С. Муканов, Т. И. Султанов, К. А. Пищулина. Большинство ученых соглашается с мнением Ч. Ч. Валиханова о начале сложения жузов в эпоху распада Золотой Орды [Валиханов, 1961, с. 45]. Однако, археологические данные по этой проблеме не привлекались. Но они позволяют глубже понять базовые принципы в формировании жузов. Исследователи пока не учитывают, что население Казахстана в древности и средневековье не было только номадами.

Важную роль в культуре населения Казахстана играли оседло-земледельческая и городская составляющие. Сейчас доказано, что Казахстан – это земля и городов, территория, где уже с эпохи бронзы развивались оседлость и урбанизация. В науке поставлена и решается проблема своеобразной степной цивилизации казахов, основой которой является развитие и взаимодействие двух хозяйственных и культурных укладов, кочевого и оседлого населения, синтез степи и города [Козыбаев, 1998, с. 19-25; Байпаков, 1998а, с. 35-42].

Города: Туркестан, Отрар, Сайрам, Шымкент, Джанкент, Каялык, Тальхир, Алматы, Кулан и Тараз на юге Казахстана и в Жетысу; Ордабалык и город на месте городища Бозок в Центральном Казахстане; Сарайчик, Жайык и городище Кызылкала на западе были важными узлами концентрации пассионарности, политики, экономики и культуры в Старшем, Среднем и Младшем жузах. Кроме того, города, находясь на трассах Великого Шелкового пути, были связующим звеном всех регионов Казахстана.

6. Города были центрами ремесла и торговли. В них развивались многочисленные и разнообразные ремесла. Подтверждением являются результаты раскопок квартала или слободы гончаров восточнее центрального бугра, расположенного на берегу канала, выведенного из р. Арысь, а также поселения гончаров Мыншункур, расположенного на правом берегу р. Арысь.

Мастерские гончаров совмещались с жильем, которое по своему устройству не отличалось от городского.

Как известно, основной фигурой эпохи считается мелкий ремесленник – владелец средств производства и сам непосредственный производитель продукции. Несмотря на целый ряд повинности, свободный ремесленник являлся, видимо, центральной фигурой ремесла.

Наряду с мелкотоварным производством сохранилось и натуральное ремесло, которое концентрировалось в казенных мастерских – корхана.

Известно о подневольных ремесленниках золотоордынских городов, причем есть и археологические подтверждения наличия корхана на Царевском городище (Сарай-Берке): раскопками выявлены

богатые аристократические усадьбы и при них землянки подневольных ремесленников.

Отрарские мастерские дают представление об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя – гончара, работавшего в своей мастерской при доме. Наблюдается концентрация ремесла, как в центральной части города, так и в пригороде, где существуют отдельные кварталы гончаров. В расположении гончарных мастерских сохраняется преемственность. Слобода гончаров существует на одном месте со второй половины XIII до середины XV вв.

В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение, что заметно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере домов дорогих строительных материалов, например жженого кирпича. К числу состоятельных относился гончар, мастерская которого расчищена на территории центрального бугра.

Хозяева больших мастерских – сами непосредственные производители – могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих.

Материалы раскопок Отрара дают основание предполагать наличие здесь и товариществ, и цеховых объединений. Уже отмечалось объединение мастерских пригорода второй половины XIII – первой половины XIV вв. в пары. Например, мастерские IV и VI, I и V имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Предполагаемые тупички с навесами могли служить своеобразными общими кладовками. В полной изоляции каждой такой пары мастерских, замкнутости их в массиве аналогичной застройки можно усматривать наличие родственных отношений между мастерами (мастер отец и отделившийся мастер сын) Однако не исключен и корпоративный смысл такой застройки.

Анализ произведенной в мастерских Отрара керамической продукции, главным образом из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, поряду обстоятельств не обожженной, керамики из обжиговых камер, позволяет наметить пути специализации мастеров. Она, по мнению некоторых исследователей, существовала уже в домонгольское время. Это подтверждается выделением специализированных гончарных печей, вниманием ремесленников к только определенным видам изделий и разделением труда внутри крупных мастерских.

На Отраре в мастерской I квартала керамистов 92% всей продукции составляли водоносные кувшины и кумганы. В мастерской II специализировались на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов; в мастерской III – фляги и поливная посуда; в мастерской IV – водоносные кувшины и поливная керамика.

Наблюдается кооперация двух расположенных рядом мастерских IV и VI в производстве посуды. В производственной части последней мастерской, на том месте, где обычно располагалась печь, находилась площадка для активной сушки изделий, использовалась специальная жаровая система. Может быть, здесь осуществлялся промежуточный

процесс производства – сушка изделий и передача полуфабрикатов в мастерскую IV. По этнографическим материалам известно, что существовала группа гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие поливой и восстановительный обжиг производились другими мастерами. В пользу такой специализации мастерской IV свидетельствует и большее, чем в других мастерских, количество необожженных сосудов.

В средневековом городе нет четкой границы между ремесленниками и торговцами, большинство из них сами продают свои изделия прямо из мастерской. В позднее время в Хорезме отмечена частичная продажа товарной продукции на месте и на базаре. Продукция могла реализовываться и через скупщиков – вафуруш. Отсутствие в раскопанных мастерских XIII-XV вв. на рабаде Отрара запасов готовой продукции заставляет предполагать существование расположенного где-то поблизости базара, куда отвозили продукцию на продажу.

Исследовалось также ремесло, связанное с производством стеклянных изделий. Интересные данные получены о златоделии в городах Казахстана. Интересны находки золотых украшений из Отрара, Сайрама, Каялыка, Жайыка.

Сереброделие исследовано по материалам кладов, находок из раскопов. Интересные украшения из серебра содержит Отрарский серебряно-вещевой клад XIII в.

Многочисленны находки бронзовых зеркал, высокохудожественных изделий – это сосуды из бронзы, кувшины, чаши, светильники, украшения.

Характеризуются железодельное и кузнечное ремесло. Впервые исследована мастерская по обогащению криц – заготовок для изготовления кузнечных изделий. В целом, отмечен высокий уровень развития городских ремесел.

7. Разгром городов, опустошение земледельческой полосы и кочевой степи во время монгольских завоеваний отрицательно сказалось на международной торговле по Великому Шелковому пути, межрегиональной торговле, торговле города и округи, города и степи.

Однако торговые связи вскоре восстановились. Торговля по Великому Шелковому пути через территорию Казахстана интенсивно развивалась из Западной Европы: Италии, Франции, через Крым и Польшу, причерноморские степи, через Поволжье, Хорезм и Приаралье, Центральный Казахстан и Жетысу и уходил в Монголию и Китай. По этому пути шли не только торговцы, но и владельцы государств, дипломаты, миссионеры и просто путешественники. При раскопках городов на земле Казахстана найдена китайская, иранская, среднеазиатская керамика, фарфор. О торговых связях свидетельствуют бронзовые зеркала из Китая и Ирана, металлические изделия из Ближнего и Среднего Востока, стекло из Сирии.

Прекрасным образцом международной торговли является денежно-вещевой клад из Отрара, где богатым купцом собраны и ювелирные

изделия, поделки из серебра и монеты из Отрара, Алмалыка, Каракорума, Имиля, Пулада, Ордун-ал-Азама, Дженда, Сиваса, Тебриза. Сложение клада относится к 60-м годам XIII в. Он, скорее всего, составлял сумму дорожных расходов богатого купца.

В XIII-XIV вв. отмечается возросшая межобластная торговля, торговля города и округи, города и степи. Об этом ярко свидетельствуют монетные дворы Великой Монгольской империи, Чагатаидского улуса, Золотой Орды. Они активно работали в Отраре, Сыгнаке, Таразе, Кендже, Барчкенте, Дженде, в Баласагуне, Куз-Орду, Алматы, Каялыке.

Никогда ни до, ни после этого периода на территории Казахстана не было столь большого числа монетных дворов.

Торговые пути содержались в порядке, они обустроивались караван-сараями. Сохранился участок караванного пути между Сарайчиком и Хорезмом, на котором стояло не меньше 15 караван-сараяв с колодцами.

Караван сараи исследованы в Жетысу вблизи Тараза, в Акыртасе, в Чингильдах. Караван- сараи обнаружены на отрезке дороги, отходившей от трассы Великого Шелкового пути от Илийского участка в Сарыарку через Южное Прибалхашье.

Караван-сарай, в том числе и связанные с морской торговлей, найдены и исследованы на Манкыстау. В эпоху Тимура и тимуридов на юге Казахстана и Жетысу ходили серебряные и медные монеты, чеканенные в Самарканде, Бухаре, Балхе, Ташкенте, медную монету выпускал и Отрар.

Интересные сведения для понимания политической и экономической жизни в городах Казахстана дал клад серебряных монет из Сайрама, который датируется XIV – началом XV вв.

8. Эпоха XIII – первой половины XV вв. была временем развития ислама. Об этом свидетельствуют обнаруженные при раскопках городов мечети, ханака, мавзолеи. Выдающимся произведением архитектуры является Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави и сохранившиеся предметы прикладного искусства – это Тай-казан, бронзовые светильники, дверные молотки, навершие знамен.

Наряду с исламом у населения продолжает существовать буддизм, христианство, несторианство, манихейство. Об этом свидетельствуют буддийский и манихейский храмы Каялыка, христианская церковь вблизи Каялыка, кайраки с крестами и сирийскими надписями из Баласагуна, Тарсакента, Илан-Балыка. О манихейском храме (кумирне) Каялыка пишет Гильом де Рубрук.

Находки фигурок барана свидетельствуют о сохранении традиционного культа этого животного, как в древности и раннем средневековье, так и в период урбанизации XIII – первой половины XV вв.

ҚОРЫТЫНДЫ

1. Қазақстан аумағында моңғол шапқыншылығы қиратушылық сипатта болды ма, әлде болмады ма, олар урбанизацияның дамуына әсер етті ме деген сұрақтарға жауап сөзсіз қалаларды, нақтырақ айтсақ, XIII-XV ғғ. бірінші жартысындағы мәдени қабаттарын зерттеу барысында анықталуы мүмкін.

Отырарды ойрандағандығын XIII-XIV ғғ. қыш кірпіштердің сынықтарын кеңінен пайдаланып тұрғызған қабырғалары дәлелдейді. Бұл стратиграфиялық шурфқа жақын жерде орналасқан, бұзылып кеткен құрылыстан алынуы мүмкін [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, 83 б.].

Отырартөбенің орталық бөлігіндегі төменгі горизонтқа жүргізілген 1000 ш.м қазба алаңының XIII ғ. басына жататын V қабатынан анықталған өртенген қабатты Л. Б. Ерзакович 1220 ж. өртпен байланысырады [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, 15 - 19 бб.]. Бұл горизонт XII–XIII ғ. басына жататын теңге кешенімен жақсы мерзімделеді [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, 19 б.].

Сонымен қатар, Джувейнидің жазбасындағы Отырарды қоршауға алғандығы туралы суреттемесіне көңіл аударатын болсақ, бәрі түсінікті, онда қаланы басып алғаннан кейін – «қаланың цитаделі мен қабырғалары жермен-жерсен етілді және моңғолдар кетіп қалды». Бірақ қаланың цитаделі әлі табылған жоқ, оның орналасқан жері Отырартөбеден нақты анықталмады.

Сайрам, Түркістан қалаларының мәдени қабаттарында өрт іздерінің жоқ болуына келсек, онда моңғол-темірлік кезеңге жататын қабат деңгейіне әлі де кең көлемде қазба жүргізілмеуінде деп жауап беруге болады. Көлемі жағынан шағын шурфтар мен қазбалар XIII ғ. басына жататын қиранды іздерді көрсетсе, оның үстіне олар туралы ортағасырлық авторлар еш нәрсе жазбаған болса, онда қалалардың барлығы да қиратылмаған болуы мүмкін.

Солардың бірі Қаратөбе (ежелгі Сауран) қаласында кең көлемде қазба жүргізілсе де, өрт қабаты жоқ, яғни көптеген басқа да қалалар «соғыссыз берілген». Дегенмен, Сауранның жаңа орынға ауысуы моңғол шапқыншылығымен байланысты болмауы да мүмкін. Көріп отырғанымыздай моңғолдарда жаңа қалалардың құрылысымен байланысты осындай саясат болған. Олардың қатарына жаңа Сауран мен Жаңакент–Жанкент (Мыңтөбе қаласын) жатқызуға болады, осындай тәжірибе Қаялық қаласы орталығының солтүстік бөлігінен

оңтүстігіне ауыстырылған жаңа құрылысына да қатысты. Сығанақ қаласынан қиранды қабат әлі анықталмады, дегенмен XIII ғ. жататын қабаты зерттелген жоқ.

Жетісудағы қалалардың моңғолдардың жорықтарымен байланысты өртенген не қираған қабатының болуы мүмкін емес. Астанасы Қаялық болған қарлұқ мемлекеті Моңғол империясының құрамына өз еркімен кірген.

Таразды қала тұрғындары Хорезмшах Мұхаммедтің бұйрығы бойынша тастап кеткен және XIII ғ. өмірінен қалған іздер Е. И. Агеева, Т. Н. Сенигова және М. С. Мершиев салған шурфтарда жоқ. Шамасы, зерттеушілер қаланың осы уақытта қоныстанбаған бөлігіне түскен, не болмаса XIII ғ. Тараз басқа орынға ауыстырылған, бірақ оны қазіргі қала құрылысынан анықтау қиын. Алайда қала, сондай-ақ Жаңа Талас, Жаңа Балық, Кенджек қалалары ретінде өмір сүруін жалғастырған. Әйтсе де, моңғол шапқыншылығы салдары нәтижесінде қалалық өмірдің құлдырағандығын дәлелдейтін осы уақыттың археологиялық мәліметтері аз.

Сондықтан зерттеушілердің XIII-XIV ғғ. ізі қалған Шыңғыс ханның жаулап алушылығы мен оның салдары туралы «бейбіт сипаттағы» қорытындыларын ақтау екіталай.

Жалпы жазбаша деректер мен археологиялық зерттеулерді талдау қорытындыларына келсек, Қазақстан аумағында отырықшы қалалық мәдениеттің ілгері қарай дамуын моңғол шапқыншылығы мен оның салдары тоқтатқан деп есептеуге болады.

2. XIII-XV ғғ. бірінші жартысында өмір сүрген қалаларға жүргізілген зерттеулерді археологиялық материалдар, жазбаша деректер және нумизматикалық мәліметтермен салыстырып қарау Қазақстан аумағындағы XIII-XV ғғ. жататын жалпы барлық қалалардың орналасқан жерін анықтауға мүмкіндік берді. Сонымен қатар қалалардың пайда болуынан бастап, бұл ерте мемлекеттер: Сақ, Үйсін, Динлин, Қаңлы дәуірлері уақытындағы қалалар, көне түркі қағанаттары тұсындағы ерте ортағасырлық қалалар, Мұсылмандық Ренессанс кезіндегі қалалардың үздіксіз сабақтастықта дамығандығы анықталды. Бұл Оңтүстік Қазақстан мен Арал маңы қалалары: Сайрам, Шымкент, Қарасаман, Отырар, Ясы, Қарнак, Қарашық, Сауран, Сығанақ, Ашнас, Баршынкент, Жаңакент (Жанкент), Женд. Қаратаудың солтүстік баурайынан Сарыарқа шекарасына дейін Сұғұл-хан, Ұросо-хан, Қойқан-Құмкент, Созақ, Құндақойыр қалалары баламаланды. Оңтүстік-батыс Жетісуда Талас, Жаңа Талас, Жаңа Балық, Кенджек, Құдықшын, Берукет (Паргант), Кіншат, Аспара, Баласағұн.

Солтүстік-шығыс Жетісудан Екіоғыз (Эквиус), Қаялық (Қайлақ), «несториан қыстағы», Жыланбалық (Ілебалық), Чжи-му-эрт, Урунг-Ардж.

Азиядан Еуропаға өтетін Ұлы Жібек жолының Тянь-Шань бөлігіне көптеген, соның ішінде XIII-XV ғғ. бірінші жартысына жататын қалалар белгіленген картасы қалпына келтірілді.

3. Оңтүстік Қазақстандағы қалаларға жүргізілген археологиялық қазбалардан қалалық құрылысты қала қақпасымен жалғап жатқан орталық көшенің кесіп өтетіндігі анықталды. Одан айналасына үйлер шоғырланған кварталаралық тұйық көшелер кеткен.

Қала түбіндегі аумаққа қолөнершілер мен егіншілер құрылысы, сонымен қатар Отырардың орталық бөлігіндегі тұрғындар иеленген және пайдаланған жекелеген үй-жайлар орналасқан. Барлық егіншілік қоныстар оман арықтармен байланысты болды. Көптеген оман арықтардың бойынан құрылыстары анықталған, XIII-XV ғғ. шамамен 50 ш.км алаңды алып жатқан төртбұрышты Отырар – Құйрықтөбе – Алтынтөбе – Күйікмардан қалаларын қамтыған Отырар аймағы осындай үлгіде жекелеп орналасқан.

Отырардағы қазба жұмыстары қаланың топографиясы, қалалық тұрғын үйлер, қоғамдық және діни құрылыстар, қорғаныс жүйесі туралы түсінік алуға мүмкіндік берді. XIII-XIV ғғ. орамдар біршама ерте уақыттың қалалық орам жоспарын қайталамайтындығын айтып өткен жөн. Отырардың орталық бөлігіндегі XIII-XIV ғғ. орамы 1500 ш.м алаңды алып жатыр және ол жерден ұзындығы 32 м, ені 2-2,5 м көше өтеді. Орамдағы барлық 9 үй кварталаралық көшеге, орамның солтүстік бөлігіндегі шағын тұйыққа шығады. Қала құрылысының жоспары толығымен өзгерді: бұрынғы құрылыстан тек бас көше ғана сақталды. Отырардың рабады қазба жұмыстар көрсеткендей жекелеген құрылыстармен сипатталады. Мұнда үйлер мен көзешілердің, кірпішілердің, ұсталардың шеберханалары орналасқан.

XIII ғ. екінші жартысы – XV ғ. бірінші жартысында қалалық тұрғын үйлердің жаңа түрлері пайда болады. Оның негізінде бір бөлмелі құрылыс жатыр.

Бірінші түріне бір осьте орналасқан, яғни бір сызық бойы жоспарында салынған бір, екі немесе үш бөлмелі қоймасы бар үйлер жатады.

Екінші түріне оське қиылыса орналасқан төрт бөлмеден тұратын тұрғын үй жатады. Бұл крест үлгісіндегі немесе төрт жақты нобайдағы, шаршылы жоспарлы, қоймасы айванның сол не оң жағында, аула немесе тандырлы тұрғын бөлме орналасқан үйлер. Осы үлгідегі нұсқалар бірнеше. Мұндай үйлердегі бөлмелердің саны төрт, бес немесе алты, үйдің жалпы алаңы – 40-тан 60-қа дейінгі ш.м болуы мүмкін.

Үшінші түріне екі немесе одан көп секциялы үйлер жатады. Үйлердің әрбір секциясы екі-үш бөлмеден тұрса, оның біреуі міндетті түрде тұрғын бөлме болады. Мұндай үйлерде 15-ке дейін бөлмелер болса, ал алаңы 200 ш.м-ге дейін құрайды.

Тұрғын үйдің ішкі көрінісін алдыңғы уақыттармен салыстырғанда да түбегейлі өзгерістер байқалады. Қабырға бойындағы «Г» немесе «П»-үлгісіндегі тар сыпа орнына бөлменің барлығын алып жатқан сыпа келеді. Тандыр алдындағы шағын алаңға (1,5-2 ш.м), тәртіп бойынша еден деңгейін анықтайтын кірпіштер төселеді. Сыпа шеті бойынша

бөлменің ортасында сыланған қабық, ағаш, кірпіш төсендісі немесе тас тактаның болуы төбе жабындысын бөлме ортасында тұрған бір ағаш бағана тіреп тұрғандығын дәлелдейді. Алдыңғы уақыттарда кең тараған төрт тіректі жабынды жоғалады. Бұрынғысынша тікбұрышты, ашық түрдегі жиекті ошақ кездескенімен, олар еденнен сыпаның шетіне ауыстырылады. Оларда тандырға пайдаланған өртенген ағаштың қалдықтары сақталған. Тандырдың өзі еденге қойылған және оларға қыш кірпіш төселген еден алаңы жалғасқан. Дәл осыған тандырдың оттығы шығады. Алаңның ортасында, еденнен төмен лас су ағуға арналған ыдыс орналасады. Әдетте бұл төңкерілген, түбі сынған құм болады. Су ағып кетер орын науалы және ортасында тесігі бар кірпішпен жабылады.

Тандыр ошақ ретінде әртүрлі қызметтер атқарған. Оны үйді жылыту мен ас дайындауға және нан пісіруге пайдаланған. Тұрғын үй бөлмелерін жылытудың жүйесі жетілдірілген. Тандырларда түтіндік тесіктері пайда болып, түтін мен жылу сол арқылы сыпаға орналастырылған түтін жүретін канал – «кан» бойынша үй қабырғасындағы тігінен жасалынған құдыққа өтіп, одан ары түтін шатырдың сыртына шыққан.

Отырарлық тандырлардың түтіндігі мен классикалық кандардың арасында айтарлықтай айырмашылықтар бар. Алғашқы каналдар әр уақытта қысқа болып жасалынды, олар көпшілік жағдайда 1,5-2 м аспады. Мұндай түтіндіктердің бірінші кезектегі міндеті – түтінді сыртқа шығару және «қыздыру элементі», олай болса Алтын Орда қалаларындағы бөлмелердің периметрі бойынша салынған классикалық кандары жылуды көбірек ұстап, барлық бөлмені, оның ішінде сыпаны да жылыту үшін жасалынды.

Отырардың шаруашылық аймағына өзінің шекарасына жер телімі мен үйі кірген үй-жайлар салынған. Үй-жайлардың алаңы 0,4-1 га және одан үлкен. Осындай орталықтанған жоспардағы үй Отырардан 3 км шығыстағы Байылдыр ауылына жақын жерден зерттелді. Оның орталығындағы ауладан тұрғын және шаруашылық бөлмелерге өтетін есіктер бар. Тұрғын үй қабырғасында ашық ошақ – алауошақ, сонымен қатар жақын қабырғаға жалғасатын сыпаға түтіндікті тандырлар орналастырылған.

Көп бөлмелі үйлердің аула жоспарында, орталығында не үсті шатырланып жабылған аула не төбе жабындысы ар қонақ үй болады.

Қаланың, оның орамдағы құрылыстарының, үй салу ісінің осылай жоспарлануы тек Отырарға ғана емес, Ясы, Сауран және Құмкентке де тән. Мұны XIII–XV ғғ. Отырардың жоспарлануын қайталаған XVI–XVII ғғ. мерзімделетін Күлтөбе мен Қаратаудың солтүстік баурайындағы Ран қалаларына зерттеу жүргізген кезде де археологтар анықтаған [Жолдасбаев, 1975, 23-26 бб.].

Сауран қаласы XIII ғ. орнын ауыстырып, Қаратөбе қаласы атымен белгілі моңғолдарға дейінгі Сауранның батысына орналасады [Байпаков, Смагулов, 2005, 81-84 бб.; Байпаков, 1999, 96 б.]. Ондағы

XVI-XVIII ғғ. үйлер XIII-XV ғғ. үйлеріне ұқсас. Жанкенттің де орны өзгереді – ол батысқа ауысады, оған Мыңтөбе қаласы сай келеді.

XIII–XV ғғ. бірінші жартысындағы қалалардың қоғамдық құрылыстарының қатарында мешіттер, моншалар болды.

Отырардан XI-XII ғғ. монша жоспары принципін сақтаған, отырарлық XIII-XV ғғ. басындағы монша-хаммам зерттелді. Крест үлгісі жоспарындағы монша санитарлық бөлмелерден, орталық массаж залынан, намаз оқитын бөлмеден тұрады. Моншада темір қазан қойылатын сыланған пеші, емдік тұнбалы сұйыққоймаға арналаған бөлмесі болған. Лас су ағып кететін канализациясы да болған. Моншаның мұндай түрі XI-XII ғғ. қалыптасқан.

Отырардан анықталғандай, қала құрылымынан, әдетте қала маңындағы рабад аумағынан көзешілердің, кірпіш күйдіру бойынша шеберханалардың, қыр өндірісінің, ұстаханалардың орамын байқауға болады [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, 103-219 бб.]. Кейде осындай шеберханалар бірнеше (2-4) километр қашықтықтан табылады, мысалы солардың бірі Мыңшұңқыр – көзешілер ауылы. Шеберханалардың тұрғын үйлері өндірістік бөлмелермен жалғасып жатыр. Үй, оның жоспары, интерьері, құрылыс материалы қаланың орталық бөлігінің тұрғын құрылыстарына ұқсас. Мұндай үйлер Отырардың көзешілер орымынан, Мыңшұңқыр ауылынан зерттелді.

XIII ғ. ортасы – XV ғ. бірінші жартысында қалалық мәдениет қалпына келіп, бұрынғы масштабына жеткенін айтып кеткен жөн. Отырар, Сауран, Сығанақ, Жанкент-Баршынкент, Жезд қалалары, Кендж аймағында теңге сарайлары болды.

4. Жетісудың ортағасырлық қалаларын археологиялық тұрғыдан зерттеу қала топографиясы, қалалық тұрғын үй, қоғамдық және діни құрылыс, қорғаныс жүйесі жөнінде түсінік алуға мүмкіндік берді.

Талас өңірінде, яғни орталығы болған *Тараз*, сосын XIII-XV ғғ. Талас – Жаңа Талас және Кенджек өмір сүрді. Дегенмен осы орталықтармен баламаланатын қалаларға қазба жүргізілмегендіктен, топографиясы бойынша материалдар мен құрылыстар әзірге жоқ. Садырқорған қаласына жүргізілген кең көлемді қазбадан шыққан материалдар өкінішке орай жарияланбады.

Шу өңірінде Аспара қаласы цитаделіне қазба жұмыстары жүргізілді. Қорғаныс қабырғасының кішкене бөлігі ашылып, төменгі құрылыс қабаты деңгейінен (XIII-XIV ғғ.) бірнеше бөлме мен жоғарғы құрылыс қабаты деңгейінен (XV-XIV ғғ.) екі бөлмелі үй тазаланды. Үй өлшемі 40-42 x 25-26 x 8 см қам кірпіштен, іргетассыз қаланған.

Жоғарғы құрылыс қабатындағы үйді ені 2 м дәліз бөліп жатыр. Үйдің ауласы болған. Тек ошақтан қалған іздер анықталды.

Шамасы, цитадельдің ортасындағы көп бөлмелі құрылыс казарма болса керек.

Қала аймағындағы үй салу құрылысын зерттеуде Ақши қаласындағы бай үй үлкен қызығушылық тудырды. Ол орталықтанған жоспарда салынған. Аула екі бөлікке бөлінген: бірінің еденінде қыш кірпіштен қаланған сегіз қырлы ташнау орналасқан. Екінші

бөлігіндегі бөлмеден – айван, ашық шағын аула анықталды. Тұрғын үй бөлмесінің басым бөлігін сыпа алып жатыр. Бөлмелердің бірінде алауошақ бар. Екіншісі қысқа арналған бөлме – тандыр пештен шығып қабырға бойымен жүрген кан жүйесімен жылытылған.

Бөлменің интерьеріндегі панно оймышты ганч және сылақпен, түрлі түсті өрнектермен, монументалды жазбалармен безендірілген. Жарық түсетін терезелері ганчты торлармен жабылған.

Қаялық. Солтүстік-шығыс Жетісудағы археологиялық тұрғыдан біршама зерттелген қалалардың бірі, оның алып жатқан алаңы 80 гектар, қабырғамен қоршалған, бекіністі цитаделі, әртүрлі тығыздықтағы құрылысы, қиылысқан көшелері мен сумен жабдықтау жүйесі бар.

Қала VIII ғ. пайда болған, шамасы, бұл уақыт қаланың ортақ қабырғасы бар солтүстік цитадельге қатысты. Бұл қабырғадан топографиясынан жақсы байқалатын қақпа ашылды. Ол арқылы қаладан солтүстік қала түбіне, яғни буддалық, шамасы, манихейлік храм орналасқан жаққа шыққан. Бас қақпа, негізінен қаланың батыс жағынан, қабырғаның сақталған кішкене бөлігінен табылды.

Қаланың топографиясынан XII-XIII ғғ. цитаделі анық байқалады. Ол жерден бай үй-жай мен алқалы мешіт анықталды. Қалада тау тізбегінің оңтүстік етегінде орналасқан бұлақ суын жеткізетін су құбыры болған. Қаладағы құрылыс үй-жайлардан, үйлер мен телімдерді бөлген көшелерден тұрады. Құрылыстарға жақын, қабырға ішінен оман арықтарға жалғасқан суат шұңқырлары байқалады.

Қаялықтың моңғол уақытындағы тұрғын үйлері IX-XIII ғғ. тұрғызылған үйлерден ерекшеленеді. Бұл екі, үш және көп бөлмеден тұратын үйлер бір-біріне жақын орналасқан, мұндай ортасында, еден үстінде ойылып әшекейленген ошақ және алтар кездесетін «П» және «Г»-үлгісіндегі ені 0,5 м, сыпалары бар құрылыстар X-XII ғғ. «соғды орамдарынан» анықталған. Үйлер еден астына салынған кан жүйесімен жылытылған. Үйлер айнала қабырғамен қоршалған телімде тұрған. Олардың алаңы 200-500 ш.м. жетеді. Онда су қоймасы – әуіз болды.

XIII-XIV ғғ. бірінші жартысы уақытына қаладан қазылып ашылған, орталықтанған жоспардағы «бай үй-жай» жатады. Оның орталығында үлкен бөлме бар, одан айнала орналасқан тұрғын және шаруашылық бөлмелерге есіктер өткен. Тұрғын бөлмелерді жарықтандыру шыны дискілердің көмегімен жүзеге асқан. Үй-жайлар кан – еден астына салынған жылыту каналдары көмегімен жылытылған. Кан қабырғаларына тас блоктар қолданған, ішінде лаймен сыланған ағаш қораптар болған. Кандар түтін мен қызуды бөлмеге жеткізу үшін пештерге жалғасқан. Жылы едендер сыпаны ауыстырған. Шаруашылық бөлмелер мен аула алдында тандырлар болса, қоймада құмдар мен үлкен құмыралар, тегенелер тұрған. Қазба барысында керамикалар, оның ішінде импорттық ирандық аспашам, қытайлық керамика мен фарфор, сириялық шыны, түсті эмальдағы әшекейлер жиналды.

14 және 20 үй-жайдағы үйлер де канның болуымен сипатталады.

Қаладан ашылған монша-хаммам қыш кірпіштен қаланған. Оның крест үлгісіндегі жоспары, орталықтанған массаж бөлмесі, әртүрлі көлемдегі ванналы жуынатын бөлмелері бар. Моншаны жылыту және ыстық суды дайындау үшін қазан қоятын, сыланған пешті пайдаланған. Ыстық ауа кан жүйесі – монша едені астына салынған қыш кірпіштен тұрғызылған науа бойымен пештен келген.

Қаялық Іле өңіріндегі басқа да ірі қала, VIII-IX ғғ. пайда болған және XI–XII ғғ. даму кезеңін басынан өткізген, бүгінде Талғар қаласы орнымен баламаланатын Талхирдан ерекшеленеді.

Талхир XIII ғ. басында өмір сүргенін қаланың мәдени қабаты куәландырғанымен, осы кезге жататын Талғар үйлерінде кан түріндегі жылыту жүйесі жоқ. Үйлердің қабырғасына тас іргетастар қаланған. Қабырғалар ағаштан антисейсмикалық белдеулер қойылып жасалған қам кірпіштерден қаланған. Бұл XIII ғ. басында Талғар өмір сүруін тоқтатқандығын білдірсе, оны XIII ғ. тиындардың жоқтығы дәлелдей түседі. Талғардан 25 км батыста орналасқан Алматы қаласында шағатайлық күміс дирхемдерді басып шығарды. Тиынның түсіндірмесінде тиынның соғылған орны Алматы деп көрсетілген.

Өкінішке орай, Алматы аумағындағы ортағасырлық археологиялық материалдар көп емес, себебі бұрынғы қаланың үстіне қазіргі қаланың құрылысы түскендіктен бұзылып кеткен. Сондықтан Шағатайлықтар уақытындағы Алматы туралы түсінік алу мүмкін емес. Сонымен бірге Дүнгене қаласы – Махмұд Қашғари бойынша ортағасырлық Екіоғыз немесе Гильом де Рубрук бойынша Эквиус бұзылып кеткен. Сол себепті тек Қаялық пен Талхирдың материалдарын ғана салыстыра аламыз. Дегенмен, XIII-XIV ғғ. Қаялықтың қайта салынуы көңіл аудартарлық жағдай. Шамасы, бұл 1253 ж. Гильом Рубрук келіп кеткенен кейін болған, өйткені ол қаладағы храм туралы жазбағанымен, алқалы мешіт жөнінде ештеңе хабарламайды. Қаялық мешітінің Төменгі Еділдегі Водянский мешітіне өте ұқсас келуі Қаялық мешітін Водянский мешіті секілді қырымдық шеберлер салған деп жорамалдауға алып келеді, егер құрылыстың уақыты бойынша Э. Д. Зиливинскаяның болжамына келісетін болсақ, онда Қаялық та XIII ғ. ортасындағы қиратушылыққа ұшыратқан өрттен кейін салынған.

Осы кезде бай үй-жайлар, монша-хаммам тұрғызылып, Қаялықтың тек сыртқы көрінісі алтынордалық қалалардың әдеттегі көркіне еніп қана қоймай, этнодіни қауымның, бұл ислам, христиан, будда ілімін ұстанған халықтардың алуан түрлі өмірі орталығына айналады. Қаялық Моңғол империясы мен Шағатай мемлекетінің Ұлы Жібек жолы бойындағы аса маңызды орталықтарының бірі болғандығы сөзсіз. Осы жағынан алып қарағанда Қаялықты Қырымдық Солхат қаласымен салыстыруға болады [Крамаровский, 2009, 395-431 бб.].

Сарыарқаға жүргізілген зерттеулер бұл жерден алтынордалық кезеңнің қоныстарын анықтауға мүмкіндік берді. Олар өзіндік түрі бойынша ордаға жатады.

Хан ордасы қаласындағы қазба жұмыстары барысында 300 ш.м алаңды алып жатқан «үлкен үй» ашылды. Онда бес тұрғын және шаруашылық бөлмелер болды. Тұрғын бөлмелердің бірінің кіреберісінің оң жағындағы қабырға бойына «Г»-үлгісіндегі сыпа орналасқан.

«Кіші үй» Жошы хан кесенесінің маңынан табылды. Қазба жұмыстары қам кірпіштен тұрғызылған құрылыс қалдықтарын анықтады. Ол бір қатарда орналасқан үш бөлмеден тұрады. Тұрғын бөлмеде қысқа түтіндікті жылытуы бар сыпа сақталған. Шығыс бұрышынан іші күлге, мал сүйектері мен керамика сынықтары толған ошақ тазаланды. Қалған екі бөлме біріншісіне және бір-бірімен байланысты. Қазба жұмыстары кезінде XIII-XV ғғ. жататын сырлы және сырсыз керамиканың сынықтары, сонымен қатар темірден жасалған соқаның екі тісі табылды [Байпаков, 2005, 244-245 бб.].

Милықұдық қаласы Жезқазғанға жақын жердегі осылай аталатын кен орнының оңтүстік-шығыс шетінде орналасқан. Қала 100 га кем емес алаңды алып жатыр. Бұл жерден тұрғын және шаруашылық құрылыстардың, шеберхана мен қойма бөлмелерінің қалдықтары табылды.

Археологиялық материалдар ортағасырлық Милықұдық XIII-XV ғғ. Дешті Қыпшақтағы ірі қолөнер орталығы болғандығын дәлелдейді. Мұнда көптеген балкыту пештері бар шеберханалар өмір сүрген. Одан басқа, көзе, темір жасау, тас өңдеу қолөнері дамыған.

Ортағасырлық Бұзық (Бозок) қаласындағы зерттеулер XX ғ. аяғы – XXI ғ. басында жүргізілді.

Қазба нәтижелері бойынша зерттеушілер Бұзық VIII–IX ғғ. әскери орда ретінде пайда болып, X–XIV ғғ. қыпшақ билеушілерінің резиденциясы болған деген қорытындыға келді.

Жазба деректер бойынша дархан далада орта ғасырларда қалалар пайда болып, айналасында билеушілердің резиденциясы немесе діни орындары болғандығы белгілі. Мұндай жағдайда осы екі үдеріс біріккен. Олай болса, ежелгі қала XIII–XIV ғғ. діни-мемориальдық орталыққа айналған.

Қаладан жертөле түріндегі бірнеше баспана ашылды. Ең үлкені 4 бөлмеден тұрады және көл жағына қараған бір ғана есігі бар. Қабырғалары қам кірпіштен көтерілген. Үйдің тегіс төбежабындысы болған.

XIII–XIV ғғ. қорымынан пұтқа табынушылық дәстүр сақталған мүсылмандық ғұрыпта жерленген жерлеу орны зерттелді.

5. XXI ғ. басында жүргізілген зерттеу жұмыстары кезінде Орал қаласына жақын жерден, Жайық өзенінің жағасынан бір-біріне қарама-қарсы орналасқан екі ортағасырлық қала табылды.

Батыс Қазақстанда археологтар Орал қаласынан 8 км оңтүстіктегі, Ысқырық тауының оң жақ етегіндегі қалаға қазба жұмыстарын жүргізуге көңіл аударды. Бұл қаланы археологтар

Жайық деп атады. Оның қорғаныс құрылысы: жалы, қабырғасы, оры жок. Оның шекарасы ретінде жыралар мен өзен тармағының жағалаулары қызмет еткен. Қаланың алып жатқан алаңы анықталды: шамамен 7-9 га. Қазба жұмыстары барысында тұрғын үй-жайлар ашылды. XIII-XIV ғғ. Жайық пен Отырар қалаларының қалалық баспана жоспарының бір-біріне жақындығы көңіл аудартады. Жайық қаласын зерттеуде ашылған қоғамдық құрылыстардың ішіндегі крест үлгісінде жоспарланған және еден асты жылыту жүйесі бар монша-хаммам өте қызықты [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005, 72-86 бб.; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, 121-136 бб.].

Жайықта барлық қалалық орталықтар секілді көзе, шыны, зергерлік, темір өңдеу, кірпіш күйдіру колөнері дамыды.

Қала, шамасы, Жайық өзенінен өту стратегиясында құрылған. Қазіргі Бор төбесі ауданында, қаладан үш километр жерде, Жайық өзенінде екі өткел бар: Төменгі бор және Жоғарғы бор.

Қала қирандысы орнының маңында, Ысқырық таудың жазық келген төбесінен 1,5 км шығыстан қаланың қорымы табылды.

Сарайшық қаласына кең көлемді қазба жұмыстары жүргізілді. Жасанды төбеде тұрған сарай ғимаратының бір бөлігі қазылып ашылды. Сарайдың қабырғалар қоршаған бұрышында мұнаралары бар қасбеті (кірер бөлігі) болған. Монша-хаммам қалдығы аршылды [Тасмағамбетов, Самашев, 2001]. Өкінішке орай, қаладағы бөлінген орамдар мен баспаналардың ашылған құрылыстарының сипаттамалары жок.

Ақтөбе атты үлкен қала Жайық сағасынан табылып, зерттелді. Ақтөбе қаласындағы қазба жұмыстарынан кан жүйесімен жылытылған баспана қалдықтары анықталды. Бөлмелерде сыпалар, жылыту кандары, тандырлар бар. Шаруашылық бөлмелерінен үлкен құмдар – астық салуға арналған ыдыстар табылды. Керамика, оның ішінде сырлы ыдыстар мен тиындар қаланы XIII–XIV ғғ. мерзімдейді.

Мыңқыстау түбегінен керуен жолдары бойында пайда болып, қалалық орталықтарға айналған бірнеше ортағасырлық қалалардың қалдықтары белгілі болды.

Солардың бірі Шерқала тауына жақын маңдағы Ақмыс жерінде орналасқан. Қаланың қазіргі атауы *Қызылқала*. Қазба жұмыстары Мыңқыстақ қаласымен баламаланатын ірі сауда-қолөнер қаласының қалдықтары екендігін дәлелдеп берді. Қыш ыдыстардың сынықтары бойынша қарайтын болсақ, Қызылқала құрылысы X-XIV ғғ. кезеңінде жүзеге асырылған.

XIII-XV ғғ. кезеңіндегі материалдарды, ең алдымен Қазақстан аумағындағы урбанизация динамикасын зерттеумен байланысты археологиялық деректерді талдау және қорыту нәтижелері казак жүздері феноменін – этноаумақтық тайпалық бірлестіктер мәселесін қозғауға алып келеді. Жүздердің тарихы, олардың қалыптасуы, құрылу уақыты, этносаяси және саяси, этномәдени ролі мәселелерімен көптеген зерттеушілер айналысты және айналысып келеді, ол туралы шыққан әдебиеттер көп. Солардың арасында, жүздердің құрылу уақыты

және себептерімен байланысты мәселелерді зерделеп, зерттегендер: Ш. Ш. Уәлиханов, Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, М. Вяткин, Ә. Х. Марғұлан, М. С. Мұқанов, Т. И. Сұлтанов, К. А. Пишулина. Ғалымдардың басым бөлігі Алтын Орданың ыдырауы дәуірінде жүздер құрыла бастады деген Ш. Ш. Уәлихановтың пікірімен келіседі [Уәлиханов, 1961, 45 б.]. Дегенмен археологиялық мәліметтерде осы мәселеге қатысты ештеңе айтылмайды. Бірақ олар жүздердің қалыптасуындағы негізгі принциптерді тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Зерттеушілер Қазақстанның ежелгі және орта ғасырлардағы халықтары тек ғана көшпенділер болды деп есептемейді.

Қазақстан халықтарының мәдениетінде отырықшы-диданшылықпен айналысатындар мен қалалық тұрғындар маңызды рөл ойнады. Қазақстан – бұл қола дәуірінен бастап отырықшылық пен урбанизация дамыған қалалардың жері, аумағы екендігі бүгінде дәлелденді. Ғылымда шаруашылық пен мәдени салт-дәстүрдің екі түрі, көшпенді және отырықшы халықтардың өзара әрекеттесуі мен дамуы, дала мен қаланың синтезі негіз болған қазақтардың өзіндік далалық өркениеті мәселесі қойылып шешіліп келеді [Қозыбаев, 1998, с. 19-25; Байпаков, 1998б, 35-42 бб.].

Қалалар: Қазақстанның оңтүстігі мен Жетісудағы Түркістан, Отырар, Сайрам, Жанкент, Қаялық, Талхир, Алматы, Құлан мен Тараз; Ордабалық пен Орталық Қазақстандағы Бозоқ орнындағы қиранды қала; Еліміздің батысындағы Сарайшық, Жайық пен Қызылқала Ұлы, Орта және Кіші жүздегі саясат, экономика мен мәдениеттің шоғырлануының маңызды торабы болды. Сонымен қатар, қалалар Қазақстанның барлық аймақтарын байланыстырып тұрған Ұлы Жібек жолы бойында орналасты.

6. Қалалар колөнер мен сауда орталықтары болды. Онда көптеген және әртүрлі колөнер дамыды. Оны орталық төбеден шығысқа қарай, Арыс өзенінен тартылған оман арық жағасына орналасқан орамға немесе қала маңындағы көзешілер ауылына, сонымен қатар Арыс өзенінің оң жағасында орналасқан Мыңшұңқыр көзешілер қонысына жүргізілген қазба жұмыстары дәлелдейді.

Көзешілер шеберханасы өзіндік құрылысы бойынша қалалықтан ерекшеленбейтін баспаналармен жапсарласып салынған.

Белгілі болғандай, осы дәуірдегі негізгі адамдар – колөнершілер, олар өндіріс жабдықтарының иесі және өнімді өндірушінің текелей өзі болып есептелді. Бірқатар міндеттіліктерге қарамастан, ерікті колөнерші колөнердің негізгі адамы болып қала берген.

Ұсақ тауарлы өндіріспен қатар, қазыналық шеберхана – үлкен шеберханаға шоғырланған натуралды колөнер сақталған.

Алтынордалық қалаларда кіріптар колөнершілер болғандығы белгілі, мұны археологиялық тұрғыдан Царевский (Сарай Берке) қаласында үлкен шеберхананың болуы дәлелдейді: қазба жұмыстары кезінде бай аристократиялық үй-жайдан бағынышты колөнершілердің жеркепесі анықталған.

Отырарлық шеберхана өзінің үйі маңындағы шебеханада жұмыс істеген жеке тауарөндіруші – көзешінің өзіндік өндірісі жөнінде түсінік береді. Қолөнердің қаланың орталық бөлігіне де, көзешілердің жеке орамдары өмір сүрген қала маңына да шоғырланғандығы байқалады. Қыш шеберханаларының орналасуында сабақтастық сақталған. Қала маңындағы көзешілер ауылы бір орында XIII ғ. - екінші жартысынан XV ғ. ортасына дейін өмір сүрген.

Қолөнершілер арасында мүлік теңсіздігі байқалады, мұны шеберхананың көлемі, пештердің саны, үйдің интерьеріне қымбат құрылыс материалдарын, мысалы қыш кірпіштерді пайдалану деңгейі бойынша көруге болады. Ал, ауқаттылар қатарына орталық төбеден ашылған шеберхана көзешісін жатқызуға болады.

Үлкен шеберханалардың иесі – өзі тікелей өндіруші ретінде бір немесе бірнеше шәкірт және көмекші жұмысшылар ұстаған.

Отырардағы қазбадан шыққан материалдар мұнда серіктестігі және цех бірлестігі болған деген болжамға негіз береді. Өйткені, XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. бірінші жартысындағы қала маңындағы шеберхана бірлестігі қос болғандығы анықталған еді. Мысалы, IV пен VI, I мен V шеберханаларына бас көшеге қиылысқан тұйық көше ортақ. Жорамалданған бастырмалы тұйық көше өзіндік ортақ қойма ретінде қызмет атқаруы мүмкін. Әрбір осындай қос шеберханалардың толық оқшаулануы, олардың ұқсас құрылыс ғимараттарының тұйықтығын шеберлер арасында туыстық (шебер әкеден шебер ұлдың бөлінуі) қатынас бар деп қарастыруға болады. Бірақ мұндай құрылыста бірлескен мағына бар екенін жоққа шығармаймыз.

Отырар шеберханалары өндірген керамикалық өнімдерге, әсіресе шұңқырға тасталған сынған және ақауы бар керамикаларға, сонымен қатар бірқатар жағдайда күйдірілмей қалған, күйдіру камерасынан алынған керамикаларға талдау жүргізу шеберлер мамандығының жолға қойылғандығын айтып өтуге мүмкіндік береді. Ол бірқатар зерттеушілердің пікірі бойынша моңғолдар уақытына дейін өмір сүрген. Мұны мамандандырылған көзеші пештерінің бөлініп шығуы, қолөнершілердің тек белгілі-бір бұйым түріне көңіл аударуы мен ірі шеберханалар ішінде еңбек бөлінісі дәлелдейді.

Отырардағы көзешілер орамындағы I шеберхананың 92% өнімін су құюға арналған құмыралар мен құмандар құрайды. II шеберхана орташа көлемдегі екі тұтқалы көзелер мен шырақтарды; III шеберхана торсықтар (құтылар) мен сырлы ыдыстарды; IV шеберхан су құюға арналған құмыралар мен сырлы керамикаларды жасаумен мамандандырылған.

Қатар орналасқан екі, яғни IV және VI шеберханалардың ыдыс өндірісінде қауымдастық байқалады. Кейінгі шеберхананың өндірістік бөлігінде әдетте пеш орналасатын жерінде арнайы жылу жүйесін пайдалану арқылы бұйымдарды жылдам кептіретін алаң бар. Мұнда өндірістің екіаралық үдерісі – бұйымды кептіру мен IV шеберханаға жартылай дайындалған өнімді беру жүзеге асырылуы да мүмкін. Этнографиялық материалдар бойынша керамикаларды

сырсыз дайындайтын, нобайлап жұмыс істейтін көзешілер тобы болғандығы белгілі, олай болса әшекей жүргізу, сырмен көмкеру мен қалпына келтіріп күйдіруді басқа шеберлер атқарған. Мұны мамандандырылған басқа шеберханаларға қарағанда күйдірілмеген ыдыстарының саны көп шыққан IV шеберхана дәлелдейді.

Ортағасырлық қалалардағы қолөнершілер мен саудагерлердің арасында нақты белгіленген шекара жоқ, себебі олардың көпшілігі бұйымдарын өздері шеберханадан бірден сатып жіберген. Белгілі болғандай, Хорезмде кейінгі уақыттарда тауар өнімінің біразын сол жерде, біразын базарда сатқан. Өнімдер алып-сатарлар – вафуруш арқылы жүзеге асырылуы мүмкін. Отырар рабадындағы XIII-XV ғғ. жататын шеберханаға жүргізілген қазба жұмыстарынан дайын өнім қорының кездеспеуі өнімді сату үшін жақын маңда орналасқан базарға алып келген деп жорамалдауға мүмкіндік береді.

Сонымен бірге шыны бұйым өндірісімен байланысты қолөнер де зерттелді. Қызықты мәліметтер Қазақстан қалаларының алтын бұйымдарынан алынды. Отырар, Сайрам, Қаялық, Жайық қалаларынан қызықты алтын әшекейлер табылды.

Күміс бұйымдар қазба жұмыстарынан алынған көмбе, табылған зат материалдары бойынша зерттелінді. Күмістен тұратын тамаша әшекейлерді XIII ғ. жататын Отырарлық күміс-заттық көмбе құрайды.

Табылған көптеген заттардың ішінде қола айналар, жоғарғы көркемдік бұйымдар – қоладан жасалған ыдыстар, құмыралар, тостағандар, шырақтар, әшекейлер бар.

Темір ісі мен ұсталық қолөнер де сипатталады. Темір байыту – ұста бұйымдарын даярлауға арналған дайындамалар бойынша шеберхана алғаш рет зерттелді. Жалпы қалалық қолөнер дамуының жоғарғы деңгейде болғандығы анықталды.

7. Моңғол шапқыншылығы уақытындағы қалалардың талқандалуы, егіншілік алқаптар мен көшпенді далалардың босауы Ұлы Жібек жолы бойынша халықаралық саудаға, аймақаралық саудаға, қала мен оның төңірегінің, қала мен даланың саудасына кері әсер етті.

Бірақ сауда байланысы кейінірек қалпына келтіріледі. Ұлы Жібек жолы бойынша Қазақстан аумағы арқылы өтетін сауда Батыс Еуропамен қарқынды дамиды: Италия, Франция, Қырым арқылы және Польша, Қара теңіз жағалауы даласы, Еділ бойы маңы, Хорезм мен Арал маңы, Орталық Қазақстан мен Жетісу арқылы Моңғолия мен Қытайға кеткен. Сондықтан жолмен тек саудагерлер ғана емес, мемлекет билеушілері, дипломаттар, дін таратушылар мен жай саяхатшылар жүрді. Қазақстан жеріндегі қалаларға қазба жұмыстарын жүргізу барысында қытайлық, ирандық, ортаазиялық керамикалар, форфорлар табылды. Сауда байланыстарын Қытай мен Иранда жасалған қола айналар, Таяу және Орта Шығыста жасалған металл бұйымдар, Сирияда жасалған шынылар дәлелдейді.

Отырардан табылған ақша-заттық көмбе халықаралық сауданың жарқын үлгісі бола алады, себебі онда бай көпестің жинаған зергерлі бұйымдары, күмістен жасалған бұйымдар мен Отырар, Алмалық, Қаракорым, Имил, Пулад, Орду-ал-Азим, Женд, Сивас, Тебризде басылған тиындары бар. Көмбенің мерзімі XIII ғ. 60-шы жылдарына жатады. Ол шамасы, бай көпестің жол шығындарының сомасын құраған.

XIII–XIV ғғ. аймақаралық сауданың, қала мен оның төңірегі, қала мен дала арасындағы сауданың өскендігі байқалады. Мұны Ұлы Моңғол империясындағы, Шағатай ұлысындағы, Алтын Ордадағы теңге сарайлар дәлелдей алады. Олар Отырар, Сығанақ, Тараз, Кендж, Баршынкент, Женд, Баласағұн, Күзорда, Алматы мен Қаялықта белсенді жұмыс істеді.

Қазақстан аумағында осы кезеңге дейін де, кейін де осыншама көп теңге сарайлары болған жоқ.

Сауда жолдарының реттестіріліп отыруы керуен сарайлар арқылы жүзеге асырылған. Сарайшық пен Хорезм арасында сақталған керуен жолы бойында 15-тен аса құдығы бар керуен сарай болған.

Керуен сарайлар Жетісудан, Таразға жақын жерден, Ақыртастан, Шеңгелдіден зерттелді. Сонымен қатар керуен сарайлар Ұлы Жібек жолы трассасынан бөлініп кететін Іледен Оңтүстік Балқаш маңы арқылы Сарыарқаға баратын бөлігінен де табылды.

Керуен сарайлар сонымен бірге Маңғыстаудан табылып, зерттелген теңіз саудасымен де байланысты. Ақсақ Темір және оның ұрпақтары дәуірінде Қазақстанның оңтүстігі мен Жетісуда Самарқанд, Бұхара, Балх пен Ташкентте соғылған күміс және мыс теңгелер айналымда жүрсе, Отырар мыс теңгелер шығарды.

Қазақстан қалаларының саяси және экономикалық өмірін түсіну үшін қызықты мәліметтерді Сайрамнан табылған XIV ғ. – XV ғ. басымен мерзімделетін күміс теңге көмбесі берді.

8. XIII–XV ғғ. бірінші жартысы аралығындағы дәуір исламның даму уақыты болды. Мұны қазба жұмыстары барысында қалалардан табылған мешіттер, ханакалар, кесенелер дәлелдейді. Сәулет өнерінің көрнекті туындысы Қожа Ахмед Яссауи кесенесі болып табылады және сақталған қолданбалы өнер заттары – бұл тайқазан, қола шырақ, есік тұтқасы, тудың ұшы.

Ислам дінімен қатар буддизм, христиан, несториан, манихей діндері халық арасында өмір сүре берді. Мұны Қаялықтан табылған будда және манихей храмдары, Қаялыққа жақын маңдағы христиан шіркеуі, Баласағұн, Тарсакент, Жыланбалықтан табылған кресті белгісі мен сириялық жазуы бар қайрақ дәлелдейді. Қаялықтағы манихейлік храм (кумир) жөнінде Гильом де Рубрук жазады.

Қой мүсінінің табылуы ежелгі және ерте орта ғасырлардағы сияқты XIII–XV ғғ. бірінші жартысындағы урбанизация кезеңінде де осы жануарға дәстүрлі культтің сақталғандығын куәландырады.

CONCLUSION

1. Answers to the questions about whether or not Mongol invasion in Kazakhstan devastate on the development of urbanization, undoubtedly, can be identified by the study of settlements, more specifically, the layers of the XIII – first half of the XV century.

Confirmation of destroys of Otrar is a fact of buildings of walls of buildings of the XIII-XIV centuries with the extensive use of fragments of burnt bricks. It could be taken from a location far away from the stratigraphic shaft of the destroyed buildings [Akishev, Baipakov, Erzakovich, 1987, p. 83]

In the central part of the excavation area of Otrartobe at least 1,000 square meters. m. in the subsurface V layer and it is the beginning of the XIII century was marked by a burnt layer that L.B.Erzakovich connected with the fire in 1220 [Akishev, Baipakov, Erzakovich, 1987, p. 15-19]. This complex is dated by the complex of coins of the XII – the beginning of the XIII century [Akishev, Baipakov, Erzakovich, 1987, p. 19].

And also, if we look at the picture of the siege of Otrar described by Juweiny, it becomes clear that after the capture of the town – «the citadel and town walls were razed to the ground and the Mongols withdrew». But the citadel of the town is not found, its location on the territory of Otrartobe is not defined.

What is concerning the lack of layers with traces of fires in Sairam, Turkestan, the answer is simple - there is no large-scale excavations were carried out in terms of layers of the Mongol-Timurid period. In small-sized shafts and excavations stumble on traces of destruction in the layer of the beginning of XIII century, especially if nothing about them medieval authors write, it is simply impossible - not everything in the town were destroyed.

And the town of Karatobe (ancient Sauran) layer is not, in spite of the extensive excavations, as indeed in many other towns, who «surrendered». But Sauran was moved to a new location, possibly not without connection with the Mongol conquests. And such is the policy of the Mongols was seen associated with the construction of new towns. Among them we must include new Sauran and new Yangikent – Dzhanakent (settlement Myntobe). Probably for the same practice associated new development Kayalyk and moving the center of the northern part of the south. Traces of destruction on the mound Sygnak not yet discovered, as layers of the XIII century there have not been investigated.

In Zhetysu on the site traces of fire and destruction associated with the campaign of the Mongols cannot be. Karluk state, whose capital was Kayalyk, became part of the Mongol Empire voluntarily.

Taraz also was abandoned on the orders of citizens Khorezmshah Muhammad and there were no traces of the life of the XIII century in shafts of E.I.Ageeva, T.N.Senigova and M.S.Merschiev. More likely, they were uninhabited at this time, urban areas, or Taraz in the XIII century was replaced to another place and it is difficult to determine because of modern town building. But the town continued to exist, as well as the towns of Yangi-Talas, Yangi-Balyk, and Kendzhek. Archaeological material that time is a small quantity, indicating that the decline of urban life as the result of the effects of the Mongol invasions.

Therefore, the conclusions of researchers about the «peaceful nature» of Chenghis Khan's conquests and their consequences that occurred in XIII-XIV centuries is hardly justified.

And in general, summing up the results of the archaeological analysis of the written sources and archaeological research, it should be assumed that the ongoing development of the sedentary urban culture on the territory of Kazakhstan was interrupted by the Mongol conquests and their consequences.

2. The results of archaeological research settlements that existed in the XIII - the first half of the XV century. A comparison of the archeological material, written sources and numismatic information possible to determine the location of almost all the towns on the territory of Kazakhstan in the XIII-XV centuries. It was also revealed continuity in the development of towns, starting from the time of their occurrence, and it is the era of the early States of Sakaes, Wusuns, Dinlin, Kangyuy early medieval towns, ancient Turkic Khanate Muslim Renaissance era town. They are towns of Southern Kazakhstan and the Aral Sea region: Sairam, Shymkent, Karasaman, Otrar, Yassy, Karnac, Karachuk, Sauran, Sygnak, Ashnas, Barchkent, Yangikent (Dzhankent) and Dzhend. On the northern slopes of the Karatau on the border with the Sary-Arka there were localized the towns Sugul- Khan, Uros-Khan, Koykan-Kumkent, Suzak, Hundahoyr. In South-West Zhetysu is Talas, Yangi-Talas, Yangi-Balyk, Kendzhek, Hutuhchin, Beruket (Pargant), Kinchat, Aspasa and Balasagun.

In the North-Eastern towns of Zhetysu locate Iki-Oguz (Ekvius), Kayalyk (Kailak), «Nestorian village» Ilan-Balyk (Ili-Balyk), Chzhi-mu-err, Urung-Ardzh.

It was restored on maps the Tien-Shan section of the Great Silk Road, which crosses Asia and Europe, which is marked by numerous towns, including the XIII – the first half of the XV century.

3. Archaeological excavations of the settlements of South Kazakhstan defined that areas of urban development dissected main street connecting the town gates. They are pulling back inter block streets, dead ends, which are grouped around the house blocks.

Suburban area was occupied by the buildings of artisans and farmers, private estates, which had used the residents and the central part of Otrar. All agricultural settlements were attached to the channels. The example of such settlement is Otrar oasis where in XIII-XV centuries on the area of about 50 square meter quadrangle of Otrar – Kuiryk-tobe – Altyn-tobe – Quick-Mardan there were marked buildings along the numerous channels.

The excavations of Otrar allowed to get an idea of the topography of the town, urban housing, public and religious buildings, fortifications. It must be emphasized that blocks of the XIII-XIV centuries do not repeat the layout of town blocks of the earlier time. Quarter of the XIII-XIV centuries in the central part of Otrar occupied an area 1500 sq. m and included the street of 32 m and a width of 2-2,5 m. All 9 houses of the block were going to the inner block street and a small alley in the northern part of the quarter. The development plan of the town has changed completely: from the old buildings remained only main street. Rabad Otrar was characterized, as shown by excavations, thin construction. There are houses and workshops of potters, brick makers and blacksmiths.

In the second half of the XIII – the first half of the XV century appeared the new types of urban dwellings. The basis of it was one-room building.

The first type includes one, two or three bedroom house with pantry, located on the same axis – a house with a linear layout.

The second type of dwelling houses was composed of four spaces located on intersecting axes. This cross-shaped four-part scheme or when the house is podkvadratny plan and storerooms are located on the left and right of the quince, yard or living room with tandyr. There were several variants of this scheme. The number of rooms in a house can be four, five or six area of the house – from 40 to 60 square meters.

The third type includes house consisting of two or more sections. Each section of the house consists of two or three rooms, one of which necessary living. In such houses could be up to 15 rooms, and the area up to 200 square meters.

In the interior of the housing from the previous time, there are observed the cardinal changes. Narrow sufa along the walls of «L» or «U»-shaped gives way to sufa, which occupies almost the entire room. A small area in front of tandyr (1,5-2 sq. m), usually paved with brick, determines the level of the floor. The presence in the center of the room on the edge of the scaffold plastered sufa residues, logs, brick or flagstone pavement indicates that the roof is supported by one standing in the middle of the room wooden column. Four column overlap, common in previous time disappears. As before, there are rectangular, open-type pockets with edge, but they are transferred from the floor to the edge of sufa. There were stored heat carbons for tandyr. Tandyр itself was put on the floor and it is adjacent to the playground floor paved with baked bricks. That it leaves the furnace tandyr. In the middle of the area below the floor level is a vessel to drain the dirty water. This is usually an inverted hum with embossed bottom. Place of flow is closed by bricks with grooves and the through hole in the center.

Tandyr takes over the functions of the universal fire. It serves as a means of heating and hearth for cooking and baking bread. The system for residential heating was being improved. In tandyr appeared chimney hole, smoke and heat are discharged by the chimney channels – «kans» laid in sufa and brought to the walls of the house.

Between Otrar tandyr chimneys and classical kans are a significant difference. First channel always made very short, they are the vast majority not exceeding 1,5-2 m. The primary task of chimney – the smoke output, and be «the heating element», while classic kan towns of the Golden Horde, laid along the perimeter of the room, made to longer and trap heat to heat the whole room including sufa.

The village district of Otrar was built by farmsteads which included their borders land and the house on it. Area of farmsteads was 0,4-1 ha and more. This home centric plan studied in 3 km east of the village near Otrar Bayalder. At its center is the courtyard, where the passages were in residential and business premises. The apartment had the open pockets in the walls – fireplaces and chimneys with tandyr laid in sufa to the nearest junction walls.

The house has a multi room yard layout where the center is a courtyard, indoor roof or living at home with a roof.

Such planning of the town, its block construction, housing is not specific to Otrar, but also for the Yassy, Sauran and Kumkent. This is recorded in the sites studied by archaeologists Kultobe and Run on the northern slopes of the Karatau, dated by the XVI-XVII centuries, but which, like Otrar inherit layout of the XIII-XV centuries [Zholdasbaev, 1975, p. 23-26].

Sauran in the XIII century changed the place of location and transferred to the west of the pre-Mongol Sauran known as the town of Karatobe [Baipakov, Smagulov, 1999, p. 96]. House of the XVI-XVIII centuries was the same as in the XIII-XV cc. Yangikent changed the location – it was transferred to the west, and it corresponds to the settlement Myntobe.

In the towns of the XIII – the first half of the XV century including public buildings there are mosques, baths.

In Otrar there was investigated sauna-hammam in the XIII – early XV century and maintained the in plan consisted of sanitary facilities, central massage room, the room for prayer. Bath had a furnace in it plastered iron boiler room for tanks with medicinal infusions. Bath had sewers to bring dirty water. This type of baths was formed in the XI-XII centuries.

In the structure of town, usually in a suburban part of the territory of rabad, as it is observed in Otrar, there are defined blocks of potter workshops on fired brick production kyr, blacksmith workshops [Akishev, Baipakov, Erzakovich, 1987, p. 103-219]. Sometimes these workshops are at a distance of a few kilometers (2-4), such as Mynshunkur – a village of potters. In the workshops dwelling is combined with production facilities. Houses, their planning, interior design, building materials were similar to the residential buildings of the town center. Such houses are studied in the pottery block in Otrar, in the village of Mynshunkur.

It should be noted that in the middle of the XIII – the first half of the XV century urban culture was restored, reached the previous scale. Towns Otrar Sauran, Sygnak, Dzhankent-Barchkent, Dzhend, district Kendzhe had their mints.

4. Archaeological researches of medieval settlements Zhetysu allowed to get a glimpse of the town topography, urban housing, public and religious buildings, fortifications.

In Talas Valley, the center of which was a Taraz, and then in the XIII-XV centuries there functioned Talas – Yangi-Talas and Kendzhak, excavations at the sites identified with these centers were not carried out until there is no material on the topography and building. Materials of a large-scale excavation of the ancient Sadyr-burial, unfortunately, have not been published.

In Chu valley there were carried out excavations at the citadel of Aspara site. Was opened at the site of the fortress wall and cleared a few houses at the lower horizon of the construction (XIII-XIV centuries) and two houses on the upper level (XV-XVI centuries.). Houses were built of adobe bricks measuring 40-42x25-26x8 cm, without foundation.

In the upper construction horizon the houses were separated by a corridor width of 2 m. The houses had courtyards. From fire place there were remained only the traces.

Apparently, part of the multi-buildings in the center of the citadel was likely to barracks.

Great interest in the aspect of study of house building is a rich house on the site Akchiy. It has a centric plan. The house is divided into two parts: one was octagonal tashnau with tiled burnt bricks. The second part was a room – quince, opened in patio. In the most of the residential areas there were sufas. One room had a fireplace. Another room was winter – Heated system cans, walking along the walls and connected to the tandyr-ovens.

The interiors of premises were decorated with panels of carved and ganch piece, multicolored paintings, monumental inscriptions. Light windows were closed ganch bars.

Kayalyk is one of the archaeologically studied sites in the North-East Zhetysu, which occupied the area of approximately 80 hectares, was surrounded by a wall, had a fortified citadel, construction of different densities, a grid of streets, water supply system.

The town was founded in the VIII century, probably by this time is referred the northern citadel, which had a common wall with the town. This wall was the entry which is clearly seen in the topography. He left the town in a northern suburb that housed a Buddhist and apparently Manichaean temples. The main entrance was most likely located in the western part of town, where preserved section of the wall.

In the topography of the settlement can be traced the citadel of the XII-XIII centuries. There was rich farmstead and the Cathedral Mosque. The town had running water, supply water from a spring located at the foot of the mountain range south. Buildings of town was farmstead shaped,

houses and land were divided by hollows of streets. Near the buildings inside the walls can be traced trough ponds connected with channels.

Kayalyk dwelling of the Mongolian time differs from the houses that were built in the IX-XIII centuries. It's two, three and multi-room houses, standing right next to each other, as it was marked for «Sogdian quarter» of the X-XII centuries with «П» and «Г»-shaped the sofas widths up to 0,5 m with outdoor centers in the center and altars decorated with carving. Homes heated system of kans lay under the floor. Houses in the area were surrounded by walls. Their area reached 200-500 sq. m. There were pools houses.

By the XIII – the first half of the XIV century is referred the excavated on the site «rich farmstead» with a centric plan. In its center there was a large room, where were located around the passages in the residential and business premises. Illumination of premises was carried out by means of glass disks. Premises were heated by kans-heating channels laid under the floor. Walls of kans were lined with stone blocks, were inside a wooden box, covered with clay. Kan was joined with furnaces from which the smoke and heat were supplied to the premises. Warm floor replaced sufas. The utility rooms and in the yard were the tandyr, in the storerooms were hums and tare pitchers tagora. During the excavation of collected ceramics, including Iran imported chandelier, Chinese ceramics and porcelain, the Syrian glass, decorated with colored enamels.

Houses of farmsteads 14 and 20 are also characterized by the presence of kans.

Opened on the site sauna-steam bath was built of baked bricks. It has a cross-shaped plan, the central massage rooms, washing facilities with baths of different sizes. For heating baths and hot water used in the oven plastered cauldron. Hot air came out of the oven system of kans – troughs of brick, laid under the floor of the bath.

Kayalyk is different from other large town of Ili Valley identified with Talgar town, which appeared in the VIII-IX centuries. And it experienced a period of prosperity in the XI-XII centuries.

Talkhir existed at the beginning of the XIII century, as evidenced by the cultural layer on the mound, referring to this period, but in the houses of Talgar there were no heating system of kans. The walls are set on a stone foundation. The walls are derived from mud bricks with anti-seismic belts made of wood. That Talgar ceased to exist at the beginning of the XIII century highlighted by the complete absence of coins of the XIII century. 25 km to the west of Talgar is the town of Almaty, the town which minted silver Chagataidian dirkhems. The legend indicates the place the coin minting these coins – Almaty.

Unfortunately, a medieval archaeological material from the territory of Almaty is small as the settlements, on the territory of the modern town are destroyed by modern buildings. Therefore, to get an idea of the Almaty of the Chagatai time is impossible it was destroyed also the settlement Dungene – medieval Iki-Oguz of Mahmud Kashgary or Ekvius of Gilliom

Rubruck. Therefore it is necessary to compare materials of only Kayalyk and Talkhir. It seems that Kayalyk in the XIII-XIV centuries had been rebuilt. Most likely it happened after visit of Gilliom Rubruk we have already mentioned in 1253 as describing the temples of the town, he says nothing about the grand mosque. The close similarity of mosques Kayalyk and Vodyanskoe site in the Lower Volga suggests that Kayalyk Mosque as Vodyansk was built by the Crimean masters, and if we accept the version of E.D.Zilivinskaya on the time of construction, it is possible that Kayalyk was built in the middle of the XIII century after the devastating fire.

Then there were built rich farmsteads, sauna-hammam and Kayalyk acquires the typical image of the Golden town, not only externally but it also became the center of life of diverse of ethnic and religious communities, and it is an Islamic, Christian, Buddhist population. Kayalyk was certainly one of the most important centers of the Mongol Empire and Chagatai state on the Great Silk Road. By this form Kayalyk uniquely can be compared with the Crimean town Solkhat [Kramarovsky, 2009, p. 395-431].

Investigations which were carried out in Sary-Arka, revealed there the settlements of the Golden Horde period. According to their type they are referred to the headquarters.

Excavations on the settlement of Khan-Ordasy revealed the remains of the «big house» in square 300 square meters. m. It five residential and business premises. In one of the walls of dwellings arranged L-shaped Sufa to the right of the entrance.

«Small House» was at the mausoleum of Dzhuchi Khan. Excavations revealed the remains of construction made of raw bricks. It consisted of three arranged in a row spaces. In the living room there was remained sufa, it marked a short-heater flue. In the eastern corner there was a fire place filled with ash, animal bones and fragments of pottery. The other two rooms are connected with the first and with each other. During excavation there were found fragments of ceramic glazed and unglazed, relating to the XIII-XV centuries and two iron plow tip [Baipakov, 2005, p. 244-245].

Milykuduk site is located on the south eastern edge of the eponymous mine near Dzhezkazgan. The site which was occupied by the settlement covered the area of at least 10 hectares. There were found the remains of residential and household buildings, workshops and storages.

Archaeological material confirms that the medieval Milykuduk in XIII-XV centuries was a major craft center of Dasht-i Kypchak. There existed a large number of workshops with the smelt ovens. Moreover there were developed pottery, ironworks, and stone processing craft.

Investigations were carried out at the end of XX – beginning of XXI century in the medieval site Buzuk (Bozok).

By the results of excavations the researchers came to the conclusion that Buzuk, as military headquarter, appeared in the VIII-IX centuries. And it was the residence of the Kypchak ruler in the X-XIV centuries.

From the written sources it is known that in the Middle Ages in the steppe formation of town went around the town residence of the rulers, or

places of worship. In this case, both processes were combined. The ancient town was also cult-memorial center in XIII-XIV centuries.

On the site there were excavated several dwellings of semi earthen type. The largest member of the space 4 and has one input from the lake. The walls were increased up adobe bricks. The house had a flat ceiling.

In the necropolis of XIII-XIV centuries there were investigated the burial, made by the Moslem rite, with the surviving pagan traditions.

5. During the research conducted at the beginning of the XXI century near Uralsk, it was found two medieval fortresses on the banks of the river Ural, which were located almost opposite each other.

In Western Kazakhstan archaeologists have focused on the excavation of the ancient town on the right bank at the foot of Whistler Mountain, 8 km south of the town of Uralsk. This settlement, archaeologists have named Zhaiyk. It did not have artificial defensive structures: trees, walls and ditches. The boundaries of it were ravines and river shore ducts. It was defined area of the town: about 7-9 hectares. The excavations have found residential farmsteads.

The attractive is the proximity of the urban planning and housing settlements Zhaiyk and Otrar XIII-XIV centuries. Among the public buildings discovered and investigated on the site Zhaiyk interesting are building of bath-hammam with cross-shaped layout of the underground heating system [Baipakov, Smagulov, Akhatov, 2005, p. 72-86; Akishev, Baipakov, Erzakovich, 1982, p. 121-136].

In Zhaiyk as in all urban centers there were developed pottery, glass handicraft, jewelry, ironworks, and brick burn craft.

The town is likely was founded at a strategic crossing of the River Ural. And now, in the area of Cretaceous hills which are located three kilometers from the ancient town on the Ural River are two crosses: Lower Melovoy and Upper Melovoy.

Near the remains of the town in 1,5 km to the east on the flat top of Swistun Mountain there was discovered town necropolis.

There were conducted the extensive excavations of the Saraichik town. It was possible to excavate part of the palace buildings, standing on an artificial elevation. The palace had a portal (the front part), towers in the corners of the surrounding wall. There were revealed the remains of bath-hammam [Tasmagambetov, Samashev, 2001].

Unfortunately, there are no descriptions of the opened with the release of building blocks, and its houses.

The large site Aktobe was found and examined in the lower reaches of the River Ural. Excavations in the ancient town of Aktobe revealed the remains of dwellings heated by the system cans. The room had sufa, heated kans, tandyr. The business premises were found large hums – containers for storing grain. Ceramics, including irrigation and coins dated fort XIII-XIV centuries.

On the peninsula Mynkystau there are known the remains of several medieval towns that have arisen on the caravan routes and turned into urban centers.

One of them is located in the area Akmish near Mount Sherkala. The modern name of the ancient town Kyzylkala. Excavations have established that it is the remains of a large trade and handicraft town, which is identified with the town Mynkyshlak. Judging by the fragments of pottery and construction Kyzylkaly carried out during the X-XIV centuries.

Also in the compilation and analysis of materials, particularly archaeological, related to the study of the dynamics of urbanization on the territory of Kazakhstan, and, particularly, during the XIII-XV centuries. It is necessary to address the problem of the phenomenon of Kazakh zhuzes – major ethno-territorial organizations tribes. History zhuzes their formation, course of education, ethno-political and political, ethnic and cultural roles have been engaged in many of these researchers, there is an extensive literature. Among those who studied and explore issues related to the causes and course of education zhuzes are Ch. Ch. Valikhanov, N. A. Aristov, V. V. Bartold, M. Vyatkin, A. Kh. Margulan, M. S. Mukanov, T. I. Sultanov, and K. A. Pischulina. The majority of scientists agreed with the opinion of Ch.Ch.Valikhanov on the beginning of forming of zhuzes in the era of the collapse of the Golden Horde [Valikhanov, 1961, t. 1, c. 45]. However, archaeological evidence on this issue was not involved. But they allow a deeper understanding of the basic principles in the formation of zhuzes. Researchers have not yet taken into account that the population of Kazakhstan in ancient and medieval times was not only nomads.

The important role in the culture of the population of Kazakhstan played settled agricultural and urban constituents. Now it is proved that Kazakhstan – is the land towns, an area where since the Bronze Age evolved sedentary and urbanization. In science, it posed and solved a problem of the specific Kazakh steppe civilization, which is the basis for development and cooperation between the two economic and cultural structures, nomadic and sedentary populations, the synthesis of the steppes and towns [Kozybaev, 1998, c. 19-25; Baipakov, 1998, c. 35-42].

Towns: Turkestan, Otrar, Sairam, Shymkent, Dzhankent, Kayalyk, Talkhir, Almaty, Kulan and Taraz in southern Kazakhstan and Zhetysu; Ordabalyk and the town on the site of ancient settlement Bozok in Central Kazakhstan; Saraichik, Zhaiyk and settlement Kyzylkala in the West were important points of concentration of passionarity, politics, economy and culture in the Senior, Middle and Junior zhuzes. In addition, the towns being on the Great Silk Road were the link of all regions of Kazakhstan.

6. The towns were centers of handicrafts and trade. They have developed numerous and various crafts. It is proved by the results of excavations and settlement of potters quarter to the east of the central hill, located on the banks of the channel output from the River Arys and settlement of potters Mynshunkur located on the right bank of the River Arys.

Potters' workshops were combined with the housing, which in structure is not different from the town one.

As it is known, the main figure of the era is considered to be a fine craftsman – the owner of the means of production and the direct producer

himself products. Despite a number of duties, free craftsman was probably the central figure of the craft.

In addition to small-scale production there was preserved natural craft, which was concentrated in the state-owned workshops – korkhana.

It is known about the forced handicraftsmen of Golden Horde towns, and there is archaeological evidence of having korkhana on the Tsarevsky site (Saray-Berke): excavations revealed rich aristocratic farmsteads and their earthen houses of forced handicraftsmen.

Otrar workshops give an idea about the individual production of independent producers – a potter who worked in his studio at home. There is a concentration of craft, both in the central part of the town and in the suburbs, where there are separate blocks of potters. The location is saved potteries continuity. Village of potters existed there in one place from the second half of XIII century to the middle of the XV century.

Among handicraftsmen there was observed property stratification, which is seen by the size of workshops, the number of furnaces, and reliance on expensive houses in the interior of the building materials such as baked bricks. Among the wealthy regarded potter workshop which cleared the territory of the central hill.

The owners of large workshops – direct producers themselves may have one or more students and workers.

Excavation materials of Otrar give reason to assume the presence here and associations, and craft associations. We have already noted the union workshops suburb second half XIII – first half of the XIV century into the pair. For example, workshops of the IV and VI, I and V had common alley through which communicates with the main streets. Estimated alley with canopies can serve as a kind of common pantry. The complete isolation of each such pair of workshops, their isolation in the array may be of similar construction to perceive the existence of relationship between masters (master and father separated the master's son) but it is possible, and a sense of corporate development.

The analysis made in the workshops of Otrar ceramic products, mainly from the pits filled with marriage and fight, as well as ceramics, for various reasons are not baked, pottery from the baking chamber allows planning ways of specialization masters. It is, according to some researchers, there was already in the pre-Mongol period. This is confirmed by the release of specialized kilns, artisan attention to only certain types of products and the division of labor within the main workshops.

On Otrar in the workshop I of the quarter of ceramists 92% of all products were water-bearing jugs and kumgans. In the workshop of the II they specialized in the production of two-handed medium-sized pots and chirags; in the workshop III - glazed jars and dishes; workshop IV –water carrying jugs and glazed ceramics.

There was observed cooperation between the two adjacent workshops IV and VI in the production of cookware. In the production of the last workshop, the place where the oven is usually located, was a platform for

the active drying products, used a special braziers system. Maybe here it was carried out in between the production process – drying and distribution of semi-finished products to the workshop IV. In ethnographic materials known that there was a group of potters working in draft, manufactures ceramics without glaze, while painting, coating and glaze firing reduction made by other artists. In favor of such special character of workshop IV is shown more than in other workshops the number of not burnt vessels.

In the medieval town there is no clear border between artisans and traders, most of them also sell their products directly from the workshop. In later time in Khorezm awarded partial sale of commodity products on the site and on the market. Products could be realized through the buyers – vafurush. The absence of rabad in the excavated workshops of the XIII-XV century in Otrar of the stocks of finished goods suggests the existence located somewhere near the bazaar, where transported goods for sale.

Also there was studied the handicraft associated with the production of glass products. Interesting data were obtained on the gold handicraft in the towns of Kazakhstan. Interesting are findings of gold jewelry from Otrar, Sairam, Kayalyk, Zhaiyk.

Silver handicraft was investigated by the materials of treasures, findings from excavations. Interesting silver jewelry is in Otrar silver treasure of the XIII century.

The numerous are findings of bronze mirrors, highly artistic products – they are bronze vessels, jugs, bowls, lamps, jewelry.

There are characterized ironworks and blacksmithing. The first time was investigated the workshop on the enriching of bloom – blanks for the manufacture of forging products. In general there was marked the high level of development of urban crafts.

7. The defeat of the town, the devastation of agricultural and nomadic steppe strip during the Mongol invasions had a negative impact on international trade along the Silk Road, interregional trade, trade towns and counties, towns and steppes.

However, trade relations were restored soon. Trade along the Silk Road through Kazakhstan developed rapidly in the Western Europe: Italy, France, through the Crimea and Poland, the Black Sea steppes, across the Volga, Khorezm and the Aral Sea region, Central Kazakhstan and Zhetysu and went to Mongolia and China. In this way were not only traders, but also of rulers, diplomats, missionaries and just travelers. During the excavation of the towns in the land of Kazakhstan found the Chinese, Iranian, Central Asian ceramics, porcelain. On trade relations testify bronze mirrors from China and Iran, metal products from the Middle East, the glass from Syria.

The excellent example of international trade is the monetary-utensil treasure from Otrar, where a wealthy merchant and collected jewelry, articles made of silver and coins of Otrar, Almalyk, Karakorum, Imil, Pulad, Ordu-al-Azam, Dzhend, Sivas and Tebriz. Forming of the treasure belongs to the 60-th year of the XIII century. It was likely to be the sum of the travel expenses of a rich merchant.

In the XIII-XIV centuries there was marked the increased interregional trade, trade in the town and county, town and steppes. This is clearly evidenced by the mints of the Great Mongol Empire, Chagatai ulus of the Golden Horde. They were active in Otrar, Sygnak, Taraz, Kendzhde, Barchkent, Dzhend, Balasagun, Kuz-Orda, Almaty, and Kayalyk.

Never before or after this period on the territory of Kazakhstan there was noted such a large number of mints.

Trade routes were contained in the order they were equipped caravan-sarays. Preserved section of the caravan route between Saraichik and Khorezm, which stood at least 15 caravan-saray with wells.

Caravan-sarays were investigated in Zhetysu near Taraz, in Akyrtas, in Chingildy. Caravan-sarays were found on the section of road going from the route of the Silk Road from the Ili area in Saryarka through Southern Balkhash.

Caravan-sarays, including those related to marin trade were found and tested on Mankystau. In the epoch of Timur and Timurid in Southern Kazakhstan and Zhetysu there were circulated silver and copper coins, minted in Samarkand, Bukhara, Balkh, and Tashkent, copper coins were issued in Otrar too.

Interesting information for the understanding of the political and economic life in the towns of Kazakhstan gave the treasure of silver coins from the Sairam, which are dated by the XIV – early XV century.

8. The epoch of the XIII – the first half of the XV century was the time of development of Islam. This is evidenced by the mosque, khanaka, mausoleums found during excavations of towns. The prominent monument of architecture is the Mausoleum of Khodja Akhmed Yassawi and remained articles of applied art such as cauldron Toi-kazan, bronze lamps, door knockers, pommel banners.

Together with Islam among the population continues to existed Buddhism, Christianity, Nestorians, and Manichaeism. This is evidenced by the Buddhist and Manichaeen temples of Kayalyk Christian church near Kayalyk, kairak with crosses and Syrian inscriptions from Balasagun, Tarsakenta, Ilan-Balyk. About the Manichaeen temple (idol place) Kayalyk writes William Rubruck.

Findings of ram figures are the evidences of the preservation of the traditional cult of this animal, both in antiquity and the early Middle Ages and in the period of urbanization XIII – first half of the XV century.

ЛИТЕРАТУРА

- Абу Али ибн Сина (Авиценна).** Канон врачебной науки. Ташкент: Изд-во АО УзССР, 1954. Кн. 1. 360 с.
- Агаджанов С.Г.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.
- Агеева Е.И.** Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т.14. С. 166-215.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.** Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. С. 3-215.
- Аджигалиев С.Е.** Абат-Байтак - выдающийся комплекс памятников народного зодчества // Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1983. №2.
- Аджигалиев С.Е., Турганбаева Л.Р.** Абат-Байтак - жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004. 32 с.
- Акишев А.К.** «Сиюйцзи» – «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Туған өлке – родной край. Историко-краеведческий журнал. 2008. №1-2 (10-11). С. 22-28.
- Акишев К.А.** Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1983. 264 с.: ил.
- Акишев К.А.** Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). Алматы, 2013. 192 с.
- Акишев А.К., Байпаков К.М.** Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // СА. 1981. №4. С. 229-237.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. Алма-Ата: Наука, 1972. 215 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). Алма-Ата: Наука, 1981. 341 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVI вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 121-136.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
- Акишев К.А., Хабдулина М.К.** Древности Астаны: городище Бозок. Астана: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2011. 260 с.
- Акылбек С.Ш.** Мавзолей Арыстанбаба в свете новых данных // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2009. №1. С. 87-92.
- Алихова А.Е.** Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. №4. С. 166-179.
- Аральский кризис: историко-географическая ретроспектива. М.: Академия Наук, 1991. 309 с.

- Аристов Н.А.** Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 578 с.
- Армянские источники о монголах (Извлечения из рукописей XIII-XIV вв.). Пер., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962.
- Арсланова Ф.Х.** Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 98-111.
- Артамонов М.И.** Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. №62 (Труды Волго-Донской экспедиции. Т. 1). С. 7-84.
- Археологическая карта Казахстана (реестр). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 303 с.
- Афанасьев В.К.** К истории Северо-Восточного Прикаспия. Реестр археологических памятников области. Атырау, 1996. С. 51-64.
- Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т.** Археологические исследования древнего городища Жанкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, 2007. С. 144-145 (на каз., рус. яз.).
- Ахинжанов С.М.** Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.
- Ахинжанов С., Ерзакович Л.** К вопросу о происхождении канов на Сыр-Дарье // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1972. Вып. 2. С. 64-69.
- Ахмедов Б.А.** Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 180 с.
- Ахмедов Б.А.** Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. 264 с.
- Ашрафян К.З.** Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М.: Наука, 1977. 238 с.
- Захириддин Бабур.** Бабур-намэ. Пер. М. Салье, под ред. М. Шевердина, Ташкент: Госиздат УзССР, 1948.
- Бабур-наме.** Записки Бабура. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. 528 с.
- Багров Л.С.** Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря // Записки по гидрографии, издаваемые главным гидрографическим управлением. Вып. XXXV. СПб.: Синодальная типография, 1912. 136 с.
- Байпаков К.М.** О локализации городов Северо-Восточного Семиречья // Вестник АН КазССР. 1968. №7. С. 21-25.
- Байпаков К.М.** О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА. 1977. №2. С. 201-209.
- Байпаков К.М.** О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977а. С. 81-93.
- Байпаков К.М.** Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдские чтения. Год 4-й. М., 1978. С. 8-10.
- Байпаков К.М.** Традиции и инновации в материальной культуре Отрара // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докл. и сообщ. научно-теорет. конф. Алма-Ата, 1980. С. 16-20.

- Байпаков К.М.** Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алматы, 1980а. С. 32-45.
- Байпаков К.М.** Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983. С. 17-38.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XIII вв. (Динамика и основные этапы развития) // Автореф. дисс. ... доктор ист. наук. М., 1985. 425 с.
- Байпаков К.М.** Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.
- Байпаков К.М.** По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.
- Байпаков К.М.** Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 1994. №5. С.20-33.
- Байпаков К.М.** Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая история Казахстана в свете археологических исследований // Отан тарихы. Алматы, 1998а. №1. С. 35-42.
- Байпаков К.М.** Средневековый Сауран // Города Туркестана. Алматы: Гылым, 1999. С. 94-97.
- Байпаков К.М.** Древние города Казахстана. Алматы: Аруна Ltd, 2005а. 316 с.: ил.
- Байпаков К.М.** Городище Куйрыктобе - город Кедер. Алматы, 2005б. 183 с.
- Байпаков К.М.** Средневековый город Алматы // История тысячелетия. Алматы, 2008. Т. 1. С. 7-27.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2012а. Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. 390 с., ил.
- Байпаков К.М.** Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд, 2012б. 283 с. ил., цв. ил.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2013. Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII вв. 516 с., цв. ил.
- Байпаков К.М.** Этапы урбанизации в древнем и средневековом Казахстане // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та. 2014а. С. 170-179.
- Байпаков К.М.** Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы, 2014б. Кн. III, часть 2: Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV – XVIII вв.. 534 с., ил.
- Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермаганбетов А.Ж., Шишков А.** Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы, 2007. С. 119-123.

- Байпаков К.М., Акымбек Е.Ш.** 2013 жылы Аспара қаласында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научной конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посв. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 384-405.
- Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.** Отрарский оазис. Алматы, 2005. 255 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Хаммам в средневековом Каялыке // Известия МОН РК. Серия обществ. наук. 2002. №1. С. 120-146.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Средневековый город Каялык. Алматы: ТОО «Print –S», 2007а. 263 с.
- Байпаков К. М., Воякин Д.А.** Городище Отрар. Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007б.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы : Асыл Сөз, 2014. 503 с.: ил.
- Байпаков К., Воякин Д., Айдосов А., Мамиев Т.** Города на дне Арала // «Промышленность Казахстана». Алматы, 2004. №6. С. 94-97.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.** Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 22-41.
- Байпаков К.М., Итенов А.О., Подушкин А.Н.** Городище Чимкент // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 52-53.
- Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Ходжаев М.Б.** Археологические исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общ. наук. 1999. №1. С. 12-16.
- Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Савельева Т.Н., Ходжаев М.Б.** Археологические исследования Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общ. наук. 1999. №1.
- Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.** Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2011. 619 с.: ил.
- Байпаков К.М., Корженков А.М.** Археолого-сейсмологические исследования средневековых памятников Жетысу (Семиречья) на Великом Шелковом пути // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2000. №1. С. 115-120.
- Байпаков К.М., Настич В.Н.** Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20-62.
- Байпаков К.М., Пешков Ю.М.** Раскопки усадьбы средневекового Каялыка. Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2000. №1. С. 229-236.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В.** Древние сокровища Алматы и Жетысу. Алматы, 2004.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В.** Великий Шелковый путь: казахстанские караванные маршруты и караван-сарай // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии: матер. междунар. научно-практ. конф., посв. 40-летию Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Шаульдер, 18-19 октября, 2011. Алматы, 2012. С. 130-151.

- Байпаков К., Савельева Т., Петров П.** Локализация города Иланбалык (Иланбали) в Илийской долине. // Промышленность Казахстана. 2015. №2 (89). С. 94-97.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.** Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: Print-S, 2005. 188 с.: вклейка.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А.** Средневековый город Сауран. Алматы: ИА МОН РК, 2005. 201 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.** Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005. 220 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.** Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып.1. Уральск. 2002.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.** Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: Print-S, 2005. 188 с.: вклейка.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А.** Средневековый город Сауран. Алматы: ИА МОН РК, 2005. 201 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е. А., Ахатов Г.А.** Городище Жайык. Алматы, 2005. 220 с.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.** Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002. С. 135-167.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А.** Резной декор усадьбы средневекового города Каялыка // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2002а. №1 (236). С. 287-295
- Байпаков К.М., Терновая Г.А.** «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2002б. №1 (236). С. 244-268.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А.** Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2002в. №1 (236). С. 219-244.
- Байпаков К.М., Ходжаев М.Б.** Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV начала – XV вв. на Отраре // Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 157-164.
- Байтанаев Б.А.** История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам. ЮКГУ им. М. Ауезова - Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2012. 252 с.
- Байтанаев Б.А.** Сайрамский клад. Средневековое золото. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. 238 с.
- Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н.** Сайрамский клад Тимуридских монет. Кн. 1: Каталог. Алматы, 2014. 812 с.
- Базылхан Н.** Монеты в фондах Центрального Государственного музея РК // Труды Центрального музея. Кн. 1. Алматы: Гылым, 2004. С. 354-363.
- Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М.: Наука, 1963а. Т. I. С. 4-760.
- Бартольд В.В.** Очерк истории Семиречья // Соч. М.: Наука, 1963б. Т. II. Ч. 1. С. 23-108.

- Бартольд В.В.** История Туркестана // Соч. М., 1963в. Т. II. Ч. 1. С. 109-168.
- Бартольд В.В.** Очерки истории Туркменского народа // Соч. М.: Наука, 1963г. Т. II. Ч. 1. С. 547-626.
- Бартольд В.В.** Чагатай-хан // Соч. М.: Наука, 1964а. Т. II. Ч. 2. С. 538-544.
- Бартольд В.В.** Абулхаир // Соч. М.: Наука, 1964б. Т. II. Ч. 2. С. 489-490.
- Бартольд В.В.** Сарт // Соч. М.: Наука, 1964в. Т. II. Ч. 2. С. 527-529.
- Бартольд В.В.** Улугбек и его время // Соч. М.: Наука, 1964г. Т. II. Ч. 2. С. 25-198.
- Бартольд В.В.** Мусульманские известия о Чингизидах – христианах // Соч. М.: Наука, 1964д. Т. II. Ч. 2. С. 263-264.
- Бартольд В.В.** О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Соч. М.: Наука, 1964е. Т. II. Ч. 2. С. 265-302.
- Бартольд В.В.** Чимкент // Соч. М.: Наука, 1965а. Т. III. С. 563-564.
- Бартольд В.В.** К истории орошения Туркестана // Соч. М.: Наука, 1965б. Т. III. С. 97-236.
- Бартольд В.В.** Тараз // Соч. М.: Наука, 1965в. Т. III. С. 495-496.
- Бартольд В.В.** Чу // Соч. М.: Наука, 1965г. Т. III. С. 567-570.
- Бартольд В.В.** Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII вв. // Соч. М.: Наука, 1965д. Т. III. С. 15-96.
- Бартольд В.В.** Иссык-куль // Соч. М.: Наука, 1965е. Т. III. С. 437-439.
- Бартольд В.В.** Баласагун // Соч. М.: Наука, 1965ж. Т. III. С. 355-357.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894. // Соч. М.: Наука, 1966а. Т. IV. С. 21-94.
- Бартольд В.В.** К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. М.: Наука, 1966б. Т. IV. С. 397-396.
- Бартольд В.В.** К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане // Соч. М.: Наука, 1966в. Т. IV. С. 95-109.
- Бартольд В.В.** Тохтамыш // Соч. М.: Наука, 1968а. Т. V. С. 564-567.
- Бартольд В.В.** Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. М.: Наука, 1968б. Т. V. С. 143. Соч. – М.: Наука, 1968б. Т. V. С. 19-194.
- Бартольд В.В.** Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 18-192.
- Беленицкий А.М.** Организация ремесла в Самарканде в XV-XVI вв. // КСИИМК. 1940а. Вып. VI. С. 43-46.
- Беленицкий А.М.** Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV-XV вв. // ТОВЭ. Л., 1940б. С. 189-201.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.** Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.
- Бернштам А.Н.** Мазар Манаса. Фрунзе: Киргосиздат, 1946. 12 с.
- Бернштам А.Н.** Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археолог. 1948а. Вып. 1 (№48). С. 79-91.
- Бернштам А.Н.** Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: АН КазССР, 1948б. 18 с.
- Бернштам А.Н.** Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950а. 148 с.

- Бернштам А.Н.** Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. Т. 14. М.-Л., 1950б. 188 с.
- Бернштам А.Н.** Городище Садыр-Курган // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 120-124;
- Бисембаев А.А.** Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010. 248 с.: ил., цв. фото.
- Болдырев А.Н.** Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (опыт творческой биографии). Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. 356 с.
- Большаков О.Г.** Город в конце VIII – начале XIII вв. // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. Ч. 2. С. 132-352.
- Боронин К.М.** Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. // Среднеазиатский вестник. 1896. №9. С. 17-18.
- Боталов С.Г., Маламуд Г.Я.** Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник: сб. науч. ст. / Ин-т языка и литературы УНЦ РАН. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 162—167.
- Брыкина Г.А.** Карабулак. М.: Наука, 1974. 128 с.: ил.
- Брусенко Л.Г.** Продукция гончарного ремесла Бинкета // Древности Ташкента. Ташкент, 1976. С. 80-114.
- Бубнова М.А.** Средневековое поселение Актобе 1 у с. Орловское // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 125-143.
- Булатов Н.М.** Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. №4. С. 95-109.
- Булатов Н.М.** К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. Серия история. 1969. №2. С. 46-59.
- Бунятов З.М.** Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231) // Академик З.М. Бунятов. Избр. соч. в трех томах. Баку: Элм, 1999. Т. III. 376 с.
- Бурнашева Р.З.** К вопросу денежного обращения Отрара XV в. (По материалам клада медных тимуридских монет) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: тезисы докл. и сообщ. научно-теорет. конф. Алма-Ата, 1980. С. 144-148.
- Бурнашева Р.З.** Денежное обращение Отрара в монголо-тимуридское время XIII-XV вв // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1986. №6. С. 32-39.
- Бурнашева Р.З.** Клад серебряных тимуридских монет конца XIV - начала XV вв. из городища Куйрук-тобе (Отрарский оазис) // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1989а. №2. С. 37-45.
- Бурнашева Р.З.** Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южно-казахстанских городов VII-XVII вв. Алма-Ата: Наука, 1989б. 76 с.
- Бурнашева Р.З.** Неизвестный медный чекан города Дженда XVI века // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 80-86.
- Буряков Ю.Ф.** Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 162-172.
- Буряков Ю.А., Крамаровский М.Г.** Поясной набор XIII в. из Самарканда. СА. 1974. №2. С. 258-263.
- Вайнберг Б.И.** Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. - VIII в. н.э. М.: Восточная литература, 1999. 359 с.

- Валиханов Ч.Ч.** Дневник поездки на Иссык-Куль. 1856 г. // Избр. произв. Алма-Ата, 1958. / Под ред. акад. АН КазССР А.Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958.
- Вактурская Н.Н.** Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. II. С. 467-494.
- Вактурская Н.Н.** Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. С. 261-342.
- Вактурская Н.Н.** О серьгах со средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 249-252.
- Вактурская Н.Н.** Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 127-133.
- Валеев Р.М.** Обращение «сомов» на территории Поволжья в V-XV вв. // Нумизматика Золотой орды. Казань, 2012. Вып. 2. С. 131-137.
- Валиханов Ч.Ч.** Избр. произв. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. 644 с.
- Валиханов Ч.Ч.** Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата: АН КазССР, 1961. Т. I. 776 с.
- Варваровский Ю.Е., Евстигнеев И.В.** О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Сост., науч. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград, 1998. Вып. 6. С. 174-181.
- Вархотова Д.П.** Два серебряных браслета X-XI вв. из Чиназа // ИМКУз. Ташкент. 1963. Вып. 4. С. 116-119.
- Вархотова Д.** Художественная керамика XV - начала XVI в. из Ташкента // ОНУ. 1969. Вып. 8-9. С. 86-89.
- Васильев Д.В.** Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Учёные записки Астраханского государственного университета. Астрахань : Изд-во АГУ, 2003. С. 110-119.
- Васильев Д.В.** Ислам в Золотой орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. 192 с.
- Вельяминов-Зернов В.В.** Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1866. Ч. II. (предисл. 1864). 498 с.
- Витрувий.** Десять книг об архитектуре. М.: Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1936. Т. 1. 331 с.
- Вишневская О.А.** Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. II. С. 462-466.
- Волин Л.С.** Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР / Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936-1938 гг.). Алма-Ата, 1949. Т. 1 (рукопись).
- Волин Л.С.** Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. 1960. С. 72-92.
- Воронина В.Л.** Об узбекских банях // СЭ. 1951. №1. С. 114-137.
- Воронина В.Л.** Колонны из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 70-74.
- Воронина В.Л.** Бани-хаммам у народов Советского Союза и зарубежного Востока // Архитектурное наследство. Вып. 31. М.: Стройиздат, 1983. С. 133-167.

- Галкин Л.** Исследование Золотоордынского города Лаэти // Археологические открытия 1975 года. М., 1977. С. 51.
- Галкин Л.Л., Касенов М., Астафьев В.К.** Средневековые городище Актобе-Лаэти (XIII-XV вв.). Атырау, 2013.
- Гандзакечи Киракос.** История Армении. Пер. с древнеармянского, предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 356 с.
- Герасимов Г.Г.** Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 60 с.
- Голубев А.Д.** Алаколь // Записки РГО по общей географии. СПб., 1867. Т. 1. С. 349-361.
- Горячева В.Д.** Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Научно-популярный очерк. Фрунзе: Илим, 1983. 144 с.
- Горячева В.Д.** Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Бишкек: Илим, 1988. 115 с.
- Горячева В.Д.** Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). Бишкек, 2010. 302 с.
- Горячева В.Д.** Древности Бишкека // Алматы. История тысячелетия: матер. междунар. научно-практ. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы». 17-18 ноября 2010 г. Алматы, 2012. Вып. 3. С. 127-128.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.** Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994. С. 84-95.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.** Памятники истории и культуры Таласской долины. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 120 с.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.** Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. №2. С. 167-195.
- Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В.** Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города маджары // СА. 1971. №1. С. 127-137.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.** Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: АН СССР, 1950. 502 с.
- Грошев В.А.** Водохранилище средневекового Отрара // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 36-46.
- Давидович Е.А.** О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 244-249.
- Давидович Е.А.** Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М.: Наука, 1972. 174 с.
- Давидович Е.А.** О происхождении и значении термина «мири» в денежном хозяйстве Средней Азии XV — начала XX в. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 124-127.
- Давидович Е.А.** История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М.: Наука, 1983а. 360 с.
- Давидович Е.А.** Реформа в Фергане — кризис денежного обращения в Семиречье (середина XI в.) // Культура и искусство Киргизии: тез. докл. Всесоюзной науч. конф. Л., 1983б. Вып. 2. С. 15-17.
- Деом Ж.-М., Сала Р.** Урбанизация Северо-Восточного Тянь-Шаня в средние века // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. Междунар. науч. конф. Алматы, 2010. С. 235-251.

- Джаббаров И.М.** Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. С. 379-396.
- Джаббаров И.М.** Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX - начале XX в. (Историко-этнографический очерк) // Занятия и быт народов Средней Азии. Новая серия. ТИЭ. Т. 97. М., 1971. Среднеазиатский этнографический сборник, III. С. 72-146.
- Джамал ал-Карши.** Ал-Мулкакат би-с-сурах. Введение, пер. с арабского, персидского, коммент., текст Ш.Х. Вахидова, Б.Б. Аминова // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. 416 с.
- Джумагулов Ч.** Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим, 1971. 163 с.
- Дошанова Т.С.** Новые коллекции стекла из городищ Куйрук-тобе и Койлык // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2003. №1. С. 165-172.
- Дулати Мухаммед Хайдар.** Тарих-и-рашиди. Введение, пер. с персид. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Прим., указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Ташкент: ФАН, 1996. 640 с.
- Егоров В.Л.** Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века / МИА. №164. М., 1970. С. 172-193.
- Егоров В.Л.** Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. №1. С. 74-89.
- Егоров В.Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.** Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 39-79.
- Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.** Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 108-167.
- Екимова В.В.** Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // ТХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. С. 343-378.
- Елеуов М.Е.** Городище Карганшы // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область. Алматы, 2002.
- Еманов А.Г.** Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII - XV вв. Тюмень: РУТРА, 1995. 225 с.
- Ерзакович Л.Б.** О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 85-97.
- Ерзакович Л.Б.** Караванные пути юга Казахстана в XIII-XVIII вв. // Известия АН КазССР. Серия общественнаук. 1969. № 2. С. 79-85.
- Ерзакович Л.Б.** О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 60-68.
- Ерзакович Л.Б.** Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 98-106.
- Ерзакович Л.Б.** Жилище позднесредневекового Отрара (по материалам 1971-1972 гг.) // Тезисы докладов сессии, посв. итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент: «Фан», 1973а. С. 188-189.

- Ерзакович Л.Б.** Некоторые типы жилищ Золотой орды // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973б. С. 166-182.
- Ерзакович Л.Б.** Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 81-93.
- Ерзакович Л.Б.** Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлых и кочевых культур по материалам Отрара // Взаимодействие кочевых культур и оседлых цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 383-390.
- Ерзакович Л.Б., Нурмухаммедов Б., Ордабаев А.А.** Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. Алматы, 1977. С. 59-72.
- Жилина А.Н.** Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 137-163.
- Жолдасбаев С.Ж.** Некоторые источники по истории материальной культуры казахов XV-XVIII вв. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 102-112.
- Жолдасбаев С.** Материальная культура казахов XV-XVIII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975.
- Жолдасбаев С.Ж.** Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам (XV-XVIII вв.). Алма-Ата: Наука, 1976. С. 46-58.
- Жолдасбаев С.Ж.** Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X-XVIII ғғ). Көмекші оқу құралы. Түркістан: Тұран баспасы, 2010. 191 б.
- Жуков В.Д.** Дукентский клад монет (Предварительное сообщение) // ИМКУ. Ташкент, 1959. Вып. 1. С. 176-207.
- Заурова Е.З.** Раскопки на городище Акчи // Кетмень-тобе: Археология и история. Фрунзе, 1977. С. 106-127.
- Захарова И.В.** Жилище не китайских народов Северного Китая. Жилище народов тюркоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979. С. 186-190.
- Зиливинская Э.Д.** Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 249-280.
- Зиливинская Э.Д.** Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 172 с.
- Зиливинская Э.Д.** Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. 252 с.
- Зиливинская Э.Д.** Архитектура Золотой Орды. М.-Казань, 2014. Ч. 1. Культовое зодчество. 228 с.
- Зиливинская Э.Д.** Подкурганые сырцовые оградки (Об одном археологическом мифе // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посв. 90-летию со дня рождения А.К. Акишева. Алматы, 2014а. С. 454-466.
- Зимин Л.А.** Подробности смерти Тимура // ПТКЛА. Ташкент, 1914. Год 18. С. 37-52, дополнения 53-55.

- Зуев Ю.А.** Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3 (14). С. 87-96.
- Зуев Ю.А.** Ранние тюрки: очерк истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 360 с.
- Зяблин Л.П.** Второй буддийских храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961. 74 с.
- Ибрагимов Н.** Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.
- Иванов А.А.** О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея Кожа Ахмеда Ясави // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 68-84.
- Измайлов И.Л.** Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 99–107.
- Имажанов Н., Бейсембаева Л.** Соборная мечеть средневекового Отрара (опыт графической реконструкции) // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2003. №1. С. 247-253.
- Исин А.** Кэне алматынын акшасы калай табылды // Абай. 2004. №4.
- Исин А.** К монетному чекану Алматы XIII в. Семипалатинск, 2005.
- История Алматы с древнейших времен до современности. Ред. К.М. Байпаков. Алматы: Credo, 2006. Т.1. 340 с.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата «Наука» КазССР, 1977. Т. I. 479 с.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. Т. 2. 424 с.
- История Казахстана. Очерк. Алматы: «Дауір», 1993. 325 с.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алматы: Наука, 1997. Т. II. 624 с.
- История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 416 с.
- История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. 614 с.
- История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Исследование, пер. с сирийского и прим. Н.В. Пигулевской. М.:Изд-во Восточной литературы, 1958.
- История народов Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. Т. II. От образования государства Шейбанидов до Октябрьской Революции. 514 с.
- История народов Узбекистана. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1950. Т. I. С древнейших времён до начала XVI века. 474 с.
- Каллаур В.А.** Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. // Протоколы ТКЛА. Год V. Ташкент, 1900а.
- Каллаур В.А.** О следах древнего города «Дженд», в низовьях р. Сыр-Дарья // ПТКЛА. 1900б. Год V. С. 78-89.
- Калменов М.Д.** Исследования городища Жайык в 2012-2014 гг. // Средневековые города бассейна реки Урал. Кн. 1. Уральск, 2014. С. 64-90.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 511 с.: рис.
- Кверфельд Э.К.** Керамика Ближнего Востока: руководство к распознаванию и определению керамических изделий. Л.: Гос. Эрмитаж, 1947. 144 с., табл.

- Кдырниязов М.Ш.** Ремесло Хорезма в XIII-XIV вв. / М.Ш. Кдырниязов II Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент: Фан, 1981. С. 123-139.
- Кенжеахметулы Н.К.** вопросу о локализации средневековых городов Пулада и Ики-Огуза // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2008. №1. С. 160-164.
- Кесь А.С.** Аральское море в голоцене // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 19-23.
- Кефалайя («Главы»):** коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной. М.: Восточная литература РАН, 1998. 512 с.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 215 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 376 с.
- Кожя М.** Отрардағы керамика өндірісі // Керамическое производство в Отраре. Туркестан, 1996.
- Кожя М.** Поселение Мыншункур // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С. 176-178.
- Кожя М.** Мавзолей Арыстанбаба. Арыстанбаб кесенесі. Шымкент, 2009.
- Кожя М., Самашев З.** Новые материалы изучения бань золотордынского времени // Вестник Казахского государственного университета. Серия историческая. Алматы, 2006. № 2. С. 159-174.
- Кожя М., Самашев З.** О раскопках караван-сарая Белдеули // Восхождение к вершине археологии: сб. матер. междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посв. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева, Алматы, 2014. С. 486-497.
- Кожемяко П.Н.** Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. 187 с.: ил.
- Кожемяко П.Н.** Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 145-224.
- Кожемяко П.Н.** Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967. С. 53-90.
- Козыбаев М.К.** Қазақ тарихы – дала оркениетінің құрамды бөлігі // Отан тарихы. 1998. №1. С. 19-25.
- Койчубаев Е.** Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. 275 с.
- Колчин Б.А., Круг О.Ю.** Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 196-215.
- Кондратьева М.И.** О юртообразных зданиях Внешней Монголии (к истории монгольской архитектуры) // СЭ. 1935. №3. С. 14-40.
- Копылов И.И.** Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 70-78.
- Копылов И.И., Керекеша Л.И.** Талкиг (Древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути: межвуз. науч. сб. Алматы, 1993. С. 122-136.

- Кочнев Б.Д.** Где же стоял Баласагун? // Литературный Киргизстан. Фрунзе, 1970. №6. С. 98-100.
- Кочнев Б.Д.** Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1976. 84 с.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1 // ИМКУ. 1978. Вып. 14. С. 120-131.
- Кочнев Б.Д.** Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3 // ИМКУ. 1981. Вып. 16. С. 71-87.
- Кочнев Б.Д.** Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII – начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 75-103.
- Кочнев Б.Д.** Монетный чекан Куз Орду-Баласагуна (XI в.) // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 144-158.
- Кочнев Б.Д.** К истории Дженда XI–XII вв. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 1995. №4 (203). С. 67-73.
- Крамаровский М.Г.** Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII-XIV вв. // *Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* М., 2009. С. 395-432.
- Крачковский И.Ю.** Арабская географическая литература // Избр. соч. М.-Л., 1957. Т. 4. 919 с.
- Кригер В.А., Железчиков Б.Ф.** Позднекочевнические: погребения у поселка Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА. 1980. №1. С. 303-306.
- Кузнецова О.В.** Керамика городища Жайык // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 219-220.
- Кузнецова О.В.** Керамические светильники Талгара // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. Алматы, 2010. С. 253-257.
- Кузнецова Э.Ф.** Спектральный анализ серебряных вещей клада XVI в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 60-63.
- Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991. 220+216 с.
- Кумеков Б.Е.** Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII - нач. XIII вв.: Диссертация в виде научного доклада ... д-ра ист. наук: 07.00.09. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1994. 40 с.
- Курочкина С.А.** Классификация керамики Сарай ал-Джадиди // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. С. 90-96.
- Левина Л.М.** Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс н.э. // Труды ХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII. 248 с.
- Левина Л.М.** Древности низовьев Сырдарьи // Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. Москва, 2000. С. 125-207.
- Левина Л.М., Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А.** В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000. 384 с.
- Левшин А.И.** Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. 84 с.

- Леньков В.Д.** Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII в. (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 172 с.
- Лерх П.И.** Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870. 40 с.
- Литвинский Б.А.** Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954. 46 с., ил.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 170 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.** Мертвый город Хара-Хото. М.: Наука, 1968. 64 с.
- Лунин Б.В.** К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по арх. данным) // ИМКУ. Ташкент-Самарканд, 1969. Вып. 8. С. 169-192.
- Лунина С.Б.** Гончарное производство в Мерве X - начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI. С. 207-418.
- Лунина С.Б.** Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // ОНУ. 1969. Вып. 8-9. С. 38-93.
- Лунина С.Б.** Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии // СА. 1978. №3. С. 127-137.
- Лунина С.Б.** Ремесло в средневековом Мерве (к периодизации развития) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М., 1979. С. 168-175.
- Мамедов М.А., Мурадов Р.Г.** Гургандж: архитектурный путеводитель. Стамбул, 2000. 78 с.
- Мамиев Т.** «Кердері» мавзолей іпдегі археологиялык зерттеу // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2002. №1. С. 103-120.
- Мэмиев Т.** «Кердері» мавзолейі - өркениет туындысы // Алтын Орда. 2002. С. 13-19.
- Маньков Ю.П.** Археологические исследования караван-сараяв Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1. С. 93-122.
- Маньковская Л.Ю.** К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви) // ИЗУ. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. Вып. I. С. 93-142.
- Маньковская Л.Ю.** О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолей Фудины и Касби. // «Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье». М.: «Наука», 1979. С. 96-104.
- Маньковская Л.Ю.** Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980. 183 с.: ил.
- Маньковская Л.Ю.** Мемориальное зодчество Средней Азии. // Художественная культура Средней Азии. IX-XIII века. Ташкент: «Искусство», 1983. С. 30-48.
- Маньковская Л.Ю., Булатова В.А.** Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Изд-во Института литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1978. 192 с.
- Мариенбах Л.М.** Развитие методов плавки в чугунолитейном производстве до начала XIX века // История горного дела и металлургии. Труды ИИЕТ. М., 1957. Т. 9. С. 3-36.
- Маргулан А.Х.** Оседлые поселения VIII-XIII вв. на Северных склонах Каратау (извлечено из археологического отчета) // Известия АН КазССР. Серия археолог. 1948. №46. С. 109-115.

- Маргулан А.Х.** Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала. ВАН КазССР 1949. №1 (46). С. 68-78.
- Маргулан А.Х.** Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 122 с.
- Маргулан А.Х.** Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 248—261.
- Маргулан А.Х.** Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 3-30.
- Маргулан А.Х.** Джебказган – древний металлургический центр (городище Милькудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 3-42.
- Маргулан А.Х.** Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 3-37.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
- Мариенбах Л.М.** Развитие методов плавки в чугунолитейном производстве до начала XIX века // Труды ИИЕТ. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 9: История геолого-географических наук, горной и металлургической науки и техники. С. 15-35.
- Марыксин Д.В.** Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2009 №1. С. 246-272.
- Марыксин Д.В.** Новые погребения в сырцовой оградке на территории Западного Казахстана // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: матер. V междунар. конф. посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова, 2-6 октября 2011 года. Казань, Астрахань, 2011. С. 221-226.
- Марыксин Д.В.** Городище Жалпактал и его округа (предварительные результаты работ) // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. Уральск, 2012.
- Марыксин Д.В.** Комплекс сырцовых оградок у аула Айдархан // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, 2012а. №1. С. 111-119.
- Марыксин Д.В.** Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самаркандского научного центра Российской академии наук. 2012б. Т. 14. №3. С. 243-248.
- Марыксин Д.В.** Мечеть городища Жалпактал (предварительное сообщение) Маргулановские чтения-2014: матер. междунар. научно-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А.Х. Маргулана, 3-5 декабря 2014 г. Алматы; Павлодар, 2014. С. 318-322.
- Массон М.Е.** О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. Т. XIX. Ташкент, 1929. С. 39-45.
- Массон М.Е.** Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930. 23 с.
- Массон М.Е.** Городища старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I, вып. 2 / Термезская археологическая комплексная экспедиция, 1936. Ташкент, 1940.
- Массон М.Е.** Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. 144 с.
- Массон М.Е.** Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.) // Труды САГУ им. Ленина.

- Новая серия. Вып. СХІ, исторические науки. Кн. 25, археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957. С. 41–108.
- Массон М.Е.** К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Вестник АН КазССР. 1965. №1. С. 82-84.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К. Ибрагимов, Н.И. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдина (МИКХ). Алма-Ата: Наука, 1969. 655 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973. Вып. I. 280 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
- Махмуд ибн Вали.** Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введ., пер., прим., указ. Б.А. Ахмедова. Ташкент: ФАН, 1977. 166 с. и 16 с. текста факсимиле.
- Мендикулов М.М.** Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1987. 159 с.: ил.
- Мершиев М.С.** Поселение XIII-XV веков в Западном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 153-161.
- Мец Адам.** Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем., предисловие и библиография Д.Е. Бергольса. М.: Наука, Восточная литература, 1973. 473 с.
- Михальченко С.Е.** Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. №3. С. 118-132.
- Мумино А.К.** Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 138-140.
- Муминов А.К.** Казахские ходжи [О генеалогии казахских ходжей] // Shygys. 2004. №1. С. 229-235.
- Муминов А.Х., Моллаканатагулы С., Корганбекова Б.С.** Мавзолей Кожа Ахмеда. Алматы, 2009.
- Муминов Ә.Қ., Қожа М.Б., Моллақанағатұлы С., Садықбеков М.Ж., Нұрбеков Ж.М.** Қожа Ахмет Йасауи кесенесі. Мавзолей Ходжа Ахмада Йасави. Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (на каз., рус., англ. яз.). Алматы: «Эффект» ЖШС, 2010. 208 б.
- Муратов С.Н., Ерзакович Л.Б.** Лопатка коровы с тюркскими письменами на арабском алфавите из городища Аспара (Чуйская долина) // Эпиграфика Востока. 1967. Вып. XVIII. С. 71-79.
- Мухамадиев А.Г.** Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 80-88.
- Мухамадиев А.Г.** Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.: Наука, 1983. 192 с.
- Наливкин В.** Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.
- Настич В.Н.** К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 162-171.
- Настич В.Н.** К эпиграфической истории Баласагуна: анализ изданных надписей и новые находки // Красная речка и Бурана. Материалы

- исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 158-177, ил.
- Настич В.Н.** Неизданные монеты Средней Азии X-XIV вв. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19-23 апреля 1999 г.: тез. докл. М., 1999. С. 54-56.
- Настич В.Н.** Алматы - монетный двор XIII века // Древности Поволжья и других регионов. Нижний Новгород, 2000. Вып. III. Т. 2. С. 257-266, ил.
- Неразик Е.Е.** О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV-VIII вв. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 197-207.
- Неразик Е.Е.** Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи: Археол.-этнограф. очерки / ТХАЭЭ. М., 1976. 254 с.: ил.
- Неразик Е.Е.** Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с формированием некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 164-179.
- Нифонтова Л.К.** Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР. Известия АН КазССР. Серия археолог. 1948. №46. Вып. 1. С. 116-125.
- Нурмуханбетов Б.** Раннемусульманское кладбище близ города Куйрыктобе // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 85-94.
- Очерки истории СССР. Т. 3: Период феодализма. Ч. 1: IX-XIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 984 с., ил.
- ОАК за 1899 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 184 с.
- ОАК за 1901 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. 198 с.
- Паллас П.С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768-1769 г. СПб, 1809. Ч. 1. Изд. 2. 657+116 с.+20 табл. ил.
- Пантусов И.Н.** Надгробные христианские памятники в Алмалыке // ПТКЛА. Год седьмой (11 декабря 1901 - 11 декабря 1902 г). Т. 7. Ташкент, 1902. С. 52-54.
- Пантусов И.Н.** Надгробные христианские памятники в Алмалыке // ПТКЛА. Историко-археологические памятники Казахстана. Туран, 2011. С. 165-167.
- Пацевич Г.И.** Раскопки на территории древнего Тараза в 1940 г. // Труды ИИАЭ КазССР. 1956а. Т. 1. Археология. С. 73-86.
- Пацевич Г.И.** Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1956б. Т. 1. Археология. С. 213-229.
- Перегудова С.Я.** Памятники истории и культуры Таласской долины. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 120 с.
- Петри Э.Ю.** Раскопки в Оренбургской губернии и Тургайской области // Отчеты археологической экспедиции за 1889 г. СПб., 1892. С. 55-58.
- Петров П.Н.** Монетный двор Каялыка // Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. С. 88-90.
- Петров П.Н.** Алматы в XIII-XIV вв. по нумизматическим данным // Матер. междунар. научно-практ. конф. «Древняя и средневековая

- урбанизация Евразии: взаимодействие, развитие и возраст города Алматы» 17-18 ноября 2010 г. Вып. 3. Алматы, 2012. С. 23-29.
- Петров П.Н., Акиндинов С.В.** Об одной медной монете 670 г.х. города Сайрама // Нумизматика. 2008. №18. Август, 2008.
- Петров П.Н., Камышев А.М.** Алматы – монетный двор государства Чагатаидов // Известия МОН РК, НАН РК. Серия обществ. наук. 2005. №1(27). С. 161-164.
- Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В.** Баласагун и Орду — монетные дворы второй четверти XIII века (Новые факты из истории Кыргызстана) // Эпиграфика Востока. 2011. Вып. XXIX.
- Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В.** Баласагун и Орда – монетные дворы Чуйской долины в первой трети XIII в. // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2012. №3. С. 168-177.
- Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.** Монетное дело и денежное обращение Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.
- Петров П.Н., Байтанаев Б.А.** Находки монет Великой Монгольской империи и государства Чагатаидов в округе города Шымкент. // Казахское ханство в потоке истории: сб. матер. междунар. конф., посв.й 550-летию Казахского ханства. Алматы, 2015. С. 157-169.
- Петрушевский И.П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV вв. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.
- Петрушевский И.П.** Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. соч. М.: Наука, 1970.
- Петрушевский И. П.** Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 г. г. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе Сб. ст. М.: Наука, 1977.
- Пещерева Е.М.** Из истории цеховых организаций в Средней Азии // КСИЭ. 1949. Вып. VI. С. 34-36.
- Пещерева Е.М.** Гончарное производство в Средней Азии // Труды ИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. XLII. 396 с.
- Пигулевская Н.В.** К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. 1955. №6. С. 72-80.
- Пикулин М. Г., Шамансурова А.Ш., Рашидов Р.Т.** Ремесло и мелкая промышленность Афганистана. Ташкент: ФАН, 1976. 114 с.
- Писарчик А.К.** Народная архитектура Самарканда. Душанбе: Дониш, 1975. 139 с.
- Писарчик А.К.** Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 69-111.
- Пищулина К.А.** Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств XV-XVII вв. // Казахстан в XV-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5-49.
- Пищулина К.А.** Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI вв. (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977. 289 с.
- После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий // Пер., введение, прим. Я.М. Света. М.: Изд-во «Наука», Глав. ред. восточной лит-ры, 1968. 237 с.
- Проскурин А.Н.** Ханака Ахмеда Ясави // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994а. С. 273-277.

- Проскурин А.Н.** Мавзолей Рабии Султан Бегум XV в. // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы: Казак энциклопедиясы, 1994б.
- Проскурин А.Н., Туякбаева Б.Г.** Мавзолей Рабиги Султан Бегим // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 277-278.
- Пругер Е.Б.** Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1969. Т. 14. С. 230-239.
- Пугаченкова Г.А.** Глазурованная керамика Нисы в XV-XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949а. Т. I. С. 400-417.
- Пугаченкова Г.А.** Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949б. Т. I. С. 201-259.
- Пугаченкова Г.А.** Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ. Ташкент, 1950. Вып. XI: Гуманитарные науки, кн. 3 : Археология Средней Азии. С. 91-120.
- Пугаченкова Г.А.** Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. М.: АН СССР, 1958. Т. IV. 491 с.
- Пугаченкова Г.А.** Зодчество Центральной Азии, XV век: Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976. 115 с., ил.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. 328 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство. 1965. 688 с.
- Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Алма-Ата: Гылым, 1993. 247 с.:ил.
- Развадовский Б.А.** Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 3-8. С. 710-714.
- Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М.** В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.: Индрик, 2000, 384 с.
- Рахимов М.К.** Художественная керамика Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1961. 244 с.: ил.
- Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. Том II. М-Л.: Наука, 1960. 253 с.
- Ремпель Л.И.** Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды ИИАЭ. 1956. Т. 1. Археология. С. 61-72.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1913. Т. XIX. Туркестанский край. 882 с.
- Рыбаков Б.А.** Русские карты Московии XV - начала XVI века М.: Наука, 1974. 111 с.: ил., карты.
- Рычков П.И.** Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1 и 2, СПб., 1762. Издано на средства Ф.И. Базилевского Оренбург, 1887. 405 с.
- Рычков П.И.** История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896 (Первое издание этой работы см. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1759). 592 с.
- Савельева Т.В.** Кузнечное ремесло жителей Илийской долины в XI–XII вв. // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1989. №1. С. 44–49.

- Савельева Т.В.** Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII вв. Алматы: Ғылым, 1994. 216 с.
- Сайко Э.В.** Среднеазиатская глазурованная керамика XII – XV вв. Душанбе: Изд-во. АН Тадж. ССР, 1969. 179 с.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.** Древности Алматы. Алматы, 2005. 184 с.
- Самашев З.С., Кожа М.** Элитный культовый комплекс Сарайчика // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2007. Вып 1.
- Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.** Керамика Сарайчика. Алматы, 2008. 264 с.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.** Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: Издат группа ТОО «Археология», 2007. 400 с.
- Сафаргалиев М.Г.** Ногайская орда в середине XVI в. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1938. 185 с.
- Сафаргалиев М.Г.** Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматы: Дайк-пресс, 2002. Т. 2: Жамбылская область. 350 с.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алма-Ата: Энциклопедия, 1994. Т. 1. 367 с.
- Сенигова Т.Н.** Шахристан // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 154-165.
- Сенигова Т.Н.** Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 57-67.
- Сенигова Т.Н.** Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.
- Си-ю-цзи, или описание путешествия на Запад. Перевод с кит. с прим. архимандрита Палладия // Труды членов русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т IV.
- Смагина Е.Б.** Глоссарий // Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. М.: Восточная литература РАН, 1998. 512 с
- Смагулов Е.А.** Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // ИМКУ. Самарканд, 1997. Вып. 28. С. 169-174.
- Смагулов Е.А.** Под водами Аральского моря // Промышленность Казахстана. 2003. №5. С. 94-98.
- Смагулов Е.А.** Первый мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави // Промышленность Казахстана. 2004а. №2. С. 94-98.
- Смагулов Е.А.** Мавзолей на берегу Жайыка // Кумбес. 2004б. 4.03-1.04. С. 49-51.
- Смагулов Е.А.** Мавзолей Абат-Байтак: некоторые итоги археологических исследований // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2006. №1. С. 126-135.
- Смагулов Т.Н.** Археологические исследования на некрополе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 г. Алматы. 2009. С. 223-229.
- Смагулов Е.А.** Древний Сауран. Алматы: АО АБДИ Компани, 2011. 436 с., ил.
- Смагулов Е.А.** Археология мечетей: Жума мечетей Отрара и Саурана // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии: матер. междунар. научно-практ. конф., посв. 40-летию Южно-

- Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Алматы, 2012. С. 152-153.
- Смагулов Е.А.** Жума-мечети Отрара и Саурана: общее и особенное // Известия НАН РК Серия обществ. и гуманитарных наук. 2013. №3. С. 109-126.
- Смагулов Е., Григорьев Ф., Игенов А.** Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Гылым, 1999. 232 с.
- Смагулов Т.Н., Женисов А.Т. Казизов ЕС.** Исследования на археологическом комплексе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008. Алматы, 2008. С. 228-231.
- Смагулов Е., Туякбаев М., Бурнашева Р., Баратов С.** Отчет о полевых исследованиях Туркестанской археологической экспедиции в 2000 г. Рукопись. Архив ИА МОН РК. Алматы, 2001.
- Смаилов Ж.Е.** Памятники археологии Западной Сарыарки (Средневековые городища и поселения). Балхаш: ЖезУ, 1997. 63 с., табл.
- Смаилов Ж.Е., Ошанов О Ж.** Мавзолей Кобланды батыра. Алматы: Комплекс, 2007. 198 с.
- Смирнов А.П.** Волжские Булгары. М.: Издание ГИМ, 1951. 295 с.: ил., карты.
- Смирнов А.П.** Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 3-6.
- Спицын А.** Из коллекции императорского Эрмитажа (Чимкенсткий клад) // Записки Русского археологического общества СПб., 1906. Т. 8. Вып. I. С. 249-258.
- Супруненко Г.П.** Китайские источники // Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Илим, 1996. С. 129-146.
- Супруненко Г.П.** Китайские источники (раннее средневековье) // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). Бишкек: Илим, 2004. С. 73-82.
- Сухарев И.А.** Два блюда XV в. из Самарканда // Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1948. Т. I. С. 47-64.
- Сухарева О.А.** Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976. 365 с.
- Тасмагамбетов Н.И., Самашев З.С.** Городище Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 320 с.
- Тепловодская Т.М.** Некоторые результаты изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара // Средневековая и городская культура Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1983. С. 199-207.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. 588 с.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. 308 с.
- Тихвинский С.Л.** Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. М., 1977. С. 3-22.
- Толстов С.П.** Города огузов // СЭ. 1947. №3. С. 55-102.
- Толстов С.П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

- Толстов С.П.** Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. // СА. 1953. Т. XVIII. С. 301-325.
- Толстов С.П.** Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Труды ХАЭЭ. 1958. Т. II. С. 7-258.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Гл. ред. Вост. литературы, 1962. 322 с.
- Трепавлов В.В.** Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002а.
- Трепавлов В.В.** История Ногайской Орды. М.: Восточная литература», 2002б. 752 с.
- Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н.** К истории строительства Ханакки Ходжа Ахмеда Ясави // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1985. №4. С. 63-69.
- Утемиш-хаджи.** Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина; подгот. к изд. Ю.Г. Баранова; коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой; отв. ред. Б.А. Ахмедов. Алма-Ата: Гылым, 1992. 245 с.: 25 л. ил.
- Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани.** Михман-Наме-Йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976. 400 с.
- Федоров М.Н.** Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики) // Известия АН КиргССР. 1975. №2. С. 87-94.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. II. С. 505-528.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.** Культура и общественный быт золотоордынских городов. М.: Наука, 1964. 122 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов // М.: «Искусство». 1976. 228 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Б.Н.** Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 133-248.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.** Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // МИА. М., 1970. №164. Поволжье в средние века.
- Хабдулина М.К.** Мавзолеи средневекового городища Бозок (река Ишим) // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски открытия: матер. III Междунар. Поволжской археолог. конф. (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 384-391.
- Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдыбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Х.** Культурные памятники Тенгиз-

- Коргалжинской впадины. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. 208с., ил.
- Халиков А.Х.** Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X-XIII вв. М.: Наука, 1985. 213 с.
- Халпахчян О.Х.** Средневековые бани Армении // СА. 1960. №1. С. 215-229.
- Хмельницкий С.Г.** Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии IX - начала XIII вв. Берлин-Рига: «Gamajun», 1996. 336 с. Ч. 1.
- Хмельницкий С.Г.** Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии IX - начала XIII вв. Берлин-Рига: «Gamajun», 1997. 230 с. Ч. II.
- Хорош Е.Х.** Мавзолей Алаша-хан // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти М.Э. Масанова. Сб. матер. Междунар. конф. Алматы, 2010. С. 359-378.
- Хорош Е.Х.** Мавзолей Жоши-хан // Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. От Алтая до Каспия. Алматы, 2011. Т. I. Восточный, Северный и Центральный Казахстан. С. 549-555.
- Худуд-ал-Алем.** Рукопись Туманского. С введ. и указат. В.В. Бартольда. Л., 1930. 45 с., 78 с. факсимиле.
- Чекалин Ф.Ф.** Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. 1889. Т. 2. Вып.1. С. 14-24.
- Шараф ад-дин 'Али Йазди.** Зафар-наме. Подготовка к печати, предисл., прим, указ. А. Урунбаева. Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1972. 608 с., 294 б.
- Шалекиев У.Х.** (Баласагуни). Город Баласагун в V-XIII вв. Алматы: Жибек жолы, 2009. 272+[16] с.: ил.
- Шавкунов Э.В.** Клад чжурчженских зеркал // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1960. №86. Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1: Древние культуры Дальнего Востока.
- Шарахимов Ш.** Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афрасиаб. Ташкент, 1974. Вып. III. С. 84-89.
- Шишкина Г.В.** Городской квартал VIII-IX вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973. С. 117-156.
- Шуховцов В.** Несколько заметок по этимологии Туркестанских топонимов // Матер. республиканской научно-практ. конф. молодых ученых по общественным наукам. Алма-Ата, 1978. С. 151-152.
- Юдахин К.К.** Некоторые особенности Карабулакского говора // В.В. Бартольду – Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 401-425.
- Юматов В.С.** О названии башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа, 1961. С. 247-249.
- Яблонский Л.Т.** Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX, История. М, 1975. №2. С. 75-84.
- Яблонский Л.Т.** Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия истор. 1975. №2. С. 75-84.
- Якобсон А.Л.** Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса // СА. 1946. Вып. VIII. С. 261-278.

- Якобсон А.Л.** Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. №17. 338 с.
- Якубовский А.Ю.** Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. II. С. 123-159.
- Якубовский А.Ю.** Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // МИУТТ. Л., 1932а. Ч. 1.
- Якубовский А.Ю.** Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X-XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. III. Ч. I. Л., 1932б.
- Янина С.** Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Булгарах в 1946-1952 гг. // МИА. М., 1954. Т. I. Вып. 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. С. 424-484.
- Vaipakov K.** Culture E. Religion in Kazakhstan // Sciamani I device dalle steppe del Prete Gianni Religiosity del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia. Venezia. 2000. P. 17-36.
- Bretshneider E.** Medieval researches from Eastern Asiatic Sources // Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910a. Vol. I. 350 p.
- Bretshneider E.** Medieval researches from Eastern Asiatic Sources // Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13-th to the 17-th century. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Ltd., 1910b. Vol. II. 352 p.
- Bregel Yuri.** An Historical Atlas of Central Asia. Leiden; Boston: Brill, 2003. Leiden-Boston, 2003. 110 pp., 47 map.
- DeWeese D.** Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994.
- Exhibition. Seven Pesian. Tokyo, 1988.
- Klein W.** Das nestorianische Christentum an Den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14 Jh Silk Road Studies Turnhout: Brepols, 2000. 464 s., ill.
- Juvaini 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik.** The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malic Juvaini. Translate the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A.Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1. P. 250.
- Nastich V.** Almatu - a Newly Discovered Chaghatayid Mint // Oriental Numismatic Society Newsletter. Winter, 1998. No.155. P. 13-15, ill.
- Heidemann S, Kelzenberg H, Ezdenebat U, Pohl E.** The first documentary evidence for Qara Quorum from the Yea 635 (1237-1238) // Zeitschrift für archäologie Auberew opaischez culture, 2006. T. 1. Pp. 93-102.
- Pegolotti F.B.** La pratica della mercatura. Cambridge. Mass.: Mediaeval Academy of America, 1936.
- Rice D.** Islamic art. London, 1977. 286 p.
- Sanusi P.** Sejarah Indonesia. Jakarta: Perpustakaan Perguruan Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan, 1955. T. 1. 266 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ им. Абая	Алма-Атинский Государственный педагогический институт им. Абая
ВГО	Всесоюзное географическое общество. Москва
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург
ИИ АН КиргССР	Институт истории Академии наук Киргизской ССР
ИИА АН УзССР	Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, Самарканд
ИРГО	Известия Русского географического общества. Санкт-Петербург
КАЭЭ	Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА	Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград
МИА	Материалы исследований по археологии СССР. Москва
МИКК	Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва
МИКХ	Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков. Алма-Ата
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л.
МИУТТ	Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ленинград
МИЦАИ	Международный Институт Центрально-азиатских исследований. Самарканд

НЭ	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОВГЭ	Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ООН АН ТаджССР	Отделение общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РГО	Русское географическое общество. Санкт-Петербург
СА	Советская археология. Москва
СВ	Советское востоковедение. Москва-Ленинград
СМИЗО	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
СЭ	Советская этнография. Москва
ТИИА АН УзССР	Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
ТИИАЭ АН КазССР	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТИИАЭ АН ТаджССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, Душанбе
ТИИЕТ	Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Москва
ТИЭ АН СССР	Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва
ТД СПИПАИ	Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований в СССР
ТОВЭ	Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТСАГУ	Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ЮККАЭ	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция

Научное издание

Байпаков К.М.

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)

Книга III часть 1

Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в.

В оформлении обложки книги использовано изображение серебряной
монеты Алматы 684 г. хиджры / 1285-1286 гг. н.э.

Перевод на казахский язык
Ералы Акымбек

Перевод на английский язык
Ляйла Сейфулина

Дизайн и вёрстка
Ольга Кузнецова

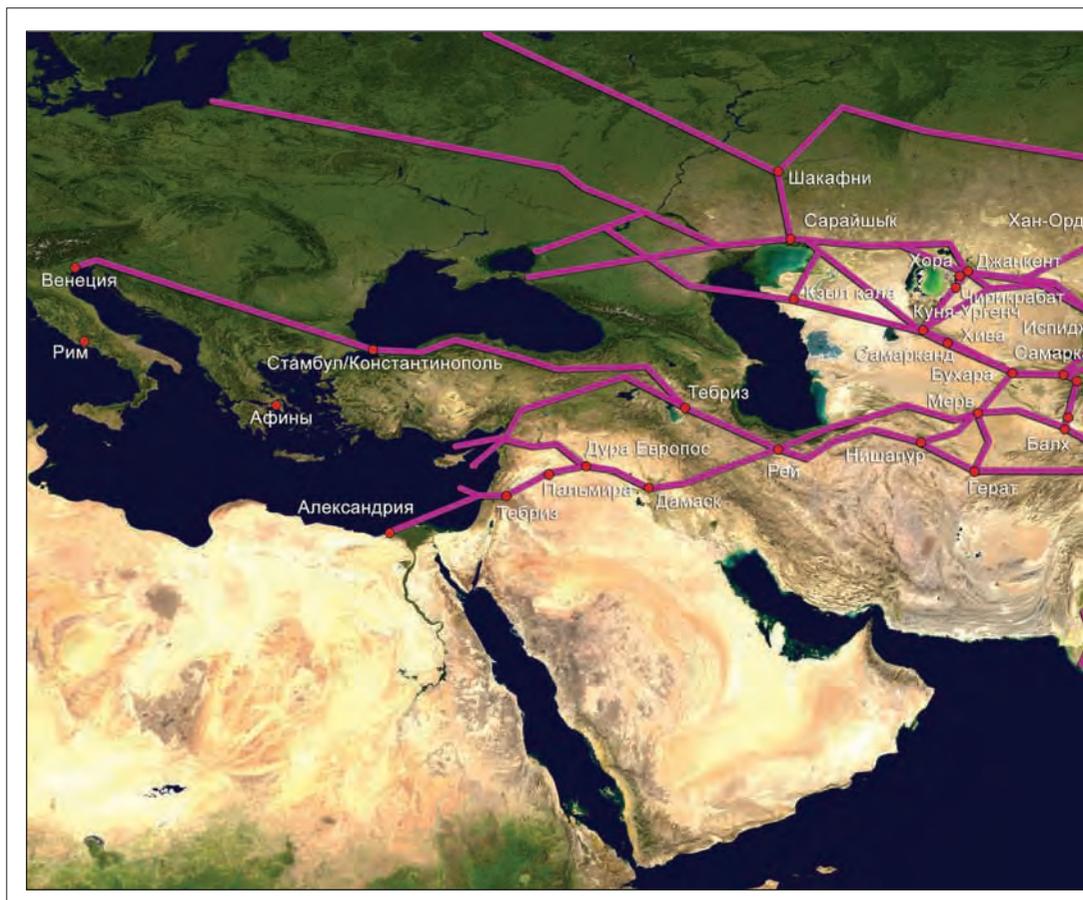
Подписано в печать 04.07.2016 г.
Формат издания 70x100 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.

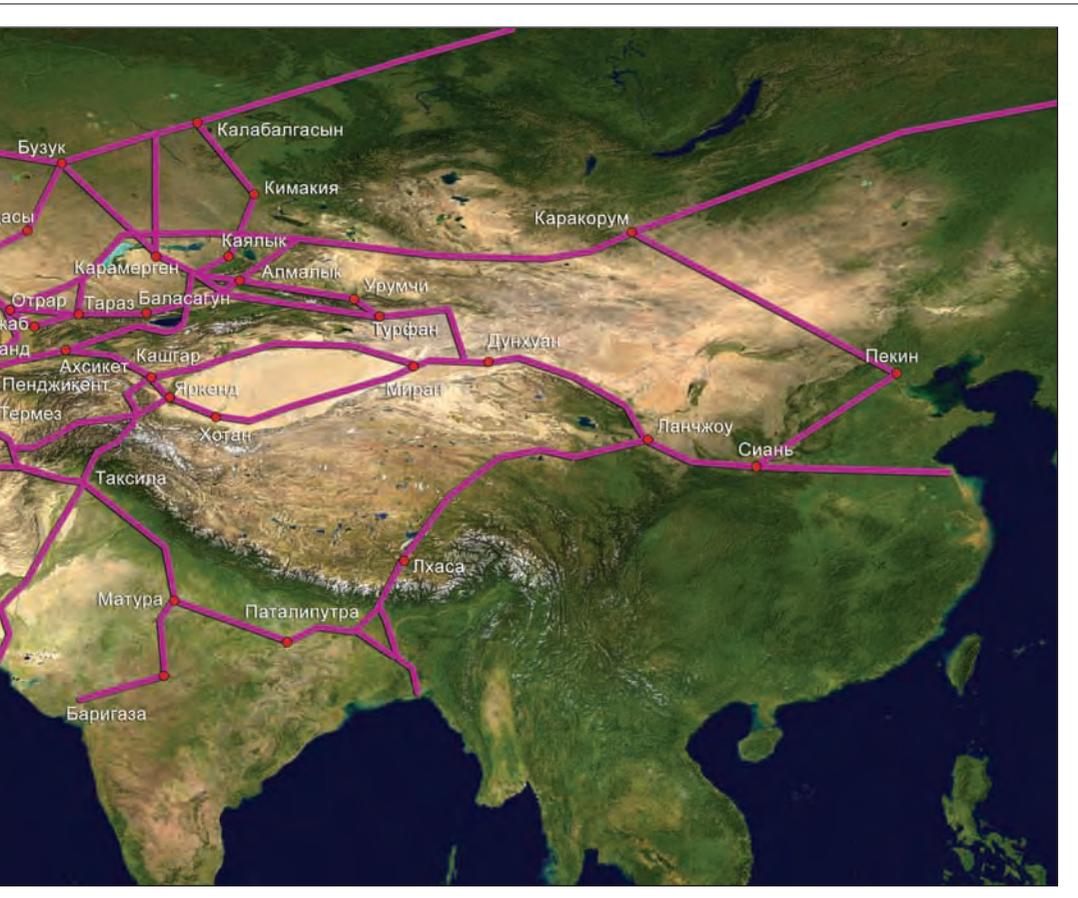
Отпечатано в типографии «Хикари»

**Иллюстрации к главе I. Города Южного Казахстана, Приаралья
и Юго-Западного Жетысу в XIII – первой половине XV в.:
история, хронология, локализация**

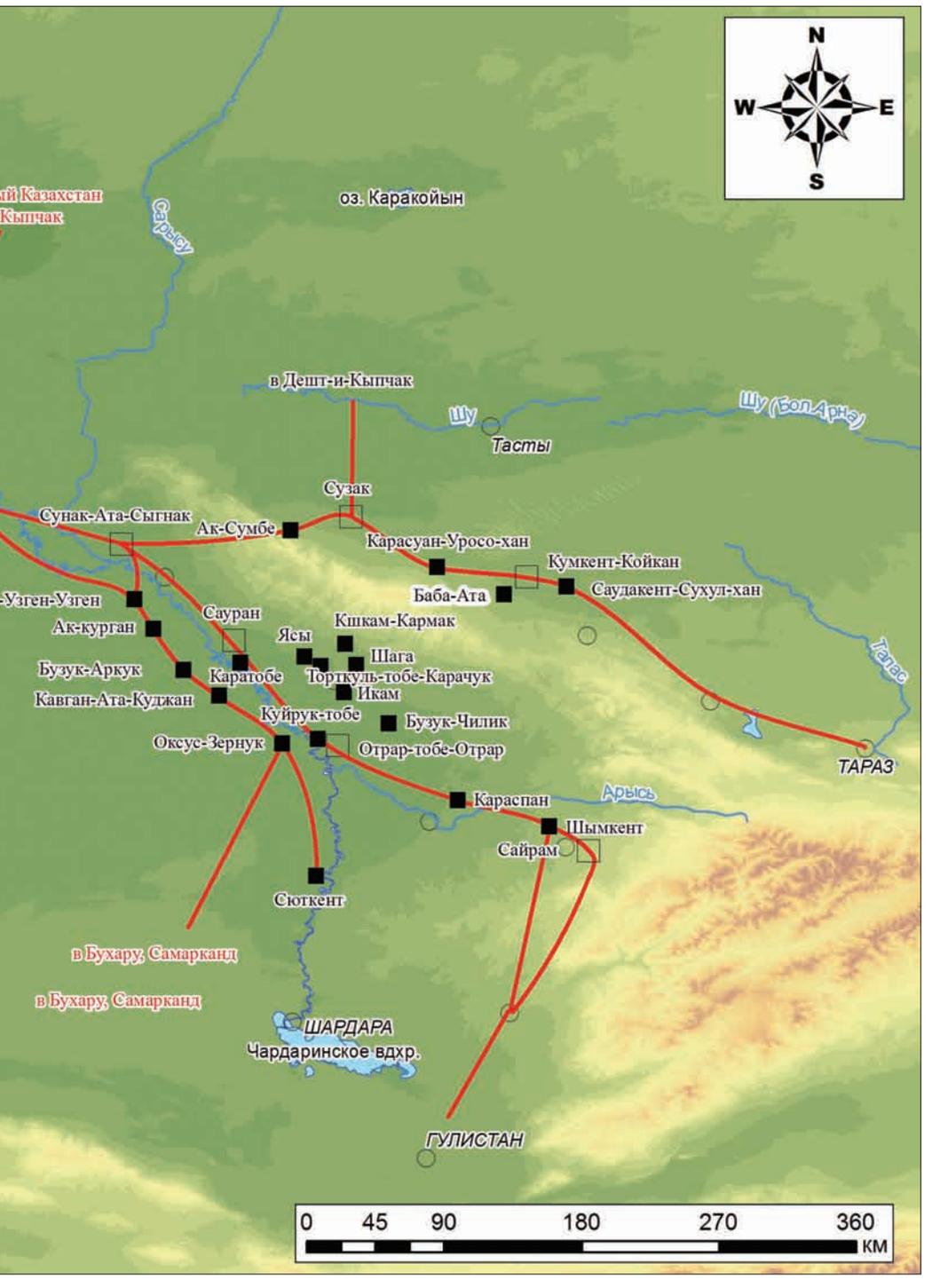
Цв. рис. 1. Город Сауран. Аэрофото

Цв. рис. 2. Карта. Великий Шелковый путь

Цв. рис. 3. Карта. Города Южного Казахстана и Приаралья

Цв. рис. 4. Карта. Отрарский оазис

Цв. рис. 5. Городище Отрартобе – город Отрар. I-XVIII вв. Аэрофото

Цв. рис. 6. Городище Куйрыктобе – город Кедер. I-XV вв. Аэрофото

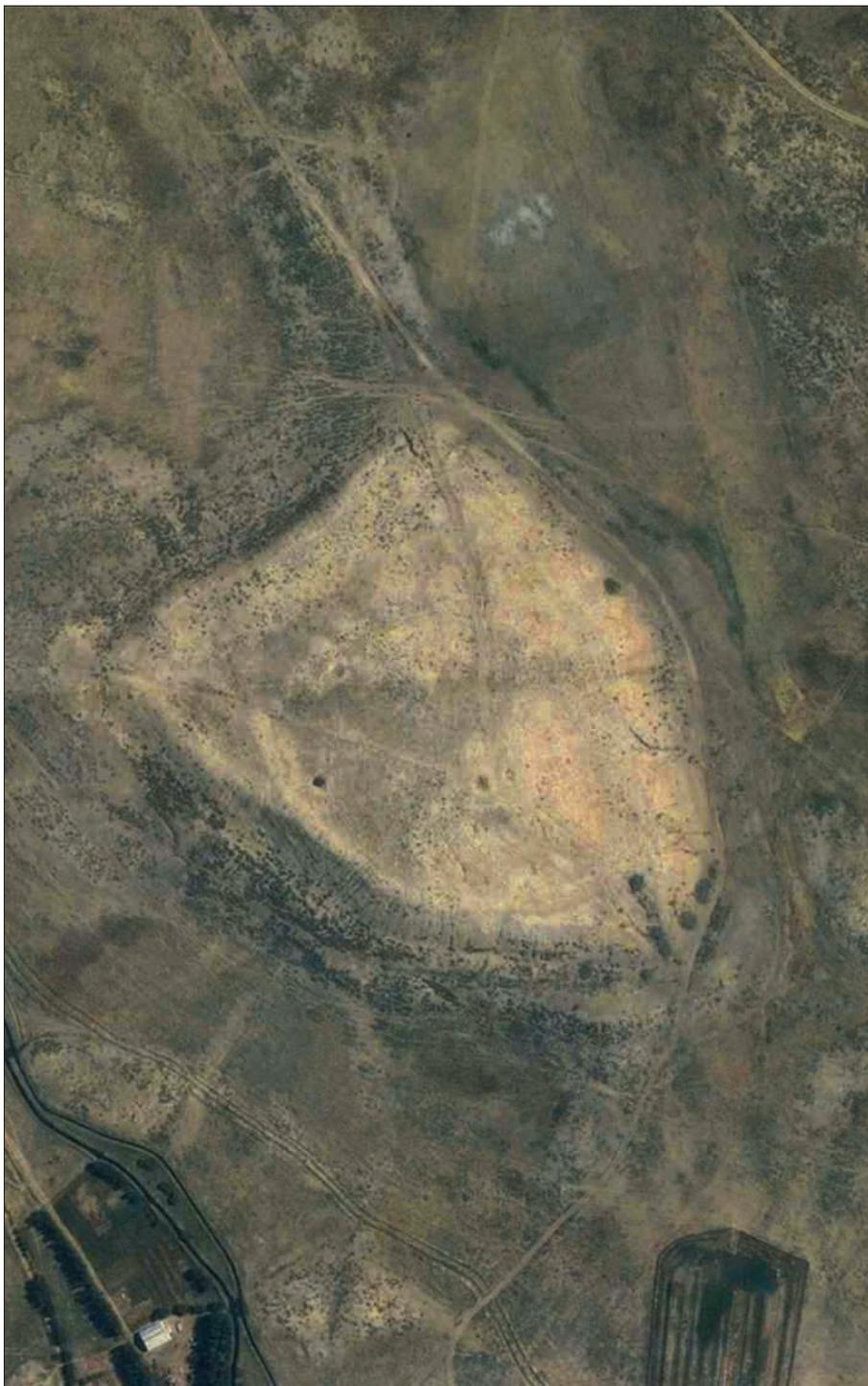

Цв. рис. 7. Городище Оксыз – город Весидж-Зернук. I-XV вв. Аэрофото

Цв. рис. 8. Городище Бузук – город Чилик. Аэрофото

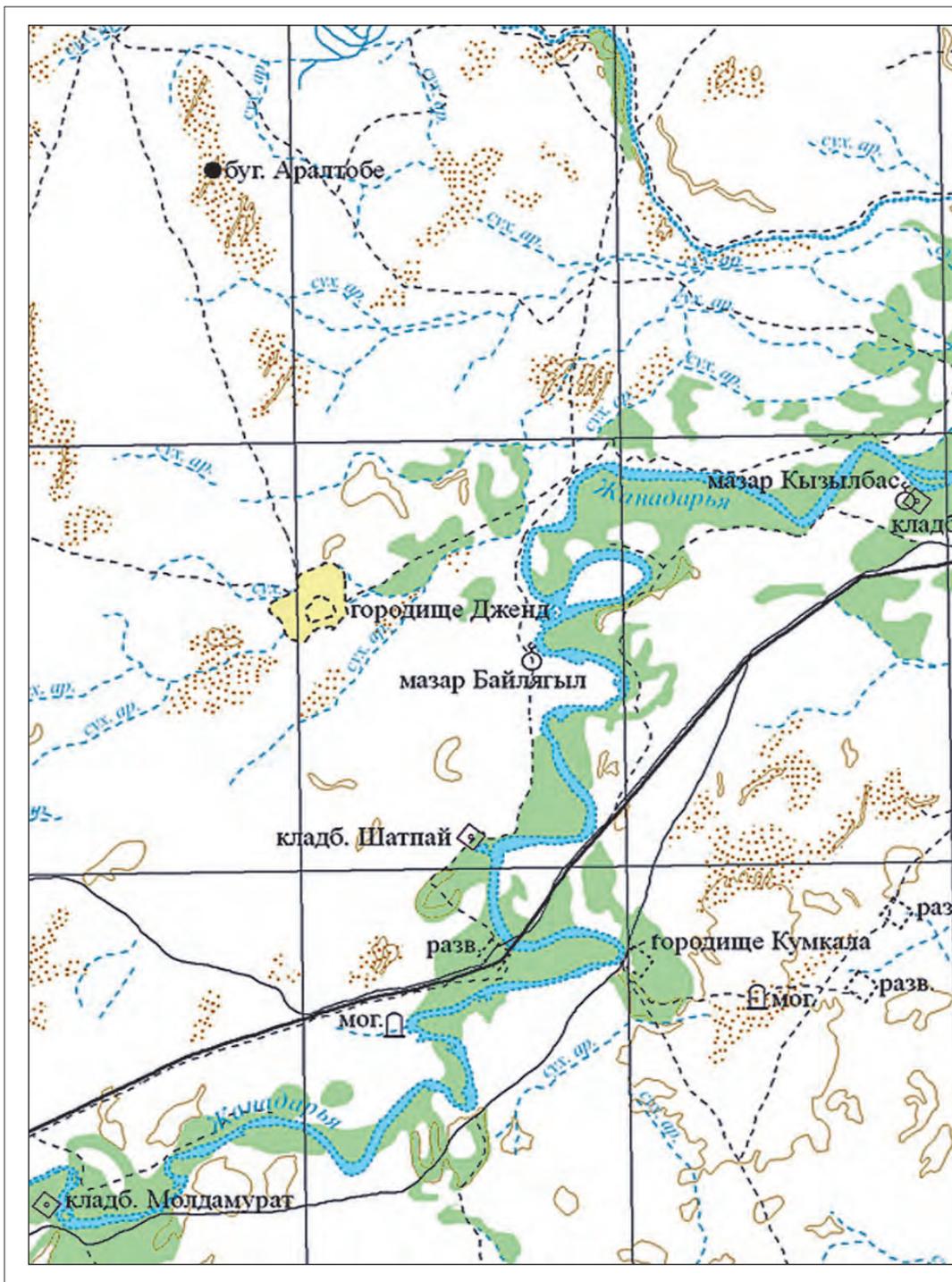
Цв. рис. 9. Городище Кумкент – город Койкан. Аэрофото

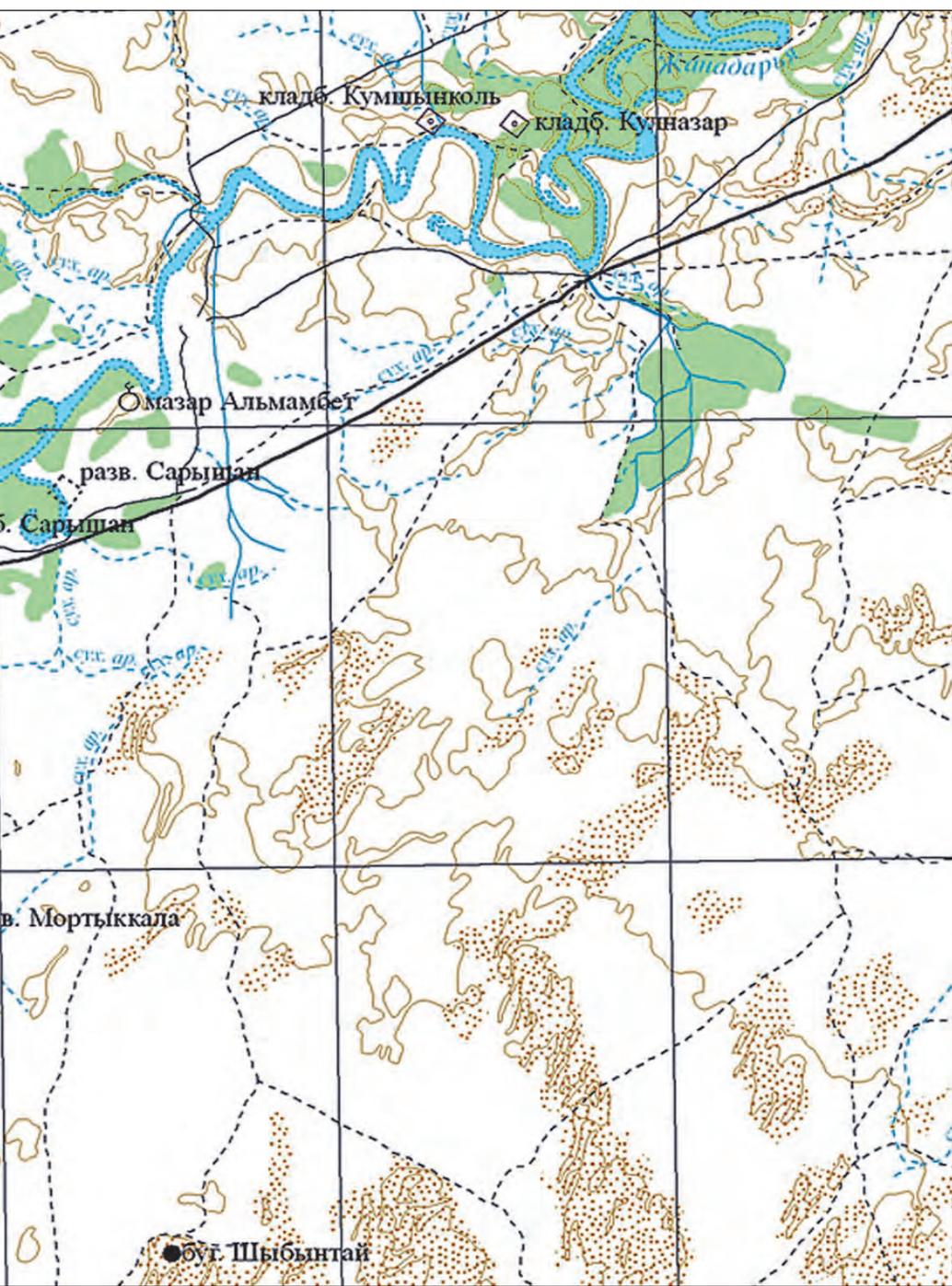

Цв. рис. 10. Городище Карасуан – город Уросоган. Аэрофото

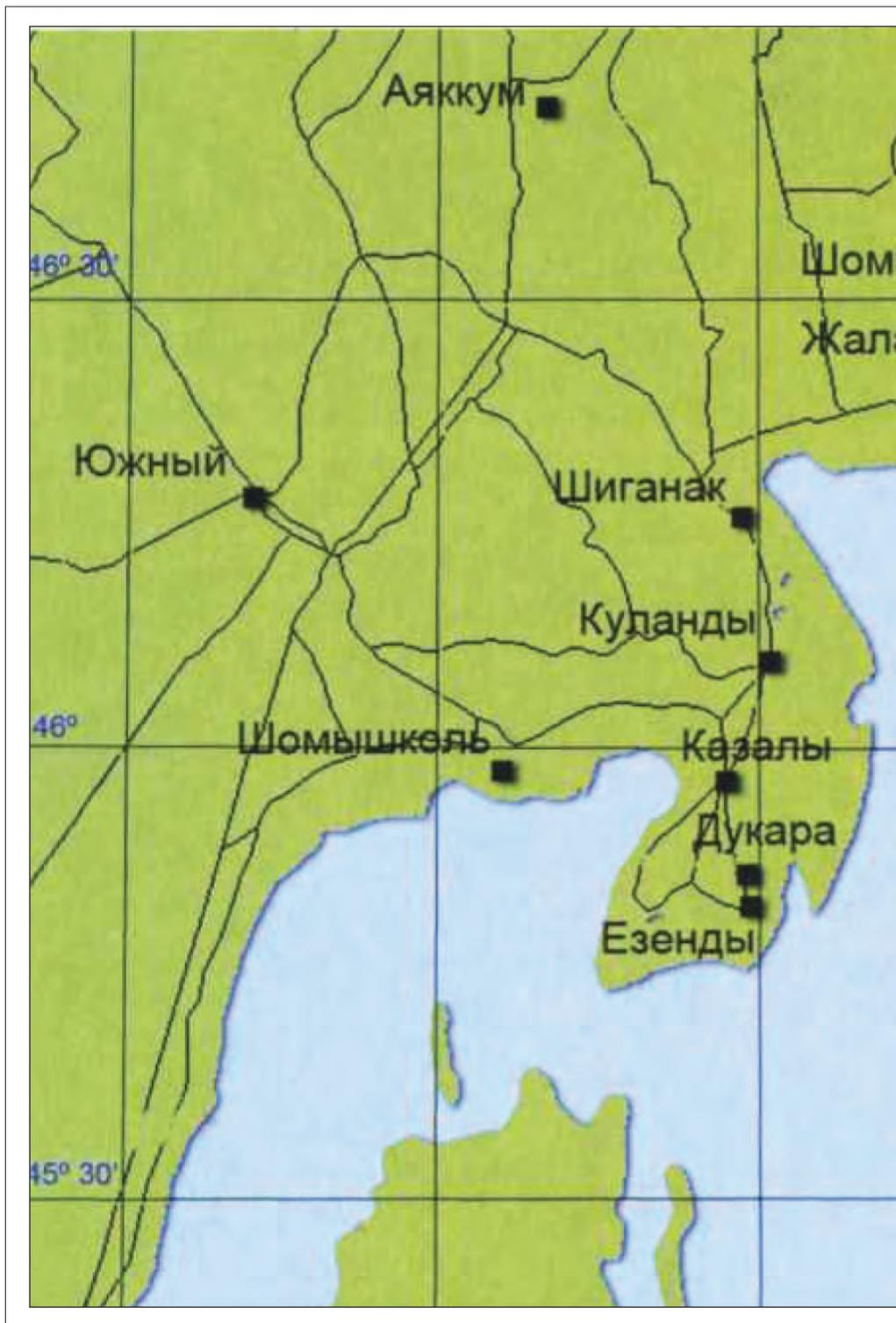

Цв. рис. 11. Городище Асанас. Баиня

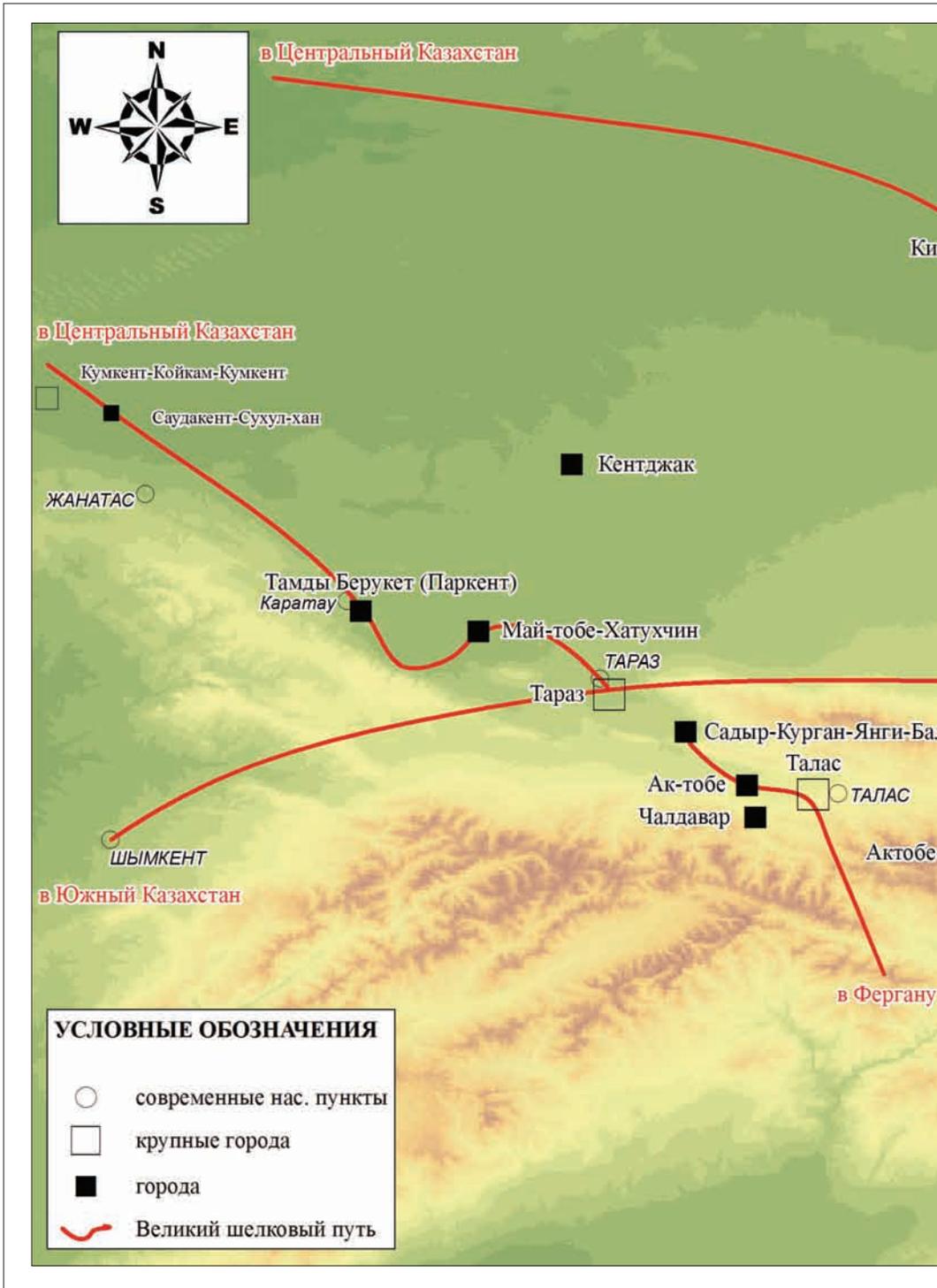

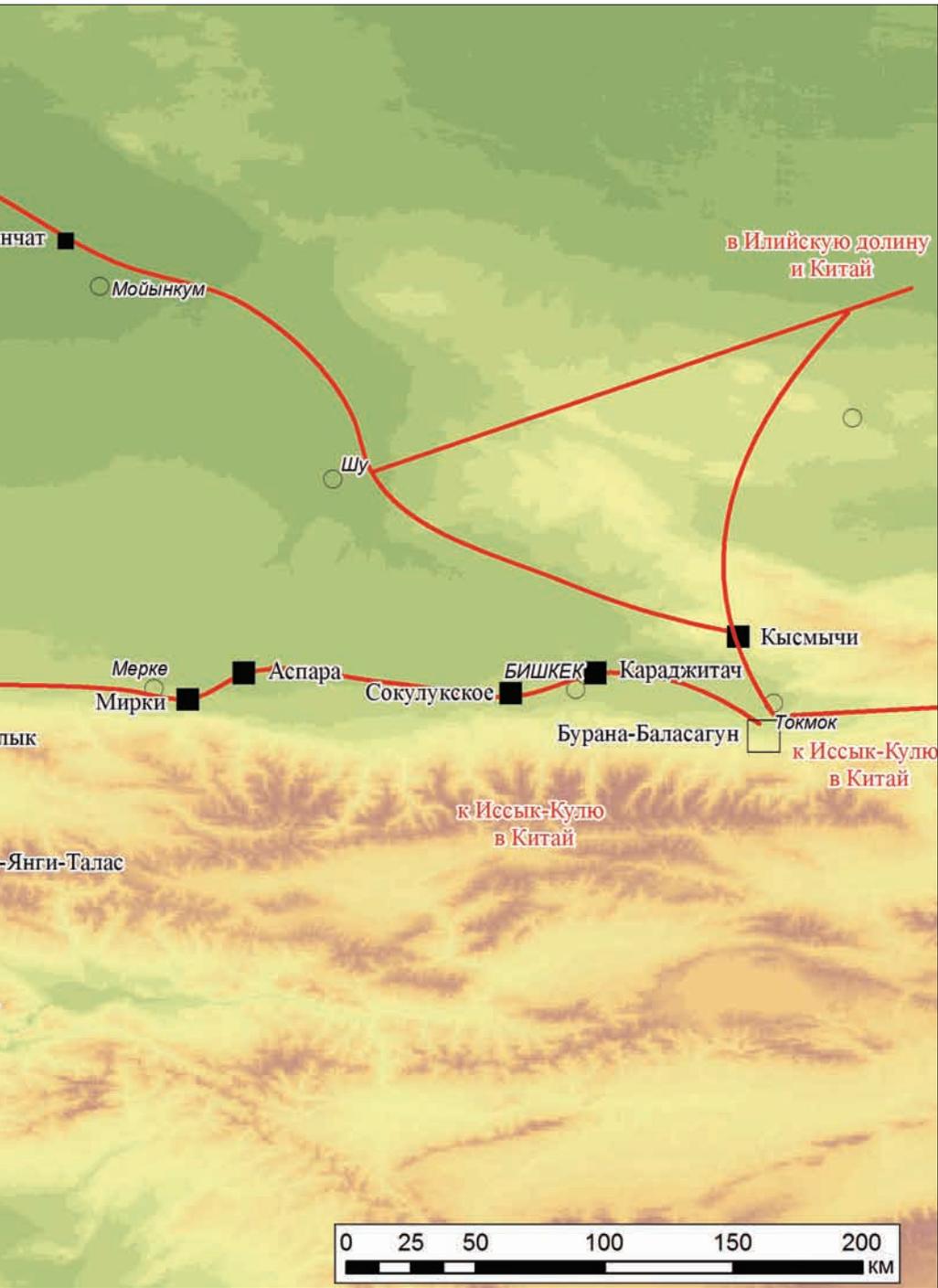
Цв. рис. 12. Приаралье. Карта городищ

Цв. рис. 13. Карта Арала. Алтын-асар

Цв. рис. 14. Карта городов Юго-Западного Жетысу (Таласская и Шуйская долины)

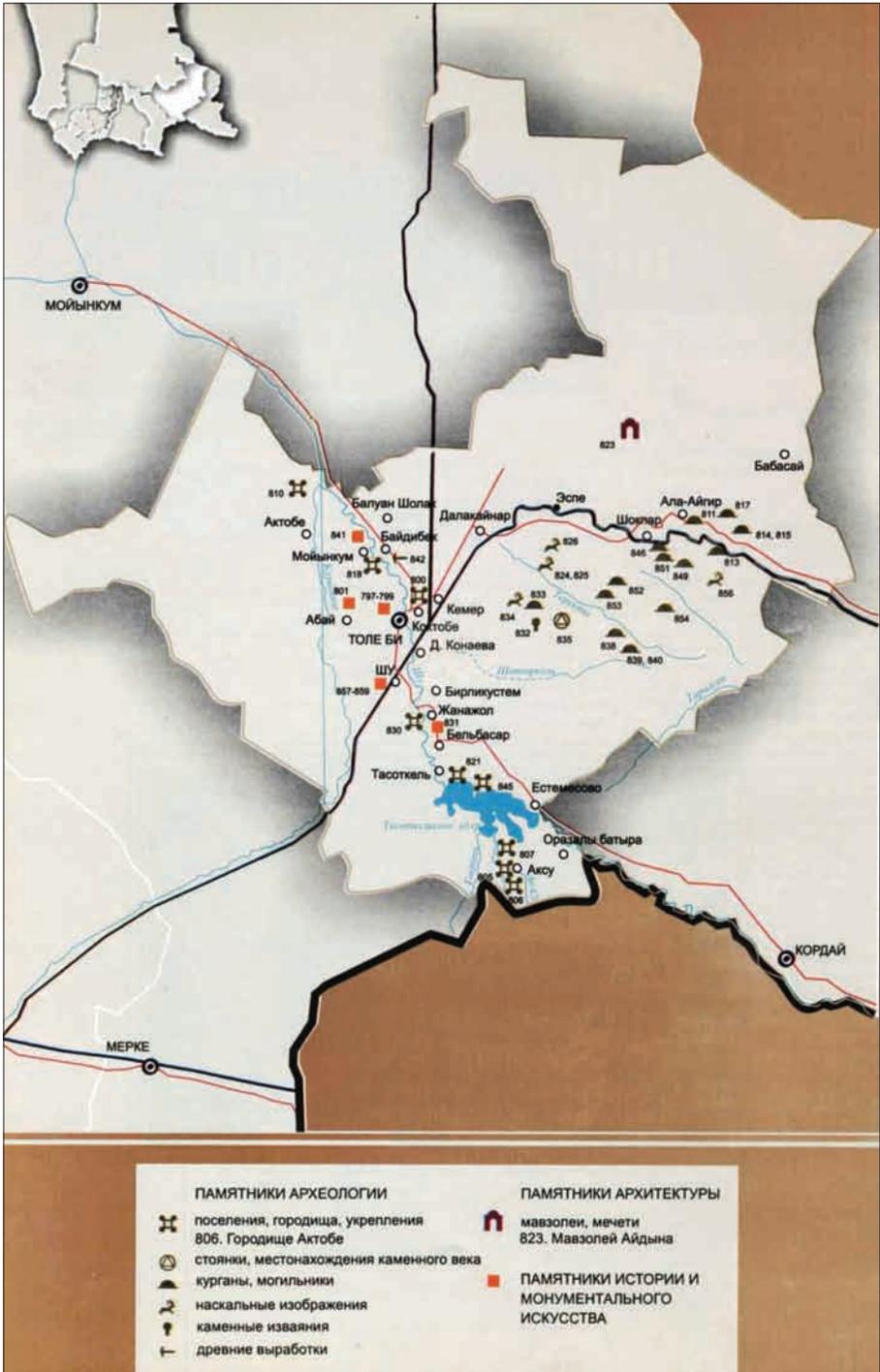

Цв. рис. 15. Городище Тамды – Хотухчин. Аэрофото

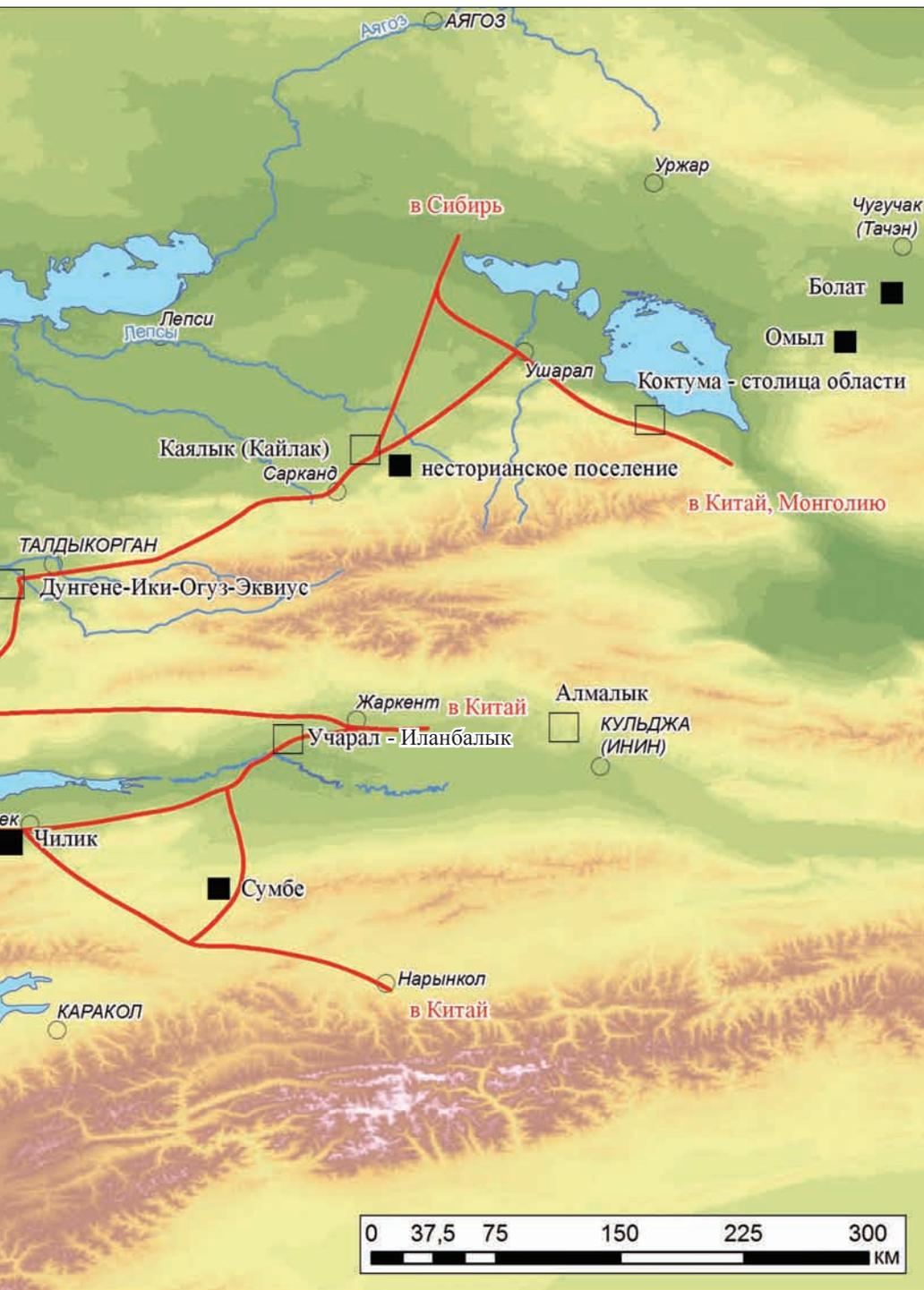
Цв. рис. 16. Городище Бурана – Баласагун. Аэрофото

Цв. рис. 17. Карта памятников Моинкумского района. №573 – городище Шары – город Кинчат

Цв. рис. 18. Карта памятников Шуйского района.
№800 – городище Корганиши

Цв. рис.19. Карта. Города Северо-Восточного Жетысы

Цв. рис. 20. Карта А.Дженкинсона 1562 г.
Город Шакафни – городище Жайык

Цв. рис. 21. Карта-схема маршрутов караванных путей через Арало-Каспийский регион в средние века (по З.Самашеву, К.Кушербаеву, Е.Аманшаеву, А.Астафьеву)

Цв. рис. 22. Городище Кызыл-кала. XI-XIV вв. Аэрофото

Иллюстрации к главе II. Археологические исследования памятников XIII-XV вв. в Южном Казахстане и Приаралье: раскопки, стратиграфия, застройка

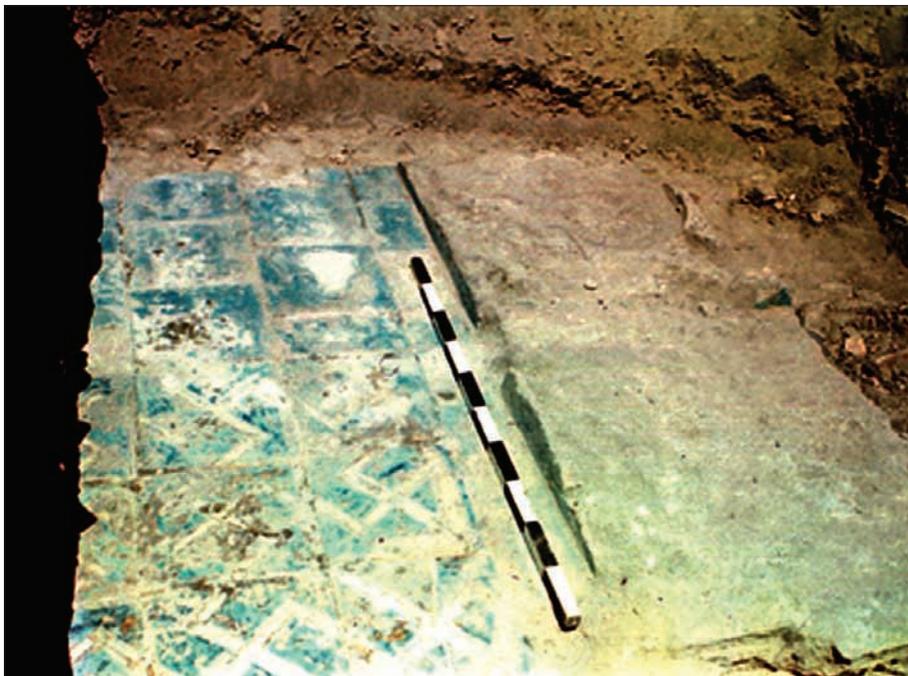
Цв. рис. 23. Отрар. Баня. Общий вид после раскопок

Цв. рис. 24. Отрар. Баня XIII-XV вв. Топка

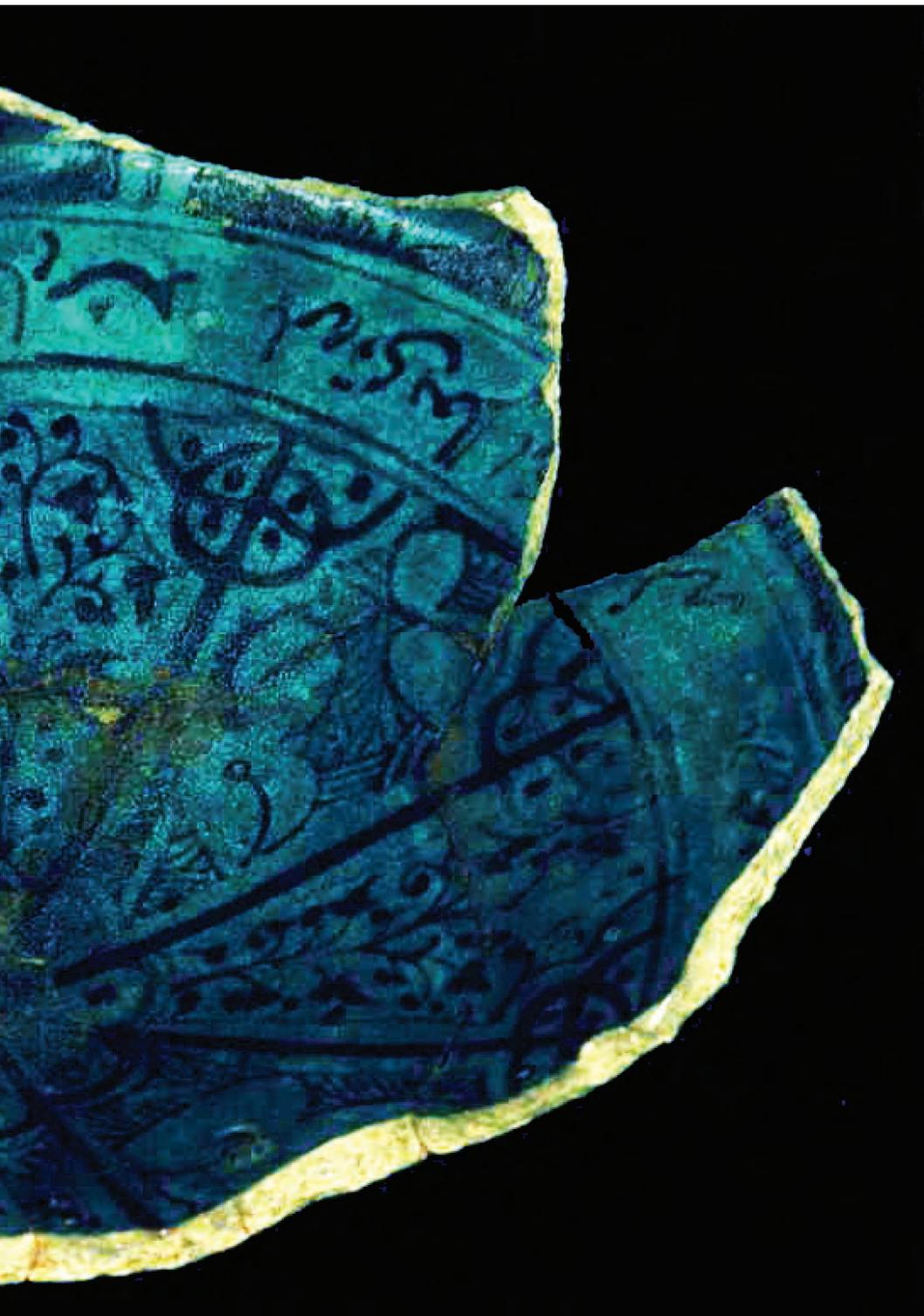

Цв. рис. 25. Отрар. Баня XIII-XV вв. Остатки санитарного помещения

Цв. рис. 26. Отрар. Баня XIII-XV вв. Остатки вымостки пола плиткой

Цв. рис. 27. Отрар. Баня. Поливное блюдо с подглазурной росписью и персидской надписью XIV-XV вв.

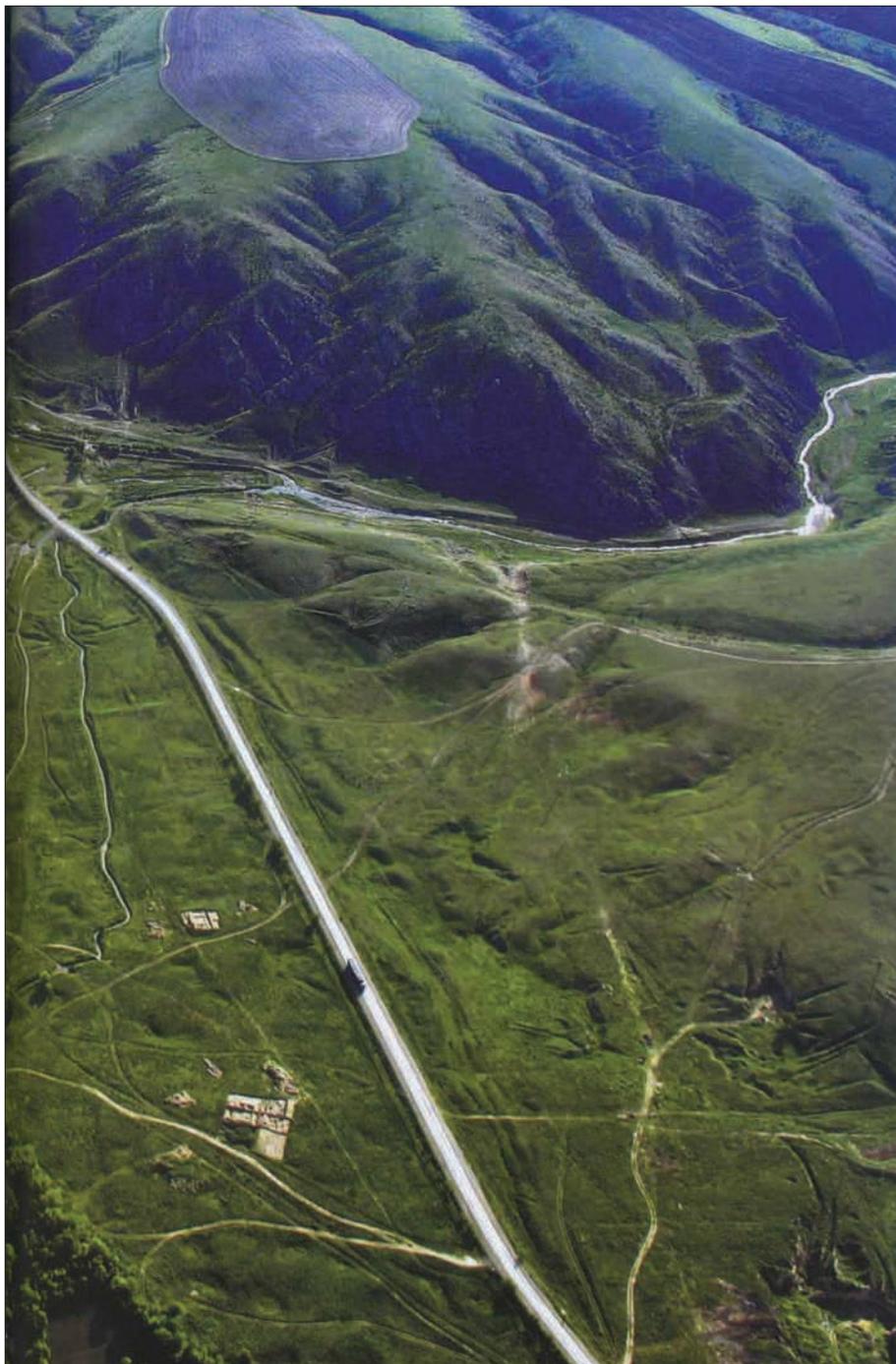
***Иллюстрации к главе III. Застройка городов Жетысу
и Центрального Казахстана***

Цв. рис. 28. Городище Аспара. Вид с востока

Цв. рис. 29. Городище Аспара. Аэрофото

Цв. рис. 30. Городище Антоновка - город Каялык. Южная часть

Цв. рис. 31. Городище Антоновка – город Каялык. Богатая усадьба. Общий вид

Цв. рис. 32. Городище Антоновка – город Каялык. Богатая усадьба. Система отопления каналами

Цв. рис. 33. Городище Антоновка – город Каялык. Раскоп 14

Цв. рис. 34. Городище Антоновка – город Каялык. Раскоп 20

Цв. рис. 35. Городище Антоновка – город Каялык. Баня. Общий вид

*Цв. рис. 36. Городище Антоновка – город Каялык.
Большая ванна в моечном отделении*

*Цв. рис. 37. Городище Антоновка – город Каялык. Баня.
Емкость для нагрева воды*

Иллюстрации к главе IV. Раскопки городищ Западного Казахстана

Цв. рис. 38. Городище Жайык. Раскопки «Малой усадьбы»

Цв. рис. 39. Городище Жайык. Раскопки «Большой усадьбы»

Цв. рис. 40. Городище Жайык. Помещение. Суфы

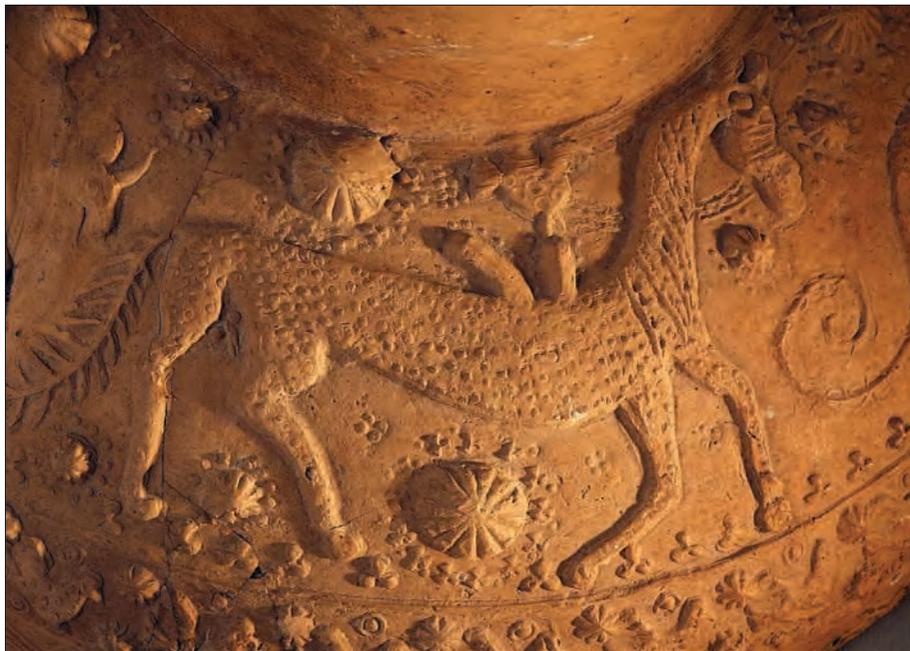

Цв. рис. 41. Городище Жайык. Каны в помещении

Иллюстрации к главе V. Городские ремесла

Цв. рис. 42. Городище Отрар. Кувшин со штампованным орнаментом

Цв. рис. 43. Городище Отрар. Кувшин со штампованным орнаментом. Фрагмент

Цв. рис. 44. Городище Отрар. Кувшин со штампованным орнаментом. Фрагмент

Цв. рис. 45. Городище Отрар. Фляга со штампованным орнаментом

Цв. рис. 46. Городище Отрар. Кувшин со штампованным орнаментом

Цв. рис. 47. Городище Отрар. Светильник со штампованным орнаментом

Цв. рис. 48. Отрар. Блюдо с
геометрическим орнаментом.
XIII-XIV вв.

Цв. рис. 49. Отрар. Чаша с
геометрическим орнаментом.
XIII-XIV вв.

Цв. рис. 50. Отрар. Чаша с растительным и геометрическим орнамент. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 51. Отрар. Поливная чаша. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 52. Отрар. Поливная чаша. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 53. Отрар. Чаша с геометрич. орнаментом. XIII-XIV вв.

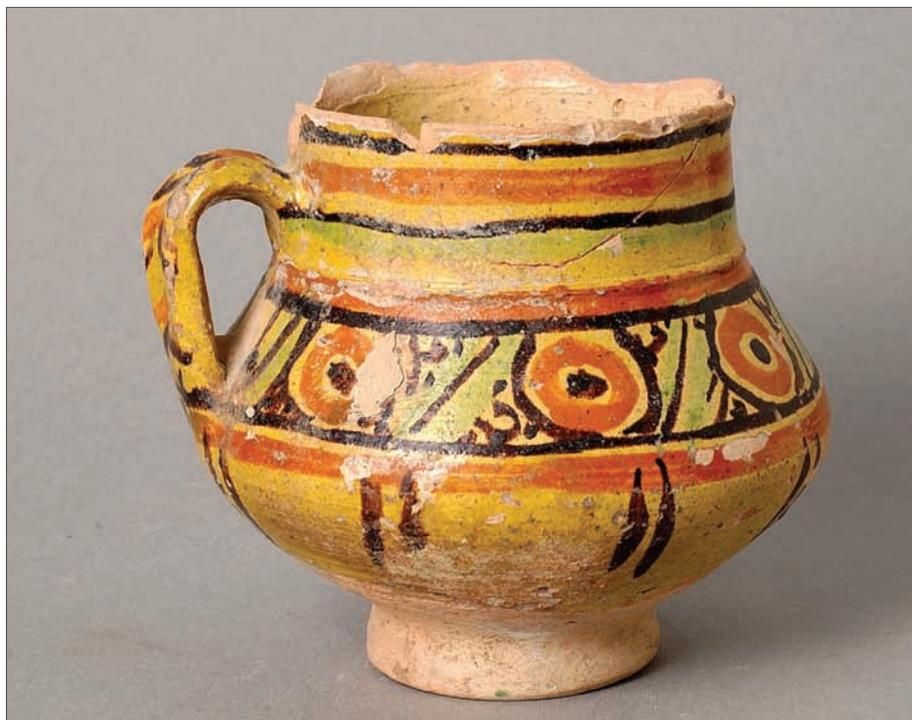
Цв. рис. 54. Отрар. Чаша с растительным и эпиграфическим орнаментом. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 55. Отрар. Чаша с геометрич. орнаментом. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 56. Отрар. Чаша с этиграфическим орнаментом. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 57. Отрар. Кружка с геометрическим орнаментом. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 58. Отрар. Кувшин. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 59. Отрар. Кувшинчик. XIV-XV вв.

Цв. рис. 60. Отрар. Сосуд с налепами. XIV-XV вв.

Цв. рис. 61. Отрар. Сосуд. XIV-XV вв.

Цв. рис. 62. Отрар. Сосуд. XIV-XV вв.

Цв. рис. 63. Отрар. Светильник, украшенный изображением драконов. XIV в.

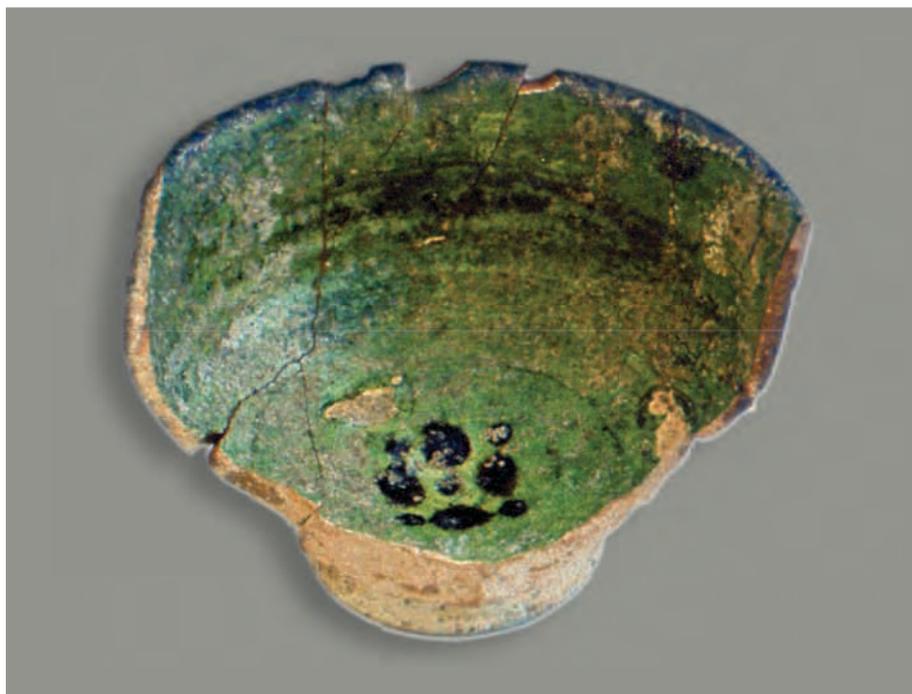
Цв. рис. 64. Городище Садыр-Курган. Поливное блюдо

Цв. рис. 65. Городище Садыр-Курган. Поливное блюдо

Цв. рис. 66. Городище Садыр-Курган. Поливная чаша

Цв. рис. 67. Городище Садыр-Курган. Поливная чаша

Цв. рис. 68. Тараз. Кувшин с эпиграфическим орнаментом, покрытый голубой поливой

Цв. рис. 69. Тараз. Кувшин с эпиграфическим орнаментом, покрытый голубой поливой

*Цв. рис. 70. Караван-сарай вблизи Тараза.
Поливная чаша*

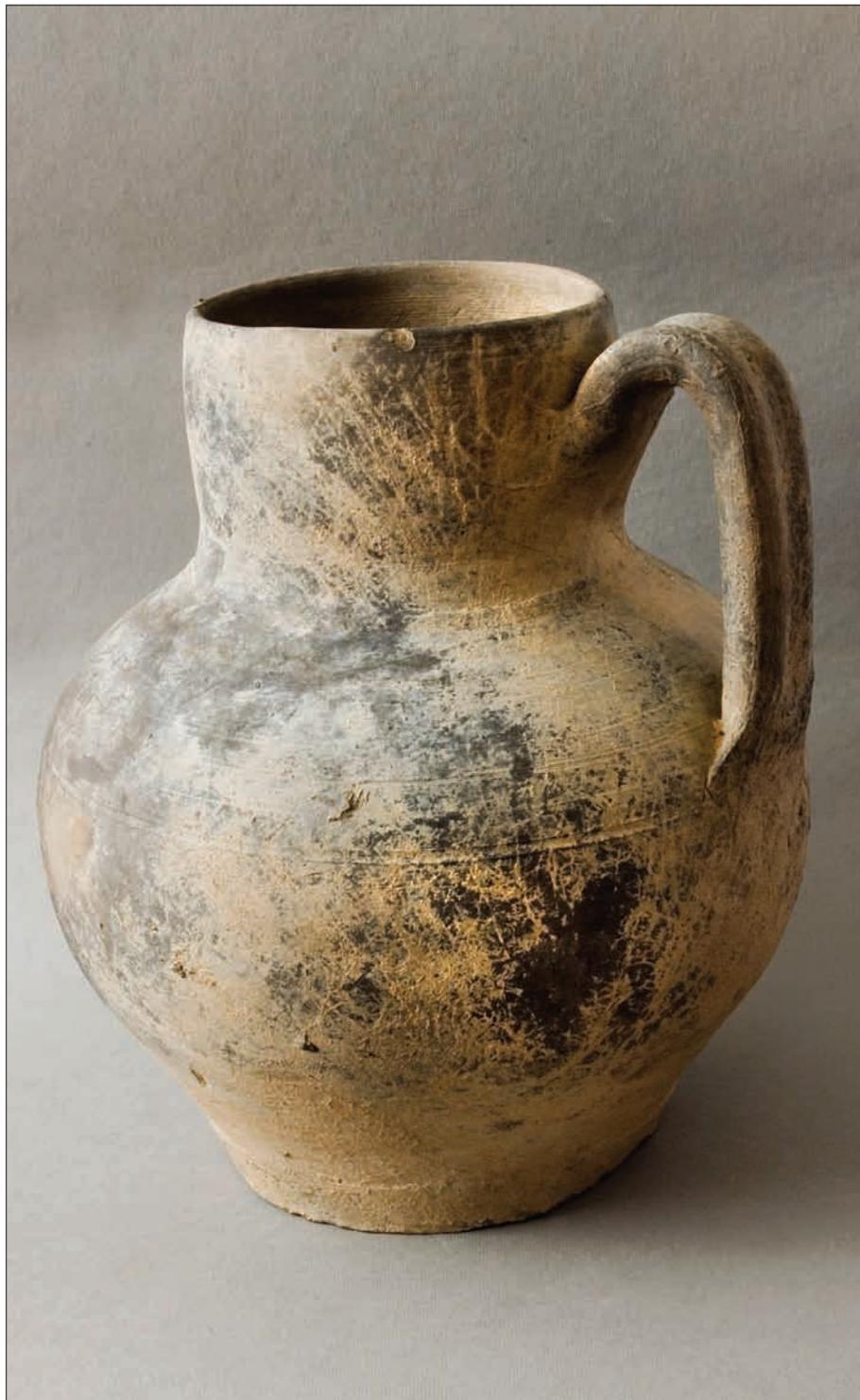
*Цв. рис. 71. Караван-сарай вблизи Тараза.
Фрагмент горловины сосуда-вододея*

Цв. рис. 72. Городище Антоновка – город Каялык. Поливная Чаша

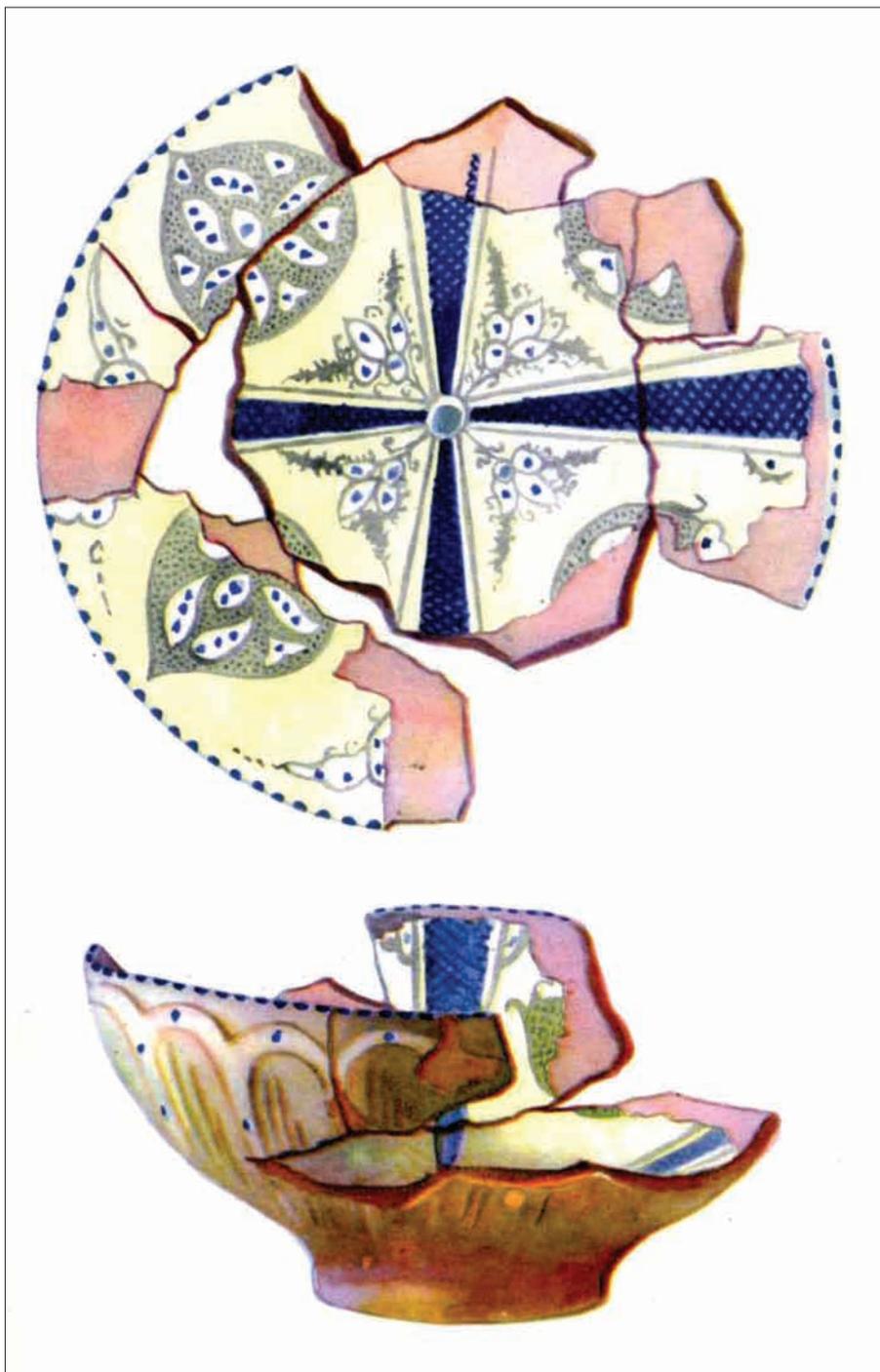
Цв. рис. 73. Городище Антоновка – город Каялык. Поливная ваза

Цв. рис. 74. Городище Антоновка – город Каялык. Сероглиняный кувшин

Цв. рис. 75. Городище Сарайчик. Поливная чаша (по А.Х.Маргулану)

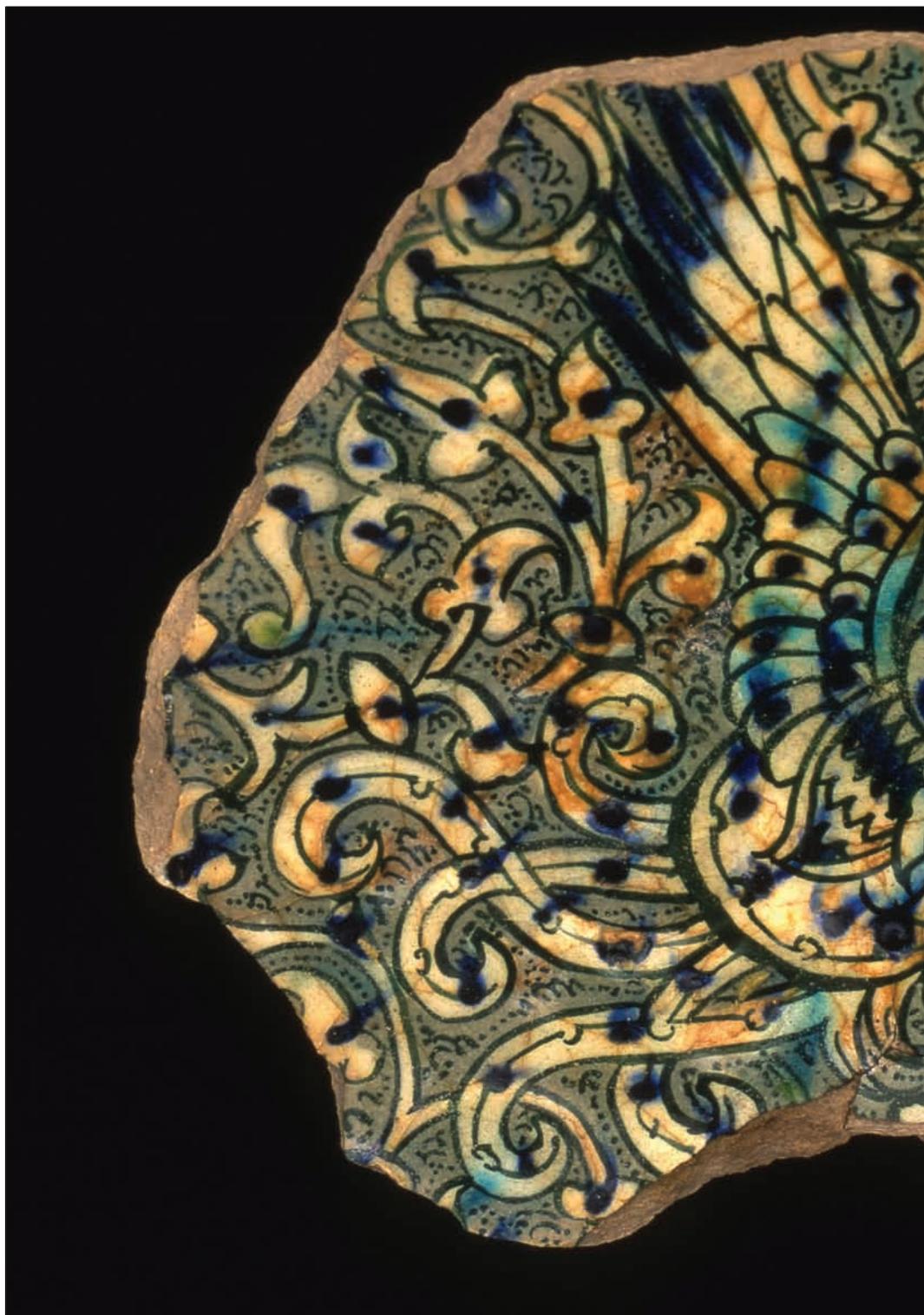
Цв. рис. 76. Городище Сарайчик. Поливная чаша (по А.Х.Маргулану)

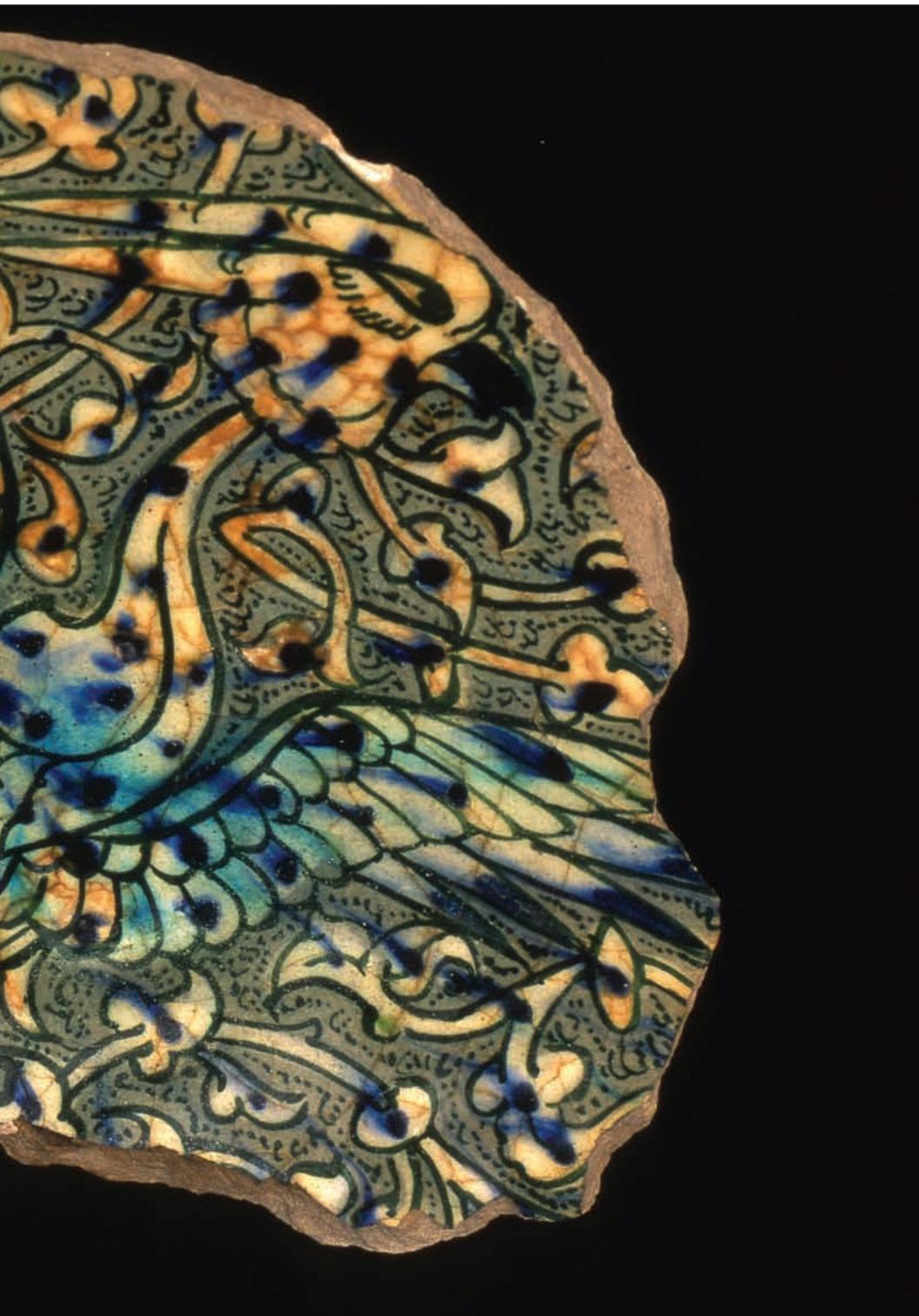

Цв. рис. 77. Городище Сарайчик. Поливная чаша (по А.Х.Маргулану)

Цв. рис. 78. Городище Сарайчик. Поливная чаша (по А.Х.Маргулану)

Цв. рис. 79. Городище Сарайчик. Поливное блюдо. Фрагмент

Цв. рис. 80. Городище Сарайчик. Поливная керамика. Блюдо и сосуд с налелями

Цв. рис. 81. Городище Сарайчик. Поливная чаша

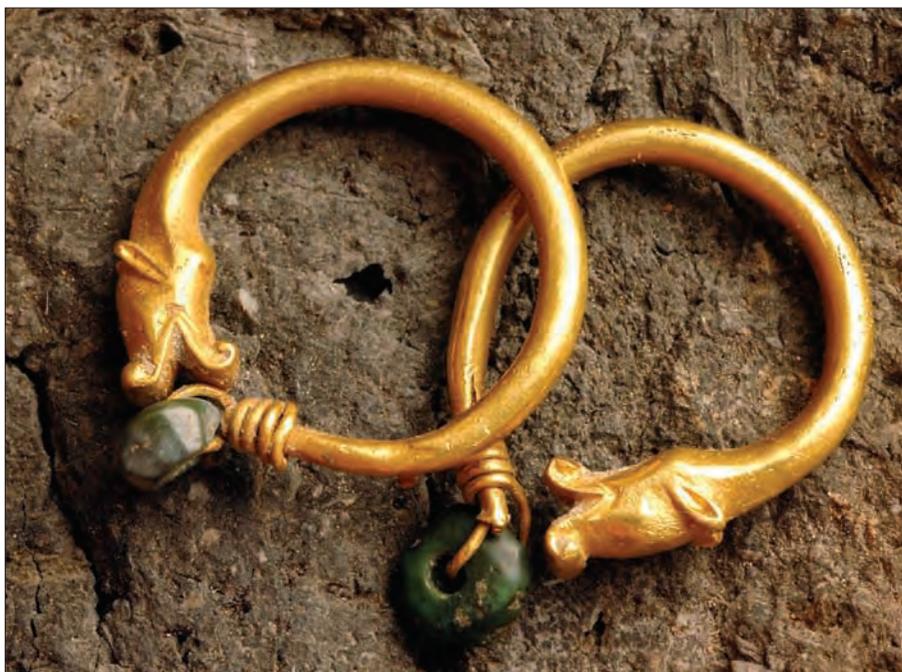
Цв. рис. 82. Городище Отрар. Серьга. XIV в. Золото

Цв. рис. 83. Городище Жайык. Серьги. XIV в. Золото

Цв. рис. 84. Городище Антоновка – город Каялык. Серьга. XII-XIII вв. Золото

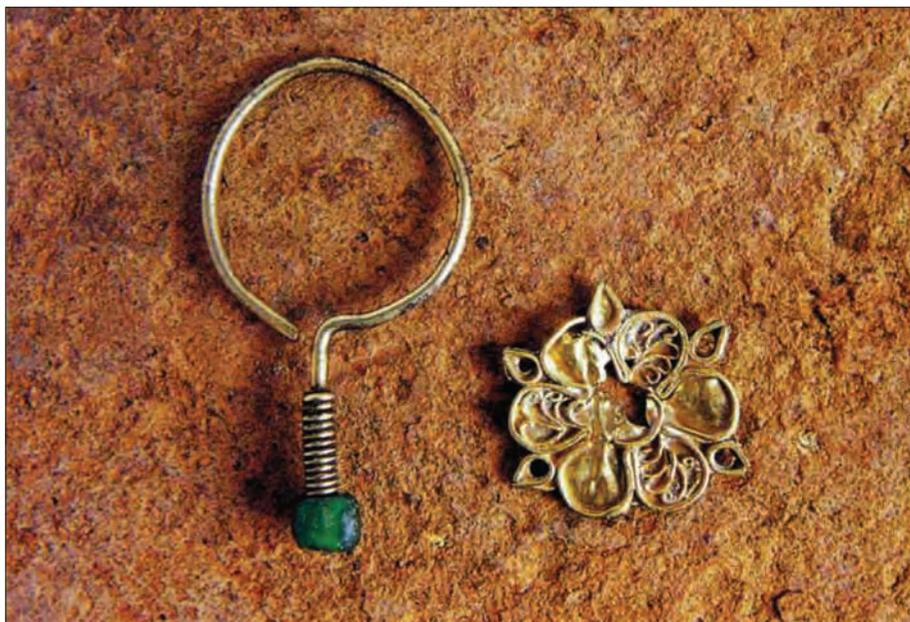

Цв. рис. 85. Мавзолей Кердери 2. Серьги. Золото

Цв. рис. 86. Городище Антоновка – город Каялык. Мавзолей. Золотые украшения и бусы из женского погребения. XII – первая половина XIII в.

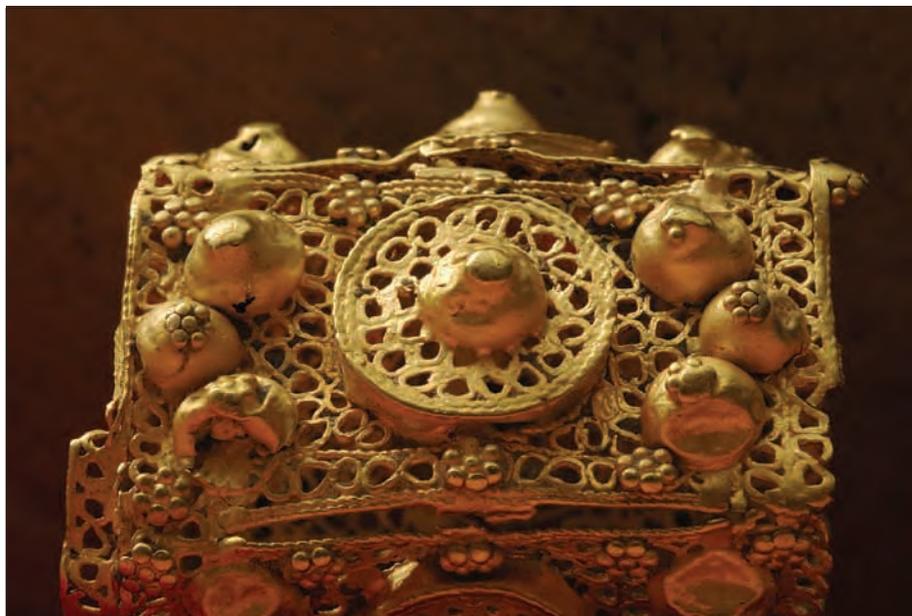
Цв. рис. 87. Городище Сарайчик. Золотые украшения. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 88. Городище Сарайчик. Золотые серьги и украшения. XIII-XIV вв.

*Цв. рис. 89. Городище Отрар.
Золотой футляр стеклянного флакона. XIV в.*

Цв. рис. 90. Городище Отрар. Золотой футляр стеклянного флакона. XIV в.

Цв. рис. 91. Сайрам. Золотые украшения из клада 1424-1425 гг. (по Б.А. Байтанаеву)

Цв. рис. 92. Городище Отрар. Бронзовый кувшин

Цв. рис. 93. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 94. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 95. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 96. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 97. Бронзовый светильник из Мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави
(Лувр, Франция)

Цв. рис. 98. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 99. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый светильник

Цв. рис. 100. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый молоток на левой створке двери

Цв. рис. 101. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Бронзовый молоток на правой створке двери

Цв. рис. 102. Тараз. Бронзовое блюдо. XIII в.

Цв. рис. 103. Городище Отрар. Щиток серебряного перстня. XIII в..

Цв. рис. 104. Городище Отрар. Серебряные витые браслеты. XIII в.

Цв. рис. 105. Городище Отрар. Чаша. Серебро

Цв. рис. 106. Городище Отрар. Чаша. Серебро. Деталь

Иллюстрации к главе VI. Торговля и денежное обращение

Цв. рис. 107. Городище Антоновка – город Каялык. Иранская чаша из кашана. XIII в.

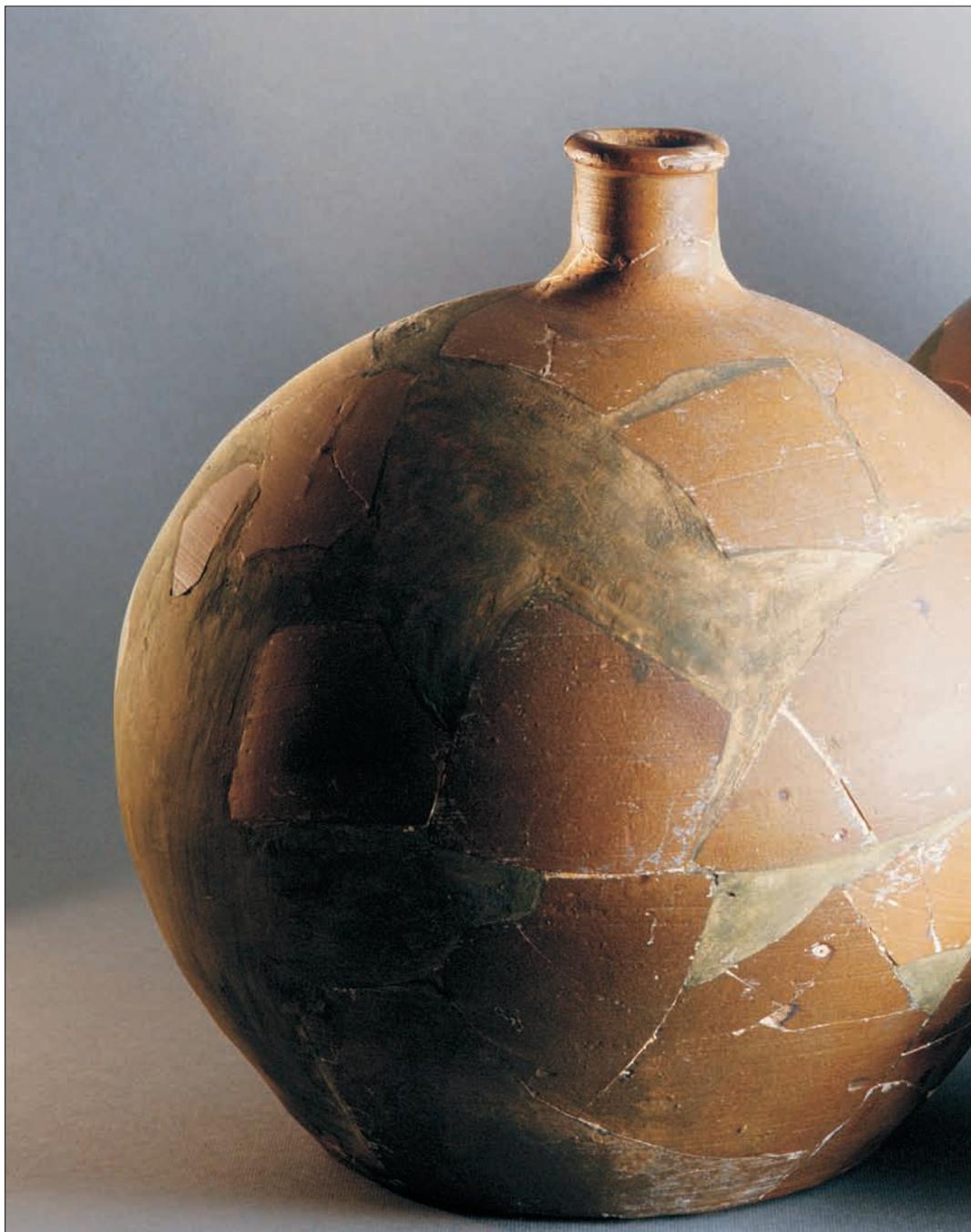

Цв. рис. 108. Городище Антоновка – город Каялык. Иранский лustrовый сосуд

Цв. рис. 109. Городище Талгар. Китайские фарфоровые чаши. XIII в.

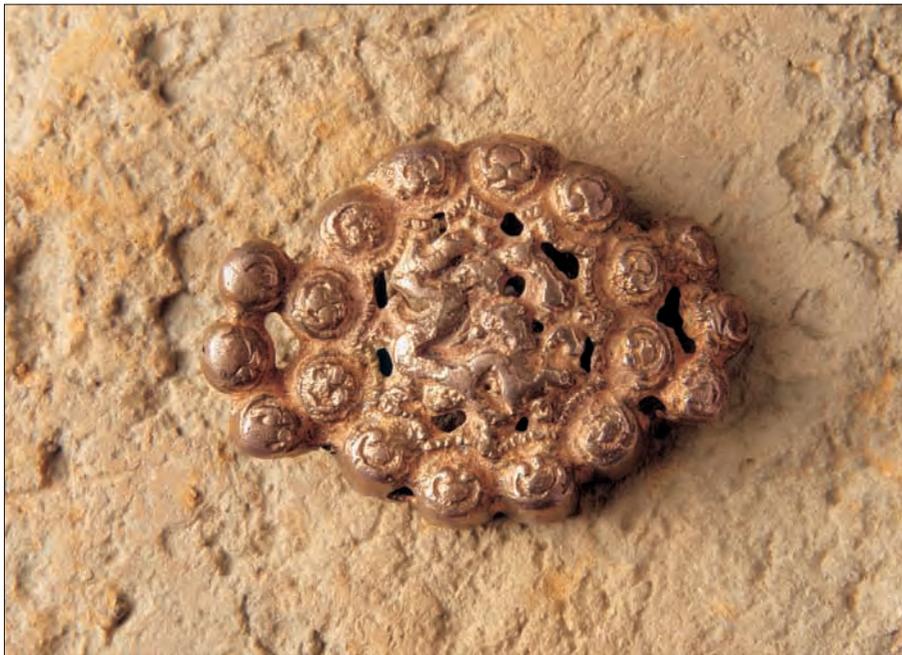
*Цв. рис. 110. Городище Антоновка – город Каялык.
Китайская поливная керамика. XIII в.*

*Цв. рис. 111. Городище Антоновка – город Каялык.
Стеклянная люстра, расписанная цветными эмалями. XIII в.*

Цв. рис. 112. Городище Отрар. Сирийский стеклянный кувшин, расписанный цветными эмалями

*Цв. рис. 113. Городище Антоновка – город Каялык.
Китайская бронзовая бляха. XIII в.*

*Цв. рис. 114. Городище Антоновка – город Каялык.
Киданьская бронзовая печать. XIII в.*

Цв. рис. 115. Городище Отрар. Иранская бронзовая чернильница. XIII-XIV вв.

Цв. рис. 116. Городище Отрар. Иранская бронзовая чернильница. XIII-XIV вв. Деталь

***Иллюстрации к главе VII. Религии и культы в городах Казахстана
в XIII первой половине XV в.***

*Цв. рис. 117. Городище Отрартобе. Соборная мечеть. Южная часть.
Вход в моельный зал.*

Цв. рис. 118. Городище Отрар. Сара Насибулина. 45 лет на раскопках Отрара

Цв. рис. 119. Городище Жанкент. Облицовочные плитки. XIV-XV вв.

Цв. рис. 120. Городище Отрартобе. Северная часть мечети

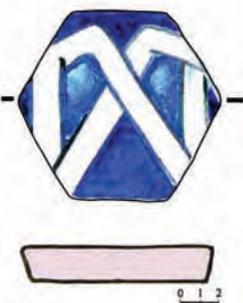

Цв. рис. 121. Туркестан. Мавзолеи Ходжи Ахмеда Ясави и Рабиги Султан Бегим. Конец XIV - XV в.

Цв. рис. 122. Мавзолей Кердери 2. XIV в. Общий вид раскопа

Цв. рис. 123. Кердери II. Мавзолей. Облицовочная плитка. Реконструкция рисунка

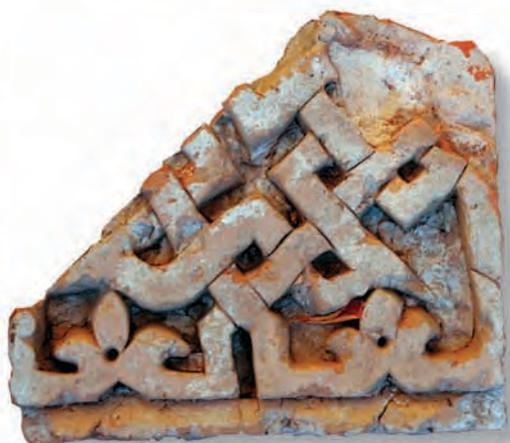
Цв. рис. 124. Мавзолей Кердери I. Раскоп

Цв. рис. 125. Мавзолей Кердери I. Облицовочные плитки. Фрагменты

Цв. рис. 126. Городище Антоновка. План и реконструкция раскопанных мавзолеев. Ректифицированная ортофотография

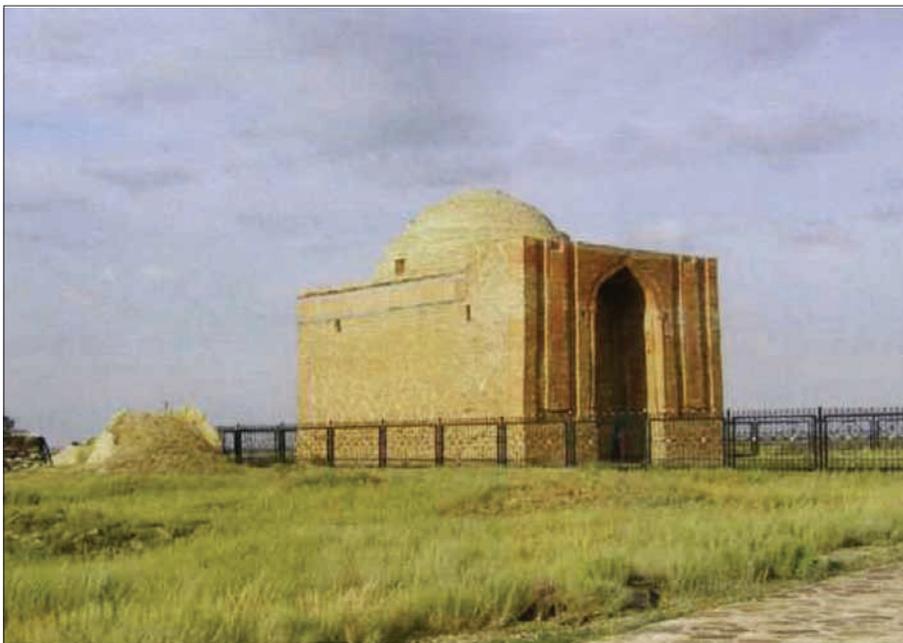
Цв. рис. 127. Городище Антоновка.
Мавзолей. Облицовочные плиты

*Цв. рис. 128. Городище Антоновка.
Мавзолей.
Облицовочные плиты*

Цв. рис. 129. Городище Антоновка.
Мавзолей.
Облицовочные плиты

*Цв. рис. 130. Центральный Казахстан. Мавзолей Алаша-хана.
После реставрации. XV-XVI вв.*

Цв. рис. 131. Мавзолей Аулиеколь. XIV в. Раскопки

Цв. рис. 132. Мавзолей Джучи-хана. XVI в. Центральный Казахстан

*Цв. рис. 133. Западный Казахстан. Мавзолей Абай-Байтак.
Вид с востока (после реставрации). Конец XIV – XV в.*

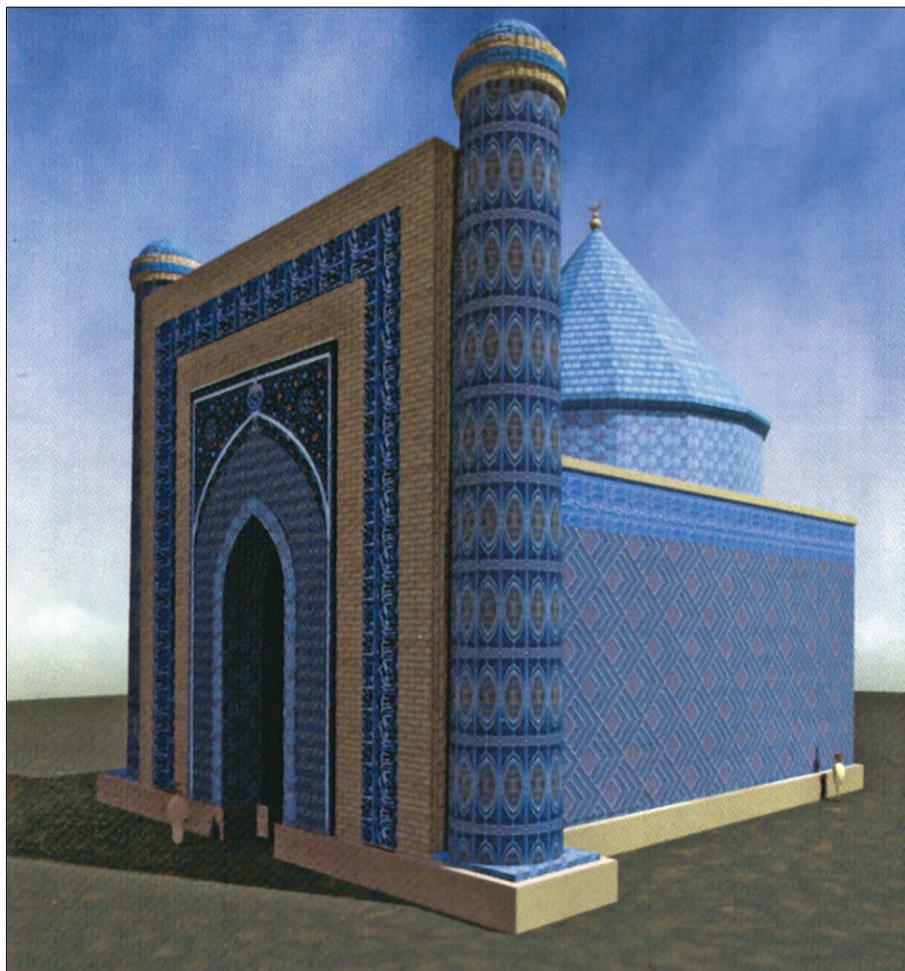
Цв. рис. 134. Некрополь Жайык. Малый мавзолей. Середина XIV в.

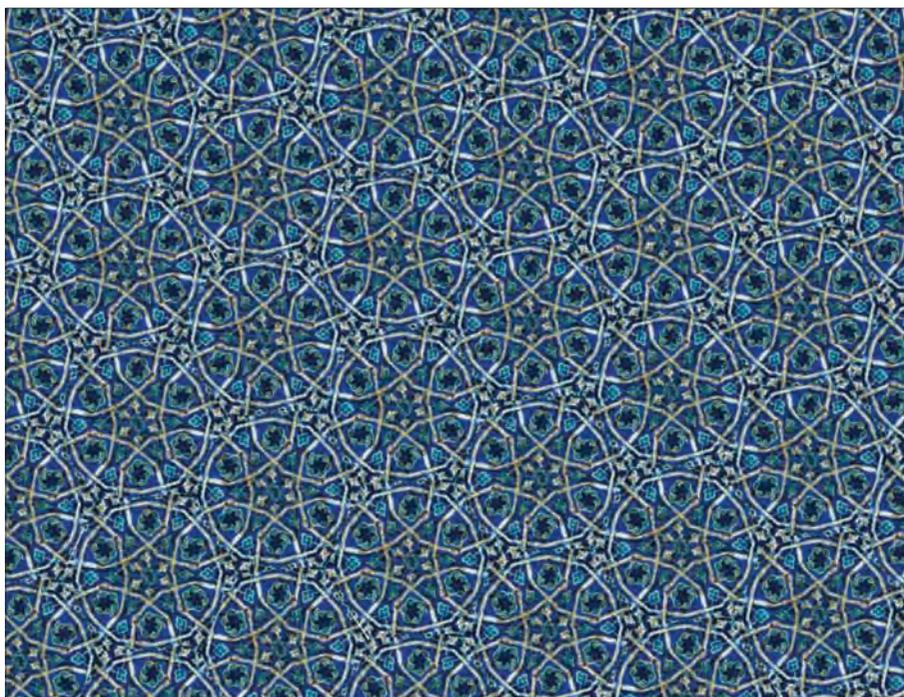
*Цв. рис. 135. Городище Жайык. Малый мавзолей. Середина XIV в.
Облицовочные плитки*

Цв. рис. 136. Городище Жайык. Малый мавзолей. Середина XIV в.
Облицовочная плитка

Цв. рис. 137. Некрополь на городище Жайык. Малый мавзолей. Реконструкция

*Цв. рис. 138. Городище Жайык. Большой мавзолей. XIV в.
Облицовочная плитка. Реконструкция рисунка*

Цв. рис. 139. Городище Антоновка - город Каялык. Буддийский храм. XIII в. Общий вид после раскопок

Цв. рис. 140. Городище Антоновка - город Каялык. Буддийский храм. XIII в. Общий вид после раскопок

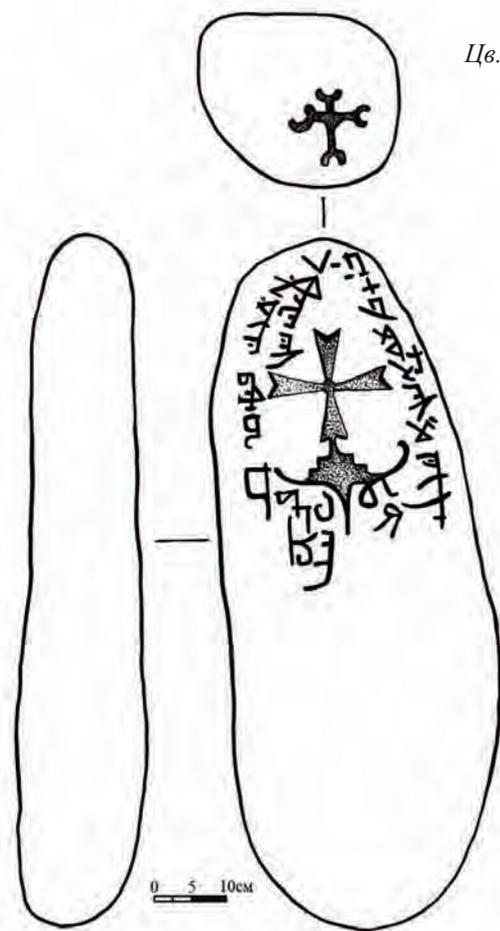
Цв. рис. 141. Городище Антоновка. Керамическая люстра

Цв. рис. 142. Городище Антоновка. Манихейский храм

Цв. рис. 143. Городище Антоновка. Манихейский храм

Цв. рис. 144. Городище Учарал – город Иланбалык. Кайрак.

Цв. рис. 145. Жетысу. Кайраки с христианскими символами и сирийскими надписями

Цв. рис. 146. Жетысу. Кайраки с христианскими символами и сирийскими надписями

Цв. рис. 147. Сумбе. Кайрак с тибетской надписью

Цв. рис. 148. Городище Антоновка. Водолей со сливом в виде головы быка